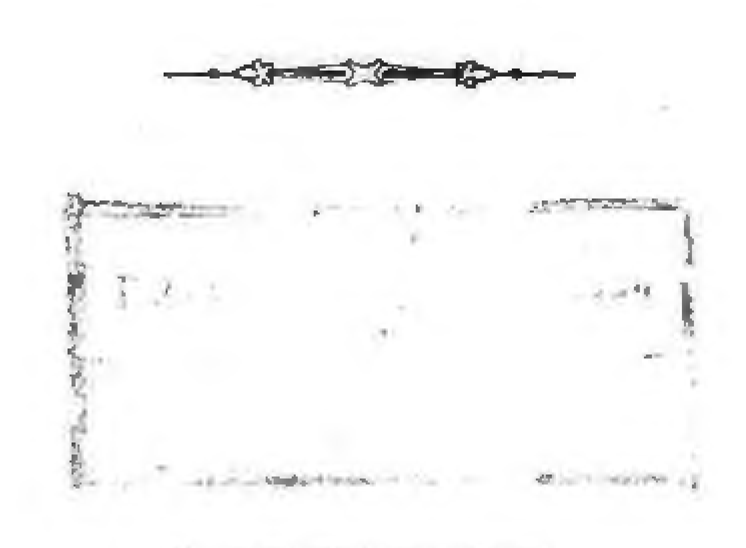
М. БОРОДКИНЪ.

ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

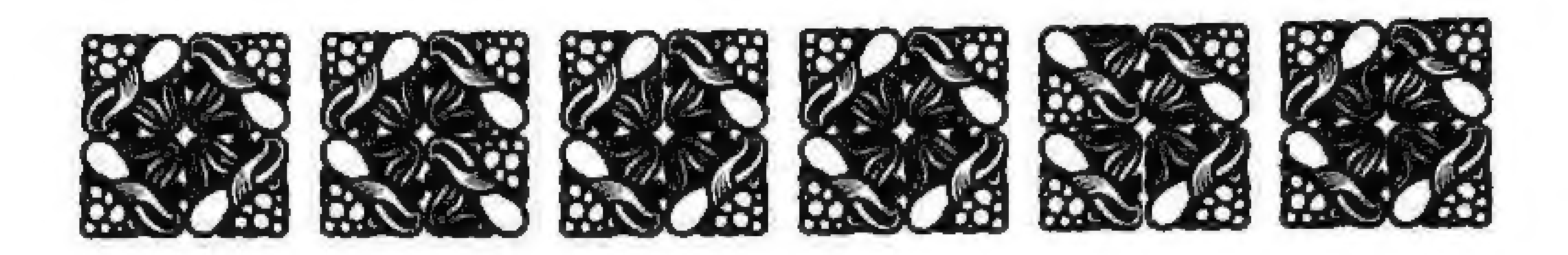
Съ портретами, иллюстраціями и картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Въ іюнѣ сего года исполнится двухсотлѣтіе завоеванія Петромъ Великимъ стараго передоваго оплота Швеціи—крѣпости Выборга. Недавно мы праздновали Полтаву, теперь предстоитъ вспомнить Выборгъ. Съ паденіемъ Выборга открытъ былъ входъ въ Финляндію. Выборгъ—живой памятникъ военной славы Петра. Вновь имя Петра будетъ во всѣхъ устахъ.

„Опять пріемлешь ты сторицей
Хвалу признательныхъ временъ“...

Нашъ посильный трудъ—малая дань преклоненія предъ памятью могучаго Монарха, являющагося украшеніемъ нашей исторіи, гордостью русскаго народа.

„Исторія человѣчества становится вѣкъ отъ вѣка интереснѣе“,—писалъ Н. М. Карамзинъ въ 1796 г. кн. Андр. Ив. Вяземскому. Допустимъ. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что восемнадцатый вѣкъ—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ въ исторіи Россіи. Его наполнили собой Петръ Великій, Елизавета Петровна и Екатерина II. Какія привлекательныя для читателя личности, какая заманчивая для историка эпоха! Одинъ Петръ — цѣлая всемірная исторія. Въ предлагаемой книгѣ воспроизводится лишь малый и отдаленный уголокъ той общей колоссальной картины, какую въ цѣломъ представляетъ собою эпоха Петра В. Въ исторіи Великой Сѣверной войны завоеваніе Финляндіи является также второстепеннымъ эпизодомъ. Все наиболѣе интересное и захватывающее въ кипучей жизни Россіи: грандіозная борьба Петра съ Карломъ, Нарва и Полтава, обширныя и глубокія реформы и пр. и пр. лежитъ внѣ узкихъ рамокъ нашего изслѣдованія. То немногое, что изъ всѣхъ этихъ обширныхъ событій введено въ предлагаемую книгу, служитъ только общимъ фономъ,

играетъ такъ-сказать служебную роль, т. е. является необходимымъ лишь для связности и цѣльности разсказа. Исключительно въ указанныхъ видахъ сдѣланы характеристики Петра В. и его соперника Карла XII, данъ очеркъ состоянія Швеціи, описаны русскія и шведскія войска и т. п. Естественно, что при указанныхъ условіяхъ намъ пришлось едва нѣсколькими поверхностными чертами обрисовать крупный историческій обликъ Петра В., воинственную фигуру Карла, красоту и жизнь Елизаветы Петровны. Лишь въ краткихъ и бѣглыхъ строкахъ мы могли коснуться реформъ Петра, всколыхнувшихъ до дна обширное Русское царство. По той же причинѣ въ нашей книгѣ очень смутно отражены эпоха Петра В., царствованіе Карла XII, ноябрьскій переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету Петровну, и читателю въ силу необходимости приходится по этимъ блѣднымъ очертаніямъ составить себѣ представленіе о главныхъ пружинахъ, приводившихъ все въ движеніе на сѣверѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ Финляндію Петръ заглядывалъ „на краткій часъ", мелькая подъ Выборгомъ и въ Гельсингфорсѣ, у Гангута и на Аландѣ. На Финляндію падалъ лишь далекій отблескъ этой могучей личности и его обширной славы. Тѣмъ не менѣе геній Петра блещетъ замѣтной силой и красотой въ каждомъ эпизодѣ этой войны, его желѣзная настойчивость изумляетъ насъ повсюду. Этотъ богатырь, управлявшій судьбою обширнаго царства, является главнымъ организаторомъ всѣхъ почти походовъ въ Финляндію. Его личныя качества играли первенствующую роль въ исходѣ кампаніи. Когда онъ принималъ участіе въ походѣ—успѣхъ его можно было считать обезпеченнымъ. Безъ энергіи Петра подъ Выборгомъ въ 1710 году неизбѣжно послѣдовала-бы новая катастрофа, серьезнѣе неудачи 1706 года. Финляндія завоевана благодаря своевременному созданію шхернаго флота, а онъ всецѣло—дѣло рукъ Петра. Гр. Апраксинъ, кн. М. Голицынъ, Брюсъ, Крюйсъ, Боцисъ и др. явились прежде всего исполнителями обширныхъ предначертаній Царя.

Каждый слѣдъ Великаго Императора „для сердца русскаго есть памятникъ священный". „Счастливъ тотъ", — сказалъ военный историкъ Богдановичъ,—„кто говоритъ о Великомъ Петрѣ передъ русскими.—Его слова навѣрное найдутъ отголосокъ въ ушахъ слушателей". Все это ободряетъ насъ, при

представленіи на судъ общества продолженія нашего труда по исторіи Финляндіи. Мы счастливы, кромѣ того, „счастіемъ исполненнаго труда" (Карлейль). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, насъ оживляетъ надежда, что возрастающій интересъ къ изученію Финляндіи побудитъ нѣкоторыхъ ознакомиться съ нашей книгой. Много русской крови пролито въ борьбѣ за обладаніе Финляндіей, почему исторія ея—своего рода духовное завѣщаніе нашихъ предковъ, внушительный памятникъ нашего родного прошлаго. Петръ началъ послѣдовательную и настойчивую борьбу за пріобрѣтеніе Финляндіи. Описаніе этой борьбы, которой посвящено настоящее разслѣдованіе, въ извѣстномъ отношеніи—историческое обоснованіе ввода Россіи во владѣніе Финляндіей. Наконецъ, друзья родины и поклонники исторической правды найдутъ въ нашемъ трудѣ опроверженіе тѣхъ финляндскихъ клеветъ, которыя болѣе столѣтія тяготѣютъ надъ русскими властями и скромнымъ героемъ—нашимъ солдатомъ. Наше разслѣдованіе документально устанавливаетъ, что тѣхъ и другихъ совершенно неосновательно клеймили притѣснителями и варварами. Во главѣ окупаціонной арміи стояли такія свѣтлыя личности, требовательные и справедливые начальники, какъ гр. Ѳ. М. Апраксинъ и кн. М. М. Голицынъ, а войска наши были сдерживаемы строгой дисциплиной и отнюдь не уподоблялись грабителямъ и притѣснителямъ.

Обосновать всѣ главнѣйшія части нашего труда архивными первоисточниками мы не имѣли возможности. Да это и не входило въ нашу задачу. Мы задались составленіемъ исторіи Финляндіи отъ Петра В. до нашихъ дней. И такъ какъ въ Россіи нѣтъ ни одной подробной и научно-составленной исторіи сего края, то естественно, что намъ прежде всего пришлось заняться сводкой всего наличнаго матеріала, накопившагося въ Россіи, Финляндіи и Швеціи по указанному періоду. Изъ имѣющагося въ обращеніи матеріала надлежало для начала отобрать все лучшее и провѣренное строгой критикой, и изъ него составить связный разсказъ о событіяхъ и лицахъ XVIII и XIX ст. Не сведя имѣвшагося уже матеріала въ научную систему и стройную картину, трудно плодотворно и самостоятельно подробно разрабатывать отдѣльные періоды финляндской исторіи. Только по исполненіи подобнаго чернаго и кропотливаго труда, только послѣ подведенія указанныхъ ито-

говъ, создастся возможность продолжить и углубить изслѣдованіе по архивнымъ даннымъ.

Тѣмъ не менѣе по наиболѣе спорному вопросу—о состояніи Финляндіи въ періодъ великой и малой „разрухи" и объ отношеніяхъ русскихъ къ покоренному населенію,—желая добиться правды, мы направились въ архивы и по первоисточникамъ старались возстановить истину въ затемненномъ дѣлѣ.. Сложные и существенные вопросы великой и малой разрухи, конечно, далеко еще не разслѣдованы нами до конца, но то, что мы сказали о нихъ, основано преимущественно на рукописныхъ первоисточникахъ. Помимо сего, обильныя архивныя данныя разбросаны въ разныхъ частяхъ книги. Война 1741—1743 г.г., какъ сухопутная, такъ и морская, почти сплошь основана на рукописномъ матеріалѣ. За возможность сдѣлать послѣднее мы особенно признательны молодому Императорскому Русскому Военно-Историческому Обществу; оно любезно предоставило въ наше распоряженіе значительный матеріалъ, приготовленный имъ для печати по названной русско-шведской кампаніи времени Елизаветы Петровны.

Исторія Финляндіи давно написана мѣстными ея изслѣдователями, но ихъ трудами приходится пользоваться съ большой осмотрительностью въ виду того, что у нихъ въ крови течетъ давнишнее, исторически сложившееся, нерасположеніе къ Россіи.

Наиболѣе безпристрастнымъ изъ финляндскихъ историковъ былъ Ирье-Коскиненъ. Его трудъ „Исторія Финляндіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней" появился въ 1874 г. Шведоманамъ она не понравилась, вслѣдствіе того, что Ирье-Коскиненъ критически отнесся ко времени шведскаго владычества въ Финляндіи. Швеція нерѣдко въ минуты опасности бросала Финляндію на произволъ судьбы. Финскому языку она не давала мѣста рядомъ съ своимъ ни въ школѣ, ни въ судѣ, ни въ администраціи. Развитія финской національности она не поощряла. Все это отмѣчено Ирье-Коскиненомъ. Иногда его взоры съ надеждой на лучшее будущее Финляндіи устремлялись къ Россіи. Подобной правды ему не могли простить.

Чтобы воспрепятствовать вліянію книги Коскинена, нужно было составить другую финляндскую исторію, изъ которой насе-

леніе края могло бы узнать, сколь благодѣтельно было для него владычество Швеціи, какъ тягостенъ оказался вѣковой разрывъ съ нею и сколько страданій причинила судьба финскому народу, поселивъ его рядомъ съ Россіей, а затѣмъ даже сливъ его политическую жизнь съ будущей участью этой „восточной сосѣдки“. За выполненіе этой задачи взялся М. Г. Шюбергсонъ. Сенатъ и шведское литературное общество удостоили его рвеніе особыми преміями.

Нѣсколько примѣровъ изъ книги Шюбергсона наглядно покажутъ духъ и направленіе работы этого историка.

Извѣстно, что царь Петръ, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Головинымъ и сержантомъ Меншиковымъ, 18-го ноября 1700 г., т. е. наканунѣ сраженія подъ Нарвой, покинули армію и поѣхали въ Россію. Этотъ фактъ замѣченъ всѣми историками и каждый изъ нихъ на свой ладъ комментируетъ его. Аллартъ указываетъ, что причиной отъѣзда было свиданіе съ польскимъ королемъ и необходимость принять турецкаго посла въ Москвѣ. Устряловъ, профессоръ Лееръ и Плейеръ видятъ причину отъѣзда въ „настояніи“ главнѣйшихъ начальниковъ. Бергманъ, негодуя на упреки Петру въ отсутствіи мужества, приписываетъ ему увѣренность, что непріятель со слабѣйшими силами не дерзнетъ напасть на укрѣпленный станъ. Брикнеръ допускаетъ причины военно-административнаго характера. С. М. Соловьевъ говоритъ, что оставаться Петру было опасно и безполезно. Итальянецъ Катифоро заявляетъ: Петръ повѣрилъ слуху о томъ, что къ Архангельску направилось 50-ти тысячное шведское войско. По мнѣнію Вольтера, Петръ былъ увѣренъ, что городъ будетъ взятъ безъ него. (А. В. Петровъ. Городъ Нарва; стр. 215—218). Костомаровъ писалъ: „Петръ уѣхалъ, надѣясь, что дѣла пойдутъ лучше, когда де-Круа не будетъ стѣсненъ его присутствіемъ“. Того же мнѣнія держится В. О. Ключевскій (Курсъ Русской исторіи, ч. IV, стр. 69. М. 1910). Вотъ въ какомъ духѣ разсуждаютъ историки. Финляндецъ Шюбергсонъ взглянулъ на дѣло иначе и, не колеблясь, отмѣтилъ: „Петръ, охваченный страхомъ передъ военной молвой шведовъ, вернулся въ Плесковъ“...

„Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можемъ объяснить его отъѣзда малодушіемъ; вѣрнѣе думать, что Петръ считалъ дѣло подъ Нарвой проиграннымъ и уѣхалъ

готовить государство къ оборонѣ отъ шведскаго нашествія". Такъ говоритъ современный русскій историкъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ. Иначе и отнестись нельзя къ Петру, который всею кипучею жизнью доказалъ свое мужество и личную отвагу. Только историкъ инородецъ, которому надо представить національную русскую гордость въ приниженномъ видѣ, дерзаетъ сказать, что Петръ трусъ!

Въ „Журналѣ или Поденной запискѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго" (Спб., изд., 1770 г.) сказано, что онъ 18-го ноября 1700 г. „пошелъ отъ арміи въ Новгородъ для того, чтобъ идущіе достальные полки побудить ко скорѣйшему приходу подъ Нарву: а особливо, чтобъ имѣть свиданіе съ королемъ польскимъ" (стр. 16—18). 28 сентября 1700 г., какъ значится въ письмѣ Петра, онъ сообщилъ Августу II, что лично находится при войскѣ и готовъ пріѣхать къ Королю, просившему объ этомъ свиданіи. (Письма Петра В. т. I, 393—394). Слѣдовательно, причина отъѣзда изъ подъ Нарвы придумана Петромъ не заднимъ числомъ; напротивъ, о встрѣчѣ Августъ II просилъ раньше и свиданіе это было обѣщано Петромъ уже въ сентябрѣ, т. е. ранѣе приближенія Карла XII къ Нарвѣ. Другая причина отъѣзда царя—необходимость поторопить войска, медленно тянувшіяся по дурнымъ осеннимъ дорогамъ.

Всѣ эти факты и соображенія обойдены Шюбергсономъ и онъ рѣшительно клеймитъ Петра Великаго трусомъ... И съ этой характеристикой великій русскій Преобразователь и славный полководецъ предсталъ предъ финляндскими поколѣніями и переходитъ теперь изъ рода въ родъ, какъ малодушный человѣкъ, поставившій свою жизнь выше пользы и требованія родины.

Если-бы М. Шюбергсонъ являлся безпристрастнымъ историкомъ, онъ замѣтилъ бы личное участіе Петра въ другихъ сраженіяхъ, онъ могъ-бы увидѣть прострѣленную его шляпу подъ Полтавой, но въ описаніи шведомана вы Петра въ огнѣ „преславной баталіи" вовсе не найдете.

Въ 1710 г. Петръ беретъ Выборгъ. Шведскому гарнизону, по условіямъ капитуляціи, онъ обѣщалъ свободный выходъ, но несмотря на это, гарнизонъ былъ отведенъ въ плѣнъ. Такое обстоятельство даетъ поводъ Шюбергсону подчеркнуть

вѣроломство царя. Финляндецъ тщательно, по свидѣтельству современника, подобралъ строгія требованія государя, но умолчалъ о всѣхъ причинахъ, побудившихъ завоевателя прибѣгнуть къ этой „репресали“. Между тѣмъ, причины названы самимъ Петромъ, но Шюбергсонъ ихъ по обыкновенію не замѣчаетъ. Шведы допустили „многія неправды“, отнявъ у Царя неправильно шняву, арестовавъ резидента князя Хилкова, захвативъ обманомъ въ плѣнъ генераловъ и проч.

У Петра, по словамъ Шюбергсона, не было никакой жалости къ Финляндіи, въ которой онъ воевалъ; русскія войска варварски разоряли страну и чинили въ ней всякія беззаконія и жестокости. Въ предлагаемой книгѣ документально доказано, что время пребыванія русскихъ въ Финляндіи съ 1713 г. по 1721 г. не представляетъ ничего ужаснаго, по сравненію съ поведеніемъ, напр., Карла XII и его войскъ въ Польшѣ. Эту послѣднюю сторону Шюбергсонъ, конечно, старательно скрылъ отъ своихъ читателей.

23 августа 1741 г. произошло сраженіе при Вильманстрандѣ. Бой длился два часа. Къ вечеру,—пишетъ Шюбергсонъ,—Вильманстрандъ „былъ атакованъ, ограбленъ и сожженъ“. На этомъ онъ поспѣшно опускаетъ занавѣсъ. Впечатлѣніе получается, конечно, не въ пользу грабителей-русскихъ. А между тѣмъ поведеніе русскихъ имѣетъ очень серьезное оправданіе. Комендантъ поднялъ бѣлый флагъ, т. е. объявилъ о сдачѣ. Несмотря на это, стрѣльба съ валовъ продолжалась, причемъ были убиты нашъ генералъ и полковникъ, довѣрчиво подходившіе къ крѣпости. Русскіе только тогда освирѣпѣли и учинили расправу, когда увидѣли обманъ и гибель своихъ офицеровъ. Присоедини Шюбергсонъ эти двѣ строки къ своему описанію, и дѣйствія русскихъ представились бы въ другомъ освѣщеніи. Историки Швеціи правдивѣе и они, какъ напр. Мальмстремъ, доводятъ разсказъ до конца.

Извѣстно затѣмъ, что Густавъ III искусственно вызвалъ войну 1788 г. и началъ ее маскарадной стычкой у Пумала, разыгранной между группой его войскъ и его-же солдатами, переряженными въ русскую форму. Шведская историческая литература подтверждаетъ это, но Шюбергсону нужно обвинить русскихъ и онъ не стѣсняясь клевещетъ на нихъ.

Подобныхъ примѣровъ въ книгѣ не мало.

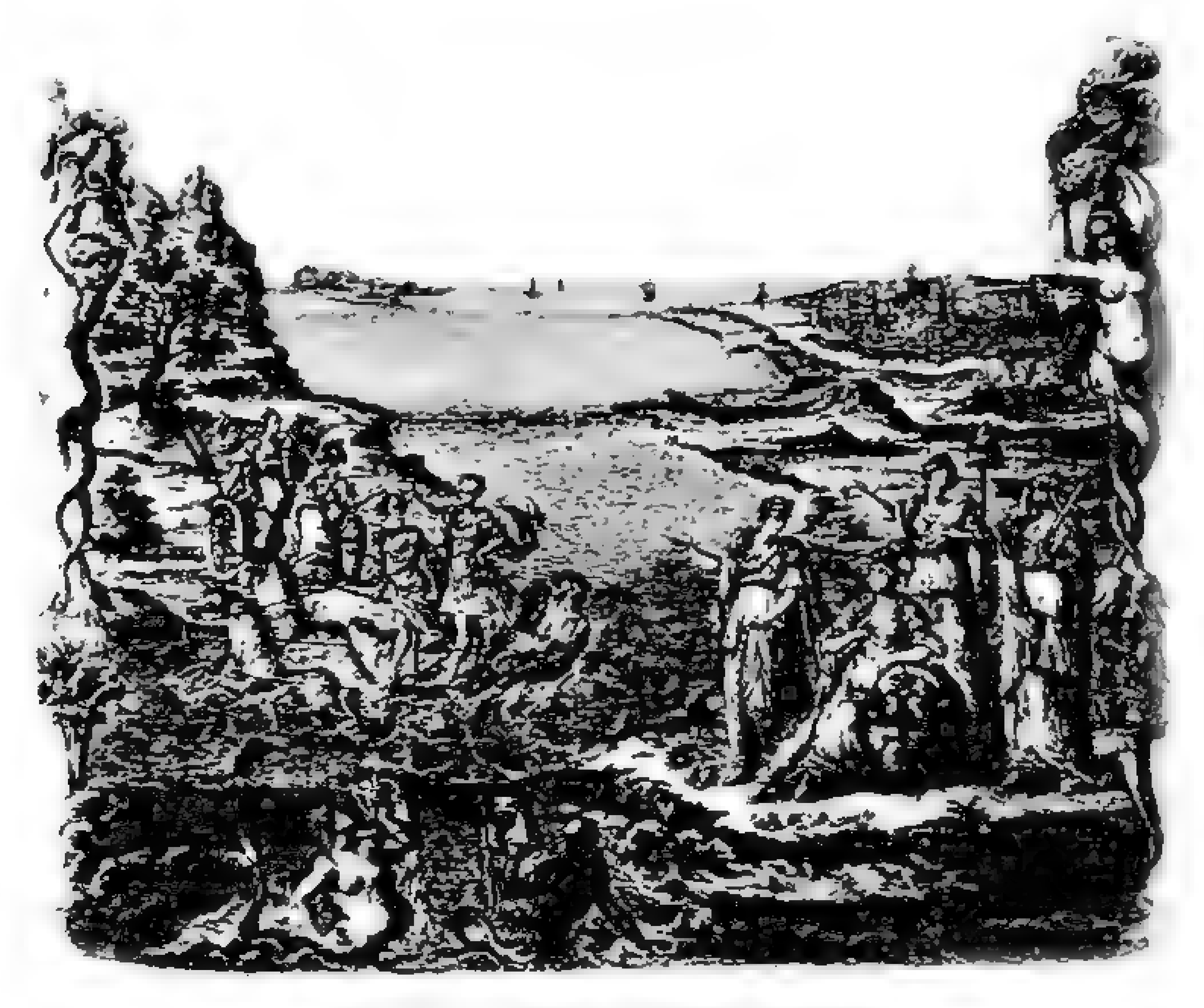
Въ виду указанныхъ пріемовъ финляндскихъ историковъ, русскому читателю рискованно принимать на вѣру ихъ описанія.

Выдѣленное изъ этой книги описаніе „Времени Елизаветы Петровны" появится въ самомъ непродолжительномъ времени.

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Аллегорическое изображеніе начала Сѣверной войны.

I.

Вѣчный работникъ на тронѣ.

Причины Великой Сѣверной войны.

«Небо создало этого великаго человѣка—Петра I—для того, чтобы посредствомъ его дѣятельности и высокаго генія водворить порядокъ, ввести промышленность и науки въ государствѣ, почти неизвѣстномъ сосѣдямъ»,—читаемъ въ запискахъ гр. Миниха. Петръ—одинъ изъ величайшихъ реформаторовъ всемірной исторіи. Петръ—великій русскій національный геній.—Онъ весь отдался служенію отечеству. Общее благо родины рѣшительно преобладало надъ всѣми остальными интересами въ его жизни и царствованіи. Благодаря этому, ему удалось,—какъ выразился Татищевъ,—«добрый порядокъ въ правленіи и воинствѣ учредить и тѣмъ себѣ и отечеству пользу и славу пріобрѣсть».

Его мать—Наталья Кирилловна Нарышкина—росла въ семьѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, который былъ женатъ на иностранкѣ Гамильтонъ, и потому изъ дома его были уже устранены нѣкоторые стѣснительные обычаи русской старины. Иностранны-

*

ми предметами и цѣлымъ арсеналомъ оружія окружили младенца Петра, родившагося въ Москвѣ 30 мая 1672 г. Докторомъ Петра былъ нѣмецъ. Такимъ образомъ онъ рано соприкоснулся съ чужой культурой, которая должна была пробудить въ немъ симпатію къ Западу и облегчить сближеніе съ иноземцами. Отца—Государя Алексѣя Михайловича — онъ лишился рано и вліяніе матери возобладало безраздѣльно. Въ русскомъ ученіи Петръ находился недолго. «Мужъ кроткій», подъячій Никита Зотовъ, приступившій къ обученію земнымъ поклономъ передъ ученикомъ, преподалъ «словесное ученіе», обойдя недоступныя ему самому «еллинскія и латинскія борзости». Зотовъ успѣлъ заохотить бойко учившагося царевича нехитрыми книжками съ «кунштами»—картинками,— но любви къ отечественной исторіи въ немъ не поселилъ.

Десяти лѣтъ Петръ вырвался на волю луговъ дворцовыхъ селъ изъ тѣсныхъ кремлевскихъ покоевъ, гдѣ по темнымъ коридорамъ ходили ощупью и говорили шепотомъ. Никѣмъ сперва на волѣ не руководимый, онъ страстно отдался спорту и играмъ, для которыхъ набирали деревенскихъ мальчиковъ, а изъ оружейной палаты доставлялось оружіе и потѣшныя вещи. Вскорѣ вокругъ Петра выросли «потѣшные» и стало развиваться военное дѣло, прославившее его царствованіе.

Около Преображенскаго задолго до Петра образовалась нѣмецкая слобода, населенная преимущественно англичанами и шотландцами, среди которыхъ были военные и мастера самыхъ разнообразныхъ спеціальностей; они имѣли книги, театръ, корреспондировали съ Европой и много толковали о политикѣ. Петръ повадился посѣщать слободу, весь укладъ жизни которой рѣзко отличался отъ обихода москвичей. Слобода понравилась ему. Здѣсь любознательный юноша получалъ отвѣты на занимавшіе его вопросы; Францъ Тиммерманъ сталъ обучать его ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи, Бутенантъ—экзерциціямъ на шпагахъ, Лефортъ сдѣлался его другомъ, Гордонъ и другіе—его сотрудниками. Слобода приблизила Петра къ наукамъ и къ Западу. Въ условіяхъ слободскаго быта надо искать также зачатковъ личной разгульной жизни Петра, его будущихъ ассамблей, первыхъ ростковъ его пренебреженія къ общественному мнѣнію и ко многому родному. Подъ руководствомъ «дебошана французскаго» Лефорта организовались въ слободѣ балы и попойки.

Въ періодъ вольнаго житья внѣ кремлевскихъ стѣнъ, Петру представился случай ознакомиться съ моделями кораблей, сохра-

нившимися въ Оружейной Палатѣ, и старымъ англійскимъ ботомъ—дѣдушкой русскаго флота, отысканнымъ въ амбарѣ Никиты Ивановича Романова.

Молодость Петра прошла среди безправія и смуты. Ему не у кого было усвоить государственной мудрости и политическихъ традицій. Свой умъ ему пришлось брать изъ нѣдръ собственнаго духа. Съ одной стороны судьба даровала ему тронъ, сохранила ему полноту власти, но съ другой—окружила его длинной цѣпью неблагопріятныхъ обстоятельствъ и тяжелыхъ требованій и условій.

Двадцатичетырехъ лѣтъ Петръ, со свитой въ 200 чел., предпринялъ первое путешествіе въ Европу, которое имѣло нѣсколько большихъ послѣдствій.—Прежде всего великое посольство (1697—1698 г.), въ составъ котораго царь вошелъ подъ именемъ десятника Петра Михайлова, измѣнило характеръ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Западомъ.—Прежніе представители Руси ревностно добивались уваженія къ имени и достоинству московскаго царя. Преобразователь Руси думаетъ о благѣ подданныхъ. «Цари стремились къ личнымъ эгоистическимъ цѣлямъ, будущій императоръ руководствуется побужденіями высшаго государственнаго порядка. «Въ прошломъ преданія влачатъ свое существованіе въ мертвящей косности и отзываются неподвижностью Востока, въ будущемъ грезятся мечты о бьющей ключемъ жизни и о сліяніи судьбы государства съ судьбою всего міра» (Веневитиновъ). Вскорѣ по возвращеніи Петра изъ за-границы, пословъ замѣняютъ резиденты и министры, а самый посольскій приказъ превращается въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Отъ старыхъ пріемовъ московской дипломатіи пришлось отказаться, такъ какъ они не удовлетворяли новыхъ сложныхъ потребностей международной политики. Но справедливость требуетъ добавить, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старый посольскій приказъ строже охранялъ русскіе интересы съ большей настойчивостью и упорствомъ преслѣдовалъ свои цѣли, крѣпче держался основъ народности, чѣмъ новая дипломатія, зародившаяся въ коллегіи Петра. Новые дипломаты уклонились отъ древней дисциплины и нерѣдко, забывая выгоды Россіи, служили интересамъ Европы, пренебрегая честью и достоинствомъ русскаго имени, преслѣдовали эгоистическія цѣли, дорожа болѣе благосклонностью иностранцевъ, чѣмъ соотечественниковъ. Наконецъ у насъ дошли до того, что нити русской политики стали сосредоточивать въ чужихъ рукахъ разныхъ случайныхъ заѣзжихъ иностранцевъ. Конечно, Петръ этого не же-

далъ, но весь космополитическій, продолжающійся до нашихъ дней, періодъ русской дипломатіи есть плодъ непонятыхъ стремленій нашего Преобразователя. Его собственная политика «была величественна, какъ онъ самъ и какъ Россія; она была политикою вполнѣ русскою, преслѣдуя исключительно русскія цѣли. Царь, подписывавшій свое имя по-голландски, не зналъ и знать не хотѣлъ въ дипломатической перепискѣ иного языка, кромѣ русскаго» [1]).

Во время путешествія въ Ригѣ произошло столкновеніе между главой посольства Францемъ Лефортомъ и комендантомъ города Эрикомъ Дальбергомъ. Въ Ригѣ члены великаго посольства «рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ». Посольству не было устроено должной встрѣчи, ему не отвели приличнаго помѣщенія и задержали его провіантъ. Дальбергъ не отдалъ ему отвѣтнаго визита. По городу русскіе ходили, сопровождаемые карауломъ и даже за царемъ слѣдовали съ мушкетами два солдата, которые, не желая допустить его до найма голландскаго корабля, взяли ружья на прицѣлъ [2]). Но видимо члены посольства сами вызвали тѣ мѣры наблюденія, которыя губернаторъ Дальбергъ установилъ за ними, такъ какъ они влѣзали на высокія мѣста, спускались во рвы, срисовывали укрѣпленія и т. д. Дальбергъ не могъ отнестись безразлично къ нимъ, такъ какъ зналъ и помнилъ, что русскіе старались утвердиться на Балтійскомъ побережьѣ, а отецъ Петра осаждалъ Ригу.—Вѣроятно, допущены были обоюдныя ошибки. Какъ бы то ни было, но пріемъ посольства въ Ригѣ Петръ три года спустя выставилъ какъ casus belli противъ Швеціи. Вотъ второе большое послѣдствіе путешествія.

Въ Либавѣ и затѣмъ въ Пиллау Петръ впервые увидѣлъ Балтійское море. Въ Митавѣ Петръ держалъ рѣчь, въ которой осмѣивалъ уже обычаи, нравы и варварскіе законы своей страны [3]).

На Западѣ Петръ видѣлъ пестрый міръ культуры и онъ погрузился въ европейскую жизнь. На Западѣ—въ мастерской цивилизаціи—Петръ интересовался преимущественно технической стороною видѣннаго: кораблестроеніемъ, арсеналами, фабриками, обсерваторіями, анатомическими кабинетами, кунсткамерами, музеями, крѣпостными сооруженіями, разными мастерскими, складами, мостами, морскими маневрами, адмиралтействами, доками, монетными дворами. Осмотры ихъ чередовались бесѣдами съ учеными и практическими людьми. Царь—большой любитель спекулятивныхъ, математическихъ и механическихъ знаній и не уступалъ въ нихъ никакому знатоку [4]). Музыки, игръ и охоты не

любилъ. Церковь и парламентъ, великолѣпныя картины дворцовъ и т. п. особаго его вниманія не привлекли. Въ религіозныхъ вопросахъ онъ то симпатизировалъ протестантизму, то іезуитамъ. Евреевъ не любилъ, но денежныя дѣла велъ чрезъ еврея Мейера. Много разнообразныхъ свѣдѣній было имъ пріобрѣтено; многому научилась также его разнообразная свита.

Во время путешествія у Петра явилось ясное сознаніе технического превосходства западной культуры. Онъ понялъ, что для развитія его громаднаго государства необходимо поднятіе торговли и прежде всего торговли морской, которая требовала расширенія морскихъ границъ. Въ исполненіи этой идеи онъ вложилъ всѣ свои силы, стараясь привлечь къ нему своихъ подданныхъ. Таковы главныя послѣдствія его путешествія.

Иностранцы увидѣли Петра и отмѣтили наиболѣе рѣзкія его особенности. Онъ изумилъ ихъ своими способностями, сердечностью, веселостью, неизсякаемымъ интересомъ ко всему новому. «Высочайшій геній привился удивительнымъ образомъ къ самому дикому корню»—записалъ наблюдательный историкъ квакерства Кеннингемъ. Но отъ ихъ же вниманья не ускользнула грубость, вспыльчивость и раздражительность этого «яростнаго» человѣка, его неопрятная манера ѣсть, склонность къ вину, его непроизвольныя движенія, о которыхъ русскій народъ впослѣдствіи говорилъ: «головой запрометываетъ и ногой запинается». На верфяхъ Голландіи и Англіи онъ не переставалъ быть самимъ собою—русскимъ и царемъ, но прежде всего замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Петръ ничего не дѣлалъ напоказъ, онъ былъ искреннимъ до мозга костей и это являлось основною чертою его характера.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

По внѣшности Петръ былъ красивый, бойкій, подвижный, нервный, высокій (2 арш. 14 верш.), смуглый брюнетъ. Голова тряслась; по лицу пробѣгали судорожныя подергиванія; правая рука дѣлала конвульсивныя движенія. Ходилъ широкой походкой, часто безъ шапки, размашисто жестикулировалъ. Одѣвался просто: его можно было видѣть въ стоптанныхъ башма-

кахъ и заштопанныхъ чулкахъ. Не знавшимъ его въ голову не приходило, чтобы подъ такой простой одеждой скрывался великій монархъ.—Его дворцы малы и просты. Ѣлъ деревянными ложками; довольствовался жареной говядиной съ огурцами. Уживался нерѣдко въ солдатской палаткѣ и питался солдатской порціей. Ѣздилъ на плохой парѣ, а въ парадныхъ случаяхъ занималъ кабріолетъ извѣстнаго щеголя Ягужинскаго. «Расходы его двора, при которомъ не видно было ни камергеровъ, ни камеръ-юнкеровъ, ни пажей, ни серебряной посуды, не превышали 60.000 рублей въ годъ» [5]). Дворъ Петра былъ самымъ демократическимъ въ Европѣ. Вставалъ въ 3—4 час. утра. Въ 11 час. на-скоро обѣдалъ.

Говорилъ Петръ быстро и хорошо, безъ труда подыскивая нужныя слова и выраженія. «Изъ иностранныхъ языковъ онъ хорошо зналъ нѣмецкій и голландскій, но охотнѣе и лучше говорилъ на своемъ родномъ русскомъ языкѣ» [6]). Писалъ порывисто. Калиграфія и орфографія у него почетомъ не пользовались.

Въ его внутреннихъ качествахъ было много крайне непривлекательнаго. Часто жестокость «русскаго барина» соединялась съ грубостью «голландскаго матроса». На ужасныя казни стрѣльцовъ Петръ взиралъ «сухимъ окомъ». Но и ему жилось не легко. «Страшныя сцены окружали его колыбель и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши лицъ, называвшихъ себя защитниками православія». О своей тяжелой судьбѣ онъ говорилъ Толстому: «Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры (Софьи) былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ (первой женѣ) несносенъ: она была глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ». Пусть такъ, но тѣмъ не менѣе многіе его поступки не находятъ оправданія. Отецъ, ведущій сына въ застѣнокъ—ужасенъ. Мужъ, грубо заключающій свою жену въ монастырь, не можетъ привлечь нашего расположенія. Рѣзкость, заносчивость и своеволіе часто прорывались безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Широкій и неудержимый разгулъ составлялъ обычное явленіе. Конклавъ,—созданной имъ коллегіи пьянства съ княземъ-папой Кокуйскимъ и всея Яузы во главѣ,—занятъ былъ восхваленіемъ Бахуса и тѣмъ, что отрѣшалъ трезвыхъ отъ кабаковъ. Иронія Петра заходила иногда далеко, его шутка не удерживалась въ должныхъ границахъ. Все дѣлалось по его прихоти: онъ пилъ—и всѣ обязаны были пить; когда онъ глумился надъ религіей, другіе должны были ему вторить. Угроза не сходила съ его устъ. Его теорія была либеральна,

его практика—деспотична и ужасна. Любилъ правду, но искалъ ее инквизиторскими пріемами. Временами не умѣлъ, или не хотѣлъ соразмѣрить вины съ наказаніемъ. Во всемъ скачки къ противоположному: отъ труда къ буйному разгулу, отъ шумнаго веселья къ грозному оклику. Отправляется за-границу инкогнито, но самъ же первый рѣзко нарушаетъ его. Грубость мѣшается съ простотой.

Но та-же тяжелая и ужасная рука, которая высоко подымала чашу на пирахъ и толкнула сына въ застѣнокъ, а супругу въ монастырь, умѣла искусно владѣть на пользу государства перомъ, мечомъ и топоромъ. Изъ дворца Петръ вышелъ въ народъ, работалъ на верфи и въ кузницахъ, «дубинкой» унималъ буйную улицу и подгонялъ лѣнивыхъ. Петръ на боевомъ конѣ, у руля военнаго корабля, въ совѣтѣ, мастерской, на ассамблеѣ—вездѣ онъ въ своей сферѣ, во все умѣетъ перевоплотиться, все понять, сдѣлать, посовѣтовать. Брауншвейгскій резидентъ Веберъ говорилъ, что Царь обладалъ множествомъ знаній. Петръ—это своего рода pergetuum mobile—безустанное движеніе, неиссякаемая энергія. Во все онъ вноситъ стремительность. Онъ вѣчно торопится и торопитъ другихъ: «понеже пропущеніе времени смерти невозвратимой подобно».—Онъ постоянно колесилъ по Россіи, встряхивая всѣ ея углы, всѣ сословія. Вслѣдствіе этихъ нескончаемыхъ переѣздовъ, ему часто приходилось править государствомъ «изъ походной кибитки и съ почтовой станціи», какъ выразился проф. В. О. Ключевскій. Какъ герой Петръ носился по полямъ сраженій, какъ мореплаватель онъ создавалъ флотъ и воспитывалъ моряковъ, какъ плотникъ онъ строилъ новую столицу, какъ академикъ бесѣдовалъ съ Лейбницемъ... «Онъ всеобъемлющей душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Петръ—это вѣчно напряженная мысль. Онъ весь былъ трудъ, трудъ тяжелый, неустанный. «Я не знаю, какъ быть безъ дѣла дома», говаривалъ Петръ. — Царь «въ работѣ пребывающій» — рѣдкій по красотѣ примѣръ для обновляющейся Россіи. «Трудиться надобно,—поучалъ онъ. Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли». Отложивъ топоръ и долото, онъ брался за перо, хватался за мечъ... Среди дѣла онъ обдумывалъ другія дѣла. Дѣломъ онъ училъ другихъ. Петра нельзя себѣ представить, какъ выразился проф. Ключевскій, внѣ потока самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Петръ, по выраженію прибыльщика Ив. Филиппова, являлся «многомысленной и безпокойной головой». Онъ одинаково искусно справлялся какъ съ обязанностями самодержавнаго царя, такъ и

простого плотника. «Онъ претворялъ своего подданнаго въ себѣ». Отсюда его близость къ народу (Котляревскій).

Петръ трудился въ потѣ лица потому, что свою задачу понималъ, какъ обязанность содѣйствовать общему благу. Въ себѣ онъ видѣлъ слугу отечества. Онъ началъ военную службу барабанщикомъ, а гражданскую—плотникомъ, желая получать дальнѣйшія отличія и признанія за дѣйствительные подвиги и заслуги. Генераломъ и адмираломъ онъ сдѣлался только послѣ Полтавы и Гангута. Отечество стояло передъ нимъ, какъ живое любимое существо, а не носилось въ его воображеніи, какъ холодная отвлеченность. Отечеству онъ служилъ фанатически. «Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести родины,—говорилъ онъ сыну Алексѣю,—не щадить трудовъ для общаго блага; а если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ,—я не признаю тебя своимъ сыномъ». «Если не обратишься, то я весьма тебя наслѣдства лишу». «Я за отечество и за подданныхъ моихъ,—писалъ онъ сыну,—жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя?» «Я вамъ отъ Бога приставникъ и должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Будешь, сказалъ онъ Неплюеву, хорошо служить, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству, добро сдѣлаешь».... Этотъ удивительный человѣкъ успѣвалъ слѣдить за всѣми колесами обширной государственной машины. «Лично Петръ, какъ выразился Ю. Юль, одаренъ столь совершеннымъ и высокимъ умомъ и познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ».

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Объ ограниченіи своей власти Петръ не думалъ. Все мѣнялось, но форма власти оставалась прежней. Ему для реформъ и для того, чтобы низложить оппозицію, нужна была полнота власти и онъ ее оберегалъ. Онъ дѣйствовалъ деспотически, диктаторски. Дворянъ скликалъ на вѣчную службу. На купцовъ возложилъ

повинность по постройкѣ флота. И т. д. Уничтожилъ патріаршество. Не назначилъ патріарха, чтобы въ государствѣ не былъ «второй государь самодержцу равносильный».

Идея всеобщаго блага была широко распространена, благодаря теоріи абсолютной монархіи. «Долгъ царя,—говорилъ еще Юр. Крижаничъ,—сдѣлать народъ счастливымъ». Задачу-же государства (въ Регламентѣ главному магистрату) Петръ Великій пояснялъ такъ: «приносить довольство во всемъ потребномъ въ жизни человѣческой и обосновать фундаментальный подборъ человѣческой безопасности и удобству». Чтобы выполнить подобную задачу власти надлежало обладать обширными полномочіями и неограниченными средствами. Въ воинскомъ уставѣ (1716 г.) и духовномъ регламентѣ поэтому пояснялось, что повиноваться Государю «яко самовластному монарху Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ». Эта власть,—которая уподоблялась Ю. Крижаничемъ жезлу Моисея, способному выбивать воду изъ камня,—направлялась Петромъ къ «рощенію россейской славы» и къ «введенію добрыхъ порядковъ». Слава устанавливалась преимущественно внушеніемъ страха сосѣдямъ.

Вокругъ дѣятельнаго царя мы видимъ пеструю компанію сотрудниковъ, русскихъ и иноземцевъ, знатныхъ и безродныхъ. Званіе и происхожденіе въ его глазахъ значенія не имѣло и потому находимъ около него «худофамиліальныхъ» людей, «произведенныхъ въ знатность» его царской волей. Меншиковъ взятъ изъ потѣшныхъ солдатъ; если вѣрить молвѣ, онъ торговалъ на улицѣ пирогами, а впослѣдствіи, по отзыву Куракина, «до такого градуса въ милость вошелъ, что все государство правилъ и былъ такой сильный фаворитъ, что развѣ въ римскихъ гисторіяхъ находятъ». Остерманъ—сынъ вестфальскаго пастора, Девіеръ—юнга съ португальскаго корабля. — Разсказываютъ, что генералъ-прокуроръ сената Ягужинскій пасъ въ молодости свиней въ Литвѣ, но вѣрнѣе — былъ сыномъ органиста католической церкви [7]), а вице-канцлеръ Шафировъ вышелъ изъ сидѣльцевъ въ лавочкѣ, будучи сыномъ плѣннаго крестившагося еврея. Нарышкины, Стрѣшневы происходили изъ «домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства». Кн. Куракинъ указываетъ на нерасположеніе Петра «къ великимъ фамиліямъ»; униженіемъ имѣлось въ виду «отнять у нихъ пувуаръ весь и учинить-бы себя наибольшимъ сувреномъ».

Великій канцлеръ, гр. В. Ив. Головкинъ, дипломаты П. Андр. Толстой, Матвѣевъ, Неплюевъ и др. не отличались родовитостью.

Всѣ они, по выраженію Неплюева, проведены Петромъ сквозь огонь и воду. Про Лефорта и Гордона, Шеина и Шереметева Петръ говорилъ: «Сіи мужи—вѣрностію и заслугами вѣчные въ Россіи монументы». Наиболѣе близкимъ изъ нихъ Царь писалъ: «Мінъ брудеръ», «мейнъ бесте фринтъ», Her Voevoda, Min Gnadigste Kenig! Тѣ отвѣчали: «Min her Capiten, здравствуй!» Но ни близкимъ, ни другимъ подъ «фортецію правды» подкапываться не разрѣшалось. Губернаторъ Сибири кн. Гагаринъ былъ повѣшенъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ подвергся пыткѣ и публичному сѣченію кнутомъ, Шафирова сняли съ плахи и отправили въ ссылку, Меншикова Царь наказывалъ собственноручно, генералъ-адмирала Ѳ. М. Апраксина отдалъ подъ судъ.

Англійскій посланникъ Чарльзъ Витвортъ уже въ мартѣ 1705 г. писалъ: «Мощью собственнаго генія, почти безъ сторонней помощи, Петръ достигъ успѣховъ, превосходящихъ всякія ожиданія. и вскорѣ, конечно, возведетъ свое государство на степень могущества, грознаго для сосѣдей»... Слова оказались пророческими.

Петръ обладалъ рѣдкимъ среди правителей мужествомъ—мужествомъ реформатора, способнымъ мѣнять установившіеся порядки. Въ этомъ секретъ его большого успѣха.

Въ Петрѣ чувствуется коренная русская натура — прежній новогородскій повольникъ, насельникъ пустынныхъ краевъ. Петръ точно вышелъ изъ старой былины. Его страсть къ морю ничто иное, какъ стремленіе русской натуры къ шири, простору, раздолью. Въ невоздержанности геніальнаго самоучки сказался его огненный темпераментъ, въ жестокости—вліяніе среды и воспитанія. Но онъ былъ способенъ каяться въ своихъ ошибкахъ; онъ имѣлъ смѣлость заявлять, что то-то «учинено было неосмотря». «Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо, то ему нравится, что разумно—то ему и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно [8]).

По мѣрѣ того, какъ росла и крѣпла Московская Русь, все настоятельнѣй и неизбѣжнѣй становилась потребность въ обладаніи моремъ. Каждое государство ищетъ себѣ прочныхъ физическихъ очертаній. Великое русское царство также должно было

влиться въ естественныя границы. Русская равнина предназначена была для созданія одной монархіи [9]). Поэтому борьба за Балтійское побережье являлось какъ-бы предопредѣленной. Въ дѣлѣ исканія морскихъ границъ для русскаго царства на сѣверѣ и югѣ, Петръ В. явился только «выразителемъ идей и стремленій своихъ предковъ, князей Кіевскихъ и Московскихъ». Политическія цѣли поставлены были Россіи замкнутымъ ея географическимъ положеніемъ и ея экономическими и духовными нуждами. Вотъ почему причины Великой Сѣверной войны лежатъ въ глубинѣ нашей исторіи.

Непригодность сѣвернаго суроваго океана для сношенія съ Западомъ была очевидна. За выходъ къ Черному морю Петръ В. началъ-было борьбу съ могущественной Турціей, но далѣе Азова ему продвинуться не удалось. Оставалось еще Балтійское море. Только оно въ состояніи было обезпечить правильныя и быстрыя сношенія съ западными народами. На Балтійское море указывалъ также проторенный транзитный путь «изъ варягъ въ греки». Бассейнъ и побережье Балтійскаго моря являлись главною ареною исторической жизни сѣверныхъ націй. Здѣсь, вокругъ «Средиземнаго моря Сѣвера»,—какъ справедливо указываетъ М. Поліевктовъ [10]),—шло колонизаціонное движеніе Бранденбургской марки, приведшее къ образованію Прусской монархіи, развилось торговое могущество городовъ Ганзейскаго союза, росла Новгородская республика. — На Балтійскихъ берегахъ велась упорная политическая борьба націй и государствъ. Шведы, датчане и нѣмцы оспаривали здѣсь другъ у друга первенство и выходъ въ океанъ. Съ половины XVII в., послѣ Вестфальскаго мира, шведамъ удалось заложить здѣсь основаніе своего могущества. Сюда-же стала стремиться пробуждавшаяся Россія. Давно и упорно она подвигалась къ Балтикѣ, но вслѣдствіе того, что здѣсь ей пришлось столкнуться съ нѣмцами, поляками и шведами, которые были вооружены болѣе культурными средствами, успѣхъ давался нелегко. Для упроченія русскаго могущества на берегахъ Балтійскаго моря потребовалось болѣе 800 лѣтъ тяжелой борьбы.

Карельскую землю, прибрежье Ладожскаго озера и Неву новгородцы съ незапамятныхъ временъ считали исконно-русскимъ достояніемъ; по этимъ воднымъ путямъ издревле велась ихъ торговля; городъ Старая Ладога была первою столицею перваго русскаго князя Рюрика (862 г.). Вмѣстѣ съ Кареліей и Ингрія съ давнихъ временъ находилась подъ нравственнымъ и политическимъ воздѣйствіемъ отважныхъ новгородцевъ.

Рѣка Нева, съ прилегающими къ ней землями, по шведскимъ, французскимъ и голландскимъ картамъ XVII в., а также Ингерманландія обозначались названіемъ «Водская пятина», что означало — одна пятая часть собственно Новгородской области. Въ эту пятину входили часть Новгородскаго уѣзда и уѣзды Ладожскій, Ямской, Копорскій, Орѣховскій и Карельскій. За Новгородскимъ владыкою считались между прочимъ погосты (т. е. церковные округи): Куйвоцкій, Ижорскій, Сердобольскій, Иломанскій, Соломянскій и др. [11]).

Первобытными обитателями Водской пятины было финское племя Водъ (Вадьялайсетъ); ее вытѣснило впослѣдствіи племя Ижора. Но несомнѣнно также, что и новгородцы явились здѣсь очень рано колонизаторами и во всякомъ случаѣ ранѣе основанія Руси. Изъ переписной окладной книги, относящейся къ 1500 году, видно, что погосты и мѣстные поземельные собственники носили русскія имена и прозвища. Что земли эти были искони русскими показываетъ также раннее распространеніе среди ихъ населенія православной вѣры. Посягательства шведовъ на Карелію и Ингрію считали поэтому незаконнымъ отношеніемъ къ чужимъ владѣніямъ. «Всуе былъ трудъ (шведовъ) безъ Божія повелѣнія», — писалъ лѣтописецъ [12]). Новгородцамъ тѣмъ не менѣе приходилось подумать о средствахъ защиты и сохраненія прежнихъ межей.

Рѣдкое десятилѣтіе протекало на сѣверѣ безъ набѣговъ и войнъ между Россіей и Швеціей. Поводовъ къ столкновеніямъ было много, такъ какъ точно установленной границы долго не существовало. Впрочемъ, этихъ поводовъ первоначально и не искали, а та и другая сторона дѣлала набѣги ради добычи и дани. Во время этой борьбы русскіе то приближались къ берегу Финскаго залива, то ихъ отодвигали.

Въ 1030 году русскіе находились у Рижскаго залива и у Юрьева. При Ярославѣ (1015 — 1054) Новгородъ обладалъ всею землею отъ Колывани (Ревеля) и Юрьева до истока Невы. Въ 1042, а также въ 1124 г. русскіе входили въ Тавастландію, для приведенія жителей въ повиновеніе. Въ 1240 г. шведы, подъ предводительствомъ Биргера, двинулись крестовымъ походомъ на еретическую Русь, но Александру Ярославичу удалось избавить Новгородъ отъ грозившей ему опасности славнымъ боемъ (15 іюля) у Усть-Ижоры на берегахъ Невы. Въ 1251 г. русская граница проходила по р. Кюмени. Въ 1256 г. Александръ Невскій доходилъ къ Норвежской границѣ черезъ

Финмаркенъ и Лапландію [13]). Походы въ шведскую Лапландію продолжались изъ Кареліи и въ XIV и XV в. в. [14]). Чтобы оградить себя, шведы въ 1475—1477 г. г. построили Олосфеборгъ (Нейшлотъ).

Походы въ Швецію и Финляндію были затруднительны: «былъ золъ путь» свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Особенно тяжелы они были для Московской рати, которую сопровождали огромные обозы. Сперва дѣло ограничивалось одними набѣгами, но съ того времени, какъ Торкель Кнутсонъ (въ 1293 г.) основалъ Выборгъ на землѣ Карельской и (въ 1300 г.) Ландскрону (Вѣнецъ земли) при истокѣ Невы, начинаются болѣе правильныя войны. Въ теченіе долгаго времени Выборгъ оставался угрозой для цѣлости новгородскихъ земель. Подъ его стѣнами многократно схватывались новгородскіе молодцы со шведами. Имѣется указаніе, что съ 1320 по 1323 г. Выборгъ находился во власти русскихъ. Вернули его за денежный выкупъ [15]).

При первомъ представившемся случаѣ,—при заключеніи въ 1323 г. Орѣховецкаго договора между княземъ Юріемъ Даниловичемъ и королемъ Магнусомъ, — Нева закрѣпляется за Новгородомъ. «Ходиша новгородцы съ княземъ Юріемъ и поставиша городъ на усть Невы на Орѣховомъ островѣ. Туже пріѣхавше послы великы отъ свейскаго короля и докончиша миръ вѣчный съ княземъ и Новымъ-городомъ по новой пошлинѣ» [16]).

Это былъ первый договоръ между Россіей и Швеціей, онъ послужилъ основой для послѣдующихъ мирныхъ условій. Орѣховецкимъ договоромъ граница была установлена по Сестрѣрѣкѣ, Ингерманландія признана русской землей, а въ Кареліи шведы обязались не только не строить крѣпостей, но даже не покупать ни земель, ни водъ. Почти 300 лѣтъ новгородцы владѣли Невой и попытки шведовъ завладѣть окрестными землями оставались тщетными. Орѣховецкій трактатъ, видимо, стѣснялъ шведовъ въ ихъ послѣдующихъ стремленіяхъ обосноваться въ Кареліи и Ингріи, такъ какъ на подлинникѣ его оказалась отмѣтка: «Старая порубежная грамота, которой не должно показывать» [17]).

При Іоаннѣ III его войска, подъ начальствомъ Даніила Щеня, ходили на сѣверъ Финляндіи «на десять рѣкъ», а также прошли Абовъ. При Іоаннѣ Грозномъ русскимъ еще разъ удалось приблизиться къ Финскому заливу, на берегу котораго, въ Ижорской землѣ, русское населеніе терпѣло «утѣсненіе отъ свейскихъ нѣмцевъ». Въ 1558 г. была взята Нарва. «Сіе важное завоеваніе,—чи-

таемъ у Карамзина,—давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностью торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ государствѣ». Воеводы и воины были награждены, плѣнные—освобождены, имущество—возвращено вернувшимся жителямъ, въ замкѣ сооружена церковь, гдѣ поставлена была икона Богоматери, уцѣлѣвшая въ пожарѣ.

Въ періодъ смутнаго времени Русь потеряла на сѣверѣ свои коренныя владѣнія. По Столбовскому договору (1616 г.) царь Михаилъ Ѳеодоровичъ уступилъ Швеціи всю Ингрію [Иванъ-городъ, Ямбургъ, Копорье, Нотебургъ—Орѣшекъ]. Такимъ образомъ Финскій заливъ былъ потерянъ для Россіи. Еще ранѣе царь Ѳеодоръ Іоанновичъ и Василій Ивановичъ Шуйскій отказались по договорамъ, состоявшимся въ Тявзинѣ (1595 г.) и въ Выборгѣ (1609 г.), отъ правъ своихъ на Ливонію и Карелію. За русскими купцами оставлено было право отправлять свое богослуженіе въ Стокгольмѣ и Выборгѣ въ хоромахъ, а въ Колывани (Ревелѣ)—въ церквахъ. Объ Иванѣ-городѣ, Ямахъ и Копорьѣ не забывали предшественники Петра и всѣ они — Алексѣй Михайловичъ (въ 1661 г.), Ѳедоръ Алексѣевичъ (въ 1679 г.) и Софья Алексѣевна (въ 1684 г.)—пытались требовать ихъ возвращенія, но напрасно. Значеніе тѣхъ мѣстностей, изъ-за которыхъ велась долголѣтняя борьба, очерчено въ рѣчи Густава II Адольфа, произнесенной по поводу Столбовскаго мира: «русскіе опасные сосѣди», но теперь они безъ позволенія шведовъ не могутъ спустить ни одного судна въ Балтійское море. Въ пріобрѣтенныхъ городахъ (Кексгольмѣ, Нотебургѣ, Иванъ-городѣ и др.) Густавъ-Адольфъ не безъ основанія видѣлъ ключи къ Финляндіи, Лифляндіи и Балтійскому морю.

Послѣдняя предпетровская война за Балтійскіе берега велась Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1656 г.—Стольникъ и воевода Петръ Потемкинъ получилъ предписаніе со своимъ отрядомъ «идти на свейскій рубежъ и встать на Варяжское море». Ему надлежало овладѣть крѣпостями Канцами и Орѣшкомъ. Кромѣ того «тайнымъ обычаемъ» приглашать православныхъ обитателей края, «дабы они, помня Бога и природнаго своего государя, надъ свейскими нѣмецкими людьми промыселъ чинили». Воеводѣ Пушкину велѣно было выступить изъ Олонца и занять Карелію. На гребныхъ судахъ онъ переправился черезъ Ладожское озеро и подошелъ подъ Карелу (Кексгольмъ). «Многажды» посылалъ онъ къ «осаднымъ сидѣльцамъ» сговаривать, но они во всемъ отка-

зали и города взять не могъ [18]). При послѣдовавшихъ затѣмъ переговорахъ въ Кардисѣ (1661 г.) московскіе послы добивались Карельской Финляндіи и Ингерманландіи. «Помышляй всякими мѣрами—писалъ Царь Ордину-Нащекину—чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Канцахъ и подъ Руговидомъ (Нарвою) корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзду къ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ»... [19]). По миру въ Кардисѣ обѣ стороны остались при прежнихъ границахъ.

Рѣшителемъ вѣковыхъ споровъ за Неву, Карелію и Ингрію явился Петръ В. Онъ сильно рванулся къ морю, къ простору.

Ко времени Петра В. положеніе дѣлъ на сѣверѣ было очень неутѣшительнымъ. Послѣ договоровъ въ Столбовѣ и Кардисѣ, русскіе совершенно были лишены необходимаго имъ воднаго пути, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется наивное предложеніе царя Алексѣя Михайловича, сдѣланное герцогу Курляндскому, разрѣшить строить въ его гаваняхъ русскія суда [20]). Нашъ товарообмѣнъ сильно стѣснялся у Нарвы и Ніэна (Канцы), гдѣ ввозная пошлина часто подымалась и ставились иныя препятствія, такъ въ 1688—1689 г. г. съ большими затрудненіями черезъ Ніэншанцъ пропустили грузъ, среди котораго находились лѣкарства, выписанныя для личныхъ потребностей царя Петра и брата его Іоанна. Для поднятія государственнаго значенія и улучшенія матеріальнаго быта Россіи надлежало утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести свой флотъ, войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими сосѣдями-государствами и пріобрѣсти вліяніе на дѣла Европы [21]). «Россія не могла расти и развиваться, не открывъ себѣ путей для торговли и доступа къ цивилизаціи. Путь для торговли—это значило Балтійское море» [22]). Но Балтика состояла уже «Средиземнымъ моремъ» сильной монархіи династіи Вазы, подобно тому какъ Черное море являлось внутреннимъ моремъ Турціи. Петръ былъ правъ, говоря, что шведы на сѣверѣ, а турки на югѣ «со всѣмъ свѣтомъ намъ коммуникацію пресѣкли».

У Петра зрѣла мысль о войнѣ со шведами. Кажется, что въ Вѣнѣ (1698 г.) онъ опредѣленно задумалъ напасть на Швецію.

Война со Швеціей вела непосредственно къ цѣли. Ливонія, Польша и Литва сами по себѣ не могли удовлетворить очередныхъ требованій. Нужно было ближе придвинуться къ Европѣ. Удобнѣйшимъ путемъ для этого являлось море. Въ прилегавшихъ къ нему областяхъ исторія наиболѣе сохранила русское вліяніе, а сами эти области физически тѣснѣе были связаны съ Россіей,

чѣмъ съ Швеціей. Наконецъ, въ борьбѣ за эти области, Петръ имѣлъ основаніе разсчитывать на союзы, такъ какъ преобладаніе Швеціи ложилось тяжелымъ гнетомъ на Данію и Польшу. Такимъ образомъ задача, рѣшеніе которой занимало Петра, указана была ему природой и завѣщана исторіей. Надо было раздвинуть русскую землю до естественныхъ рубежей, надо было вернуть то, что прежде принадлежало Россіи.—Общая историческая причина Великой Сѣверной войны—политическій ростъ Россіи (Норденсванъ). Во всѣ времена всѣ народы старались отвоевать отъ своихъ сосѣдей то, что тѣми у нихъ было отнято, и счастливая звѣзда Петра устроила такъ, что онъ въ этомъ отношеніи могъ держаться въ предѣлахъ справедливости, логики и правды [23]).

Итакъ, замышляя войну со Швеціей, Петръ В. желалъ прежде всего возвратить земли «отчичь и дѣдичь», а въ области Ижорской пріобрѣсти корабельную пристань на р. Невѣ.—Призывая Короля Августа (въ окт. 1699) въ союзники, Петръ черезъ своего довѣреннаго выразилъ желаніе, чтобы его королевское величество «помогли ему занять тѣ шведскія области, которыя, по Божьей милости и по праву, въ сущности принадлежатъ Россіи и были потеряны вслѣдствіе смуты въ началѣ этого вѣка» [24]). Согласно сему въ договорѣ съ Августомъ II значилось, что онъ обязанъ помогать Петру I получить твердое основаніе на Балтійскомъ морѣ—«какъ и высокославные наши предки съ начала сего столѣтняго времени въ порядочномъ безпрекословномъ владѣніи и совершенномъ обладательствѣ имѣли». Далѣе (въ 5 пунктѣ договора отъ 11 ноября 1699 г.) говорилось: «и особливо свое дѣйство воинское въ провинціяхъ Ижорской и Корельской всею силою весть» [25]).

Въ борьбѣ со Швеціей и другими европейскими государствами Польша представлялась естественной нашей союзницей. Уже Ординъ-Нащекинъ думалъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ ней противъ шведовъ. Петръ, кромѣ того, видѣлъ въ Августѣ II генія и потому особенно охотно былъ готовъ соединить свое предпріятіе съ его судьбой. Послѣ четырехдневной безпрерывной пирушки, они подѣлили Швецію между собой и временно обмѣнялись оружіемъ и одеждой.

Второй союзницей Петра являлась Данія. И Данія и Польша ранѣе пострадали отъ Швеціи. «Швеція обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію». Союзники втайнѣ разсчитывали вернуть утерянное и удѣлить изъ добычи возможно меньше Россіи. Этимъ особенно былъ озабоченъ Паткуль.

Въ томъ-же 1699 году въ Москву прибыло шведское посольство (баронъ Бергенгіельмъ и баронъ Лиліенгельмъ), съ сообщеніемъ о вступленіи на престолъ Карла XII. Царь принялъ посольство (въ окт.) съ большой торжественностью, но во время аудіенціи напомнилъ, что комендантъ Риги, генералъ Дальбергъ, не допустилъ его, переодѣтаго шкиперомъ «Петромъ Михайловымъ», осмотрѣть крѣпости. Поведеніе Дальберга Царь въ свое время отмѣтилъ въ протоколѣ и приберегалъ его, какъ предлогъ войны, но пока Петръ ласкалъ шведскаго представителя въ Москвѣ Книперкрона, чтобы разсѣять его безпокойныя догадки и скрыть свои подготовительныя дѣйствія. Ничто еще не предвѣщало войны. Швеція, слѣдившая за борьбой Россіи съ Турціей, прислала Петру I въ даръ 300 бронзовыхъ орудій и разрѣшила ему заказать на шведскихъ заводахъ 280 чугунныхъ пушекъ.

КНЯЗЬ А. Я. ХИЛКОВЪ.

Шведы домогались возобновленія Кардисскаго договора. Петръ сначала медлилъ, но затѣмъ согласился и 17 апрѣля 1700 года отправилъ въ Швецію великое посольство съ грамотою, подтверждавшею соблюденіе прежняго трактата. Для извѣщенія же о скоромъ прибытіи своего посольства, Петръ отправилъ въ Стокгольмъ кн. Андрея Хилкова, которому поручилъ узнать объ отношеніяхъ Швеціи къ остальнымъ державамъ. Кн. Хилковъ имѣлъ при себѣ проектъ Царя объ уступкѣ Россіи гавани на Финскомъ заливѣ, за извѣстное денежное вознагражденіе. Царь предвидѣлъ, что такое предложеніе будетъ отклонено [26]). Во всякомъ случаѣ еще въ іюлѣ 1700 г. отношенія Петра къ Карлу XII были дружественныя. Нашъ посолъ, принятый королемъ, заявилъ ему о непремѣнномъ желаніи Царя получить Нарву, или другой приморскій пунктъ на Финскомъ заливѣ. Карлъ отказалъ. «Возьму силою, чего добромъ получить не могъ», сказалъ будто бы Петръ, узнавъ объ отвѣтѣ короля [27]).

19—30 августа кн. Хилковъ былъ у короля на аудіенціи. «Въ сей-же самый день, т. е. 19—30 августа 1700 г., объявлена была война Швеціи за многія ихъ свейскія неправды и

нашимъ царскаго величества подданнымъ за учиненныя обиды, наипаче за самое главное безчиніе, учиненное нашимъ царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 г., которое касалось самой нашей царскаго величества персоны» [28]).

О начатіи войны дано было знать нашему резиденту въ Швеціи кн. Хилкову и шведскому резиденту Томасу Книперкрону, а также, чрезъ посланника нашего въ Гаагѣ, Андрея Матвѣева, Нидерландскимъ Штатамъ. Наша декларація появилась въ голландскихъ курантахъ. Сверхъ того Паткуль именемъ Царя сообщилъ разнымъ дворамъ дополнительное объявленіе, въ которомъ, выставивъ фальшивую дружбу Швеціи, говоритъ: «намѣреніе Царя тѣмъ болѣе покажется каждому честному и безпристрастному человѣку справедливымъ, что провинціи Ижорская и Карельская издревле безпрекословно принадлежали великому княжеству Московскому», и что Швеція завладѣла ими въ началѣ 17-го столѣтія [29]).

Въ «Разсужденіи, какія законныя причины Е. В. Петръ I царь и повелитель всероссійскій и пр. къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго имѣлъ,» написанномъ Б. Шафировымъ въ 1716 г., также говорится, что Карельская и Ижорская земли издревле къ всероссійской имперіи принадлежали, «то не могутъ и сами шведы отрещи» [30]). Прежніе договоры свидѣтельствуютъ, что Лифляндія и Эстляндія также составляли собственность «короны Россійской».—«Шведская корона, всегда россійскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оное въ невѣдѣніи въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденія съ европейскими народами не допускать... чтобы всяко содержать россійскій, яко сильный народъ, внѣ эксерація военнаго».

Но все указанное не болѣе какъ внѣшніе поводы къ войнѣ, истинная-же причина ея, какъ было указано, скрывалась глубоко въ самой исторіи. Это историческое сознаніе частью проникло даже въ народъ. Въ «Сказаніи о Петрѣ Великомъ въ преданіяхъ Сѣвернаго края» говорится: «Полюбилось то наше мѣсто привольное царю Свейскому. А и Петра, русскій царь, запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долгія, широкія, а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способнѣе; снарядился самъ на поиски».

Швеція была тогда сильна и велика. Земли ея опоясывали Балтійское море. Со всѣми державами она состояла въ мирныхъ

отношеніяхъ.—«При смерти Карла XI,—говоритъ Лундблатъ,—Швеція достигла высшей точки политическаго вліянія и уваженія при дворахъ иностранныхъ и стояла на вершинѣ своего могущества. На востокѣ широкая Двина являлась естественною шведско-польскою границею, торговля Риги, Ревеля и Нарвы привлекла деньги и товары въ прибалтійскія и финляндскія провинціи, въ Германіи шведскій флагъ развивался на стѣнахъ и бастіонахъ Штеттина, Стральзунда, Висмара, Бремена и Стаде. Хотя редукція возбудила ненависть и ропотъ дворянъ во всѣхъ заморскихъ провинціяхъ Швеціи, тѣмъ не менѣе въ сердцахъ всѣхъ другихъ сословій была жива любовь къ шведской королевской династіи. Надъ всей страной отъ Торнео до Истада господствовалъ одинъ король, одинъ языкъ, одинъ законъ. Армія въ 800,000 человѣкъ, организованная по оригинальнымъ идеямъ, соединявшая въ себѣ преимущества ландвера и опытнаго стараго войска, прекрасно организованный флотъ и полная деньгами казна, вотъ въ чемъ заключалось наслѣдство, оставленное Карломъ XI своему 15 лѣтнему сыну» [31]). По увѣренію шведскаго историка Гейера, Швеція никогда не была такъ сильна, какъ при Карлѣ XI. Онъ умеръ, не оставивъ долга. Въ казначействѣ находилось наличными 7 мил. долларовъ, сумма для того времени огромная.

Наиболѣе слабыми мѣстами Швеціи были тѣ провинціи, въ которыхъ предполагали оперировать Августъ II и Петръ I, такъ какъ тутъ подъ владычествомъ шведовъ находилось нѣмецкое рыцарство (съ 1561 г.), эсты и финны, т. е. иноплеменники. «Редукція» возстановила противъ Швеціи часть эстляндскаго и лифляндскаго дворянства, которое, руководимое Рейнгольдомъ Паткулемъ, выступило съ протестомъ. Паткуль отличался большой энергіей. Чтобы отомстить Швеціи, онъ сталъ работать надъ осуществленіемъ проекта о раздѣлѣ шведскихъ владѣній. Паткулю приписывается также устройство свиданія между Петромъ I и Августомъ II въ Равѣ (іюль—авг. 1698 г.). Въ свитѣ генерала Карловича,—посланнаго (въ 1699 г.) Августомъ II въ Москву для заключенія союза,—тайно находился и Паткуль.

По завѣщанію Карла XI несовершеннолѣтній сынъ его Карлъ XII долженъ былъ состоять подъ опекой пяти сановниковъ, во главѣ которыхъ, за смертію его матери, была поставлена вдовствующая королева Гедвига Элеонора Голштинская. Въ числѣ опекуновъ находились умный и осторожный Бенгтъ Оксенштерна и сторонникъ редукціи Фабіанъ Вреде. Опека оказалась непродол-

жительной. Едва только въ ноябрѣ 1697 г. собрались государственные чины на риксдагъ, какъ среди дворянъ возбуждено было предложеніе о признаніи короля совершеннолѣтнимъ. «Произошло то, что часто бываетъ при взрывѣ партійныхъ чувствъ. Буря одобренія заглушила голоса осторожныхъ. Обдумывать некогда было». Дворяне съ воодушевленіемъ провозгласили: Vivat rex Carolus. Горожане и крестьяне охотно вторили имъ, а духовенство почти отсутствовало. Пятнадцатилѣтній король объявилъ себя сувереномъ и обѣщалъ «править страною съ помощью Божіею и именемъ Іисуса Христа». Этотъ государственный переворотъ явился «политической Нарвой» Карла XII [32]). Львенокъ вырвался на свободу, тогда какъ онъ нуждался еще въ совѣтахъ и присмотрѣ.

КАРЛЪ XII ВЪ МОЛОДОСТИ.

Карлъ XII одна изъ своеобразнѣйшихъ коронованныхъ особъ. Онъ обладалъ качествами, которыя могли быть очень полезными для государственной дѣятельности. Онъ одаренъ былъ большими умственными способностями и рано проявилъ чувство строгой справедливости. Но въ то же время онъ изумлялъ своимъ необыкновеннымъ упрямствомъ. Поспѣшность объявленія его совершеннолѣтнимъ, покорность окружающихъ, смерть благородной его матери Ульрики Элеоноры—все благопріятствовало развитію этого упрямства. Съ безпокойствомъ смотрѣли на него шведы, когда онъ отказался произнести королевскую присягу и короновался безъ соблюденія принятыхъ формальностей. Съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ, верхомъ на лошади Карлъ подскакалъ къ каѳедральному собору Стокгольма, гдѣ архіепископъ передъ алтаремъ совершилъ миропомазаніе.—Первые годы царствованія Карла XII не предвѣщали ничего особеннаго. Во внутреннемъ управленіи соблюдались руководящіе принципы Карла XI. Но естественно, что юноша, подобный Карлу XII, не могъ долго питать особой склонности къ серьезнымъ правительственнымъ обязанностямъ. Онъ предался воинственнымъ играмъ, медвѣжьимъ охотамъ

и парфорснымъ скачкамъ (товарищемъ этихъ игръ Карла былъ молодой финляндецъ Арвидъ Бернгардъ Горнъ). Забавы Карла, особенно въ сообществѣ герцога Голштинскаго (мужа сестры), приняли довольно буйный характеръ, наводившій страхъ на городскихъ жителей. Безчинства эти извѣстны были въ народѣ подъ общимъ именемъ «Готторпскаго бѣшенства». Воображеніе Карла было возбуждено разсказами объ Александрѣ Великомъ, героическими скандинавскими легендами, подвигами викинговъ. Вскорѣ онъ самъ сдѣлался королемъ викинговъ, «послѣднимъ варягомъ».

Когда въ Стокгольмѣ стали получаться неожиданныя извѣстія о томъ, что Данія вторглась въ Шлезвигъ, что Августъ стоялъ уже подъ стѣнами Риги, а русскія войска двинуты къ Нарвѣ, Карлъ сразу измѣнился: въ немъ проснулась неукротимая страсть къ войнѣ. Физически же онъ былъ закаленъ для походной жизни.

Вѣсти о войнѣ были не только неожиданными, но и обидными для прямодушнаго молодого короля: Августъ приходился ему племянникомъ (по сестрѣ), Петръ I недавно передъ этимъ завѣрялъ въ своемъ расположеніи и получилъ пушки отъ «довѣрчиваго героя» [33]), а датскій король, тайно примкнувъ къ союзу, продолжалъ увѣрять своего родственника въ дружбѣ. Народъ, выраженіемъ своего негодованія, далъ сильный толчекъ воинственному пылу Карла. Въ поведеніи союзниковъ шведы усмотрѣли измѣнническій образъ дѣйствія. «Не объявивъ даже войны, они внезапно сбросили маски и обнажили мечи, увѣренные въ побѣдѣ» [34]).

Территорія союзниковъ—Россіи, Даніи и Польши съ Саксоніей—простиралась въ сложности до 300,000 квадр. миль, населеніе доходило до 24,000,000 человѣкъ, денежныя средства измѣрялись ежегоднымъ доходомъ въ $10^1/_2$ мил. руб., совокупныя вооруженныя силы давали до 275,000 человѣкъ по штатамъ, а въ дѣйствительности—едва-ли половину. Швеція же отдѣльно занимала территорію лишь въ 16,000 квадр. миль, имѣла населеніе около $2^1/_2$ милліоновъ, получала ежегодный доходъ почти $1^1/_2$ мил. руб. и могла выставить по нормальной организаціи 41.900 человѣкъ, но въ дѣйствительности за время Сѣверной войны развила свои вооруженныя силы почти въ десять разъ болѣе [35]). Слабой стороной Швеціи являлась разбросанность ея владѣній, которыя кольцомъ обхватывали Балтійское море и не имѣли между собою прочной связи.

При Петрѣ наши вооруженныя силы состояли изъ войскъ иноземнаго строя, изъ казаковъ разныхъ областей, калмыковъ, татаръ и др. Войска иноземнаго строя образовывались изъ пѣшихъ

солдатскихъ и конныхъ рейтарскихъ полковъ. Солдатскіе полки набирались изъ вольныхъ людей; рейтарскіе комплектовались изъ дѣтей боярскихъ и людей, не находившихся въ холопствѣ или тяглѣ. Къ категоріи войскъ иноземнаго строя относились также драгуны. Войска русскаго строя состояли изъ стрѣльцовъ, званіе которыхъ являлось наслѣдственнымъ и пожизненнымъ. Стрѣльцы, учрежденные при Іоаннѣ IV, хотя и послужили ядромъ постоянныхъ боевыхъ силъ Россіи, но не удовлетворяли уже требованіямъ времени, такъ какъ послѣ ряда бунтовъ превратились въ русскихъ «янычаръ» или «преторіанцевъ». Артиллерію составляли чины «огнестрѣльнаго наряда», называвшіеся пушкарями и гранатчиками; въ формѣ и калибрѣ орудій не наблюдалось никакого однообразія. Пѣхота была вооружена ружьями, мушкетами, бердышами.

На полную боевую негодность русскихъ полковъ того времени, не скрывая, указывали современники.

Людей на службу нагоняли много, «а если посмотришь на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей кромѣ зазору ничего не узришь; у пѣхоты ружье было плохое и владѣть имъ не умѣли». Въ столь-же зазорной кавалеріи «клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны... зарядить пищали не умѣетъ» (Посошковъ). Секретарь австро-германскаго посольства въ Москвѣ, Корбъ, свидѣтельствуетъ, что московскія войска—«самый горестный народъ»—страшны лишь татарамъ, такъ какъ являлись сбродомъ самыхъ дрянныхъ людей. Солдаты не были дисциплинированы. Учебные сборы производились рѣдко. Жили они особыми слободами и кормились на счетъ отведенныхъ имъ земель. Уставъ, изданный въ 1647 г. Алексѣемъ Михайловичемъ— «Ученье и хитрость ратнаго строенья пѣхотныхъ людей»—былъ плохъ и ограничивался лишь «рукохватаніемъ». Предоставивъ войскамъ самимъ заботиться о продовольствіи, правительство обрекло ихъ на обремененіе себя громадными обозами и на мародерство. Начальники по своимъ спеціальнымъ познаніямъ стояли едва ли не на одномъ уравнѣ съ подчиненными.

Что касается казаковъ, разбросанныхъ по окраинамъ Московіи, то они представляли буйную и совершенно мало дисциплинированную вольницу.

Несмотря на всѣ эти недочеты, военнымъ дѣломъ,—какъ сказалъ Як. Ѳ. Долгорукій однажды Петру Великому—«отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ».

Плоха была военная организація; но иностранцы, посѣтившіе Москву въ XVII в., съ большой похвалой отзываются о храбрости русскихъ.

«Видя скудость и немощь воинства Россійскаго», геній Петра Великаго началъ пересоздавать боевыя силы государства. Еще до Нарвы явились потѣшные полки, а затѣмъ (въ 1687 г.) изъ нихъ создались полки Преображенскій и Семеновскій и два выборныхъ полка, которые вмѣстѣ и послужили кадрами для новой петровской арміи.—Около Царя стали группироваться его руководители и сотрудники по военному дѣлу: шотландецъ П. Гордонъ, швейцарецъ Фр. Лефортъ, и другіе иностранцы: Ф. Менгденъ, Чемберсъ, медикъ Вейде, шведъ поручикъ Гуммертъ, Як. Брюсъ съ большими свѣдѣніями по артиллеріи и инженерному искусству. Готовясь къ Нарвскому походу, Петръ указомъ 8 ноября 1699 г. объявилъ призывъ вольныхъ людей; а потомъ, въ декабрѣ, стали созываться даточные люди со всего государства. Всѣхъ осматривали и распредѣляли по полкамъ.

Финансы и военныя силы Швеціи созданы были Карломъ XI. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, онъ съ большой энергіей принялся за ихъ устройство. При посредствѣ, такъ называемой, редукціи, государственные доходы были значительно увеличены и казна получила большую часть принадлежавшихъ ей прежде земельныхъ владѣній. Благодаря этому обстоятельству явилась возможность ввести новую систему поселенныхъ войскъ.

По этой системѣ поставка рекрута возлагалась на землю и являлась реальной повинностью (realt besvär), на подобіе повинности на содержаніе дорогъ и т. п. Совокупность дворовъ, выставлявшихъ одного солдата, называлась рутою. Этого солдата дворы нанимали по уговору съ подходящимъ лицомъ, которому обязывались давать наемную плату, въ размѣрѣ 100 мѣдныхъ далеровъ, условленное годовое жалованье, наконецъ, земельный участокъ (torp) и извѣстное количество продуктовъ натурою. Рута обязана была снабжать солдата избою, необходимыми службами, капустнымъ огородомъ, пашнею и лугомъ. Кромѣ того рута обмундировывала своего солдата. Поставлявшіе рекрутъ заключали контракты съ казной.

Поставка матросовъ (båtsmanshållet) для флота была организована на тѣхъ же началахъ, какъ и поставка пѣшихъ солдатъ.

Стремленіе Карла XI дать поселеннымъ войскамъ осѣдлость распространилось и на начальствующихъ лицъ. Послѣ редукціи

часть казенныхъ земель была превращена въ усадьбы (bostlällen) и ихъ предоставили офицерамъ, а также служащимъ въ войскахъ гражданскимъ чиновникамъ, трубачамъ и барабанщикамъ. Эти усадьбы были расположены въ раіонѣ части (полка или роты). Владѣлецъ обязанъ былъ самъ жить въ усадьбѣ и воздѣлывать землю. Его освобождали отъ всѣхъ податей. На возведеніе построекъ выдавалось пособіе.

По мѣрѣ того, какъ населялись новыя мѣстности и воздѣлывались новыя земли, или усиливалась армія, или же увеличивались доходы государства. Новая рута вносила вакантную подать, вмѣсто поставки рекрута. Поступавшія вакантныя средства давали возможность оплачивать разныя нужды арміи. Въ Финляндіи, наприм., на нихъ содержались Хапаніемская военная школа, основанная въ концѣ XVIII столѣтія въ Саволаксѣ, конскіе заводы для кавалеріи, музыкантскіе хоры и т. п.

Отмѣтимъ нѣкоторыя подробности системы, и тогда качества ея опредѣлятся сами собой. Когда въ части войска умиралъ солдатъ, бѣжалъ со службы или дѣлался непригоднымъ къ ней по дряхлости, то объ этомъ капитанъ немедленно увѣдомлялъ крестьянина-владѣльца. Онъ, вмѣстѣ съ другими сочленами руты, старался завербовать на вакантное мѣсто новое лицо. Пасторъ давалъ свидѣтельство о его лѣтахъ и поведеніи, а врачъ—опредѣлялъ его здоровье. Затѣмъ новобранца послѣдовательно осматривали капитанъ, губернаторъ и полковникъ. Губернаторъ и полковой командиръ производили свой осмотръ лишь разъ въ годъ. Если владѣльцы руты въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не замѣщали вакантнаго мѣста, то капитанъ сообщалъ подлежащимъ начальникамъ, и тѣ грозили штрафомъ. Офицеры никакой законной власти надъ крестьянами не имѣли, для послѣднихъ были обязательны лишь требованія губернатора.

Разъ въ три года производились общіе смотры; ими распоряжалась военная коллегія. При смотрахъ могли присутствовать владѣльцы рутъ, для наблюденія за неприкосновенностью своихъ правъ. Пѣхоту вооружала и одѣвала казна; кавалерія, напротивъ, вооружалась и одѣвалась на счетъ владѣльцевъ рустгальтовъ. Если на смотру въ полку оказывалась какая-либо вещь негодной, то военная коллегія публиковала объ этомъ въ газетахъ и церквахъ соотвѣтствующаго прихода, вызывая охотниковъ взять на себя новую ея поставку. Поставщиковъ приглашали въ канцелярію губернатора. Въ то же время приглашались и владѣльцы рутъ.

Лицамъ, выставившимъ солдатъ, предлагалось внести, примѣрно, половину стоимости ремонтируемой вещи. Поставщикъ вещи получалъ деньги изъ казначейства и исполнялъ заказъ. Когда вещь была готова, то опять увѣдомлялись губернаторъ и полковой командиръ. Дѣлалось распоряженіе о томъ, чтобы владѣльцы рутъ озаботились внесеніемъ остальной стоимости новой вещи. Вещь осматривалась и посылалась по назначенію.

Когда поселенная воинская часть призывалась къ сборному пункту на ученье, то объ этомъ увѣдомлялся губернаторъ, который объявлялъ по округу о времени и мѣстѣ сбора. Владѣльцы рутъ получали приказаніе вручить солдатамъ аммуницію, которая получалась отъ казны, но хранилась всегда у владѣльцевъ. Крестьяне получали также приказаніе принять мѣры для доставки съѣстныхъ припасовъ на время учебнаго сбора. Первоначально крестьяне обязаны были привозить на сборные пункты своихъ солдатъ, а послѣ истеченія срока ученья развозить ихъ обратно. Послѣ ученья солдатъ сдавалъ аммуницію крестьянину по описи, кромѣ ружья со штыкомъ [36]).

Все это вызывало не мало путаницы и безпорядковъ и конечно не соотвѣтствовало воинскому духу. И если тѣмъ не менѣе шведская армія пользовалась заслуженной боевой славой, то она вела свое начало со временъ Густава II Адольфа.

Качества шведскаго воина сохранились до Карла XII. Солдаты были воспитаны въ суровой школѣ, отличались строгой дисциплиной, преданностью королю и религіознымъ энтузіазмомъ. Въ полкахъ по два раза въ день совершались молебствія. Жалости къ врагу они не знали.

Съ такими войсками Карлъ обратилъ свое оружіе сначала противъ ближайшаго врага. 12 апр. (н. ст.) 1700 г. онъ выѣхалъ изъ Стокгольма. Его флотъ (изъ 42 кораблей) появился у береговъ Зунда у Гумблебека, недалеко отъ Копенгагена.—Карлъ съ небольшой арміей (6 т.) стремительно бросился на датскаго врага, укрѣпленія котораго были взяты послѣ слабаго сопротивленія. Здѣсь юный король впервые услышалъ свистъ пуль, свистъ, сдѣлавшійся впредь, какъ онъ выразился, «его музыкой». Въ августѣ 1700 г. былъ подписанъ мирный договоръ въ Травендалѣ.—Съ одинмъ врагомъ онъ раздѣлался.

Уѣзжая въ Лифляндію и Эстляндію для нападенія на русскій лагерь при Нарвѣ, Карлъ опредѣлилъ, что королевскій совѣтъ на время его отсутствія обязанъ вести надзоръ за всѣмъ государствен-

нымъ управленіемъ. Совѣтники раздѣлены были на двѣ комиссіи: первая, т. н. дефензіонная комиссія рѣшала вопросы, касающіеся обороны государства; вторая: юстицъ-комиссія—вопросы судебные и административные, въ томъ числѣ и финансовые [37]).

Когда началась война, всѣмъ финляндскимъ полкамъ отданъ былъ приказъ немедленно выступить въ походъ и слѣдовать днемъ и ночью съ величайшей спѣшностью черезъ Ингерманландію въ Эстляндію и Лифляндію. Начальство поручено было ген.-лейтенанту Отто Веллингку (Wellingk), который участвовалъ въ войнѣ Карла XI противъ Даніи, а теперь состоялъ губернаторомъ въ Ингерманландіи и Кексгольмской губерніи. Небольшой отрядъ, оставленный подъ начальствомъ Кроніорта (Cronhiort), предназначался для защиты Ингерманландіи и Кареліи. Онъ состоялъ почти исключительно изъ финскихъ полковъ, которые всѣ вмѣстѣ взятые насчитывали не сполна 6000 чел. Главная его квартира по большей части была расположена въ Ніенѣ (Nyen) [38]).

Преслѣдуя основную задачу своего царствованія — «ногою твердой стать при морѣ»—Петръ, объявивъ войну Швеціи, двинулся къ главнѣйшей шведской крѣпости на Финскомъ заливѣ—къ Нарвѣ.

Бросивъ перчатку Швеціи, онъ весьма послѣдовательно шелъ къ традиціонной цѣли Московіи—къ Балтійскому морю, къ окну въ Европу, къ древнимъ владѣніямъ новгородцевъ. Въ маѣ 1700 г., готовясь къ походу, Петръ писалъ Б. Шереметеву: «Полно отговариваться, пора дѣлать; воистину и мы не подъ лапу, но въ самый ротъ непріятелю идемъ, однакожъ за помощью Божіею не боимся». Въ походъ Петръ двинулся смѣло, но кончился онъ для него весьма печально.

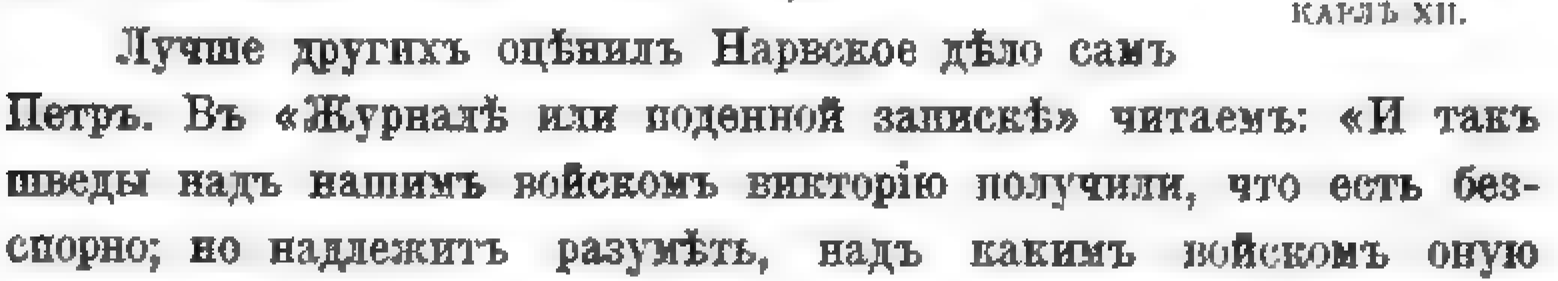
6 октября Карлъ высадился у Пернова и предполагалъ освободить Ригу, которая храбро отбивала саксонцевъ. Часть войскъ коменданта Эрика Дальберга состояла изъ финновъ. Узнавъ о томъ, что армія Августа прекратила осаду Риги, король двинулся къ Нарвѣ, которую окружили русскія войска, вступившія въ Ингерманландію подъ начальствомъ кн. Трубецкого. У Карла было всего 5300 ч. пѣхоты и 3130 кавалеріи (по другимъ свѣдѣніямъ численность его арміи доходила до 12 тыс.); гарнизонъ Нарвы не превышалъ (1800) чел. Комендантомъ крѣпости былъ полковникъ Рудольфъ Геннингъ Горнъ [39]).

У русскихъ подъ Нарвой было сосредоточено болѣе 100 орудій и 33.967 чел. и они были разбиты на голову 19 ноября 1700 г. [40]).

Шведы произвели смѣлый блестящій набѣгъ! Мужество ихъ сказалось здѣсь въ полной красѣ. Король былъ неустрашимъ: подъ нимъ убили лошадь, въ пылу схватки онъ потерялъ съ одной ноги сапогъ. «Горсть нашихъ праотцевъ одержала одну изъ совершеннѣйшихъ побѣдъ, занесенныхъ на страницы военной исторіи»,— писалъ король Оскаръ II. «Трофеи были столь-же многочисленны, сколь почетны; вѣсть о побѣдѣ разнеслась широко и слава ея стала вѣчна».

Вслѣдъ за этимъ названный коронованный писатель признаетъ, что русскія силы были недостаточно обучены и не вполнѣ организованы; вторая линія боевого порядка оказалась дурно расположенной; метель скрыла отъ русскихъ наступленіе двухъ непріятельскихъ колоннъ и т. п. Дѣйствительно, войска Петра состояли изъ недисциплинированныхъ новобранцевъ [41]), не умѣвшихъ ни обращаться съ оружіемъ, ни стрѣлять въ цѣль, а вся кавалерія «весьма нерегулярна была». Артиллерія оказалась въ самомъ жалкомъ состояніи; изъ мортиръ можно было стрѣлять только камнями; при несоотвѣтствіи бомбъ калибру орудій, лафеты подъ пушками ломались; пороху было недостаточно; лошади падали отъ безкормицы, а для людей не имѣлось надлежащей медицинской помощи. При такихъ условіяхъ Карлъ не безъ основанія могъ заявить: «шведамъ-ли бояться московскихъ мужиковъ». Некому было одушевить русскаго солдата, подать ему примѣръ, такъ какъ нашими войсками командовалъ Карлъ Евгеній герцогъ де-Круа, артиллеріей завѣдывалъ саксонскій генералъ Алларъ; восьмью полками лѣваго крыла распоряжался генералъ Вейде, т. е. все иностранцы, коимъ солдаты не довѣряли [42]). Ко всему этому при приближеніи Карла къ Нарвѣ, Царь, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Головинымъ и сержантомъ Меншиковымъ (18 ноября), «пошелъ отъ арміи въ Новгородъ для того, чтобы идущіе достальные полки побудить къ скорѣйшему приходу подъ Нарву, а особливо, чтобы имѣть свиданіе съ королемъ Польскимъ» [43]).

КАРЛЪ XII.

Лучше другихъ оцѣнилъ Нарвское дѣло самъ Петръ. Въ «Журналѣ или поденной запискѣ» читаемъ: «И такъ шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную

учинили, ибо только одинъ старый полкъ Лефортовскій былъ; два полка гвардіи только были въ двухъ атакахъ у Азова, полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видали прочіе полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ... самые были рекруты. Къ тому-жъ за позднимъ временемъ великій голодъ былъ; понеже за великими грязьми провіанта привозить было не возможно, и единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было: а искусства ниже вида; то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію».

Послѣ Нарвы наши полки «въ конфузіи въ свои границы пошли» [44]).

Всетаки, нелегко было пережить этотъ ударъ. Но тутъ-то и сказалась крѣпость характера Петра. «Неудача—проба генія». Было надъ чѣмъ задуматься... Войска не оказалось, довѣріе къ собственнымъ силамъ было подорвано, убѣжденіе въ непобѣдимости шведской арміи укоренилось въ народѣ. А затѣмъ, легко себѣ представить, какъ приняли вѣсть о Нарвѣ во всѣхъ государствахъ и какъ отнеслось къ Карлу и Петру общественное мнѣніе заграницей. Карлъ заслужилъ удивленіе Европы [45]). Петра печать Запада старалась уронить въ глазахъ своихъ читателей. Къ русскимъ представителямъ при иностранныхъ державахъ стали относиться съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Лейбницъ, а вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, и многіе другіе выражали надежду, что Карлъ XII овладѣетъ Московіей вплоть до рѣки Амура. Но Петръ не палъ духомъ...

«Правда—говорится въ Журналѣ Петра В., сія побѣда (шведовъ подъ Нарвой) въ то время зѣло была печально чувственная, и яко отчаянная всякія впредь надежды, и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумать, въ истину не гнѣвъ, но милость Божію исповѣдати долженствуемъ; ибо, ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, будучи въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное счастіе вринуть могло, которое оныхъ-же шведовъ уже давно во всемъ обученныхъ въ Европѣ подъ Полтавою такъ жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низъ къ верху обратило: но когда сіе нещастіе (или лучше сказать великое щастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и ко трудолюбію и искуству день и ночь принудила...» [46]).

Тождественныя мысли высказалъ король Оскаръ II по отношенію къ шведскому герою—Карлу XII: «И всетаки Нарвскій день, со всѣмъ его блескомъ, для Швеціи и для Карла XII не былъ вполнѣ счастливымъ. Побѣда, хотя и стоившая дорого, казалась слишкомъ чудесною и легкою и потому породила презрѣніе къ противнику...» [47]).

Разсужденія Петра объ удачахъ не были высказаны съ единственной цѣлью утѣшить себя послѣ Нарвскаго погрома. Нѣтъ, эти мысли являлись коренными его убѣжденіемъ. Въ 1705 г. Б. Шереметевъ впалъ въ отчаяніе, испортивъ операцію въ Курляндіи: «Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть,—утѣшалъ его Петръ,—понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей обадривать».

Послѣ Нарвы Карлъ покинулъ Россію и направился въ Польшу. Трудно опредѣлить, какія именно соображенія руководили Карломъ, когда онъ, оставивъ русскихъ, бросился на Августа II. Шведскій историкъ утверждаетъ, что у Карла наблюдалась большая охота ринуться на Россію, съ цѣлью завладѣть Псковымъ и другими пограничными укрѣпленіями. Но его генералы, и особенно Реншельдъ, высказались противъ подобнаго плана, находя Россію въ этихъ мѣстностяхъ совершенно опустошенной, а армію послѣ Нарвы разстроенной, на усиленіе-же ея до весны никакой надежды не имѣлось [48]).

Послѣ Нарвской битвы, «печали исполненный Петръ» старался завлечь союзныя державы въ посредничество, съ цѣлью прекращенія Шведской войны, но попытки его не удались. Къ этимъ переговорамъ въ первый моментъ онъ устремился съ мольбами и очень порывисто. Еще до Нарвскаго пораженія король англійскій и штатгальтеръ нидерландскій предлагали свое посредничество. Петръ, занятый осадой, не отвѣтилъ имъ. Послѣ пораженія, онъ писалъ королю, что предложенія его о мирѣ съ Швеціей русское правительство не отвергаетъ; но теперь уже его не слушали.

Столь-же безуспѣшны были хлопоты о посредничествѣ цесаря. Послѣ Нарвскаго погрома Петръ такъ низко палъ въ глазахъ цесарцевъ, что при вѣнскомъ дворѣ открыто читали вѣсти о новомъ пораженіи русскаго войска близъ Пскова, о бѣгствѣ царя съ немногими людьми, объ освобожденіи царевны Софьи и о врученіи ей правленія. Хлопотавшій въ Вѣнѣ о посредничествѣ князь Петръ Александровичъ Голицынъ доносилъ 28 іюля 1701 г.: «Глав-

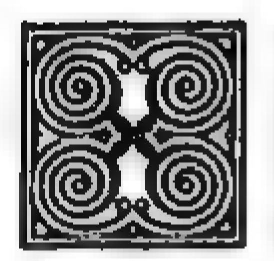
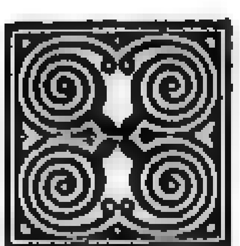
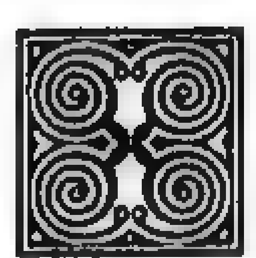
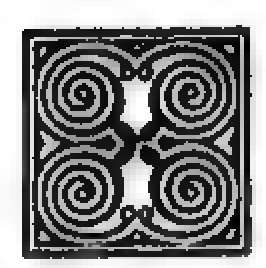
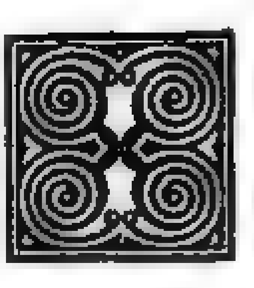
ный министръ графъ Кауницъ и говорить со мною не хочетъ; да и на другихъ нельзя полагаться: они только смѣются надъ нами».

«Всякими способами, писалъ князь П. А. Голицынъ Ѳ. Ал. Головину, надобно домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Сохрани Боже, если нынѣшнее лѣто такъ пройдетъ. Хотя и вѣчный миръ заключить, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить. Непремѣнно нужно нашему Государю хотя малая викторія... тогда можно и миръ заключить. А то теперь войскамъ нашимъ и войсковому управленію только смѣются».

Въ Голландію, въ Гаагу, отправленъ былъ до начала Сѣверной войны Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. Онъ извѣщалъ, что Шведская война очень непріятна штатамъ, которые опасаются и не хотятъ утвержденія русскихъ при Балтійскомъ морѣ. Вѣсть о Нарвскомъ пораженіи произвела поэтому въ Голландіи несказанную радость. Матвѣевъ писалъ Петру: «Шведскій посолъ съ великими ругательствами самъ ѣздя по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ. Шведы съ здѣшними какъ могутъ всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знать даютъ не только о войскахъ вашихъ, и самой особѣ вашей». Шведы распускали слухи, что Петръ сошелъ съ ума.

Но вскорѣ Петръ овладѣлъ своими чувствами и заговорилъ въ иномъ тонѣ.

II.

Борьба за Неву.

Сѣверная граница приводилась въ оборонительное состояніе, армія организовалась, приступили къ наборамъ. Въ Ингріи и Кареліи производили развѣдки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пораженія Петръ писалъ уже Б. П. Шереметеву: «Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишитися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, то есть надо конницею Новгородскою и Черкаскою... ближнихъ мѣстъ беречь, идти въ даль, для лучшаго вреда непріятелю»...

Послѣ Нарвскаго несчастія работа закипѣла съ удвоенной энергіей. Насколько Нарва легла тѣнью на исторію Петра, настолько свѣтлой является его изумительная дѣятельность послѣ этого пораженія. Города Новгородъ и Псковъ укрѣплялись. «А на работѣ были драгуны и солдаты и всякихъ чиновъ люди и священники и всякаго церковнаго чина, мужескаго и женскаго пола». Великій Царь лично рылъ окопы и таскалъ землю, подавая примѣръ неутомимости. На работѣ у Печерскаго монастыря долженъ былъ находиться подполковникъ Шеншинъ. Придя на занятія и не заставъ тамъ Шеншина, Петръ велѣлъ бить его нещадно плетьми и послать

въ Смоленскъ въ солдаты. Часть церковныхъ и монастырскихъ колоколовъ были перелиты въ пушки. «Колокольной мѣди собрано близь 40000 пуд.», писалъ Виніусъ. «Ради Бога»,—отвѣчалъ Царь, — «поспѣшайте артиллеріею, какъ возможно время, яко смерть».—«Въ дѣлѣ артиллеріи, докладывалъ Виніусъ, мало трудности: пущая остановка, Государь, отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни лаской, ни битьемъ отъ той страсти отучить не возможно»... Было много и другихъ помѣхъ. Вслѣдствіе нерадѣнія бургомистровъ лафеты оставались неисправленными. Петръ писалъ: «Бургомистрамъ скажи и сіе покажи, что, если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы (также и красная мѣдь не доставится), то не только деньгами, но и головами платить будутъ». Къ концу 1701 г. «надзиратель артиллеріи» Виніусъ успѣлъ изготовить уже болѣе трехсотъ орудій **).

Одновременно энергично строился нашъ первый флотъ. Стукъ топоровъ на верфяхъ былъ необычнымъ явленіемъ для русскихъ; но Петръ скоро освоилъ ихъ съ этой новинкой. Правда, еще 21 октября 1696 г. Московская Дума, сознавъ необходимость флота, постановила: «морскимъ судамъ быть», но дѣло плохо налаживалось, пока Петръ нѣсколько не обосновался въ раіонѣ Невы и Ладожскаго озера. Одинъ изъ приближенныхъ царя писалъ, что уже въ 1694 г. Петръ имѣлъ намѣреніе обзавестись собственнымъ флотомъ на Балтійскомъ морѣ; еще до объявленія войны Швеціи по рѣкамъ Волхову и Лугѣ «для свейской службы» были заготовлены струги; но Петра это не удовлетворяло. Сѣверная война побудила его забросить азовскую эскадру и сосредоточить все свое вниманіе на постройкѣ Балтійскаго флота.

Финляндецъ Эренмальмъ, находившійся у насъ въ плѣну, видѣлъ этотъ флотъ и свидѣтельствуетъ, что онъ явился исключительнымъ созданіемъ Петра, котораго личное рвеніе и способности къ морскому дѣлу были столь велики, что онъ «представлялся не только какъ-бы рожденнымъ, но и воспитаннымъ Нептуномъ».

Въ 1703 г. съ верфи Лодейнаго поля спущено было 6 фрегатовъ. Съ этого года и въ самомъ Петербургѣ ежегодно спускалось по нѣсколько судовъ; сначала строились мелкія суда, фрегаты и галеры, а затѣмъ и линейные корабли. Собственныхъ гаваней пока не было, но флотъ строился, ибо Петръ В. зналъ, «что сильный флотъ самъ найдетъ себѣ гавань».

Эренмальмъ говоритъ, что въ 1712 г. около Петербурга находилось 9 кораблей съ 50—60 пушками. Въ апрѣлѣ 1714 г. резидентъ Веберъ одновременно видѣлъ на стойкахъ шестьдесятъ полугалеръ, которыя нѣсколько позднѣе употреблены были въ Финляндскихъ шхерахъ [50]). Въ 1718 г. флотъ состоялъ уже,—по увѣренію Вебера,—изъ 40 военныхъ кораблей и 300 галеръ. Это показываетъ, съ какимъ рвеніемъ велась работа по созданію нужнаго тогда флота. Кумпанства, монастыри, купечество—всѣ были привлечены къ этому государственному дѣлу.

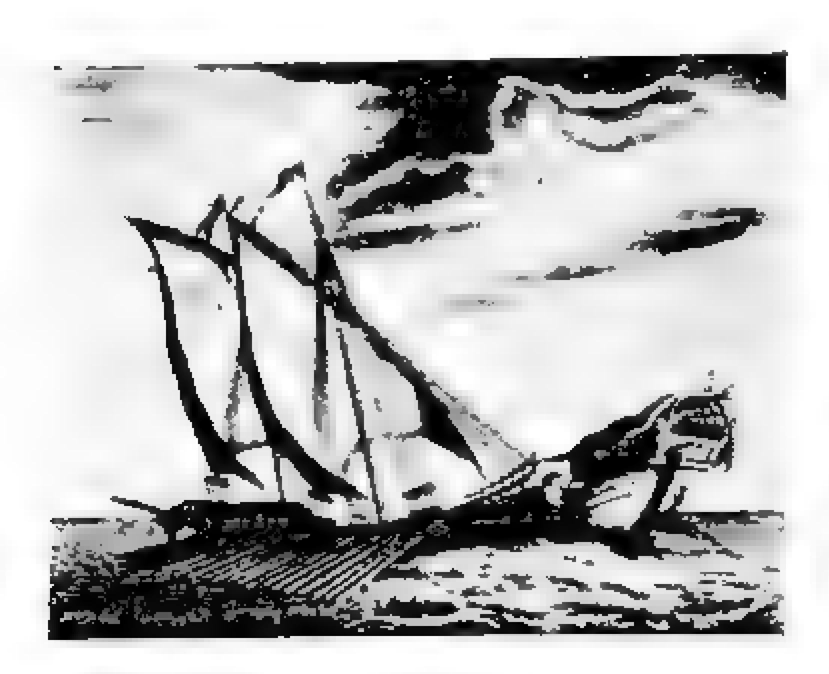
Постройка судовъ производилась съ большими затрудненіями. Дубовый лѣсъ для корабельнаго флота приходилось привозить съ Урала и изъ Казани, что подымало стоимость корабля до 75.000 руб. Строгими законами правительство охраняло эти лѣса отъ порубокъ. Въ концѣ своего царствованія (въ 1724 г.) Петръ расходовалъ на флотъ до 1.400.000 руб. въ годъ.

Пріобрѣтать суда за границей оказалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ строить ихъ дома. «Здѣсь корабли зѣло дешевы противъ нашего»,—сообщалъ Θедоръ Степановичъ Салтыковъ Петру изъ Голландіи,—но въ то же время они оказывались хуже русскихъ, почему Царь говорилъ о нихъ: «поддинно они достойны званія пріемышей». Тѣмъ не менѣе лондонскому нашему агенту ежегодно дѣлались заказы по покупкѣ ихъ. Въ періодъ времени съ 1712 по 1715 г. Салтыковъ сторговалъ 20 судовъ, которыя съ большими предосторожностями, подъ иностраннымъ флагомъ, доставлялись въ Россію, дабы не были перехвачены шведами [51]). Случилось, что въ 1714 г. морскіе офицеры-англичане, приглашенные Салтыковымъ на русскую службу, были задержаны непріятелемъ.

Въ 1702 г.,—по свидѣтельству кн. Куракина,—«кликали въ матросы ребятъ и набрано съ 3000 человѣкъ». Эренмальмъ указываетъ на существованіе морскихъ полковъ, которые по обмундированію не отличались отъ пѣхотныхъ; ихъ переводили во флотъ и пріучали къ морскому дѣлу.

Большихъ усилій стоило Петру привлечь въ Россію корабельныхъ мастеровъ. Имъ сулили богатое вознагражденіе. Въ 1704 г. въ Голландіи нанято было 69 офицеровъ, 13 лекарей, 103 унтеръ-офицера и три матроса, а въ 1707 г. въ Амстердамѣ—болѣе 1500 матросовъ. Много морскихъ офицеровъ привлечено было изъ Даніи. Съ торговыхъ иностранныхъ судовъ матросовъ за хорошую плату брали противъ ихъ воли. Послѣ войны всѣ иностранные матросы были уволены, остались по найму лишь иностранные офи-

церы. Жилось матросамъ на петровскихъ судахъ, конечно, неважно. Помѣщались они обыкновенно среди бочекъ съ водой, сухарей и солонины, въ трюмахъ, которые нерѣдко отъ течи и песку, замѣнявшаго балластъ, превращались въ родъ болота. Здѣсь матросы гибли болѣе отъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. Въ гаваняхъ корабли не стояли праздно: Петръ начиналъ кампаніи рано, когда ледъ покрывалъ еще море и только глухой поздней осенью корабли возвращались къ своимъ стоянкамъ.

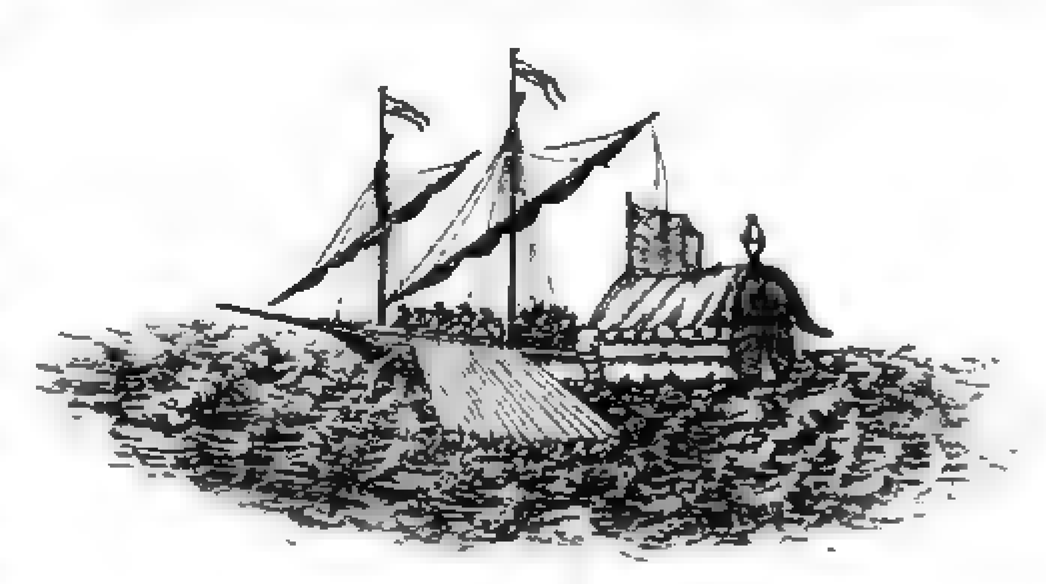

ГАЛЕРА.

Но прежде всего надлежало исправить недочеты въ арміи, куда, благодаря прежнимъ порядкамъ, попадалъ «самый горестный народъ».

«Воинскимъ дѣломъ,—писалъ впослѣдствіи Петръ своему сыну,—мы отъ тьмы къ свѣту вышли», а потому оно заслуживаетъ удвоеннаго вниманія. Петръ началъ теперь съ пополненія арміи новобранцами. Рекрутскіе наборы производились иногда по нѣсколько разъ въ годъ. Въ теченіе зимы 1705—1706 г. состоялось три общихъ рекрутскихъ набора. Наборъ шелъ среди крестьянъ и горожанъ. Военная повинность ложилась всей своей тягостью на личныхъ землевладѣльцевъ. Петръ сдѣлалъ повинность ратнаго дѣла всеобщей, государственной, всесословной. «Петръ привязалъ солдата исключительно къ службѣ, оторвавъ его отъ дома и промысла». Своими реформами онъ примѣнялся къ «новымъ въ дѣлѣ ратномъ вымысламъ».

Чтобы получить офицеровъ, въ Европѣ былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что дѣйствія Царя имѣютъ цѣлью защиту государства и «всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ». По словамъ финляндца Эренмальма, иностранные офицеры, принятые въ русскую службу, сильно страдали отъ ненависти, которую питали къ нимъ Апраксинъ и другіе русскіе

ГАЛЕРА 1714 Г.

сановники. Да и царь, кажется, не особенно склоненъ былъ удерживать ихъ. Многихъ отставляли отъ службы, а другимъ уменьшали жалованье. Эренмальмъ усматривалъ опасность для будущности русской арміи отъ лишенія ея того элемента, который первоначально основалъ и организовалъ ее [62]). Опасеніе не оправдалось.

Послѣ 1706 г. идетъ особенно усиленная работа по организаціи новыхъ войскъ. Созвано было 32 тысячи человѣкъ и сформировано 27 пѣх. полковъ и 2 драгунскихъ. Всѣ эти части сведены были въ три дивизіи—Головина, Репнина и Вейде. Черезъ три года послѣ Нарвы Петръ имѣлъ 50 тысячную армію и озерную флотилію. Обмундированіе арміи состояло изъ нѣмецкаго покроя кафта-

БРИГАНТИНЪ (1710). ШНЯВА.

новъ и камзоловъ съ широкими рукавами или обшлагами, головы покрывались низкими треугольными мягкими шляпами; вооружили солдатъ мушкетами, фузеями — тяжелыми кремневыми ружьями (въ 14 фунтовъ), которыя имѣли штыкъ-багинетъ. По описанію финляндца Эренмальма, находившагося въ Россіи въ плѣну послѣ 1710 г., русскіе офицеры вышли большею частью изъ сословія князей и бояръ, имѣли свои значительные доходы, но не были избалованы въ пищѣ и питьѣ. Еще болѣе пригодными къ походамъ онъ нашелъ русскихъ солдатъ—рослыхъ, подвижныхъ, трудолюбивыхъ и послушныхъ. Войска обучались съ необыкновенною настойчивостью. Агентъ короля Августа II (ген. Лангенъ) находилъ русскую пѣхоту въ строевомъ отношеніи bien exercée et disciplinée; тактическая же подготовка молодого войска, конечно, была слаба. Нравственнаго закала она первоначально не имѣла. Артиллерія была слишкомъ разнокалиберна и безсистемна. Высшее завѣдываніе было сосредоточено въ особомъ приказѣ съ генералъ-кригскомисаромъ во главѣ. Такъ создавалась армія, явившаяся плотью отъ плоти русскаго народа. «Главную массу въ общемъ коли-

чествѣ составляли всетаки прежнія категоріи войскъ». Вновь сформированныя части были слабы числомъ, имѣли малые кадры и ограниченный офицерскій составъ [53]).

По свидѣтельству брауншвейгскаго резидента Ф. Х. Вебера, военную часть Петръ поставилъ на такую превосходную ногу и своихъ солдатъ (особенно пѣхоту) довелъ до такой славы, что они не уступали никакимъ другимъ войскамъ въ свѣтѣ. Веберъ много приписывалъ при этомъ дѣйствію страха и слѣпого повиновенія [54]). Военная сила держалась строжайшей дисциплиной. Кавалерія хотя и состояла «изъ истинно достойныхъ воиновъ», но имѣла малорослыхъ лошадей и не привыкла беречь ихъ.

Корбъ говорилъ, что молодой царь предпочиталъ дворцовымъ забавамъ «тяжелыя забавы любителей славы: военное искусство, потѣшные огни, пушечную пальбу, кораблестроеніе».—На этотъ путь указалъ Царю Лефортъ. И войско играло большую роль въ его жизни и царствованіи. «Малыми толпами» онъ охранилъ себя отъ сестры и «началъ приходить въ силу». Каждому гвардейцу царь смѣло поручилъ бы свою жизнь. Гвардейцы явились впослѣдствіи главными довѣренными лицами, государственными контролерами. Армія Петра расширила предѣлы его царства, армія—послужила основной его славы.

Въ 1724 г. Петръ осуществилъ одну изъ излюбленныхъ своихъ мыслей: онъ расквартировалъ армію поуѣздно. Полки расположены были у крестьянъ, которыхъ обязали въ своихъ селахъ построить квартиры для офицеровъ и солдатъ. Очевидно, что Петръ увлекся шведской поселенной системой и старался пересадить часть ея въ Россію. Армія хозяйничала въ уѣздахъ, какъ въ непріятельской завоеванной странѣ. Петръ едва началъ осуществленіе своего плана, какъ со всѣхъ сторонъ послышались протесты противъ этой реформы. Въ апрѣлѣ 1724 г. сенатъ писалъ: «Земскіе комисары и находящіеся на вѣчныхъ квартирахъ офицеры платежамъ подушныхъ денегъ такъ принуждаютъ, что крестьяне не токмо пожитки и скотъ распродавать принуждены, но и въ землѣ посѣянный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ и оттого необходимо принуждены бѣгать за чужія границы—въ Башкиры и въ Польшу» [55]).

Раньше, вслѣдствіе наборовъ, бѣгали изъ арміи. Въ 1718 г., напр., числилось «недоимочныхъ» рекрутъ 45 тыс., а въ бѣгахъ находилось 20 тыс.—Веберъ говорилъ, что рекруты болѣе гибли отъ голода и холода, чѣмъ отъ непріятеля [56]). Въ 1719 г. изъ Вологодскаго полка, расположеннаго въ Казанской губ., убѣжало 3 тыс.

Петръ—творецъ русской арміи, основатель русскаго военнаго могущества.—Войсками онъ самъ обыкновенно не командовалъ; во главѣ арміи становился рѣдко, но онъ былъ неразлученъ съ нею, находясь всегда вблизи ея, занятый помыслами о ея нуждахъ. Онъ устраивалъ ея тылъ, ея хозяйственную часть, наблюдалъ за наборами. Во время войны Петръ В. совершалъ верхомъ большіе переходы отдѣльно отъ арміи съ конвоемъ въ нѣсколько человѣкъ, тогда какъ простые генералы имѣли при себѣ цѣлые «швадроны» [57]).

Армія требовала большихъ средствъ на свое содержаніе. Ихъ нужно было достать.

По подсчету, быть можетъ и не совсѣмъ точному, населеніе Россіи въ половинѣ царствованія Петра равнялось отъ 6 до 7 ½ милл. душъ. Въ стремленіи добыть средства для войны правительство было крайне неразборчиво. Приказано было собрать, напр., дубовые гробы въ монастыри и продавать ихъ вчетверо дороже; наложена пошлина на бороды и платье русскаго покроя. Постоялые дворы были написаны на Государя и сданы на откупъ [58]). «Взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ». Петръ ввелъ гербовый сборъ—«орленую бумагу». Косвенные налоги падали даже на съѣстные припасы. Обложены были и религіозныя вѣрованія. Двойному окладу подлежали заявившіе о своей принадлежности къ расколу. Страшно возросли казенныя монополіи. Къ прежнимъ—соляной и питейной—прибавились табачная и «гербовая». Вступивъ на путь монополій, правительство въ 1707 г. сдѣлало предметомъ ея деготь, колесную мазь, рыбій жиръ, ворванное и квашеное сало и пр. Весь вывозъ хлѣба отданъ былъ въ полное распоряженіе Меншикова. Начиная съ 1701 г., съ цѣлью полученія дохода, стали передѣлывать монету («испортили» монету). Передѣлка была повторена нѣсколько разъ. Петръ В. не постѣснился прибѣгнуть къ этому вредному способу извлеченія дохода, не смотря на примѣры прошлаго, не смотря на заявленіе Крижанича: «злые пѣнязи куютъ». Когда нужны были деньги, а способовъ ихъ полученія не находилось, приказывалось «разложить оную сумму на всѣхъ чиновъ государства (исключая иностранныхъ, мастеровъ, унтеръ-офицеровъ и имъ подобныхъ)...», дабы никто особливо не былъ обиженъ. Оскудѣніе въ деньгахъ побудило его вычесть четвертую часть даже изъ жалованія. Перечеканка денегъ и изъятіе изъ частныхъ рукъ отдѣльныхъ отраслей торговой дѣятельности, съ цѣлью передачи ихъ казнѣ, и пр.,—все это старые

пріемы, которые давно практиковались другими государствами. Петру для борьбы нужны были деньги и онъ не долго разсуждалъ, какъ отразятся принятыя имъ мѣры на народномъ хозяйствѣ. Теперь, думалъ онъ, требовалось одолѣть врага, а потомъ настанетъ время для поднятія благосостоянія государства.

Къ мѣропріятіямъ Петра народонаселеніе не относилось пассивно. Народъ говорилъ: «Какъ Богъ его намъ на царство прислалъ, такъ мы свѣтлыхъ дней и не вѣдали, тяготы на міръ, рубли, да полтины, да подводы». Народъ не рѣдко бросалъ насиженныя мѣста и уходилъ въ Польшу или бѣжалъ на окраины, гдѣ трудно было настигнуть неплательщика налоговъ. Послѣдствія такой политики быстро сказались. Когда въ 1710 г. была произведена такъ называемая ландратская перепись, то оказалось, что количество населенія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сравнительно съ переписью 1678 г. значительно уменьшилось.

Ясно, что вообще испытаніе подъ Нарвой «лѣнь отогнало» и къ трудолюбію прилежать принудило... Петръ даромъ хлѣба не ѣлъ, какъ говорили о немъ олонецкіе крестьяне. Сборомъ рекрутъ царь вѣдалъ самъ, не довѣривъ этой заботы никому изъ вельможъ. Приготовленіе къ дальнѣйшей войнѣ обставлялось строгою тайною.

Самообладаніе Петра было изумительно. «Пусть шведы бьютъ насъ,—сказалъ онъ королю Августу,—они выучатъ насъ бить ихъ; когда-же ученіе проходитъ безъ потерь и огорченій?» Лучшія силы и лучшіе годы Петра ушли на Сѣверную войну, которую онъ настойчиво продолжалъ, какъ великій администраторъ и полководецъ. Западъ зорко слѣдилъ за упорной борьбой сильныхъ государей Швеціи и Россіи.

Петръ искалъ новаго опорнаго пункта ближе къ шведамъ. Взоръ его остановился на Невѣ. Тамъ находилось двѣ крѣпости. Нотебургъ—древній Орѣшекъ и Ніеншанцъ (Нюенъ-Сканцъ, въ русскомъ произношеніи Канцы). Первый возникъ благодаря новгородцамъ въ 1323 г. При подходящихъ случаяхъ шведы разрушали Орѣшекъ; они отняли его въ 1348 г., затѣмъ владѣли имъ съ 1411 г. по 1594 г. и въ 1612 г. онъ еще разъ достался Швеціи. При устьяхъ Невы, на Фоминыхъ островахъ, новгородцы когда-то возвели для себя городишко съ пристанью и товарными складами. Шведы разрушали его. Кромѣ двухъ крѣпостей на Невѣ, шведы имѣли въ Ладожскомъ озерѣ небольшую флотилію военныхъ судовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Гедеона фонъ Нумерса.

Мало извѣстное шведамъ Ладожское озеро въ представленіяхъ людей того времени было полно опасностей. «Въ немъ, пишетъ Кельхъ (Kelch), скрываются не только разные утесы и мели, а оно кромѣ того, ядовитое и бурное море; въ бурю волны подымаются вверхъ до половины мачты».

Когда Петръ хотѣлъ начать войну покореніемъ Нарвы и Орѣшка (Нотебурга), В. Д. Корчминъ былъ посланъ для развѣдки по теченію Невы и около Орѣшка, ибо какъ писалъ Царь Головину изъ Воронежа: «Мѣсто тутъ зѣло нужно: протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри на картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки». Развѣдки-же производились «зѣло, зѣло тайно, чтобы никто не дознался».

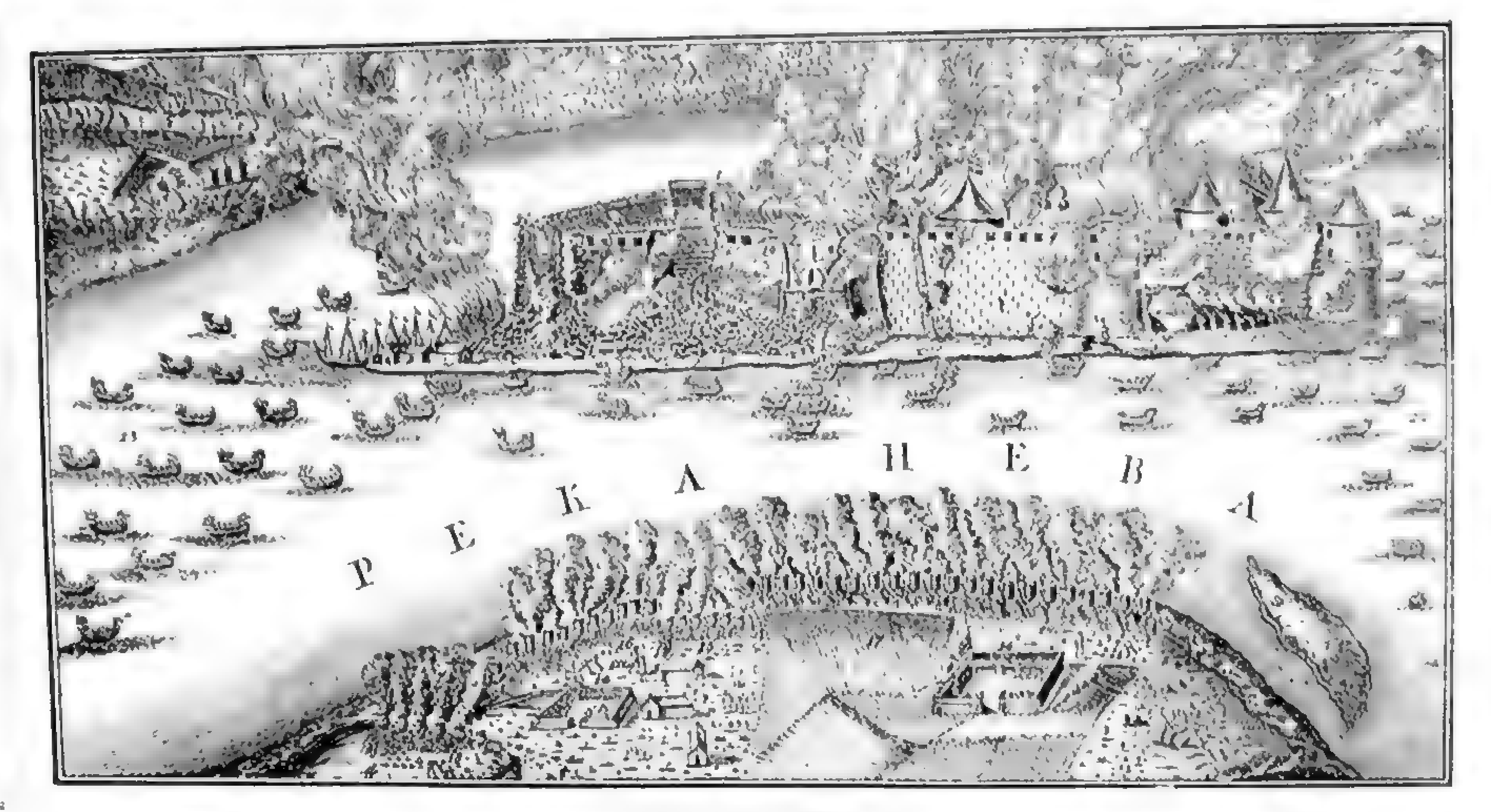
Шведовъ защищали густые лѣса, болота и дурныя дороги. Послѣ Нарвскаго погрома у Ніеншанца находился кромѣ того ген. Кроніортъ съ отрядомъ въ 7 тыс. чел.

Противъ него Петръ послалъ окольничаго Петра Апраксина. Онъ стоялъ въ Новгородѣ и въ Старой Ладогѣ, имѣя 10 тыс. чел., на половину пѣхоты и на половину кавалеріи.

Начиная съ января 1701 г. у Петра зрѣлъ геніальный планъ взятія Нотебурга. Планъ сохранялся въ великой тайнѣ, изъ опасенія, что Голландскіе штаты и Англія могутъ помочь Швеціи. Тайны при Петрѣ умѣли сохранять. Естественно, что Петру нежелательно было прибытіе чужаго «сикурса». П. М. Апраксину не было дано большого войска, чтобы придать ему характеръ наблюдательнаго отряда. Его задача состояла, во 1-хъ, въ собраніи свѣдѣній о боевыхъ условіяхъ края; во 2-хъ, ему надлежало прикрыть отъ шведовъ сосредоточеніе нашихъ войскъ и оттѣснить Кроніорта, дабы онъ не могъ подать помощи Нотебургу. На Волховѣ приказано было изготовить 600 струговъ, а по окрестнымъ воднымъ путямъ переписать частныя суда [59]).

Удачныя дѣйствія Б. П. Шереметева помогли плану: на западѣ Ингерманландіи непріятель былъ уничтоженъ. Чтобъ Карлъ не спѣшилъ изъ Польши, принимались мѣры къ усиленію сторонниковъ Августа.

Первоначально предполагалось «достать по льду Орѣшекъ», т. е. произвести внезапную осаду Нотебурга зимой, доставивъ людей по льду на саняхъ. Путь испортился въ январѣ; почему «случаемъ времени» планъ былъ оставленъ. Но осторожный и дальновидный руководитель дѣла убѣдился, что однимъ Нотебургомъ нельзя будетъ ограничиться, а для того, чтобы обладать

ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

всѣмъ «Ладожскимъ протокомъ» нужно сдѣлаться хозяиномъ всей Невы. Родилась мысль о необходимости созданія здѣсь флота для отраженія шведовъ.—22 янв. 1702 г. послѣдовалъ наказъ о кораблестроеніи на р. Сяси (впадающей въ Ладожское озеро). Застучали топоры на Олонецкой верфи. Стольникъ Иванъ Юрьевъ Татищевъ на Сяси, а Ив. Яковлевъ въ Олонцѣ строили флейты, шмаки, буеры, галіоты, галеры и разныя мелкія суда. [60]) Эти распоряженія царя показываютъ, какъ много заботъ причинила Петру флотилія Нумерса въ Ладожскомъ озерѣ. Борьба лодокъ съ мореходными судами была затруднительна, но возможна, судя по примѣру Азова, гдѣ турецкая эскадра отступила отъ набѣга казацкихъ лодокъ. И вотъ, для «водяного промысла», т. е. военнаго дѣйствія на водѣ, приказано было строить донскія лодки. На нихъ имѣлось въ виду посадить, какъ подъ Азовомъ, казаковъ.

Энергія Царя препятствій не знала и онъ рѣшился снарядить и вооружить въ Архангельскѣ два малыхъ фрегата («Св. Духъ» и «Курьеръ») и доставить ихъ въ Ладожское озеро въ августѣ 1702 года волокомъ по такъ-называемой теперь «Осударевой дорогѣ» по сухому пути на разстояніи болѣе 160 верстъ. Для этого прорубались просѣки, сооружались гати и выстроено было шесть значительныхъ мостовъ [61]). Каждый шагъ пути приходилось брать грудью, утопая въ грязи, падая отъ изнуренія. Царь лично прослѣдовалъ при фрегатахъ. Прибавимъ кстати, что весной 1702 г. Петръ вторично находился въ Архангельскѣ, ожидая яко-бы нападенія шведскаго флота. Кажется это былъ не болѣе, какъ маневръ, для отвлеченія вниманія отъ Нотебурга, который онъ готовился осадить осенью, когда эскадра Г. фонъ-Нумерса должна была уйти на зимовку въ Выборгъ. Пока Царь находился въ Архангельскѣ—Брюсу и Репнину надлежало подготовить операцію у Нотебурга, создавъ базу для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Ладогѣ.—Апраксину предписано было произвести набѣгъ на Ижорскую землю, въ направленіи къ Канцамъ.

Отрядъ Петра Апраксина бездѣйствовалъ, страдая неустройствомъ. Онъ жаловался, что часть конницы—«лапотники». Только 15-го іюня Апраксинъ на соймахъ и карбасахъ выслалъ подполковника Островскаго, съ отрядомъ въ 400 солдатъ, для разоренія селеній на Кексгольмскомъ берегу. Отрядъ сдѣлалъ первую военную прогулку по озеру. Около устья р. Ворона онъ наткнулся на эскадру Нумерса. Большая часть шведской команды занята была на берегу грабежемъ русскихъ деревень. Островскій атако-

валъ шведовъ. Полная неожиданность атаки привела непріятеля въ замѣшательство. Нумерсъ поднялъ паруса и поспѣшно отступилъ [62]).

Въ августѣ, когда получены были, хотя и сбивчивыя, свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія генер. Кроніорта, Петръ Апраксинъ двинулся въ Орѣховскій уѣздъ, побывалъ на Невѣ и къ 10 числу подошелъ къ р. Псоснѣ. Тутъ онъ нашелъ «городокъ и отводные шанцы» съ гарнизономъ въ 400 чел. при трехъ пушкахъ. Русскіе перешли въ бродъ рѣку, взяли городокъ и шанцы. Шведы бѣжали, преслѣдуемые до р. Ижоры. У Ижоры стоялъ Кроніортъ; онъ отступилъ безъ боя, введенный въ заблужденіе развѣдчиками, сказавшими, что на него наступаетъ армія въ 40 тыс. чел.— Петръ Апраксинъ подвергъ мѣстность страшному опустошенію.— Ратные его люди «непріятельскія ихъ жилища, многія мызы великія и всякое селеніе развоевали и разорили безъ остатку» [63]). «А генер. Кроніортъ, убрався съ войсками своими, стоитъ въ мызѣ Дудоровщинѣ» (Дудергофѣ). 17 авг. Петръ, недовольный такимъ отношеніемъ своихъ воиновъ къ странѣ «отчичь и дѣдичь», отвѣтилъ:.. «А что по дорогѣ разорено и выжжено и то не зѣло пріятно намъ». «Словесно вамъ говорено и въ наказѣ сказано, чтобъ не трогать, а разорять, или брать, лучше города, нежели деревни».

Въ началѣ безпрерывныхъ взаимныхъ нападеній у пограничной межи, жители Ингерманландіи на свой рискъ повели разбойническіе набѣги на русскихъ. Генер. Кроніортъ издалъ предписанія, грозя за это смертной казнью. Но когда онъ попросилъ Карла XII утвердить это положеніе, король отказался, не усматривая въ этомъ дѣяніи ничего заслуживающаго наказанія; напротивъ, онъ пожелалъ, чтобы жителямъ предоставили свободу уничтожать и жечь все, что могутъ [64]).

24 августа 1702 г. П. Апраксинъ рапортовалъ Царю изъ Ижоры, что полковникъ Иванъ Тыртовъ ходилъ въ Ладожское озеро «плавнымъ караваномъ» для промыслу и имѣлъ на озерѣ бой со шведскими шкунами, которыя отступили къ Орѣшкову [65]). 27 августа Иванъ Тыртовъ въ полный штиль атаковалъ гребными судами парусную эскадру вице-адмирала Нумерса, стоявшую на якорѣ близъ Кексгольма, причемъ смѣлому полковнику удалось сжечь двѣ шкуны, одну потопить, а двѣ взять въ плѣнъ и уменьшить отрядъ адмирала на 300 чел. У Тыртова было 30 судовъ (карбсовъ) и 1000 чел. солдатъ. Къ сожалѣнію, самъ Тыртовъ

былъ сраженъ пулей.—Нумерсъ ушелъ Невою въ Финскій заливъ къ Выборгу и такимъ образомъ Ладожское озеро очутилось почти въ полномъ распоряженіи русскихъ [66]), а Нотебургъ лишился своей морской охраны. Постройка донскихъ лодокъ оказалась такимъ образомъ вполнѣ цѣлесообразной.

Не смотря на отсутствіе путей сообщенія энергичный государь сосредоточилъ около Нотебурга «большой корпусъ», кажется, въ 10.000 чел., назначивъ его начальникомъ генералъ-фельдмаршала Шереметева. Осадный паркъ располагалъ 43 орудіями. Предвидя неизбѣжность штурма, Царь прибѣгъ къ своему излюбленному пріему и приказалъ, просѣками въ лѣсу, перетащить Свирскія лодки въ Неву. При этомъ Царь трудился, какъ простой работникъ, ободряя другихъ въ тяжеломъ дѣлѣ.—Русскіе начали возводить свои укрѣпленія подъ Нотебургомъ 26 сентября 1702 г. [67]). Ночью подошли два непріятельскія судна, однако «наша мушкатерія» принудила ихъ «раковой ходъ воспринять». Въ знакъ осады и желанія помощи гарнизонъ крѣпости выставилъ королевское знамя. Изъ Корелы дѣйствительно пришли три шкуны съ запасомъ и людьми. Гарнизонъ Нотебурга состоялъ изъ 450 чел. при 142 орудіяхъ (по шведскимъ даннымъ въ крѣпости находилось только 250 ч. войска) [68]). 1-го Октября «генералъ Фельтъ маршалкъ» Шереметевъ сдѣлалъ престарѣлому коменданту полковнику Густаву Вильгельму ф.-Шлиппенбаху младшему предложеніе сдаться «на способный договоръ», но такъ какъ согласія не послѣдовало, началась пушечная стрѣльба. Положеніе Кроніорта было таково, что онъ самъ нуждался въ подкрѣпленіи. Изъ Ніеншанца онъ писалъ Шлиппенбаху: «Непріятель нападаетъ на меня съ большой силой, и я принужденъ буду отступить къ Нюэну, но я довѣряюсь вашему доброму поведенію придти мнѣ на помощь въ крайнемъ случаѣ» [69]). Тѣмъ не менѣе генералъ Кроніортъ прислалъ отрядъ въ 400 чел. пѣхоты и роту драгунъ, при 4 орудіяхъ, подъ начальствомъ Ганса Іорана Лейона, но ему не удалось проникнуть въ крѣпость и только 50 человѣкъ были введены туда [70]). Результаты первыхъ дней бомбардированія были ужасны. Жена коменданта просила о пропускѣ для нея и всѣхъ женщинъ крѣ-

НА ВЗЯТІЕ НОТЕБУРГА.

пости. Отвѣтъ сводился къ тому, что если желаютъ выѣхать, «изволили бы и любезныхъ супружниковъ своихъ съ собою вывести купно.»—Отказъ вызвалъ ожесточенную пальбу съ крѣпостныхъ верковъ. Наша стрѣльба причинила два «великихъ пожара» въ крѣпости. Государь день и ночь находился въ траншеяхъ, управляя орудіями своей батареи. Комендантъ храбро защищался. Въ стѣнахъ крѣпости пробито было ядрами три пролома. Царь вызвалъ охотниковъ на штурмъ, который вышелъ очень кровопролитнымъ. 11 октября русскіе со всѣхъ сторонъ учинили «жестокій» приступъ; но штурмовыя лѣстницы оказались короткими и взять укрѣпленія не удалось [71]). Шведы отчаянно сопротивлялись, нанося охотникамъ ужасное пораженіе. Приступъ повторили; но храбрецы сметались цѣлыми рядами. Разсказываютъ, что Государь, не видя надежды отъ втораго приступа, послалъ приказаніе отступить; но доблестный подполковникъ Семеновскаго полка кн. М. М. Голицынъ смѣло отвѣтилъ посланному: «Скажи Государю, что теперь я принадлежу не Петру, но Богу». Тотъ же Голицынъ велѣлъ оттолкнуть лодки отъ берега. Солдаты, видя, что имъ осталось побѣдить или умереть, съ новымъ жаромъ устремились на укрѣпленія и послѣ тринадцати часовъ кровопролитнаго боя комендантъ «ударилъ шамаду» (сдачу). Царь потребовалъ сдачи крѣпости «безъ всякой лжи и обмана». Это было 11 октября 1702 г.—Войско, воодушевленное царемъ,—говорится въ народной пѣснѣ—готово идти на трудное дѣло: взять «бѣлой грудью» крѣпость (Орѣшекъ), къ которой нельзя ни подойти, ни подъѣхать.

Тронулося войско ко стѣнѣ—
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились ворота непродѣльны.
А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобной.

Гарнизонъ по договору былъ выпущенъ съ распущенными знаменами, при барабанномъ боѣ «и съ пулями въ роту». Мы потеряли 564 ч. убитыми; раненыхъ было около 928 ч. При осадѣ выпущено было 10.725 снарядовъ и израсходовано 4.471 пуд. пороха.

Петръ былъ очень обрадованъ взятіемъ Нотебурга и щедро наградилъ участниковъ осады. Комендантомъ назначилъ князя А. Д. Меншикова [72]).

Во время тріумфальнаго шествія въ Москву послѣ взятія Нотебурга, Петръ, по словамъ Плейера, былъ увѣнчанъ, передъ первыми тріумфальными воротами лавровыми вѣнками, что ему очень понравилось.

Въ письмахъ царя отражена вся трудность предпріятія и значеніе достигнутой побѣды. «Хотя и бывали у дѣла,—писалъ онъ Мусину-Пушкину,—однако сіе кромѣ всякаго мнѣнія человѣческаго учинено, но только единому Богу во славу сіе чудо причесть». «Правда,—писалъ царь,—хотя и зѣло жестокъ сей орѣхъ (Орѣшекъ) былъ, однако, славу Богу, разгрызли, но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣдные зубы, т. е. пушки, отъ того испортились».

Какъ было Петру не радоваться тому, что островной и каменный Нотебургъ взятъ штурмомъ! Его молодыя войска проявляютъ хорошія боевыя качества. «Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила»,—сообщалъ царь Виніусу. Но существовала и историческая причина радости. На объяснительномъ чертежѣ осады Нотебурга Петромъ I сдѣлана надпись: «Таковымъ образомъ, черезъ помощь Божію отечественная крѣпость возвращена, которая была въ неправдивыхъ непріятельскихъ рукахъ 90 лѣтъ». На медали, выбитой въ память взятія Нотебурга, также значилось: «была у непріятеля 90 лѣтъ». 11 октября 1702 г., по взятіи Нотербурга, Петръ писалъ королю польскому Августу II: «Изъ завоеванной нашей наслѣдной крѣпости Орѣшка» [73]).

Прошло 16 лѣтъ, но впечатлѣніе Нотебурга у Петра не изгладилось. 11 октября 1718 г. онъ писалъ Екатеринѣ: «Поздравляемъ вамъ симъ счастливымъ днемъ, въ которомъ русская нога въ вашихъ земляхъ ѳуть взяла, и симъ замкомъ много замковъ отперто». Усмотрѣвъ, что ключъ отъ Ингерманландіи перешелъ въ русскія руки, Петръ переименовалъ крѣпость Нотебургъ въ Шлиссельбургъ. «А мѣсто тутъ зѣло нужно»—припоминаются вновь слова Царя,—который, цѣня новое свое пріобрѣтеніе, каждый годъ 11 октября, если находился въ Россіи, имѣлъ обыкновеніе ѣздить въ крѣпость [74]).

Нѣсколько лѣтъ спустя резиденту Веберу довелось посѣтить Шлиссельбургъ и онъ выразилъ удивленіе, «какъ русскіе могли взобраться на такую крѣпость и взять ее, съ помощью однѣхъ осадныхъ лѣстницъ». Крѣпость была обнесена высокими и толстыми стѣнами [75]).

Въ томъ же 1702 г. «попъ города Олонца Иванъ Окуловъ»,

собравъ до тысячи человѣкъ пѣшихъ охотниковъ изъ жителей Карельской земли, разбилъ непріятельскія заставы, побѣдивъ до четырехъ сотъ шведовъ, захватилъ знамена, всякое оружіе и лошадей «довольно». За содѣйствіе «открытію вратъ въ шведскую область» Царь наградилъ Окулова [76]).

«Немного позже (1703 г.) губернаторъ кн. А. Д. Меншиковъ съ татарами и калмыками ходилъ по Ладожскому озеру къ городу Карелѣ, съ намѣреніемъ овладѣть имъ внезапнымъ нападеніемъ, «но экспедиція не удалась, понеже непріятель свѣдалъ, только взято въ полонъ нѣсколько десятковъ обывателей уѣздныхъ» [77]).

По покореніи Нотебурга Петръ сталъ готовиться къ взятію Ніеншанца.

Ніеншанцъ отстоялъ отъ Нотебурга въ шести миляхъ и приходился у устья р. Охты, противъ нынѣшняго Смольнаго. Шведы называли его Nyenskans, финны—Nevanlinna, русскіе Канцы, Ниэншанцъ, Новые Канцы. Основаніе этой крѣпости положено было Торкелемъ Кнутсономъ въ 1300 г., во время одного изъ его походовъ. Крѣпость предназначалась для операціонной базы противъ карелъ и называлась первоначально Ландскрона. Но новгородцы на слѣдующій же годъ разрушили ее, прійдя сюда подъ начальствомъ Андрея Александровича. Шведы ее возобновили. Дальнѣйшая опредѣленная борьба за обладаніе невскими берегами наблюдается при Іоаннѣ Грозномъ въ концѣ XVI ст., когда побѣдителемъ русскихъ явился Понтусъ Делагарди. Тогда же шведскій король Іоганъ III присвоилъ себѣ титулъ «великаго князя Кареліи, Ингерманландіи и Шелонской пятины» въ Россіи, «и герцога Эстовъ» въ Ливоніи. Въ 1583 г. Іоаннъ IV составилъ планъ крѣпости на Невѣ противъ Нотербурга и предлагалъ передвинуть русскую границу отъ Систербека къ Невѣ; но затѣю пришлось оставить, вслѣдствіе успѣховъ шведовъ при Ѳедорѣ Іоанновичѣ.

Въ 1656 г. русскіе впервые, при Алексѣѣ Михаиловичѣ, осадили Ніеншанцъ; въ іюнѣ они взяли крѣпость, но въ сентябрѣ возвратили ее шведамъ.

Противъ крѣпости, на той же рѣкѣ Охтѣ, возникъ городъ Ніенъ. Онъ велъ значительную мѣновую торговлю. Густавъ II Адольфъ предполагалъ устроить въ немъ склады и сосредоточить здѣсь торговлю русскихъ и иностранцевъ, которая производилась тогда въ Архангельскѣ. Русскіе послѣ переговоровъ согласи-

лись. Ніенъ получилъ стапельное право, получилъ въ 1647 г. городское устройство, гербъ и иныя льготы, но въ 1681 г. онъ былъ истребленъ пожаромъ.

Высшая власть надъ городомъ принадлежала губернатору Ингерманландіи и Кексгольма. Съ первой половины XVII ст. здѣсь, въ Ніенѣ, находилась его резиденція. Но въ 1651 г. онъ избралъ себѣ новое мѣсто жительства въ Нарвѣ.

Этнографическій составъ города былъ разнообразенъ, ибо сюда жители привлекались искусственно. Болѣе всего было шведовъ и финновъ изъ Саволакса и Кареліи. Финны занимались ремеслами. Нѣмцы изъ остзейскихъ провинцій составляли денежную аристократію. Въ 1640 г. населеніе не превышало 294 ч., а въ концѣ вѣка достигло до 2 тыс.

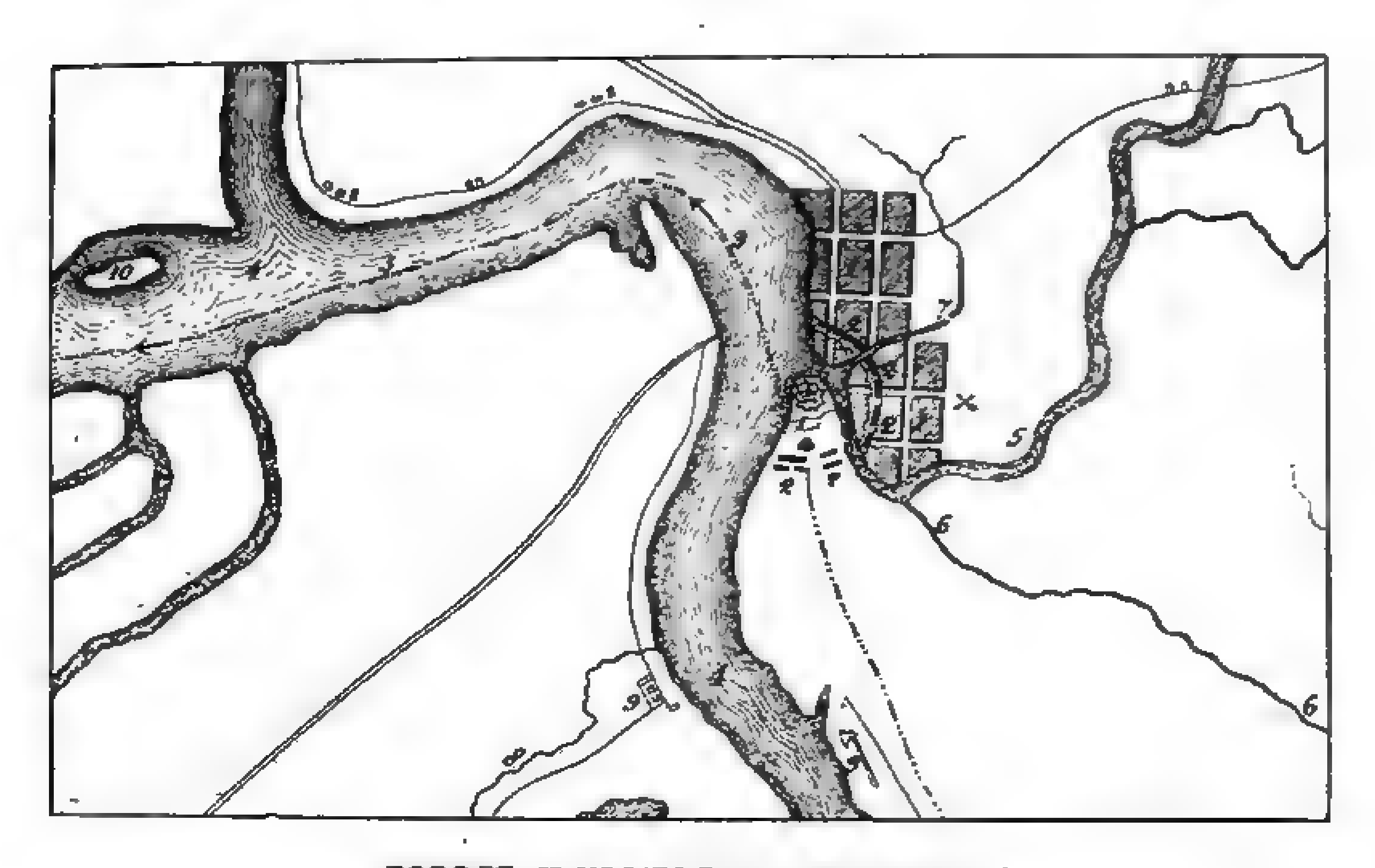
Все вниманіе обращено было здѣсь на развитіе торговли, главнымъ предметомъ которой для Ніена являлся хлѣбъ. Жители добивались разныхъ правъ и между прочимъ права ѣздить въ Персію. Переговоры съ Московіей показывали, что наши цари не соглашались пропускать шведовъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ. Шведы вообще терпѣли нѣкоторыя стѣсненія: имъ не разрѣшали строить торговыхъ домовъ во Псковѣ, не выдавали паспортовъ безъ подарковъ (или взятокъ), они жаловались, что русскіе употребляли невѣрные вѣсы, шведамъ не разрѣшали прямымъ путемъ выѣзжать за границу и т. п. Въ свою очередь русскіе взводили цѣлый рядъ обвиненій на шведовъ. Развитію торговли мѣшали разныя обстоятельства: подводы стоили дорого, вывозъ изъ Россіи былъ обставленъ стѣснительными условіями. Послѣ Кардисскаго договора права шведовъ, кажется, нѣсколько расширились. Шведы особенно усердно хлопотали о томъ, чтобы русскіе сосредоточили свою торговлю въ балтійскихъ гаваняхъ. Но вѣковая вражда Россіи со Швеціей препятствовала тѣснѣйшимъ торговымъ сношеніямъ.

Въ городѣ Ніенѣ было два прихода—шведскій и нѣмецкій. Право имѣть свою церковь нѣмцы получили лишь въ 1640 г. при Христинѣ. При Густавѣ II Адольфѣ въ школѣ преподавались шведскій, нѣмецкій и русскій языки. При училищѣ состоялъ русскій дьякъ. Во времена Христины въ Ніенѣ была русская школа и ей въ даръ правительство принесло русскую библію. При Христинѣ-же возникли шведскія школы [78]).

Тихону Никитичу Стрешневу приказано было озаботиться наборомъ солдатъ и драгунъ; фельдмаршалу Б. П. Шереметеву

велѣно быть готовымъ къ «генеральному походу» къ веснѣ, а надзирателю артиллеріи Андрею Андреевичу Виніусу—прислать зимнимъ путемъ артиллерійскіе боевые припасы. По сплавнымъ рѣкамъ надлежало заготовить суда и паромы.

Петръ, понимая стратегическое и торговое значеніе Невы, торопился военными операціями, такъ какъ изъ политическаго міра доходили тревожные слухи. Царь опасался появленія шведскаго флота въ Финскомъ заливѣ; онъ зналъ, что Голландія и Англія старались примирить Карла съ Августомъ, чтобы освободить саксонцевъ и имѣть въ нихъ возможныхъ союзниковъ въ войнѣ съ Франціей; на югѣ, вслѣдствіе интригъ Турціи, Крымскій ханъ грозилъ войною. Настроеніе Царя видно изъ его письма отъ 6-го апрѣля 1703 г. къ Шереметеву..: «больше не могу писать, только что время, время, время, и чтобы не дать предварить непріятелю насъ»...

ГОРОДЪ И КРѢПОСТЬ НІЕНШАНЦЪ.
2. Батареи русскихъ.—3. Путь Петра В.—4. Рѣка Нева.—5. Малая Охта.—
9. Мѣсто гдѣ Св. Александръ Невскій разбилъ Биргера.

По сказкѣ ладожанъ петровскаго времени, крѣпость Канцы имѣла старый валъ безъ башенъ, а за валомъ деревянныя рогатки и ровъ. Земли подъ крѣпостью всего съ десятину. Около крѣпости посадъ (городъ) Канецкій въ 400 дворовъ.—Въ крѣпости одинъ домъ воеводскій и 10 солдатскихъ дворовъ. Впослѣдствіи Петръ

опредѣлилъ, что, «городъ гораздо больше, какъ сказывали, однако-жъ не будетъ съ Шлиссельбургъ», а «Вѣдомости» 1703 г. росписали Канцы, какъ «славную Свѣйскую крѣпость, у которой изрядная карабельная пристань».

23 апрѣля 1703 г. Б. П. Шереметевъ выступилъ изъ Шлиссельбурга по правому берегу Невы къ Ніеншанцу съ 20.000 войска (по другимъ свѣдѣніямъ 16.025.). Шли лѣсами. На другой день онъ выслалъ «плавнымъ путемъ» отрядъ въ 2 тыс. чел. подъ начальствомъ полковн. Нейттарда и капитана Преображенскаго полка Глѣбовскаго, для рекогносцировки. Этотъ отрядъ произвелъ маленькое нападеніе на шведскій постъ въ 150 чел., а нѣкоторые храбрецы взобрались даже на валъ крѣпости, но не могли тамъ удержаться. Пока устраивались генералъ-инженеромъ Ламбертомъ батареи для предстоявшаго бомбардированія, подошли барки съ орудіями, бомбами, шанцевымъ инструментомъ, фашинами и пр. «Великій, Государь, Его Царское Величество, имѣя тщаніе свое къ побѣжденію непріятеля и хотя онаго воевать неотступно, изъ Шлиссельбурга пошелъ въ воинскій походъ подъ Канцы водой». Царь «яко капитанъ бомбардирскій» на 60 лодкахъ съ преображенцами и семеновцами опустился по Невѣ мимо самой крѣпости для осмотра мѣстности. Съ крѣпостныхъ верковъ былъ открытъ немалый огонь, но эта стрѣльба никакого вреда не причинила. Приготовленія продолжались. «За помощью Вышняго, все далъ Богъ здорово,—писалъ Головинъ,—и наши войска кругомъ города облегли, и уже шанцы къ самому ихъ рву приведены [79]). 30 апрѣля все было готово. Б. Шереметевъ послалъ больному и старому коменданту Ивану Опалеву (по шведскому произношенію Іогану Аполову) письмо съ увѣщаніемъ сдаться. Тотъ отвѣтилъ, что будетъ защищать ввѣренный ему городъ. Тогда, въ 7 часовъ пополудни, наши батареи начали стрѣльбу. Помощи отъ генер. Кроніорта не было. Переговоры возобновились, именемъ Царя Шереметевъ обѣщалъ осажденнымъ «добрый аккордъ» и крѣпость сдалась 1-го мая (1703 г.) «Непріятель,—пишетъ Головинъ,—не утерпя нашего промыслу, городъ сдалъ и введены въ него Царскаго Величества войскъ два полка солдатскихъ, Преображенскій

НА ВЗЯТІЕ КАНЦА.

и Семеновскій, и никакого войскамъ Царскаго Величества урону подъ нимъ нѣтъ» [80]). Шведскому гарнизону въ 600 чел. позволено было отступить къ Нарвѣ съ распущенными знаменами. Русскій конвой охранялъ шведовъ на пути отъ нашихъ отрядовъ. Крѣпость переименовали въ Шлотбургъ (Замокъ-городъ).—Русскимъ досталось «множество пушекъ и иныхъ всякихъ припасовъ» [81]). Царь благодарилъ Всевышняго «наипаче за пріобрѣтеніе желаемой морской пристани». Не забытъ былъ затѣмъ и Бахусъ—Ивашка...

Ключъ и замокъ отъ входа и выхода Невы были теперь въ рукахъ русскихъ, а «врата (въ Европу) отверсты».

Андрей Виніусъ, поздравляя Петра I по случаю взятія Ніеншанца, писалъ, между прочимъ: «Веселитеся русскіе, подъ игомъ желѣзнымъ шведской неволи, стонящіе люди, яко пріиде избавленіе ваше и возсія вамъ свѣтъ православія» [82]). Вѣроятно Виніусъ намекаетъ на тѣ времена, когда послѣ Столбовскаго договора (1616 г.) жители Ижорской земли принуждались къ перемѣнѣ вѣры. «До 1612 г. земля Ижорская сохраняла свой русскій видъ».

По взятіи Ніеншанца большинство жителей переселилось въ Выборгъ. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «Мы здѣсь (въ Ніенѣ) живемъ въ бѣдномъ постановленіи понеже Москва въ здѣшней землѣ зѣло не добро поступаетъ и для того многіе люди отъ страха отселѣ въ Выборгъ и въ Финляндскую землю уходятъ, взявъ лучшіе пожитки съ собою» [83]). Въ Выборгѣ они прочно обосновались и явились родоначальниками мѣстнаго дворянства.

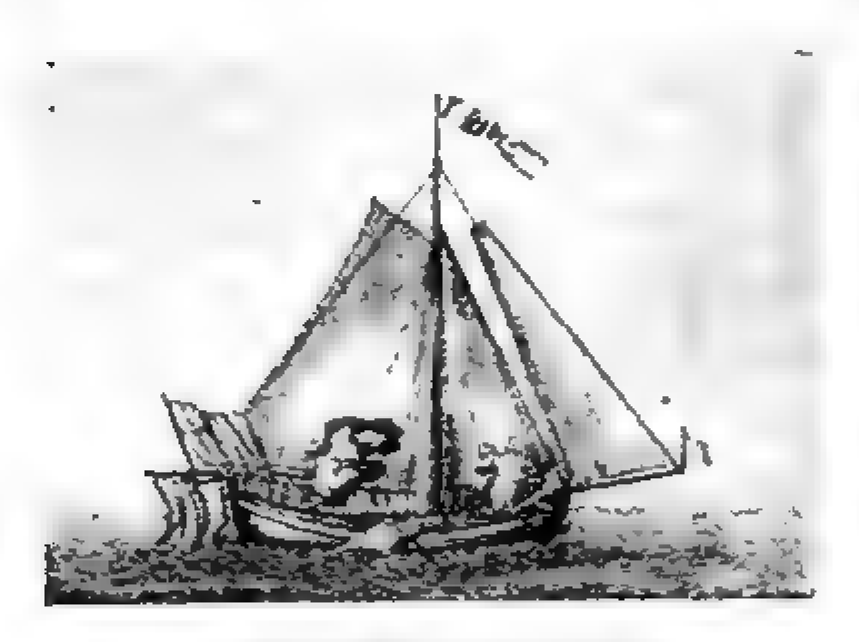
Одинъ изъ бѣглецовъ, слѣпой и параличный воинъ Іоганъ Іогансонъ подалъ прошеніе королю, въ которомъ между прочимъ едва-ли обо всемъ вполнѣ справедливо писалъ: «Приношу жалобу Вашему Величеству о томъ, какъ немилосердно, не по христіански и передъ Богомъ непростительно обращался со мною безбожный и тиранической непріятель—русскій, который не только лишилъ меня зрѣнія, но и за-живо сжегъ мою невѣстку и изжарилъ нашихъ троихъ дѣтей. О, Боже, какая тиранія! Сначала при Ніеншанцѣ въ Ингерманландіи, откуда мы въ тотъ разъ въ великомъ бѣдствіи, нуждѣ и опасности жизни бѣжали, а затѣмъ два раза насъ преслѣдовали, ограбили небольшое наше имущество, такъ что мнѣ едва удалось спасти свою жизнь и бѣдную мою старуху (оба мы были наги). Жатву взялъ непріятель» [84]).

Согласно другимъ источникамъ, которые представляются историку Выборга, Габріэлю Лагусу, весьма надежными, Царь обошелся съ капитулировавшими особенно хорошо и предупредительно. Объ этомъ свидѣтельствовалъ въ то время капитанъ Стобеусъ, ѣздившій въ Сестрорѣцкъ, для приведенія въ порядокъ укрѣпленій. Правда, шведскіе солдаты задержаны были на восемь дней въ Ніеншанцѣ, но сдѣлано это было изъ опасенія тайныхъ минъ въ крѣпости. У нихъ отняли также хорошее оружіе и взамѣнъ дали похуже.— 36 человѣкъ изъ сдавшихся поступили въ русскую службу. По словамъ другого свидѣтеля, цейхвахтера Томасса Весслинга, котораго адмиралъ Нумерсъ послалъ въ русскій лагерь разузнать о плѣнныхъ, Царь оказалъ имъ такую вѣжливость, которая почти напоминала о временахъ рыцарства. Такъ, напримѣръ, онъ дозволилъ шведскому пастору хоронить на шведскомъ кладбищѣ павшаго поручика Киліана Вильгельмса, и объявилъ, что въ память его будетъ носить его шпагу [85]).

Браунштейгъ—люнебурскій резидентъ Ф. Ф. Веберъ осматривалъ Ніеншанцъ. По его описанію крѣпость эта находилась въ разстояніи мили отъ Петербурга. Матеріалъ разрушенныхъ домовъ употребили на обстройку Петербурга.—Жители, производившіе порядочную торговлю въ Остзейскомъ мірѣ, захвачены большею частью въ плѣнъ, а незамужнія дѣвицы взяты въ услуженіе царицею, княгинею Меншиковой и другими знатными дамами и затѣмъ повыданы замужъ [86]).

Шведы, не зная о томъ, что Ніеншанцъ палъ, пришли 2 мая съ флотомъ (въ девять судовъ), подъ начальствомъ вице-адмирала Нумерса. Со взморья раздались два обычныхъ у нихъ пушечныхъ выстрѣла —«лозунгъ» Ніеншанцу о приходѣ на выручку крѣпости. По приказанію Шереметева съ крѣпостнаго вала отвѣтили также двумя орудійными выстрѣлами. Выстрѣлы продолжались ежедневно, пока Нумерсъ, задержанный противнымъ вѣтромъ, стоялъ противъ нынѣшняго Екатерингофа. 6 мая (1703 г.) шлюпки вошли въ Неву за лоцманомъ. Русскіе пожелали схватить матросовъ, но имъ удалось задержать только одного, отъ котораго узнали о судахъ и адмиралѣ. Шведы, ничего не подозрѣвая и ничего не узнавъ, направили одномачтовый галіотъ и двухмачтовую бригантину («Геданъ» и «Астрель») въ Большую Неву. Объ этомъ доложили Петру. Царь посадилъ солдатъ отъ обоихъ полковъ своей гвардіи на 30 лодокъ и самъ «тихою греблею» повелъ ихъ ночью 7 мая на шведовъ. Въ атакѣ на абордажъ уча-

ствовала лишь половина сихъ лодокъ. Изъ 77 чел. шведскаго экипажа остались въ живыхъ только 19 чел., «понеже непріятель пардонъ зѣло поздно закричалъ» [87]). Петръ первый вошелъ на «Астрель» съ ручными гранатами. «Смѣю и то писать,—говорилось въ письмѣ Царя къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, что истинно съ восемь лодокъ съ самомъ дѣлѣ были» [88]). Адмиралъ Нумерсъ со своей эскадрой остался лишь зрителемъ печальной участи своихъ посыльныхъ судовъ, такъ какъ узкій фарватеръ Невы помѣшалъ придти на помощь. 8 мая оба «обордированныхъ» судна были доставлены къ Шлотебургу.

ШВЕДСКІЙ БОТЪ «ГЕДАНЪ»,
взятый въ устьяхъ Невы 7 мая 1703 г.

Въ дѣлѣ, вмѣстѣ съ «капитаномъ отъ бомбардировъ», находился и поручикъ Меншиковъ, «понеже иныхъ на море знающихъ не было». Пушекъ и лодокъ наши не имѣли и потому противъ орудійнаго огня непріятеля пришлось выступить «съ одною мушкетной стрѣльбою». «Получившіе викторію»—бомбардирскій капитанъ и поручикъ, онъ-же «Шлиссельбургскій и Шлотбургскій комендантъ», «учинены были кавалерами ордена Св. Андрея» (Первозваннаго) [89]). Въ память этого событія выбита медаль съ надписью «Небываемое бываетъ».

Чтобы описанное дѣло предстало въ надлежащемъ историческомъ освѣщеніи, необходимо пояснить, что въ исходѣ XVII ст. въ Швеціи для разныхъ надобностей при корабельномъ флотѣ строились малыя посыльныя суда, которыя, хотя и числились военными, но по своей конструкціи ни въ чемъ не разнились отъ прочихъ коммерческихъ судовъ того времени. Все различіе ихъ состояло въ томъ, что въ ихъ бортахъ повыше палубы прорѣзывались отверстія или порты для постановки мелкокалиберныхъ орудій. Одномачтовое судно «Геданъ» имѣло видъ грузового палубнаго коммерческаго судна [90]).

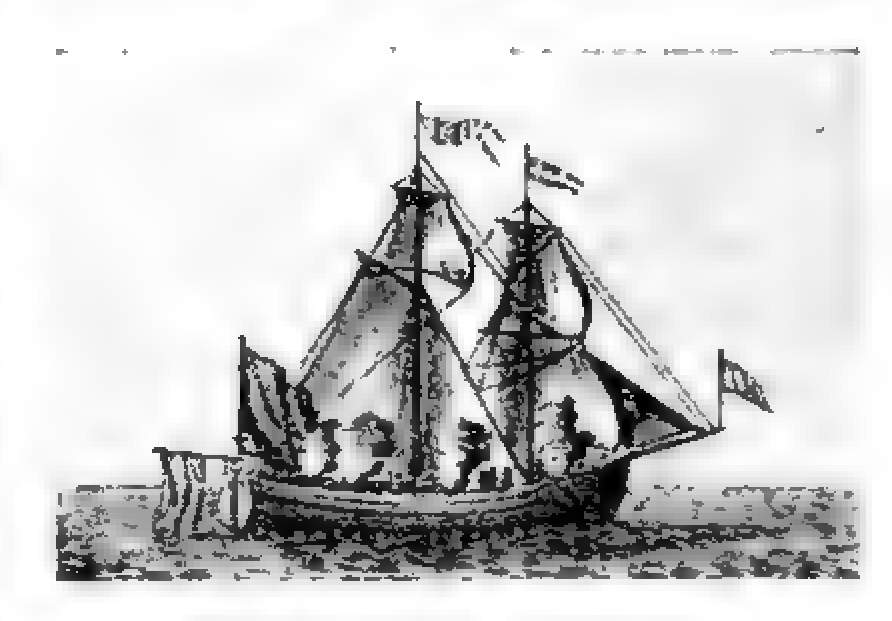
Первая морская побѣда чрезвычайно обрадовала Петра, какъ это видно изъ его писемъ къ своимъ приближеннымъ Н. Ю. Ромодановскому, Б. А. Голицыну, Т. Н. Стрѣшневу и др. Онъ особенно былъ доволенъ тѣмъ, что черезъ Неву Россіи открывался

путь въ Балтійское море и являлась возможность торговыхъ сношеній съ Голландіею, Даніею и Англіею.

«Такимъ образомъ,—какъ писалъ Царь Паткулю,—Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдія, неправильно похищеннаго. Умноженіе флота имѣетъ единственною цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней. Пристани эти останутся за Россіею; во-первыхъ, потому, что онѣ сначала ей принадлежали, во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, ибо черезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть» [91]).

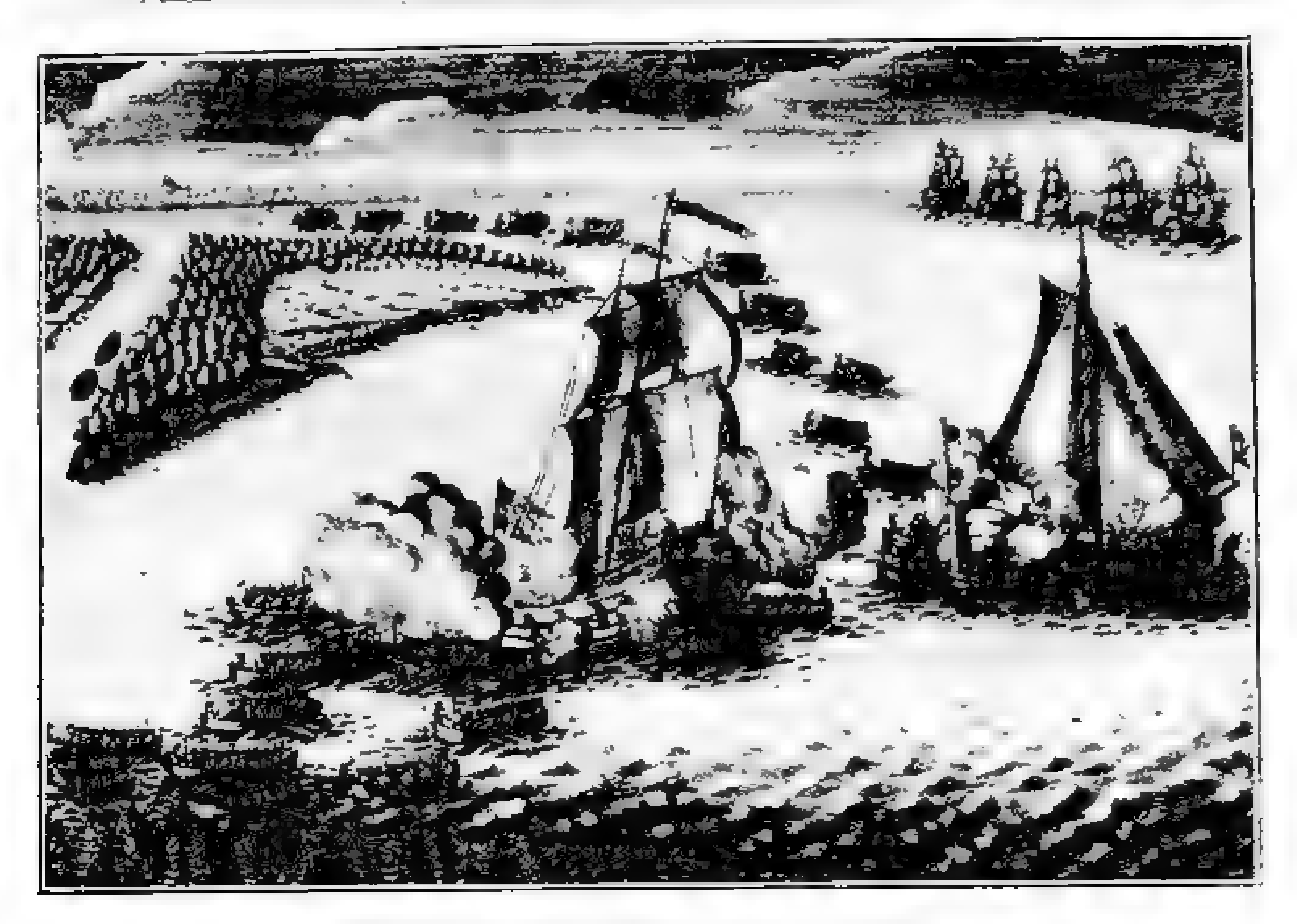
Петръ обладалъ Невою на всемъ ея протяженіи. Русское владычество было вновь водворено на ея берегахъ. По Невѣ русскіе стали плавать безпрепятственно, какъ при Вѣщемъ Олегѣ, Владимірѣ Св., Ярославѣ Мудромъ. Но только по Невѣ. Изъ русскихъ первыхъ «Вѣдомостей» узнаемъ, что «11 фуркатовъ пришли, чтобы не допустить московскимъ войскамъ кораблями изъ Нотебурга въ море приходить» [92]). Петръ имѣлъ рѣчную флотилію, но боевыхъ судовъ у него не было и отразить шведскіе корабли, стоявшіе все лѣто близъ устьевъ Невы, онъ не могъ. Петръ планировалъ поэтому такъ, чтобы выиграть время для устройства флота на Свири.

Военный совѣтъ, собранный по взятіи Канецъ (Ніеншанца), долженъ былъ рѣшить: «тотъ-ли шанецъ крѣпить или иное мѣсто удобное искать». Совѣтъ усмотрѣлъ, что цѣлесообразнѣе отыскать новое мѣсто для крѣпости, чѣмъ возобновлять старую крѣпостцу. Островъ Энисаари, Люстъ-Эйландъ, былъ признанъ болѣе подходящимъ и на немъ 16 мая 1703 г. заложена Петропавловская крѣпость, около которой сейчасъ-же началъ возводиться С.-Петербургъ. На мѣстѣ, занятомъ Петербургомъ, жилъ шведскій помѣщикъ съ немногочисленными финскими крестьянами и рыбаками.

ШВЕДСКАЯ ШНЯВА «АСТРИЛЬДЪ»,
взятая въ устьяхъ Невы 7 мая 1703 г.

По описанію очевидца, жители петербургской мѣстности были здоровый и отъ природы дюжій народъ, говорившій необыкновенно скоро на особомъ финскомъ языкѣ. Носилъ онъ лыковую обувь, плоскія шапки, а за поясомъ—небольшой топоръ. Къ его люте-

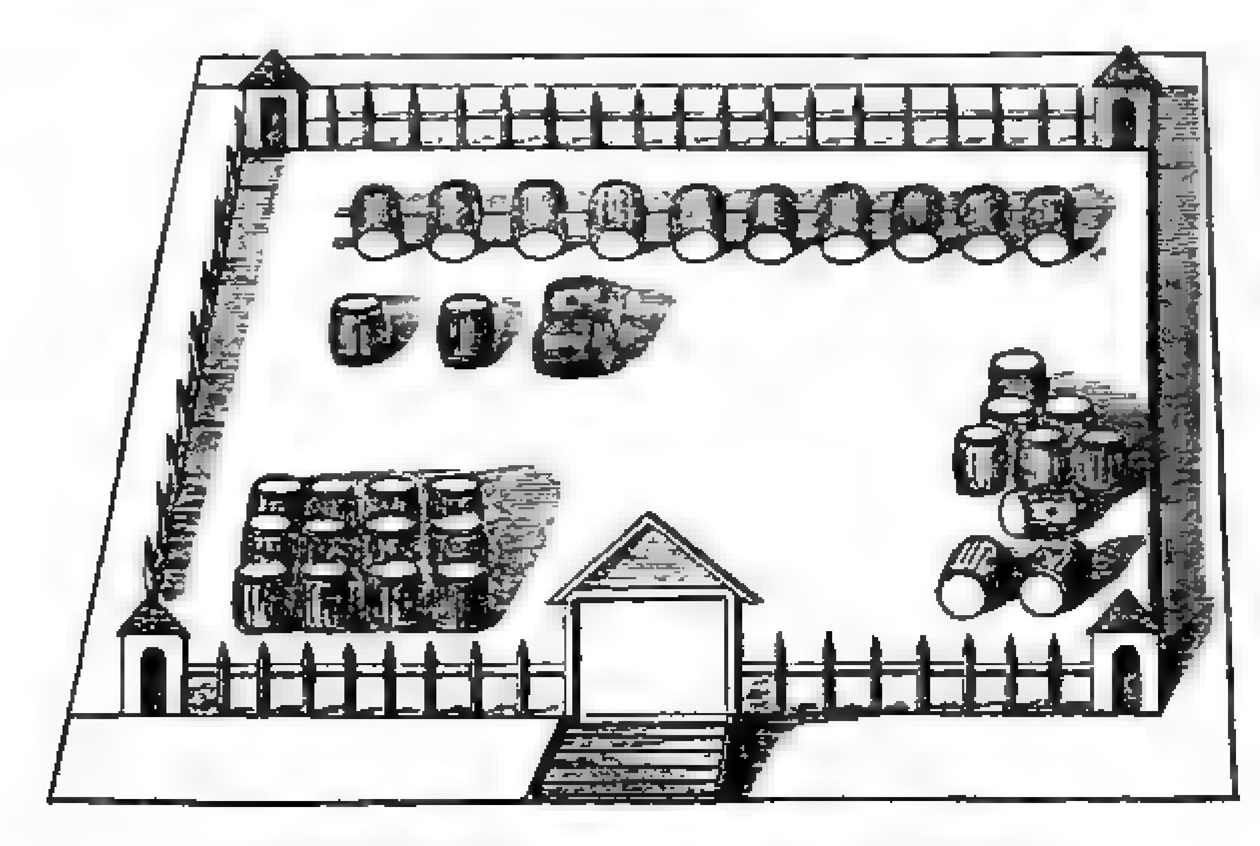
ВЗЯТІЕ ШВЕДСКИХЪ СУДОВЪ ВЪ УСТЬѢ НЕВЫ.

ранской религіи примѣшано было много суевѣрныхъ языческихъ обрядовъ. Хозяйство у него было очень скудное и дурное. Избы строились на русскій ладъ, большею частью изъ одной комнаты. Вмѣсто оконъ—маленькое отверстіе, съ задвижною дощечкою. У зажиточныхъ встрѣчалось крошечное окошечко, въ двѣ ладони, изъ слюды, бумаги, или пропитанной масломъ холстины. Постелей въ деревняхъ не знали. Лежали всѣ въ повалку, тутъ-же пристраивались собаки, кошки, свиньи, куры и пр. Освѣщали избу лучиной [93]).

Взявъ Канцы (Ніенъ), Петръ повелѣлъ срыть его укрѣпленія и свои батареи, возведенныя для завоеванія этой мѣстности. Вмѣсто шведскаго города возникло Охтенское адмиралтейское селеніе, которымъ царь дорожилъ для своего судостроенія. Здѣсь онъ устроилъ смольный складъ (дворъ), церковь и пр. На этомъ дворѣ хранилась смола для всего его флота. Дворъ огороженъ былъ палисадомъ и охранялся отъ огня крѣпкими караулами. Въ охтенскомъ селеніи сосредоточивались плотники — переведенцы изъ разныхъ городовъ для корабельнаго и галернаго строенія. Для нихъ сооруженъ былъ храмъ во имя св. Іосифа Древодѣла. Въ 1718 г., на берегу Фонтанки, противъ Лѣтняго Сада, Петръ велѣлъ выстроить Партикулярную Верфь, гдѣ строились всякія мелкія парусныя и гребныя суда. Петръ хотѣлъ, чтобы жители новой его столицы

безъ всякаго страха «по водамъ ѣздили» и для этого имъ «безденежно» раздавались суда, сдѣланныя по европейскому образцу. Царь желалъ, чтобы по воскреснымъ днямъ жители совершали на этихъ судахъ прогулки и всякія «экзерциціи», а въ тихую погоду собирались цѣлою флотиліей и по нѣскольку часовъ катались «по Невѣ рѣкѣ» [94]).

Крѣпость была построена непостижимо скоро. Землю носили или въ полахъ своей одежды, или въ небольшихъ рогожныхъ мѣшкахъ. Въ четыре лѣтнихъ мѣсяца 1703 г. крѣпость была вчернѣ окончена [95]). Строили крѣпость и «Парадизъ» вмѣстѣ съ русскими финны и ингерманландцы. На мысѣ Васильевскаго

СМОЛЬНЫЙ ДВОРЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПЕТЕРБУРГА.

острова—гдѣ нынѣ биржа—Петръ устроилъ передовой оборонительный пунктъ. Тысячи народа заняты были на прежней землѣ водской пятины возведеніемъ укрѣпленія и постройкою домовъ, а на волнахъ взморья покачивались суда эскадры Нумерса, у Сестрырѣки стоялъ отрядъ генерала Кроніорта, который,—какъ значится въ первыхъ русскихъ «Вѣдомостяхъ»,—укрѣплялъ Карелію и Финляндію. Эти обстоятельства Петра не смущали. Вся Европа удивилась столь отважному предпріятію,—писалъ одинъ иностранный историкъ; да и не безъ основанія. Петръ началъ дѣло столь великой важности въ самое то время, когда казалось, что «настоящая война имѣетъ одна занять все его попеченіе» [96])...

Такимъ образомъ на землѣ древней Новгородской пятины возникла будущая столица новой Имперіи.

Въ фактѣ основанія Петербурга крылась угроза Выборгу. О постройкѣ новаго города русскіе свѣдѣній не распространяли, и

когда встрѣчались съ отрядами, превосходившими ихъ въ силѣ, неизбѣжно отступали, чтобы не потерять людей, могущихъ дать свѣдѣнія о заложенномъ укрѣпленіи. Въ предѣлы новой крѣпости никого посторонняго не впускали. Крестьяне, привозившіе для продажи свои продукты, останавливались у воротъ; припасы отбирались и продавецъ ожидалъ уплаты внѣ крѣпости [97]). Однажды изъ Стокгольма прибылъ парламентеръ, для переговоровъ о плѣнныхъ. Далеко отъ крѣпости ему завязали глаза. Когда повязку сняли, онъ находился въ большомъ залѣ. Его встрѣтилъ русскій съ длинной бородой, въ туфляхъ, онъ прогуливался по-полу и курилъ трубку. Комендантъ Брюсъ, нѣмецъ по происхожденію, но московскій уроженецъ [98]), принялъ письмо и заговорилъ на чисто-шведскомъ языкѣ, при чемъ разсказалъ, что у него въ крѣпости 150 орудій, но трубача къ окну не допустилъ. Рядомъ въ комнатѣ находился молодой человѣкъ высокаго роста, передъ которымъ всѣ снимали шляпу. Вотъ все что знали въ Выборгѣ осенью 1703 г. о новомъ созданіи Петра Великаго.

Эренмальмъ, описывая Петербургъ (1710 г.), раздѣляетъ его на четыре части: крѣпость, русскую слободу, слободу нѣмецкую и Васильевскій островъ. Онъ очень сожалѣлъ, что Швеція потеряла этотъ городъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ утратила и свою безопасность, пока этотъ разбойничій вертепъ остается въ предѣлахъ Россіи.

Противъ крѣпости, къ востоку отъ нея, на нынѣшней Петербургской сторонѣ, были расположены дома Государя и Меншикова, торговые ряды, домики и шалаши для рабочихъ. На ингерманландской сторонѣ р. Невы, у адмиралтейства, возведены были дома чиновниковъ и служителей морского вѣдомства; здѣсь же жили иностранцы, принятые на русскую службу. Далѣе, у устья р. Фонтанки, находился бивачный лагерь. Въ 1706 г. начались каменныя работы по переустройству Петербургской крѣпости.— Кромѣ галерныхъ каторжниковъ здѣсь находилось до 6.000 рабочихъ. Каждые три мѣсяца ихъ замѣняли новой партіей такой-же численности. Въ бытность свою въ Петербургѣ, Петръ ежедневно посѣщалъ работы, а во время отсутствія онъ увѣдомлялся о ходѣ ихъ каждою почтою.

Въ Петербургъ Веберъ пріѣхалъ 19 февраля (2-го марта) 1714 г. Первое впечатлѣніе, произведенное на него этимъ городомъ, было довольно странное. «Вмѣсто воображаемаго мною порядочнаго города, я нашелъ тогда кучу сдвинутыхъ другъ къ другу селеній,

похожихъ на селенія американскихъ колоній. Нынѣ-же (не позже 1719 года),—городъ этотъ по своимъ роскошнымъ дворцамъ, по количеству домовъ (около 35 тыс. большихъ и малыхъ), и въ особенности по тому краткому времени, въ которое они были выстроены, по справедливости можетъ считаться чудомъ свѣта». Несомнѣнно,

Что юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво...

Тотъ-же Веберъ удостовѣряетъ, что для постройки крѣпости, сооруженія общественныхъ зданій и кораблестроенія въ Петербургѣ сосредоточено было болѣе 40 тыс. рабочихъ. На помощь къ нимъ присланы были финскіе крестьяне и плѣнные шведы [99]). Говорили, что до ста тысячъ рабочихъ погибло при возведеніи Петербурга, ибо питаться имъ приходилось преимущественно кореньями и капустой; хлѣба же почти въ глаза не видали.

По финской легендѣ Петербургъ былъ построенъ на воздухѣ и затѣмъ сразу опущенъ на болото, изъ опасенія, что иначе онъ могъ по частямъ потонуть.

Много нареканій дѣлалось на Петра за основаніе сѣверной столицы среди болотъ. Но «Новый городъ основанъ былъ тамъ— читаемъ у С. Соловьева,— гдѣ Западное море всего глубже входитъ въ восточную равнину и болѣе приближается къ чисто русской землѣ».

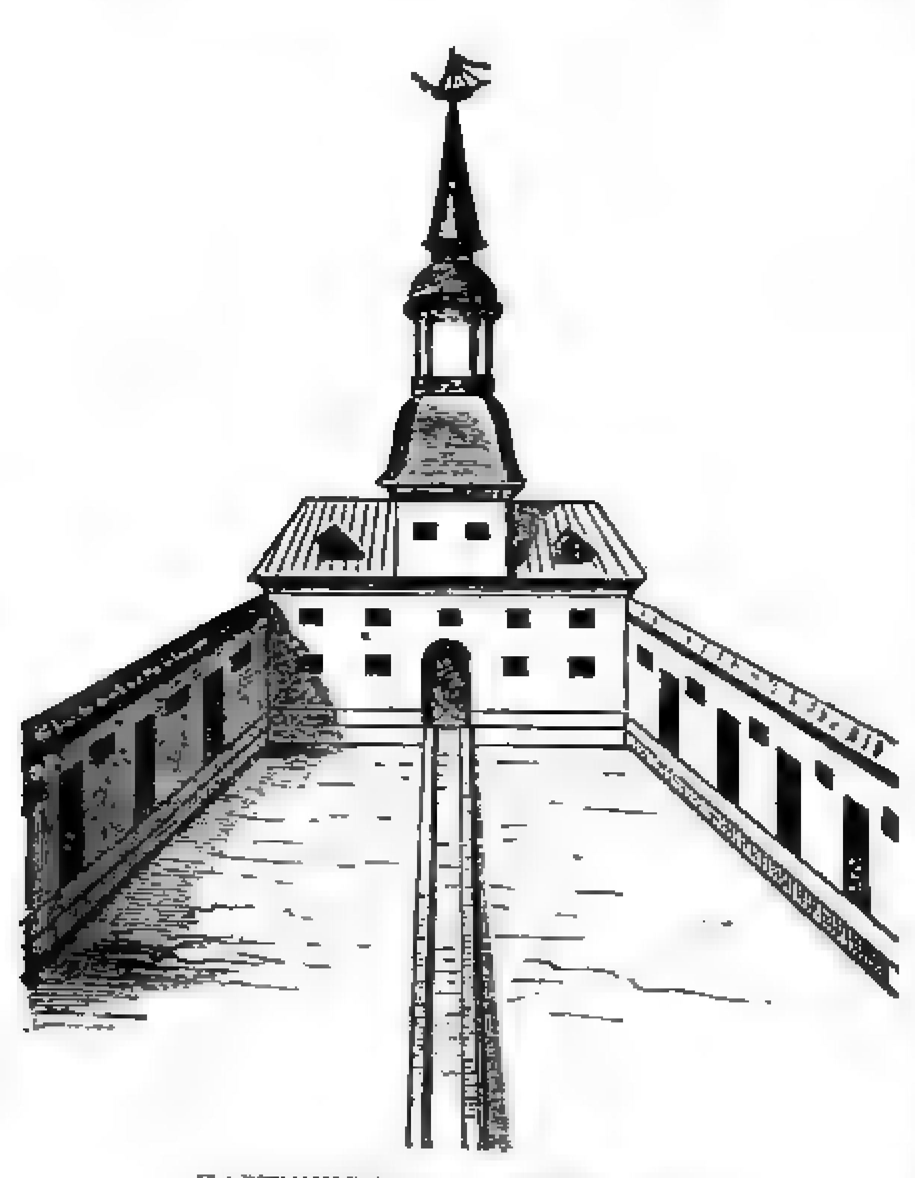
Основавъ городъ, Петръ продолжалъ свои отважные шаги на военномъ поприщѣ. По выраженію финскаго историка, русскій орелъ вонзилъ свои когти въ шею шведскаго льва [100]). «Войска великаго государя»—писалъ Головинъ 25 іюня изъ Шлотбурха— стоятъ нынѣ въ Ингріи и чинятъ непрестанные на отвращеніе непріятеля паники» [101]).

Дошла очередь до Кроніорта. Надлежало серьезно посчитаться съ его отрядомъ. Кроніорта обвиняли въ бездѣйствіи за то, что онъ не подалъ помощи ни Нотебургу, ни Ніеншанцу. Генералъ оправдывался слабостью своего отряда и недостаткомъ провіанта.

Излишняя осторожность имъ тѣмъ не менѣе была проявлена. Только въ 1703 г. онъ перешелъ къ активнымъ дѣйствіямъ. Въ іюнѣ произошла аванпостная стычка на Карельской границѣ около Лембола; русскихъ принудили къ отступленію.—Затѣмъ отряды

Кроніорта, подойдя къ Лахтѣ (9 верстъ отъ Петербурга), захватили нашу заставу. Около строящейся крѣпости забили тревогу и вскорѣ онъ поплатился за свою смѣлость. 7 іюля Государь выступилъ изъ Петербурга съ двумя полками гвардіи и съ четырьмя драгунскими. — Въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ, коими командовалъ ген. Чамберсъ, находилось около 5 тыс. чел.; конные полки состояли въ то время изъ 700 или 800 всадниковъ, слѣдовательно у Царя было примѣрно 8 тыс. чел. [102]), у Кроніорта только 4 тыс.

Кроніорта «нашли» (9 іюля 1703 г.) у р. Сестры, которая составляла границу между (русской) Ингерманландіей и (шведской) Финляндіей. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что русскіе шли не съ криками и разрозненными отрядами, а выступали молча, въ стройномъ порядкѣ, согласно правиламъ военнаго искусства [103]). Русскіе совершили «жестокую переправу», такъ какъ непріятель жарко «боронился» и «непрестанно изъ 13 пушекъ стрѣлялъ». Однако, начальникъ авангарда, драгунскій полковникъ Ренъ, овладѣлъ переправою на рѣкѣ и отбросилъ непріятеля, который, видя «нашихъ дерзновеніе», убралъ орудія и сталъ отступать [104]).

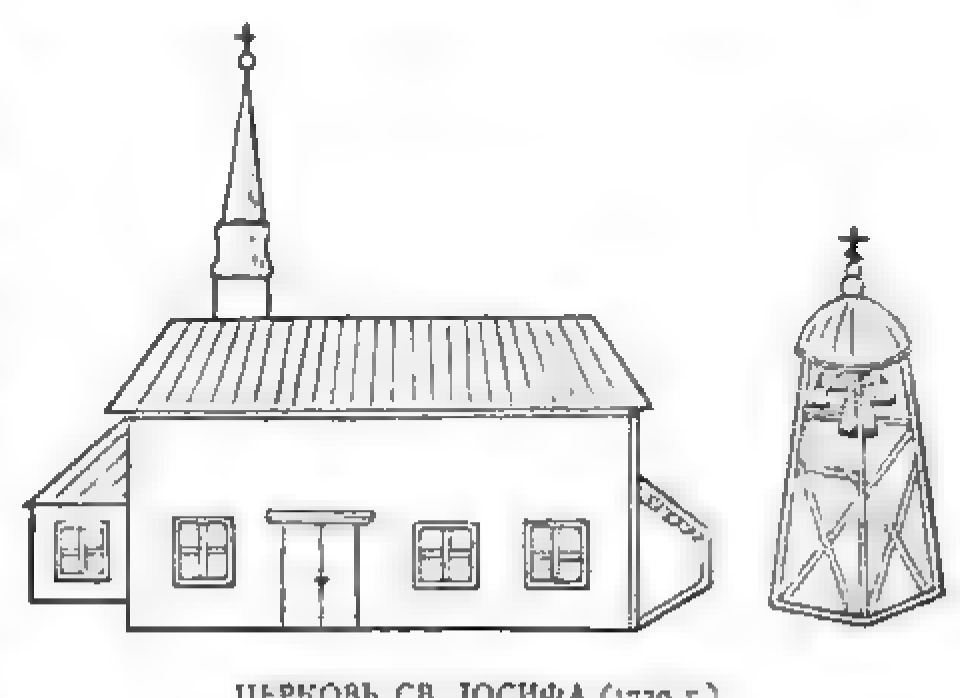

ПАРТИКУЛЯРНАЯ ВЕРФЬ (1718 г.).

Въ виду тѣсноты дороги, участіе въ дѣлѣ могли принять только драгуны. Пройдя версты двѣ, открылась поляна около Іоутсельке (Ioutselkä). Драгуны кинулись въ атаку на непріятеля, давшаго «бой фрунтъ на фрунтъ». Когда-же за конницей показалась наша пѣхота, непріятель скрылся въ лѣсъ. Началось преслѣдованіе, причемъ «зѣло много порубили, понеже солдатъ брать живьемъ не хотѣли». Крюніортъ отошелъ къ Выборгу, предполагая, что этотъ городъ являлся цѣлью русскаго похода.—Это сраженіе одинъ изъ шведскихъ писателей (Sjögren) называетъ «завоеваннымъ отступленіемъ».

Потери шведовъ опредѣлены примѣрно въ тысячу человѣкъ, «а подлинно знать невозможно».

Возвращаясь въ Петербургъ, Петръ разорилъ по дорогѣ Валькіасаари и другія мѣстечки. Кроніортъ, опасаясь осады, принялся за укрѣпленіе Выборга.

ЦЕРКОВЬ СВ. ІОСИФА (1720 г.).

Петръ занялся своими дѣлами, убѣдившись изъ донесенія Ивана Бахметева, что со стороны Финляндіи ему опасность не угрожаетъ [165]). На р. Сестрѣ была устроена застава изъ двухъ драгунскихъ полковъ. Гвардія же и дивизія Репнина расположилась въ Петербургѣ.

Нумерсъ наблюдалъ за устьемъ Невы до глубокой осени, а затѣмъ удалился въ Выборгъ на зимовку.

На ген. Кроніорта поступали жалобы и король разрѣшилъ ему вернуться къ своимъ губернаторскимъ обязанностямъ, послѣ чего онъ вскорѣ—въ концѣ 1703 г.—умеръ въ Гельсингфорсѣ. Его замѣстилъ генералъ-поручикъ Георгій Іоганъ Майдель, сопровождавшій Карла XII въ его походахъ и неоднократно отличившійся на поляхъ сраженій. — Назначеніе Майделя не возбудило никакихъ надеждъ. Общее мнѣніе было таково въ Финляндіи, что дѣло въ состояніи поправить одинъ только король, но онъ «увязъ въ Польшѣ».

Генералъ-лейтенантъ Майдель началъ съ обученія войскъ. Въ это время русскіе отряды произвели нѣсколько нападеній. По льду они пришли къ Ваммельсу и напали на шведскій караулъ; у Новой Кирки опустошили домъ пастора; изъ Куолема-ярви увели нѣсколько человѣкъ; на лыжахъ ходили къ ближайшимъ шхерамъ и т. д. [166]).

Въ свою очередь Майдель сдѣлалъ нѣсколько нападеній на Петербургъ и его окрестности, но они ни къ чему не привели. Его боевыя силы,—какъ говоритъ историкъ Финляндіи [107])—«къ сожалѣнію» были столь незначительны, что не могъ разсчитывать на успѣхъ.

10-го февраля 1704 г. шведскія партіи подошли къ нашимъ пограничнымъ карауламъ и забрали одного изъ четырехъ человѣкъ

въ плѣнъ. 27-го февраля Петербургскій комендантъ полк. Рене двинулся съ 2.300 чел. пѣхоты и конницы къ Выборгу, оттѣсняя въ глубь страны попадавшіяся ему на пути шведскія заставы. Встрѣтился онъ и съ значительными силами Майделя, но дѣло ограничилось аванпостными стычками [108]).

20-го Мая 1704 г. собрались въ походъ на Карелу (Кексгольмъ) гвардія, Ингерманландскій полкъ и дивизія кн. Репнина. Войска водою пошли вверхъ по Невѣ. Петръ поплылъ за ними; но походъ не состоялся, въ виду полученныхъ извѣстій о приходѣ шведовъ къ Нарвѣ [109]).

Въ маѣ же Майдель подходилъ къ Петербургу и выстоялъ огонь его укрѣпленій. Недостатокъ фуража побудилъ его отойти къ Валькеасаари (Бѣлоострову)—явленіе довольно обычное въ походахъ того времени. Кромѣ того, его сдерживало быстрое теченіе Невы. Все это, вмѣстѣ взятое, убѣдило Майделя въ необходимости совмѣстнаго дѣйствія съ флотомъ. И вотъ лѣтомъ 1704 г. Майдель, одновременно съ флотомъ, бывшимъ подъ начальствомъ вице-адмирала де-Пруа, предпринялъ экспедицію къ ново-невскому городу, дабы тѣмъ облегчить участь осажденной Нарвы.—1000 чел. было посажено на суда, а 3000 Майдель повелъ сухимъ путемъ.

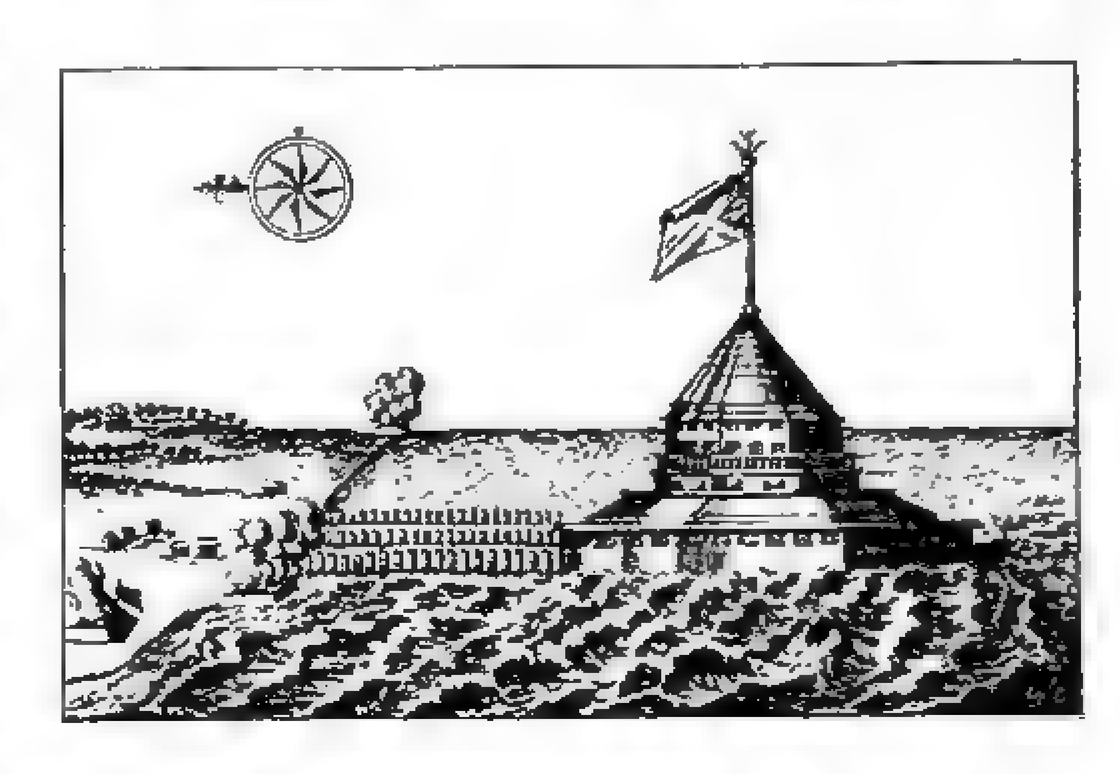
Комендантъ Петербурга Романъ Виллимовичъ Брюсъ, узнавъ о тѣсной связи, поддерживаемой между экскадрой де-Пруа и отрядомъ ген. Майделя, распорядился высылкой по Выборгской дорогѣ 2000 развѣдочнаго отряда казаковъ, запорожцевъ и татаръ. Аванпосты встрѣтились у Черной рѣчки. Наша кавалерія сбила шведовъ, захвативъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Но у каменной кирки (не доѣзжая 8 верстъ до р. Сестры) русскія войска были встрѣчены пушечнымъ огнемъ всего отряда Майделя и конницѣ пришлось отступить 11 іюля подъ защиту крѣпости Петербурга [110]). Во время отступленія татары прирѣзали шведскихъ плѣнныхъ.

Въ ночь на 12-е іюля Брюсъ приказалъ на нынѣшней Петербургской сторонѣ спѣшно насыпать «линію... съ батареями», на которыя «довольное число пушекъ поставить». Утромъ 12-го числа пришелъ Майдель и установилъ свои орудія противъ позиціи Брюса. Открылся артиллерійскій бой. Перестрѣлка продолжалась четыре часа. Майдель отступилъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ [111]).

24-го Іюля Брюсъ писалъ Меншикову, что конный разъѣздъ изъ 20 астраханцевъ, посланный для развѣдокъ, привезъ извѣстіе о нахожденіи Майделя за р. Сестрою, черезъ которую всѣ мосты

«порублены» и «разметаны» [112]). Опасенія шведовъ были напрасны: Брюсъ не имѣлъ столько войска, чтобы начать наступленіе.

Въ августѣ Майдель задумалъ укрѣпиться въ устьяхъ р. Охты, на мѣстѣ уничтоженнаго Ніеншанца. Онъ приблизился къ Невѣ и расположился «засадами» въ лѣсу. Но переправиться черезъ рѣку онъ не могъ, за неимѣніемъ средствъ. Въ тотъ-же день къ Брюсу посланъ былъ барабанщикъ съ письмомъ о сдачѣ Петербургской крѣпости. «Не угодно-ли господину генералъ-поручику удалиться въ свою землю, а меня такимъ писаніемъ пощадить», отвѣтилъ Брюсъ [113]). Въ ночь на 6-е августа 1704 г. шведы стали готовиться къ переправѣ черезъ Неву и «работали топорами». Дѣло кончилось тѣмъ, что 9 августа Майдель отступилъ по Корельской (Кексгольмской) дорогѣ. Онъ былъ пораженъ быстрымъ ростомъ Петербурга и предсказалъ городу большую будущность [114]).

КРОНШЛОТСКАЯ БАШНЯ.

Одновременно съ попытками оттѣснить русскихъ отъ Невы, дѣлались нападанія на вновь возникшій Кронштадтъ.

По уходѣ эскадры Нумерса, Петръ на галіотѣ вышелъ въ «завѣтное море—предметъ его давнихъ и самыхъ пылкихъ желаній». Его геній сразу оцѣнилъ значеніе Котлина для строющагося Петербурга. На отмели Котлина царь приказалъ поэтому возвести укрѣпленіе и въ 1704 г. подлѣ Котлина возвышалась уже деревянная трехъярусная башня—батарея съ земляными насыпями. Здѣсь было поставлено 14 орудій. Кромѣ того, для лучшей защиты прохода на самомъ Котлинѣ построили батарею на 60 орудій [115]). Здѣсь, на островѣ, Петръ поставилъ «морскую стражу» Петербурга, приказавъ, въ инструкціи коменданту Кроншлота: «содержать сію ситадель, съ Божіею помощію, аще случится, хотя до послѣдняго человѣка» [116]). Портъ въ Кроншлотѣ стали строить только въ 1712 г. [117]). Названіе же Кронштадтъ появляется лишь въ 1723 г. [118]).

Едва возникъ Кроншлотъ, какъ ему пришлось вести серьезную борьбу за свое существованіе. Въ то время, когда генер. Майдель тревожилъ Петербургъ 12 іюня 1704 г., небольшая эскадра (изъ 12 судовъ) адмирала де-Прува подошла къ Кроншлоту, но была отбита.

Что дѣлалось въ это время на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій?

Карлъ, какъ мы видѣли, въ своемъ воинственномъ ожесточеніи ушелъ въ Польшу преслѣдовать Августа.

Нашему послу въ Польшѣ (съ апрѣля 1701 г.) князю Григорію Федоровичу Долгорукому было поставлено задачею, «чтобы Шведъ глубже завязъ въ Польшѣ» и тѣмъ далъ Петру время постепенно утвердиться въ Лифляндіи по сосѣдству съ Ингріей, захватывая городъ за городомъ, ибо «шведы не крѣпостей ли ради основательны и смѣлы суть въ сихъ земляхъ».

Начальствованіе русскими войсками въ Лифляндіи Царь ввѣрилъ Б. П. Шереметеву. «Теперь истинный часъ», писалъ Петръ, торопя Шереметева дѣйствовать. Первыя его дѣйствія были неудачны, но вскорѣ онъ въ своемъ «генеральномъ походѣ» оправился и одержалъ надъ шведами нѣсколько побѣдъ, которыя очень порадовали Петра и подняли духъ русскихъ. Въ декабрѣ (29) 1701 г. Борисъ Петровичъ Шереметевъ разбилъ Шлиппенбаха при Эрестферѣ. «Слава Богу!—произнесъ Царь, узнавъ о побѣдѣ,—наконецъ достигли мы того, что шведовъ уже побѣждаемъ».

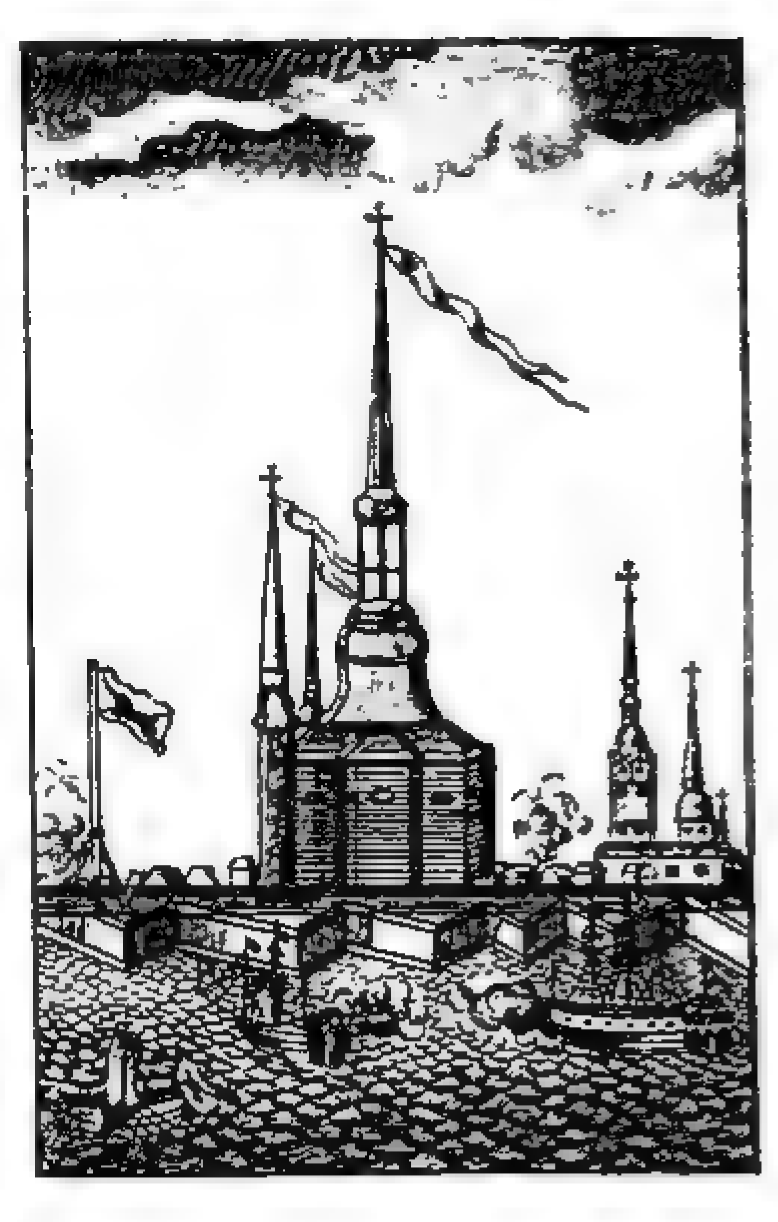
Лифляндіи по желанію Царя русскіе не щадили, дабы лишить враговъ всякаго убѣжища. Это показываетъ, что первоначально Петръ не имѣлъ намѣренія присоединить ее къ своимъ владѣніямъ. «Все разорили и запустошили безъ остатка»,—доносилъ новый генералъ-фельдмаршалъ и андреевскій кавалеръ.

Въ маѣ (8-го) 1703 г. Шереметевъ двинулся къ Копорью. Но теперь уже Петръ писалъ ему: «Для Бога... чтобы не жгли и не разоряли, а паче тѣхъ коимъ письма (универсалы) даны; вѣдаешь какіе люди татары и казаки» [119]).

14 мая пали Ямы (Ямбургъ), а—27 мая, послѣ доставки мортиръ, Копорье, почему Шереметевъ писалъ: «Музыка твоя, Государь, мортиры—бомбами хорошо играетъ. Уже шведы горазды танцовать и фортеціи свои отдавать». Въ 1704 г. (13 іюля) послѣ продолжительной осады изъ «огненнаго пира», какъ выразился Царь, палъ Дерптъ. «Итакъ, съ Божіею помощію симъ нечаемымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки по-

лученъ», писалъ Петръ, помня, что (Дерптъ) Юрьевъ былъ основанъ русскимъ вел. княземъ Ярославомъ (въ XI вѣкѣ).

Въ томъ же 1704 году, въ августѣ (9-го), были взяты штурмомъ городъ Нарва и крѣпость Иванъ-городъ, чѣмъ отчасти была залечена старая рана. Прежній комендантъ Рудольфъ Геннингъ Горнъ самоотверженно отстаивалъ Нарву, какъ и въ 1700 г., но условія защиты были уже иныя и онъ долженъ былъ сдаться съ гарнизономъ въ 1800 чел. «Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три-четверти часа получили», читаемъ въ письмѣ Царя. Паденіе Нарвы грустно отозвалось въ Швеціи и немало повліяло на общее настроеніе. Послѣ капитуляціи коменданта Иванъ-города Магнуса Сегерстроле, можно было къ радости Петра считать Ингерманландію завоеванной.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

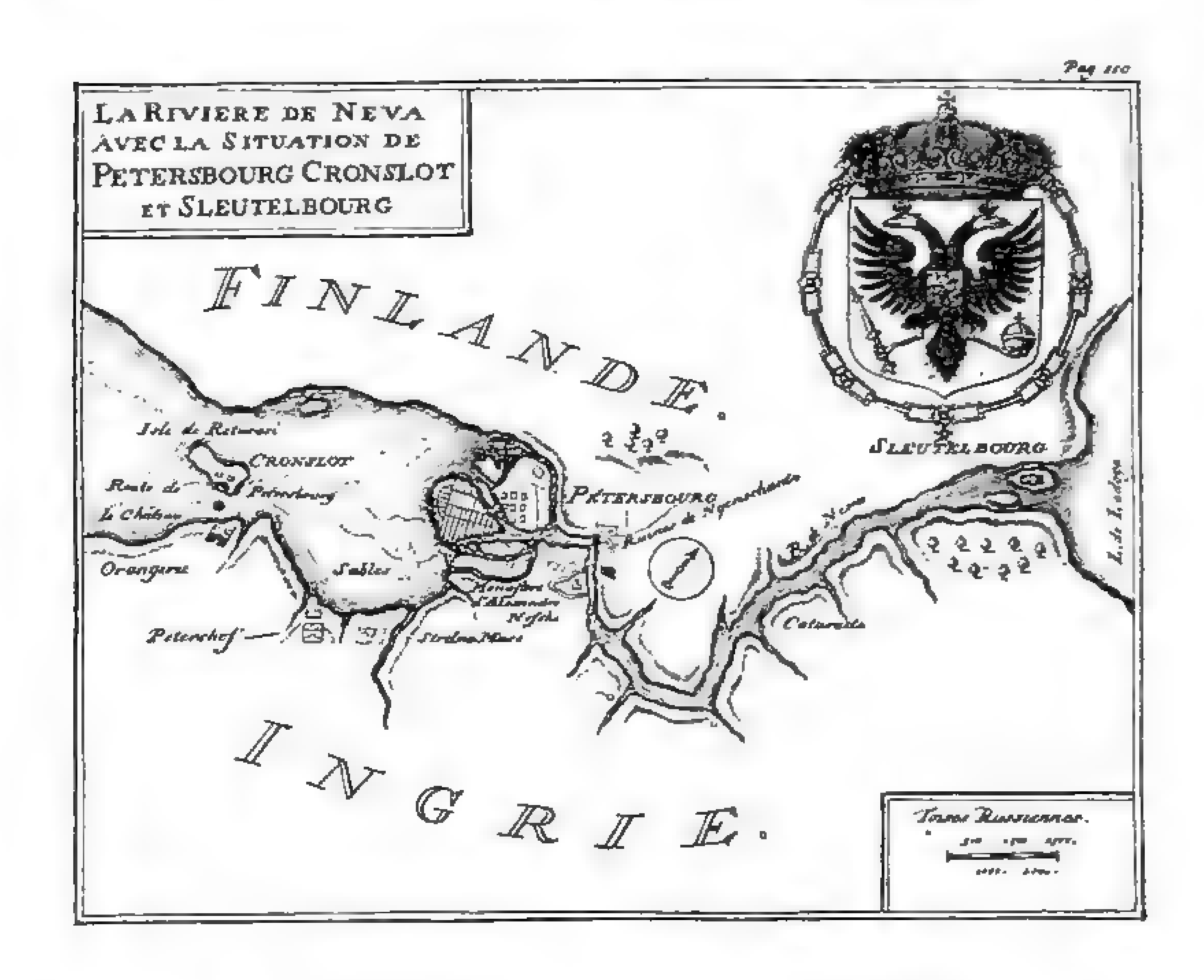
Петръ, получивъ хорошія вѣсти также отъ своихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ въ Эстляндіи, не сомнѣвался въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла на южномъ берегу Финскаго залива. «Итакъ, при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ», писалъ Петръ Ѳ. М. Апраксину [120]).

Въ исходѣ 1704 г. Петръ В. праздновалъ въ Москвѣ расширеніе Россіи до моря. Войско входило въ городъ черезъ семь тріумфальныхъ арокъ, сопровождаемое знатнѣйшими плѣнниками и пушками-трофеями. На одной изъ тріумфальныхъ колесницъ была изображена карта Ингріи, а подъ ней надпись: «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали надъ чужимъ, но владѣемъ наслѣдіемъ отцовъ нашихъ, которое враги наши въ одно время неправильно присвоили себѣ. Мы-же, улучшивъ время, опять возвратили себѣ наслѣдіе отцовъ нашихъ».

27 января 1705 г. П. М. Апраксинъ имѣлъ съ 2 т. частный успѣхъ у Сердоболя и прикрывалъ Олонецъ низовою конницею и

разъѣздами. Государь, оцѣнивая иниціативу Апраксина, писалъ ему: «зѣло съ удовольствіемъ уразумѣвъ отъ васъ нарочитаго поиску надъ непріятелемъ» [121]).

Оборонительными средствами Петербурга завѣдывали: оберъ-комендантъ Р. В. Брюсъ и вице-адмиралъ Корнилій Ивановичъ Крюйсъ (Крейсъ, Cruis). Послѣдній былъ принятъ Петромъ на русскую службу въ Амстердамѣ по контракту и, отличаясь большимъ знаніемъ своего дѣла, являлся олицетвореніемъ честности и прав-

дивости.—Ему удалось дать отпоръ морскимъ силамъ Швеціи у Кроншлота. Онъ не безъ труда вывелъ первый разъ русскій флотъ на рейдъ, такъ какъ недоставало многаго, начиная съ людей (на судахъ у него было 3 тыс.).

Утромъ 4 іюня 1705 г. непріятельскій флотъ приблизился къ острову [122]). Эскадрой (въ 22 вымпела, на бортахъ которой находилось 2.340 чел. судовой команды) начальствовалъ адмиралъ Анкаршерна; съ нимъ были вице-адмир. Де-Груа и контръ-адмиралъ Шпаръ. Шведы шли на полныхъ парусахъ и совершенно не ожидали встрѣтить того, что увидѣли. Нашъ флотъ и Ивановская батарея были

атакованы (6 іюня), но къ вечеру непріятель отошелъ. Его продолжительной стрѣльбѣ помѣшалъ вѣтеръ, раскачавшій суда. Черезъ четыре дня (т. е. 10 числа) атака шведовъ была повторена, но также безъ успѣха. «Непріятель,—какъ выразился Крюйсъ,—нашимъ бомбамъ честь воздалъ, для того отъ острова (Котлина) отсталъ». 14 іюня непріятель вновь подошелъ къ нашей оборонительной линіи, но скоро отступилъ подъ жаркимъ огнемъ батарей.

21 числа изъ Петербурга пришли два новыхъ судна съ мортирами и Крюйсъ изъ оборонительнаго положенія готовился перейти въ наступательное. Непріятель замѣтилъ это и, не пожелавъ принять атаки, ушелъ по направленію къ Біеркъ-э [123]), на «фордевиндъ побѣжалъ»,—какъ писалъ Крюйсъ,—разставивъ по мелямъ фальшивыя вѣхи. За непріятелемъ наблюдали выставленные по берегу «добрыхъ матросъ».

КОРНЕЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КРЮЙСЪ.

Въ то время, какъ флотъ отбивался отъ шведовъ у Котлина, Майдель, имѣя 4 тыс. войска, угрожалъ Петербургу съ сухого пути. О совмѣстномъ дѣйствіи флота и арміи шведовъ русскіе узнали отъ шведскихъ плѣнныхъ, которые разсказали, что ген. Майдель «былъ у адмирала Анкаршерна на кораблѣ, гдѣ они согласились, чтобы адмиралу флотомъ овладѣть островомъ Котлинъ и эскадру Россійскую разорить, а ген. Майдель, пришедъ къ Петербургу, онымъ овладѣть-же, и учинить имъ между собою коммуникацію: однакожъ то ихъ намѣреніе не сбылось» [124]). Атаковать верки Петербургской крѣпости шведскій генералъ не рѣшился и ограничился тѣмъ, что выслалъ 4 іюня 1705 г. отрядъ въ 1.000 чел. пѣхоты и 900 конницы на Каменный островъ. Непріятель сжегъ здѣсь три деревни и ушелъ обратно за 25 верстъ отъ Петербурга [125]). 23 іюня войска Майделя вновь переправились на лодкахъ на Каменный островъ. Произошла артиллерійская перестрѣлка. Сбитый съ острова непріятель ушелъ за большую Неву къ сторонѣ Выборга.

Затѣмъ Майдель перешелъ къ Ніеншанцу и, оставивъ здѣсь отрядъ, двинулся къ Шлиссельбургу. Крюйсъ прислалъ двѣ шнявы

въ Неву. На нихъ конница поднялась вверхъ по рѣкѣ. По высадкѣ конницы и тысячи пѣхотинцевъ на правый берегъ Невы произошла стычка. Шведы пытались обойти нашъ отрядъ, но бдительный Брюсъ, замѣтивъ это, принялъ мѣры. Майдель пробродилъ еще нѣкоторое время около Невы, причемъ происходили мелкія схватки, но кончилось тѣмъ, что шведскій генералъ ушелъ къ Выборгу, ничего существеннаго не сдѣлавъ. Однако, демонстрація Майделя привела въ движеніе все вокругъ Петербурга: «пороховую» казну изъ Ладоги вывезли въ Новгородъ; Царь повелѣлъ выслать въ Ингерманландію побольше войскъ изъ внутреннихъ губерній, а плѣнныхъ шведовъ разослали по городамъ «въ крѣпкія мѣста» [126]).

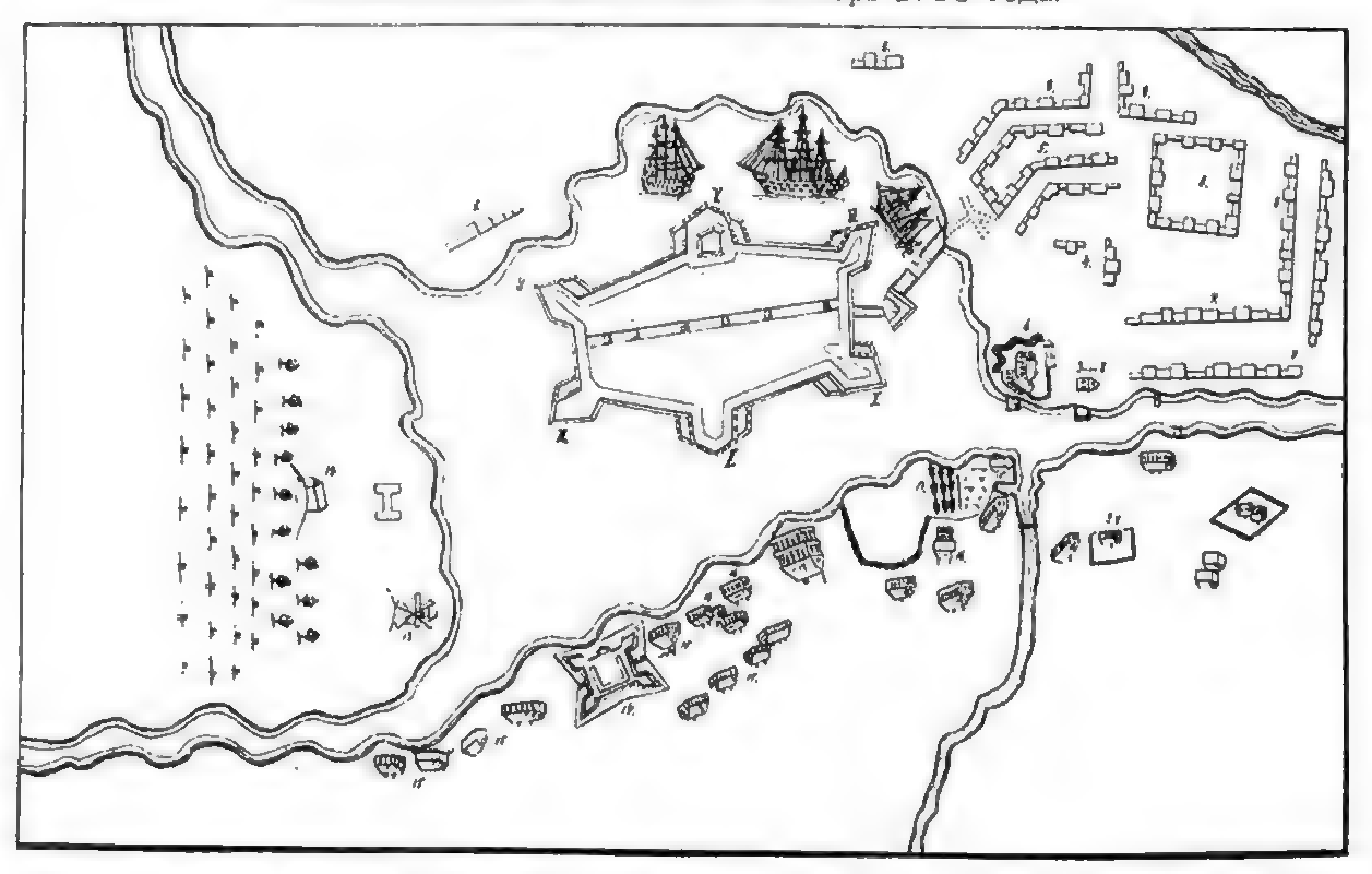
Майдель убѣдился, что «ничего не можетъ противъ Петербурга сухимъ путемъ сдѣлать». Онъ въ сущности испугался превосходства русскихъ силъ и потому оставилъ городъ въ покоѣ. Финляндскіе писатели упрекаютъ генерала за обнаруженную слабость и находятъ время для продолженія кампаніи особенно благопріятнымъ, въ виду того, что половина цитадели Петербурга была повреждена пороховымъ взрывомъ [127]).

Въ то же лѣто 1705 г. шведы сдѣлали еще одну попытку повредить Кроншлоту и нашему флоту у Котлина [128]). 10 іюля на сѣверномъ фарватерѣ показались непріятельскія суда, производившія рекогносцировки. 14 числа пришла вся эскадра въ 24 вымпела. «Наши, какъ добрые солдаты, имъ ничѣмъ должны не остались». 15-го Іюля «непріятельскій флотъ пошелъ прочь», напутствуемый бомбами мортиръ Толбухиной батареи. «Я тебѣ, великому государю, истинно сказываю и подтверждаю, — доносилъ Петру 16 іюля Крюйсъ,—что непріятель до сего времени еще отъ насъ ни единую кошку или собаку, не только что человѣка досталъ».

Въ теченіе 1706 г. рѣшительныхъ дѣйствій въ Финскомъ заливѣ не было. «Промысла» у Котлина не произошло за «малолюдствомъ» шведовъ. Нашъ флотъ, въ числѣ 29 судовъ, не считая мелкихъ, снарядился однако къ кампаніи и находился въ готовности встрѣтить непріятеля.

Въ Маѣ (7-го) Царь выходилъ въ море для развѣдокъ. Увидѣвъ шведскій флотъ, онъ, условными выстрѣлами изъ пушки, далъ знать о близости врага; но Крюйсъ не понялъ сигнала. «Стрѣльба въ гуляніе младенцевъ или про здоровье въ подпитокъ почтена была». Надежда царя на новую побѣду такимъ образомъ

ПЛАНЪ С.-ПЕТЕРБУРГА. Сентябрь 1706 года.

I—VI. Бастіоны Петербургской крѣпости. 2—3. Дома Государя и кн. Меншикова. 4. Торговые ряды. 5. Дома чиновниковъ и частныхъ лицъ. 8. Дома и шалаши рабочихъ. 13. Вѣтреная мельница на Васильевскомъ островѣ. 15. Дома чиновъ морского вѣдомства. 18. Дома иностранцевъ. 17. Бивакъ войска.

не осуществилась. Петръ былъ глубоко огорченъ оскорбительнымъ невниманіемъ начальника и впослѣдствіи донималъ Крюйса своей безпощадной ироніей.

Не довѣряя врагу, Петръ приказалъ флоту остаться въ боевомъ составѣ до окончанія навигаціи.

Генералъ Майдель «съ отрадой и отвагой» хотѣлъ сдѣлать что-нибудь «для любезнаго короля и дорогого отечества», но состояніе отряда этому порыву стараго воина совершенно не благопріятствовало. Майдель доносилъ въ Стокгольмъ оборонительной коммиссіи: «Я нахожу, что рекрутство настолько несовершенно, что мнѣ придется выступить въ походъ болѣе слабымъ, чѣмъ прежде и такимъ образомъ не въ состояніи буду что либо предпринять, и война только продлится и причинитъ большіе расходы его величеству».

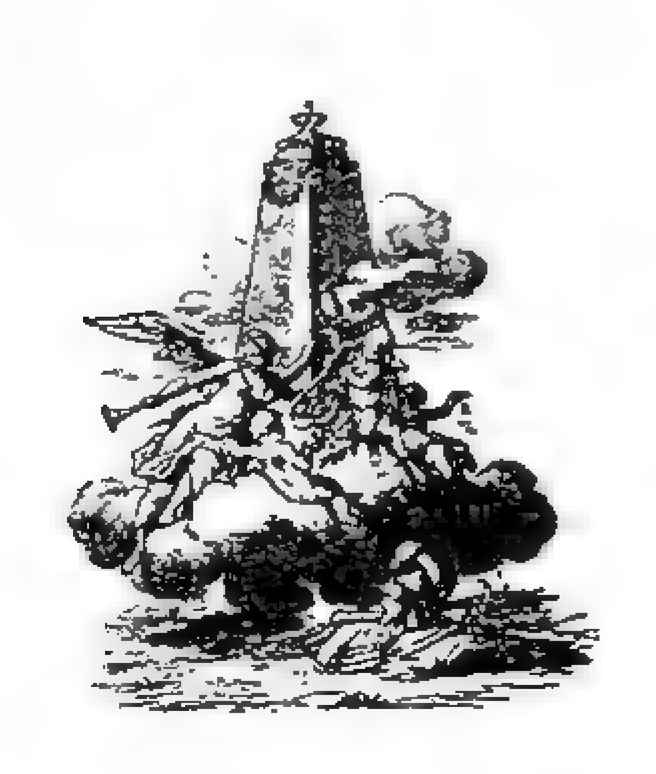
25 Іюля 1706 г. въ Петербургѣ была тревога: «изъ пушекъ три (раза) лозунгъ палили». Оказалось, что генералъ Майдель повторилъ свою прошлогоднюю попытку и переправился черезъ Неву.

На этотъ разъ Майдель привелъ 2 тыс. чел. Перешелъ онъ рѣку у Охты и разграбилъ нѣсколько деревень. Цѣль движенія Майделя оставалась однако неизвѣстной. Брюсъ, предполагая, что производится простая демонстрація, и имѣя въ своемъ распоряженіи мало войска, опасался выйти изъ города. 1-го августа Майдель ушелъ.

Эти постоянныя безпокойства, причинявшіяся «столицѣ» и Кронфлоту, показывали, что «Ингрія колебалась въ рукахъ». Нужно было подумать о средствахъ обезпеченія себя отъ шведскихъ набѣговъ. Вице-адмиралъ К. И. Крюйсъ также былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы непріятель оставилъ наши морскія силы въ покоѣ. Онъ разсчитывалъ достигнуть этого рѣшительными военными операціями на сухомъ пути и потому настойчиво совѣтовалъ Петру взять Выборгъ, разорить городъ и срыть крѣпость до основанія. Потеря Выборга лишила-бы шведовъ ближайшаго къ намъ опорнаго пункта. Ихъ флотъ остался-бы безъ удобной станціи. Подобнымъ-же образомъ Крюйсъ предлагалъ поступить и съ Кексгольмомъ, обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ пустыню всю восточную Финляндію. Этими мѣрами Крюйсъ надѣялся не только лишить шведовъ возможности дѣйствовать въ пограничныхъ съ ними финляндскихъ областяхъ, но разсчитывалъ также подорвать ихъ финансы, такъ какъ отъ однихъ «соляныхъ отпусковъ» изъ

восточной Финляндіи королевство Шведское получало ежегодно свыше 800.000 ефимковъ доходу [129]).

Разсчитывать на успѣхъ подобнаго предпріятія можно было въ виду слабыхъ дѣйствій шведскаго флота въ теченіе 1705 и 1706 г. г. и незначительности ихъ корпуса, расположеннаго въ Финляндіи.

Аллегорическое изображеніе Сѣверной войны.

III.

Отъ Нарвы къ Полтавѣ.

Кѣмъ положены были первые камни въ основу Выборгской крѣпости, трудно разсмотрѣть за далью вѣковъ. Устанавливается лишь, что уже въ десятомъ столѣтіи островъ Бьёркэ—въ самомъ дальнемъ углу Выборгской бухты—являлся складомъ товаровъ и посѣщался многочисленными торговыми судами. Въ 1293 г. на одномъ изъ острововъ, окруженномъ проливами, опекунъ шведскаго короля Биргера, «риксмаршалкъ», т. е. генералъ-фельдмаршалъ Торкель Кнутсонъ, воздвигъ каменный замокъ, названный Выборгомъ и служившій затѣмъ передовымъ стражемъ шведскаго владычества на востокѣ. Предполагаютъ, что вокругъ этого замка (Olofstornet) съ теченіемъ времени разрослись городъ и крѣпость. Боевую свою славу Выборгу пришлось купить цѣною тяжелыхъ испытаній; его подвергали осадѣ и россіяне и датчане. Новгородъ многократно высылалъ къ его стѣнамъ своихъ удальцовъ. Рать царя Іоанна III Васильевича громила его башни. Приверженцы короля Сигизмунда заняли его своими войсками. Восемь разъ городъ былъ истребленъ пожарами.

Первыя стѣны Выборга построилъ Эрикъ Аксельсонъ Тоттъ. Укрѣпленія то разростались, то разрушались. Послѣ Столбова (1616 г.) часть крѣпости приходитъ въ запущеніе. Энгельбертъ Кемпферъ, который въ качествѣ шведскаго легаціоннаго секретаря

посѣтилъ городъ въ 1683 г., говоритъ, что Выборгъ «прежде» былъ сильной крѣпостью. Но уже въ 1694 г., какъ видно изъ письма Линдегіельма, городской валъ, обнесенный въ послѣднюю русскую войну палисадами, настолько былъ запущенъ и испорченъ, что чрезъ него можно было переѣзжать [130]).

Все происходившее въ началѣ XVIII в. вокругъ Невы и далѣе—въ Ингерманландіи и Эстляндіи—отражалось въ Выборгѣ. Сначала въ городѣ, по полученіи извѣстій изъ Нарвы и Митавы, пѣлись Te-Deum'ы и посылались пожеланія новыхъ побѣдъ блестящему оружію Карла. Но старый опытный губернаторъ Линдегіельмъ (Lindehjelm), видя немногочисленное населеніе, ограниченное благосостояніе, недостатки укрѣпленій и общественное настроеніе, понималъ, что во всемъ можетъ произойти коренная перемѣна, если только русскіе осадятъ Выборгъ. Средствъ для веденія войны негдѣ было взять. Въ теченіе 1701 г. поля оставались не вспаханными за недостаткомъ лошадей, а Кроніортъ требовалъ лошадей для своей арміи.—Нуждались даже въ подковахъ, ибо въ Выборгскомъ округѣ было въ ходу только два желѣзныхъ завода. Не лучше обстояло дѣло съ другими отраслями промышленности. Что-же касалось населенія, то уже прежніе губернаторы говорили, что съ нимъ трудно имѣть дѣло, почему наборы здѣсь сопровождались бóльшими заботами, чѣмъ въ другихъ частяхъ края. Кромѣ того, приходилось считаться съ побѣгами въ Россію, которые могли возрасти и затруднить положеніе дѣла.

Крѣпости Ніеншанцу или Нюэну посылалась посильная помощь, но она оказывалась ничтожной. Когда комендантъ ея Аполловъ просилъ прислать ему подкрѣпленіе въ 400 или 500 чел., то Линдегіельмъ не былъ въ состояніи исполнить просьбу. Въ одномъ изъ своихъ донесеній Линдегіельмъ писалъ: «населеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является крайне неподвижнымъ (trög), почему мнѣ особенно приходится пожаловаться на жителей Саволакса, которые, вмѣсто того, чтобы по предписанію явиться къ набору, уходятъ въ лѣса, оставляя въ избахъ лишь старыхъ женщинъ. А когда ищешь ихъ въ лѣсахъ, то ихъ собаки, коихъ берутъ съ собой, подымаютъ звонкій лай, и люди, предупрежденные подобными сигналами, уходятъ въ недосягаемыя лѣсныя чащи. Когда же пытаешься захватить ихъ скотъ, чтобы такимъ образомъ вызвать ихъ изъ лѣсовъ, то они, вооруженные копьями и пардусками (pardusker), нападаютъ на коронныхъ людей, а въ су-

дахъ освобождаются отъ всякаго штрафа, что въ свою очередь подымаетъ ихъ мужество» [131]).

Изъ Саволакса въ Выборгъ новобранцевъ доставляли въ кандалахъ и затѣмъ ихъ безъ промедленія отправляли далѣе моремъ, чтобы затруднить возможность побѣговъ. Деморализація рано стала проявляться въ шведскихъ и финскихъ войскахъ. Василій Аполловъ получилъ приказаніе держаться до послѣдней крайности въ Копорьѣ. Но крѣпость пришлось сдать, и впослѣдствіи, когда В. Аполловъ съ остатками гарнизона прибылъ въ Выборгъ, онъ признался, что не могъ заставить своихъ солдатъ сражаться. Установлено, что въ схваткѣ при Сестрорѣцкѣ многіе по старой привычкѣ убѣжали въ лѣса. При Лахтѣ Кроніортъ удачно напалъ на русскихъ, но тѣмъ не менѣе военный судъ установилъ, что нѣкоторые участники похода не проявили достаточнаго мужества въ бою. Вообще многочисленные походы къ Невѣ имѣли мало успѣховъ, хотя они, по заявленію финляндскаго историка, и именовались побѣдами въ офиціальныхъ рапортахъ [132]).

1703 годъ явился поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ военныхъ событій на сѣверѣ: палъ Нюэнъ (Ніеншанцъ) и русскіе за время этой войны впервые появились въ предѣлахъ Финляндіи. Чаще и чаще въ Выборгѣ стали показываться ингерманландскіе бѣглецы и переселенцы, спасавшіеся отъ наступленія русскихъ войскъ.— Когда же рѣчь заходила объ ихъ количествѣ, то «цифръ не жалѣли». Тревожные слухи, проникавшіе въ Выборгъ, являлись столь грозными, что въ одно воскресенье въ киркѣ произошла полная паника отъ распространившагося ложнаго извѣстія о приближеніи русскихъ къ городу. Населеніе видѣло, что попытки Авраама Кроніорта остановить русскихъ оказались тщетными. Отряды, ходившіе «подъ, такъ называемой, Pettersborgh русскихъ», должны были возвращаться то за неимѣніемъ провіанта, то за ихъ очевидной слабостью. Партизанскіе набѣги финновъ причиняли частичный вредъ, но не въ состояніи были поколебать желѣзной логики событій. Кромѣ того «кивикесовъ» предупреждали сами финляндскія власти, чтобы они не дразнили русскихъ. Престарѣлый ландсгевдингъ Выборгской губерніи Линдегіельмъ продолжалъ тепло заботиться о благѣ города и края; но для него представлялось уже аксіомой, что исправить дѣло въ Финляндіи въ состояніи только скорое возвращеніе короля изъ Польши. О Карлѣ-же XII—душѣ шведской защиты—свѣдѣній не получали, и никакихъ серьезныхъ мѣръ для спасенія края не предпринима-

лось. Нервность и безпокойство выборгскихъ горожанъ увеличивались; вмѣстѣ съ тѣмъ росло и неуваженіе къ королю, о «высокихъ дѣйствіяхъ» котораго стали раздаваться крайне неуважительные отзывы, приведшіе нѣкоторыхъ къ суду за оскорбленіе величества. Въ періодъ наибольшаго унынія и безнадежности въ Выборгѣ неожиданно узнали о наступленіи русскихъ, которые въ то время умѣли держать въ секретѣ свои планы.

Приготовленія русскихъ къ походу начались съ августа 1706 г.—Забота эта возложена была на Брюса. Всѣ нужные припасы и артиллерія свозились частію въ Петербургъ, но главнымъ образомъ на Котлинъ. Чтобы отвлечь вниманіе шведовъ, распущенъ былъ слухъ, что происходитъ усиленіе оборонительныхъ средствъ острова.

4 октября Брюсъ выступилъ изъ Петербурга съ 20 тыс. арміей (13 т. пѣхоты, 5 тыс. кавалеріи регулярной и 2 тыс. казаковъ). Самъ Царь находился при войскахъ. «Непріятель встрѣтилъ насъ за милю отъ Выборга, у дефиле Метенойя, съ пѣхотой, которой было 400 чел., и двумя пушками на зѣло жестокой переправѣ, гдѣ сдѣланы были два шанца»,—какъ писалъ Царь Меншикову. «По довольномъ стрѣляніи» (также изъ двухъ пушекъ) наши войска «съ голыми шпагами оныхъ непріятелей выбили».—Схватки у двухъ этихъ редутовъ были непродолжительны, хотя одинъ изъ нихъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ и двойнымъ рядомъ палисадовъ [133]), а второй выгодно расположенъ въ болотистой мѣстности; въ первомъ находилось 400, а во второмъ 300 защитниковъ. Шведы ушли черезъ лѣсъ.—Въ семи миляхъ отъ Выборга стоялъ также шанцъ съ сотнею конницы. Шведы зажгли его и ночью удалились.

Выборгская крѣпость за XVII столѣтіе пришла въ совершенный упадокъ, такъ какъ считали Нотебургъ и Ніеншанцъ достаточными для охраны границъ. Въ предвидѣніи войны, Выборгъ хотѣли исправить. Въ маѣ 1699 г. учитель Карла XII—Магнусъ Стуартъ—осмотрѣлъ укрѣпленія, но за недостаткомъ средствъ ихъ не ремонтировали. Въ 1702 г. верки были расширены и улучшены, подъ руководствомъ капитана фортификаціи Лоренца Христофера Стобеуса, который тогда-же составилъ подробный планъ крѣпости.

Стобеусъ жаловался, что главнокомандующій финскими войсками генералъ Майдель не помогалъ ему, какъ слѣдуетъ, а скорѣе излишней заботой о благѣ солдатъ ставилъ ему препятствія. Слу-

чалось, что онъ отмѣною распоряженій вмѣшивался въ дѣла начальника инженеровъ и заставлялъ уничтожать и измѣнять возведенныя по его приказанію укрѣпленія.

Когда русскіе приблизились къ Выборгу, то «весь городъ», какъ въ тѣ времена выражались, находился въ Лапстрандѣ (Вильманстрандѣ) на ярмаркѣ, которая устраивалась тамъ въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ. Въ Лапстрандѣ совершались сдѣлки между горожанами Выборга и крестьянами Кареліи. Пребываніе на ярмаркѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль съ женами и дѣтьми приводило къ тому, что значительная часть горожанъ Выборга строила себѣ, кромѣ лавокъ для закупленнаго дегтя, болѣе или менѣе помѣстительныя жилища, почему мѣсто ярмарки походило на особый временный городокъ.

Къ числу привилегій Выборга принадлежало право магистрата во время ярмарки устраивать засѣданія въ Лапстрандѣ, гдѣ поэтому немедленно вершались всѣ дѣла, имѣвшія какую либо связь съ торговой жизнью [134]).

12 октября русскій осадный корпусъ расположился вокругъ города. Майдель (Maydell) заперся въ крѣпости съ гарнизономъ въ 3 тыс. чел.; остальныя его войска удобно расположились въ сторонѣ на случай надобности.

Изъ страха передъ русскими, часть оставшагося въ Выборгѣ населенія покинула городъ, уѣхавъ или въ глубь края, или въ Ревель. Майдель былъ строгъ и требовалъ, чтобъ горожане исполняли военную службу, вмѣстѣ съ войсками. Водворить однако полный порядокъ въ городѣ было трудно вслѣдствіе того, что онъ наполнился бѣглецами, спасавшимися отъ нашествія русскихъ. Люди-же, содѣйствовавшіе укрѣпленію города, разбѣгались. Ихъ отыскивали, водворяли на работы, но при первой-же возможности они вновь исчезали.

Шведскимъ правительствомъ Майдель былъ предоставленъ самому себѣ; флотъ Швеціи, собираясь уже на зимнюю стоянку въ Калскрону, успѣлъ передать гарнизону Выборга нѣсколько хлѣба, пороха и свинца [135]). Рекогносцировка, произведенная самимъ царемъ, выяснила, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія не соотвѣтствовали дѣйствительности: «по небреженію начальствовавшихъ» у насъ не имѣлось даже вѣрнаго плана крѣпости [136]). Прежде всего Петръ обратилъ вниманіе на то, что городъ «стоитъ на морскомъ притокѣ», а у насъ «судовъ только было двѣ вереи». Иначе говоря, не доставало флота для осады.

22 октября приступили къ бомбардированію и стали «каркасы бросать», что продолжалось четверо сутокъ. Брошено было въ городъ около 500 бомбъ [137]). Кромѣ пяти пожаровъ другихъ послѣдствій бомбардировка не имѣла. Успѣха отъ своихъ выстрѣловъ русскіе не ожидали, и если по рѣшенію военнаго совѣта бросали бомбы въ городъ, то лишь для того, «дабы даромъ не отступать». Петръ своевременно распорядился о доставленіи осаднаго парка, но «артиллерія за грязною дорогою и отъ худыхъ лошадей... остановилась». Шведы сдѣлали три вылазки. Первая вылазка (14 окт.) побудила русскихъ сначала отступить, но, получивъ во время подкрѣпленіе, они отбили ее. Вторая вылазка состоялась 19 окт., ее произвели 450 чел.; однакожъ шведамъ теперь, какъ и во время третьей вылазки, «удачи не было».

Городъ страдалъ.—По сохранившемуся преданію, въ это время женщина, бѣжавшая изъ Ингерманландіи, явилась къ духовенству и разсказала свой странный сонъ.—Въ Выборгѣ находилась старая кирка, превращенная въ мельницу; если ее очистить и освятить молитвами и псалмами,—говорила женщина,—то городъ будетъ спасенъ. Церковь очистили и освятили для богослуженія, при которомъ присутствовало начальство и вся знать; пѣли псаломъ: «Къ Тебѣ изъ глубины души, въ надеждѣ взываю я» [138]).

24 окт. Майдель выѣхалъ изъ крѣпости за людьми и припасами, сдавъ командованіе полк. Аминову. Въ окрестностяхъ Выборга каменистая и болотистая почва содѣйствовала тому, что, за отсутствіемъ кормовъ, наши лошади стали падать столь быстро, что благоразуміе указывало на необходимость скорѣйшаго отступленія, чтобы не быть совершенно отрѣзанными отъ Петербурга. Надо полагать, что задуманное Майделемъ нападеніе на тылъ русскихъ также не осталось безъ вліянія на дальнѣйшее ихъ рѣшеніе.

Вдругъ въ русскомъ лагерѣ все стихло. Въ крѣпости были удивлены этимъ и насторожились.

Осаду сняли съ 26 на 27 окт. Чтобы скрыть отступленіе, Брюсъ на разсвѣтѣ послалъ въ крѣпость «переговорщика». Аріергардъ ломалъ мосты и заваливалъ дефилеи. Большинство драгунъ вернулось въ Ингрію на зимнія квартиры пѣшкомъ [139]). Государь прибылъ въ Петербургъ 4 ноября. По шведскимъ источникамъ, русскіе потеряли до 700 чел., а среди мѣстнаго населенія распространился слухъ, что подъ царемъ была пристрѣлена лошадь [140]).

Убытки, причиненные пожарами во время бомбардированія, были незначительны: 8 домовъ превращены были въ мусоръ и

пепелъ, часть другихъ сдѣлалась необитаемой на зимнее время. Поврежденія церкви легко отремонтировались.

Хуже всего было то, что власти не сумѣли поддержать должнаго къ себѣ уваженія и позаботиться о сохраненіи порядка. Въ своей растерянности они допустили бѣгство преступниковъ, а праздношатаямъ и солдатамъ предоставлена была слишкомъ большая свобода. Послѣ ухода русскихъ, жители жаловались, что ихъ имущество расхищается войскомъ не только въ Выборгѣ, но и въ Лапстрандѣ, гдѣ мародерствующіе солдаты причиняли много безчинствъ въ домахъ и кладовыхъ горожанъ. Съ своей стороны Майдель обвинялъ горожанъ передъ оборонительной комиссіей (въ Стокгольмѣ) въ томъ, что они намѣренно скрывались или убѣгали, вмѣсто того, чтобъ принимать участіе въ оборонѣ [141]).

Этотъ неудачный походъ къ Выборгу ознаменованъ «неслыханной акціей», совершенной съ великимъ мужествомъ, почему герои его не должны быть забыты въ русской лѣтописи.

12 октября сержантъ Михаилъ Щепотевъ, вмѣстѣ съ бомбардиромъ Автономомъ Дубасовымъ и унтеръ-офицерами Скворцовымъ и Синявинымъ [142]), долженъ былъ на пяти малыхъ лодкахъ съ командой въ 48 чел. солдатъ и «гранодеровъ» захватить въ Выборгской бухтѣ купеческія суда, которыя тянулись отъ города въ море.—Темнота осенней ночи и туманъ скрыли купеческія суда и наши лодки, миновавъ ихъ, наткнулись «на адмиральскій ботъ «Эсплернъ», на которомъ было 103 чел. команды, 5 офицеровъ и 4 пушки. Горсть нашихъ храбрецовъ смѣло бросилась на абордажъ и вскорѣ справилась съ непріятелемъ: часть шведовъ была перебита, а часть загнана подъ палубу. На шумъ и ружейные выстрѣлы подоспѣлъ другой непріятельскій ботъ. Герои не растерялись: шведскими снарядами и порохомъ, найденными на первомъ ботѣ, они успѣшно отстрѣливались и мужественно отдѣлались отъ преслѣдованія. Отъ русскаго отряда уцѣлѣло всего 18 чел., изъ нихъ нераненыхъ было только четверо. Пали Щепотевъ и Дубасовъ. А на палубѣ приведеннаго судна было 78 труповъ, да въ трюмѣ находилось 23 вооруженныхъ непріятеля, взятыхъ «живыми въ плѣнъ». Этотъ подвигъ свидѣтельствуетъ, какимъ одушевленіемъ была проникнута тогда уже «Петрова рать» [143]). Подвигъ Щепотева и его сподвижниковъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Государя. Онъ велѣлъ объ этомъ неслыханномъ партикулярномъ боѣ на морѣ объявить всѣмъ офицерамъ Преображенскаго полка, сообщить Меншикову, Головкину, гр. Шереметеву,

кн. Рѣпнину, кн. Голицыну и др. Тѣла Щепотева и Дубасова отправлены были въ Петербургъ, гдѣ преданы землѣ съ большой торжественностью, какъ воины «вѣчно достойные несмертельной памяти».

Положеніе Россіи становилось въ это время очень затруднительнымъ. Карлъ XII расправился съ Августомъ II (въ окт. 1706 г.), наводилъ страхъ своими побѣдами на Германію, и собирался направиться во внутреннія наши губерніи. На югѣ вспыхнулъ астраханскій бунтъ (1705—1706), на Дону поднялся Булавинъ (1708 г.), на юго-востокѣ возстали Башкиры. Шведы не переставали грозить со стороны Финляндіи, а ихъ флотъ ежегодно, по прежнему, проходилъ, съ открытіемъ навигаціи, къ Березовымъ островамъ.

Петръ по всей Европѣ искалъ союзниковъ. Его посолъ Андрей Матвѣевъ просилъ агличанъ о высылкѣ флота въ Балтійское море. Въ крайности Петръ готовъ былъ сохранить лишь «возвращенное оружіемъ наслѣдственное достояніе» или даже одну только гавань.—Но Англія и Голландія вовсе не желали утвержденія русскихъ на берегахъ Балтики. Весною 1707 г. велись переговоры съ Франціей, дабы Людовикъ XIV выступилъ посредникомъ между воюющими государствами, но Карлъ потребовалъ возврата Ингерманландіи и дѣло разстроилось. Въ Вѣнѣ пытались предложить польскую корону Евгенію Савойскому, но послѣдовалъ отказъ. Обращались къ Пруссіи, пробовали вовлечь въ войну Данію, уговаривали даже папу. Успѣха нигдѣ не было.

Карлъ мечталъ дойти до Москвы и заключить въ ней миръ «по-саксонски». «Братъ мой Карлъ думаетъ быть Александромъ (Македонскимъ), но онъ не найдетъ во мнѣ Дарія»,—замѣтилъ по этому поводу Петръ Великій.

Россія, какъ могла, справлялась съ надвинувшимися невзгодами.

Въ Финляндіи Майдель былъ замѣненъ въ январѣ 1707 г. выборгскимъ губернаторомъ Георгіемъ Любекеромъ, главная заслуга котораго сводилась къ тому, что онъ пользовался расположеніемъ короля, но, какъ военачальникъ, онъ, въ рѣшительныя минуты, обнаруживалъ предосудительную нерѣшимость и слабость.—Въ теченіе 1707 г. его боевыя способности не подверглись испытанію. Военныя дѣйствія всюду велись вяло и ограничились не-

БАТ ЛИА ПОЛТАВ КАА

значительными набѣгами. Вездѣ ожидали и подготовлялись къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя должны были послѣдовать, съ выступленіемъ Карла XII изъ Саксоніи.

Для предупрежденія нечаянныхъ нападеній со стороны Финляндіи, была организована сторожевая служба. На берегахъ Ладожскаго озера находился Бахметевъ съ 600 казаками. Для развѣдокъ посылались партіи лыжниковъ по направленію къ Выборгу, а «для подлинной вѣдомости о непріятельскомъ намѣреніи» оберъ-комендантъ Брюсъ направилъ въ самый Выборгъ «шпіона» [144]). Въ началѣ 1707 г. существовалъ еще какой-то планъ набѣга татаръ на Финляндію [145]).

Для того, чтобы помочь очищенію Карельскаго берега отъ шведовъ, въ Ладожское озеро былъ отправленъ (въ 1707 г.) Боцисъ съ отрядомъ бригантинъ. По разореніи нѣсколькихъ деревень, онъ возвратился въ Петербургъ, съ добычею и 90 плѣнными.

Въ 1707 г. Петру Великому была подана (кажется, морякомъ Корнеліемъ Крюйсомъ) записка: «Изображеніе о состояніи нынѣшней войны противъ шведа къ предбудущему 1708 году, дабы изъ сего вящшее и лучшее вынять, а непріятелю со всѣхъ сторонъ тревогу чинить и съ Божьею помощью къ благому миру склонить». Основная идея предлагавшагося плана кампаніи 1708 г. заключалась въ томъ, чтобы не допустить Карла XII до заключенія союзовъ съ западными державами, для чего, между прочимъ, совѣтовалось «ублажать» Англію. Арміи же надлежало занять Гродно или Вильно, а другой ея части—прикрывать Петербургъ. При этихъ условіяхъ,—пишетъ проф. Д. Ѳ. Масловскій,—проектировался зимній набѣгъ 4.000 драгунъ, «мимо Выборга», прямо на Гельсингфорсъ и Або, чрезъ что русскіе захватывали обширный театръ военныхъ дѣйствій, чрезвычайно важный, какъ смежный съ Швеціей. Пѣхотѣ, назначенной въ подкрѣпленіе къ этому набѣгу, въ составѣ 8.000 чел., ставилось цѣлью «осилить» Выборгъ, а флоту—блокировать эту крѣпость и доставить дессантъ для бомбардировки Кексгольма. Взять Або—составителю записки—представлялось дѣломъ легкимъ, такъ какъ городъ обнесенъ только простымъ землянымъ валомъ. Выборгъ имѣлось въ виду пріобрѣсти для скорѣйшаго побужденія шведовъ къ миру, такъ какъ они стали бы опасаться приближенія русскихъ къ Стокгольму. Впослѣдствіи предлагалось Выборгъ обмѣнить на другое мѣсто. «Ежели Царское Величество выборгской крѣпости умастерился, то вся остъ Ѳинляндия и вестъ Нордія поддержаву Его приклонятца». Петру,

видимо, нравилась идея набѣговъ (даже зимнихъ) и имѣется указаніе, что въ 1701 г. шла рѣчь о томъ, чтобы направить въ Лифляндію и Финляндію малороссійскаго гетмана со всѣмъ войскомъ и частью татаръ [146]).

Планы эти не были осуществлены и въ 1708 г. произошло слѣдующее:

У границы набѣги продолжались. «Въ Февралѣ 1708 г. одинъ изъ сухопутныхъ отрядовъ подходилъ почти подъ самыя стѣны Выборгской крѣпости и возвратился съ 70 плѣнными». Пользуясь отсутствіемъ шведскаго флота, наши отряды, подъ начальствомъ полковниковъ Толбухина и Островскаго, ходили на лодкахъ къ непріятельскимъ берегамъ и также почти достигали Выборга. Конечно страдали при этомъ прибрежныя села и деревни, а иногда и шведскія торговыя суда. Главная цѣль этихъ летучихъ экспедицій заключалась «въ добычѣ языковъ» [147]).

Адмиралъ Анкаршерна былъ задержанъ противнымъ вѣтромъ у Ревеля. Пользуясь этимъ, адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ послалъ шаутбенаха (контръ-адмир.) гр. Ив. Федосѣевича Боциса съ 500 чел. «повредить мѣста шведскія». Онъ направился къ г. Борго, въ которомъ имѣлось до 300 дворовъ «зѣло богатыхъ»; тутъ онъ, высадивъ дессантъ, сталъ спѣшно разорять и жечь, чтобы не быть застигнутымъ непріятелемъ. Захваченный Боцисемъ плѣнный шведскій поручикъ показалъ, что въ окрестностяхъ Выборга собрано до 11 тыс. войскъ. Это Любекеръ собирался въ походъ. До послѣдняго времени полагали, что онъ получилъ повелѣніе Карла XII совершить демонстрацію къ Петербургу и тѣмъ облегчить дѣйствіе короля на югѣ.—Теперь же, напротивъ, устанавливается, что походъ былъ предпринятъ по личной иниціативѣ генералъ-маіора Любекера. Никакого приказанія Карла генералъ Любекеръ не получилъ, хотя многократно обращался съ письмами къ королю [148]).

1-го августа Любекеръ выступилъ изъ Выборга. Проливной дождь испортилъ ему дороги. По большому Выборгскому пути его, конечно, сторожили и тутъ возведены были въ 1707 г. нѣсколько русскихъ укрѣпленій. Любекеръ пробирался проселочными дорогами, имѣя въ обозѣ отъ 50 до 60 понтоновъ.—Когда онъ переходилъ р. Сестру, у Кроншлота показался шведскій флотъ въ 22 вымпела [149]).

Въ Петербургѣ и около него было сосредоточено 1.800 драгунъ, 200 чел. дворянскаго коннаго ополченія, 400 казаковъ, да 6.500 чел. пѣхоты.

Шведы переправились черезъ Неву ниже Тосны (Тевсины) и начали строить укрѣпленія [150]). Наши бригантины пытались помѣшать переправѣ, но должны были уступить огню непріятельскихъ батарей. Апраксинъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы отбросить непріятеля отъ рѣки и, послѣ 3-хъ часоваго боя, долженъ былъ отступить, такъ какъ «нашимъ сикурса, за дальностью, получить было невозможно». Флотилія графа Боциса бездѣйствовала, а самъ Апраксинъ ошибся, принявъ демонстрацію шведовъ у Мьи за серьезное намѣреніе произвести дессантъ.

Собравъ всѣ военныя суда и множество разныхъ лодокъ, Крюйсъ на скорую руку вооружилъ ихъ фальшивымъ такелажемъ и поставилъ поперекъ всей Невы [151]). Любекеръ углубился въ Ингерманландію, надѣясь найти обильные запасы, но обманулся. Часть успѣли свезти въ крѣпость Петербургъ, а остальное сожгли. Дойдя до Дудергофа, шведы стали уже терпѣть голодъ. Дезертиры показывали, что шведскія войска питались трупами убитыхъ лошадей. Подвоза изъ Финляндіи не было. Голодъ вызвалъ безпорядки. 16 сентября они вышли на морской берегъ противъ Кроншлота, гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ, а отсюда потянулись къ Гаривалдаю, куда пошелъ за ними и флотъ.

Съ февраля 1707 г. въ разныхъ мѣстахъ Швеціи разбросаны были всего 3.797 саксонскихъ плѣнныхъ. Изъ нихъ, по указу короля, образовали полкъ въ 1.200 чел. и три баталіона по 600 чел. Сформированіе этихъ частей не обошлось безъ сопротивленія.

За нѣсколько дней до выѣзда Карла XII изъ Саксоніи онъ увѣдомилъ Комиссію по оборонѣ, что находитъ полезнѣе всего употребить саксонскія войска на финской сторонѣ противъ русскихъ. Вслѣдствіе этого, въ концѣ 1707 г. все саксонское войско прибыло въ Выборгъ и теперь оно находилось въ составѣ арміи Любекера. Вскорѣ выяснилось, что саксонцы не пригодны были для войны въ условіяхъ финской мѣстности. Многіе изъ нихъ дезертировали.

«Разсказываютъ,—писалъ Витвортъ 3-го ноября 1708 г. своему правительству,—будто шведы, разбивъ горсть русскихъ драгунъ и захвативъ одну или двѣ обозныя фуры, нашли въ нихъ платье начальника русскаго отряда, бригадиръ-генерала Фразера, а въ карманѣ его—странное письмо отъ вице-адмирала, въ которомъ Крюйсъ умолялъ генерала Фразера зорко слѣдить за шведами и подавалъ ему надежду на скорое и значительное подкрѣпленіе, такъ какъ, по словамъ его, въ Нарвѣ стоитъ 6.000 чел., въ Новгородѣ—5.000 пѣхоты и 12.000 драгунъ, въ Ладогѣ—3.000 или 4.000,

и всѣ эти отряды въ избыткѣ снабжены провіантомъ и припасами всякаго рода. Письмо это испугало генерала Любекера и онъ немедленно написалъ о немъ адмиралу Анкаршерна, указывая на опасность, грозящую сухопутной шведской арміи со стороны превосходныхъ силъ непріятеля, если не вывести ея немедленно на судахъ флота». Адмиралъ сперва отказался. Любекеръ тогда прибавилъ, что отвѣтственность за гибель королевской арміи ляжетъ на него. Адмиралъ согласился принять людей, но безъ обоза и лошадей... «Врядъ ли можно допустить,—прибавляетъ Витвортъ,—чтобы шведы имѣли о положеніи дѣлъ въ Ингріи свѣдѣнія до того ошибочныя, что повѣрили таковому письму. Но такъ какъ изложенный разсказъ сообщенъ мнѣ самимъ вице - адмираломъ (Крюйсомъ), то передаю его». Исторія съ письмомъ воспроизведена также въ жизнеописаніи адмирала К. И. Крюйса, составленномъ членомъ государственнаго адмиралтейскаго департамента В. Н. Берхомъ. Указаніе на письмо, найденное въ обозѣ Фразера, встрѣчается наконецъ у шведскихъ и финляндскихъ историковъ [152]). Такъ ли дѣло было, какъ оно здѣсь разсказано, или самъ Любекеръ выдумалъ всю исторію съ письмомъ, для оправданія своего спѣшнаго отступленія съ потерею обоза и лошадей, особаго значенія не имѣетъ. Несомнѣнно вѣренъ тотъ фактъ, что шведы, подойдя къ берегу моря у Копорскаго залива, близъ деревни Кривые ручьи, размѣстились на суда своего флота и были доставлены на Финляндскій берегъ у Бьёркэ. Отступленіе и посадка на суда были произведены съ большой поспѣшностію, хотя непріятеля не видали. Обозъ былъ сожженъ, а лошади (болѣе 5.000) перебиты. Посадкѣ на суда, длившейся двѣ недѣли, препятствовала буря. Часть войска осталась на бе-

РЯДОВЫЕ АРМЕЙСКОЙ ПѢХОТЫ (1700—1720).

регу и въ томъ числѣ отрядъ саксонцевъ, состоявшій изъ 800 чел. [153]).

12 октября Апраксинъ узналъ о посадкѣ на суда. Быстро собралъ свои войска и двинулся къ Сойкиной мызѣ, выславъ впередъ разъѣздъ казаковъ, «чтобы достать знатнаго языка». Казаки дѣйствительно поймали шведскаго поручика, который показалъ, что непріятель «подлинно убирается на корабли и что у деревни Кривые ручьи въ окопахъ, усиленныхъ лѣсною засѣкою, осталось пять баталіоновъ. Непріятелю предложено было сдаться. Онъ отвѣтилъ отказомъ. Тогда войска Апраксина атаковали окопы шведскаго аріергарда и «непріятеля побили такъ, что ни единъ не ушелъ, но или убитъ, или взятъ». Гренадеры обошли окопъ «моремъ въ бродъ и тако непріятеля отъ моря отрѣзали и привели въ конфузію». Во время штурма адм. Анкаршерна «зѣло жестоко по нашимъ съ кораблей стрѣлялъ, однакожъ вреды великой не учинилъ». Въ письмѣ Апраксина (отъ 19 окт. 1708 г.) прибавлено, что «ген.-м. Любекеръ своимъ кавалерскимъ сердцемъ былъ въ тѣхъ частяхъ на адмиральскомъ кораблѣ и тое нашу баталію видѣлъ» [154]). Шведы потеряли 900 чел. убитыми и около 200 взятыми въ плѣнъ; наши потери: 59 убитыхъ и 224 раненыхъ. На мѣстѣ было найдено болѣе 5.000 убитыхъ коней [155]). Вообще же отрядъ Любекера за время этого похода уменьшился на одну треть.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЫ ГВАРДЕЙСКОЙ ПѢХОТЫ (1700—1720).

Этотъ походъ Георгія Любекера былъ послѣднимъ нашествіемъ шведовъ на Ингерманландію; послѣ него вооруженные шведы не переступали границъ Ингріи, т. е. земель «отчичь и дѣдичь», которыя Россія считала своимъ достояніемъ еще во времена св. Владиміра и Ярослава. Между тѣмъ лица, заслуживавшія довѣрія,

говорили, что если бы Любекеръ разумно и своевременно взялся за дѣло, то могъ бы не только сжечь весь Петербургъ, но и овладѣть крѣпостью или даже совсѣмъ разрушить ее [156]).

Любекеръ сдѣлался предметомъ общихъ нападокъ. Его обвиняла также и риксдагская коммисія, собравшаяся весной 1710 г., въ Стокгольмѣ. Правительство ограничилось тѣмъ, что назначило ему помощника, ген.-маіора Ганса Генриха фонъ-Ливена, который также никакого вліянія на ходъ событій не оказалъ.

Гдѣ находился за все это время главный противникъ Петра? Карлъ увязъ въ Польшѣ.

Повсюду въ Саксоніи Карлъ выходилъ побѣдителемъ столь легко, что, — по выраженію одного шведа, — «война заключалась въ быстрой и трудной погонѣ за бѣгущимъ непріятелемъ или въ ловлѣ партизановъ». Министръ короля Пиперъ совѣтовалъ заключить миръ съ Августомъ, который, напуганный шведскими успѣхами, жаждалъ прекращенія борьбы.—Пиперъ дерзнулъ даже напомнить королю о той опасности, которая угрожаетъ Швеціи со стороны русскихъ, опустошавшихъ Балтійскія провинціи. «Всѣ находятъ очень страннымъ ту націю,—писалъ Пиперъ,—которая, продолжая въ чужихъ странахъ безполезныя войны, не заботится объ охраненіи своихъ собственныхъ провинцій отъ непріятельскихъ опустошеній. Эта прекрасная армія, обезпечивая могущество нашей страны, истощитъ свои силы безъ всякой пользы для своего отечества»... Карлъ задумался, но ничего не отвѣтилъ [157]). Августъ, видя, что опасность грозитъ его наслѣдственнымъ владѣніямъ (Саксоніи), съ которыхъ

ЗНАМЯ АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ПОЛКА.

Карлъ взялъ уже 625.000 талеровъ контрибуціи, рѣшился просить мира. Онъ отрекся отъ польскаго престола, призналъ Станислава, отказался отъ союза съ Россіей и выдалъ Паткуля.—24 сентября 1706 г. былъ подписанъ миръ въ Альтранштадтѣ. Паткуля колесовали.

Карлъ на семь лѣтъ «увязъ въ Польшѣ» и этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше воспользовался энергичный Петръ.

Карлъ изъ Саксоніи черезъ Польшу направился къ Украйнѣ. Зачѣмъ? Каковъ былъ планъ его дальнѣйшихъ дѣйствій? На это не могъ въ свое время отвѣтить самъ Карлъ, а послѣ него не въ состояніи объяснить его историки. Карлъ понялъ свою ошибку, но открыто признать ее—не соотвѣтствовало его убѣжденіямъ. Идти назадъ было для него невозможно (Норденсванъ). Обстоятельства громко говорили Карлу, что его походъ въ Россію—рискованное предпріятіе; но Карлъ ни къ чему не прислушивался и ничего не желалъ знать о той новой Россіи, которую успѣлъ создать великій Петръ. «Если-бъ, сказалъ Карлъ, Богъ послалъ мнѣ своихъ ангеловъ съ неба, чтобъ заставить меня послушаться вашего совѣта, то я его не сталъ бы слушать». Войска гибли отъ морозовъ и голода, но Карлъ продолжалъ движеніе, а генералъ его Спарре хвастается тѣмъ, что ему данъ уже «патентъ на губернаторство Московское». У Пинскихъ болотъ Карлъ убѣдился, что походъ въ восточномъ направленіи невозможенъ, однако, маршрута не мѣняетъ и надѣется покончить войну съ Россіей, какъ закончилъ ее въ Польшѣ. «Дьяволъ его сюда несетъ,—воскликнулъ яко бы Мазепа,—онъ погубитъ все дѣло, онъ погубитъ себя и насъ» [188]). Въ «консиліи» Петра долго разсуждали, выступить ли за гра-

ФУЗИЛЕРЪ ДРАГУНСКАГО ПОЛКА (1700—1720).

ницу противъ Карла XII или впустить его. Шереметьевъ одинъ рѣшилъ: впустить, заманить и привесть въ самую нутрь Россіи, и въ длинной рѣчи предсказалъ его уничтоженіе [159]).

Продолжая двигаться въ глубь Россіи, Карлъ не разъ еще «освѣщалъ шведское оружіе лучами побѣды» и, между прочимъ, выигралъ дѣло при Головчинѣ (въ іюлѣ 1708 г.) и Малатицѣ.— Генералъ Левенгауптъ подходилъ къ Могилеву съ громаднымъ обозомъ, но нетерпѣливый Карлъ, не дождавшись его прихода, свернулъ съ московскаго пути къ югу; это повело къ тому, что Левенгауптъ при Лѣсной (28 сент. 1708 г.) потерялъ 5.000 человѣкъ, всѣ пушки и повозки. Тутъ русскіе были въ меньшинствѣ, но «первая проба солдатская» (т. е. регулярнаго войска) оказалась очень удачной. Лѣсная явилась «матерью Полтавской баталіи» и «начальнымъ дѣломъ нашего добра».

Наконецъ, въ виду русскаго войска, Карлъ рѣшилъ осадить Полтаву. Зачѣмъ была предпринята эта осада? На это можно отвѣтить только словами фельдмаршала Реншельда: «Король хочетъ, пока не прійдутъ полки, доставить себѣ забаву». Генералъ Гюлленкрукъ настойчиво доказывалъ, что осада безполезна и опасна. Король стоялъ на своемъ и въ оправданіе могъ только сказать: «Да, намъ слѣдуетъ совершить именно то, что необычайно. Тогда мы пожнемъ славу и честь» [160]). Другого основанія не было. Шведы, осаждая Полтаву, произвели 8 приступовъ, оставивъ 3.000 человѣкъ у валовъ города, гдѣ покрыли себя вѣчной славой комендантъ полковникъ Алексѣй Степановичъ Келенъ и его малый гарнизонъ. На помощь храбрымъ спѣшилъ Петръ. «И грянулъ бой, Полтавскій бой!».

У Карла было всего до 25.000 чел. и 4 орудія. Сила русской арміи доходила до 42.000 чел. пѣхоты, около 8.500 кавалеріи при 72 орудіяхъ.

«Порадѣйте, товарищи,—ободрялъ Петръ свою молодую рать передъ сраженіемъ.—Вѣра, церковь, отечество сего отъ васъ требуютъ».

За нѣсколько дней до Полтавы Карлъ былъ раненъ въ ногу и не могъ сѣсть на коня. Командованіе онъ передалъ Реншельду, къ которому армія не питала довѣрія. О его незнаніи и неопытности говорили хмурый лобъ и тусклый взоръ. Въ Полтавскомъ боѣ артиллерія шведовъ не могла принять участія, за неимѣніемъ снарядовъ; кавалерія была неудачно поставлена; генералы горячились, потерявъ самообладаніе. Все предрекало, что «страшная рать синихъ молодцовъ Карла будетъ уничтожена».

«Въ семъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы», Петръ поступалъ, какъ «доброму проводцу надлежитъ». Онъ находился въ сферѣ ружейнаго огня противника; его шляпа и сѣдло были прострѣлены. Преданье гласитъ, что пуля ударила также въ грудь и расплющила крестъ. Оба войска «зѣло жестоко во огнѣ» бились. Бой былъ кратокъ: онъ длился всего два часа.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Видѣвъ баталію оконченною, Петръ прибылъ къ первой дивизіи и, уклоня шпагою, сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленная и вожделенная, потами труда моего роди васъ! и какъ тѣлу безъ души, тако мнѣ и государству безъ васъ бысть невозможно; вы особливую имѣете любовь къ славѣ Божіей и благосостоянію Святыхъ Божьихъ церквей и отечеству, за цѣлость того живота не имѣете хранить

и на тысячу смертей готовы, каковаго подвига и любвѣ никто можетъ показать болѣе; храбрыя дѣла ваши вѣчно имутъ мя ублажити» [161]).

Трупы убитыхъ сносились къ братскимъ могиламъ. Рыдая Петръ разставался съ павшими героями. Три земныхъ поклона онъ отдалъ храбрецамъ и надъ могильнымъ курганомъ поставилъ крестъ съ надписью: «Воины благочестивые за благочестіе кровію вѣнчавшеся...».

Затѣмъ на полѣ сраженія былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

«Изъ знатныхъ шведскихъ персонъ» многіе въ плѣнъ попали.

Шведскихъ генераловъ, министра, графа Пипера и фельдмаршала Реншельда царь пригласилъ къ своему столу.—

«И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ»....

Тяжелую драму переживалъ въ это время шведскій король. «Невозможно изобразить словами того, что я чувствовалъ,—говорилъ Карлъ,—и въ какую приведенъ былъ ярость. Я скрежеталъ зубами, бился головой объ носилки и стучалъ больной ногой...». Пересаженный съ носилокъ на лошадь, Карлъ, по словамъ Г. А. Пипера, тихо ѣхалъ верхомъ; нога была закинута на сѣдельную луку, а развязавшіеся бинты болтались въ воздухѣ. «Послѣ Полтавской неудачи шведы были болѣе поражены тѣмъ, что они могутъ быть побѣждены, нежели подавлены горемъ о потерянномъ сраженіи» [162]).

Вечеромъ 27 іюня Царь приказалъ организовать погоню. Черезъ три дня (30 іюня) Меншиковъ настигъ отступавшихъ. Бóльшая часть шведской арміи, подъ начальствомъ Левенгаупта, была захвачена въ плѣнъ у Переволочны. Ихъ боевые припасы были истощены; ихъ «крайне одержало бѣдство», провіанта оставалось на один или на два дня [163]).

«Когда наши сосѣди,—говорилъ впослѣдствіи Ѳеофанъ Прокоповичъ,—узнаютъ о томъ, что случилось, они скажутъ: не въ чужую страну, а въ глубокое море отважилась идти шведская армія. Она утонула и пропала, какъ свинецъ въ водѣ».

Мѣсто славнаго боя украсилось впослѣдствіи храмами и памятниками.

Прошло два столѣтія, и 27 іюня 1909 г. Императоръ Россіи и часть его арміи съ особенной любовью посѣтили историческое мѣсто. Воинамъ Карла русскіе воздвигли памятникъ, на которомъ братской рукой написали: «Вѣчная память храбрымъ шведскимъ воинамъ, павшимъ въ бою подъ Полтавой 27 іюня 1709 г.». На вѣнкахъ, которыми почтили шведскихъ воиновъ, читаемъ: «Памяти павшихъ въ битвѣ храбрыхъ учителей», «Доблестнымъ сынамъ Швеціи въ знакъ почитанія ихъ храбрости и вѣрности Государю своему», «Доблестнымъ воинамъ славной Полтавской баталіи», «...Честно павшимъ въ бою» и т. д. Карла и Петра судьба соединила «въ жизненной борьбѣ», и затѣмъ «и въ тишинѣ могилы, въ блескѣ доблести и въ безсмертіи славы».

«Все шло хорошо,—писалъ король своей младшей сестрѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ,—только въ концѣ, и благодаря странной случайности, произошло несчастіе; армія потерпѣла уронъ, который, я надѣюсь, скоро будетъ исправленъ». Можно согласиться, что въ началѣ войны (1700 г.) дѣйствительно «все шло хорошо», такъ какъ въ русскій походъ Карлъ выступилъ съ 44.000 чел. «Никогда еще шведы не предпринимали похода съ арміею, лучше вооруженною и снабженною» [164]). Но послѣ Нарвы Карлъ XII дѣлаетъ рядъ непоправимыхъ ошибокъ. «Не хватаетъ словъ,—пишетъ Кирхгофъ,—чтобы выразить всю безразсудность дѣйствій молодого короля». Нѣкоторые боевые генералы, напр. Арвидъ Горнъ, Магнусъ Стенбокъ, Ниродъ, Ливенъ и др., вернулись въ Швецію на государственныя должности. Неразумными переходами и неумѣстными стоянками Карлъ ослабилъ свое войско: въ зимнія стужи онъ выступалъ въ походъ, а теплые мѣсяцы иногда проходили въ бездѣйствіи.

ШВЕДСКІЙ ВОИНЪ ВРЕМЕНИ КАРЛА XII.

О Полтавскомъ сраженіи Карлъ XII сообщилъ государственному совѣту въ Стокгольмъ, что 28 (27) числа «по несчастной случайности, шведское войско потерпѣло уронъ въ сраженіи... Потери весьма велики... Нѣкоторое число офицеровъ съ немногими рядовыми гвардіи уцѣлѣли вмѣстѣ съ нѣкоторою частью пѣхоты» [165]).

Карлъ, видимо, считалъ свое дѣло поправимымъ и мечталъ о новыхъ планахъ. Двѣ недѣли послѣ Полтавы изъ лагеря подъ Очаковымъ—11 іюля 1709 г.—Карлъ писалъ оборонительной комиссіи въ Стокгольмѣ: «Протекло уже довольно времени, какъ мы не получали никакихъ извѣстій изъ Швеціи и сами не имѣли случая писать отсюда. Между тѣмъ положеніе дѣлъ здѣсь было хорошо и все благополучно, такъ что можно было надѣяться достигнуть въ скоромъ времени успѣха надъ непріятелемъ, который заставилъ бы его принять желательныя для насъ условія. Однако, случилось, что 27 числа минувшаго мѣсяца, по волѣ судьбы и несчастной случайности, шведскія войска потерпѣли неудачу въ сраженіи, каковая неудача произошла вовсе не по причинѣ боевой способности непріятеля или его многочисленности, ибо въ началѣ онъ повсюду былъ потѣсненъ нами, но самая мѣстность была весьма выгодна для непріятеля и имъ сильно укрѣплена, такъ что шведы понесли уронъ, несмотря на который и на всѣ выгоды противника, они, однако, сильно его атаковали и преслѣдовали; но затѣмъ оказалось, что большая часть пѣхоты погибла, а также и конница потерпѣла большую потерю». Впослѣдствіи Карлъ приписывалъ исходъ кампаніи 1709 г. не пораженію подъ Полтавой, а исключительно капитуляціи Левенгаупта подъ Переволочной [166]).

Петръ былъ упоенъ своей побѣдой. «Вся непріятельская армія конецъ воспріяла». «И тако,—писалъ онъ,—Божіею помощіею, вся непріятельская толь на свѣтѣ славная армія къ государю россійскому въ руки досталась». Онъ поздравлялъ своихъ съ «въ свѣтѣ неслыханной викторіею». И было чему радоваться. «Сія баталія—счастіе наше», сказалъ Петръ; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ [167]). «Это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства».

Благодаря сѣверной войнѣ и полтавской баталіи создалась Россія, какъ первоклассное государство, получившее голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Полтавская битва явилась купелью новаго государства. «При громѣ Полтавской битвы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ... Въ евро-

пейской исторіи наступила новая эпоха». Полтавой закончился политическій и военный золотой вѣкъ Швеціи. Русскій народъ, одолѣвъ шведовъ, увѣровалъ въ свои силы... 27-го іюня 1709 г.— «день русскаго воскресенія». Полтава отнесена къ тѣмъ именамъ, которыя заставляютъ трепетать русскія сердца, которыя произносятся не безъ гордаго національнаго самосознанія.

Послѣ Полтавы прекратились колебанія Малороссіи между Москвою и Польшею: она окончательно склонилась къ Москвѣ.

Послѣ Полтавы отношенія разныхъ государствъ къ Петру замѣтно измѣнились. Въ 1707 г. Вольфенбюттельскій дворъ не рѣшался на бракъ принцессы Шарлоты съ цесаревичемъ Алексѣемъ, вслѣдствіе того, что положеніе Петра въ Россіи признавалось не твердымъ, а значеніе его въ Европѣ—не установленнымъ. Теперь значеніе его считалось упроченнымъ. Ганноверскій курфюрстъ выразилъ готовность порвать союзъ съ Швеціей и сблизиться съ Россіей. Людовикъ XIV сталъ смотрѣть на Петра, какъ на весьма желательнаго союзника. «Вопреки всѣмъ стараніямъ англійскихъ и голландскихъ дипломатовъ, Долгорукому удалось докончить союзъ съ Даніею» [168]). Положеніе русскихъ представителей за границей значительно возвысилось. Изъ Полтавы Петръ, черезъ Кіевъ, поѣхалъ въ Польшу, а затѣмъ заграницу. По пути его привѣтствовали представители короля прусскаго, короля датскаго и Августа II. Въ Варшавѣ сенаторы устроили ему торжественную встрѣчу. Въ Копенгагенѣ царь выразилъ свою радость Вас. Лук. Долгорукову, находя, что побѣдой народу доставлена слава, а міру показано, что русскіе научились вести войну. Царь почувствовалъ себя хозяиномъ положенія, и ясно было, что онъ могъ принять «большое участіе въ общихъ Европейскихъ дѣлахъ». Положеніе его въ Европѣ сдѣлалось «консидерабельнымъ» или знатнымъ.

ШВЕДСКІЙ ВОИНЪ ВРЕМЕНИ КАРЛА XII.

Профес. Брикнеръ отмѣчаетъ, что «тотъ же самый Лейбницъ, который выражалъ желаніе, чтобы Карлъ царилъ отъ Москвы до Амура, писалъ теперь, что пол-

тавская побѣда навсегда останется памятною и поучительною для грядущихъ поколѣній». «Онъ полагаетъ, что Царь обрѣлъ общее уваженіе, сосредоточитъ на себѣ вниманіе всѣхъ и станетъ играть большую роль въ политикѣ. Трудно повѣрить,—добавляетъ Лейбницъ,—какъ удивитъ всѣхъ «переворотъ на сѣверѣ». Лейбницъ приписалъ полтавскую побѣду внутреннимъ преобразованіямъ Царя. Англичанинъ Джонъ Перри подробно описываетъ тѣ послѣдствія, которыя могли произойти, если бы не Петръ, а Карлъ XII былъ побѣдителемъ при Полтавѣ; онъ не сомнѣвается, что во всемъ государствѣ ненависть противъ Петра возгорѣлась бы яркимъ пламенемъ, вспыхнуло бы общее возстаніе, и наступила бы общая реакція. Но такъ какъ побѣда осталась за Петромъ, то дальнѣйшій ходъ преобразованій былъ обезпеченъ. «Вольтеръ называетъ полтавскую битву единственною во всемірной исторіи, которая не разрушала, а созидала, которая обезпечила благополучіе человѣчества и пріобщила культурѣ столь значительную часть земного шара» [169]).

Полтаву Петръ всегда помнилъ и цѣнилъ. По прошествіи десяти лѣтъ, французскій резидентъ Лави указываетъ на тостъ Петра, въ которомъ было выражено желаніе, чтобы 1719 годъ былъ столь же знаменателенъ, какъ 1709 г.

Во время своей знаменитой поѣздки на югъ Россіи Екатерина II посѣтила поле полтавскаго боя. «Вотъ отчего зависитъ судьба государствъ,—сказала она окружавшимъ, — одинъ день рѣшаетъ ее! Безъ той ошибки, которую сдѣлали шведы, господа, мы не были бы здѣсь». Да, «здѣсь рѣшенъ былъ вопросъ вѣковъ».

Подъ Полтавой Петръ проявилъ себя замѣчательнымъ полководцемъ. Онъ былъ сторонникомъ рѣшительныхъ дѣйствій, но неудача подъ Нарвою заставила его свернуть въ сторону осторожности. Нарвскій урокъ не пропалъ даромъ, шведы научили Петра воевать, и кампанія 1708/9 г. представляетъ съ этой стороны гармоническое сочетаніе рѣшительности съ осторожностью. Веденная тогда кампанія являлась борьбою двухъ стратегій—методической и авантюристической. Успѣхъ въ послѣдней возможенъ; онъ и сопровождалъ нѣкоторое время Карла XII; но успѣхъ этотъ непроченъ, что и доказала Полтава [170]). Петръ шелъ къ своей цѣли разумно и искусно. «Въ лѣтописяхъ не обрѣтается примѣра къ толикому величію духа, къ толикому мужеству, ни толикой прозорливости и мудрости, какою сіялъ

порфироносный наперсникъ земли и неба, Петръ Великій», какъ писалъ баронъ Голбергъ въ 1788 году [171]).

Петръ I и Карлъ XII опредѣляютъ собою содержаніе цѣлой эпохи на сѣверѣ. Личныя качества того и другого имѣли огромное вліяніе на весь ходъ борьбы; только упрямство Карла и настойчивость Петра въ состояніи были продлить войну на 20 лѣтъ. Карлъ XII —легендарный герой и крайне оригинальная личность. Высокаго роста, хорошаго сложенія, съ открытымъ челомъ. Темно-

ДРАБАНТЫ КАРЛА XII.

васильковый кафтанъ, вѣчно застегнутый на пуговицы желтой мѣди, лосинные рейтузы, вмѣсто галстука—кусокъ чернаго крепа. Никакихъ галуновъ, никакого шитья. Свѣтлорусые волосы расчесываются пальцами. Рубашка грязна, вообще король довольно нечистоплотенъ. Манеры деревенскія. Трудолюбивъ и набоженъ. Ѣстъ быстро. Столъ самый простой, сервизъ изъ жести или цинка. Онъ не поклонникъ ни вина, ни женщинъ. Любовь, говорилъ онъ, испортила многихъ героевъ. Дворцамъ предпочиталъ крестьянскія избы. Спалъ на матрацѣ, другой конецъ котораго замѣнялъ одѣяло. Но и эта роскошь оставлена и замѣнена соломой, а иногда просто ельникомъ. У изголовья неизмѣнно красивая позолоченная

библія. Вскакивая на осѣдланную лошадь, мчится со страшной быстротой, болѣе 60 верстъ въ день.

Ночью незамѣченный, вышелъ онъ изъ дворца къ арміи, которую повелъ въ Данію. Разбиваетъ врага. Переправляется въ Россію и устраиваетъ страшный нарвскій погромъ. Освобождаетъ Ригу, наноситъ пораженіе Августу II. Торжествуетъ еще длинный рядъ побѣдъ. Его имя гремитъ въ Европѣ. Онъ проносится блестящимъ метеоромъ по Польшѣ и Саксоніи. Августъ униженъ и низложенъ. Въ теченіе 10 лѣтъ Карлъ участвовалъ въ сотнѣ сраженій. Долго не зналъ онъ неудачи и пораженія. У него явилась какая то слѣпая вѣра въ себя, которая его потомъ и погубила. Всюду онъ ищетъ опасностей, рыцарскихъ приключеній, рукопашныхъ схватокъ. Онъ прежде всего неустрашимый воинъ. Всюду онъ въ огнѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Его мечъ многократно обагрялся кровью. Идетъ русскій отрядъ. «Не повозиться ли намъ съ нимъ?», спрашиваетъ генералъ короля, и у Карла загораются глаза воинственнымъ блескомъ. Черезъ нѣсколько минутъ король среди сѣчи, вокругъ него валятся люди, подъ нимъ убита лошадь, онъ спасается отъ опасности лишь благодаря случайно окутавшему его дыму. Карлъ былъ викингъ съ головы до ногъ. Очертя голову онъ бросался въ самыя рискованныя предпріятія и не отступалъ ни передъ какимъ врагомъ. Онъ полонъ варяжской спеси. Онъ не только викингъ, но послѣдній славный представитель этихъ героевъ [172]).

Въ исторіи войнъ Карлъ XII пріобрѣлъ себѣ очень громкое имя, однако въ его стратегическихъ способностяхъ и дарованіяхъ полководца тѣмъ не менѣе позволительно сомнѣваться. Онъ—король-солдатъ, воодушевленный жаждой воинственныхъ подвиговъ. Онъ лично обладалъ всѣми качествами воина и объ его отвагѣ не можетъ существовать различныхъ мнѣній, но его талантъ полководца приходится отвергнуть. Онъ не имѣлъ способности приспособлять свои дѣйствія къ обстоятельствамъ, обсудить впередъ возможныя послѣдствія [173]). Онъ дѣйствовалъ безъ общаго строго-обдуманнаго плана; онъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ и упрямъ; онъ пренебрегалъ условіями продовольствія и временемъ, а также свойствами непріятельской страны. «Въ бою Карлъ распоряжался превосходно», но онъ не обладалъ той прозорливостью, предвидѣніемъ событій, коими надѣлены бываютъ великіе полководцы. Его вѣрный глазъ, быстрая сообразительность и безграничное мужество выручали его на полѣ брани, въ минуты

CHARLES XII. ROI DE SUEDE.

горячихъ схватокъ, но и только. Въ бою, по его понятіямъ, король долженъ находиться впереди всѣхъ. Этого правила держался онъ и въ шахматной игрѣ, почему, естественно, проигрывалъ. Въ указанномъ воззрѣніи надо искать объясненія, почему Карлъ, проведя все свое время въ войнахъ, не создалъ «военныхъ апостоловъ», подобно тому, какъ геній Густава II Адольфа создалъ прочную военную школу, плеяду даровитыхъ генераловъ и далъ благородное основаніе дисциплинѣ. «Могущество Карла было исключительно личнымъ и оно поблекло вмѣстѣ съ нимъ».

У Карла отсутствовало пониманіе истинныхъ цѣлей войны. Онъ смотрѣлъ на нее скорѣе, какъ на забаву, чѣмъ на серьезное средство осуществленія политическихъ стремленій. Въ войнѣ онъ усматривалъ своего рода спортъ, пріятныя и обычныя полевыя поѣздки. Шведы побѣдили, напримѣръ, при Фрауэнштадтѣ и король поздравлялъ ихъ съ участіемъ въ «лихой и веселой игрѣ». Онъ радуется тому, что удалось «поколотить непріятеля». Итакъ, остается несомнѣннымъ, что Карлъ былъ воиномъ неисчерпаемаго мужества и человѣкомъ большой удачи.

А полководцемъ? Плохимъ. Или, быть можетъ, не было великаго таланта безъ примѣси сумасбродства. (Nullum magnum ingeni um sene mixture dementiae fuit). Изъ изслѣдованія его коронованнаго біографа—Оскара II—можно вывести прежде всего то заключеніе, что Карлъ былъ превосходнымъ кавалерійскимъ генераломъ. Карлъ умѣлъ комбинировать въ бояхъ дѣйствія пѣхоты и кавалеріи, но артиллеріи использовать не въ состояніи былъ. Карлъ умѣлъ «добыть побѣду оружіемъ, но не умѣлъ обезпечить ее за собой иными средствами». Карлъ сильно вліялъ на своихъ солдатъ, «онъ долженъ былъ представляться имъ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ». [174]). Его интересуетъ не ходъ или результатъ войны, а отдѣльныя боевыя сцены, почему онъ перешелъ на роль кондотьери, искавшаго подвиговъ и приключеній. По мнѣнію полк. Юнакова, Карлъ XII представлялъ изъ себя полководца-партизана, отвергавшаго осторожность и основывавшагося на рѣшительности, отважности и внезапности; единственнымъ средствомъ для достиженія успѣха онъ считалъ бой, не заботясь ни о подготовкѣ сраженія въ стратегическомъ отношеніи, ни объ обезпеченіи арміи на случай неудачи.

Петръ Великій завоевывалъ берега Невы и строилъ Петербургъ, Шереметьевъ разилъ его полководцевъ въ Эстляндіи, графъ Ѳ. М. Апраксинъ наступалъ въ южной Финляндіи, а Карлъ въ

это время беззаботно гонялся за славой въ Краковѣ и Варшавѣ, отыскивалъ кандидатовъ на польскій престолъ и небрежно заявлялъ: «Пусть Царь трудится надъ основаніемъ новыхъ городовъ; я предоставляю себѣ только честь впослѣдствіи ихъ завоевать». Петръ Великій празднуетъ въ Москвѣ присоединеніе Ингріи, а Карлъ довольствуется тѣмъ, что въ Силезіи молодецки рискуетъ жизнью на крышѣ горѣвшаго дома и подкарауливаетъ въ лѣсахъ польскихъ партизановъ [175]).

Начиная съ Нарвы, Карлъ дѣлаетъ рядъ политическихъ и военныхъ ошибокъ. Зачѣмъ онъ пошелъ на Украйну? Роковая ошибка. Шелъ онъ туда ощупью. Карлъ зналъ, что его воины были уже не прежніе, закаленные въ бояхъ, суровые драбанты. Жизнь въ Саксоніи избаловала офицеровъ и солдатъ. При выступленіи изъ Польши король видѣлъ, что русская земля умышленно опустошена, дороги изрыты. Король зоветъ генерала Гюлленкрука и спрашиваетъ совѣта: куда направить армію? Чтобы получить возможность дать разумный отвѣтъ, генералъ проситъ Карла раскрыть ему операціонный планъ. «У меня нѣтъ никакого плана»,—признался король. Гюлленкрукъ принялъ это за шутку, но отвѣтъ короля оказался ужасной истиной. Въ этомъ эпизодѣ полная оцѣнка Карла, какъ полководца. Въ ночь съ 16 на 17 іюня 1709 г., когда русскіе совершали переправу черезъ р. Ворсклу, Карлъ безъ серьезной надобности отправился къ кавалерійской заставѣ, гдѣ былъ раненъ въ ногу. Онъ рисковалъ собой безъ малѣйшей пользы для дѣла [176]). Карлъ мечталъ дойти до Азіи. Для чего? Только для того, чтобы имѣть возможность сказать: «мы и въ Азіи побывали».

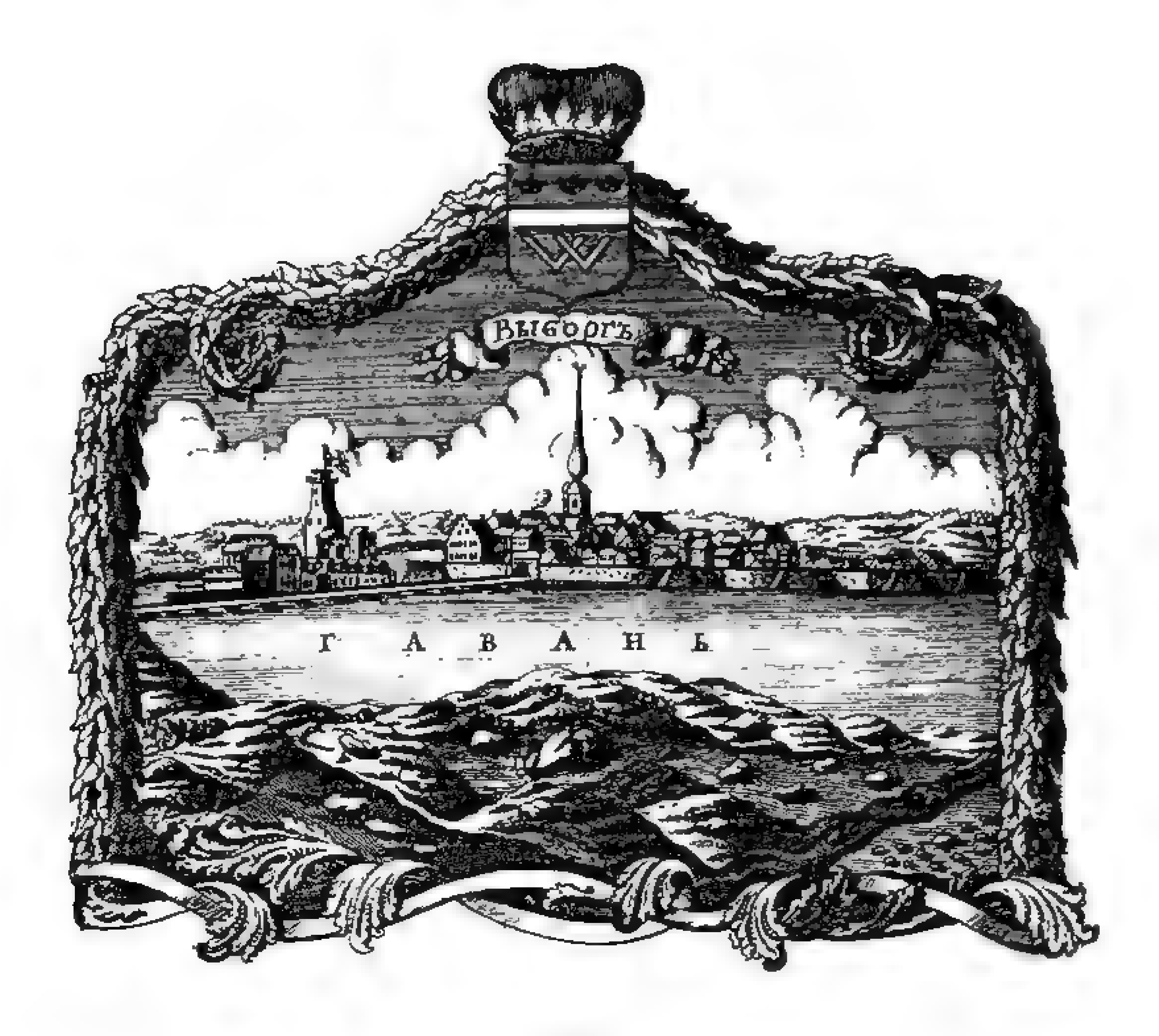
Можно-ли такъ расточать кровь и деньги подданныхъ? «Какой тотъ великій герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества» [177]).

Вольтеръ своей «Histoire de Charles XII» много содѣйствовалъ излишней идеализаціи представленія о Карлѣ, какъ о какомъ-то новомъ «рыцарѣ безъ страха и упрека» [178]).

За то представители западной исторической науки оцѣнили его строго. Шлоссеръ говоритъ, что страсть Карла къ необычайному была болѣе прилична сумасбродному англійскому охотнику за лисицами, чѣмъ разумному полководцу и государю. Роттекъ находилъ, что «энергія и отвага Карла, если-бы онѣ управлялись разумомъ, сдѣлали бы его величайшимъ воиномъ, а если бы сопровождались гуманностью и любовью къ гражданамъ (Bürger.

freundlichkeit)—лучшимъ государемъ». Тотъ-же авторъ продолжаетъ: «нельзя однако отдѣлаться отъ неудовольствія, даже отвращенія къ монарху, который ровно ничего не уважалъ и не любилъ, кромѣ лагеря и побѣды, для котораго государство было только арсеналомъ, а народъ живой солдатъ, который былъ равнодушенъ ко всякому благоденствію гражданъ, чуждъ всякой гражданской добродѣтели, съ негодованіемъ относился ко всякой мысли о гражданской свободѣ и который не считалъ паденія своего отечества, даже разореніе цѣлаго материка, слишкомъ дорогой цѣною для удовлетворенія солдатской потѣхи (Soldatishe Lust). Карлъ, пишетъ Кирхгофъ, больше не могъ называться смѣлымъ и горделивымъ, а скорѣе ребяческимъ и упрямымъ, безразсуднымъ и неблагоразумнымъ; было-бы даже правильнѣе назвать его преступнымъ [179]). Всѣ новѣйшіе историки высказываются въ этомъ смыслѣ. Карлъ XII,—продолжаетъ Кирхгофъ,—только до тѣхъ поръ умѣлъ побѣждать, пока его противники оставались профанами въ военномъ дѣлѣ и пока непріятельскими войсками руководили малоспособные полководцы». Наконецъ, Карлъ совершенно не заботился о флотѣ, точно онъ являлся излишнимъ для могущества Швеціи, особенно въ борьбѣ съ Петромъ, который успѣлъ создать цѣлую шхерную флотилію.—Въ виду этого, мы присоединяемся къ мнѣнію Фридриха Великаго, что Карлъ XII «былъ болѣе храбръ, чѣмъ искусенъ, болѣе дѣятеленъ, чѣмъ разуменъ, болѣе подверженъ своимъ страстямъ, нежели способнымъ разсчитывать свои истинныя выгоды».

IV.

Взятіе Выборга.

И Петръ, и окружавшіе его сразу оцѣнили значеніе Полтавской викторіи для его завѣтныхъ стремленій къ Балтійскому морю.

Полтавская побѣда дала Петру право считать свое владычество на Балтійскомъ побережьѣ обезпеченнымъ. Это онъ отмѣтилъ въ собственноручныхъ письмахъ, набросанныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ «нечаемой викторіи», пріобрѣтенной «неописуемой храбростью нашихъ солдатъ» и «съ малою войскъ нашихъ кровью».—27 Іюня 1709 г. «изъ лагеру отъ Полтавы» Царь писалъ адмиралу Ѳ. М. Апраксину: «Нынѣ уже совершенный камень въ основаніе Санктпитербурху положенъ съ помощію Божіею». Кн. Ромодановскому Царь сообщилъ 8 Іюля...» и нынѣ уже безъ сомнѣнія желаніе Вашего Величества, еже резиденціи вамъ имѣть въ Петербургѣ, совершилось чрезъ сей упадокъ конечный непріятеля». Послѣ Полтавской побѣды, находясь въ Кіевѣ, Петръ установилъ таблицу флаговъ и среди нихъ вводитъ морской штандартъ, знаменующій владычество надъ четырьмя морями [180]). Но въ то-

же время Петръ, зная исключительное самолюбіе Карла, понималъ, что онъ на миръ не согласится и что къ миру его придется принудить силой. Курбатовъ, поздравляя царя съ побѣдой, писалъ: «радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія—Варяжскаго моря во одержаніи». Но такъ какъ врагъ не былъ окончательно сломленъ, то пришлось,—нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Полтавы,—заключить новый союзъ съ Саксоно-Польшею. Помощь была обѣщана со стороны Даніи и Фридриха. Послѣдній имѣлъ въ виду потревожить Швецію со стороны Норвегіи и Сконіи. Петръ-же обязался «чинить нападеніе въ Финляндіи, чтобы тамъ себя удержать».

Итакъ участь Финляндіи въ извѣстной мѣрѣ была рѣшена при Полтавѣ. Едва энергичный царь нѣсколько оправился отъ трудовъ по борьбѣ съ упорнымъ Карломъ на югѣ, какъ немедленно вновь обратилъ свой проницательный взоръ къ сѣверу. Уже 31-го іюля 1709 г. командовавшій войскомъ въ Ингерманландіи Θеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ получилъ въ Кроншлотѣ письмо отъ царя изъ Рѣшетиловки, помѣченное 17-мъ іюля. «...И такъ»,—писалъ Государь,—«вся непріятельская армія намъ чрезъ помощь Божію въ руки досталась, которую въ свѣтѣ неслыханною викторіею вамъ поздравляемъ. И притомъ прилагаемъ, что время еще сего лѣта довольно осталось для атаки непріятельскихъ городовъ, а понеже къ Выборгу не чаю, чтобъ сею осенью за' пустотою и прочими неудобствы (о чемъ самъ ты извѣстенъ) возможно какой промыселъ учинить, но развѣ зимою, и того ради мы заблагоразсудили Ревель осадить... Тако-же, когда къ вамъ полки придутъ (которые завтра отсель рушатся), извольте тщаніе приложить Корелу (т. е. Кексгольмъ) достать, ибо къ оной водяной путь невозбранной, чрезъ которой артилерію и провіантъ безъ лошадей можете проводить, а людей только одныхъ землею... Piter». Походъ къ Корелѣ не состоялся, но о томъ, какъ «достать» или «промыслить» Выборгъ, Царь крѣпко думалъ.

Готовясь къ новому Выборгскому походу, Царь приказалъ сосредоточивать полки на островѣ Котлинѣ, гдѣ онъ предполагалъ произвести имъ смотръ передъ выступленіемъ въ Финляндію. 21 Февраля 1710 г. состоялся указъ гр. Θ. М. Апраксину, «чтобы онъ, собрався, шелъ подъ Выборгъ», а 12 марта графъ «съ корпусомъ пѣхоты и кавалеріи черезъ ледъ моремъ съ Котлина острова маршъ свой воспріялъ ...мимо Березовыхъ острововъ». Датскій посланникъ Юстъ Юль въ своихъ запискахъ отмѣтилъ, что

осадный корпусъ простирался до 13.000 чел., имѣя съ собою 24 пушки и 4 мортиры. Выступили войска «въ самый ужасный морозъ, какіе бываютъ только въ Россіи; перешли они прямо черезъ ледъ съ орудіями и со всѣмъ обозомъ. Всякая другая европейская армія навѣрное погибла-бы при подобномъ переходѣ. Но гдѣ предводителемъ является само счастіе, тамъ все удается. Впрочемъ русскіе такъ выносливы, что для солдатъ другихъ націй невыполнимо» [181]).

Иностранецъ оцѣнилъ этотъ изумительный подвигъ скромнаго русскаго воинства. Переходъ гр. Ѳ. М. Апраксина по мертвой ледяной пустынѣ изъ Кронштадта въ Выборгъ—одна изъ славнѣйшихъ и едва извѣстныхъ страницъ нашей военной лѣтописи. Русскіе знали, что войска Любекера были распущены по зимнимъ квартирамъ, а часть его отряда оставалась въ Выборгѣ. Царь указалъ поэтому путь черезъ заливъ, желая внезапно осадить сильную крѣпость и миновать сопротивленіе во время марша.

ГР. Ѳ. М. АПРАКСИНЪ.

23 Марта Апраксинъ донесъ Государю, что «за Выборгъ съ финскаго берега, 21 числа въ седьмомъ часу пополуночи съ кавалеріею и пѣхотными полками пришелъ благополучно и посадъ при Выборгѣ чрезъ помощь Божію и Вашего Величества счастіе овладѣли и постъ заняли» [182]). Непріятель, «не вытерпя отъ нашихъ солдатъ жестокаго наступленія», отступилъ. «Жители финскіе,—сообщалъ Ѳ. М. Апраксинъ,—всѣ разбѣжались въ глубь Финляндіи. Какъ шелъ, отпущалъ мужиковъ и давалъ письма, чтобы жили безъ опасенія. Ничто не помоществуетъ! И жилищъ, Государь, ихъ единаго, какъ пришелъ, нигдѣ не сожжено—сами, проклятые, гдѣ успѣютъ, сами жгутъ и бѣгутъ въ непроходимыя пустыни» [183]).

Занявъ позицію у Хіестала, Апраксинъ отрѣзалъ сухопутное сообщеніе крѣпости съ внутреннею Финляндіею и съ войсками ген.-маіора Любекера, который, незадолго до прихода нашихъ силъ, встревоженный слухами о новыхъ планахъ русскихъ, ушелъ

на западъ, чтобы руководить обороной края. Финны зажгли западный форштадтъ города (Сиканіеми); но русскіе потушили огонь и расположились въ уцѣлѣвшихъ домахъ. «Квартиры,—доносилъ Апраксинъ,—нарочитыя и дровъ по нуждѣ достать можно».— Царь письмомъ поздравилъ «всѣхъ трудившихся» съ овладѣніемъ, «по доброй акціи, палисадомъ».

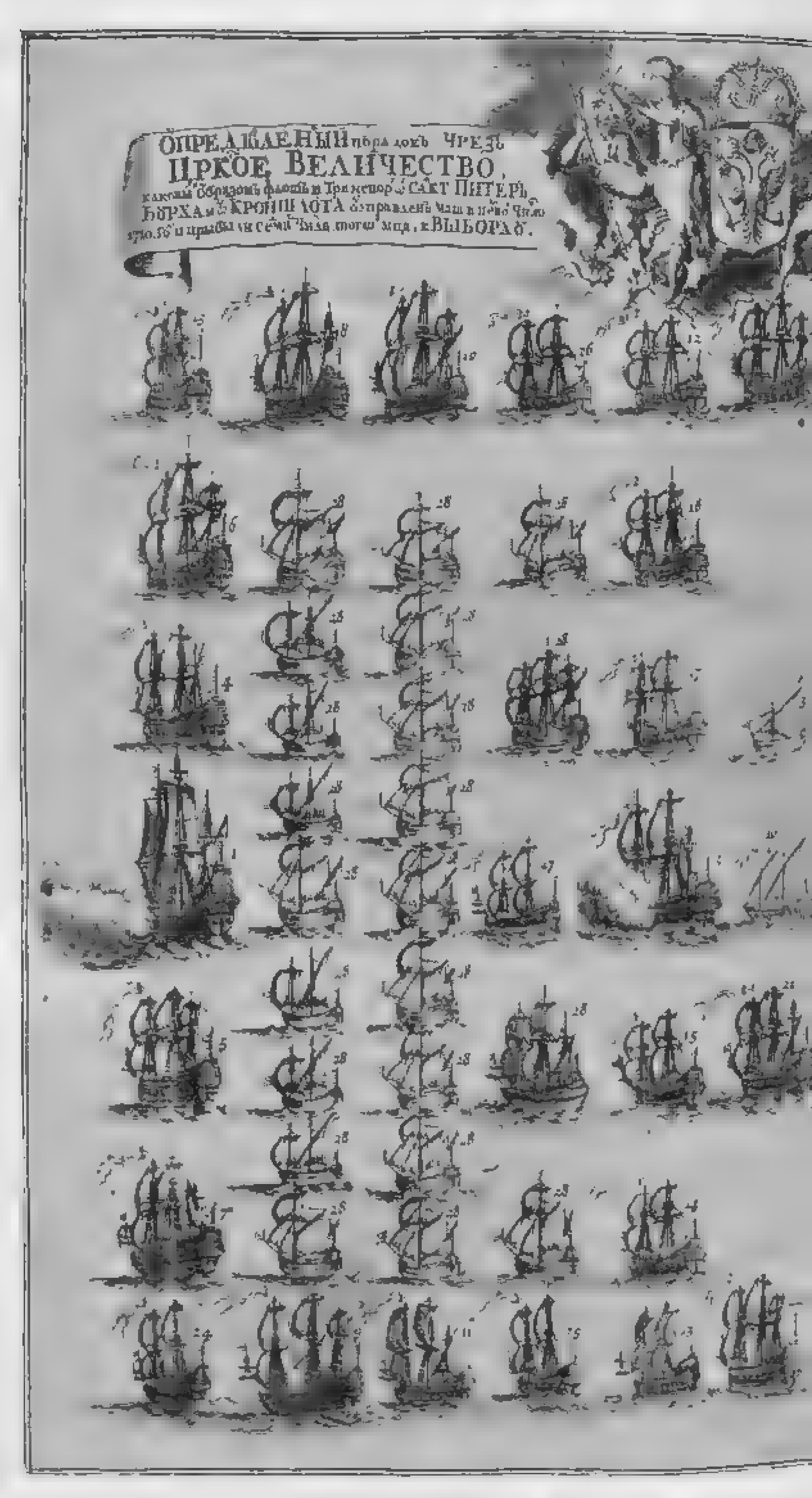
Гарнизонъ Выборга состоялъ изъ 6 тыс.[184]) и находился подъ начальствомъ полковника Магнуса Шернстроле (и Аминова). Работы по укрѣпленію города, прерванныя нашествіемъ русскихъ въ 1706 г., продолжались; въ нихъ, вмѣстѣ съ солдатами, принимали участіе горожане и крестьяне. Въ крѣпости находилось 151 орудіе. Шведы предполагали, что послѣ Полтавы Петръ продолжитъ свое дѣло въ Финляндіи. Первоначально послѣ Полтавы по краю циркулировали самые противорѣчивые слухи. Русская газета, которую наше правительство усердно распространяло и которая доставлена была въ Выборгъ русскимъ драгуномъ, сообщала о побѣдѣ. Между тѣмъ Георгій Любекеръ, ссылаясь на слова какого-то бѣглеца, донесъ первоначально властямъ въ Швецію, что, напротивъ, Карлъ побѣдилъ подъ Полтавой и взялъ 20.000 плѣнныхъ[185]).

Въ осадномъ корпусѣ начальствованіе было раздѣлено между генералъ-маіоромъ Брюсомъ, который подготовлялъ атаку со стороны пролива, и генералъ-маіоромъ Берхгольцемъ, который вѣдалъ осадой съ сухопутной (Петербургской) стороны.

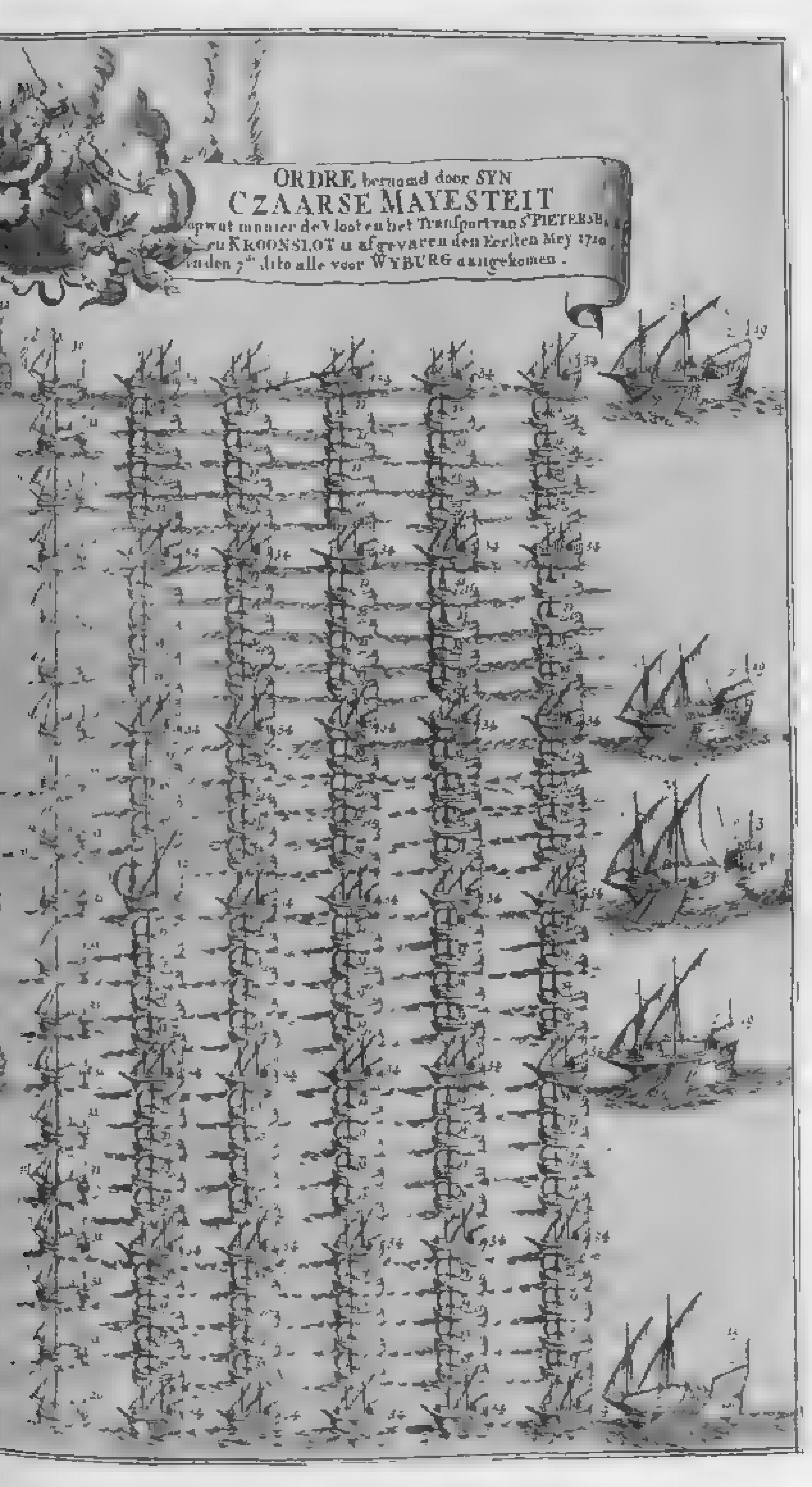
По прибытіи къ Выборгу, гр. Апраксинъ, вмѣстѣ съ французскимъ инженеромъ Де-Лапатріеромъ, осмотрѣлъ мѣстность и составилъ планъ устройства укрѣпленій (апрошей и шанцевъ). Осадныя работы, начатыя 23 марта, затруднялись гололедицей и каменистой почвой, почему пришлось прибѣгнуть къ мѣшкамъ, набитымъ шерстью, чтобы приблизить подступы къ берегу пролива.—30 марта началось уже бомбардированіе, причемъ въ городъ было брошено 130 бомбъ.

2-го Апрѣля запылалъ замокъ «Лангъ-Германъ». Гарнизонъ, видимо, скоро оправился и сталъ со стѣнъ крѣпости стрѣлять «зѣло жестоко и цѣльно». –Перевѣсъ огня оказался на сторонѣ шведовъ, въ виду того, что у насъ не имѣлось тяжелой артиллеріи.—

Гр. Апраксинъ исправно доносилъ Царю о ходѣ осады.— Между Выборгомъ и Петербургомъ установился частый обмѣнъ писемъ, несмотря на то, что шайки «кивиковъ» (или кивикесовъ) затрудняли иногда эти сношенія.—Чтобы унять дерзкихъ

Русский флотъ, отправлен

й въ маѣ 1710 г. въ Выборгъ.

разбойниковъ былъ отправленъ нашъ гренадерскій отрядъ на лыжахъ. Набѣгъ удался. 17 кивиковъ попались въ плѣнъ и въ ихъ числѣ «воровской поручикъ». Четверыхъ гр. Апраксинъ приказалъ «по дорогамъ развѣшать», а остальныхъ отправить въ вѣчныя каторжныя работы [186]).

12 Апрѣля изъ крѣпости произведена вылазка, отъ которой, какъ сказано въ книгѣ Марсовой, шведы «авантажу не получили, но только сами съ потерею нѣсколькихъ людей въ городъ едва ушли».

«Его Величества нижайшій рабъ адмиралъ Апраксинъ»—какъ онъ себя называлъ въ письмахъ къ Царю,—началъ дѣятельно готовиться къ осадѣ, но тутъ ему пришлось преодолѣть длинный рядъ весьма серьезныхъ затрудненій: недоставало пушекъ и ядеръ, въ конскихъ кормахъ имѣлось «великое оскудѣніе», а главное,—какъ писалъ Апраксинъ,—«провіанту нѣтъ и съ голоду войска помрутъ и ежели отъ атаки возвратиться, то и внутри пропитанія не имѣя, съ голоду помрутъ, а Выборгскій уѣздъ весь опустошенъ и жителей въ близости нѣтъ и лошади всѣ отъ глада обезсилѣли и артиллеріи отвесть не на чемъ». Еще ранѣе (2 апр.) Апраксинъ увѣдомлялъ, что «жители финскіе всѣ разбѣжались въ глубь Финляндіи... Гдѣ успѣютъ, сѣно жгутъ и бѣгутъ въ непроходимыя пустыни... Хлѣба мужики... клятвенно клянутся многіе сей зимы не видали, не только что ѣдали»... Положеніе осаждавшихъ было, такимъ образомъ, самое критическое. «Провіанту, Государь, у насъ остается почитай за нѣтъ»,—писалъ адмиралъ 7 мая. Если-бы не поспѣла помощь, — какъ значится въ реляціи,—наши солдаты принуждены были-бы «ѣсть мертвыхъ лошадей» и потомъ со стыдомъ отступить [187]).

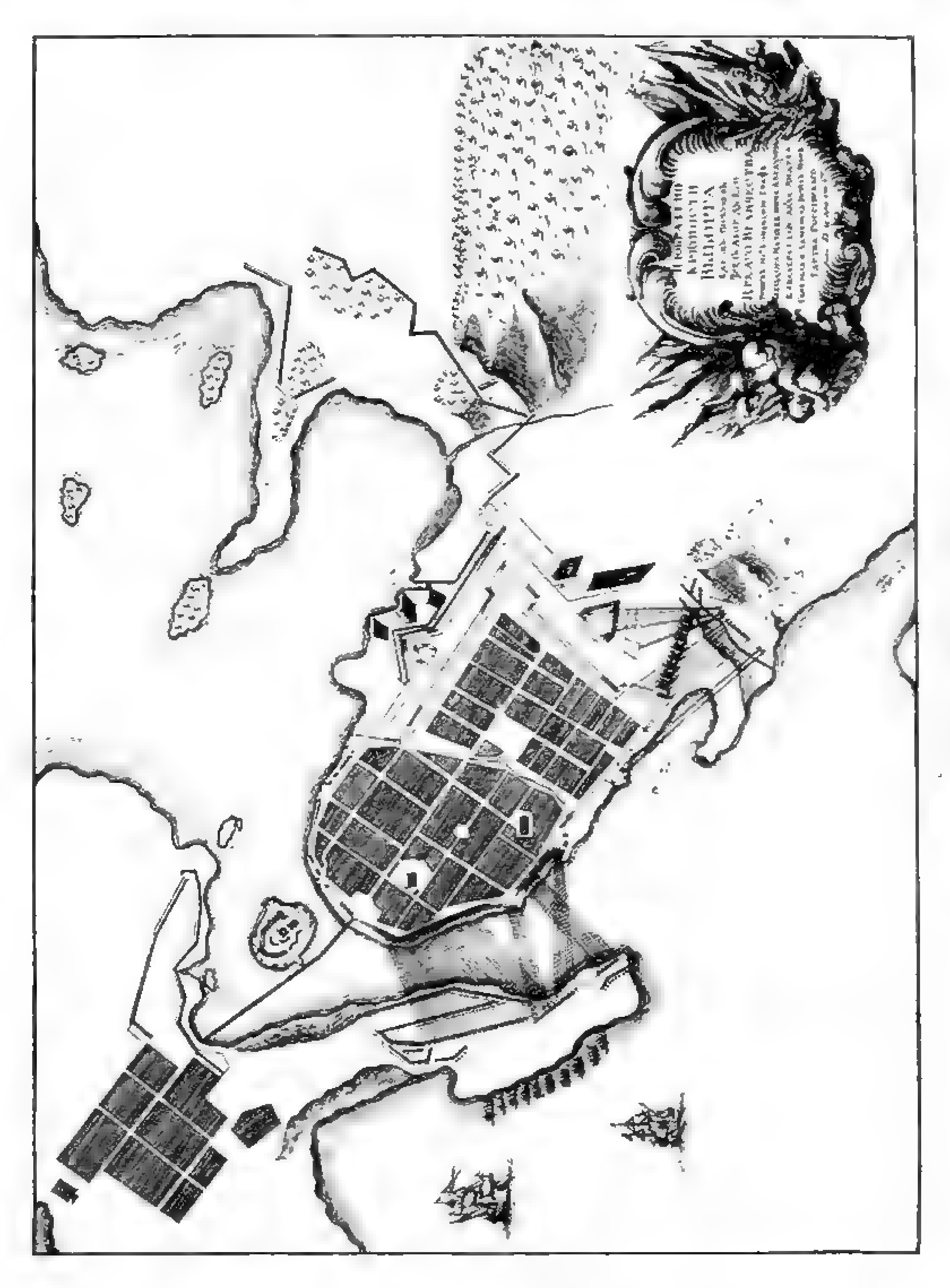
«Того ради Царское Величество» приказалъ Апраксину осмотрѣть берега залива и отыскать удобное мѣсто для склада припасовъ, которые велѣно было отправить на судахъ.—И действительно, въ Петербургѣ дѣлали все, что могли, дабы провіантъ былъ своевременно высланъ. Тамъ Царь дожидался только «распаленія воднаго», чтобы направить флотъ къ Выборгу.

Едва флотилія 30 апрѣля вышла изъ Кронштадта, какъ встрѣтилась почти съ сплошными льдами.—На шнявѣ «Лизета» Царь ходилъ на развѣдки и едва не былъ затертъ льдинами. «Истинно всѣмъ бы сердцемъ рады» оказать возможно скорую помощь,—писалъ Петръ гр. Апраксину—да «натуральный случай не допускаетъ».

Всѣхъ большихъ и малыхъ судовъ, на которыхъ перевозился провіантъ, орудія и боевые припасы для Выборга, насчитывалось до 270. Командовалъ ими Боцисъ. Въ составъ экипажа вошелъ и Царь, хотя Его просили, «чтобы въ толь опасный путь своею персоною идти не изволилъ»; однако Петръ пошелъ. Флоту пришлося лавировать «среди множества льда». Льдины были настолько толсты, что нѣкоторыя суда, столкнувшись съ ними, дали течь и вынуждены были вернуться въ Кроншлотъ. Между островомъ Біёркэ и материкомъ ледъ былъ такъ плотенъ, что Царь не могъ пробить его острымъ концомъ желѣзнаго лома. На третій день плаванія ледъ погнало отъ берега съ большою силою. Часть судовъ были затерты льдами и ихъ относило отъ Карельскаго берега. Царь приказалъ кораблю «Домкратъ» двинуться въ пловучій ледъ и ломать его. Дѣло принимало плохой оборотъ, такъ какъ около 5 тыс. царской гвардіи (Преображенскаго и Семеновскаго полковъ) и продовольствіе для Выборга находилось на этихъ судахъ.—Опасались, что они или будутъ раздавлены льдами, или отнесены къ Лифляндскому берегу, гдѣ сдѣлаются добычею шведовъ. Царь повелѣлъ флоту стать за мысъ у Березовыхъ острововъ около мелей, и такимъ образомъ суда были спасены. Царь всю ночь (съ 5 на 6 мая) присутствовалъ на работахъ. Грузовыя суда, по его словамъ, находились, «почитай, въ конечномъ отчаяніи отъ льду». Наконецъ непогода стихла и суда съ небольшими потерями 8 мая, достигли Транзунда. Сюда навстрѣчу прибылъ Апраксинъ съ генералами благодарить шаутбенахта за спасеніе осаднаго корпуса; здѣсь-же салютовали Царю изъ двухъ укрѣпленій, которыя Апраксинъ заложилъ съ противоположныхъ сторонъ у входа въ гавань, дабы воспрепятствовать движенію шведскихъ судовъ. Войска подъ Выборгомъ встрѣтили Царя съ особымъ восторгомъ, зная, что отъ голода были спасены благодаря его подвигамъ.

Этотъ морской походъ былъ очень труденъ, но другого исхода не было. О трудности плаванія говоритъ уже то обстоятельство, что суда отъ Котлина къ Выборгу пробирались сквозь льды съ 30 апрѣля по 8 мая. Край отъ Петербурга до Выборга былъ опустошенъ во время многочисленныхъ прежнихъ походовъ, лошадей тамъ нельзя было достать, дороги были плохи и подвезти по нимъ осадный паркъ и продовольствіе не имѣлось возможности. Оставался, слѣдовательно, только этотъ рискованный морской путь. И Петръ двинулся по немъ съ изумительной смѣлостью, зная, что

во флотѣ не было людей, знакомыхъ съ фарватеромъ, что большая часть судовъ построены были изъ ели и, слѣдовательно, являлись

РУССКІЙ ПЛАНЪ ОСАДЫ ВЫБОРГА 1710 г.

непригодными для морского плаванія, и что наконецъ на многихъ судахъ находились простые крестьяне и солдаты, едва умѣвшіе грести.—При указанныхъ условіяхъ, походъ къ Выборгу казался иностранцамъ верхомъ безумія. И однако смѣлость привела къ

счастливымъ результатамъ. По волѣ Провидѣнія,—пишетъ участникъ этого похода датскій посланникъ Юстъ Юль,—морской походъ, предпринятый Царемъ, увѣнчался двойнымъ успѣхомъ, окончившись счастливо, какъ для флота, такъ и для арміи [188]). Личное присутствіе Царя имѣло огромное значеніе; можно съ увѣренностью сказать, что безъ него исходъ дѣла былъ бы иной и транспортныя суда не подоспѣли бы въ нужную минуту.

Изъ походнаго журнала Петра Великаго видно, что русскіе, подходя къ Выборгу, прибѣгли къ военной хитрости: на ластовыхъ судахъ подняли флаги и вымпелы, «подобные шведскимъ флагамъ, а на людей, обрѣтавшихся на судахъ, надѣли мундиръ, подобный шведскому». При слѣдованіи мимо батарей Транзунда произведена пальба, которая должна была представить перестрѣлку съ непріятелемъ. Видя приближеніе своихъ, комендантъ, «отворя ворота, вышелъ на встрѣчу». Когда же суда повернули къ русскому лагерю изъ крѣпости открылась стрѣльба, но вреда судамъ не причинила [189]).

Русскіе поспѣшно разгрузились и съ попутнымъ вѣтромъ вернулись въ Кроншлотъ. «Царское Величество изъ-подъ Выборга изволилъ съ флотомъ ластныхъ судовъ шествовать къ Котлину острову». 16 мая, когда нѣкоторыя гребныя суда еще не успѣли дойти до Котлина, шведскій флотъ показался у Выборгскаго залива [190]).

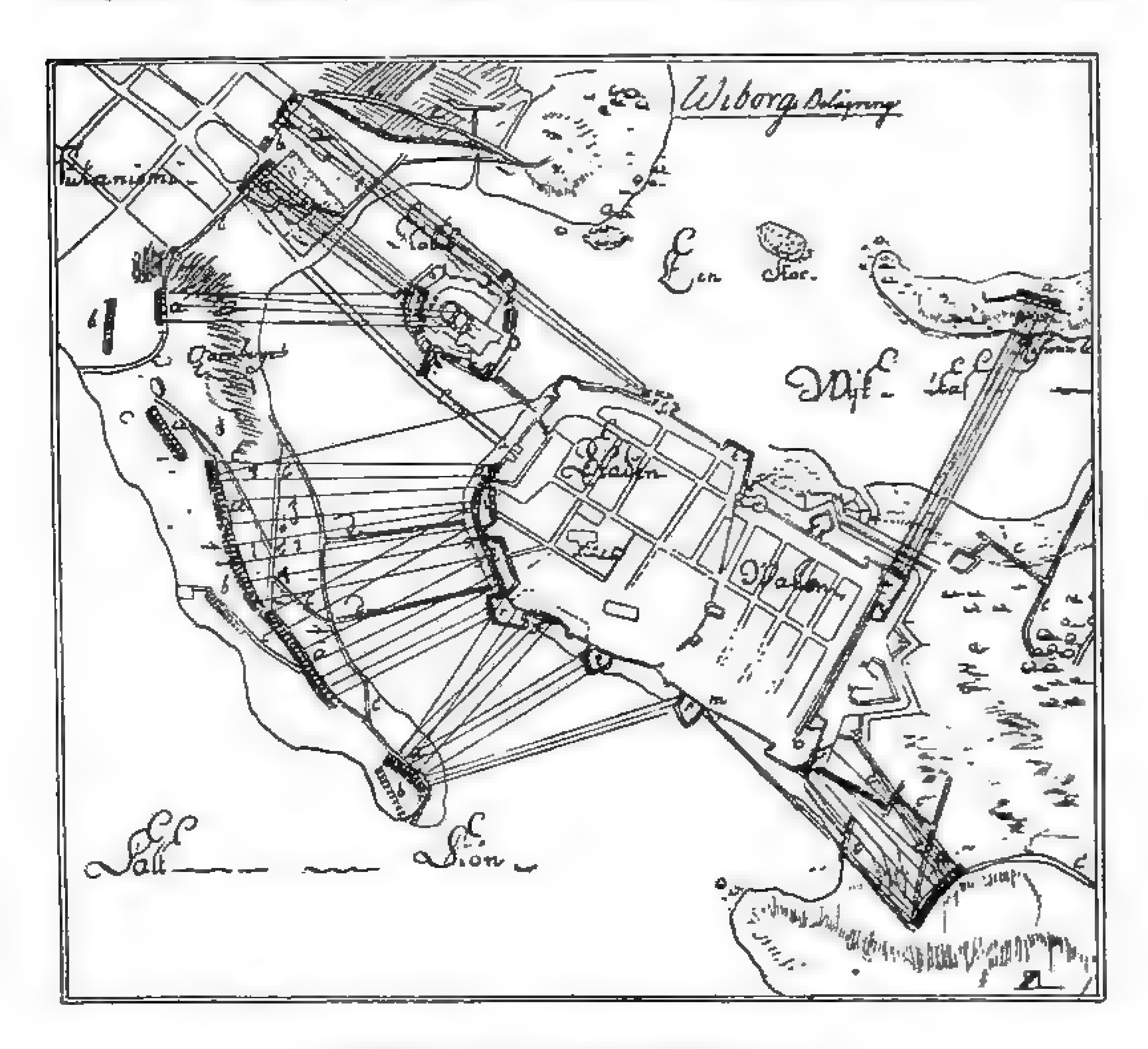
Шведскій флотъ изъ 18 линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ адмирала Ваттранга, подошелъ къ Транзунду, но здѣсь адмиралъ убѣдился, что батареи его не пропустятъ, почему онъ ограничилъ свою роль наблюденіемъ за русскимъ флотомъ у Кроншлота.

Въ первое время положеніе обѣихъ сторонъ—осажденныхъ и осаждавшихъ—было почти одинаково неблагопріятно. Русскіе терпѣли отъ холода и болѣзней, а слабая ихъ артиллерія не могла разрушить городскихъ валовъ. Все свелось къ тому, кто ранѣе получитъ подкрѣпленіе. Русскіе оказались болѣе энергичными и дѣло ихъ было выиграно.—Кромѣ провіанта, Царь доставилъ 8 орудій для пробивки брешей, 50 большихъ мортиръ и 300 ручныхъ со всѣми принадлежностями.

По полученіи артиллеріи и другихъ припасовъ, осада пошла успѣшнѣе. Корпусъ Апраксина былъ увеличенъ до 18 тысячъ.

Царь подробно осмотрѣлъ мѣстность и далъ собственноручную инструкцію, какъ программу для осадныхъ работъ.—Чтобы спокойно и безопасно осмотрѣть Выборгъ, Царь два дня кряду посылалъ въ крѣпость барабанщика,—переодѣтаго офицера Преображенскаго

полка,—подъ предлогомъ доставленія писемъ мѣстнымъ купцамъ. Перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ прекращалась и люди ходили не укрываясь. Эта пріостановка военныхъ дѣйствій дала Петру возможность вполнѣ изслѣдовать мѣстность. «Въ лагере при выборхе маія въ 14 день 1710 г.» Петръ составилъ «Разсужденіе о добываніи Выборха. Во имя Господне». Одной батареей надлежало «спутлять брешь»; съ двухъ «катель»—разорять замокъ и «на

ШВЕДСКІЙ ПЛАНЪ ОСАДЫ ВЫБОРГА (1710 г.).

брешь мѣтать»; если возможно будетъ кораблямъ подойти къ бастіонамъ, то ихъ «брандеромъ зжечь», но рекомендовалось также бастіонъ» «машиною информалисъ подорвать»; штурму надлежало быть съ двухъ сторонъ. «Прочее, что сдѣлать и не упомянуто, а можетъ быть полезно сему дѣлу, оное полагаю на разсужденіе и на волю господина адмирала и генеральнаго совѣта» [191]). Преподавъ нужныя наставленія, Царь вернулся въ Петербургъ и работа продолжалась. Замѣчено вообще, что Царь во время Сѣверной войны

многократно велъ осадныя операціи и всегда удачно. Въ Транзундѣ около нашихъ батарей затоплено было нѣсколько русскихъ судовъ, чтобы воспрепятствовать проходу непріятельскихъ кораблей. На мызѣ Терваніеми насыпали траншею въ 300 саженъ длиною. Для штурма незамѣтно подготовили фашины и два плавучихъ моста. Трудились «безъ лѣности»,—какъ докладывалъ Апраксинъ.

23 Мая велись переговоры между комендантомъ Выборга и графомъ Апраксинымъ, причемъ шведскому плацъ-маіору какъ бы случайно дана была возможность увидѣть вновь прибывшую нашу артиллерію. Пожимая плечами, плацъ-маіоръ сказалъ: «не уповательно, чтобъ до крайняго раззоренія жители Выборга оную крѣпость допустили, но на добрый акордъ сдадутъ» [192]).

28 Мая Апраксинъ предложилъ коменданту сдаться, «на окордъ какого желаетъ». Комендантъ «отвѣтствовалъ честно», что безъ принужденія крѣпость сдать не можетъ.

Царь, по просьбѣ Апраксина, разрѣшилъ «начать брешь стрѣлять». 1-го іюня Апраксинъ, согласно полученному «указу», попросивъ у Бога милости, «непріятельскую крѣпость съ обѣихъ сторонъ бомбардировать и изъ пушекъ стрѣлять» началъ. Батареи въ короткое время произвели обвалы въ каменныхъ оградахъ стараго замка и города, слѣдовательно, бомбардированіе велось весьма успѣшно. 5-го іюня Государю было донесено, что пробита большая брешь, и что подкрѣпленія непріятелю вблизи не имѣется. На слѣдующій день былъ генеральный консиліумъ, на которомъ постановили «оную крѣпость достать штурмомъ». Однако, Царь отвѣтилъ: «штурмомъ обождать». Вообще же относительно штурма Петромъ преподаны были въ инструкціи слѣдующія правила: «Передъ онымъ же штурмомъ, Господа молить подобаетъ всѣмъ о помощи [193]). Понеже всѣ дѣла человѣческія отъ сердца происходятъ, того ради солдатскія сердца Давыдомъ реченнымъ веселіемъ увеселить». Самый же приступъ, по волѣ Государя, должно было произвести днемъ, «никакъ не ночью, въ чемъ уже давно отвѣдано, что ночные штурмы не удаются ради многихъ причинъ».

Предписаніе (отъ 9 числа) «штурмомъ обождать» явилось очень кстати, такъ какъ уже 10 іюня изъ крѣпости отъ храбраго его защитника Магнуса Шернстроле прибылъ подполковникъ, съ просьбой выпустить гарнизонъ «на капитуляцію», съ условіемъ, чтобы шведы могли выйти изъ крѣпости съ оружіемъ, музыкой и знаменами. Гарнизонъ Выборга состоялъ по большей части изъ плохо обученныхъ дублированныхъ людей (dubbleringsfolk). Вмѣстѣ

съ солдатами на валахъ сражались горожане, также раздѣленные на роты; и даже гимназисты и школьники взялись за оружіе. Полковникъ М. Шернстроле не падалъ духомъ и возлагалъ большія надежды,—особенно въ первый періодъ осады,—на тѣ губительныя условія, среди которыхъ приходилось жить русскимъ; часть ихъ ютилась въ норахъ, сдѣланныхъ изъ снѣга и льда; голодъ и болѣзни вывели большое количество ихъ изъ строя. Въ городѣ, напротивъ, вначалѣ имѣлись хорошіе запасы и населеніе, кромѣ того, разсчитывало на помощь Любекера и шведскаго флота. Городъ не зналъ, что Транзундъ вскорѣ былъ закрытъ русскими батареями. Русскіе засыпали городъ ядрами, отъ которыхъ вздрагивала земля. Во время урагана стрѣльбы огонь орудій подобно молніи прорѣзывалъ мглу, образовавшуюся отъ столбовъ дыма.

Отъ дезертировъ Любекеръ узналъ, что запасы въ крѣпости истощились и гарнизонъ питался овсомъ и ячменемъ, но признавалъ себя настолько слабымъ, что не рѣшился выступить отъ р. Кюмени на выручку Выборга.

Огонь крѣпости оказывался теперь почти не дѣйствительнымъ, а между тѣмъ стѣны ея были повреждены, дома разрушены; гарнизонъ слабѣлъ, подъ вліяніемъ лишеній и болѣзней. Получивъ извѣстіе о сдачѣ, Царь поспѣшилъ въ Выборгъ, куда прибылъ 11 іюня, и предложилъ, черезъ капитана гвардіи Семена Нарышкина, слѣдующіе акордные пункты: 1) что осажденные будутъ выпущены съ ружьями, но безъ военной музыки, знаменъ и барабановъ; 2) купцы, ремесленники, духовныя и др. будутъ содержаны при ихъ вѣрѣ; 3) поселяне отпустятся по ихъ землямъ».... Занесенному надъ Выборгомъ удару не суждено было обрушиться и «оружіе войскъ Царскаго Величества удержано», такъ какъ комендантъ принялъ условія. Послѣ двѣнадцатинедѣльной защиты капитулировалъ послѣдній шведскій комендантъ Выборга.

13 Іюня наведены были два моста, ранѣе приготовленные для штурма. Къ устройству ихъ, судя по письму Царя, привлечены были также преступники. «Астраханцевъ и каторжныхъ невольниковъ ста два надобно для навоженія мосту или для иныхъ дѣлъ; и съ сей стороны, изъ нихъ же которымъ обѣщать невольникамъ ослабу, а астраханцамъ жалованье».

14 Іюня 1710 г. Петръ во главѣ Преображенцевъ вошелъ въ крѣпость. Царя предупредили о возможной опасности быть взорваннымъ минами, заложенными непріятелемъ. Его Величество изволилъ благодарить за заботу о его здравіи, но, «уповая на Бога»,

рѣшенія своего не перемѣнилъ. Письмо свое отъ 14 іюня Петръ помѣтилъ: «Въ Выборгѣ, а не у Выборга». «Извѣстную Вашему Величеству,—писалъ Царь князю Ѳеодору Юрьевичу Ромадоновскому 14 іюля изъ Выборга,—что комендантъ Выборгскій... вчерашняго числа на аккордъ сдался... а сегодня нашъ полкъ будетъ караулы у шведовъ всего города принимать»...

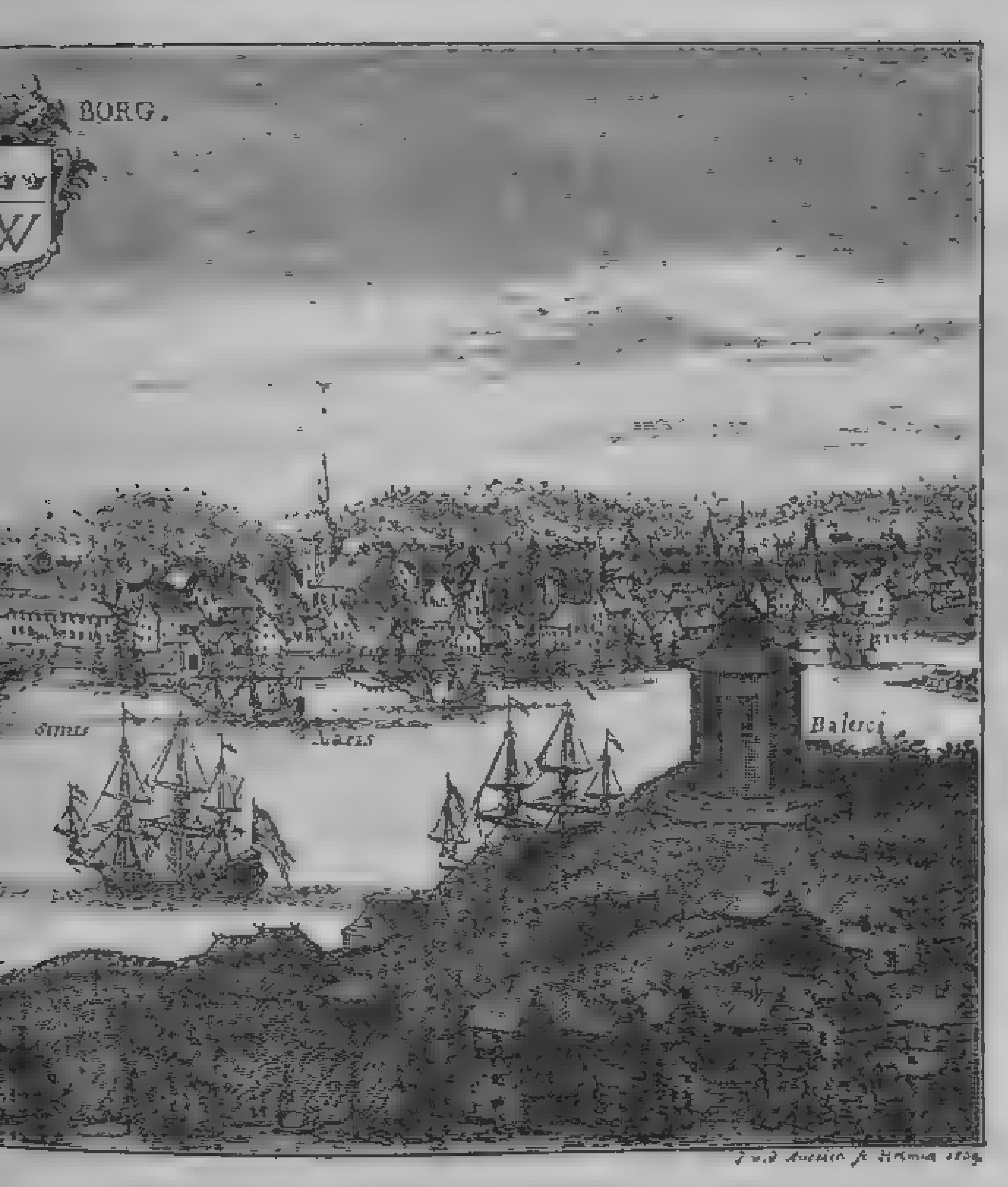
На другой день Петръ писалъ Императрицѣ: «Матка, здравствуй! Объявляю Вамъ, что вчерашняго дня городъ Выборхъ сдался и сею доброю вѣдомостью (что уже крѣпкая подушка Санктъ-Петербурху устроена чрезъ помощь Божью), вамъ поздравляю»[194])... Адмиралтействъ совѣтника А. В. Кикина Государь увѣдомилъ, что Выборгскій комендантъ, по «изготовленіи бреша, не дожидая шторма» на акордъ сдался. «И тако чрезъ взятіе сего города Санктъ-Петербурху конечное безопасеніе получено»[195])... Въ такихъ же выраженіяхъ радостная вѣсть была сообщена вице-адмиралу Крюйсу (14 іюня) съ прибавленіемъ:... «чѣмъ васъ и всѣхъ во флотѣ обрѣтающихся поздравляю». Этими нѣсколькими сообщеніями очерчено значеніе новаго пріобрѣтенія, какимъ оно являлось въ глазахъ Царя. Важныя происшествія, радовавшія неутомимаго Государя, обыкновенно побуждали его увѣдомлять многихъ отличаемыхъ имъ дѣятелей. Такъ и случилось и со взятіемъ Выборга. И. И. Голиковъ утверждаетъ, что Петръ отправилъ до 50 писемъ съ извѣщеніемъ о сдачѣ крѣпости и о томъ, что «городу Санктпетербургу конечно безопасіе получено».

15 Іюня совершился торжественный входъ гр. Апраксина, при чемъ онъ былъ встрѣченъ обоими комендантами, бургомистромъ и купечествомъ. Крѣпостные ключи были поднесены на серебряномъ блюдѣ. Со всей крѣпости произведена была троекратная пушечная пальба. Царь находился теперь въ строю Преображенскаго полка и «отдалъ честь ружьемъ» гр. Апраксину. На флагштокѣ «Лангъ-Германъ» подняли царскій штандартъ, со всѣхъ воротъ сняли шведскіе гербы и замѣнили ихъ русскими. Къ городу приблизился нашъ галерный флотъ и троекратно салютовалъ, поздравляя Царя съ побѣдой. Въ походной церкви отслужили благодарственное молебствіе. Въ крѣпости оказалось 135 офицеровъ, 3702 нижнихъ чина и 906 городскихъ обывателей, 65 знаменъ и флаговъ, 151 орудіе, много ружей, пороха, 14 судовъ и пр.

16 Іюня Царь торжественно вошелъ въ крѣпость, гдѣ отслуженъ былъ молебенъ. Для въѣзда спѣшно убирались трупы и расчищались улицы, «ибо во всей крѣпости не было ни на едину

Видъ гор
17

Выборгъ
9 г.

саженъ цѣлаго мѣста», всюду виднѣлись развалины и выбоины отъ бомбъ.

«Въ городѣ и лагерѣ побѣда торжествовалась только пальбою изъ всѣхъ орудій, при чемъ войска стрѣляли также изъ ручнаго оружія», — пишетъ очевидецъ Юстъ Юль. — Адмиралъ Апраксинъ задалъ пиръ. Попойка у Ѳ. М. Апраксина вышла на славу. 16 іюня въ городъ прибылъ генералъ-фельдмаршалъ кн. Меншиковъ и былъ встрѣченъ пушечной пальбой.

Первымъ русскимъ комендантомъ крѣпости назначили бригадира Григ. Чернышева. Апраксину пожаловали орденъ св. Андрея Первозваннаго, кн. Голицынъ награжденъ деревнями. Генералъ-маіоры Р. Брюсъ и Берхольцъ получили царскіе портреты, украшенные драгоцѣнными камнями. Любекеръ писалъ: «Непріятель съ особой похвалой отзывался о храбрости осажденныхъ и призналъ стрѣльбу столь сильной, что нигдѣ не находилъ отъ нея надежной защиты».

Григ. Чернышевъ.

Одна изъ причинъ большихъ потерь русскихъ заключалась въ томъ,—по разсказу современника—что они не могли въ виду свѣтлыхъ сѣверныхъ ночей пользоваться для своихъ подступовъ темнотою [196]).

20 Іюня къ Выборгской бухтѣ приблизился небольшой непріятельскій флотъ; увидѣвъ, что крѣпость уже взята, онъ ушелъ въ море.

Когда затѣмъ 23 іюня Царь вернулся въ Петербургъ, то за нимъ несли шведскія знамена, взятыя въ Выборгѣ. Въ память взятія города была выбита медаль, на задней сторонѣ которой виденъ планъ осады съ надписью: «occupat audentem»; переднюю сторону—украшалъ портретъ Царя. Память завоеванія Выборга Петръ увѣковѣчилъ заложеніемъ Троицкаго собора въ Петербургѣ.

Предусмотрительный Петръ своевременно старался обсудить также возможность сдачи крѣпости; но при рѣшеніи этого вопроса онъ нѣсколько колебался. 1-го іюня «Piter» сообщилъ гр. Апраксину: «Ежели Господь Богъ дастъ свою помощь, что придетъ до капитуляціи, то лучше не давать онымъ капитуляціи, но воин-

скими полоненниками учинимъ опымъ. Буде-же въ томъ увидѣте, что трата будетъ людемъ, то и на полную капитуляцію позвольте». По условію сдачи крѣпости, коменданту и гарнизону надлежало предоставить свободный выходъ изъ города. Но Петръ приказалъ Апраксину и Чернышеву передать коменданту Шеристроле, по своемъ отъѣздѣ, что Его Величество удерживаетъ гарнизонъ, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, въ виду «многія со стороны шведовъ неправды, учиненныя противъ обычая всѣхъ христіанъ воюющихъ». Въ «Вѣдомостяхъ» 1710 г. № 14—въ реляціи о взятіи «Выборка»—объ этомъ значится такъ: «І хотя выборгской гарнізонъ по той капітуляціи обѣщано выпустить однако за многіе съ непріятельской стороны не правды, чіненные протівъ его Царскаго велічества, а особліво за послѣдующіе (которые къ нему коменданту за рукою господина адмірала графа Апраксина посланы съ объявленіемъ, да бы оные послалъ съ нарочнымъ офіцеромъ къ стекголскому сенату) задержанъ. Слѣдуетъ перечень неправдъ [197]). Прежде всего, шведы удержали, какъ призъ, шняву, «Фалкъ», шедшую подъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ въ Стокгольмъ съ письмами отъ шведскихъ плѣнныхъ [198]). Со шнявы сорвали русскій вымпелъ. Затѣмъ резидента нашего кн. Хилкова держатъ съ начала войны въ заключеніи, не взирая на то, что съ нашей стороны резидентъ Швеціи былъ отпущенъ. Русскихъ генераловъ вѣроломно схватили подъ Нарвою и увели въ Стокгольмъ. Русскихъ купцовъ въ мирное время, вопреки трактатамъ, задерживали съ товарами. По исправленіи всѣхъ «неправдъ» и по «оказаніи сатисфакціи» на виновномъ въ сорваніи вымпела, всему гарнизону обѣщалось освобожденіе). Раненые-же и больные, вдовы и дѣти были немедленно отпущены.

МЕДАЛЬ НА ВЗЯТІЕ ВЫБОРГА.

Въ одномъ рукописномъ шведскомъ сочиненіи [199]) говорится, что русскіе согласны были выпустить гарнизонъ, но при условіи, что онъ не можетъ выйти ни черезъ брешь крѣпостной стѣны, ни по пантонамъ, наведеннымъ русскими; вслѣдствіе этого шведскіе солдаты вынуждены были исправить мостъ черезъ проливъ, разрушенный во время осады. Когда мостъ былъ готовъ, генералъ-адмиралъ Апраксинъ далъ знать, что гарнизонъ будетъ на судахъ

отправленъ на островъ Біеркэ, гдѣ его приметъ шведскій флотъ. Шведскимъ солдатамъ для этого пришлось извлечь изъ воды Трансунда затопленныя русскія суда. Едва это было исполнено, какъ предъявленъ былъ счетъ шведскимъ офицерамъ и шведской казнѣ и предложено было уплатить долги, сдѣланные горожанамъ Выборга шведскими офицерами и шведской казной.—Только послѣ всего этого было заявлено, что, въ видѣ репрессаліи за захваченныя русскія суда, необходимо задержать коменданта, офицеровъ и гарнизонъ; они были арестованы и отправлены въ Петербургъ. Насколько правдоподобенъ этотъ разсказъ Эренмальма установить не удалось [260]).

«Я осматривалъ Выборгъ, пишетъ Юстъ Юль (30 іюня 1710 г.). Разореніе, которому онъ подвергся отъ пожаровъ, ядеръ и бомбъ, не поддается описанію; большая часть его домовъ, особенно по набережной, разрушена до основанія; прочіе же такъ повреждены, что стали почти необитаемы». Соборъ лежалъ въ развалинахъ, ратуша сильно повреждена, огонь обуглилъ деревянныя строенія. По подсчету, сдѣланному впослѣдствіи магистратомъ города, Выборгъ потерялъ при осадѣ въ качествѣ груза 26 кораблей, до 24.000 бочекъ смолы, много балокъ и досокъ, кромѣ того лѣсопильни, скотъ и всякой движимости на 60.000 рублей. Историческій замокъ Выборга былъ разрушенъ [261]).

По взятіи Выборга, «горожане присягнули Царю на вѣрность и остались при своихъ домахъ и имуществахъ». Нехорошо отнеслись только, по словамъ Юста Юля, войска къ попадавшимся на улицахъ женщинамъ, которыхъ взяли съ собою въ Россію. По заявленію того-же современника плѣнныхъ солдатъ изъ Выборга отправили для работы на островъ Ритусари (Котлинъ), а офицеровъ отвезли въ Новгородъ. «По пути (4 іюля) я встрѣтилъ 2000 крестьянъ, шедшихъ изъ Петербурга въ Выборгъ на крѣпостныя работы. Они должны были возстановить Выборгскія стѣны», прибавляетъ Юстъ Юль [262]).

Въ мѣстныхъ киркахъ были объявлены разрѣшеніе всѣмъ вернуться къ своимъ мѣстамъ, повелѣніе присягнуть русскому монарху и предупрежденіе партизанамъ «кивикесамъ», бродившимъ по краю и дикимъ поведеніемъ причинявшимъ многочисленныя непріятности какъ своимъ, такъ и русскимъ. Изъ требованія присяги дѣлали тотъ выводъ, что русская власть рѣшила оставить этотъ край за собой. Народъ повиновался призыву и, за малымъ исключеніемъ, присягнулъ Царю, но партизановъ не выдавалъ.—

*

Населеніе было такъ утомлено войной, что ему было все равно, состоять-ли въ томъ или другомъ подданствѣ. Даже часть Выборгскаго гарнизона, преимущественно изъ Выборгскаго, Карельскаго и Саволакскаго полковъ, около 500 чел., перешли въ русскую военную службу.

Позже, въ октябрѣ, у Петра родилась новая мысль. Въ «Вѣдомости» 1710 г. № 18 читаемъ: Прислано изъ Вильны (Вілны).— «Его Царское Величество нарочитымъ торговымъ людямъ въ Выборгѣ «і абое» (Або) указъ далъ своимъ именемъ въ «санктъ пітеръ бургъ» переходить, тамо имъ лѣсъ и много матеріаловъ дается, дворы и амбары строить, также и повольность въ нѣкоторыхъ городахъ» [203]).

Отсылка людей изъ завоеванныхъ городовъ вообще практиковалась тогда. Извѣстно, напримѣръ, что изъ Нарвы (6 марта 1704 г.) жители отправлены были въ Россію.

Поспѣшность Царя по приведенію къ присягѣ и исправленію Выборга показываетъ, какое значеніе онъ придавалъ ему, какъ крѣпости. Выборгъ былъ единственною большою крѣпостью Финляндіи. Въ теченіе четырехсотъ лѣтъ онъ являлся передовой стѣной края на востокѣ.—По выраженію-же какого-то мѣстнаго стараго поэта Выборгъ являлся могилою московитовъ — «Moscorum busta Wiborgum. Горе шведовъ при потерѣ передового ихъ оплота было тѣмъ болѣе велико, что у нихъ не сохранилось надежды на его возвращеніе [204]). Выборгъ былъ важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ шведовъ во всей Финляндіи: отсюда и моремъ и сухимъ путемъ они грозили Петербургу; здѣсь находилась ихъ единственная удобная морская станція. Выборгъ служилъ опорою и магазиномъ для шведскаго флота и воротами въ шхеры. Казалось-бы, что шведское правительство обязано было напрячь всѣ свои силы, чтобы отстоять его; но оно этого не сдѣлало. Съ покореніемъ Выборга для русскихъ открывалась дорога къ дальнѣйшему завоеванію Финляндіи, а плаваніе нашего флота въ восточной части Финскаго залива становится болѣе безопаснымъ [205]). Выборгъ сдѣлался первымъ этапомъ русскихъ въ Финляндіи. Вотъ почему Царь рѣшилъ, что Выборгъ «гораздо крѣпить надлежитъ».

Датскій писатель Юль находилъ, что по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ экспедиція Царя должна была кончиться катастрофой, а въ дѣйствительности все завершилось паденіемъ Выборга и «опромѣтчивость обратилась въ славу». Несомнѣнно, что удача помогла Царю въ томъ, что шведская эскадра запоздала и потому

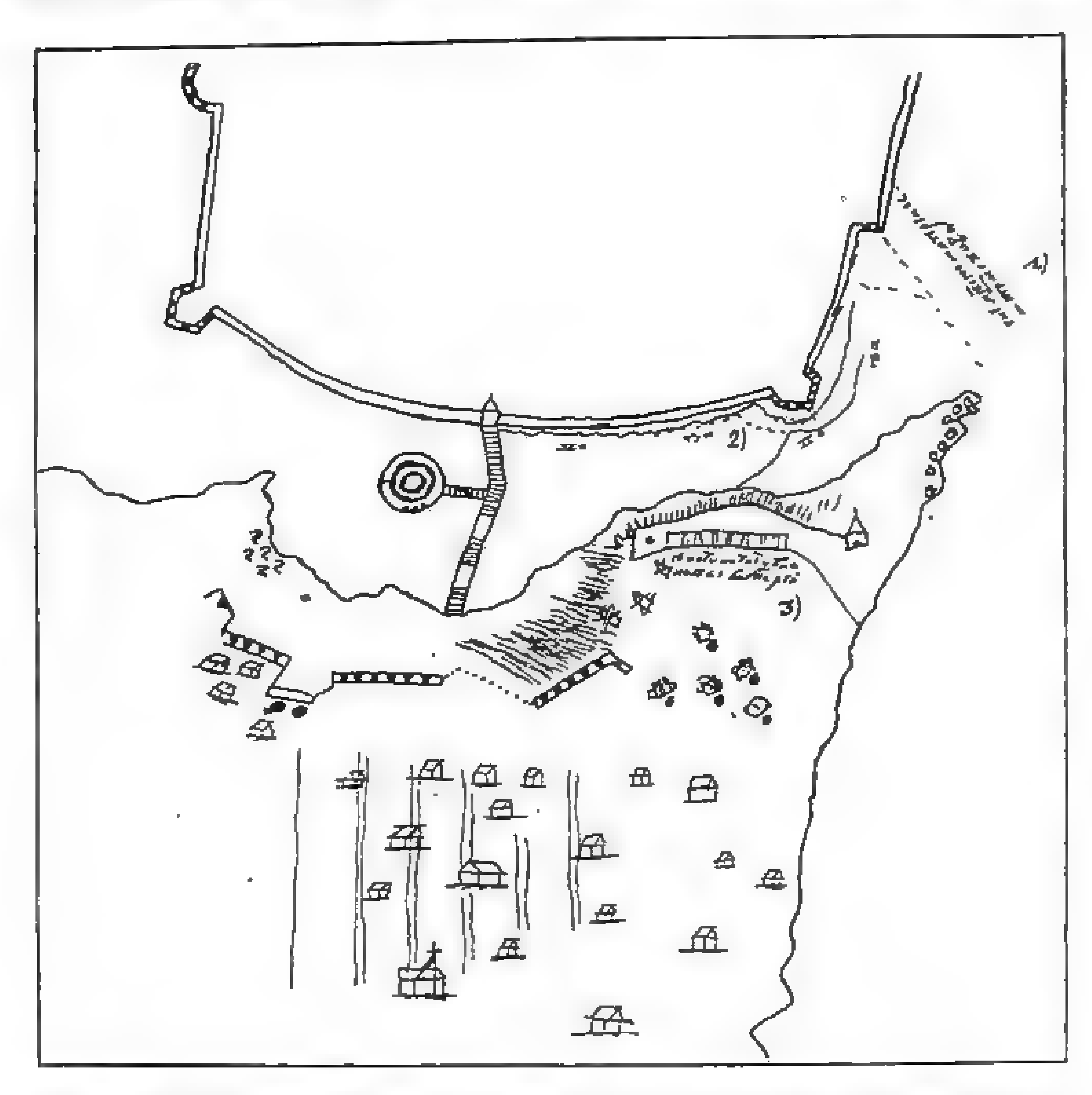
не могла захватить русской флотиліи; но при случайностяхъ и ошибкахъ нельзя тѣмъ не менѣе отрицать того, что Петръ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ полководца и изумляющей настойчивостью въ достиженіи необходимаго и намѣченнаго. Недюжинныя качества Петра, какъ военноначальника, сказались въ томъ, что онъ началъ походъ въ то время, когда непріятель не былъ подготовленъ къ оборонѣ и потому флотъ его не могъ явиться на выручку крѣпости. Всѣ его дальнѣйшія распоряженія при осадѣ Выборга цѣлесообразны и объединены одною мыслью. Петръ еще разъ въ полномъ блескѣ проявилъ, кромѣ отваги и настойчивости въ преслѣдованіи цѣли, свои морскія способности. Онъ умѣло составилъ весь планъ и хорошо организовалъ тылъ арміи, и эти два обстоятельства явились не малыми факторами, обезпечившими побѣду. Тотъ-же «честный датчанинъ» Юстъ Юль въ другомъ мѣстѣ своего дневника говоритъ: «лицамъ, завѣдующимъ осадою Выборга, успѣхъ достался легко, потому что Царь передъ отъѣздомъ каждому преподалъ нужныя наставленія..... такъ какъ Его Величество весьма прозорливъ, отлично знакомъ со всякимъ дѣломъ и имѣетъ вѣрный взглядъ на все.... Остается только удивляться съ одной стороны уму этого человѣка, правящаго всѣмъ единолично, съ другой—природнымъ его силамъ, благодаря которымъ онъ безъ утомленія выноситъ всѣ труды и заботы, выпадающіе на его долю». У Юста Юля встрѣчается особое указаніе на то, что Царь одаренъ былъ большими способностями [206]).

ИВ. ИВ. ГЕННИНЪ.
награжденъ золотой медалью за взятіе Выборга.

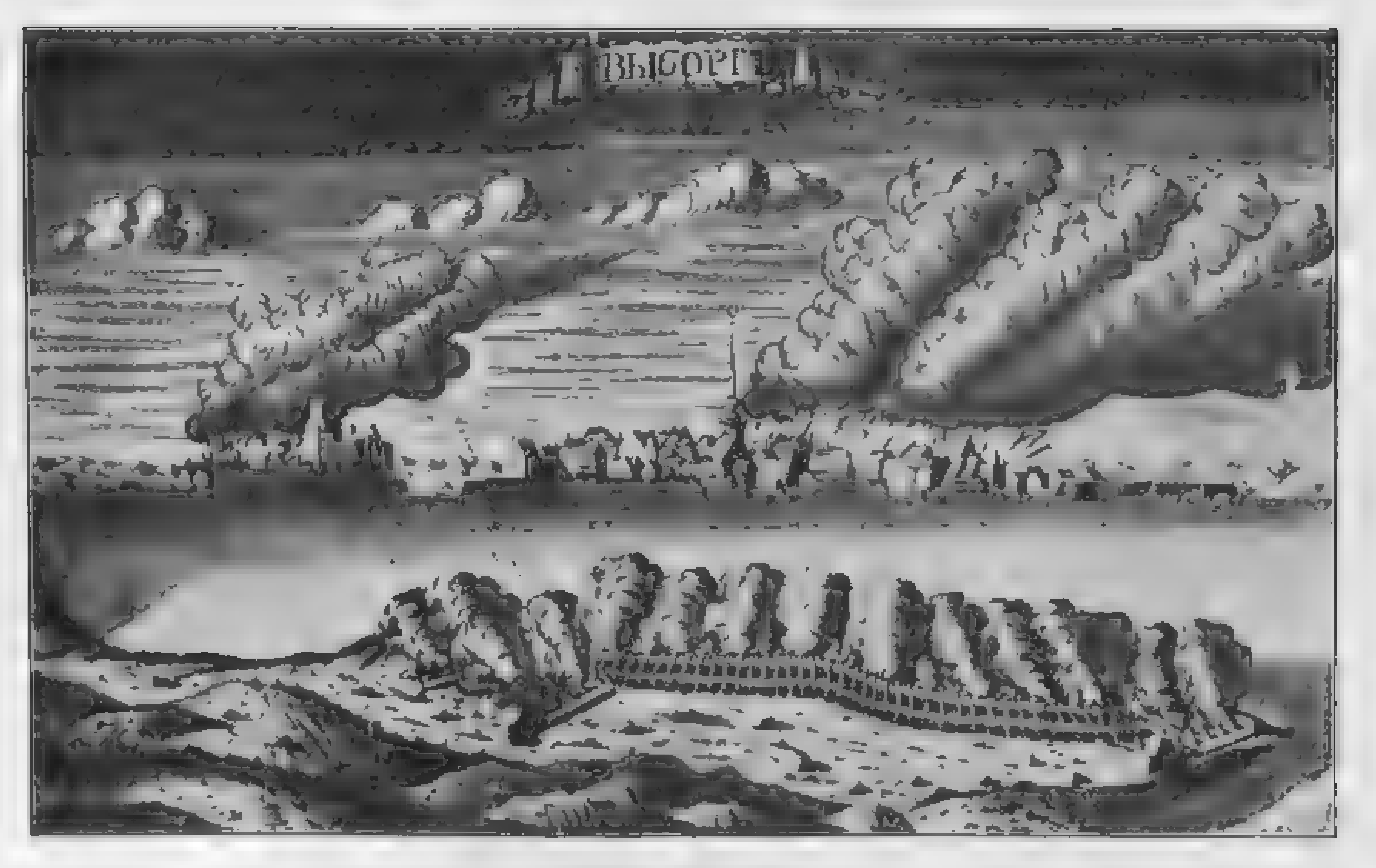
Въ русскомъ лагерѣ у стѣнъ Выборга видимымъ руководителемъ былъ гр. Ѳ. М. Апраксинъ, но истиннымъ вдохновителемъ всего дѣла являлся, конечно, геніальный Царь. Его духъ оживотворялъ здѣсь все. Онъ задумалъ осаду, онъ ее и выполнилъ. Изъ московскаго письма къ послу при датскомъ дворѣ кн. Долгорукову, отъ 4 апрѣля 1710 года, видно, что блокада Выборга была рѣшена Царемъ на зиму 1710 г., «а формальная атака, Богу изволившу, начнется въ послѣднихъ дняхъ апрѣля». Апраксинъ исправно изъ подъ Выборга доносилъ о каждомъ своемъ намѣреніи и о насущнѣйшихъ нуждахъ осаждавшихъ. На все столь же исправно слѣдовалъ отвѣтъ Царя и точныя указанія

«что и когда» надлежало дѣлать. Войска нуждались въ провіантѣ и орудіяхъ. Уже 24 марта 1710 г. Петръ сообщалъ Ѳ. М. Апраксину, что «пушки и провіантъ по письму вашему немедленно отпустимъ, первое сполна, а другое—сколько возможно.... Что же ваша милость пишете, что хощете ломать Лангъ-Германъ, а мнѣ

Осадныя работы подъ Выборгомъ въ Апрѣлѣ 1710 г. Приложеніе къ письму Апраксина: 1.—Сіе мѣсто намѣрены штурмовать, 2.—вода, 3.—сей ночи начнемъ дѣлать новыя батареи.

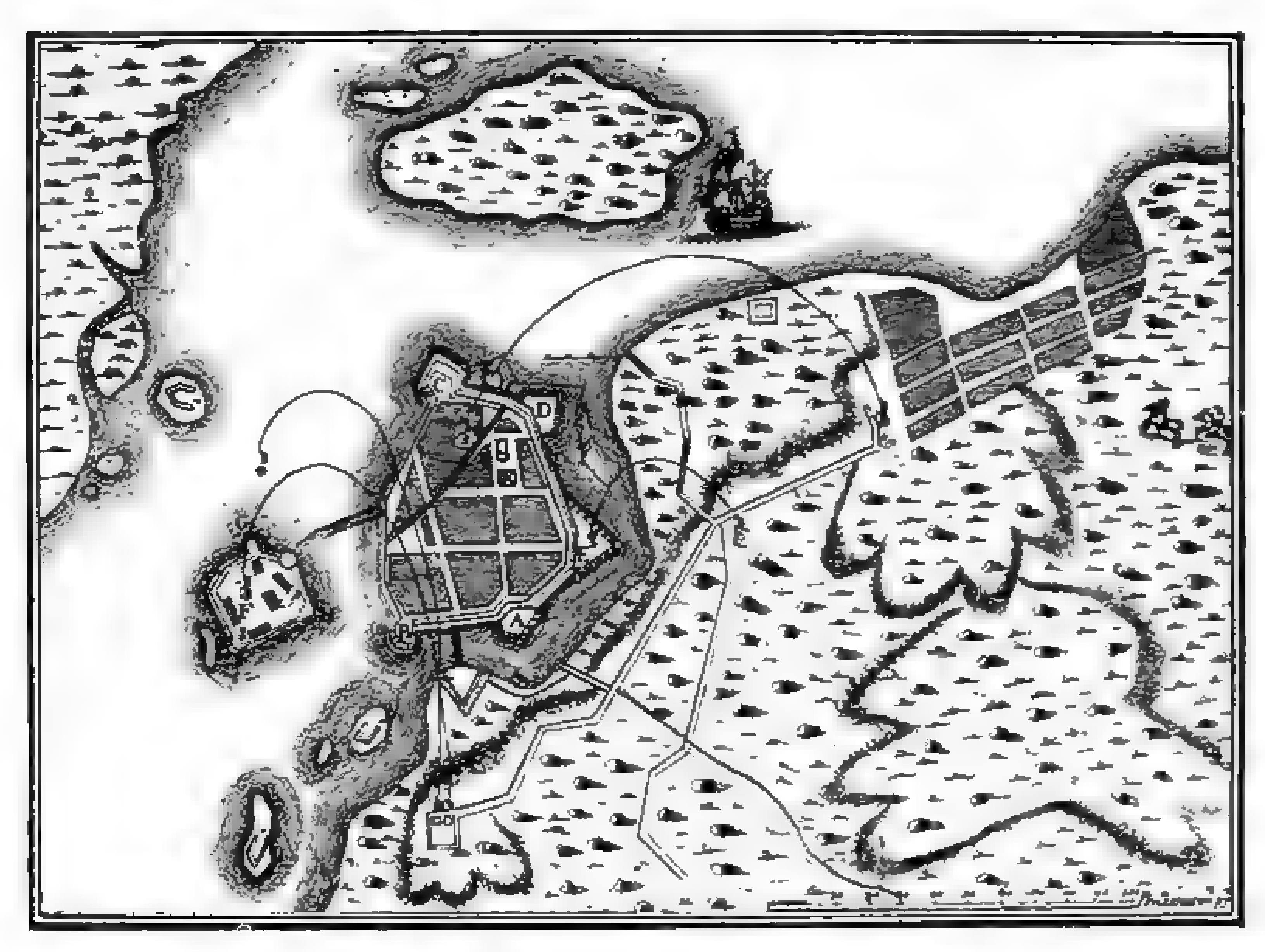
мнится, ежели возможно, зѣло удобнѣе сдѣлать брешь въ стѣнѣ замка того, въ чемъ оный Германъ стоитъ, и оной съ помощью Божіею штурмовать. Сіе пишу совѣтомъ, а не указомъ, понеже вы ближе къ тому мѣсту, можете лучше осмотрѣть и дѣлать, что удобнѣе...». Когда провіантъ нагрузили на галеры, Царь вызвался сопровождать транспортъ. Со шнявы «Лизетъ» отъ урочища Комуры 1-го мая 1710 г. Петръ увѣдомилъ гр. Апраксина, что до этого урочища съ провіантомъ пришли, но далѣе твердый ледъ

до самаго мыса; у урочища имѣлось въ виду стоять до очищенія залива ото льда, почему предлагалось Апраксину взять часть провіанта, если возможно, съ ближайшихъ къ берегу судовъ. Этой возможности не представилось, и суда двинулись къ Выборгу. Тѣломъ Царь отсутствовалъ, но всѣми своими помыслами онъ пребывалъ у Выборга, содѣйствовалъ своей арміи и оберегалъ ее отъ всякихъ случайностей. 21-го мая Государь предупреждалъ Апраксина быть особенно бдительнымъ, дабы шведы, «яко народъ лукавый», не подкрѣпили Любекера. Тутъ же слѣдовалъ совѣтъ. «тобъ не худо Любекера со всею конницею и съ частью пѣхоты посѣтить, и то кладу на ваше разсужденіе». Озабоченный тою же неотвязчивой мыслію, Царь на другой день, узнавъ о возвращеніи нашихъ плѣнныхъ изъ Стокгольма, вновь пишетъ адмиралу Апраксину: «извольте хорошенько выспросить (у оныхъ невольниковъ), не привезли-ль шведы изъ Стокгольма моремъ людей въ прибавку Любекеру». «Также извольте какихъ-нибудь финскихъ мужиковъ сыскать: ежели близко Выборга не сыщутся, то хотя изъ Карелы взять человѣкъ двухъ или трехъ съ женами, и удовольствовавъ ихъ деньгами, отпустить къ Любекеру шпіонами, а женъ оставить у себя за карауломъ для того, чтобы онѣ не солгали». Каждый полезный шагъ Царь желалъ предусмотрѣть и направить. Не говоримъ уже о его главнѣйшихъ распоряженіяхъ, въ которыхъ все было ясно договорено. Достаточно одного примѣра. «Съ Божіей помощью брешь начинайте и съ обѣихъ сторонъ крѣпко бомбардируйте безъ перемолку. А когда брешь будетъ готовъ, тогда и штурмуйте; а съ Берхгольцовой стороны лучше штурмовать прежде». При важнѣйшемъ актѣ осады—при штурмѣ—Петръ желалъ лично присутствовать и рвался изъ Петербурга, гдѣ его задерживало лѣченіе. «Если къ штурму не приступлено,—писалъ онъ 8 іюня графу Апраксину,—то обождать нѣсколько дней, къ которому времени могу поспѣть; понеже сегодня послѣднее лѣкарство приму, а завтра буду свободенъ» [207]). Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Выборгъ взятъ былъ Петромъ. Его талантъ организовалъ все то, достойными исполнителями чего явились Апраксинъ, Берхгольцъ, Голицынъ, Боцисъ и др.

Послѣ взятія Выборга южная часть Сайменской водной системы досталась русскимъ, вмѣстѣ съ Вильманстрандомъ; только

Кексгольмъ оказалъ сопротивленіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Въ своемъ отзывѣ (въ 1681 г.) Эрикъ Дальбергъ представилъ цѣлый рядъ замѣчаній о малой годности укрѣпленій Кексгольма. Замокъ былъ тѣсенъ и не вмѣщалъ большого гарнизона и магазина; стѣны крѣпости оказывались непрочными и плохими, почти безъ фланговъ и брустверовъ. Въ такомъ же положеніи находились укрѣпленія города. Они были весьма высокія, съ слабыми брустверами и небольшими флангами; ко всему этому нѣкоторыя ближайшія возвышенности господствовали надъ ними.

ПЛАНЫ КЕКСГОЛЬМА.

Эрикъ Дальбергъ однако находилъ, что не трудно было обратить Кексгольмъ въ «отличную крѣпость». Но таковой Кексгольмъ никогда не сдѣлался [208]). Попеченіемъ коменданта, подполковника Фокса, крѣпость была только нѣсколько обезопасена противъ нападенія непріятеля. 30 іюня генералъ-маіоръ Р. Брюсъ былъ отправленъ къ Карелѣ (Кексгольму, основанному 1279 г.). Ему надлежало ограничиться однимъ обложеніемъ крѣпости и «утѣсненіемъ» ее бомбардированіемъ, а «не формально атаковать». Такое распоряженіе было сдѣлано дѣятельнымъ Царемъ послѣ военнаго консиліума (20 іюня въ Выборгѣ), въ виду незначительности Кексгольмскаго гарнизона (400 ч.), и отрѣзанности

Кексгольма, послѣ паденія Выборга. Комендантъ полк. Шерншанцъ отказался сдать крѣпость и тѣмъ вызвалъ бомбардировку, продолжавшуюся четырнадцать дней. Русскіе безъ труда взяли редутъ на островѣ рѣки Вуокси, противъ крѣпости. Вскорѣ изъ Шлиссельбурга водою была доставлена осадная артиллерія. Комендантъ рѣшилъ сдаться (8 сент. 1710 г.). Въ началѣ сентября комендантъ соглашался подписать условную сдачу, но Брюсъ ее отклонилъ и выставилъ свои требованія. Аккордные пункты посылались въ Петербургъ и Царь указалъ Брюсу, «дабы крѣпость ему принять». Гарнизонъ выпустили «со всею ихъ ливреею», либереею и ружьями, но безъ знаменъ и музыки. Въ октябрѣ 1710 г. въ Кексгольмъ пріѣзжалъ Государь для осмотра сей карельской крѣпости и пробылъ въ ней около недѣли. Въ виду краткосрочности этого путешествія и недостатка въ лошадяхъ, онъ не взялъ съ собою ни одного изъ «министровъ» [209]).

Когда Кексгольмъ оказался въ обладаніи Петра, онъ вспомнилъ, что эта крѣпость являлась когда-то достояніемъ его предковъ. «И такъ,—писалъ Царь,—сія праотечественная крѣпость взята безъ великаго урону людей». Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ замѣчательную послѣдовательность и бдительность. Возвращаясь, напримѣръ, изъ поѣздки въ Шлиссельбургъ, Царь заговорилъ съ резидентомъ Веберомъ о своихъ завоеваніяхъ и увѣрялъ, что его державные предки нѣкогда владѣли всѣмъ нынѣ отвоеваннымъ, что «можетъ быть доказано имѣющимися на лицо въ Московскомъ Архивѣ подлинными грамотами» [210]).

Покореніемъ Кексгольма закончилъ свою полезную службу родинѣ Романъ Вилимовичъ Брюсъ—старшій братъ Якова Брюса. Романъ Брюсъ участвовалъ при взятіи Ніеншанца и Выборга, но наибольшую извѣстность онъ стяжалъ себѣ трудами по созданію Петербурга. Онъ—свидѣтель основанія этой столицы, онъ былъ первымъ ея оберъ-комендантомъ, отстаивалъ ее отъ цѣлаго ряда шведскихъ натисковъ; въ отсутствіи Меншикова онъ обстраивалъ городъ и подъ его надзоромъ Петропавловская крѣпость, вмѣсто земляныхъ валовъ, получила каменныя стѣны. Романъ Брюсъ былъ женатъ на обрученной невѣстѣ Императора Петра II—извѣстной княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой [211]).

Защитою средняго Саволакса, послѣ паденія Выборга, завѣдывалъ Карлъ Армфельтъ. Онъ находился въ Нейшлотѣ. Здѣсь ему удалось отразить казацкій отрядъ въ 2 тыс. чел., которому указали дорогу карельскіе крестьяне. Любекеръ говорилъ, что

Армфельтъ если-бъ исправлялъ свою должность вблизи Карла XII, то несомнѣнно скорѣе получалъ-бы повышенія, чѣмъ теперь. Храбрый и съ твердымъ характеромъ, онъ, повидимому, обладалъ хорошими качествами полководца, но пока ему приходилось бездѣйствовать.

«Лѣтняя кампанія закончена блистательно, — отмѣтилъ въ своихъ запискахъ датскій посланникъ (15 окт. 1710 г.); о большемъ успѣхѣ нельзя было мечтать. Въ самомъ дѣлѣ, въ одно лѣто Царь взялъ восемь сильнѣйшихъ крѣпостей, именно: Эльбингенъ, Ригу, Динамондъ, Перновъ, Аренсбургъ, Ревель, Выборгъ и Кексгольмъ и сталъ господиномъ всей Лифляндіи, Кареліи и Кексгольмскаго округа. Ему больше ничего не оставалось завоевывать. Успѣхъ былъ тѣмъ блистательнѣе, что пороху было разстрѣляно при взятіи названныхъ крѣпостей столько, сколько въ ознаменованіи радости по случаю всѣхъ этихъ побѣдъ, при чашахъ въ ихъ честь» [212]).

Сѣверная и средняя части Кексгольмской губ. не были еще заняты русскими, но тѣмъ не менѣе въ нихъ пробудилось старое тяготѣніе къ Россіи. Не мало этому содѣйствовали и пасторы, увѣщевавшіе прихожанъ принести Царю вѣрноподданническую присягу. Указываютъ, что крестьянами въ этомъ случаѣ руководила также надежда на освобожденіе, при помощи новаго правительства, отъ притѣсненія казенныхъ арендаторовъ.

Войны Карла XII требовали большихъ жертвъ отъ шведскаго государства. Населеніе платило большіе налоги, поддерживало почтовую гоньбу, несло постойную повинность и т. п.; но прежде всего требовались огромныя средства на содержаніе, вооруженіе и пополненіе арміи.

Объ организаціи въ Финляндіи военной обороны необходимо предварительно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Во-первыхъ, нельзя говорить о какихъ-либо «финскихъ войскахъ» въ смыслѣ особой арміи. Въ Финляндіи въ мирное время не было какой-либо тактической единицы крупнѣе полка. Центральное управленіе обороны въ Финляндіи, учрежденное въ 1680 г. подъ названіемъ Милиціонной конторы (Militiekontoret), имѣло чисто административный характеръ и было упразднено, съ введеніемъ поселенной системы. Лишь война заставила сформировать большія

военныя части, состоявшія изъ нѣсколькихъ полковъ. Только при такихъ условіяхъ образовался финскій отрядъ.

Въ Финляндіи, какъ и въ остальной Швеціи, введена была поселенная система. Исключеніе составляла Эстерботнія. Несмотря на всѣ попытки ландсгевдинговъ (губернаторовъ) уговорить крестьянъ Эстерботніи, они не соглашались на поставку солдатъ по поселенной системѣ и упрямо продолжали предпочитать способъ вербовки.

Рекрутскіе наборы производились въ періодъ Великой Сѣверной войны преимущественно зимой, когда крестьянамъ легче было прибывать на сборные пункты. Нѣкоторые наборы дали слѣдующіе результаты: въ 1706 г.—1802 человѣка, въ 1707 г.—1072 ч., 1708 г.—500 человѣкъ. Уклонявшихся отъ наборовъ пытались побуждать къ явкѣ угрозой наказанія, но часто она не достигала цѣли. Надежды, возлагавшіяся на призывы, обращенные къ народу, также не давали желаемыхъ результатовъ. Военная коллегія послала въ Або и Гельсингфорсъ оружіе и аммуницію для ополченцевъ (nostofolket). Нѣсколько инженерныхъ офицеровъ отправлены были непосредственно изъ Стокгольма въ Нюландію, чтобъ научить крестьянъ устройству брустверовъ въ мѣстныхъ узкихъ проходахъ. Власти энергично принялись за дѣло, но населеніе не внимало воззваніямъ. И въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгѣ жаловались на равнодушную тупость крестьянъ. Лишь въ Эстерботніи хвалили ихъ рвеніе участвовать въ воинскихъ упражненіяхъ. Будущее однако скоро показало, что и Эстерботнійскіе ополченцы, если и были нѣсколько лучше организованы, чѣмъ въ остальной Финляндіи, то и на нихъ нельзя было положиться, когда желательно было широко воспользоваться ихъ помощью. Отдѣльные малые отряды эстерботнійцевъ выдѣлились своею отвагою, но попытки организовать болѣе крупные отряды оказались безплодными какъ въ Эстерботніи, такъ и въ другихъ частяхъ Финляндіи.

МЕДАЛЬ ВЗЯТІЯ КЕКСГОЛЬМА.

О храбрости финновъ отзываются различно. Великая Сѣверная война новыхъ лавровъ имъ не принесла, такъ какъ имѣются неопровержимыя свидѣтельства о трудности удержать ихъ подъ знаменами. «Печальнѣе всего то,—пишетъ Кроніортъ королю

въ началѣ 1701 г.,—что большую часть нашихъ финновъ (этого непривычнаго народа), какъ только начинается стычка съ непріятелемъ, офицеры никакъ не могутъ заставить быстро слѣдовать за собой, ибо они поворачиваютъ спину и бросаютъ своихъ начальниковъ въ жертву непріятелю. Кампаніи слѣдующихъ годовъ нѣсколько закалили солдатъ финской арміи, но, по словамъ Любекера, которому нѣтъ основанія не довѣрять, ихъ нельзя было сравнивать съ войсками, находящимися подъ командой самого Карла XII. Майдель и Любекеръ отдаютъ предпочтеніе вербованнымъ полкамъ: въ нихъ находились «самые храбрые и здоровые люди во всей арміи», говорили они.

Особенно слабой стороной финскихъ войскъ были частые побѣги. Храбрость и выносливость считались традиціонными качествами финскихъ солдатъ, но тѣмъ не менѣе именно у нихъ встрѣчалась сильная охота при первомъ удобномъ случаѣ покинуть знамена. Эта черта наблюдалась какъ среди финскихъ солдатъ, несшихъ гарнизонную службу въ крѣпостяхъ Прибалтійскаго края въ XVI ст., такъ и среди солдатъ, сражавшихся за родину въ арміи Майделя и Любекера. Примѣненіе полной строгости закона къ дезертирамъ не помогало. Одинъ бѣглецъ эстерботнійскаго «сверхкомплекта» былъ повѣшенъ, а нѣсколько другихъ наказаны были тѣмъ, что ихъ 9 разъ погнали сквозь строй, тѣмъ не менѣе пробѣги продолжались.

Бѣглецы находили себѣ убѣжище у крестьянъ. Указываютъ даже на случаи, когда крестьяне съ оружіемъ въ рукахъ старались защищать ихъ противъ правительственныхъ чиновниковъ.

Подлежащія власти Финляндіи далеко не всегда были увѣрены въ преданности крестьянъ Швеціи. Когда Саволаксъ послѣ паденія Выборга сдѣлался пограничнымъ мѣстомъ, то Любекеръ предупреждалъ, чтобы не обременяли эту область новыми налогами, ибо есть опасеніе, что «населеніе можетъ предаться непріятелю или же просто произвести возстаніе». Особенно не довѣряли кареламъ, такъ какъ у нихъ имѣлись поводы къ неудовольствію противъ арендаторовъ въ большихъ казенныхъ участкахъ этой области.

Въ самой Финляндіи нельзя было найти офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ достаточномъ количествѣ. Приходилось брать ихъ изъ Ингерманландіи, Эстляндіи и Лифляндіи. Это практиковалось и прежде. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVI столѣтія финскіе полки долгое время исполняли гарнизонную службу въ крѣ-

постахъ Прибалтійскихъ губерній. И среди ихъ офицеровъ многіе являлись уроженцами разныхъ мѣстностей къ югу отъ Финскаго залива. На это достаточно указываютъ имена: Майдель, Армфельтъ, ф.-Роръ, Лоде, Дельвигъ, Крузеншерна, Пересвѣтовъ-Моратъ, Ребиндеръ и др. Нѣкоторые офицеры, какъ напримѣръ Іоганъ Шерншанцъ, въ перепискѣ съ властями охотнѣе употребляютъ нѣмецкій, чѣмъ шведскій языкъ. Въ жалобахъ офицеровъ финскаго отряда указывалось на разореніе ихъ дворовъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Унтеръ-офицеры были обставлены еще хуже офицеровъ и даже хуже рядовыхъ. Они рѣдко, или почти никогда не получали своего денежнаго оклада.

Денежное жалованье вообще выдавалось крайне нерегулярно, и часто совсѣмъ не получалось военнослужащими.

Объ общей суммѣ расхода на шведскія войска, дѣйствовавшія на территоріи Финляндіи, даютъ нѣкоторое представленіе слѣдующія цифры. Любекеръ считаетъ, что стоимость содержанія финскихъ войскъ въ теченіи 1707 г. обходилось въ 356.812 дал. серебр. и по его разсчету такая же сумма требовалась на 1708 г. Въ смѣтѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ, которую представилъ Вреде 4 февраля 1708 г., видно, что содержаніе нюэнской или ніеншанцкой эскадры обходилось въ 203.100 дал. сер., а содержанія переведеннаго въ Финляндію въ 1707 г. саксонскаго войска—въ 184.452 дал. сер.

Эти расходы не падали на одну Финляндію, ибо извѣстно, что статсъ-контора изъ Стокгольма высылала огромныя суммы для нуждъ войска въ теченіе 1707—1708 г.г.

Согласно королевскаго указа, люди дополнительныхъ наборовъ, изъ которыхъ составлялись, напримѣръ, такъ называемые «трехлюдные» полки, предназначались исключительно для обороны окраины» и ея береговъ.—Но фактически этого обѣщанія выполнить нельзя было. Войска Отто Веллингка, дѣйствовавшія въ Прибалтійскомъ краѣ, нуждались въ подкрѣпленіи. Ближайшимъ мѣстомъ, откуда возможно было его получить, являлась Финляндія. По просьбѣ Веллингка и королевскому указу перевезено было въ Эстляндію столько трехлюдныхъ войскъ, сколько могли выставить руты и рустгалты. Въ Нарвскомъ бою нѣсколько отрядовъ этихъ трехлюдныхъ финскихъ полковъ восприняли огненное крещеніе. Условія военнаго времени побуждали къ подобнымъ отступленіямъ отъ закона и обѣщаній. Самый созывъ «трехлюд-

ныхъ» полковъ являлся противозаконнымъ, но считался необходимымъ.

Дѣломъ обороны Финляндіи надлежало вѣдать самому королю, ставшему во главѣ арміи. Но Карлъ скоро замѣтилъ, что изъ Польши ему невозможно было руководить военными операціями на финской границѣ, почему пришлось предоставить полную свободу дѣйствія генералъ-лейтенанту Майделю. Стокгольмская оборонительная комиссія могла распоряжаться ходомъ дѣла въ Финляндіи, и вначалѣ она пыталась направлять его, но поняла всю неосновательность своего вмѣшательства и потому рѣдко затрагивала стратегическіе вопросы. Тѣмъ не менѣе главнокомандующему приходилось считаться и съ требованіями короля и съ указаніями оборонительной комиссіи. Затруднительность положенія главнокомандующаго становилась тѣмъ болѣе ощутительной, что онъ не имѣлъ права голоса въ гражданской администраціи и часто на его напоминанія и требованія она отвѣчала обиднымъ и вреднымъ молчаніемъ [213]).

Бѣдствія и тягости войны довели Финляндію до полнаго истощенія. Едва открылись военныя дѣйствія, какъ Карлъ XII приказалъ во всемъ государствѣ увеличить численность арміи. Помимо обыкновенно выставляемыхъ поселенныхъ частей, которыя содержались рутами и русттальтами, повелѣно было составить дополнительные, такъ-называемые, трехлюдные (tremännings), «тременнингсъ» полки.

Увеличенная этимъ путемъ военная сила, выставленная населеніемъ Финляндіи, составила уже въ 1700 г. около 9.300 пѣхоты и 4.700 кавалеріи, не считая вербованныхъ полковъ (лейбъ-драгунъ, драгунъ Цеге (Zöge), пѣхоты Гастфера и др.—также составленныхъ изъ финновъ). Въ томъ же году эти войска были выведены въ Эстляндію и Лифляндію, гдѣ они и оставались затѣмъ въ распоряженіи полковника Шлиппенбаха и Гастфера, и только часть вошла въ составъ арміи короля, во время его похода въ Польшу [214]).

Естественно, что съ продленіемъ военныхъ дѣйствій, полки требовали новыхъ и новыхъ пополненій и даже возобновленій. Были руты, которыя съ открытія войны дали до 12 человѣкъ. Чтобы исполнить требованія короля, приходилось брать въ солдаты значительное число собственниковъ гейматовъ (hemmansegare), т. е. дворохозяевъ, такъ какъ они не находили взамѣнъ себя людей. Карлъ XII, вопреки основнымъ принципамъ системы поселенныхъ

войскъ, сталъ прибѣгать къ наборамъ, для удовлетворенія все болѣе и болѣе возрастающей потребности въ войскахъ. Но и они не въ состояніи были пополнять убыли въ арміи, почему сформированы особые полки (tremänningsregementen) такимъ образомъ, что каждыя три конныхъ рустгальта (rusthåll) давали по одному всаднику съ лошадью, а каждыя три пѣшихъ руты (rote) по одному пѣхотинцу. Благодаря усиленнымъ рекрутскимъ наборамъ множество гейматовъ оставалось безъ обработки и вносилось въ поземельную книгу въ категорію skattevrak (опустѣвшія земли) [215]. Губернаторы дѣлали все, что могли, дабы избѣжать этой мѣры, которая грозила превратить край въ пустыню, но война требовала людей, а взять ихъ было негдѣ. Въ періоды особой опасности въ прежнее время къ оружію призывалось все населеніе, способное носить оружіе, и изъ него составлялся «landsstorm» или, какъ въ Финляндіи его называли, «nostofolk». Особой пользы эти неорганизованные отряды, конечно, принести не могли, но ихъ созывомъ очень замѣтно увеличивалась тяжесть войны, порождая общее неудовольствіе. Въ 1708 г. доносили изъ Финляндіи, что половина всего Абоскаго лена опустѣла, что большинство землевладѣльцевъ или бѣжало, или вступило въ армію [216]. Опасность, грозившая Выборгу весною 1710 г., повела къ тому, что солдатъ стали набирать среди студентовъ Або и учащейся молодежи.

Какое громадное военное бремя несли Швеція и Финляндія во время Сѣверной войны, видно изъ того, что лишь за первый ея періодъ, до Полтавской битвы, выставлено было около 400.000 солдатъ, между тѣмъ какъ численность народонаселенія государства не превышала $2^1/_2$ милл. чел. До 1713 г. финская поселенная система (indelningsverket) дала шведской арміи до 30.000 чел.

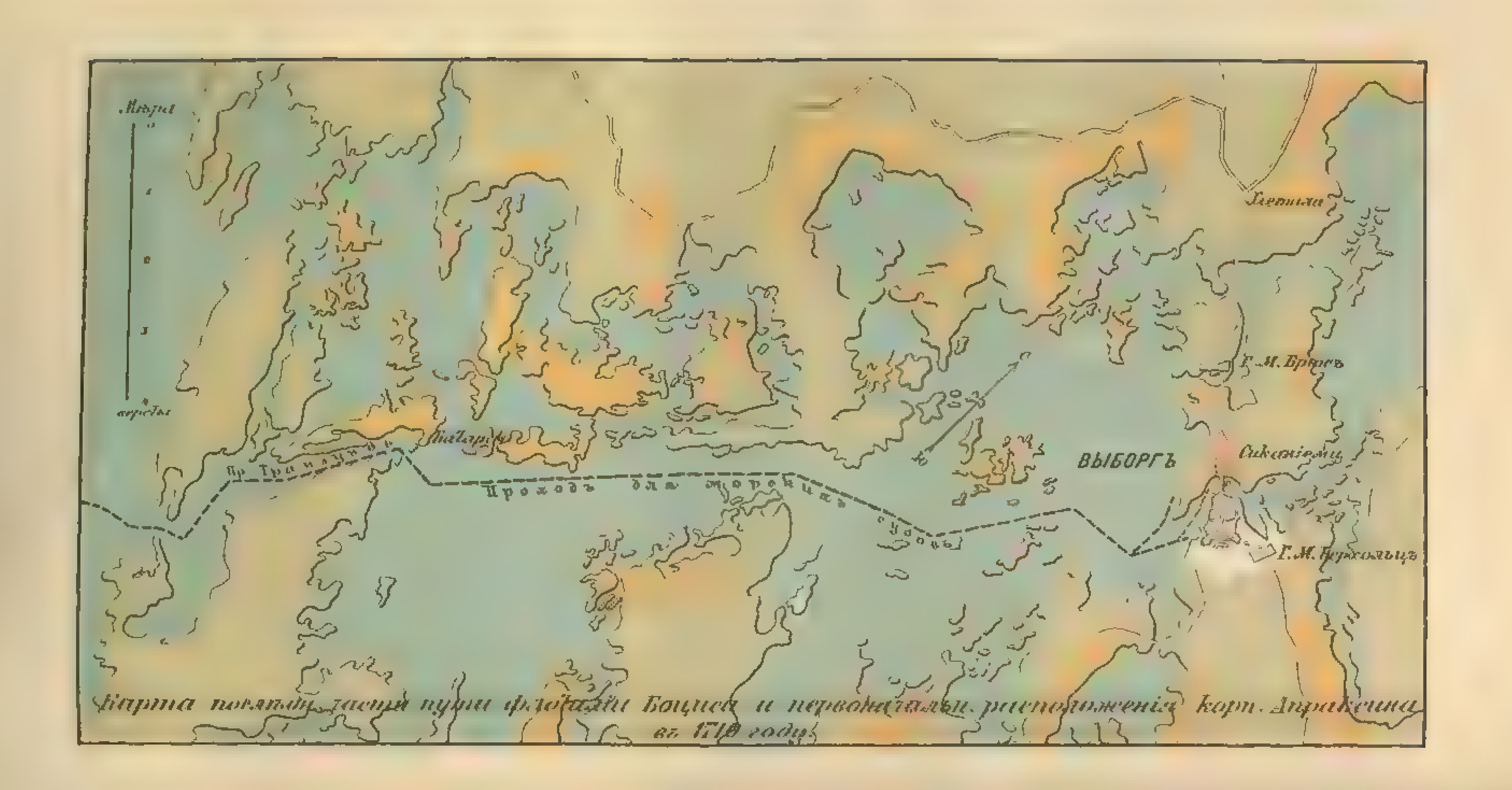
Пѣхота, оперировавшая въ Финляндіи, состояла изъ семи финляндскихъ поселенныхъ полковъ и одного вербованнаго баталіона. Поселенные полки, сформированные по системѣ, введенной Карломъ XI, назывались: Абоскій, Бьернеборгскій, Тавастгускій, Нюландскій, Выборгскій, Саволакскій (или Нейшлотскій) и Эстерботнійскій полки.

Пѣхота была вооружена кремневыми мушкетами съ штыками. Что касается обуви, то приходилось довольствоваться заготовленной въ Финляндіи, которая считалась очень плохой. Обозное снаряженіе находилось въ плохомъ состояніи; повозки съ упряжью имѣлись только при Выборгскомъ и Саволакскомъ полкахъ. Палатокъ не было вовсе [217].

Несмотря на разные недостатки, вооруженіе войска приходится, однако, въ виду требованій того времени, признать пригоднымъ для похода. Понятно, что въ теченіе продолжительной кампаніи недостатки увеличивались и имѣли неблагопріятное вліяніе на ея исходъ. Дисциплина оставляла желать многаго. Офицерство было заражено духомъ протеста. Въ отношеніи отъ 5 мая 1708 г., поданномъ въ совѣтъ и подписанномъ: «всѣ офицеры финской арміи», Любекера обвиняли въ пристрастіи къ начальству, а въ другомъ отношеніи, отъ 5 августа того-же года,—ему ставились въ вину несообразности при таможнѣ въ Выборгѣ.

На расшатанность дисциплины вліяла неисправность казны. Нѣкоторые офицеры въ теченіе трехъ и четырехъ лѣтъ не получали ни одного эре жалованья. Къ этому присоединилось, что плѣнные, бывшіе начальники ординарныхъ полковъ, продолжали получать часть своего жалованья, которое надлежало уступать находившимся въ это время на службѣ. Любекеръ рапортовалъ 3 октября 1712 г., что, если солдатамъ не выдадутъ необходимыхъ имъ продовольственныхъ денегъ, то надо ждать возстаній, насилія и бѣгства [218]).

О состояніи войскъ говорятъ многочисленные побѣги. Уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1710 г. большая часть Саволакскаго полка разбѣжались, несмотря, на то, что его не особенно утруждали тогда походами. Отлучки отъ частей происходили такъ часто, что ихъ также можно было считать за побѣги. Въ теченіе похода 1712 г. 607 чел. финскихъ войскъ безъ всякихъ объясненій остались въ своихъ рутахъ, и изъ нихъ 218 чел. принадлежали къ Бьернеборгскому полку, состоявшему тогда изъ 800 чел. Любекеръ говоритъ, что одни изъ нихъ были больны, а другіе оставались дома «изъ отвращенія» къ службѣ. Онъ просилъ военную коллегію наказать послѣднихъ, но кажется ихъ ни какому взысканію не подвергли. Это не единственный случай, показывающій, что Любекеръ, какъ главнокомандующій (1711—1713), считалъ себя не въ правѣ наказывать подчиненныхъ; быть можетъ, онъ просто боялся взыскивать, особенно за болѣе крупныя преступленія. Не было примѣра, чтобъ онъ за эти годы присудилъ кого-либо къ болѣе строгому наказанію, въ родѣ разстрѣлянія, прогнанія сквозь строй и т. п., а между тѣмъ поводовъ къ тому представлялось немало. Въ 1707—1708 г. г. строгія наказанія практиковались часто. Все это показываетъ, что Любекеръ не имѣлъ смѣлости прибѣгать къ мѣрамъ воздѣйствія для поддержанія дисци-

Карта послѣдней части пути флотиліи Боциса и первоначальн. расположенія корп. Апраксина въ 1710 году.

Размѣщеніе батарей и орудій, указанное Царемъ

послѣ развѣдокъ крѣпости 11, 12 и 13 мая.

A. Брешь-батарея из 40 пушекъ для стрѣльбы по всей линіи *B* до *F.* Начата 17 мая, окончена 23 мая.

C Брешь-батарея изъ 20 пушекъ—для стрѣльбы по бастіону *D* и по фланкамъ *E—F*, при ней кетель на 8 мортиръ и 20 мал мѣди мортиръ для стрѣльбы по больваркамъ *E* и *F*—начаты 17 мая, окончены 23 мая.

G и *H*. Кетели на 5 мортиръ каждый для разрушенія замка и стрѣльбы по бреши. Начаты 18 мая, окончены 25 мая.

J и *K*. Линія из 100 мушкатеръ и на 70 гантъ-мортиръ — для ночной стрѣльбы по бреши, а мушкатеры—для поддержки штурмующихъ. Батарея *A* стрѣляетъ черезъ головы. Начаты 18 мая, окончены 25 мая.

L Линія у воды, противъ замка. на 50 гантъ-мортиръ для ночной стрѣльбы по бреши, а во время штурма—для стрѣльбы по стѣнамъ. Сдѣлана 18 мая.

13 мая Царь написалъ: „Штурму надлежитъ быть съ вышепоимянованныхъ двухъ сторонъ *ND* и отъ *E* на всю линію *B*, такожъ съ моря галерами и иными судами... и конечно днемъ“.

плины въ финскихъ войскахъ, а это въ свою очередь, повидимому, находилось въ связи съ недостаточной поддержкой главнокомандующаго со стороны руководящихъ лицъ Швеціи. Кромѣ многочисленныхъ побѣговъ, существовали и другія обстоятельства, свидѣтельствовавшія о недостаточной дисциплинѣ въ финскихъ войскахъ.

Во всякомъ случаѣ, если армія (въ 1713 г.) не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя на нее возлагались, то къ тому имѣлись болѣе глубокія причины, чѣмъ одно плохое начальствованіе ею. Прежде всего генералъ-лейтенантъ Любекеръ жаловался (16 октября 1712 г.) правительству въ Стокгольмѣ на невоинственность финскаго народа. Если три или четыре казака прибывали въ деревню, населенную тридцатью мужиками,—указывалъ онъ въ видѣ примѣра,—то они безъ сопротивленія дозволяли убивать себя или же, какъ дикіе звѣри, убѣгали въ лѣса. Всѣ попытки побудить крестьянъ образовать летучіе отряды (разбойничьи шайки—snapphaneband) были напрасны. Ихъ отвращеніе къ военному дѣлу было настолько велико, что даже грабежи непріятеля не могли заставить бездомныхъ крестьянъ поступать въ армію, хотя-бы даже въ пѣхоту. Событія 1712 г. показали, что призывъ народа,—такъ называемаго nostofolket,—никакого значенія не имѣлъ. Когда непріятель вторгнулся въ край, то ландсгевдингъ Крейтцъ собралъ два полка nostofolk въ Нюландской губерніи и съ ними пришелъ на помощь арміи. Эти полки, имѣвшіе офицеровъ, знамена и барабаны и принесшіе вѣрноподданническую присягу, совершенно не оправдали своего назначенія. Уже въ первую ночь ихъ сбѣжало 400 человѣкъ и вскорѣ, по выраженію Любекера, изъ нихъ остались только офицеры, барабаны и знамена. Не лучшимъ оказался такой же призывъ въ Тавастгусѣ. Ландсгевдингъ этой губерніи тоже жаловался на сопротивленіе крестьянъ и на наклонность ихъ къ бѣгству. Эти дурныя качества развивались вслѣдствіе того, что, начиная съ 1706 г., оставались совершенно безнаказанными [219]).

Въ это печальное для Финляндіи время, отраднымъ явленіемъ представился купецъ Іоганъ Генрихъ Фрисіусъ. Этотъ патріотъ добровольно взялъ на себя тяжелую обязанность главнаго интенданта арміи. Онъ жилъ первоначально въ Ніеншанцѣ, но, послѣ паденія этой крѣпости, переселился въ Выборгъ, которому оказалъ большую услугу. Государственный кредитъ былъ въ такомъ упадкѣ, что разсчитывать на займы нельзя было. Фрисіусъ занялъ

на собственный кредитъ значительныя суммы и на нихъ поддерживалъ содержаніе войска. Такая-же помощь оказана была имъ флоту, почему въ одно время онъ имѣлъ за казной 83 тыс. долларовъ серебряной монетой.—Въ концѣ 1710 г. его назначили кригсъ-комисаромъ; въ этой должности онъ пользовался общимъ довѣріемъ. Другимъ отраднымъ событіемъ было назначеніе графа Карла Нирода финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Вопросъ объ отставкѣ Любекера возникъ уже весною 1710 г., но въ виду того, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ короля, стокгольмское правительство не рѣшилось отстранить его. Теперь дѣла приняли такой оборотъ, что медлить долѣе нельзя было и сенатъ (прежній совѣтъ) рѣшилъ смѣстить Любекера. Онъ усталъ и самъ желалъ отставки.

Гр. Нirодъ былъ извѣстенъ блестящей побѣдой при Варшавѣ (въ 1705 г.). Свои административныя способности онъ проявилъ въ южной Швеціи. Въ Финляндію его отправили съ большими полномочіями. Съ генералъ-губернаторской властью въ его лицѣ соединено было командованіе войсками края. Ему предоставлено было даже употреблять по своему усмотрѣнію налоги Финляндіи. Король остался доволенъ выборомъ сената, утвердилъ гр. Нирода въ должностяхъ и предписалъ ландсгевдингамъ (губернаторамъ) исполнять его требованія и содѣйствовать ему въ управленіи.

Этимъ назначеніемъ главнымъ образомъ ограничились заботы шведскаго правительства объ оборонѣ Финляндіи. 23 сентября 1710 г. Нirодъ прибылъ въ Або, приведя съ собой отрядъ драгунъ. Кромѣ того изъ Ревельскаго гарнизона нѣсколько сотъ человѣкъ, оставшихся послѣ сдачи крѣпости, были переправлены въ Финляндію. Наконецъ, небольшая шведская эскадра, попрежнему, продолжала на лѣто приходить къ обычной своей стоянкѣ у Березовыхъ острововъ (Біеркъ-э). Ею начальствовалъ вице-адмир. Вернфельтъ. Онъ расположилъ суда такъ, чтобы закрыть всѣ проходы, ведущіе къ Выборгу. Вотъ вся та военная сила, которую шведское правительство дало для охраны Финляндіи. Тѣмъ не менѣе гр. Нироду приказано было, пользуясь войной Россіи съ Турціей, упорно сопротивляться.

Нirодъ очень дѣятельно принялся за организацію обороны. Онъ исходилъ изъ того правильнаго положенія, что для спасенія края необходимо напрячь всѣ силы до послѣдней возможности. Въ своихъ требованіяхъ онъ былъ строгъ и послѣдователенъ. Онъ

взялъ съ края все, что могъ, не заботясь о будущемъ. Финскіе полки, какъ постоянные, такъ и выставленные дополнительно, значительно поредѣли, вслѣдствіе убыли на разныхъ поляхъ сраженій и сдачи Выборга; часть ихъ попала въ плѣнъ подъ Полтавой, Переволочной и въ другихъ мѣстахъ. Убыль надлежало восполнить, для чего требовалось до десяти тысячъ новобранцевъ.

Особое стараніе было приложено Нироdомъ для созданія народнаго ополченія (landtstorm). Прежнее ополченіе не имѣло над-

ШВЕДСКОЕ ЗНАМЯ ВРЕМЕНИ КАРЛА XII.

лежащей организаціи. Теперь все населеніе, способное носить оружіе, по указанію Нирода, было раздѣлено на роты (kompanier), которыя обучались владѣть оружіемъ, подъ руководствомъ губернаторовъ, фогтовъ, ленсмановъ и богатыхъ гражданъ. Въ Абоской и Бьернеборгской губ. численность такого ополченія доведена была до 10—11 тыс.; такое же количество выставили Нюландская и Тавастгусская губ.; Эстерботнія довела численность своего ополченія до 7 тыс. чел. [220]).

Въ партизанскихъ отрядахъ изъ крестьянъ также водворено было болѣе порядка. Ими Нироdъ желалъ воспользоваться какъ

иррегулярной милиціей, для нападенія на непріятельскіе транспорты и причиненія всякаго безпокойства. Съ этою цѣлью, Нinfinityродъ преобразовалъ «сиссаровъ» въ пѣшіе драгуны, подраздѣлилъ ихъ на роты, которыми командовали офицеры, избранные изъ ихъ же среды. Они получали содержаніе и вооруженіе отъ казны и могли пользоваться всею захваченною ими добычей [221]). Ихъ начальникомъ назначенъ былъ Даніилъ Лууккойненъ (Daniel Luukkoinen), происходившій, какъ и большинство его товарищей, изъ ингерманландцевъ. Онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ извѣстнаго Кививкеса. Лууккойнену дали званіе маіора. Ротами командовали Симонъ Торокка (Simon Torokka), Самуилъ Гаузенъ (Samuel Hauseen) и др. Пѣшіе драгуны принесли извѣстную пользу особенно въ то время, когда населеніе проявляло явное нерасположеніе къ военной службѣ. Въ виду этого Нироды организовалъ еще второй отрядъ подъ начальствомъ партизана Петра Лонгстрёма (Peter Långström). Дисциплина въ ихъ рядахъ однако не привилась и они нерѣдко предпринимали набѣги на непріятеля, безъ вѣдома своихъ начальниковъ. Крестьяне ихъ не любили. Даже населеніе Швеціи относилось къ нимъ недружелюбно. Они своевольничали, требовали почтовыхъ лошадей, прибѣгали къ неустановленнымъ поборамъ и т. п.

Созданіе всей этой военной силы, которою вновь стала располагать Финляндія, досталось Нироду нелегко. Необходимыя для этого средства выбирались, «какъ въ непріятельской землѣ». Въ Або былъ схваченъ бургомистръ и отведенъ въ лагерь; войска расквартировывались у членовъ магистрата съ тѣмъ, чтобы добыть для нихъ даровыя помѣщенія и содержаніе, пока не будутъ внесены податныя недоимки. Къ подобнымъ же насиліямъ прибѣгали и въ другихъ мѣстахъ, что вызывало повсюду жалобы на строгую систему управленія Нирода [222]).

Энергія Нирода значительно подняла и ободрила духъ финновъ. Пользуясь тѣмъ, что русскія силы были отвлечены войной съ Турками, партизанскіе набѣги возобновились съ бо́льшей энергіей, чѣмъ прежде и дѣйствія мелкихъ отрядовъ начались наступленіями въ Савонаксѣ, гдѣ ими командовали полковники Карлъ Армфельтъ и Іоганнъ Шерншанцъ. Въ февралѣ 1711 г., имъ удалось отбросить русскій аванпостъ у Коитсанлахти, а въ мартѣ разсѣять русскій отрядъ у Ханнуккала, въ приходѣ Парикkала, захвативъ обильную добычу и плѣнныхъ. За эти стычки Армфельта наградили чиномъ генералъ-маіора. Увеличивъ его войска съ 2-хъ

до 4-хъ тыс., Нироддъ приказалъ ему спуститься къ югу, вплоть до Ескиса, гдѣ являлась возможность прервать сообщеніе Выборга съ Петербургомъ. 26 апрѣля финны разрушили укрѣпленіе, возведенное русскими у Мула (Mohla). Здѣсь отличился поручикъ Іоганнъ Генрихъ Фіантъ. Въ то же время пѣшіе драгуны пробрались впередъ, вплоть до Ингерманландіи, стали бродить въ окрестностяхъ Невы и въ Эстляндіи, захватывая богатую добычу [223]. Въ августѣ предводитель пѣшихъ драгунъ Даніилъ Лууккойненъ попался въ плѣнъ и былъ закованъ въ желѣза, какъ обыкновенный преступникъ.

Послѣ ряда мелкихъ удачъ, Нироддъ призналъ своевременнымъ произвести болѣе серьезное нападеніе. Съ этою цѣлью онъ въ октябрѣ (1711 г.) подвинулся съ главными силами черезъ р. Кюмень сперва къ Вильманстранду, а затѣмъ рѣшилъ осадить Выборгъ, который былъ уже запертъ со стороны моря эскадрой шведскаго адмирала. Но успѣха эта осада не имѣла. Прежде всего у Нирода не оказалось достаточно сильной осадной артиллеріи; а, во вторыхъ, благодаря тому обстоятельству, что шведскій флотъ, за недостаткомъ людей, явился къ мѣсту своей лѣтней стоянки только 19 іюня, начальникъ нашего галернаго флота, гр. Боцисъ, успѣлъ на мелкихъ судахъ доставить въ Выборгъ нужный провіантъ [224]. Шведскій флотъ стойко держался на своихъ наблюдательныхъ постахъ вплоть до начала декабря, когда бури и морозы побудили его уйти на зимовку. Простоявъ около крѣпости, примѣрно, до Рождества, гр. Нироддъ вынужденъ былъ снять осаду, которая съ уходомъ флота была совершенно безцѣльна. Нироддъ увелъ свои войска къ Кюменю, гдѣ распустилъ поселенныхъ людей по ихъ рутамъ и рустгальтамъ. Неудача такъ сильно повліяла на стараго генералъ-губернатора Нирода, этого «добраго солдата», какъ называли его русскіе, что онъ умеръ въ своемъ лагерѣ 25 января 1712 г.

Въ то время, когда шведскій флотъ стоялъ передъ Выборгомъ, кн. Меншиковъ,—которому подчинены были теперь русскій флотъ и сухопутныя войска, расположенные въ Ингерманландіи,—желалъ воспользоваться темными осенними ночами, чтобы повредить непріятелю двумя брандерами. Брандеры были приготовлены, но офицеръ и боцманъ изъ итальянцевъ и грековъ, назначенные на эти брандеры, отказались исполнить возложенныя на нихъ обязанности, ссылаясь на свое неумѣнье справляться съ подобнаго рода судами. Военный судъ приговорилъ офицера къ разстрѣлянію.

Послѣ энергичнаго гр. Нирода въ Финляндію, въ началѣ 1712 г., вновь назначили генерала Любекера. Мы встрѣчаемся съ нимъ не впервые, но историческій его обликъ остается недостаточно очерченнымъ. Обликъ этотъ непривлекателенъ. Въ самомъ концѣ 1705 г. Любекеръ назначенъ былъ ландсгевдингомъ въ Выборгской губерніи. Въ то время ландсгевдингами часто назначали лицъ изъ высшихъ военныхъ сферъ, признанныхъ неспособными къ дальнѣйшему производству. Пройденная Георгомъ Любекеромъ служба не указываетъ на то, чтобъ онъ былъ особенно выдающимся офицеромъ. Въ августѣ 1706 г. Любекеръ прибылъ въ Выборгъ, и такимъ образомъ ему удалось (въ октябрѣ) принять участіе въ оборонѣ крѣпости отъ русской осады. Подлаживаясь къ высокопоставленнымъ лицамъ въ комиссіи обороны (defensionskommisionen) и бросая лживыя обвиненія противъ тогдашняго главнокомандующаго, генерала Георга Іоганна Майделя — ему удалось присвоить себѣ высшую честь защиты крѣпости, почему его, какъ сказано въ довѣрительной грамотѣ, «на основаніи вѣрной и храброй службы, которую онъ также доказалъ при недавней защитѣ крѣпости Выборга», произвели въ генералъ-маіоры. Въ особомъ меморіалѣ Любекеръ, въ 29 пунктахъ, обвинялъ Майделя въ растратѣ казенныхъ средствъ и въ недостаточной заботѣ по веденію обороны, онъ даже внушалъ, что финскій главнокомандующій склоненъ былъ къ взяткамъ и къ обогащенію на счетъ казны. Въ 1706 г. Майдель выѣхалъ изъ Выборга, съ цѣлью собрать войска, для освобожденія города. Онъ предложилъ Любекеру слѣдовать за нимъ, но послѣдній отказался и въ то же время продолжалъ клеветать на Майделя, сообщая въ Стокгольмъ, что тотъ покинулъ Выборгъ въ моментъ, когда «заиграли бомбы». Время командованія Любекера войсками Финляндіи убѣдило русскихъ, что онъ не былъ способенъ къ смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 12 апрѣля 1710 г. гр. Горнъ сообщилъ совѣту письмо, полученное изъ Финляндіи, въ которомъ просили о присылкѣ новаго генерала, будучи очень недовольны Любекеромъ. Отъ войска неудовольствіе Любекеромъ перешло ко всему финскому народу. Генералъ-маіоръ ф.-Ливенъ докладывалъ совѣту (18 авг. 1712 г.) о недовольствѣ имъ финскихъ крестьянъ, «которые слышать не могутъ имени Любекера». И столь непопулярнаго генерала шведское правительство признало возможнымъ вернуть въ Финляндію.

Отецъ Отечества.

V.

Русскіе въ Гельсингфорсѣ и Або.

Послѣдовательность Петра Великаго въ преслѣдованіи своей цѣли изумительна. Гдѣ-бы и при какихъ условіяхъ онъ ни находился, главной руководящей своей мысли онъ не теряетъ изъ вида. Въ Украйнѣ—далеко отъ сѣвера, 27 іюня 1709 г., т. е. въ день кроваваго боя на поляхъ Полтавы съ опаснѣйшимъ своимъ врагомъ,—Петръ писалъ Апраксину: «нынѣ уже совершенной камень во основаніи Петербургу положенъ съ помощію Божіею». То обстоятельство, что Петръ на шведской территоріи, до заключенія мира, возводитъ Петербургъ и Кронштадтъ, показываетъ, по мнѣнію гр. Миниха, вѣрный взглядъ Царя на свои завоеванія. Основаніе новой столицы заложено, и тѣмъ самымъ Петръ Великій создалъ небывалое дотолѣ значеніе Финляндіи для Россіи, но «безопасеніе» града Петра еще не было обезпечено. Нева—эта «артерія, чрезъ которую можетъ здоровѣе и прибыльнѣе государственное сердце биться»,—не закрѣплена договоромъ за Россіей. Обладаніе завѣтнымъ моремъ все еще не достигнуто. Карлъ разбитъ подъ Полтавой, городъ Выборгъ взятъ, но врагъ не проситъ мира и живая сила его не уничтожена. Швеція потеряла свою украинскую армію, но она не была лишена средствъ для дальнѣйшей борьбы. Война не коснулась еще лучшихъ частей Шведскаго государства [225]). На упорнаго шведскаго короля

можно было повлiять только въ центрѣ его собственныхъ владѣнiй, подъ стѣнами Стокгольма.

Дѣйствiя Кронiорта, Майделя и Любекера были слабыя и нерѣшительныя, и тѣмъ не менѣе причиняли Петербургу замѣтное замѣшательство и жители его не могли оставаться спокойными.

Подобныя соображенiя побудили Петра вновь обратить свое вниманiе на Финляндiю. «Отсель грозить мы будемъ шведу»... Отсюда необходимо нанести ударъ Карлу, иначе нельзя побудить его къ заключенiю мира. Отсюда же слѣдуетъ «доставить безопасенiе завоеваннымъ мѣстамъ». Значенiе Финляндiи для Швецiи рисовалось очень опредѣленно великому государю, хотя и нѣсколько преувеличенно. Свой взглядъ онъ высказалъ нѣсколько позднѣе въ письмѣ къ Апраксину въ октябрѣ 1712 г. «Сiе главное дѣло, чтобы, конечно, въ будущую кампанiю, какъ возможно сильныя дѣйства съ помощiю Божiею показать и идти не для разоренiя, но чтобъ овладѣть, хотя она (Финляндiя) намъ не нужна вовсе удерживать, но двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было-бы что при мирѣ уступить... другое, что сiя провинцiя есть матка Швецiи, какъ самъ вѣдаешь: не токмо мяса и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ» [226]). Хотя названiе Финляндiи маткой Швецiи не вполнѣ правильно, однако нельзя отрицать въ немъ нѣкотораго основанiя. Вывозъ лѣсныхъ продуктовъ изъ Финляндiи, особенно дегтя, былъ весьма значителенъ, и пошлина, которую шведская казна взимала съ этого товара, составляла важный доходъ государства. Но и земледѣлiе приносило больше, чѣмъ требовала сама страна. Въ 1712 и 1713 г. г. изъ Финляндiи произведенъ былъ довольно значительный вывозъ жита [227]). Въ другой разъ—поручая Апраксину идти къ Або,—Царь писалъ: «что, конечно, ежели до Абова дойдешь, то шведы принуждены будутъ съ нами миру искать, ибо вся ихъ жизнь изъ Финляндiи есть». Не вся, конечно, жизнь Швецiи была связана съ Финляндiей, но несомнѣнно, что эта провинцiя являлась значительной защитой шведской короны съ востока.

Овладѣть Финляндiей можно было двоякимъ путемъ: или вторгнуться внутрь страны, заведя рѣчной флотъ, и оттуда идти къ прибрежнымъ пунктамъ, или наступать отъ Выборга вдоль побережья, содѣйствуя армiи шхерной флотилiей. Второй способъ облегчалъ устройство тыла и довольствiе войскъ, почему Петръ

естественно отдалъ ему преимущество. Ко второму способу побуждали также и другія обстоятельства: «Зѣло тѣсно и каменисто, гористо, лѣсно, и зѣло много водъ, и телѣгамъ ѣхать съ великимъ трудомъ и зѣло безкормно». Въ виду этого Государь указалъ «чинить всякое приготовленіе къ походу моремъ» [228]).

И подлинно, въ Россіи дѣятельно подготовлялись къ новой финляндской кампаніи. 12 апрѣля 1712 г. резидентъ Соединенныхъ Нидерландъ при нашемъ дворѣ, Де-Би, доносилъ своему правительству: «Въ Петербургѣ все пришло въ движеніе, корабли выведены изъ гавани, на нихъ грузятъ провизію и военные снаряды; нѣсколько полковъ, расположенныхъ на островѣ Рычартъ (Котлинѣ) и его окрестностяхъ, готовы отправиться на этихъ судахъ къ Выборгу, а оттуда далѣе, держась ближе къ берегу, куда большія суда непріятельскія дойти не могутъ» [229]). Новый театръ войны представлялъ не мало своеобразностей, почему приходилось о многомъ подумать. Финляндскія рѣки, озера, болота и лѣса давали значительныя преимущества оборонѣ. Это надо было имѣть въ виду. Шхеры потребовали созданія особаго флота. Бѣдное и рѣдкое населеніе заставляло русскихъ особенно озаботиться доставленіемъ изъ Петербурга громаднаго количества продовольствія для людей и лошадей, такъ какъ страна не могла прокормить корпуса войскъ, необходимаго для ея занятія. Свѣдѣнія собирались летучими разъѣздами и опросомъ плѣнныхъ. Разъѣзды иногда забирались далеко въ глубь страны. По ихъ предположеніямъ въ Финляндіи въ началѣ 1712 г. имѣлось до 10 тыс. войска. Со времени вскрытія Невы, т. е. съ 8 апрѣля и до конца мая, наши суда сдѣлали, подъ личнымъ руководствомъ государя, три оборота до Выборга, сосредоточивъ тамъ отъ 37 до 40 тыс. четвертей провіанта. Туда же доставили артиллерію и другіе военные припасы. Тамъ же гр. Боцисъ строилъ по своимъ чертежамъ галеры, которыя и встрѣтили Петра, при его новомъ посѣщеніи Выборга, гдѣ онъ не былъ со дня покоренія города. Дѣятельнымъ помощникомъ Петра былъ вице-адмиралъ Крюйсъ. За исправной перевозкой провіанта наблюдалъ Шельтингъ.

Начальство надъ русскими галерами и сухопутными силами ввѣрено было гр. Ѳ. М. Апраксину, первою задачею котораго было оттѣснить шведовъ за Гельсингфорсъ и установить дружественныя отношенія къ жителямъ.

Апраксинъ переправилъ свои войска черезъ Неву и выступилъ къ Выборгу 17—18 іюля 1712 года.

25 августа онъ двинулся изъ Выборга съ 15 тыс. отрядомъ къ Веккелаксу, куда прибылъ затѣмъ и Боцисъ съ бригантинами, воспользовавшись передвиженіемъ шведскаго флота.

Любекеръ, поставленный вновь во главѣ войскъ, защищавшихъ Финляндію, боялся превосходства русскихъ силъ и потому ограничивался пассивными дѣйствіями. Отряду К. Армфельта Любекеръ приказалъ оставить Саволаксъ и присоединиться къ главнымъ войскамъ (7.500 чел.), расположеннымъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Гекфорса, на восточномъ рукавѣ р. Кюмени. «И какъ увѣдалъ (непріятель) о приходѣ нашемъ... жилища всѣ сжегъ», а жителей Веккелакса «выгналъ въ Гельсингфорсъ и въ другія мѣста» [230]). Небольшое укрѣпленіе при Веккелаксѣ было имъ разрушено (изъ Веккелакса Ниродъ имѣлъ въ виду создать портовый городъ для Саволакса, вмѣсто Выборга). Мосты черезъ Кюмень были испорчены. Апраксинъ занялъ покинутый жителями Веккелаксъ и пожелалъ подвинуться дальше. Но у Хирвякоски (Ярвикоски), при р. Кюмени, Любекеръ занялъ прекрасную позицію. По р. Абборфорсу, для обхода укрѣпленія шведовъ, удобнаго узкаго мѣста и бродовъ русскимъ найти не удалось. Атаковать позицію признали труднымъ и безполезнымъ. Движеніе русскихъ было такимъ образомъ пріостановлено. Въ то-же время провіанта у нихъ почти не оставалось. Въ виду всего этого Апраксинъ писалъ Боцису: «намѣрены мы маршъ свой... воспріять паки къ Выборгу», куда и вошелъ 14 сентября.

Въ неудачѣ 1712 г. повиненъ прежде всего Ѳ. М. Апраксинъ, отнесшійся равнодушно къ предпріятію; сперва онъ безъ нужды терялъ время, затѣмъ двигался медленно и, наконецъ, «никакихъ знатныхъ дѣйствъ» не произвелъ.

Въ началѣ октября Любекеръ велѣлъ финскимъ войскамъ занять зимнія квартиры. При этомъ главная часть пѣхоты оставлена была въ лагерѣ, а кавалерія, въ виду недостатка корма, отправлена въ ея рустгальты.

Царь почти не зналъ мира: весь свой вѣкъ онъ воевалъ. Петръ, находившійся въ это время (въ авг. 1712 г.) заграницей (въ Грибсвальдѣ), желалъ, чтобы наши войска дошли до Гельсингфорса (Элзенфорса) и тамъ устроили «добрый шанцъ». Кромѣ того, онъ предписывалъ Апраксину принять всѣ мѣры, «дабы войску нашему зимовать въ Финляндіи (Ѳинляндіи) и для того (края) не разорять», а содержать «мужиковъ» хорошо и брать съ нихъ контрибуцію [231]). Апраксинъ ожиданій Государя

на этотъ разъ не оправдалъ. Также неудачно шли дѣла въ Помераніи. Датчане дѣйствовали слабо. Словомъ, «наши дѣла за многоначальствомъ не зѣло успѣвали». Поэтому Петръ сталъ думать о новомъ самостоятельномъ операціонномъ планѣ. У него зародилась мысль о зимнемъ походѣ,—«зимою моремъ идтить»,—подобномъ тому, какой былъ совершенъ въ 1710 г. переходъ къ Выборгу. Но проектъ этотъ, вслѣдствіе колебаній Апраксина, былъ оставленъ. Имѣлось затѣмъ въ виду «по травѣ къ Абоу» подоспѣть. Но и эта «препарація» встрѣчала разныя препятствія. Однако Царь крѣпко стоялъ на томъ, что надо «въ будущую кампанію какъ возможно сильныя дѣйствія, съ помощію Божіею, показать и идти не для разоренія, а чтобы овладѣть Финляндіею».

Серьезной причиной нашихъ неуспѣховъ (1712 г.) въ Финляндіи являлось также отсутствіе флота. «Зѣло жаль,—писалъ Царь Апраксину,—что мало бригантинъ было: можно-бы объѣхать шхерами устья рѣки (Кюмени) и непріятеля при Хирвакоски съ тылу атаковать». Чтобы пополнить составъ нашихъ военныхъ судовъ, прибѣгли къ покупкѣ ихъ за-границей. Опытъ удался. «Для Бога въ семъ отправленіи,—писалъ Царь въ сент. 1712 г. кн. Долгорукову въ Копенгагенъ,—крайнее попеченіе имѣйте, ибо сіе дѣло самое главное въ сей войнѣ». Заготовили не только удобный для шхернаго плаванія флотъ, но составили и издали спеціальную тактику по вопросамъ посадки на суда, слѣдованія моремъ, высадки, боевыхъ построеній и пр. Такъ какъ въ 1712 г. жаловались на недостатки въ провіантѣ, то Царь повелѣлъ сдѣлать запасы тамъ, «гдѣ шхеры начинаются». Уроки прежнихъ походовъ не проходили для Петра безслѣдно. Зная медлительность Ѳ. М. Апраксина, Царь взялъ въ свои руки подготовленіе слѣдующаго похода, и работа закипѣла. Благодаря своевременной царской заботливости, 26 апрѣля 1713 г. изъ Петербурга могъ двинуться галерный флотъ, въ числѣ 203 судовъ, на которыхъ находилось 16.950 чел. [232]). Этотъ флотъ созданъ былъ менѣе, чѣмъ въ одинъ годъ. Пѣхота, посаженная на суда, избавилась такимъ образомъ отъ трудныхъ переходовъ по сухопутнымъ дорогамъ Финскаго побережья. Все устроилось хорошо, благодаря личному участію Государя, который былъ правъ, сказавъ: «о ежели-бъ я не пріѣхалъ и еще бы такъ было». Цѣль у него какъ всегда была ясна.—«Зѣло бы изрядно до Ельзенфорса дойти», а на весну до Або добраться, и Царь по обыкновенію страстно принялся выполнять намѣченную задачу.

Авангардомъ начальствовалъ шаутбенахтъ (контръ-адмиралъ) Петръ Михайловъ, при которомъ находился также и Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ; кордебаталіею командовалъ гр. Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, а аріергардомъ—генералъ-лейтенантъ кн. М. М. Голицынъ и гр. Боцисъ. Всѣ суда имѣли красные флаги. Общее предупрежденіе гласило: въ случаѣ встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ—отступать, а равнаго и слабѣйшаго «съ помощію Божіею атаковать». Шведскаго флота на пути слѣдованія наша эскадра не видала.

Шведы, зная, что Царь заключилъ миръ съ Турціей (1712 г.), могли ожидать, что онъ направитъ свои силы въ Финляндію, но, тѣмъ не менѣе, въ теченіе зимы 1712—1713 г. г., ничего не сдѣлали для защиты края. Начатая гр. Нироддомъ организація всеобщаго вооруженія народа была пріостановлена и, взамѣнъ ея, приказано обучить военному дѣлу такъ-называемыхъ «пятилюдныхъ» (femmänningar). Въ виду того, что число ихъ оказалось незначительнымъ, пожелали, въ маѣ 1713 г., въ Абоской и Бьернеборгской губ. выставить резервные «трехлюдные» полки, но было уже поздно: энергичный Петръ велъ свою армію. Особенную безпечность проявилъ корабельный флотъ шведовъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ теченіе столѣтій онъ не видалъ враговъ въ своихъ шхерахъ. По иниціативѣ Любекера, рѣшено было, начиная съ осени 1712 г. и до весны 1713 г., въ Стокгольмѣ и другихъ городахъ Швеціи и Финляндіи, построить до 30 галеръ. Въ Финляндіи постройка ихъ поручена была генералъ-маіору фонъ Ливену; но въ теченіе года ничего не было слышно ни о немъ, ни о галерахъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что въ то время вдоль береговъ Финляндіи и особенно въ Абоскихъ шхерахъ имѣлись многочисленныя верфи [233]). Одновременно съ освобожденіемъ Финскаго залива отъ льда, около его береговъ показались, вмѣстѣ съ нашимъ шхернымъ флотомъ, и русскіе крейсеры. Между тѣмъ Любекеръ 1 мая писалъ, что въ главной квартирѣ совершенно ничего неизвѣстно о томъ, что дѣлается на непріятельской сторонѣ. Съ конца апрѣля, финскія войска, расположенныя въ Саволаксѣ, получили приказаніе стягиваться къ Борго, для защиты южнаго берега. Для отраженія нашего нападенія, въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Любекера находились подъ ружьемъ отъ 6.000 до 7.000 чел.

8 мая (1713 г.) русскій гребной флотъ приблизился къ Гельсингфорсу, который, послѣ паденія Выборга, сдѣлался важнѣй-

шимъ во всѣхъ отношеніяхъ пунктомъ на Финляндскомъ берегу. Свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ Гельсингфорса русскіе не имѣли. Благодаря флоту, наши войска сдѣлали переходъ въ 350 в. въ теченіе недѣли. Бригадиръ Чернышевъ произвелъ осмотръ гельсингфорсской гавани, проходовъ и укрѣпленій. Силы же шведовъ ему вполнѣ выяснить не удалось. Въ дѣйствительности въ отрядѣ

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГЕЛЬСИНГФОРСѢ.

Армфельта находилось 2.000 пѣхоты и 300 конницы; кромѣ того Гельсингфорсъ былъ приведенъ въ оборонительное состояніе. Его укрѣпленія состояли изъ линій и изъ трехъ батарей. Шведскаго флота на рейдѣ не оказалось.

10 мая въ 1 час. пополудни прибыли двѣ прамы [234]), и весь флотъ двинулся къ Гельсингфорсу. Съ прамъ и бомбардирскаго галіота начали стрѣлять. Царь пошелъ противъ города съ «нордовой стороны» (Norra hamnen). Среди рейда (Норрахамненъ) онъ

поставилъ два прама и бомбардирскій корабль для обстрѣливанія города, а самъ съ галерами сталъ противъ оконечности острова Скатудена. Южнѣе авангарда расположилась кордебаталія, а аріергардъ Боциса—на южномъ рейдѣ (Седрахамненъ). Весь вечеръ и всю ночь производилась бомбардировка Гельсингфорса. Около полуночи городъ загорѣлся [245]). «Учинили воинскій совѣтъ», гдѣ лучше произвести высадку, ибо противъ батарей непріятеля трудно было пристать къ берегу, да кромѣ того русскіе не имѣли свѣдѣній о шведской силѣ. «На оной консиліи» рѣшили произвести десантъ «отъ Вестной стороны и къ непріятелю зайти сзади». Въ тотъ-же вечеръ было все это приведено въ исполненіе. На другой день хотѣли атаковать врага, но онъ ночью «весь городъ «Ельзенфорсъ» вдругъ зажегъ и самъ взялъ ретираду, оставя пушки, амуницію и нѣсколько оружія». На военномъ совѣтѣ шведовъ,—на которомъ между прочимъ присутствовали губернаторъ Нюландской и Тавастгусской губ., Іоганнъ Крейцъ, бургомистръ Гельсингфорса, Генрихъ Тамелинъ, и кригскомисаръ Іоганнъ Генрихъ Фрисіусъ,—рѣшено было оставить городъ и сжечь его, чтобы онъ своими богатыми запасами не явился опорнымъ пунктомъ для непріятеля. Все было исполнено. Утромъ 11 мая Гельсингфорсъ былъ въ развалинахъ, а жители его разбѣжались. Армфельтъ отступилъ къ Борго (Бургоу). Его преслѣдовали, но не догнали.

Въ руинахъ Гельсингфорса русскіе захватили въ плѣнъ двухъ крестьянъ. Противъ обыкновенія ихъ отпустили, давъ плѣннымъ деньги и снабдивъ паспортами. Этотъ и многіе подобные случаи показываютъ, что Петръ старался привлечь къ себѣ довѣріе народа, что, быть можетъ, ему отчасти и удалось достигнуть.

Русскіе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ ошибокъ въ своихъ дѣйствіяхъ, упустили случай уничтожить отрядъ, опрометчиво выдвинутый Любекеромъ въ слабо укрѣпленный Гельсингфорсъ. Если бы русскіе знали «ситуацію того мѣста», то могли бы всѣхъ «тамо поймать безъ великаго труда».

11 мая казаки захватили нѣсколько плѣнныхъ и отъ нихъ узнали о количествѣ (отъ 10 до 15 т.) и расположеніи войскъ Любекера. Онъ былъ увѣдомленъ о наступленіи русскихъ, однако, не торопился покинуть свои зимнія квартиры. Когда же онъ двинулся, то сосредоточилъ главныя силы около г. Борго. Царь созвалъ «консилій», на которомъ постановили оставить Гельсингфорсъ (11 мая въ 3 час. дня) и весь галерный флотъ направить

въ Борго. По пути пришлось бороться съ противнымъ вѣтромъ, почему въ Борго прибыли только 14 мая. Уходя, русскіе также предали Гельсингфорсъ огню, дабы «непріятелю впредь пристанища не было». При видѣ русскихъ, Любекеръ ушелъ изъ Борго, и городъ былъ покинутъ жителями. Шведскія войска расположились сперва у мызы Ментселя, затѣмъ двинулись къ приходу Лампись. Сдѣлавъ еще нѣсколько безцѣльныхъ передвиженій, Любекеръ далъ уговорить себя и вернулся въ Борго, гдѣ укрѣпился.

Русскіе признали, что имъ необходимо дождаться сперва кавалеріи, которая въ числѣ 8 тыс. двигалась изъ Выборга черезъ Пюттисъ, по береговой дорогѣ, подъ начальствомъ кн. Волконскаго, а затѣмъ объединенными силами искать непріятеля, «дабы финскою землею овладѣть» [236]). Петръ на галерѣ отправился (21 мая) отыскивать удобную гавань и мѣсто для лагеря. Въ 28 верстахъ къ востоку отъ Борго находится узкая бухта Перно, а въ глубинѣ ея островъ Форсбю. Здѣсь на островѣ рѣшено было устроить ретраншаментъ, гдѣ сложить припасы и провіантъ, а у острова расположить галерный флотъ.

Боциса съ 30 галерами выслали къ Гельсингфорсу, для наблюденія за сильнымъ шведскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 15 судовъ, подъ флагомъ вице-адмирала Лилье. Шведы проявили столько безпечности, что не замѣтили даже приближенія отряда Боциса. Застигнутый врасплохъ, Лилье не зналъ «направо или налѣво оборотиться». Замѣшательство кончилось потерей 5-ти транспортныхъ судовъ и 22 плѣнныхъ, въ виду шведскихъ батарей и кораблей. Однако шведскій флотъ не ушелъ изъ Гельсингфорсской гавани и тѣмъ явился большой помѣхой къ дальнѣйшему движенію русскихъ. Флотъ, находившійся подъ начальствомъ Лилье, по отзыву самого адмиралтейства, состоялъ изъ лучшихъ и новѣйшихъ судовъ, и ничего недоставало въ его снаряженіи. Провіантъ обѣщали присылать какъ изъ Стокгольма, такъ и изъ Карлскроны. Экипажъ состоялъ, кромѣ начальства и спеціалистовъ (fackmän), изъ 250 чел. Русскими рѣшено было появиться подъ Гельсингфорсомъ одновременно и съ арміей и съ флотомъ, чтобы, заперевъ сперва суда шведовъ, попытаться уничтожить ихъ огнемъ съ нашихъ кораблей и береговыхъ батарей. 5 іюля двинулась армія Апраксина изъ лагеря подъ Форсбю, мимо кирки Сиббо, къ Гельсингфорсу. 10 числа русскіе заняли старый пригородъ Гаммельстанъ. Изъ Ревеля должна была прійти русская эскадра.

Лилье, боясь быть запертымъ въ Гельсингфорсѣ, удалился 15 іюля со своимъ флотомъ къ Травемюнде [237]). Гельсингфорсъ былъ опять въ нашихъ рукахъ.

Лѣтомъ 1713 г. произошло одно только незначительное морское сраженіе, которому предшествовало недовольство, возникшее между адмираломъ Крюйсомъ и Петромъ Великимъ. Крюйсъ рѣзко выразился о нахожденіи Царя при флотѣ. Разсерженный Петръ уѣхалъ въ Петербургъ. Крюйсъ, командуя активнымъ русскимъ флотомъ въ 14 кораблей, и замѣтивъ 11 іюля три шведскихъ линейныхъ корабля недалеко отъ Гогланда, рѣшился напасть на нихъ. Маіоръ Карлъ Раабъ—начальствовавшій шведскими судами—снялся съ якоря и пытался уйти, но около Пеллинге (на высотѣ Борго) былъ настигнутъ. Шведы встрѣтили нападавшихъ настолько мѣткимъ огнемъ, что вывели изъ строя нѣсколько судовъ. Корабль («Эзель»), на которомъ находился Раабъ, попалъ на подводные камни, но счастливо снялся. На тѣ-же камни налетѣли затѣмъ преслѣдовавшіе ихъ русскіе корабли, при чемъ три изъ нихъ потерпѣли существенныя аваріи. Два корабля удалось снять, но третій («Выборгъ») переломился и его пришлось сжечь. Это обстоятельство остановило преслѣдованіе и дало возможность шведамъ отплыть въ шхеры.

Ходъ компаніи показалъ, что русскимъ полезно было превратить Гельсингфорсъ въ свой опорный пунктъ и продовольственный складъ. На другой-же день по уходѣ съ рейда шведскаго флота адмир. Лилье, было приступлено (15 іюля 1713 г.) къ укрѣпленію Гельсингфорса, о чемъ царь писалъ въ своихъ «Пунктахъ» еще 31 мая 1713 г.: «Гельсингфорсъ весма надобно укрѣпить», а «также один корабельный входъ засыпать» [238]). «На первые острова, гдѣ большой корабельный ходъ, по обѣ стороны» были высланы пѣхотные отряды, которые приступили къ постройкѣ редутовъ. Затѣмъ оказалось, что имѣется еще два «устья» (фарватера), пригодныя для прохода кораблей, и третье—для движенія мелкихъ судовъ.—Ихъ отыскалъ самъ Царь (14 авг.) и приказалъ «заметать каменьемъ» [239]). Подобныя предосторожности упускались изъ вида шведами, хотя было ясно, что приморскія укрѣпленія въ странѣ, подобной Финляндіи, имѣли громадное стратегическое значеніе, какъ опорные пункты и какъ склады.

Первый проектъ укрѣпленія острововъ составилъ артиллерійскій подполковникъ Геннинкгъ; Петръ Великій, послѣ личнаго осмотра рейда, сдѣлалъ въ проектѣ исправленія, а затѣмъ работами руко-

водилъ первый русскій инженеръ капитанъ-поручикъ Василій Кочминъ.

По обѣ стороны «большого корабельнаго хода» построили по два укрѣпленія на островахъ Вестеръ-Свартъ-э и Варгенъ. Восточный галерный фарватеръ расчистили отъ камней. Такимъ образомъ рейдъ былъ обращенъ почти въ недоступную гавань. Все это чрезвычайно важно: Гельсингфорскій портъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Финляндіи и теперь шведы на время войны лишились его.—Господство русскихъ въ этомъ пунктѣ значительно затруднило плаваніе шведовъ въ Финскомъ заливѣ.

Описанный ходъ дѣла показываетъ, что стратегическое значеніе этого пункта было оцѣнено нашимъ великимъ полководцемъ значительно ранѣе шведовъ [240]).

Гельсингфорсъ былъ укрѣпленъ высокимъ валомъ, палисадами и многими батареями со стороны суши; на островахъ у большого фарватера были возведены два укрѣпленія.

Двѣ бригантины, подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ, были отправлены для описи и составленія карты между Гельсингфорсомъ и Гогландомъ.

Изъ Гельсингфорса главныя силы русскихъ, въ началѣ августа, подъ личнымъ начальствомъ Царя, двинулись къ Або. Цѣль этого движенія ясна изъ слѣдующаго указанія Царя. «Понеже,—писалъ онъ,—сентенція нашего дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ сіе княжество (Финляндію) отъ непріятеля отлучить, и не точію отлучить, но и укоренясь по возможности въ ономъ и изъ онаго далѣе непріятелю досаждать, для чего удобнѣе всѣхъ мѣстъ представляется городъ Абовъ». Замѣчаніе глубоко вѣрное.—Або былъ главнымъ городомъ Финляндіи. Онъ представлялъ удобный опорный пунктъ для дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ. Изъ него можно было грозить Стокгольму, и, наконецъ, занятіе Або отрѣзывало Финляндію отъ Швеціи. Во время похода къ Або въ нашемъ финляндскомъ корпусѣ находилось всего 8.000 чел. (изъ нихъ болѣе 1.000 больныхъ и раненыхъ). На пути была сдѣлана слабая попытка помѣшать нашему движенію: полк. Шерншанцъ съ 500 чел. на мосту Карисъ пересѣкъ дорогу, въ надеждѣ отстоять позицію до прихода Любекера съ главными силами. Послѣ короткаго боя, онъ принужденъ былъ отступить къ сѣверу и, не встрѣчая болѣе препятствій, Царь прибылъ къ Або 28 авг. 1713 г.

Добыча русскихъ въ Абоской губерніи была очень велика. Она состояла изъ многочисленныхъ плѣнныхъ, множества скота

и пр. Грабежа, однако, не производилось, и быть можетъ,—добавляетъ шведскій писатель Уддгренъ,—потери не были-бъ столь велики, еслибъ сами крестьяне этой мѣстности не продолжали потомъ опустошать ее [241]).

Когда русскій отрядъ прибылъ въ Або, городъ былъ покинутъ жителями, которые большей частью бѣжали на Аландъ. «Не только войска непріятельскаго, но ниже жителей тамо обрѣли, но все найдено пусто». Учителя университета также оставили городъ; гофгерихтъ, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, былъ переведенъ въ Стокгольмъ. Въ городѣ русскіе нашли богатый запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, несмотря на то, что Любекеръ уже давно приказалъ перевезти ихъ на Аландъ. «Опаснымъ послѣдствіемъ приближенія русскихъ войскъ къ Або—читаемъ у Уддгрена—было то, что и въ юго-западной части Финляндіи населеніе стало признавать Царя своимъ монархомъ. Указывали на финскаго маіора (по набору войскъ) и на фохта, какъ на игравшихъ при этомъ важную, но менѣе честную, роль. Разореніемъ страны и отпаденіемъ народа затруднялось положеніе шведской арміи. Кромѣ того было прервано сообщеніе съ Швеціей».

ВЫСАДКА ВОЙСКЪ У АБО.

Царь (въ 1713 г.) останавливался въ Або въ домѣ Витфотса. Шлоссъ Або былъ покинутъ шведами. Русскіе заняли Нуммиское поле и высоты на лѣвой сторонѣ р. Аура. Впослѣдствіи Царь приказалъ выбить медаль съ надписью изъ Овидія: «Terra Sistere petita; ad Abum Finlandiae d. 8 sept. 1713».

Въ письмѣ къ датскому королю Царь такъ характеризовалъ свой походъ:... «Мы по укрепъленіи эльзенфорса і при ономъ і гавани, путь свой противъ непъриятеля продолжали, который отъ насъ удалялся і хотя мы зѣло іскали видѣт оного въ лицѣ, но оной никогда показат себя хотѣлъ» [242])... О томъ же походѣ Царь сообщилъ въ Петербургъ. «Господа сенатъ»,—писалъ онъ изъ «Абоу» 30 авг. 1713 г. «Объявляемъ вамъ, что, по укрѣпленіи Элзинфорса и его гавани, съ арміею путь свой воспріяли въ 17 день августа мѣс. прямо къ Абоу». У рѣки Карисъ полк. «Стернщканцъ» съ 500 пѣшихъ и 250 конныхъ хотѣлъ преградить дорогу и сжегъ мостъ. Рѣка порожистая. Но наши «зѣло храбро поступили, переметавъ бревна, а горѣлыя клѣтки ползкомъ

черезъ подъ своимъ ружьемъ, перешли и непріятеля сбили... Итако въ 28 день сего (авг.) мѣс. въ сей столичный Ѳинскаго княжества городъ вошли и съ помощію Божіею сіе княжество овладѣли» [243]).

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Або, русскія войска вернулись, въ первыхъ числахъ сентября, въ Гельсингфорсъ. «Будучи въ томъ маршѣ въ деревняхъ ни единаго жильца не видали». Послѣ сего Царь отбылъ въ Петербургъ, оставивъ адмирала Апраксина главноначальствующимъ въ странѣ, завоеваніе которою онъ считалъ обезпеченнымъ. Такимъ образомъ по взятіи Гельсингфорса нюландскій берегъ, съ береговой дорогой вплоть до Або, съ поражающей легкостію, достался русскимъ.—Шведы были объяты страхомъ. Все казалось потеряннымъ. Много жителей южной Финляндіи, и въ числѣ ихъ и епископъ Іоганнъ Гецеліусъ, бѣжали въ Швецію, тогда какъ другіе искали убѣжища въ Эстерботніи. «Мужики,—писалъ Апраксинъ,—какъ зайцы бѣгутъ въ лѣса, всѣ оставляютъ хлѣбъ на поляхъ, а намъ собирать времени нѣтъ» [244]).

Арміи и флоту предстояло перезимовать въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ Або оказался пустымъ и доставленіе къ нему провіанта представлялось не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ, потому что морской путь оставался загражденнымъ шведскимъ флотомъ, сухопутное сообщеніе было плохое, и перевозочныхъ средствъ не имѣлось.—Страна была разорена и оставалось одно: привозить все нужное изъ Петербурга. Вскорѣ армія двинулась по направленію къ Тавастгусу, а въ Гельсингфорсѣ остался небольшой отрядъ (15) галеръ, подъ начальствомъ капитана Міющика.

Дѣйствія Любекера сдѣлались предметомъ общаго недовольства и порицанія. Особенно негодовали на него за робкое отношеніе къ русскимъ въ періодъ осады Гельсингфорса. Правительство изъ Стокгольма сдѣлало ему рѣзкое замѣчаніе. Но сваливать всю вину на плечи этого генерала едва-ли справедливо. Шведская армія была въ это время малочисленнѣе русской, плохо снаряжена и лишена всякаго опорнаго пункта. Уклоненіе Любекера отъ боя и стремленіе его втянуть русскихъ въ глубь страны, пишетъ проф. А. Мышлаевскій, явились едва-ли не наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ дѣйствія и съ этой стороны распоряженія генерала заслуживали не порицанія современниковъ, а одобренія. Упустилъ онъ только моментъ нанести весьма серьезныя потери русскимъ

въ то время (9 іюля), когда они походной колонной тянулись отъ Борго къ Гельсингфорсу, не выставивъ даже боковаго кавалерійскаго отряда. Здѣсь его ударъ не прошелъ-бы даромъ. Но вообще обстоятельства обязывали Любекера къ крайней осторожности: проигранное главное сраженіе являлось бы полнымъ уничтоженіемъ военной силы въ Финляндіи.

Едва-ли не болѣе всего страдалъ Любекеръ отъ многочисленныхъ побѣговъ. Уже до прибытія въ Петтиле, сопровождавшій армію наборъ войскъ (uppbådsfolket) разбѣжался; число дезертировъ доходило до ужасающихъ размѣровъ. Къ 22 іюля бѣжало до 1.561 чел. Еще хуже обстояло дѣло въ кавалеріи. Изъ Нюландско-Тавастгускаго полка бѣжали 10 или 11 іюля поручики Рейтеръ и Бьеркенстенъ съ 200 солдатъ, при распущенныхъ знаменахъ, безъ того, чтобъ ихъ могло остановить начальство. Упомянутый полкъ, который 18 іюня считалъ въ своихъ рядахъ 934 чел., мѣсяцемъ позже состоялъ лишь изъ 390 чел. 15-го іюля Любекеръ отдалъ, правда, приказаніе, чтобъ офицеры разстрѣливали каждаго, кто обнаружитъ намѣреніе бѣжать, но этотъ приказъ, кажется, не былъ исполненъ.

Вслѣдствіе ходатайства Любекера, повелѣно было произвести наборъ. Объявленіе ландсгевдинга объ этомъ наборѣ, въ которомъ онъ подъ угрозой смерти призываетъ каждаго къ послушанію, привело къ тому, что въ Нюландско-Тавастгуской губ. въ серединѣ іюня мѣсяца (1713 г.) состоялся сборъ призывныхъ. Однако, какъ привилегированныя сословія (ståndspersoner), такъ и служащіе (arbetsmän) отсутствовали, не смотря на то, что ихъ просили послужить добрымъ примѣромъ. Только одинъ герадсгевдингъ изъ Тавастланда отозвался на этотъ призывъ [245]).

По свѣдѣніямъ русскихъ у Любекера въ войскахъ находилось отъ 2 до 3 тыс. финскихъ крестьянъ, вооруженныхъ фузеями, копьями и бердышами, подъ начальствомъ отставныхъ офицеровъ. Провіантомъ его войска продовольствовались «съ затрудненіемъ»; у крестьянъ отбирали все, что у нихъ находили. Готовыхъ своихъ магазиновъ войска не имѣли. «Секурсу» изъ Стокгольма не высылали. Мужики, сведенные въ полки, разбѣгались.

Въ концѣ іюля правительство Швеціи, подъ предлогомъ необходимости совѣщанія съ Любекеромъ объ оборонѣ Финляндіи, предложило ему прибыть въ Стокгольмъ; въ дѣйствительности-же оно вытребовало генерала съ тѣмъ, чтобы лишить его начальства надъ финской арміей. Главной причиной удаленія Любекера яви-

лись многочисленныя письма; къ нимъ присоединились открытыя обвиненія, которыя постоянно присылались къ начальствующимъ лицамъ Швеціи. Любекеру ставили въ вину то, что онъ не достаточно заботился о войскѣ въ 1713 г. По указу короля отъ 30 мая 1711 г. онъ обязанъ былъ силою брать въ странѣ все необходимое, когда нельзя было достать инымъ способомъ. Любекера осудили къ потерѣ чести, имущества и жизни, но король помиловалъ его. Въ 1718 г. Любекеръ умеръ.

Генералъ - лейтенантъ Таубе назначенъ былъ главнокомандующимъ Финляндскаго войска и получилъ приказаніе перевезти туда вспомогательный отрядъ. Это предположеніе и назначеніе фактически не были осуществлены. Дѣйствительнымъ временнымъ преемникомъ Любекера явился Карлъ Густавъ Армфельтъ, начальствованіе котораго затѣмъ было продлено до конца войны. Рожденный въ 1666 г., онъ пріобрѣлъ военную опытность заграницей и съ начала войны проявилъ и храбрость, и способности полководца. Солдаты и народъ питали къ нему довѣріе, и въ этомъ отношеніи онъ вырисовывается рѣзкою противоположностью Любекеру. Но замѣной запоздали, такъ какъ не было уже возможности воспрепятствовать наступленію русскихъ. Положеніе финской арміи въ началѣ августа 1713 г., когда Армфельтъ принялъ начальство надъ ней, представлялось отчаяннымъ. Походная казна была пуста. Солдатамъ приходилось голодать и временами питаться только хлѣбомъ и водой, почему во всякое время возможно было ждать возстанія. Офицеры, которые не получали содержанія натурой, не имѣли даже куска хлѣба; доходило до того, что они выпрашивали его у солдатъ [246]).

К. Г. АРМФЕЛЬТЪ.

Армфельтъ, принявъ начальствованіе, не воспользовался правомъ требовать у населенія все необходимое для содержанія войска. Въ теченіе сентября и октября солдаты не получали мяса потому,

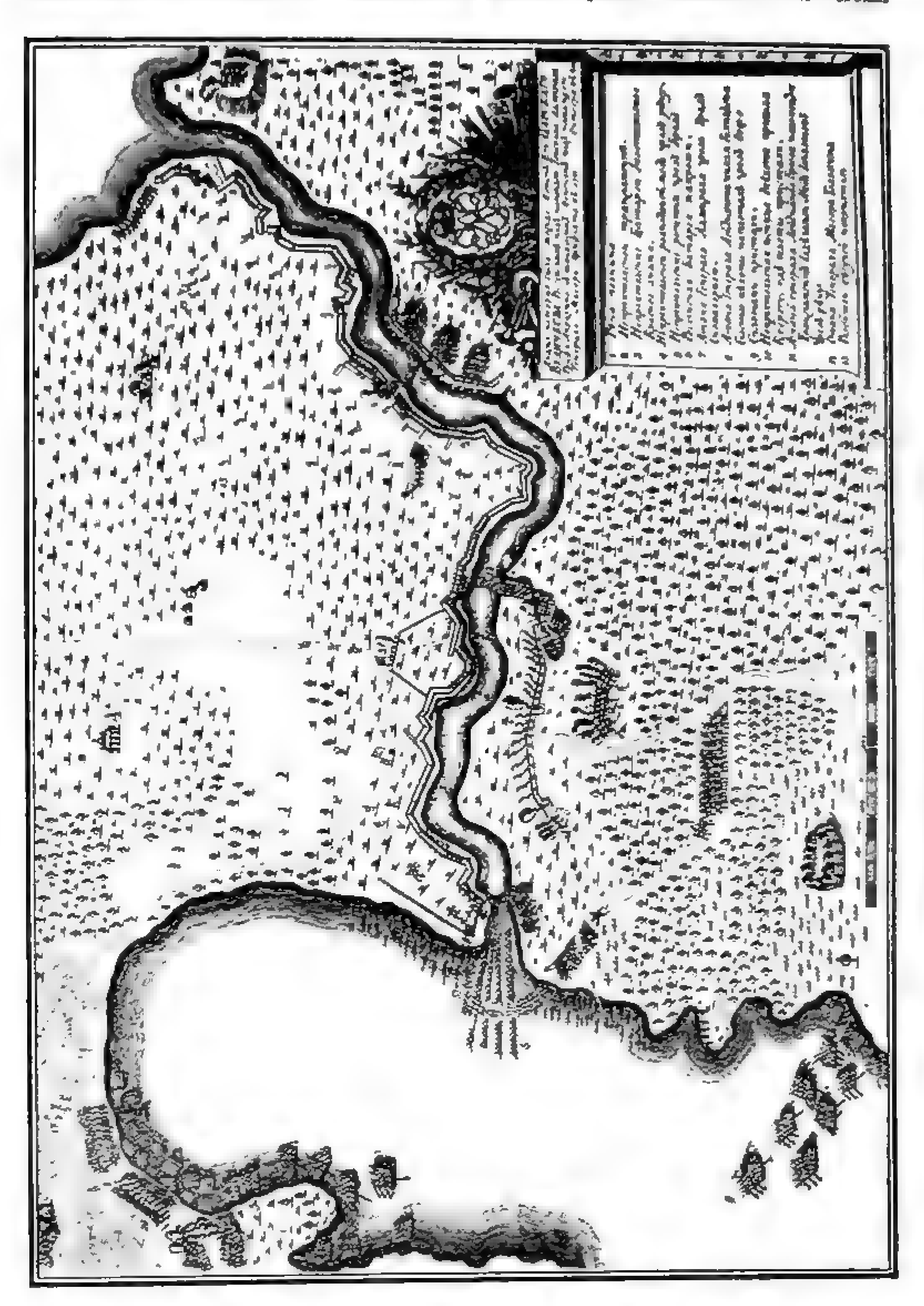
что не имѣлось средствъ для его покупки. То, что имъ выдавалось, было получено въ кредитъ.

Въ арміи находилось тогда, вмѣстѣ съ начальствомъ, около 7.200 чел., но она была ослаблена дезертирами, число которыхъ доходило до 2.000 чел. Часть кавалерійскихъ лошадей хромала и пришла въ негодность. Всѣ были разстроены и утомлены безцѣльными переходами. Швеція помощи не присылала. Особенно давалъ себя знать недостатокъ въ провіантѣ въ серединѣ августа, когда все показывало, что русскіе закончили свои приготовленія въ Гельсингфорсѣ и намѣрены продолжать наступленіе. Нельзя было добыть даже столько денегъ, чтобъ держать шпіона, почему финны не имѣли достаточныхъ свѣдѣній о своихъ противникахъ [247]).

У рѣки и кирки Пелькине Армфельтъ занялъ трудно доступное финляндское дефиле за рѣчкой Костіа, которая соединяетъ озера Пелькеневесси съ Маллась-веси. Здѣсь онъ укрѣпился. Съ фронта и съ фланговъ эта позиція была очень сильна. Мостъ на протокѣ былъ «разметанъ», бродъ—загражденъ рогатками; не говоримъ уже о батареяхъ и окопахъ. 2-го октября молодецкимъ маршемъ подошли русскія войска и прикрылись траншеями. Гр. Ѳ. М. Апраксинъ и кн. М. М. Голицынъ, не смотря на канонаду (2-го же октября) «смотрѣли ситуацію», т. е. произвели рекогносцировку. Атаковать непріятеля было безполезно; а обходить кругомъ «зѣло далеко въ виду долгопротяжныхъ» болотъ.

Апраксинъ рѣшилъ ударить въ тылъ непріятеля. Для десантнаго отряда на озерѣ Маллась-веси настроили плотовъ. 5-го октября (1713 г.) озеро было покрыто молочною пеленою. Кн. М. М. Голицынъ—лично храбрый и рѣшительный—съ ген.-л. Бутурлинымъ и ген.-м. Чернышевымъ двинулись (съ 6000 ч.) черезъ озеро Маллась-веси; надо было пройти болѣе 2-хъ верстъ, въ туманѣ и при жестокой стужѣ, безъ шума на сколоченныхъ наскоро плотахъ. Это уже былъ подвигъ. Положеніе обѣихъ сторонъ являлось весьма серьезнымъ. Съ трудомъ русскіе, подъ огнемъ шведовъ, вышли на берегъ. Непріятель стойко оборонялся [248]). Противъ него съ фронта стояли генералы Брюсъ, Головнинъ и кн. Волконскій, имѣя около 4 тыс. пѣхоты и 4 тыс. кавалеріи. Два раза шведы опрокидывали русскія войска. Въ то время, когда финская пѣхота храбро сражалась, кавалерія, напротивъ, плохо исполнила свой долгъ. Армфельту, который мужественно участвовалъ въ дѣлѣ, и подъ которымъ двѣ лошади были подстрѣлены,

удалось ввести въ бой одинъ или два эскадрона, остальные не послѣдовали за нимъ, а нѣкоторые даже прямо бѣжали съ поля

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ПЕЛКИНЕ 1713.

сраженія. Бой продолжался три часа; финны не выдержали «войскъ русскихъ сильное наступленіе», «пришли въ конфузію» и обратились «въ бѣгство по лѣсамъ, какъ зайцы» [249]).

Потери Апраксина: 6 офицеровъ и 112 нижнихъ чиновъ были убиты; 21 офицеръ и 534 нижнихъ чина—ранены. Шведы потеряли 673 чел. убитыми и ранеными и 14 офицеровъ и 210 нижнихъ чин. плѣнными, 8 орудій, 3 знамени и много разнаго оружія. Вся наша потеря до Пелькинскаго боя включительно не превосходила 1088 чел. изъ нихъ бѣглыхъ 40.

ПОБѢДА ПРИ ПЕЛЬКИНЕ.

Это было первое большое дѣло русской регулярной арміи въ глубинѣ Финляндіи. «Въ немъ все русское, начиная отъ генераловъ и солдатъ, и кончая тактикой». Въ результатѣ получился классическій образецъ творенія русскаго ума [250]). Положеніе Финляндіи ухудшилось.—Армфельтъ сообщалъ, что народъ терпѣлъ неописанную нужду. Часть финскихъ солдатъ тащилась полумертвыми и босыми, тогда какъ другіе бѣжали цѣлыми партіями. Непосредственно послѣ несчастнаго для финновъ боя при Пелькине Армфельту удалось собрать при Таммерфорсѣ лишь 1100 чел. кавалеріи. Въ виду сего онъ не могъ исполнить своего первоначальнаго предположенія, остановиться въ Таммерфорсѣ, а прослѣдовалъ далѣе черезъ Тавастгусъ въ Эстерботнію.

При вступленіи въ Эстерботнію армія сильно страдала. Передъ нею шли огромныя толпы бѣглецовъ, которые естественно затрудняли положеніе войскъ. Когда Армфельту удалось вновь собрать разбросанныя части и водворить нѣкоторый порядокъ, то у него оказалось только 4709 чел., вмѣстѣ съ начальствомъ [251]).

VI.

Гангутъ.

Петръ Великій вновь былъ занятъ широкими и смѣлыми планами. Ему желательно было, при содѣйствіи Даніи, внести свое оружіе въ предѣлы коренной Швеціи. Нашему резиденту въ Копенгагенѣ, кн. В. Л. Долгорукову, онъ велѣлъ (въ ноябрѣ 1713 г.) изслѣдовать почву, указаніями на успѣхи послѣдняго времени, которые привели русскихъ къ Або. Петру хотѣлось, чтобы Данія сама предложила свой корабельный флотъ. «Но сего отнюдь самъ имъ не зачинай,—прибавилъ Царь,—дабы ихъ тѣмъ не вздорожить». У Петра зрѣлъ проектъ соединенія русскаго и датскаго флотовъ, родилось желаніе произвести десантъ у Стокгольма, или у Карлскроны. Но союзники боялись довѣриться Царю.

Въ концѣ 1713 г. въ Данію посланъ былъ расторопный сотрудникъ Петра Великаго,—Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, для устныхъ переговоровъ относительно предстоявшихъ военныхъ дѣйствій весною будущаго года. Русскія войска дошли «до самаго синуса Ботникуса, а далѣе идти сухимъ путемъ нельзя, а водою—кораблей мало». Какъ главную цѣль совмѣстнаго дѣйствія Россіи и Даніи Ягужинскій долженъ былъ представить нападеніе на Карлскрону и уничтоженіе шведскаго флота. Ничто не могло

такъ повліять на датскіе умы, какъ именно это обстоятельство. Шведскій флотъ и его постоянная стоянка въ Карлскронѣ являлись вѣчной угрозой Даніи и служили средствомъ къ поддержанію шведскаго владычества на Балтійскомъ морѣ. Только 6 марта 1714 г. подписана была конвенція съ Даніей. Предполагалось атаковать Карлскрону. Для этого Даніи надлежало выставить 18 кораблей, а Россіи—75 тыс. сухопутнаго войска и 12 кораблей въ Або. Кромѣ того Россія обязывалась уплатить Даніи 200 тыс. ефимковъ. Командованіе флотомъ предоставлялось Петру [252]). Въ виду нерѣшительности Даніи, Петръ значительно охладѣлъ къ этому плану и продолжалъ борьбу собственными силами.

Политическія обстоятельства благопріятствовали тому, чтобъ нанести шведамъ окончательный ударъ. Партійная борьба въ Англіи не позволяли ей поддержать Швецію, а безпорядки въ послѣдней создали въ ней такое положеніе, какого не скоро можно было дождаться. Сухопутныя силы шведовъ были почти уничтожены. Единственныя ихъ оборонительныя средства состояли изъ сильнаго флота. Внезапное нападеніе на него, безъ сомнѣнія, привело бы къ заключенію мира. При такихъ условіяхъ цѣль предстоящей кампаніи должна бы заключаться въ уничтоженіи шведскаго флота, а затѣмъ—въ нападеніи на Швецію.

Военныя событія 1713 года въ Финляндіи и сѣверной Германіи вызвали величайшій страхъ и упадокъ духа среди руководящихъ людей въ Швеціи. 14-го ноября правительство писало Карлу XII: «Мы не можемъ представить себѣ что-либо иное, какъ то, что русскій съ одной стороны и датчанинъ съ другой при наступленіи весны, если не ранѣе, проникнутъ въ сердце государства». «Разсчитывали лишь на то, что полная гибель отсрочена на нѣсколько мѣсяцевъ».

Риксдагъ, собравшійся въ декабрѣ 1713 г. и затѣмъ созванный весной слѣдующаго года, свидѣтельствовалъ о преобладавшемъ партійномъ духѣ и о недостаточномъ пониманіи истинныхъ нуждъ государства. Оба риксдага составляютъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ исторіи періода шведскаго величія.

Какого-либо опредѣленнаго плана шведской обороны на 1714 г. не было выработано.

Не легко приходилось и Россіи, желавшей продлить борьбу. Капитанъ Тавастгусскаго полка Саломонъ Энбергъ, который лѣтомъ 1714 г. находился въ качествѣ плѣннаго въ Москвѣ и Петербургѣ, разсказывалъ, что въ Россіи были очень недовольны

требовательнымъ царемъ и затянувшеюся войной. Рекрутскіе наборы производились силою; ожидались возстанія и смуты. Ротмистру Мортену Энборгу, который въ іюнѣ 1714 г. посѣтилъ русскаго главнокомандующаго въ Финляндіи, по поводу переговоровъ объ обмѣнѣ военно-плѣнныхъ, говорили, что русскіе потеряли за время войны уже до 100.000 чел. и теперь не въ состояніи болѣе выставить людей [253]).

Упорно продолжая борьбу, Царь Петръ не терялъ изъ вида главной ея цѣли. Въ апрѣлѣ 1714 г. торговыя дѣла побудили его прибѣгнуть къ объявленію, которое надлежало подать англійскому двору и въ это объявленіе вписано было «что не токмо Ингерманландія и Карелы, но и большая часть Эстляндіи и Лифляндіи издревле всегда россійской принадлежали коронѣ; а хотя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оные провинціи и были уступлены шведамъ, но нынѣ за многіе короля ихъ неправды наслѣдственные оные земли паки къ Россіи присоединены» [254]). Если это говорилось громко для Англіи и другихъ державъ, то дома исповѣдывались начала, вполнѣ согласныя съ высказаннымъ. Такъ въ октябрѣ 1715 г. Петръ писалъ цесаревичу Алексѣю: «Всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристаньями, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернула завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли» [255]). Для Петра были ясны нужды его царства и потому война продолжалась, не смотря на великое бремя ея для населенія Россіи.

Въ концѣ 1713 г. и началѣ 1714 г. военное положеніе въ Финляндіи было таково: пѣхота и наскоро составленные отряды находились подъ начальствомъ Армфельта въ Вазѣ, кавалерія подъ начальствомъ де-ла-Барра квартировала между Кристинестадомъ и Вазой. Небольшія финскія части находились еще въ Каянѣ и сѣверной Тавастландіи.

Послѣ того, какъ всѣ части вновь были въ сборѣ, армія Армфельта насчитывала не менѣе 2.500 чел. пѣхотинцевъ, 2.100 чел. кавалеріи и 1.200 чел. дополнительно набранныхъ солдатъ, или всего 5.800 чел. (По свѣдѣніямъ А. Мышлаевскаго боевая сила Армфельта доходила до 8.000 чел.). Одну треть кавалеріи за неимѣніемъ зимней одежды и обуви нельзя было выслать въ походъ.

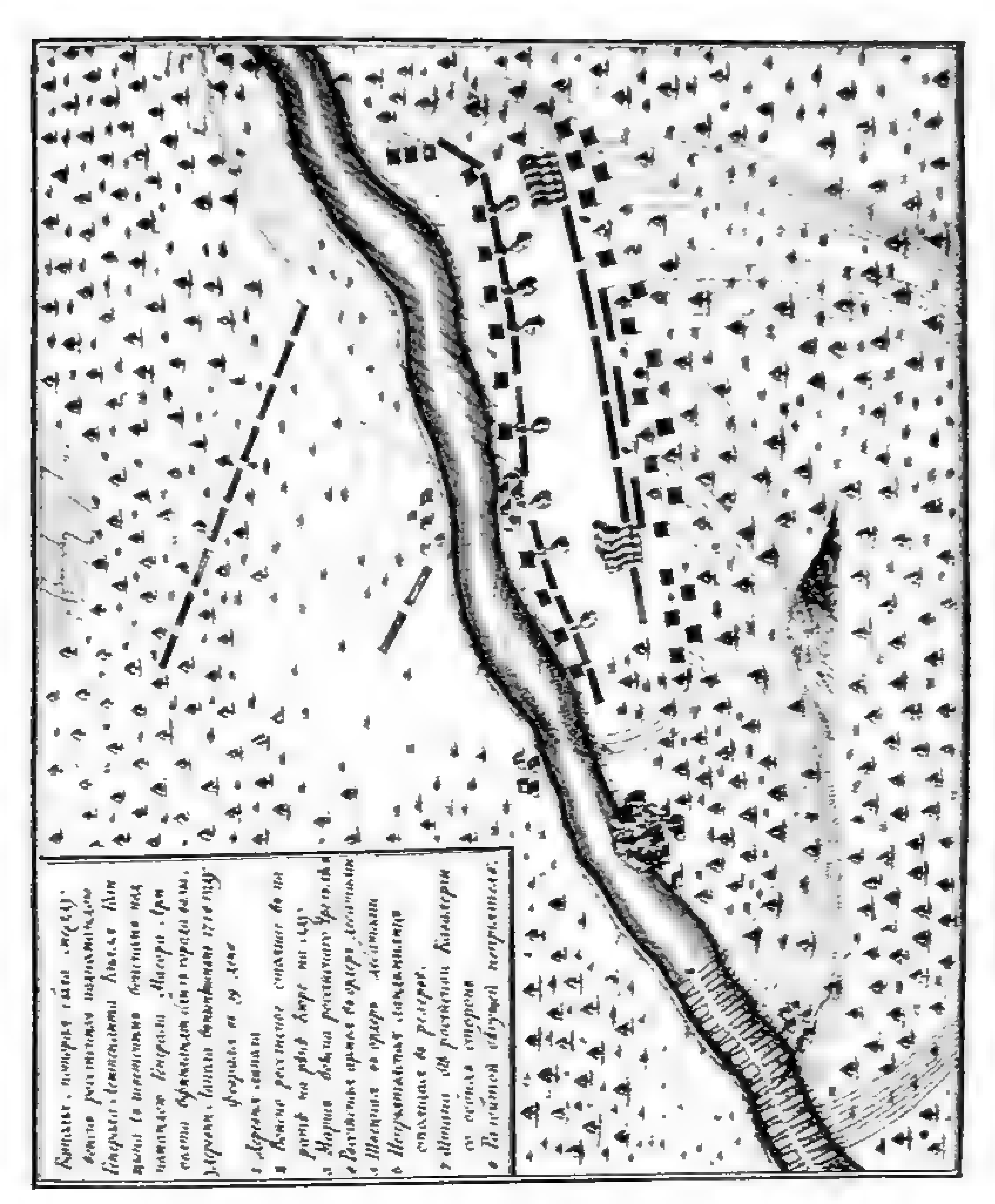
Также въ виду недостатка въ обмундированіи и зимнемъ

снаряженіи далеко не вся боевая сила, бывшая подъ начальствомъ кн. Голицына, въ состояніи была принять участіе въ кампаніи.

Вся южная и средняя Финляндія осталась въ рукахъ русскихъ, которые болѣе не преслѣдовали финскихъ войскъ, а направились къ Бьернеборгу, чтобы закрѣпить свою власть въ Сатакунтѣ. Только въ декабрѣ (1713 г.) отрядъ генерала Брюса направился изъ Бьернеборга въ Кристинестадъ, но вернулся, когда финны показали себя приготовленными къ сопротивленію. Въ это время нѣсколько сотъ крестьянъ изъ Ильмола вооружились, выбрали въ предводители двухъ студентовъ, братьевъ Габріеля и Израэля Пельданъ, и расположились, какъ пограничная стража, въ часовнѣ Курикка, гдѣ удачно отражали бродившіе отряды русскихъ. Этотъ случай не единственный.—Крестьяне Эстерботніи, на коихъ теперь лежала главная тяжесть войны, проявили гораздо болѣе готовности жертвовать жизнью и имуществомъ на защиту отечества, чѣмъ населеніе южной Финляндіи. Въ трехъ южныхъ губерніяхъ безпрерывныя комплектованія и формированія новыхъ полковъ, тяжелые налоги и переходы войскъ изнуряли крестьянъ, почему они въ минуты опасности неохотно шли на воинскій призывъ и послѣ пораженія, безъ сопротивленія, подчинялись побѣдителю. Эстерботнійцы были относительно пощажены войной, почему могли со свѣжими силами вступить въ борьбу, которая сама по себѣ привлекала это издревле воинственное населеніе. Но чѣмъ оживленнѣе народъ принималъ участіе въ войнѣ, дѣйствія русскихъ, въ силу необходимости, становились безпощаднѣе.—

Тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые финскія войска провели на зимнихъ квартирахъ, были употреблены на приведеніе ихъ въ состояніе бо́льшей пригодности для боевыхъ дѣйствій. Кромѣ того, эстерботнійцы обучались, подъ руководствомъ губернатора Лоренца Клерка; изъ нихъ сформировали отрядъ въ 1.000 чел. Въ то же время жители городовъ и деревень предлагали поголовно защищать свои дома, семью и дѣтей, почему разосланы были офицеры для обученія крестьянъ.—Хозяйственная часть арміи поддерживалась усердными заботами Фриціуса по крайней мѣрѣ настолько, что солдаты не нуждались въ самомъ необходимомъ. Зато возроставшее несогласіе между высшимъ начальствомъ предвѣщало недоброе. Армфельтъ, Шерншанцъ и начальникъ кавалеріи Де-ла-Барръ расходились во мнѣніяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ. Распря эта содѣйствовала окончательному пораженію арміи, которое ей

вскорѣ и было нанесено. Уже въ началѣ февраля 1714 г. поднялась русская военная сила, въ числѣ 8.000 чел. [156]), изъ Або подъ предводительствомъ кн. Мих. Голицына, чтобы, согласно повелѣнія

Планъ сраженія при деревнѣ Лаппола (Наппо) 19 февраля 1714 г.

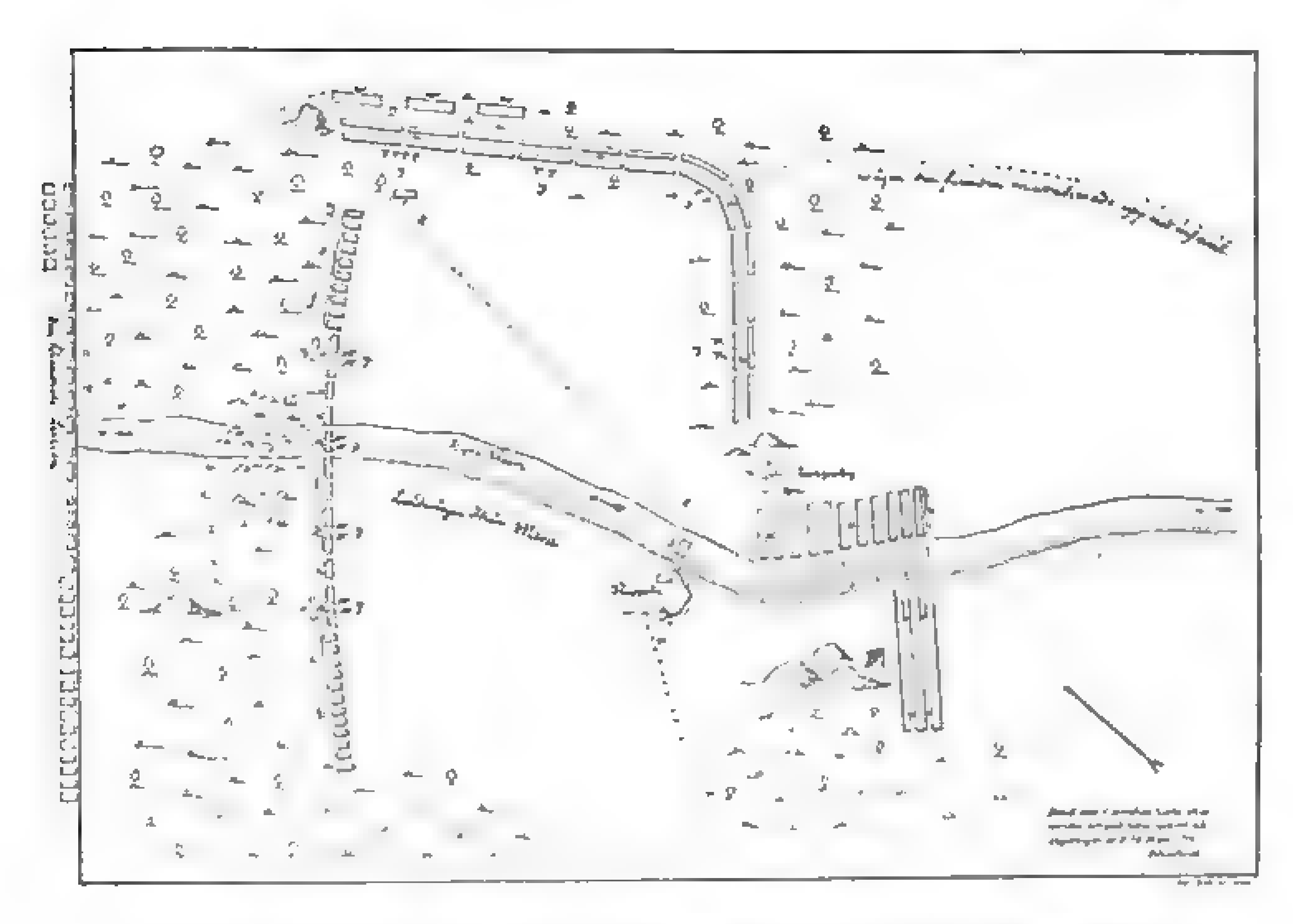
Царя, отыскать и разбить слабую армію Армфельта. Нашему войску приходилось идти по глубокому снѣгу, тянуться по лѣсамъ и замерзшимъ болотамъ. Они совершили одинъ изъ труднѣйшихъ походовъ. Въ этомъ году (1714) выпало особенно много снѣгу, почему невозможно было безъ лыжъ пробираться по краямъ до-

рогъ. Во время стоянки въ Икалисѣ солдаты нуждались даже въ хлѣбѣ. Послѣ тяжелыхъ маршей, за отсутствіемъ жилья, люди обыкновенно располагались подъ открытымъ небомъ, у разложенныхъ костровъ. Подкрѣплялись сухаремъ и жидкой похлебкой.

Увѣдомленный о движеніи русскихъ, Армфельтъ собралъ свои отряды. Призывные изъ сѣверныхъ приходовъ не поспѣли къ рѣшительному моменту.—Армфельтъ сперва колебался, принять-ли бой, но, частью вслѣдствіе неблагопріятныхъ отзывовъ объ арміи, высказанныхъ на риксдагѣ въ Стокгольмѣ,—а частью въ виду сознанія, что его положеніе не можетъ ухудшиться отъ пораженія, онъ рѣшился на сраженіе, чтобы не уступить русскимъ Эстерботніи безъ боя. На военномъ совѣтѣ большинство находило, что благоразуміе требуетъ отступить или по крайней мѣрѣ выждать призывныхъ крестьянъ (ополченіе) изъ сѣверныхъ приходовъ. Однако Армфельтъ настоялъ на своемъ, особенно восхищенный найденной позиціей. Онъ привелъ армію къ Стуркюро и здѣсь приготовился встрѣтить русскихъ при деревнѣ Напо (Напо-бю). Три дня простояли финскіе воины въ снѣгу и на морозѣ, ожидая на позиціяхъ прихода русскихъ. Духъ поддерживался между прочимъ тѣмъ, что Фриціусъ обѣщалъ озаботиться отпускомъ мѣсячнаго жалованья офицерамъ, а нижнимъ чинамъ—соотвѣтственной прибавки. Солдаты, по обычаю того времени, тряхнули оружіемъ и обѣщались все претерпѣть. Наконецъ, 19 февраля 1714 г., около полудня, показались русскіе. Финскій крестьянинъ Матсъ Польсонъ Тури указалъ имъ дорогу чрезъ замерзшія болота, чѣмъ избавилъ ихъ отъ прохожденія по лѣсу. Кн. М. М. Голицынъ дѣйствовалъ все время замѣчательно послѣдовательно и энергично. До сраженія старшіе начальники были позваны имъ на совѣтъ. Кн. Голицынъ предложилъ, «чтобъ весьма на непріятеля, хотя передъ россійскими и силенъ, идти, нежели, вшедъ въ глубь земли, отступить». Мнѣніе князя было единогласно принято.

Передъ сраженіемъ Армфельтъ проѣхалъ верхомъ по фронту войскъ, ободрялъ ихъ короткою рѣчью и молитвой, а лозунгомъ назначилъ «Съ Божьею помощію». Онъ поставилъ войска на равнинѣ между двумя опушками, поперекъ рѣки Кюро, такъ что укрѣпленная деревня Напо пришлась въ центрѣ. Кавалерія стояла по флангамъ. Пѣхотою въ центрѣ командовалъ Армфельтъ. Дурнымъ предзнаменованіемъ явилось уклоненіе отъ участія въ сраженіи Шернщанца, подъ предлогомъ болѣзни. Бой продолжался

всего два часа и 10 минутъ послѣ обѣда. Вѣтеръ дулъ въ сторону финновъ и засыпалъ имъ лицо снѣгомъ, почему сразу произошелъ безпорядокъ среди кавалеріи на лѣвомъ флангѣ, гдѣ командовалъ Де-ла-Барръ. Кавалеристы скоро обратились въ бѣгство, сопровождаемые своимъ начальствомъ; только нѣсколько эскадроновъ Абоской губ. остались на мѣстѣ, но были осилены. Еще позорнѣе вела себя кавалерія на правомъ флангѣ: она обратилась въ бѣгство, не давъ ни одного залпа.—Армфельтъ крѣпко держался на мѣстѣ во главѣ центра. Онъ дважды отбросилъ русскую

Планъ сраженія при Наппо, приложенный къ донесенію Армфельта.

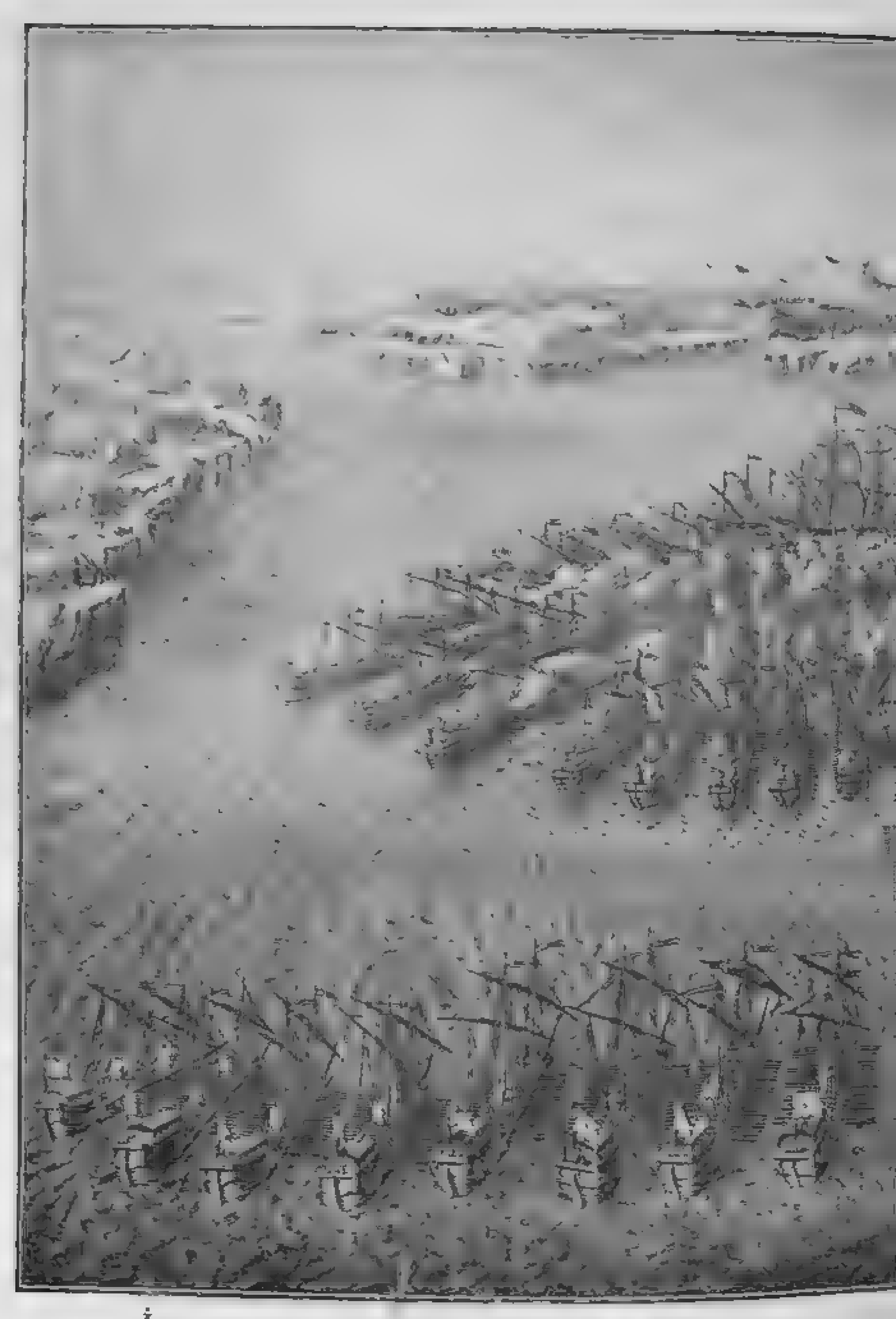
пѣхоту, произведя среди нея безпорядокъ. Кн. М. Голицынъ спѣшилъ 4 драгунскихъ полка и приказалъ имъ напасть съ тыла на финновъ.—Армфельтъ обернулся къ нимъ и имѣлъ уже нѣкоторый успѣхъ; но въ это время русская пѣхота оправилась для новаго удара. Ополченіе финновъ сначала успѣшно выдержало натискъ казаковъ, пришедшихъ по лѣвому берегу Кюро; но, видя, что пѣхота бѣжала, ополченцы—вазаскіе граждане—также покинули свою позицію. Окруженныя со всѣхъ сторонъ войска Армфельта были сломлены, и въ концѣ сраженія онъ самъ подвергся серьезной опасности, почему не въ состояніи былъ организовать отступленія, которое скоро перешло въ безпорядочное бѣгство. Несмотря на описанный исходъ сраженія, шведскіе историки находятъ, что

въ общемъ финскіе солдаты сражались съ большимъ мужествомъ. Объ этомъ Армфельтъ нѣсколько разъ заявлялъ въ своихъ рапортахъ, и то же самое сдѣлалъ ландсгевдингъ Клеркъ, который 22 февраля писалъ правительству «что всѣ офицеры, какъ старшіе, такъ и младшіе, а также солдаты и крестьяне оказали необычайную храбрость»[257]). Только въ Пюкарлебю Армфельтъ могъ собрать остатки своей разбитой арміи. При отступленіи произошло безпощадное истребленіе финскихъ полковъ. Шведы потеряли 8 орудій, 20 знаменъ, 535 чел. плѣнными, а на полѣ сраженія осталось 5,133 человѣческихъ трупа[258]). Не дешево обошлась побѣда и русскимъ. Они потеряли всего 1.468 чел., т. е. одну шестую часть своего отряда. Шведы лишились почти всѣхъ пѣхотныхъ офицеровъ, за исключеніемъ десятерыхъ. Армфельтъ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что русскіе испытали «стойкость бравыхъ солдатъ», но въ то же время долженъ былъ признать, что положеніе теперь было совершенно безнадежнымъ.—

Послѣ сраженія при дер. Наппо въ шведскихъ войскахъ наблюдаются явные признаки деморализаціи. Главнокомандующій проявилъ непослѣдовательность въ своихъ дѣйствіяхъ: онъ, собравъ до битвы военный совѣтъ и, видя, что офицеры совершенно не раздѣляютъ его воззрѣній, тѣмъ не менѣе далъ сраженіе. Кавалерія Де-Барра не поддержала атаки пѣхоты; полковникъ Шерншанцъ, не желая участвовать въ сраженіи, уѣхалъ до начала боя. Тутъ на лицо преступное неповиновеніе подчиненныхъ. А если такъ, то это показываетъ, что Армфельтъ былъ слабъ, иначе подчиненные не смѣли бы проявить такого ослушанія. Армфельту не было надобности созывать совѣта; но разъ онъ его собралъ, то надлежало послѣдовать его указаніямъ.

«Такого скораго и тяжелаго огня на мою особу никогда не бывало», однако «милостію Божіею и Его Царскаго Величества счастіемъ надъ непріятелемъ учинена викторія.... и надѣюсь армія ихъ во всеконечное разореніе пришла»—писалъ князь М. Голицынъ къ гр. Апраксину 28 февр. 1714 года.

У насъ въ ордерѣ баталіи было всего 8.495 чел. Царь въ письмѣ благодарилъ кн. Голицына, пожаловалъ его слѣдующимъ чиномъ за «мужество и достойность»; «прошу,—говорилось далѣе въ рескриптѣ Государя,—мой поклонъ отдать всѣмъ вышнимъ и нижнимъ офицерамъ и рядовымъ и благодарить за храброе дѣло»[259]). Въ запискахъ Брауншвейгскаго резидента Вебера значится, что 14 марта, по случаю побѣды, одержанной княземъ Голицынымъ,

Ізображеніе морской баталіи между Росиско
Карабелной шаутъ бейнахтъ Ішвецкою Эска
Случившейся У гангута

ю Галерною аванъ гардш ю Которою командовалъ
ларою Подкомандою шаутъ бейнахта фринъ шила
юля въ 27 день 1714 году

въ Петербургѣ данъ былъ торжественный радостный пиръ, на которомъ Веберъ въ первый разъ замѣтилъ порядокъ заздравныхъ кубковъ. Первый провозглашенъ былъ за Божіею милостію (царя), второй—за всѣхъ храбрыхъ матросовъ, третій за всѣхъ вѣрныхъ союзниковъ, за всѣхъ храбрыхъ воиновъ и пр. и пр.

Въ Петербургѣ, по повелѣнію Петра, 3 марта издана была брошюра на нѣмецкомъ языкѣ, которая имѣла цѣлью въ Европѣ распространить слухъ о новыхъ русскихъ успѣхахъ.

23 марта (1714 г.) Голицынъ занялъ Вазу и отсюда послалъ отряды до Нюкарлебю и Якобстада, которые брали контрибуцію и уничтожали по берегу суда мѣстныхъ жителей. Черезъ нѣсколько дней его пѣхота отступила къ Ништадту, а кавалерія—

ПОБѢДА ПРИ ЛАППО.

ВЗЯТІЕ НЕЙШЛОТА.

къ Тавастгусу. Шведскіе историки жалуются, что партія казаковъ своими звѣрскими поступками наводила ужасъ на жителей. Говорили, что казаки привязывали захваченныхъ къ деревьямъ, душили ихъ дымомъ, били до смерти палками [260]). «Абоскій Мнемозинъ» говоритъ, что когда русскіе возвращались изъ Вазы въ Тавастгусъ и Або, молодые люди обоего пола толпами гнались передъ войсками и потомъ были проданы туркамъ и татарамъ.

Согласно полученнымъ инструкціямъ, кн. Голицынъ хотѣлъ въ Эстерботніи разорить пространство шириною въ 10 миль, чтобъ не дать Армфельту возможности въ ближайшее время опять отправиться на югъ. Но кн. Голицыну удалось выполнить это по разнымъ причинамъ только въ незначительной мѣрѣ [261]). Между прочимъ населеніе встрѣчало русскихъ мольбами о пощадѣ и обѣщаніями покориться, что дало кн. Голицыну, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, поводъ показывать свою гуманность и отказаться

отъ разоренія страны. Но Якобстадъ былъ опустошенъ 4 марта, при чемъ большая часть города обращена въ пепелъ [262]).

Лѣтомъ того-же года Выборгскій комендантъ, полковникъ Шуваловъ, имѣя отрядъ въ 1.500 чел., по указу Царя, приступилъ къ Нейшлоту, развѣдку котораго произвелъ еще въ сентябрѣ 1713 г. Корчминъ. Его рапортъ легъ въ основу плана осады. Осада продолжалась около мѣсяца. Вылазка шведовъ была отбита. Русскіе пожелали вступить въ переговоры, но ихъ представитель не былъ принятъ. Когда же русскіе оказались вполнѣ готовыми для осады, гарнизонъ крѣпости отказался отъ сопротивленія. Больной комендантъ крѣпости, маіоръ Бушъ, видя, что русской артиллеріей, при которой находился Корчминъ, пробитъ уже проломъ, сдался 29 іюля (1714 г.), получивъ свободный выходъ подъ нашимъ конвоемъ къ Куопіо съ своимъ гарнизономъ въ 561 чел. [263]); 156 рейтаръ и солдатъ добровольно остались въ Нейшлотскомъ уѣздѣ. Нейшлотъ потребовалъ со стороны русскихъ болѣе 5 тыс. выстрѣловъ. Взятіе крѣпости никакого вліянія на ходъ военныхъ событій 1714 г. не имѣло. Можно только отмѣтить, что съ паденіемъ Нейшлота (или Нишлота) весь Саволаксъ перешелъ въ русскія руки.

Дѣйствія на сушѣ Финляндіи можно считать законченными. Въ дальнѣйшемъ главное вниманіе обращено было на море. Русскіе дошли до Або и нѣсколько далѣе на сѣверъ вдоль берега. Гр. Минихъ былъ правъ, отмѣтивъ въ своихъ запискахъ, что въ короткое время Царь создалъ громаднѣйшую регулярную армію и «невѣроятно быстро завоевалъ всю Ингрію, Карелію, Финляндію, Эстляндію и Ливонію». Но Швеція о мирѣ не думала. Оставалось переплыть море и грозить столицѣ королевства.

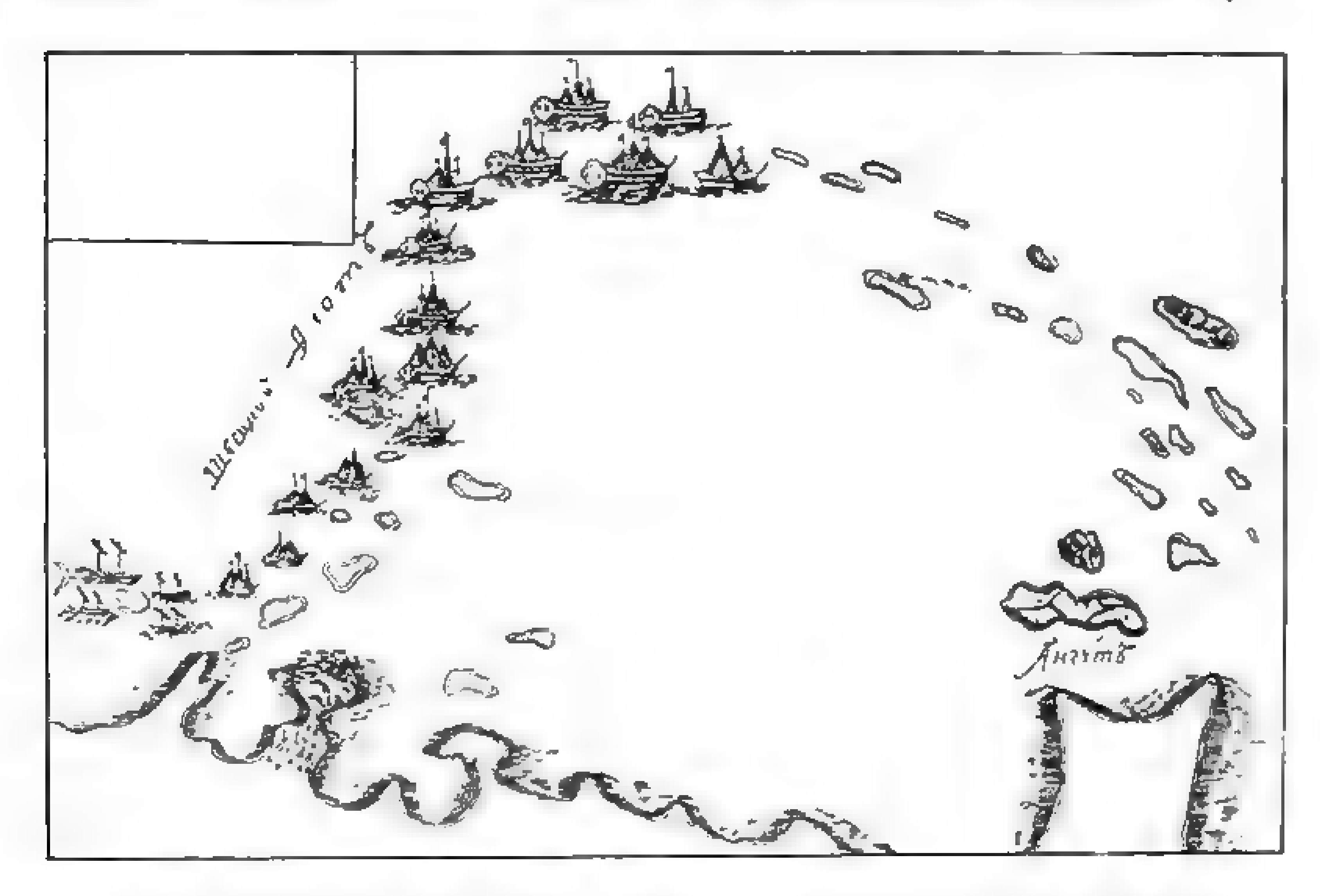
Съ ранней весны 1714 г. галерный флотъ готовился въ Петербургѣ къ походу. Главнымъ начальникомъ состоялъ генералъ-адмиралъ гр. Апраксинъ; его помощниками были гр. Боцисъ и Змаевичъ. На галерный флотъ было посажено до 15 тыс., да на транспортныя суда до 9 тыс. чел. Духъ въ войскахъ былъ прекрасный. Галерамъ надлежало идти шхерами до Аланда, гдѣ предполагалось устроить крѣпость. Изъ Кроншлота двинулся корабельный флотъ, состоявшій изъ 18 судовъ. Имъ командовалъ старшій флагманъ — контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ, т. е. самъ Царь. Ледъ въ заливѣ задержалъ нѣсколько всю эскадру у Біёркъ-э.

Въ то время, когда русскій флотъ сооружали въ Петербургѣ, находившійся тамъ датскій посланникъ Фалькъ рапорто-

валъ, что онъ видитъ какъ всѣми этими силами готовились совершить высадку [264]).

У Гельсингфорса галерный нашъ флотъ простоялъ десять дней и произвелъ выгрузку провіанта.

У Гангеудда—или Гангута—путь былъ прегражденъ шведскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 28 большихъ судовъ, при 832 орудіяхъ, подъ начальствомъ адмирала Ватранга; тутъ-же находились вице-адмиралъ Лилье. Флотъ выслало регентство, правившее государствомъ въ отсутствіи короля. Снаряженіе судовъ было плохое, офицеровъ не доставало. Видно, что все дѣлалось на-спѣхъ [265]).

Расположеніе шведовъ у Гангута въ маѣ 1714 г. Приложеніе къ донесенію Ѳ. М. Апраксина.

Весь экипажъ шведовъ доходилъ до 5 тыс. чел. Позиція ихъ казалась недоступной. Русская галерная эскадра остановилась у Твермине. Корабельный флотъ ранѣе еще погнался за непріятелемъ къ Ревелю и остался тамъ. Отъ успѣшности его дѣйствій зависѣлъ дальнѣйшій ходъ финляндской кампаніи, такъ какъ въ маѣ 1714 г. Голицынъ писалъ Апраксину: «а здѣсь (въ Або) содержаться не можно, понеже на полковыхъ подводахъ изъ Гельсингфорса провіанту возить невозможно, а которые мужики близъ моря были, тѣ всѣ выѣхали на острова и многіе пасторы побѣжали»... [266]).

Гр. Апраксинъ принялся за разслѣдованіе позиціи и окрестностей. О результатахъ онъ донесъ Государю, находившемуся въ

Ревелѣ. Тутъ-же, прибавляя свои соображенія о способахъ дѣйствія, онъ между прочимъ отмѣтилъ, что можно бы, пользуясь тихою погодою, обойти противника моремъ. Но сердце адмирала Апраксина лежало къ другому: перезимовать близъ Гангута, устроивъ магазинъ и укрѣпивъ гавань. Донесеніе заканчивалось словами: «мы сердечно желаемъ и просимъ Ваше Величество, чтобъ изволилъ милостиво насъ посѣтить и непріятельскій флотъ осмотрѣть и, по усмотрѣнію онаго состоянія, резолюцію учинить, не пропуская удобнаго времени. А ежели за какимъ случаемъ быть Ваше Величество къ намъ не изволите, то рабски просимъ наше дерзновеніе изволь милостиво оставить, а что намъ чинить, повели прислать милостивый указъ безъ умедленія» [267]).

Петръ видя свой галерный флотъ въ опасности, пустился въ путь. Плаваніе было крайне тяжелое. Въ темную ночь онъ былъ застигнутъ страшною бурей. Всѣ пришли въ отчаяніе, не зная, гдѣ берегъ. Петръ съ нѣкоторыми матросами бросился въ шлюпку, не слушая офицеровъ, которые на колѣняхъ умоляли его не подвергать себя такой опасности, самъ онъ взялся за руль и въ борьбѣ съ волнами, ободрялъ добрымъ окликомъ опускавшихъ руки гребцовъ: «Чего боитесь? Царя везете; съ нами Богъ», и Царь благополучно достигъ берега, гдѣ развелъ огонь, чтобы показать путь эскадрѣ, согрѣлъ сбитнемъ полумертвыхъ гребцовъ, а самъ весь мокрый, легъ и, покрывшись парусиной, заснулъ у костра подъ деревомъ [268]). 18 іюня Царь достигъ, наконецъ, Поркалаудда.

До него изъ Або прибылъ кн. М. М. Голицынъ съ пѣхотой. У Гангута на галерномъ флотѣ было теперь до $13\frac{1}{2}$ тыс. чел., около ста судовъ, при 1 тыс. «морскихъ служителей». Съ прибытіемъ Царя, все пришло въ движеніе. Настроеніе приподнялось. Всѣмъ руководилъ, конечно, самъ Петръ.

Сѣвернѣе Тверминне, у мызы Лоппикъ, русскіе усмотрѣли,—или точнѣе говоря, узнали отъ двухъ финновъ, вознагражденныхъ потомъ деньгами, перешеекъ въ 1170 саженъ, удобный для того, чтобы перетащить нѣсколько болѣе легкихъ галеръ сухимъ путемъ въ Рилакскій фіордъ (у простого народа фіельдъ). Приступили здѣсь къ устройству мостковъ—досчатой дорожки—для перетаскиванія по каткамъ галеръ черезъ перешеекъ. Полторы тысячи рабочихъ днемъ и ночью рубили лѣсъ, заготовляли уголь и пр. Имѣлось въ виду по бревенчатой мостовой, на особыхъ саняхъ, перетащить галеру по переволоку. Чтобы скрыть грандіозную работу отъ шведовъ, деревню Твермине заняли карауломъ,

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ ГАНГУТѢ.

жителей переписали и воспретили имъ выходъ изъ домовъ. Но скрыть работы не удалось и олеговскій замыселъ пришлось оставить. Адмиралъ Ватрангъ узналъ и принялъ мѣры. Вице-адмиралъ Лилье посланъ былъ съ частью шведской корабельной эскадры на юго-востокъ, въ обходъ нашего галернаго флота, а шаутбенахтъ Эрншельдъ къ сѣверной оконечности переволока. Эскадра Лилье отплыла нѣсколько, но была застигнута полнымъ мертвымъ штилемъ. Шведскія силы были разъединены и не имѣли возможность сблизиться. Петръ Великій превосходно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и послалъ двадцать своихъ скампавей, подъ начальствомъ лучшихъ моряковъ, капитановъ Змаевича и Бредаля, приказавъ имъ прорваться мимо шведовъ, т. е. пройти между эскадрами Ватранга и Лилье. Этотъ прорывъ былъ превосходно выполненъ. Шведы подняли тревогу, открыли стрѣльбу. Но наши суда, находясь внѣ ихъ выстрѣловъ, на веслахъ скользили по гладкой поверхности моря. Удача поощрила Царя повторить прорывъ. И 15 скампавей отрядовъ капитановъ Дежимантова и Гирса, а также бригадира Лефорта, послѣдовали по тому же пути, въ обходъ мыса. Шведы принялись буксировать свои корабли, чтобы сблизить эскадры и закрыть проходъ. Этимъ передвиженіемъ Ватрангъ обнажилъ фарватеръ близъ берега, чѣмъ вновь воспользовался Царь, двинувъ при штилѣ впередъ остальную часть своего галернаго флота. Смѣлый маневръ опять блистательно удался, гребцы не щадили своихъ силъ, и морская позиція шведовъ при Гангутѣ была обойдена.

Подвигъ былъ отчаянный. Впослѣдствіи въ журналѣ Петра Великаго, вообще про Гангутъ значилось: «и ежели-бъ придти близко, то трудная была-бы ретирада, а ежели появиться издали, то только-бъ былъ смѣхъ непріятелю». Skout-by-nacht Эрншельдъ, уходя отъ нашего галернаго флота, попалъ въ глухой Nitlaks-Fjärd, около самаго Рилакса. Здѣсь 27 іюля 1714 г. произошелъ жаркій бой. Адмиралу предложили сдаться. Онъ отказался. Взвился нашъ синій флагъ, раздался пушечный выстрѣлъ—сигналъ къ бою—и началась знаменитая Гангутская баталія. У шведовъ была сильная позиція, многочисленная артиллерія и храбрый адмиралъ, но только 940 чел. Русскихъ въ сраженіи участвовало 3245 чел. «Много пришлось перенести петровской пѣхотѣ за истекшіе два года войны. Боролась она съ суровой финляндской природой, проходила день за днемъ многочисленные «пассы», была на краю голода, исполняла «работу превеликую

на камняхъ гельсингфоргскаго рейда», обходила шведовъ на плотахъ у Пелкине, мерзла ночью подъ открытымъ небомъ Эстерботніи. Теперь отъ нея потребовалась новая жертва на морѣ при крайне трудныхъ условіяхъ. Противъ 80—90 шведскихъ орудій наши пѣхотинцы могли противопоставить 22—24 пушки. Приходилось абордировать фрегатъ и галеры съ небольшихъ скампавей, влѣзая снизу на верхъ, когда грозило сразу три смерти: отъ штыка, огня и воды [269]). Произошло упорное фронтовое столкновеніе. Два раза русскіе были отбиты. Но сзади ихъ подпирали новыми судами. Въ тѣсномъ Nitlaks-Fjärd образовалась сплошная масса судовъ, примыкавшихъ другъ къ другу бортами. Русскіе лѣзли на абордажъ. Шведы стрѣляли почти въ упоръ. Каждый невѣрный шагъ стоилъ воину жизни. Тѣснота была такъ велика, что нѣсколько русскихъ солдатъ были разорваны, не ядрами и картечью, а пушечнымъ пороховымъ духомъ. Обѣ стороны проявили чудеса храбрости. Наша пѣхота дралась отчаянно, поощряемая присутствіемъ Царя. Шведы не уступали. «Здѣсь, въ узкомъ проходѣ Рилаксъ-фьерда, пробивалась брешь въ старой морской славѣ шведовъ, и потомки славныхъ викинговъ не хотѣли уступить сынамъ ратей Олега»! [270]). Три часа продолжалась схватка. Сила шведовъ изсякла: они спустили флаги...

Бой кончился. Русскіе потеряли 127 чел. убитыми и 341—ранеными; шведы недосчитали 452 чел. убитыми, т. е. $^1/_3$ часть отряда, прочіе взяты въ плѣнъ съ адмираломъ Эриншельдомъ, котораго захватили гренадеры Ингерманландскаго пѣх. полка. Около Рилакса одна бухточка называется у мѣстныхъ жителей «Заливомъ убитыхъ», другая—«Заливомъ душъ», а одна горка—«Горой мертвыхъ» [271]). Въ Петербургѣ въ память побѣды при Гангеуддѣ воздвигнутъ храмъ св. Пантелеймона. 29 Іюля Царь писалъ къ адмиралтействъ совѣтнику А. В. Кикину: «объявляемъ вамъ какимъ образомъ всемогущею Господь Богъ рукою прославить изволилъ, ибо, по многодарованнымъ побѣдамъ на землѣ, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ... И тако сею, моею, николи у насъ бывшею викторіею васъ поздравляемъ [272]). Въ эту войну со шведами взяты были въ плѣнъ генералы и даже фельдмаршалы, но «флагмана не единаго». Теперь получили флагмана, что особенно радовало Государя. Гангутская баталія—начало славы русскаго флота. Россія заняла теперь мѣсто въ

Гангутскій памятникъ.

ряду морскихъ державъ. И всѣмъ этимъ она обязана прежде всего военному искусству Царя. Петръ Великій, который въ этой баталіи проявилъ не только рыцарскую храбрость, но и рыцарскія чувства. Царь дружески лобызалъ окровавленное чело храбраго плѣнника Эрншельда и оказалъ ему всевозможное вниманіе.

Въ сентябрѣ Царь отпраздновалъ свою морскую побѣду съ особой торжественностью. Изъ крѣпости произвели 150 выстрѣловъ. Въ тріумфальномъ шествіи по Невѣ приняли участіе шведскія суда, шведскіе плѣнные и трофеи. Побѣдные ворота были украшены замысловатыми изображеніями. Между прочимъ виднѣлся орелъ, сидѣвшій на слонѣ, и подъ нимъ была надпись: «русскій орелъ мухъ не ловитъ». Захваченный шведскій фрегатъ назывался слономъ («Элефантъ») и отсюда вытекало объясненіе рисунка. Ромадановскій пожаловалъ Петра въ сенатѣ вице-адмираломъ. На пиршествѣ у кн. Меншикова, Царь сказалъ (объ Эреншельдѣ) окружавшимъ: «Вы видите передъ собою храбраго и вѣрнаго слугу своему Государю, у котораго онъ удостоился высшей награды; и онъ долженъ также, до тѣхъ поръ пока будетъ у меня, пользоваться всевозможною и моею милостью, хотя онъ и много перебилъ храбрыхъ русскихъ»... Контръ-адмиралъ Эреншельдъ отвѣтилъ, что искалъ смерти (онъ получилъ семь ранъ), что русскіе сражались, какъ львы, что Царь изъ своихъ подданныхъ сдѣлалъ хорошихъ солдатъ.

Побѣды надъ шведами вообще праздновались Петромъ шумно, особенно въ Москвѣ. Такими торжествами преслѣдовались разныя цѣли: Петръ хотѣлъ поднять значеніе своихъ завоеваній и праздниками вліять на народъ. Примѣръ подали шведы своими торжествами по случаю Нарвской побѣды. Послѣ Гангутской побѣды въ Ревелѣ издана была брошюра, имѣвшая цѣлью возвысить въ глазахъ Европы морской успѣхъ русскихъ. Петръ завелъ обычай распространенія памфлетовъ.

Завоеваніемъ Финляндіи Россія много обязана своему шхерному флоту. Безъ него дѣло не спорилось. Шведы имѣли корабельный флотъ, у насъ его не было. Въ этомъ крылось ихъ громадное преимущество; но потомъ роли перемѣнились: у нихъ не оказалось шхерной флотиліи, которую Петръ создалъ во время самой борьбы.

У русскаго зарождавшагося Балтійскаго флота было много недостатковъ, но онъ показалъ себя способнымъ отразить нападенія на Котлинъ и отстоять устья Невы. Онъ существенно содѣйствовалъ нашимъ сухопутнымъ войскамъ, своевременно доставляя провіантъ, артиллерію и другіе предметы. На него, наконецъ, посажена была

цѣлая армія. Все это способствовало взятію Выборгской крѣпости, осадѣ Нарвы, Гельсингфорса и Риги. Все предвѣщало, что при ростѣ этого флота, шведы должны будутъ удалиться изъ Финскаго залива. При обширныхъ пространствахъ Финляндіи, при многочисленности ея озеръ и при дурномъ состояніи дорогъ нельзя было ни доставлять провіанта, ни эвакуировать больныхъ. Флотъ исполнилъ эти обязанности и, кромѣ того, охранилъ нашу армію отъ фланговыхъ нападеній. Флотъ явился поэтому однимъ изъ важнѣйшихъ условій успѣха. Однѣ сухопутныя силы едва-ли въ состояніи были бы справиться съ задачей покоренія края. Галерный флотъ далъ возможность нашей арміи обезвредить сильныя финляндскія позиціи, путемъ обхода ихъ на плавучихъ средствахъ [273]). Флотъ значительно увеличилъ самые переходы арміи.

Одинъ гребной флотъ, безъ прикрытія корабельнаго, не въ состояніи былъ серьезно угрожать берегамъ Швеціи. Но и корабельный флотъ создавался съ изумительной быстротой. Петръ достигъ того, что на Петербургской верфи строили не только галеры, но и фрегаты и линейные корабли.

Шведскій флотъ дѣйствовалъ вяло и неудачно въ теченіе всей войны: въ 1702 году онъ не подкрѣпилъ гарнизоновъ Невскихъ крѣпостей, въ 1704 г. онъ не сумѣлъ воспрепятствовать утвержденію на Котлинѣ, въ 1710 г. не выручилъ Выборга, въ 1712 г. только въ іюлѣ подошелъ къ Кроншлоту, когда провіантъ былъ уже доставленъ въ Финляндію.

Въ виду указанныхъ успѣховъ, Кампредонъ (въ 1723 г.) имѣлъ основаніе поздравить Петра «съ великимъ и прекраснымъ свойствомъ, которое произвелъ маленькій дѣдушка русскаго флота». Другой иностранецъ, видя, чьими исключительными заботами создавался флотъ, и узнавъ, что страсть Петра къ морю тяжело ложилась на русскую казну, предрекалъ, что «послѣ Петра этотъ флотъ пропадетъ яко цвѣтъ сельный».

Шведы гребного флота не имѣли. Въ этомъ кроется одна изъ причинъ ихъ пораженія. Русскіе овладѣли шхерами и тѣмъ разобщили шведскую армію отъ корабельнаго флота, который ограничился захватами отдѣльныхъ призовъ.

Здѣсь опять ярко проявилась геніальность Петра. Онъ быстро оцѣнилъ географическое положеніе Финляндіи и ея особенности. Шведы, давно владѣли Финляндіей, но не обратили должнаго вниманія на стратегическое значеніе приморскихъ укрѣпленій и финляндскихъ шхеръ. «Петръ, напротивъ, сразу оцѣнилъ выгоду,

представляемую шхерами тому изъ противниковъ, который будетъ владѣть многочисленнымъ гребнымъ флотомъ» [274]).

Моряковъ Петръ почти не имѣлъ, почему часто сажалъ на лодки своихъ молодыхъ гвардейскихъ солдатъ и съ ними шагъ за шагомъ пріобрѣталъ Финское побережье.

Въ 1722 г. Царь, въ оглавленіи морского устава, выразилъ глубокую, провѣренную имъ на практикѣ, мысль, что «всякій потентатъ, имѣющій единую только армію—единую руку имѣетъ, а имѣющій и флотъ и армію—обѣ руки имѣетъ». Борьба со Швеціей прекрасно оправдала это положеніе. Въ шхерной и прибрежной войнѣ не шведы были учителями Петра, а его геній далъ имъ блистательные примѣры защиты и завоеванія шхеръ.

Отъ Гангута русскій флотъ перешелъ въ Або, а затѣмъ къ Аланду (28 августа). Петръ покинулъ его 15 августа и вернулся въ Петербургъ. Пополнивъ запасъ провизіи, гр. Апраксинъ пошелъ шхерами въ Ботническій заливъ, желая очистить Финляндію отъ шведскаго войска, которое держалось еще на сѣверѣ, въ числѣ 5000 чел. [275]), подъ начальствомъ ген. Армфельта. Въ городѣ Вазѣ, куда флотъ пришелъ 9 сентября, рѣшено было послать генералъ-маіора Головина съ десятью скампавеями на шведскій берегъ Вестерботніи черезъ Кваркенъ. Онъ высадился (съ 800 чел.) въ 14 верстахъ отъ Умео; шведы разбѣжались по лѣсамъ, а мѣстечко Умео сгорѣло. Кто его поджегъ—неизвѣстно.

Въ сентябрѣ Армфельту отъ правительства изъ Стокгольма было доставлено отношеніе, въ которомъ не прямо повелѣвалось, но, повидимому, предлагалось, возможно скорѣе очистить Эстерботнію и моремъ перевести армію въ Швецію [276]).

Апраксинъ доходилъ съ флотомъ до Нюкарлебю, гдѣ стоялъ шведскій кавалерійскій постъ въ 500 человѣкъ. Постъ отступилъ. Генералъ Брюсъ слѣдовалъ въ то же время изъ окрестностей Тавастгуса съ кавалеріей вдоль берега и къ 16-му сент. дошелъ только до Вазы. Часть отряда Армфельта, состоявшая изъ финновъ, разошлась по своимъ домамъ. Почти совершенно разбрелись полки Саволакскій и Выборгскій.—Часть своихъ солдатъ Армфельтъ отправилъ моремъ въ Умео, а съ кавалеріей онъ остался въ Торнео, гдѣ расквартировалъ ее въ кирхшпилѣ Каликсъ. Асессоръ Фрисіусъ ѣхалъ впереди арміи, заготовляя провіантъ, и съ помощью населенія приспособлялъ переправы черезъ многочисленныя рѣки. Армфельтъ строго слѣдилъ за дисциплиной и, дабы предупредить побѣги, приказалъ при проходѣ ущелій, офицерамъ находиться при вой-

скахъ. Передвиженіе арміи крайне затруднялось тѣмъ, что масса бѣглецовъ уводили съ собой скотъ и скарбъ и, идя передъ войсками, преграждали имъ путь.

Хуже всего было то, говоритъ Армфельтъ, что армія была «голая».

Казаки преслѣдовали шведовъ отъ Нюкарлебю до Гамлекарлебю. Указаніе Царя такимъ образомъ было въ точности исполнено. Оставляя въ 1713 г. кн. Голицына въ Финляндіи, Петръ приказалъ стараться отбросить непріятеля къ Торнео и даже «выгнать съ берегу чрезъ море».

Апраксинъ повернулъ назадъ и въ Ништадтѣ (30 окт.) расположилъ суда (89) на зимовку. При нихъ было 461 чел. Плаваніе Апраксина и Головина было очень трудное. Галерный флотъ сильно пострадалъ осенью отъ бурь. Потонуло 16 галеръ и погибло около 300 чел. Самъ Апраксинъ разсказывалъ голландскому резиденту Де-Би, что въ теченіе четырехъ недѣль испытывалъ постоянныя бури и страдалъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что у него самого случалось не было хлѣба на столѣ. Апраксинъ утѣшался тѣмъ, что «эти бѣдствія ниспосланы были Богомъ», а не причинены непріятелемъ.

Дѣйствія нашего флота не остались безъ вліянія на Швецію. Стокгольмъ укрѣплялся; дворъ готовился къ выѣзду.

Въ Ноябрѣ 1714 г. Карлъ XII прибылъ изъ Турціи въ Стральзундъ. Надежды шведовъ оживились. Шведскіе корсары, поощряемые королемъ, стали захватывать купеческія суда. Около Стокгольма было собрано до 16 тыс. войска [277]).

Осеннимъ походомъ 1714 г. закончилось завоеваніе Финляндіи, которая затѣмъ, вплоть до заключенія мира, оставалась подъ русской властью. Потеря Финляндіи затруднила въ послѣдующіе года защиту самой Швеціи, но одновременно завоеваніе этого края досталось Петру послѣ большихъ затратъ и усилій.

Въ концѣ 1714 года отрядъ полковника Манштейна дошелъ до Улеоборга. Онъ, какъ человѣкъ умѣренный, желалъ прекращенія самовольства и притѣсненій. Тѣмъ не менѣе казаки распространяли ужасъ на сѣверѣ, доходя до Торнео. Захватили пастора въ Ильмола Бартольда Ваэль (Whael) и студента Гавріила Пельдана и плѣнными ихъ доставили въ Або.

Въ 1715 г. Петръ заключилъ конвенцію съ Даніей. Предполагалось общими силами произвести высадку на южный берегъ Швеціи—Сканію (Сконэ). Планъ этотъ не былъ однако осуществленъ.

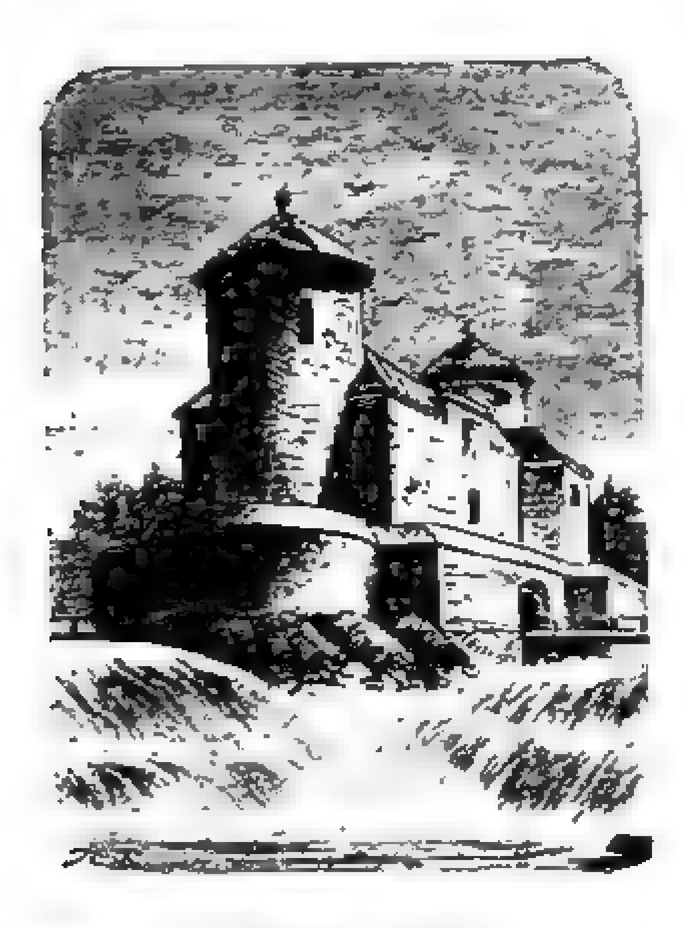
Въ теченіе 1715 г. въ Финляндіи рѣшительныхъ дѣйствій не было. Вдоль берега отъ Гельсингфорса до Христіанштадта посылались разъѣзды, кромѣ того ходили вооруженныя «островскія лодки».

Съ Аланда на галерахъ Голицынъ посылалъ на шведскій берегъ генералъ-маіора Балка; его экспедиція была безрезультатна. Искали «языковъ», но безуспѣшно.

Пытались взять Каяну,—замокъ основанный въ 1607 г.,—но неудачно. Однако этотъ малый утесъ среди разъяренныхъ волнъ продержался не долго. Въ «сказкѣ о службѣ» (поданной въ 1743 г.) А. И. Румянцевъ писалъ: «въ 1715 году по имянному Е. И. Величества указу посланъ былъ въ Финляндію для взятія города Каянбурха, гдѣ было въ командѣ моей четыре полка драгунъ и два баталіона пѣхоты, который городъ тогда мною и взятъ»... [278]).

Резидентъ брауншвейгскій Веберъ слыхалъ, что во время войны шведскій комендантъ Каянебурга состоялъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ пограничными русскими. Отъ самого Царя Веберъ узналъ, что такія же хорошія отношенія существовали въ г. Колѣ между шведами, русскими, датчанами и «лапонцами» [279]).

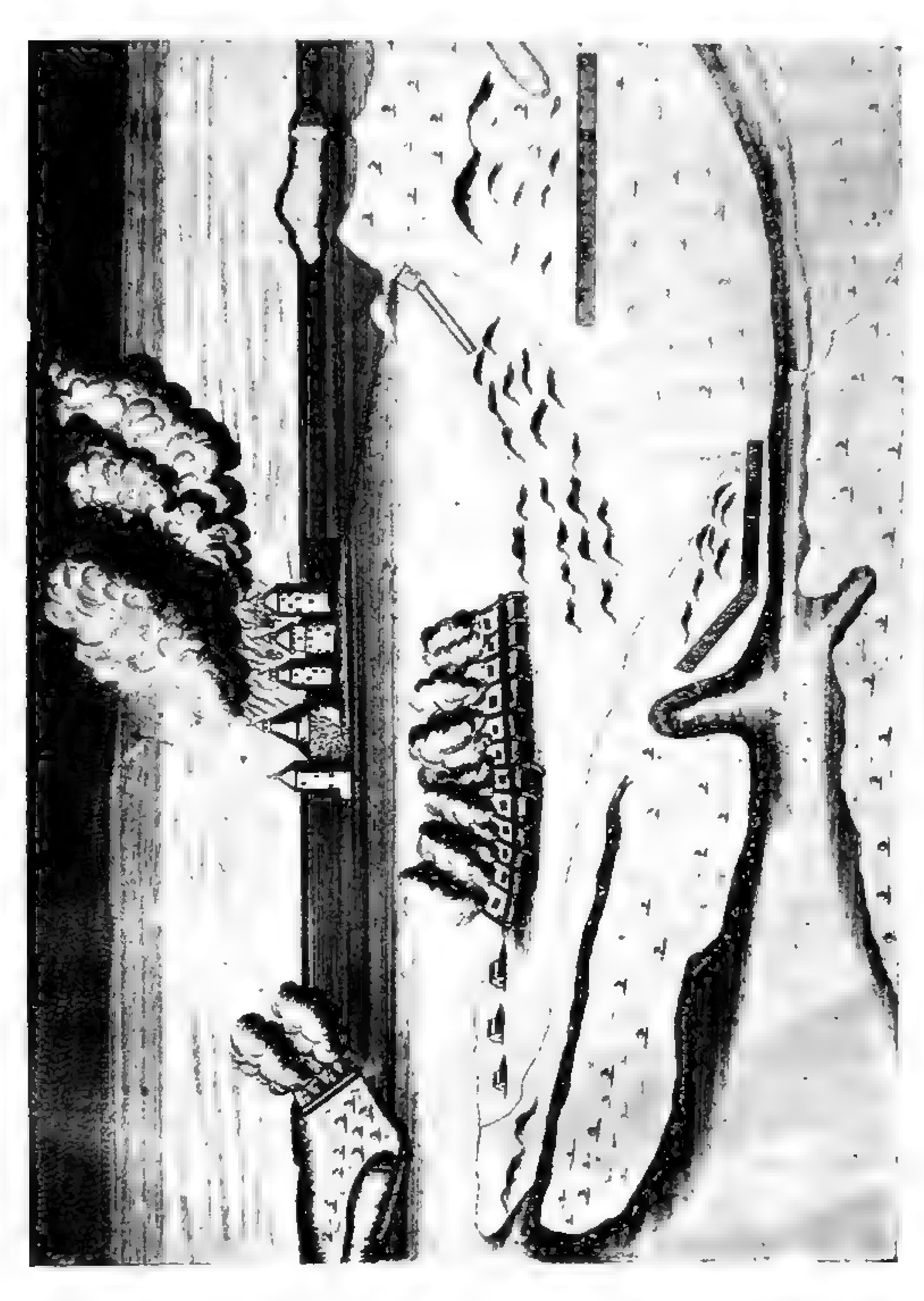
Остается представить перечень главныхъ послѣдующихъ событій. Въ теченіе лѣта 1716 г. русскія суда напрасно простояли у Аланда, ожидая датчанъ, которые своимъ корабельнымъ флотомъ должны были прикрыть нашу высадку въ Швеціи. Въ Августѣ 1716 г. бригадиръ фонъ Менгденъ на 18 судахъ разорилъ мѣстечко Оренгрундъ и находившіеся около него желѣзные заводы. Отрядъ маіора Кисленскаго на 7 лодкахъ ходилъ къ острову Гренсундъ (или Біёркъ-э). Шведы не оставались въ долгу и своими каперами безпокоили наши берега. По словамъ Апраксина: «какъ дьяволы у Гангеудда и Юнгферзунда вертѣлись» и увели нѣсколько маркитантскихъ судовъ [280]). Въ Октябрѣ 1716 г. нашъ флотъ вернулся въ Або на зимовку.

ЗАМОКЪ КАЯНА.

Что-же предстояло дѣлать далѣе? Датчане опоздали съ своею помощію, и потому не оставалось иного способа «только что отъ

Аланда непріятеля утѣснить», какъ говорилъ Царь въ своемъ указѣ сенату 7 окт. 1716 г., предписывая ему «приготовленіе чи-

НИШЛОТЪ.

нить» [281]). Это приказаніе было повторено 25 дек. 1716 г. и для будущей кампаніи въ финляндскій корпусъ надлежало выслать рекрутъ.

1717 годъ ушелъ на безплодные дипломатическіе переговоры. Мысль о томъ, чтобы «отъ Аланда непріятеля утѣснить» не покидала Царя, и потому онъ повелѣлъ «всякое приготовленіе чинить, только не усните, такъ какъ въ нынѣшней (1716 г.) кампаніи» [282]). Приготовиться было нелегко: негодныя галеры нужно было замѣнить новыми. Кавалерія, вслѣдствіе большой убыли въ лошадяхъ, уменьшилась на столько, что изъ 8 драгунскихъ полковъ можно было составить только пять.

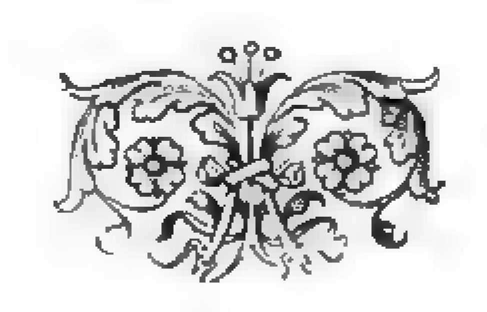

НА ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ (и Лифляндіи).

Шведы были еще болѣе разстроены и не дерзали напасть.

Въ 1717 г. генералъ-маіоръ Чекинъ получилъ указъ отправить полковника съ 600 конныхъ драгунъ и всѣхъ казаковъ, находившихся въ Або, «къ Торну (Торнео), первое, для конфузіи непріятелю, другое—для содержанія людей, вспомогая провіанту, и лошадей. Понеже Государь, Вестеръ-Ботніо все съ обѣихъ сторонъ опустошено, а больше отъ непріятеля». Посланный полковникъ, черезъ Торнео, вступилъ въ шведскую землю и дошелъ до мѣстечка Луны (Лулео), разогнавъ непріятельскія заставы [283]).

Обладаніе Финляндіей дало Петру прекрасное исходное положеніе для дѣйствій противъ Швеціи...

Петръ I и Карлъ XII

VII.

Побѣжденные и побѣдители.

Пеструю картину представляла Швеція въ годы царствованія Карла XII. Въ городахъ жили тысячи плѣнныхъ разныхъ народностей, страна была переполнена бѣглецами изъ Финляндіи и Прибалтійскихъ провинцій. Нѣмецкіе и польскіе офицеры служили подъ шведскими знаменами. Гетманъ Орликъ спасался тамъ отъ царскаго гнѣва. Гольштинскій министръ распоряжался ея финансами. Туда же съѣхались англійскіе, французскіе и итальянскіе кредиторы короля [284]).

Во главѣ государства стоялъ крайне самовольный правитель, который, вступая на престолъ, не произнесъ установленной королевской присяги, въ продолженіе своего царствованія ни разу не созвалъ риксдага и безъ сословныхъ представителей измѣнилъ податную систему. Нуждаясь для своихъ безпрерывныхъ войнъ въ людяхъ и деньгахъ, онъ собиралъ ихъ насильственно, при содѣйствіи вице-фохтовъ и контрибуціонныхъ рентмейстеровъ. Покинувъ государство, онъ повелѣлъ докладывать всѣ дѣла преимущественно двумъ коллегіямъ, не оставивъ имъ надлежащихъ инструкцій. Карлъ XII пытался иногда управлять королевствомъ изъ своей походной палатки, но его вмѣшательство вносило только хаосъ въ администрацію [285]).

Войны Карла совершенно разстроили государство: деревни опустѣли отъ наборовъ, морская торговля прекратилась, порты стояли пустые, таможни не давали дохода. Въ мастерскихъ прекратились работы, за неимѣніемъ средствъ для ихъ освѣщенія. Чиновники сидѣли безъ дѣла, не имѣя перьевъ и бумаги. Въ богатомъ городѣ Гефле въ 1719 г. осталось одно небольшое тор-

говое судно. Дворяне уже въ 1704 г. стали продавать свои имѣнія за стоимость накопившихся на нихъ недоимковъ. Старые пасторы, лишившись доходовъ, вслѣдствіе раззоренія крестьянъ и поставки солдатъ, должны были сами возить дрова, чистить конюшни, пахать землю. Служащіе уже въ 1700 г. получили только половину своего жалованья, а въ 1704 г. лишь четверть. Поступленія изъ Балтійскихъ провинцій и Финляндіи, занятыхъ русскими оккупаціонными войсками, прекратились. Долгъ колоссально возросъ. Займы не производились за полнымъ отсутствіемъ кредита. Не помогла и «скорбная монета» или талеръ Герца. Только въ 1706—1707 г. г., послѣ завоеванія Саксоніи и Польши, громадная контрибуція дала королю возможность успокоить голодавшихъ чиновниковъ.

Взамѣнъ пышныхъ прокламацій о побѣдахъ при Нарвѣ и Двинѣ, о Фрауништадтѣ и Клисовѣ, взамѣнъ непріятельскихъ знаменъ и пушекъ, торжественно принятыхъ ликующимъ народомъ, вскорѣ появились приказанія о новыхъ рекрутскихъ сборахъ и налогахъ. Чтобы имѣть монету, выпущены были мѣдные денежные знаки. Всѣ средства пополненія походной казны и рядовъ войска были испробованы. Карлъ прибѣгалъ къ помощи банка, иностранныхъ займовъ, къ чрезвычайнымъ налогамъ, къ залогу государственной собственности, къ дополнительной доставкѣ рекрутъ всѣми сословіями, къ выдачѣ государственныхъ долговыхъ росписокъ разнаго рода и къ выпуску безцѣнныхъ денежныхъ знаковъ, къ обязательной поставкѣ съѣстныхъ припасовъ и къ принудительнымъ займамъ [285]). Рѣшили взимать налогъ съ печей, со всѣхъ крестьянскихъ повозокъ, съ париковъ [286]).

Главнымъ двигателемъ финансоваго дѣла явился извѣстный Герцъ. Первая грамота о новой монетѣ относится къ 14—25 марта 1715 года. Король заявилъ, что недостатокъ въ звонкой монетѣ принудилъ его прибѣгнуть къ выпуску мѣдной монеты или мѣдныхъ денежныхъ знаковъ. Внутренняя ихъ цѣнность не сходилась съ номинальною, и потому вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ ряду понудительныхъ мѣръ, дабы побудить населеніе брать эти денежные знаки. Чтобы имѣть металлъ для этой монеты, король предписалъ Каммеръ-Коллегіи скупать всю мѣдь, находившуюся въ частныхъ рукахъ. Остались только колокола въ церквахъ, единственныя металлическія издѣлія, до которыхъ, неутомимый въ отыскаліи новыхъ источниковъ для пополненія казны, Герцъ не дотронулся, опасаясь гнѣва набожнаго короля [287]). Въ разныхъ грамотахъ

появлялись повелѣнія Карла XII, безпощадно наказывать всѣхъ, кто не принималъ денежныхъ знаковъ или возвышалъ цѣны своихъ товаровъ.

Слѣдующимъ шагомъ шведскаго правительства явилось принужденіе всѣхъ насильственно продавать свой товаръ. Когда и это не помогало, правительство прибѣгло къ искуственному устройству торговли. Владѣльцы всѣхъ товаровъ должны были продавать ихъ въ казну по таксѣ и за денежные знаки. Для всѣхъ товаровъ были учреждены казенные магазины. Каждый крестьянинъ поставлялъ для нихъ опредѣленное количество ржи, сѣна и пр. Потомъ (въ 1717 г.) всѣхъ обязали составлять опись находившихся у нихъ хлѣба, соли и т. д. Въ Стокгольмѣ 18 лицамъ, коихъ сопровождали солдаты, поручено было посѣщать всѣ амбары и кладовыя. Незадолго до своей кончины Карлъ XII запретилъ земледѣльцамъ покупать болѣе зерна, чѣмъ было необходимо для посѣва [288]). Короче, правительство Карла XII регламентировало каждый шагъ своихъ подданныхъ.

Налоги росли съ ужасной быстротой [289]).

Назначенный министромъ финансовъ и вставъ во главѣ новаго финансоваго управленія, Герцъ обращался съ Швеціею, какъ съ осажденнымъ городомъ. Всѣ крупныя и крутыя мѣры оправдывались тѣмъ, что «Швеція со всѣхъ сторонъ окружена врагами и уподобляется осажденной крѣпости, гдѣ частные интересы должны быть приносимы въ жертву общему благу».

Результаты получились, конечно, самые печальные. Внѣшняя торговля почти прекратилась. Трудъ и бережливость не приносили болѣе никакой пользы. Во многихъ частяхъ Швеціи люди питались древесною корою, такъ какъ только третья часть пахатной земли обработывалась. Горное искусство и промышленность пришли въ упадокъ. Французскій посланникъ писалъ 16 іюня 1717 года: «Герцъ сказалъ, что если враги теперь сдѣлаютъ нападеніе на Швецію, то они завоюютъ только пустыню».

Нелегко доставались деньги. Еще затруднительнѣе заполнялись ряды войска. Случаи сопротивленія при сборѣ рекрутъ и налоговъ, первоначально рѣдкіе, стали учащаться; въ нѣкоторыхъ областяхъ вспыхнули мятежи, при чемъ народъ силою отбиралъ провіантъ, собранный для войска, и изгонялъ сборщиковъ податей [290]).

Король получалъ и солдатъ, и деньги, но страна опустѣла. Въ 1717 г. въ одной Швеціи умерло 60.000 дѣтей. Число го-

родскихъ обывателей уменьшилось въ 1719 г. на двѣ трети противъ 1701 г. Изъ 1.200 гвардейскихъ солдатъ было 500 больныхъ. На улицахъ Стокгольма нерѣдко находили трупы людей, умершихъ голодною смертью.

Къ принудительной поставкѣ сѣна, соломы, хлѣба и мяса, лошадей и повозокъ, къ принудительнымъ займамъ и рекрутскимъ наборамъ присоединился принудительный постой войска, которое расквартировывалось во время зимы по городамъ и селамъ, съ возложеніемъ на гражданъ обязанности содержать солдатъ безъ вознагражденія отъ казны.

Уже въ 1712 г. положеніе страны было таковое, что французскій посланникъ донесъ своему правительству: «бѣдствія превзошли всѣ границы, и я не понимаю, какимъ образомъ Швеція перенесетъ это время» [291]).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1718 г. пронеслась вѣсть о смерти Карла XII. Это извѣстіе было встрѣчено въ Швеціи съ нескрываемымъ чувствомъ облегченія. Для всѣхъ было ясно, что въ лицѣ Карла Швеція хоронитъ послѣдняго короля-завоевателя, и что впредь иной геній будетъ руководить судьбами государства.

Русскіе довольно легко прослѣдовали по южной Финляндіи и поднялись до Эстерботніи. Послѣ паденія Выборга, въ краѣ не имѣлось крѣпостей, которыя могли-бы оказать имъ серьезное сопротивленіе. По мѣрѣ того, какъ русскіе наступали, мѣстное населеніе удалялось. Чиновники, духовенство вмѣстѣ съ епископомъ, и всѣ болѣе или менѣе состоятельные люди переѣхали въ Швецію или на Аландъ, бѣдное населеніе разбѣжалось по лѣсамъ, или скрывалось въ Эстерботнію.

Самымъ большимъ несчастіемъ для Финляндіи явилась слабость мѣстной власти. Правительство отдало распоряженіе, чтобы цѣнное имущество, въ родѣ колоколовъ, люстръ и т. п., изъ прибрежныхъ округовъ перевозилось въ Швецію, а во внутренней Финляндіи—зарывалось въ землю. Абоскій гофгерихтъ приготовился къ переселенію въ Эстерботнію. Государственная касса была пуста, почему въ Финляндіи отобрали даже малѣйшія церковныя сбереженія.

Епископъ Іоганнъ Гецеліусъ (младшій) отправился въ Стокгольмъ на засѣданіе риксдагской комиссіи, а затѣмъ остался

въ Швеціи, почему тѣ, которыхъ надлежало рукоположить въ пасторы, должны были ѣздить туда. Епископъ Выборгской епархіи Давидъ Лундъ также самовольно отлучился съ своего поста. Только временныя консисторіи, учрежденныя въ Борго и С.-Михелѣ для надобностей восточной части края, оставались въ Финляндіи во время войны.

Безпорядокъ царилъ во всемъ и деморализація охватила всѣхъ. Чиновники получали половину (и менѣе) своего жалованья, что побуждало ихъ злоупотреблять своею властью и притѣснять народъ разнаго рода незаконными поборами. Король и высшія власти находились далеко, почему сдерживать подчиненныхъ некому было. Офицеры и финскіе солдаты также безнаказанно своевольничали. Со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на фохтовъ и другихъ сборщиковъ податей, требовавшихъ незаконныхъ взносовъ, или употреблявшихъ казенныя средства на собственныя надобности, но жалобы оставались не разсмотрѣнными.

Гражданскіе чины, особенно пасторы, герадсгевдинги, фохты и ленсмана играли въ то время значительно большую роль, въ качествѣ представителей государства и народныхъ руководителей, чѣмъ теперь. Если жители средней и сѣверной части Кексгольмской губерніи, не будучи еще завоеванными (въ 1710 г.) русскими, признали верховенство Царя, то благодаря вліянію пасторовъ въ Піелисѣ, Либелицѣ и Раутаіярви. Подобную-же роль, хотя и не въ такой мѣрѣ, сыграли, кажется, многіе изъ ихъ сослуживцевъ и въ другихъ мѣстахъ Финляндіи въ 1713 г.

Населеніе было недовольно не только фохтами и сборщиками податей, но и арендаторами казенныхъ дворовъ, и это выражали явными возстаніями. Такъ, въ 1710 г. крестьяне поднялись въ кирхшпиляхъ Піелисъ и Нурмисъ противъ арендатора, маіора Симона Аффлекъ (Affleck), а въ 1713 г. крестьяне докончили начатые русскими грабежи въ южной части Абоской губерніи, причемъ до основанія было ограблено имѣніе Тюкё (Tykö) [292].

Первоначально ужасы войны были занесены на сѣверъ Финляндіи торговыми интересами. Эстерботнія долго оставалась въ сторонѣ отъ непосредственнаго вліянія войны, въ виду того, что изъ Саволакса и Кареліи не было проложено къ ней лѣтнихъ дорогъ; особенно мирно текла жизнь въ городѣ Каянѣ. Старинный торговый путь, который изъ Россіи велъ вдоль водныхъ системъ въ кирхшпиляхъ Соткамо и Пальдамо къ Каянѣ, и дальше отсюда къ Улеобургу, былъ открытъ для сношеній и еще въ

1711 г. русскіе и финскіе купцы могли встрѣчаться на ярмаркахъ въ Каянѣ. Торговля этихъ мѣстностей не только не пострадала, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій послѣдняго десятилѣтія, но скорѣе возросла. Окрестности Улеоборга обыкновенно получали соль, сало, сукна и пр. черезъ Бѣлое море. Въ виду войны, морская торговля въ прибрежныхъ частяхъ Финляндіи, конечно, уменьшилась, и это обстоятельство содѣйствовало оживленію торговаго обмѣна съ сѣверомъ черезъ Эстерботнію.—Въ 1703 г. пограничные жители, съ согласія своихъ правительствъ, заключили между собою пограничный договоръ, подъ покровомъ котораго въ окрестностяхъ Каяны мирно продолжались торговыя сношенія.

Случилось такъ, что зимой 1711 г. четверо крестьянъ доставили въ Каяну съ русской стороны партію (въ 5 тыс. аршинъ) сермяжнаго сукна (vadmal), которая была въ установленномъ порядкѣ досмотрѣна въ таможнѣ. Но такъ какъ сукно не пріобрѣло сразу покупателей, то оно сохранялось до болѣе удобнаго случая. Въ это время товаръ конфисковали, подъ предлогомъ, что онъ былъ провезенъ якобы контрабанднымъ способомъ. Этотъ поступокъ, совершенно не согласовавшійся съ установившимся обычаемъ, не былъ одобренъ обществомъ и побудилъ пострадавшихъ крестьянъ прибѣгнуть къ мести. Крестьяне сговорились съ сосѣдями. Изъ Кексгольма они получили оружіе. Кромѣ того, изъ этого города къ нимъ присоединилось нѣсколько офицеровъ и солдатъ. Въ мартѣ 1712 г. вся эта дружина изъ русскихъ крестьянъ и солдатъ, руководимая полковникомъ, двинулась въ Каяну. Къ нимъ присоединились еще мѣстные крестьяне изъ Піелиса, возставшіе противъ своего арендатора Симона Аффлекъ. Такимъ образомъ началась «сермяжная война» (vadmalskriget). Одна часть отряда (въ 200 чел.), дойдя до границы остановилась; но другая — въ 140 чел. — вошла въ приходъ Пальдамо и городъ Каяну. Тутъ они разсыпались, запаслись богатой добычей и плѣнными, и произвели грабежи, пожары и убійства, не пощадивъ ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. — Домъ Симона Аффлека былъ разграбленъ, а семья его уведена въ плѣнъ въ Россію.—Замка въ Каянѣ они не тронули, несмотря на то, что въ немъ находился только старый комендантъ и четыре сторожа. — Въ 1713 г. пограничный договоръ (1703 г.) былъ возобновленъ и жители Піелиса принуждены были подчиниться власти маіора Аффлека.

Вслѣдствіе поступленія крестьянъ въ ряды войска, число рабочихъ рукъ значительно уменьшилось. Поля оставались необработанными. Земли забрасывались съ первыхъ лѣтъ войны.

«И прежде чѣмъ война перешла въ Финляндію, населеніе ея было уже разорено. Гр. Ниродъ (въ 1710—1711 г. г.) «дѣйствовалъ, какъ въ непріятельской землѣ; фохты были сдѣланы отвѣтственными за налоги, почему они для сбора ихъ пользовались солдатами; болѣе зажиточные должны были платить за бѣдныхъ; вообще же брали, у кого только могли взять» [293]).

Финляндія страдала тогда недостаткомъ населенія. Кромѣ усиленныхъ наборовъ, населеніе сокращалось и голодомъ, и холодомъ. Неурожаи составляли почти обычное явленіе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, но особенно тяжело они отозвались въ 1708—1710 г. г. За это время въ сѣверной и средней полосѣ Финляндіи крестьяне и помѣщики доведены были недородомъ до критическаго положенія. Въ 1708 г. нужда была такъ велика, что въ Саволаксѣ крестьяне охотно поступали въ драгуны, чтобы имѣть кусокъ хлѣба [294]). Въ 1709 г. за рожь платили по 20 и 30 талеровъ. Въ 1711 г. урожай былъ хорошъ, и онъ въ значительной мѣрѣ облегчилъ общую участь; но зато южная прибрежная часть края пострадала отъ свирѣпствовавшей чумы, занесенной изъ Эстляндіи. Чума похитила тысячи людей изъ населенія, которое и до нея было весьма рѣдкимъ. Указывали, что въ одномъ Або изъ семи тысячъ—ея жертвами пало двѣ тысячи человѣкъ. Въ то же время четвертую часть города уничтожилъ пожаръ. Приходъ Янаккала былъ почти весь опустошенъ ужасной болѣзнью. Къ счастью, тяжелое время чумы, сохранившееся въ народной памяти подъ именемъ «большой смерти», продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Бѣдность и нищета были повсемѣстными. Даже церкви часть своихъ доходовъ отдавали на военныя надобности. Торговля и промышленность сократилась до minimum'а, понизивъ въ свою очередь общее благосостояніе. Обыватели нѣкоторыхъ городовъ жили нищенствомъ или искали работы у крестьянъ.

По разсказамъ русскаго офицера, сообщеннымъ брауншвейгскому резиденту Веберу, положеніе Финляндіи было крайне бѣдственное: крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ не имѣли вовсе хлѣба и питались древесною корою. Въ этой странѣ нѣтъ даже селеній, а лишь отдѣльныя, тамъ и сямъ разбросанныя избы, и на пространствѣ 4 и 5 миль приходится по одному только священнику» [295]).

Въ поголовномъ почти бѣгствѣ финны руководились отчасти повелѣніемъ короля, удаляться изъ областей, которыя попадутъ въ руки русскихъ, отчасти слухами и прежними представленіями о дикости побѣдителей и ихъ жестокомъ обхожденіи съ покоренными.—Прежняя многовѣковая борьба между Русью и Швеціей тяжело отозвалась на Финляндіи, такъ какъ на ея почвѣ сталкивались враждовавшія племена, поливая ее кровью, покрывая трупами, пепломъ и развалинами. Кто-бы ни побѣждалъ въ этихъ столкновеніяхъ, поля финновъ оказывались потоптанными, избы разрушенными. Отсюда мрачное представленіе финна о русскомъ человѣкѣ. Въ немъ финнъ привыкъ видѣть виновника своихъ бѣдъ и неудачъ, а въ шведахъ—союзниковъ и заступниковъ. Преданія финновъ обыкновенно представляли русскихъ сильными и богатыми завоевателями, но въ то же время жадными и жестокими, истреблявшими дѣтей бѣдной Суоми, грабившими населеніе, топившими корабли.

Путь войны нигдѣ, конечно, не посыпался розами. Въ тѣ времена излишней сентиментальности ни шведы, ни русскіе не проявляли. У насъ, какъ и у нихъ, сохранилось тогда еще правило—раззорять театръ военныхъ дѣйствій. Это правило особенно примѣнялось въ періодъ двадцатилѣтней «свейской войны». Раззоряли одинаково, какъ Карлъ XII, такъ и Петръ I. «Вся Польша раззорена шведомъ въ конецъ»,—писалъ Царю кн. Долгорукій, въ концѣ іюля 1702 г. [296]). Тактика Любекера и К. Армфельта сводилась также къ тому, чтобы противопоставить русскимъ бѣдность страны, какъ тормазъ въ ихъ наступательномъ движеніи.

Ни своей, ни чужой земли Карлъ не жалѣлъ. Его войско жило преимущественно поборами съ занятой области. Отсюда грабежи и мародерство. Поборы принимали у него ужасающіе размѣры. Инструкціи Карла часто были безчеловѣчны. Однажды король писалъ Стенбоку: «Всѣхъ поляковъ, которые вамъ попадутся, вы должны принудить волею или неволею принять нашу сторону или же такъ раззорить ихъ, чтобы они еще долго помнили посѣщеніе козла (каламбуръ съ именемъ генерала). Вы должны напрягать крайнія усилія, чтобы, какъ можно больше, выжать, вытащить и сгрести». Въ письмахъ къ Реншельду Карлъ говорилъ: «Если вмѣсто денегъ, вы будете брать какія либо вещи, то вы

должны оцѣнивать ихъ ниже стоимости для того, чтобы возвысить контрибуцію. Всѣ, кто медлитъ доставкой или вообще въ чемъ нибудь провинится, должны быть наказаны жестоко и безъ пощады, а дома ихъ сожжены. Если станутъ отговариваться, что поляки у нихъ уже все отняли, то ихъ слѣдуетъ принудить еще разъ платить и вдвое противъ другихъ. Мѣстечки, гдѣ вы встрѣтите сопротивленіе, должны быть сожжены, будутъ ли жители виноваты или нѣтъ». Этотъ приказъ не единственный. Привели, напримѣръ, плѣнныхъ. «Мертвая собака не кусается», сказалъ король—и плѣнныхъ изрубили. Состраданія онъ не зналъ.

«Раззореніе и истощеніе края вызывалось у Карла не только необходимостью продовольствовать армію, но и желаніемъ вселить въ обывателяхъ возможно болѣе страха передъ шведами. Въ Митавѣ шведы выбросили изъ гробовъ и ограбили тѣла Курляндскихъ герцоговъ» [297]).

Это привело къ необычайной черствовсти, жестокости и къ ненужному пребыванію войска въ извѣстной мѣстности. Въ Гельсбергѣ шведы въ 1704 г. занимали хорошія квартиры. Король остается въ городѣ только по той причинѣ, что желаетъ «использовать ихъ вволю». Реншельду предписываетъ онъ организовать запасы «какими бы средствами таковые ни добывались и сколько-бы край отъ того ни пострадалъ». Король посылаетъ конницу для наказанія непокорныхъ обывателей и для взиманія контрибуціи огнемъ и мечемъ, причемъ высказывается, что «пусть лучше пострадаетъ невиновный, нежели виновный уйдетъ отъ кары».

Въ августѣ 1703 г. Карлъ писалъ Реншельду: «Тѣ обыватели края, которые попадутъ въ ваши руки и въ отношеніи коихъ существуютъ малѣйшія подозрѣнія въ невѣрности, должны, хотя бы уличены были лишь наполовину, быть немедленно вѣшаемы, дабы напалъ на нихъ страхъ и знали бы, что если мы за нихъ примемся, то не будутъ пощажены и младенцы въ колыбели».

Съ годами Карлъ изъ веселаго и добродушнаго юноши дѣлался все болѣе замкнутымъ, суровымъ, даже жестокимъ воиномъ. Разбивъ русскихъ подъ Нарвою, онъ съ презрѣніемъ говоритъ: «Если бы на рѣкѣ былъ ледъ, не знаю, удалось ли бы намъ убить хоть одного русскаго».

Кровавымъ пятномъ лежитъ на имени Карла также жестокая казнь Паткуля. Карлъ отправилъ къ Петру Мейерфельта съ просьбой отпустить Пипера. Петръ отказалъ. «Хорошо, — сказалъ

Карлъ,—что и Мейерфельта не задержали, какъ я часто дѣлалъ съ посланными ко мнѣ». Въ выводѣ правъ Кирхгофъ, сказавъ, что злѣйшими врагами Карла были его упрямый и жестокосердный характеръ [298]). Таковъ былъ шведскій коронованный соперникъ Петра Великаго.

О поведеніи Петра и его сподвижниковъ на полѣ брани говорятъ слѣдующіе факты: «Если Богъ Всемилостивый допуститъ въ непріятельскія жилища, людей брать-ли и жилища раззорять-ли?»—спрашивалъ гр. Ѳ. М. Апраксинъ у Царя, готовясь къ финляндскому походу. Резолюція Петра гласила: «Туда идучи не раззорять, а назадъ и раззорять, и брать» [299]). Въ другомъ указѣ Царя говорилось: «непріятеля сыскать и утѣснить и передъ непріятелемъ миль 10 и больше сколько можно къ предбудущей компаніи пусто оставить, чтобы непріятель не могъ имѣть себѣ пространныхъ квартиръ».

Таковы общія правила. Слѣдуя имъ, русскія раззоряли територіальную полосу и истощали мѣстныя средства [300]). Въ 1702 г. Шереметевъ ради стратегическихъ цѣлей сильно раззорилъ Лифляндію. Особенно строго они исполняли указанныя требованія въ первые годы войны послѣ нарвскаго пораженія. Но въ то время, когда Петръ направлялъ свои войска къ Або, онъ руководился уже иными воззрѣніями. Онъ велѣлъ идти впередъ «не для раззоренія, а чтобы овладѣть» краемъ. Въ августѣ 1712 г. гр. Ѳ. М. Апраксинъ получилъ отъ Царя письмо, въ которомъ читаемъ: «Чаю, я говорилъ съ вами, чтобы вамъ назадъ идучи раззорять «Ѳинляндию», но.... того ради извольте всѣ мѣры приложить—дабы войску нашему зимовать въ Финляндіи и для того не раззорять, но хорошо мужиковъ содержать» [301]). По отношенію къ жителямъ Курляндіи, Петръ I предписываетъ: заказать подъ смертію «всѣмъ, а паче начальнымъ, чтобъ отнюдь никакова раззоренья и озлобленья курляндчикамъ не дѣлали, и не озлобляли, и ничего бъ не брали, развѣ по нуждѣ крайнему, провіанту» [302]). По взятіи Дерпта предписано было: «у чухонъ досматривать, чтобы кто изъ нашихъ какія обиды имъ не чинилъ». Иначе говоря, тактика мѣнялась въ тѣхъ случаяхъ, когда Петру нужна была покорность жителей, повиновеніе ихъ русскому начальству. Для достиженія послѣдней цѣли, разосланы были универсалы. Населеніе предупреждалось, что только въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, будутъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, отбирать имущество и брать въ плѣнъ. Раззорять запрещалось, жечь строенія нельзя было, развѣ

только въ случаѣ отступленія русскихъ передъ непріятелемъ [303]). Вотъ чего требовалъ въ это время «воинскій резонъ». Это уже не безсмысленное варварство, а система дѣйствія [304]). Гр. Ѳ. М. Апраксинъ, разрѣшая брать контрибуціи прибавлялъ: «которые по универсаламъ заплатили, кромѣ обычной нужды, отнюдь не брать, чтобы показать тѣмъ другимъ образъ» [305]). Еще нѣсколько позднѣе (въ 1719 г.) Царь издалъ слѣдующій указъ: «Когда будутъ пойманы изъ знатныхъ, хотя изъ неслуживыхъ, таковыхъ приводить къ господамъ командирамъ. А господамъ командирамъ принимать ласково и отдавать шведамъ манифесты и приказывать, чтобъ объявляли народу, что Его Величество изволитъ воевать не для кровопролитія крови, но для раззоренія земли, дабы тѣмъ склонить шведскіе чины къ миру, которые не хотятъ миру для своихъ корыстей, а не для интересу короны шведской» [306]).

«Самое бѣдственное время, выстраданное Эстляндіей, было въ началѣ Великой Сѣверной войны, ибо тогда Царь, не расчитывая еще непремѣнно удержать эти земли за собою, чтобы нагнать страхъ на шведовъ, выслалъ сюда калмыковъ и татаръ, которые страшно неистовствовали». Когда-же край остался во владѣніяхъ Царя, ему дарованы были разныя льготы. Извѣстенъ фактъ,—отмѣченный въ запискахъ резидента Вебера,—что при взятіи Нарвы Царь самъ унималъ грабителей и затѣмъ, бросивъ окровавленную шпагу на столъ, сказалъ: «Это не шведская, а русская кровь, которую я пролилъ, чтобы спасти вашу жизнь и жизнь согражданъ вашихъ!» [307]).

Слѣдовательно, повторяемъ, раззореніе края являлось не прирожденной дикостью, а принятой въ то время системой войны. Опустошали край только тогда, когда это было полезно для общаго хода кампаніи. Поэтому, во время прибрежныхъ дѣйствій русская армія щадила жителей и ихъ имущество, несмотря на всю враждебность финновъ. Наиболѣе пострадала отъ «системы войны» сѣверная Финляндія. Тамъ военныя дѣйствія не были окончены и населеніе не желало подчиниться русской власти. Самыя мрачныя картины этой войны относятся къ исторіи эстерботнійцевъ. Подъ перомъ шведскаго историка онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ: «Непріятель (русскій) до основанія уничтожаетъ все: уноситъ, замучиваетъ, умерщвляетъ и жжетъ, такъ что многія мѣстности пустуютъ, а тѣ крестьяне, которые успѣли скрыться,—питаются соломой и корой; говорятъ, что казаки нѣкоторыхъ отпу-

стили, хотя имѣли приказанie убивать всѣхъ, но по совѣсти они этого не могли сдѣлать» [308]).

Это относится къ октябрю 1716 г. и заявлено Армфельтомъ.

Въ отчетѣ о состоянiи Финляндiи послѣ 1716 г. говорится: «Эстерботнiя совершенно разграблена, погублена и опустошена до основанiя, такъ что у большой дороги нельзя встрѣтить ни единаго человѣка».

На лошадяхъ и пѣшкомъ на лыжахъ русскiе пробрались до кирхшпиля Каликса, гдѣ они, какъ и въ кирхшпилѣ Торнео, «весьма тираннически обращались съ народомъ, замучивая и умерщвляя его», пишетъ ландсгевдингъ. Русскiе всего девять разъ дѣлали нападенiя на границу у Торнео, но только въ два послѣднiе раза, въ 1716 и 1717 годахъ, они нанесли наибольшiй вредъ. Въ 1716 г. они въ Торнеоскомъ кирхшпилѣ сожгли до 150 дворовъ. Во время нападенiя въ январѣ 1717 г. они остановились (Neder-och Öfver-Torneå sok.) на три недѣли, и на это время народъ долженъ былъ скрываться въ лѣсу, причемъ 400 чел., въ числѣ ихъ много бѣглецовъ изъ Финляндiи, частiю были убиты, замучены, высѣчены, изжарены»,—а частiю замерзли; болѣе 1000 коровъ уведены были у крестьянъ [309]).

Не только Каликскiй и Торнеоскiй кирхшпили пострадали; небольшой отрядъ казаковъ распространилъ свой грабежъ до самаго Шелефтео, причемъ ограбили также Питео и Люлео Нюстадъ (Luleå Nystad), но не жгли тамъ. Казаковъ, наведшихъ такой ужасъ на Вестерботнiю, оказалось всего 40 или 50 человѣкъ [310]).

Таковы наиболѣе ужасающiя событiя, отмѣченныя шведами. Насколько они правдивы — не знаемъ. Во всякомъ случаѣ на одномъ голомъ фактѣ въ данномъ случаѣ остановиться нельзя, а необходимо всѣ эти ужасы поставить въ тѣ условiя, при которыхъ они въ дѣйствительности происходили.

Въ Эстерботнiю наши попали, преслѣдуя отступавшихъ финновъ, послѣ боя у деревни Напю (р. Сторъ-Кюро). Занявъ Вазу и выдвинувъ конницу бригадира Чекина, русскiе остановились.

Но предоставимъ лучше слово шведскому офицеру, описавшему войну 1713—1714 гг. въ Финляндiи. «Когда Голицинъ въ 1714 г. предпринялъ зимнiй походъ въ Эстерботнiю, ему, между прочимъ, поручено было совершенно опустошить эту мѣстность на разстоянiи 10 миль въ ширину. Эта мѣра имѣла въ виду затруднить случайное наступленiе армiи Армфельта въ слѣдующее лѣто и, такимъ

образомъ исключительно было продиктовано стратегическими цѣлями. Поэтому Голицинъ послѣ битвы при Стуркюро (Storkyro), согласно своимъ инструкціямъ, началъ опустошать мѣстность между Вазой и Гамлекарлебю, но это, однако, не было приведено въ исполненіе отчасти потому, что мало осталось для сего времени, а также вслѣдствіе покорности, съ которой народъ встрѣчалъ русскихъ. Повидимому исключительно для того, чтобъ наказать населеніе за активное участіе въ защитѣ, Голицинъ кромѣ того, въ кирхшпилѣ Стуркюро (Storkyro) и Вазѣ велѣлъ истреблять часть его; однако лишь въ исключительныхъ случаяхъ какой нибудь дворъ къ югу отъ Вазы былъ сожженъ или ограбленъ. Голицинъ предполагалъ опустошить мѣстность около Нюкарлебю, Якобстада и Гамлекарлебю. Но первый городъ спасся тѣмъ, что жители подчинились завоевателю и заплатили контрибуцію въ 2.000 т. сер. сф., 200 каннъ водки и 20 лиспундовъ табаку. Городъ Якобстадъ русскіе ограбили 4 марта (н. ст). Самый городъ и близъ него находившіеся дворы были сожжены, а часть населенія, которое не бѣжало, — истреблено. Жители этого города желали также, какъ и въ Нюкарлебю спастись отъ разоренія, но письмо, которое съ этой цѣлью было отправлено къ Голицину, перехвачено было Армфельтомъ и, такимъ образомъ, никогда не дошло по назначенію. У Якобстада русской кавалеріи приказано было немедленно очистить Эстерботнію, благодаря чему на этотъ разъ ограничились лишь опустошеніемъ упомянутаго города» [311]).

Профессоръ А. З. Мышлаевскій, останавливаясь на вопросѣ объ умышленномъ истощеніи мѣстныхъ средствъ русскими отрядами, обращаетъ вниманіе на то, что подобное раззореніе производилось исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было полезно для общаго хода кампаніи. Финны, отступая, также раззоряли край, желая тѣмъ затруднить движеніе русскихъ. Петръ дѣлаетъ то же, имѣя въ виду обрушить всю тяжесть бѣдствій на своихъ враговъ.

Изъ реляціи генерала Голицына узнаемъ [312]), что у русскихъ было желаніе «въ землю непріятельскую не гораздо въ даль заходить»; но обстоятельства побудили ихъ прослѣдовать по Финляндіи до сѣверныхъ обитаемыхъ ея предѣловъ. Русскимъ было неудобно и почти невозможно держать эти отдаленныя страны въ правильной осадѣ, и потому въ силу необходимости раззоряли мѣстность и возвращались на югъ. Казаки, кои охраняли эти сѣверныя части, лѣтомъ жили въ Кюре (въ южной Эстерботніи) и осенью

переселялись въ Гамлекарлебю, откуда зимой дѣлали свои наѣзды на сѣверъ.

Существовала еще одна причина, отъ которой страдало населеніе Финляндіи, и которая, въ то же время, вызывала ожесточеніе русскихъ.

Послѣ того, какъ Карлъ XII въ началѣ войны выразилъ генералу А. Кроніорту свое желаніе, чтобы имущество непріятеля истреблялось возможно больше огнемъ и грабежемъ, въ разныхъ мѣстахъ организовались партизанскіе отряды «кивикесовъ». Названіе это произошло отъ имени Ингерманландскаго крестьянина— Кивикесъ. Финскіе отряды, дѣйствовавшіе и въ другихъ мѣстахъ во время Великой Сѣверной войны, извѣстны были подъ тѣмъ же названіемъ [313]).

Партизаны, высылаемые шведскимъ правительствомъ, тайно бродили по краю, проявляли много насилія и въ то же время требовали повиновенія той власти, которая долѣе вовсе не защищала Финляндію. Эти головорѣзы вели себя крайне дерзко. Особенно отличились Лонгстремъ и Керкисуддъ—на сѣверѣ и Лёвингъ—въ Абоской и Нюландской губерніяхъ. Они производили ужасныя насилія надъ населеніемъ. Вызывая тревоги среди русскихъ силъ, они причиняли убытки и своимъ согражданамъ.

Но такъ какъ съ шведской стороны болѣе не дѣлалось попытокъ отвоевать Финляндію, то ихъ дѣятельность являлась безполезной и лишь вызывала усиленныя притѣсненія финскому населенію. Съ другой стороны, русскіе, гдѣ только замѣчали движеніе кивикесовъ и сочувствіе къ нимъ населенія, выжигали деревни и дворы и даже поджигали лѣса, чтобы партизанамъ негдѣ было укрыться.

Въ это время многіе мѣстные жители бѣжали въ Лапландію и Финмаркъ, гдѣ съ тѣхъ поръ начались финскія поселенія.

Кивикесы держались ближе къ шведскому рубежу и заняли въ одно время округъ вблизи Вазы, а въ Тавастгускомъ лагманствѣ—нѣкоторые кирхшпили. Пребываніе ихъ въ названныхъ мѣстахъ, вело къ тому, что контрибуція собиралась тамъ съ «великимъ опасеніемъ»; кромѣ того боялись «траты и вреда». Гр. Апраксинъ не разъ утруждался донесеніями нашихъ властей о дѣятельности «кивикесовъ». Придумывались разныя мѣры борьбы съ ними и съ тѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, которое не выдавало ихъ. Однажды родилась мысль обложить послѣднихъ двойной податью и тѣмъ скорѣе истощить мѣстность, но гр. Апраксинъ

указалъ, чтобы тѣ приходы (кирхшпили), которые нужны русскимъ, содержались на общемъ основаніи, «а которые не нужны и вредны, тѣ тайно или явно привести въ раззореніе» [314]).

Вслѣдствіе набѣговъ кивикесовъ, положеніе сдѣлалось столь ненадежнымъ, что лагманъ Эссенъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Бьернеборга въ Або, не имѣя тамъ надлежащей охраны [315]).

Въ 1720 г. русскій генералъ-губернаторъ Финляндіи Дугласъ доносилъ гр. Ѳ. М. Апраксину о множествѣ «кивиковъ и разбойниковъ», которые раззоряли страну и грабили жителей. Нужно было избавить населеніе, дабы его, «не били смертнымъ убійствомъ», и потому онъ спрашивалъ, какое число людей можно было опредѣлить для охраны, вѣроятно, въ помощь губернскимъ солдатамъ. Посланъ былъ указъ къ ланъманамъ, чтобы съ каждаго манталя «добрый, здоровый и молодой дѣтина», въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, былъ присланъ въ Або, для осмотра и отправленія въ тѣ мѣстности, гдѣ являлась надобность въ силѣ для отраженія нападавшихъ. На слѣдующій годъ поступила новая жалоба Дугласа на «кивиковъ», которые «зачали здѣсь въ землѣ дурить», отобрали «безъ остатку» у одного фогта собранныя контрибуціонныя деньги и даже захватили нѣсколько русскихъ офицеровъ. Дерзость партизановъ возросла вслѣдствіе того, что сдѣлалось извѣстнымъ о заключеніи мира, почему мѣстные власти перестали повиноваться русскимъ начальникамъ [316]).

Итакъ, значительная доля вины за раззореніе края падаетъ на самихъ финляндцевъ: своими дѣйствіями они вызывали репрессаліи со стороны русскихъ.

Помимо раззоренія, производившагося русскими войсками, шведскіе и финляндскіе историки указываютъ на безчинства, насилія, убійства, поджоги, грабежи и вообще на «дикую разнузданность русскихъ офицеровъ и солдатъ». Въ этомъ отношеніи, на сколько можно прослѣдить, главнымъ источникомъ служили свѣдѣнія, сообщенныя профессоромъ Абоскаго университета Лаврентіемъ Таммелиномъ [317]). Однако, лица, пользовавшіяся этимъ источникомъ, не рѣшились исчерпать его до дна, такъ какъ очевидно, что Таммелинъ въ большинствѣ случаевъ съ излишней довѣрчивостію отнесся ко всякаго рода разсказамъ и слухамъ, ходившимъ въ его время въ Финляндіи и Швеціи. Онъ пишетъ,

напр., что въ 1710 г. калмыки «высосали кровь» у одного пастора, что русскіе другого—«прибили живого къ дверямъ церкви», третьяго—сожгли и сжарили, четвертаго—бросили голаго въ снѣгъ и т. п., а въ Эстерботніи казаки яко-бы загнали нѣкоторыхъ обывателей въ затопленныя печи. Тѣхъ, которыхъ не могли принудить перейти въ греко-россійскую вѣру, околдовали «какимъ-то особымъ питьемъ». Ограбленнымъ, замученнымъ, засѣченнымъ, избитымъ, оплеваннымъ пасторамъ, по Таммелину, и счета нѣтъ.—Конечно, нельзя отвергать, что въ періодъ русскаго владычества въ Финляндіи (съ 1714 по 1721 г.) уголовная хроника обилуетъ указаніями на убійства, грабежи, насилія, поджоги и т. п., но при всемъ томъ необходимо поставить ихъ на счетъ отдѣльнымъ личностямъ изъ среды офицеровъ и солдатъ, и нельзя относить огуломъ къ русскому правительству или русской власти.—Въ войскахъ находились калмыки и казаки, и надо полагать, что они своимъ необузданнымъ поведеніемъ увеличили преступность въ арміи. Но слѣдуетъ отличать противозаконные поступки отдѣльныхъ чиновъ арміи внѣ боевого времени, отъ общихъ дѣйствій, исполняемыхъ воинскими частями въ полномъ ихъ составѣ, по требованіямъ регламентовъ, воинскихъ уставовъ и особыхъ указовъ. Кромѣ того, необходимо точно установить, какъ относилось къ этимъ преступленіямъ русское начальство. «Мнемозинъ» указываетъ, что послѣ взятія Каянеборга, многіе жители и духовенство отведены были въ Або и посажены въ шлосъ, гдѣ ихъ кормили тухлою мукою, развившею болѣзни. Но этотъ же источникъ оговариваетъ, что кн. М. Голицынъ не былъ къ сему причастенъ. Мало того, когда Царь узналъ изъ прошеній узниковъ о положеніи дѣла, то смягчилъ ихъ участь [316]).

Тѣ преступленія и проступки, которые совершены чинами арміи, не должны служить основаніемъ къ превратному представленію о ней, какъ о цѣломъ учрежденіи. Солдаты петровскаго времени не были своевольными, необузданными, дикими полчищами восточныхъ завоевателей, а членами разумно дисциплинированной воинской части. Нравы были суровые, наказанія строгія, но начала, положенныя въ основу воинскаго поведенія, были разумны и отличались многими достоинствами. Дисциплина сковывала всѣхъ въ весьма благопристойную военную семью.

Въ первые же годы существованія регулярной арміи, Царь далъ ей «уставъ прежнихъ лѣтъ», «инструкцію на время воинскаго похода» и разные другіе указы. Въ этихъ постановленіяхъ

предписывалось: солдата не слѣдуетъ бить; солдатомъ не можетъ быть воръ; безнравственный человѣкъ не долженъ быть начальникомъ; въ солдатѣ слѣдуетъ развивать чувство военной чести, начала товарищества, взаимной поддержки и христіанской любви; солдатъ не долженъ дѣлать того, что терпимо только въ средѣ простой черни; солдату стыдно воевать съ женщинами, дѣтьми, стариками; начальнику слѣдуетъ на солдата смотрѣть, какъ отцу на дѣтей...

Въ то время, какъ на западѣ господствовала почти исключительно «палка капрала», въ русской арміи, рядомъ «съ дубинкою», утверждаются начала высокой гуманности. Благодаря тому, что Петръ Великій не дрессировалъ свои войска [319]), а воспитывалъ ихъ— армія наша стала сильна духомъ. «Военное законодательство Петра Великаго—говоритъ П. О. Бобровскій [320]),—поставило русскому войску возвышенныя цѣли, разрѣшеніе которыхъ связано съ развитіемъ самобытной культуры русскаго народа и усиленіемъ могущества русскаго государства. Въ нихъ поднято значеніе солдата— какъ человѣка, гражданина и слуги своего отечества. Въ нихъ указана необходимость его духовнаго образованія. Въ нихъ личность воина ограждается отъ произвола, насилія и самоуправства»...

Жителей,—поучалъ Царь своими указами,—какъ нашей страны, такъ и союзной ни въ какой формѣ не насиловать, не оскорблять и не раззорять; въ населеніи враждебной страны—щадить родильницъ, беременныхъ, старыхъ людей, священнослужителей и «иныхъ, которые противленія чинити не могутъ» [321]).

Спеціальную обязанность военнослужащихъ составляетъ сохраненіе общественныхъ зданій (церквей, больницъ, школъ), а также частнаго имущества, которое, такъ или иначе, можетъ пригодиться войскамъ. Казенное имущество слѣдуетъ хранить бережно, не портить, не бросать, не проигрывать, не закладывать, не брать въ закладъ и не покупать завѣдомо краденаго...

Всѣми средствами устранялась возможность грабежей, убійствъ и нанесенія другого матеріальнаго убытка населенію, подъ личною и имущественною отвѣтственностью виновныхъ. «Каковой ни есть вѣры или народа, они суть, между собою христіанскую любовь имѣти и другъ другу ни словами, ни дѣломъ безчестія не учинить».

Въ виду того, что воинская дисциплина мыслима только при условіи полнаго удовлетворенія матеріальныхъ потребностей воен-

нослужащихъ предписывалось, чтобы никто не удерживалъ пропитанія солдатъ. Реквизиціи производились не иначе, какъ по генеральскому указу и «по порядку».

За пьянство и воровство, помимо наказанія, солдата «отставляли отъ полку», лишали его такимъ образомъ права быть членомъ полковой семьи. За побѣги «безъ всякаго удержанія повѣсить». «А сіи статьи каждому солдату должно на память имѣть и на всякую недѣлю по дважды читать имъ».

Энергично Петръ принималъ рядъ мѣръ къ устраненію, изъ жизни войскъ всего, что ведетъ къ деморализаціи, расшатыванію нравственной устойчивости, къ своеволію. Солдатская служба была сдѣлана имъ почетной.

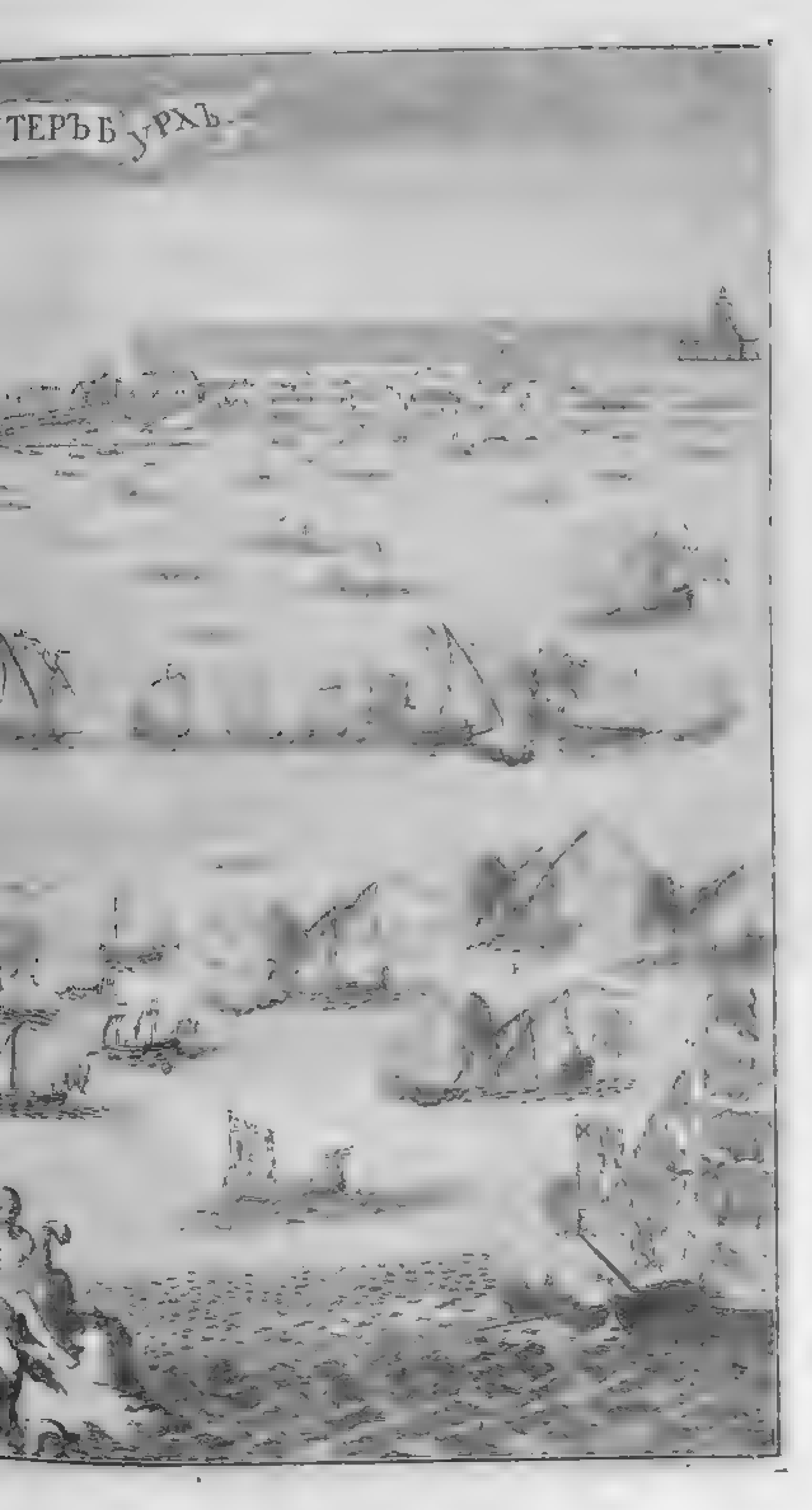
Результатомъ всей этой духовной работы Петра Великаго былъ «прекрасный качественный составъ войскъ, даже въ ближайшее время послѣ ихъ переформированія» [322]).

Солдаты, прошедшіе школу Петра, не могли быть грабителями и убійцами въ завоеванной странѣ. Семья не безъ урода, но уродъ—исключеніе.

Что касается мѣстной русской власти, то она дѣлала все, чтобы водворить въ странѣ порядокъ и законность и тѣмъ облегчить участь населенія. Русская власть, потребовала прежде всего присяги отъ всѣхъ финновъ, и взамѣнъ старалась дать имъ безопасность возможную по обстоятельствамъ того времени. Съ этою цѣлью въ киркахъ опубликованы были универсалы. Въ видѣ образчика приводимъ универсалъ къ жителямъ Финляндіи, изданный въ октябрѣ 1713 года.

«Мы, нижеименованный Его Царскаго Священнаго Величества Императора Всероссійскаго и протчая, и протчая, моего Всемилостивѣйшаго Царя и Государя, командующій надъ войски Его Царскаго Величества въ Финляндіи Адмиралъ, Генералъ, Тайный Совѣтникъ и кавалеръ Святаго Апостола Андрея, Графъ Ѳеодоръ Апраксинъ. Объявляемъ чрезъ сіе всѣмъ обрѣтающимся въ Финляндіи всякаго чина жителямъ, какъ шляхетству, такъ духовнаго и купецкаго, такоже амтъ-манамъ и фогтамъ, и прочимъ всякихъ чиновъ людемъ: понеже всѣмъ здѣшнимъ жителемъ довольно извѣстно, что обрѣтающаяся въ Финляндіи шведская армія отъ войскъ Его Царскаго Величества принуждена уступать, оставя знатные посады Абовъ, Гельсингфорсъ, Таваєтгусъ и протчія мѣста безо всякой обороны, и уже чрезъ помогу Всѣхъ Вышняго едва не вся Финляндія подъ власть Его Царскаго Величества приведена;

САНКТЪ ПИ
ТОРЖЕСТВЕННОЙ

шведскихъ судовъ, взятыхъ при Гангутѣ.
ъ 1714 г.

и понеже напредъ сего многимъ здѣшнимъ жителямъ, которые для воинскаго наступленія отъ страхъ выѣхали изъ домовъ своихъ на острова и скрываются по лѣсамъ, многіе универсалы за рукою и печатью нашею розданы, въ которыхъ имянно объявлено, дабы оные со всѣми своими пожитки приходили и жили въ домѣхъ своихъ по прежнему и что надлежитъ для продажи въ армію моего Всемилостивѣйшаго Царя и Государя привозили безъ всякаго опасенія, понеже во всемъ россійскомъ войскѣ заповѣдано накрѣпко, дабы никто онымъ обывателямъ отъ перваго даже и до послѣдняго никакихъ обидъ и разореній не чинили, но изъ оныхъ никто по нижеписанное число въ домы свои не явились и живутъ въ лѣсахъ и по островамъ по прежнему; чего ради побуждены мы вторичные универсалы послать съ подтвержденіемъ, дабы всѣ здѣшніе жители со всѣми своими пожитки приходили и жили въ домѣхъ своихъ по прежнему, и обнадеживаемъ въ томъ твердо, что онымъ людемъ отъ войскъ Его Царскаго Величества никакихъ обидъ и разореній учинено не будетъ, о чемъ во всей арміи, какъ прежде, такъ и нынѣ, накрѣпко о томъ заповѣдано; и ежели кто изъ шляхетства, такожъ изъ духовныхъ чиновъ амптъмановъ и фогтовъ, пожелаетъ себѣ и подданнымъ своимъ жителемъ для лучшей безопасности взять охранительныя письма, тѣ бъ явились въ главной нашей квартирѣ немедленно, которымъ даны будутъ безъ всякаго задержанія за подписаніемъ руки нашей» [323]).

Во время пребыванія русскихъ въ Борго, Апраксинъ разослалъ «универсалъ» Финляндскому народу, отъ 18 мая, такого содержанія. Русской арміи строго воспрещено грабить, въ случаѣ населеніе вернется домой, откуда оно бѣжало, когда приближался непріятель, въ противномъ же случаѣ не позже 7-го іюня, т. е. если населеніе откажется вернуться въ свои мѣста, допущенъ будетъ грабежъ и начнутся репрессіи. Эта прокламація быстро распространилась по Финляндіи. Уже 4-го іюня она извѣстна была въ окрестностяхъ Або, хотя Любекеръ тотчасъ-же издалъ контръ-прокламацію, въ которой, между прочимъ, запрещалось чтеніе русской [324]).

Русскихъ универсаловъ разослано было нѣсколько изъ Тавастгуса (30 сент. 1713 г.) и изъ Або (2 и 10 сент. того же года) [325]). По содержанію они довольно сходны. Въ Абоскомъ универсалѣ прибавлено только естественное указаніе на то, чтобы «съ непріятелями нашими никакихъ ни имѣть корреспонденцій и пересылокъ шпіонами;» ослушникамъ грозили за это смертною казнью.

Указаніямъ и требованіямъ универсаловъ строго слѣдовали прежде всего лица, поставленныя во главѣ управленія Финляндіей, гр. Ѳ. М. Апраксинъ и кн. М. М. Голицынъ. Начиная съ 1713 г., когда стала выясняться необходимость для русскихъ оккупировать край, они самыми рѣшительными мѣрами стали стремиться къ прекращенію даже единичныхъ случаевъ грабежа [226]). Лица, руководившія управленіемъ Финляндіи, являлись достойными своего новаго назначенія.

Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-адмиралъ русскаго флота, знаменитый сподвижникъ Петра I, родился въ 1661 г. Онъ былъ братомъ царицы Марѳы Матвѣевны—супруги царя Ѳеодора Алексѣевича. Пользовался величайшимъ довѣріемъ Петра. Въ 1697 г. передъ путешествіемъ Петра за границу, ему былъ порученъ главный надзоръ за судостроеніемъ въ Воронежѣ, съ 1706 г. онъ сталъ вѣдать флотомъ, а съ 1708 г.—носить титулъ генералъ-адмирала. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1708 г. онъ удачно охранялъ Петербургъ отъ нападенія генерала Любекера, почему признательный Петръ I повелѣлъ выбить медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ грудного портрета гр. Апраксина и надписью: «Царскаго Величества Адмиралъ Ѳе. Ма. Апраксинъ», а на другой—изображеніе флота, построившагося въ линію, съ надписью: «храня сіе не спитъ»; лучше смерть, а не невѣрность». Въ 1713 г. гр. Ѳеодоръ Матвѣевичъ, начальствуя надъ галернымъ флотомъ, бралъ города Гельсингфорсъ и Борго, а 6 октября того же года, при содѣйствіи кн. Голицына, одержалъ побѣду при р. Пелькинѣ. Оставаясь въ Або, Апраксинъ исправлялъ и строилъ галерный флотъ. Въ 1717 г. его назначили президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Гр. Ѳ. М. Апраксинъ—небольшого роста, плотный. Пользовался репутаціей правдиваго человѣка и былъ всѣми любимъ [227]). По отзывамъ современниковъ гр. Ѳеодоръ Матвѣевичъ отличался умомъ, любезностью и пламеннымъ желаніемъ помочь всѣмъ и каждому. Но это не избавило его отъ враговъ и недоброжелателей, среди которыхъ выдѣлялся извѣстный кн. Як. Ѳед. Долгоруковъ.

Ѳеодоръ Матвѣевичъ честно исполнялъ категорическія и опредѣленныя приказанія царя, но старался всегда обставить дѣло такъ, чтобы отвѣтственность падала не на него, почему избѣгалъ иниціативы, домогался письменныхъ предписаній, проявлялъ склонность прикрыться постановленіями «консилій». Въ характерѣ его служебной дѣятельности проглядываетъ боярская и воеводская

привычка къ отговоркамъ [328]), и доля нерѣшительности. Петръ два раза назначалъ слѣдствіе надъ злоупотребленіями, которыя проявлялись въ частяхъ, подвѣдомственныхъ своему любимцу; въ первый разъ (1714 г.) самъ Апраксинъ оказался невиновнымъ, но онъ допустилъ злоупотребленія среди подчиненныхъ и Государь его оштрафовалъ, въ другой разъ (1718 г.) «за злоупотребленія» подвергъ его аресту и даже лишенію имущества и достоинствъ, но затѣмъ, во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ, ограничился денежнымъ взысканіемъ [329]).

ГРАФЪ Ѳ. М. АПРАКСИНЪ.

Петръ недостаточно былъ увѣренъ въ постоянствѣ мыслей Апраксина, и сказалъ однажды ему: «хоть ты всегда одобрялъ мои предпріятія, особенно по морской части, но я читаю въ сердцѣ твоемъ, что если умру прежде тебя, ты будешь одинъ изъ первыхъ охуждать все, что я сдѣлалъ. Если бы королева шведская знала тебя также хорошо, какъ я, она заключила бы миръ со мною, и предоставила бы мнѣ всѣ мои завоеванія: потому что по смерти моей вы оставите завоеванные мною области, я въ этомъ увѣренъ, и, чего добраго, согласитесь на разрушеніе этого города Петербурга и флота, которые стоили мнѣ столько крови, денегъ и трудовъ, для того, чтобъ вытащить васъ изъ вашихъ старыхъ жилищъ» [330]).

Гр. Апраксинъ правилъ Финляндіей изъ Петербурга. Онъ сохранилъ высшее завѣдываніе гражданскими дѣлами края до 1719 г., когда ихъ передали въ Риксъ-Камеръ-Коллегію. Создалась нѣкоторая двойственность власти, затруднявшая генералъ-губернатора. Разграничили дѣла такъ: о состояніи финляндскихъ доходовъ и сборѣ контрибуціи продолжали докладывать Апраксину, а оставшіяся деньги, провіантъ и расходныя книги велѣно было посылать и сдавать въ Камеръ-Коллегію [331]).

Ближайшимъ помощникомъ гр. Апраксина былъ кн. Голицынъ.

Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ (1675—1730), одинъ изъ образованнѣйшихъ сановниковъ своего времени. Онъ прошелъ суровую боевую школу, начавъ въ 1687 г. съ «науки барабанной» и солдатской. Участвовалъ въ Азовскомъ походѣ, былъ оба раза подъ Нарвою, проявилъ свою дѣятельность при штурмѣ Нотебурга, при взятіи Ніеншанца и осадѣ Выборга. Побѣда при Лѣсной является его заслугой. При Полтавѣ и Прутѣ выказалъ свои способности, при Пелькинѣ—дарованія полководца. Въ 1714 г. участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Гангеуддѣ, а 27 іюля 1720 г. одержалъ надъ шведскимъ флотомъ побѣду при островѣ Гренгамѣ. Изученіе многочисленныхъ донесеній князя М. М. Голицына привели русскаго военнаго историка А. Мышлаевскаго къ заключенію о высокихъ качествахъ князя по служебной исполнительности, честному отношенію къ подчиненнымъ, по смѣлымъ рѣшеніямъ, отвѣтственность коихъ бралъ на себя, по заботѣ о солдатѣ и т. п. [332]). Разсказываютъ, что на свои деньги, полученныя отъ Царя въ награду, кн. Голицынъ, чтобы сберечь солдатъ во время жестокой зимы, дѣлалъ покупки для нихъ шапокъ, котовъ и фуфаекъ. Узнавъ объ этомъ, Царь назвалъ его «прямымъ сыномъ отечества» [333]).

Финляндецъ Эренмальмъ, находившійся съ 1710 по 1714 г. въ русскомъ плѣну, рисуетъ кн. Михаила Голицына сообщительнымъ и говоритъ, что онъ отличался отъ другихъ вліятельныхъ людей въ Россіи большимъ безкорыстіемъ. Царь оказывалъ ему довѣріе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась какая-нибудь важная отправка; въ обществѣ говорили, что онъ цѣнитъ его выше другихъ генераловъ, даже фельдмаршала Шереметева. «Упомянутый Голицынъ, — по описанію Эренмальма, — средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ коренастымъ станомъ. У него продолговатое лицо, которое отъ упорнаго труда и сильнаго утомленія весьма загорѣло и похоже на солдатское. У него красивый носъ, ясные голубые глаза и привлекательный ротъ. По одеждѣ онъ ничѣмъ не выдѣлялся. Онъ носитъ собственные волосы, завязанные сзади косичкой. Онъ много курилъ и иногда, когда шелъ на встрѣчу непріятелю, держалъ трубку во рту, даже въ то время, когда надъ нимъ свистали пули и сверкало оружіе [334]).

Лично храбрый, онъ былъ мягкаго нрава. Хорошо изучилъ войско, зналъ финновъ.—Финляндскій историкъ (Ирье Коскиненъ)

находилъ, что правленіе Финляндіей дало болѣе блеска и славы имени кн. М. М. Голицына, чѣмъ кровавые лавры, пріобрѣтенные на поляхъ сраженій. Финляндцы сохранили о немъ признательную память. Абоскій «Мнемозинъ» говорилъ: «Кн. Голицынъ пріобрѣлъ славу великодушіемъ и справедливостію, наказывая всѣ безчинства своихъ войскъ, которыя за то называли его финскимъ богомъ. Онъ сохранилъ финнамъ религію ихъ и законы, и старался все устроить къ лучшему» [335]).

КНЯЗЬ М. М. ГОЛИЦЫНЪ.

Съ 1730 г. кн. М. М. Голицынъ удалился отъ дѣлъ и скончался на 55 году. Умъ, храбрость, честность и обходительность выгодно выдѣляли его среди группы вельможъ. Онъ воздавалъ всѣмъ должное, но предпочиталъ соотечественниковъ иностранцамъ. Нося почетное званіе генералъ-фельдмаршала и президента военной коллегіи, будучи отцомъ многочисленнаго семейства (17 дѣтей), не садился въ присутствіи своего старшаго брата кн. Дмитрія Михайловича. Ни графа Шереметева, ни князя М. М. Голицына Царь Петръ никогда не принуждалъ въ наказаніе осушать кубокъ большого орла. Дюкъ де-Лирія утверждаетъ даже, что многіе вельможи и самъ Петръ боялись Голицына.

Подъ начальствомъ кн. М. М. Голицына въ Финляндіи (съ 1713 г.) былъ оставленъ 15 тыс. корпусъ. Въ виду того, что Графъ Апраксинъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, дѣлами фактически вѣдалъ кн. Голицынъ. Ни тотъ, ни другой не были склонны къ нарушенію универсаловъ. У обоихъ слово не расходилось съ дѣломъ. Среди брани, говорятъ, молчатъ законы (Inter arma silent leges). Но русскіе позаботились дать значеніе и голосъ закону. Только въ самое первое время кн. Голицынъ и русскіе офицеры, вынуждены были дѣла духовенства, и иныя, по необходимости вести сами безъ формъ и протоколовъ, но затѣмъ учреждены были суды. Воз-

становить правосудіе было конечно не легко, такъ какъ члены гофгерихта и другихъ судовъ края бѣжали. Гдѣ было взять лицъ со соотвѣтствующей юридической подготовкой? Къ 1718 г. кн. Голицыну удалось однако привести въ дѣйствіе нѣкоторые суды, посадивъ въ нихъ судьями оставшихся юристовъ и другихъ лицъ изъ фогтовъ и бургомистровъ, обладавшихъ нѣкоторыми познаніями въ шведскихъ законахъ. Организованные такимъ образомъ суды являлись по мѣрѣ надобности въ тѣ мѣста, гдѣ требовалось судебное разсмотрѣніе. Въ Абоскую и Бьернеборгскую губ. судьей былъ назначенъ бывшій фогтъ Яковъ Каллія, въ Боргоской и Тавастгуской губ. отправлялъ правосудіе Густавъ Фридрихъ Бусинъ, въ Эстерботніи—Яковъ Россъ, который ранѣе былъ бургомистромъ въ Вазѣ и принималъ участіе въ сраженіи при Напо (Лапио). Онъ добросовѣстно отнесся къ своимъ новымъ судейскимъ обязанностямъ. Апеляціи на этихъ судей подавались лагманамъ (губернаторамъ) и генералъ-губернатору. Эти герадсгевдинги были временными; жалованія за веденіе судебныхъ дѣлъ имъ не давалось. Фискаловъ тогда было только два (Арвидъ Лиценъ и Іоганнъ Франценъ); служили они также безъ казеннаго жалованья [336]). Магистраты тоже были заполнены болѣе или менѣе случайнымъ составомъ, «дабы было кѣмъ въ городѣ судъ создать», какъ выразился Дугласъ [337]). Жалованья магистратскіе чины не получали. Надо полагать, что судьи того времени не строго соблюдали формы и обряды, установленные шведскими законами, но заведенный кн. Голицынымъ порядокъ тѣмъ не менѣе оказывался очень полезнымъ, въ виду того, что край въ теченіе четырехъ лѣтъ страдалъ полнымъ отсутствіемъ судовъ. Прежнія дѣла были теперь вершены. Генералъ-губернаторъ Дугласъ по своему разумѣнію пытался даже смягчить суровость прежняго шведскаго уголовнаго кодекса. Въ Вазѣ присудили женщину къ смертной казни за колдовство. Дугласъ, усмотрѣвъ въ ней ненормальность умственныхъ способностей, приказалъ отправить ее въ госпиталь или къ одному изъ пасторовъ для излеченія [338]). Бывали случаи, когда Дугласъ желалъ штрафовать ослушниковъ, но чтобы не дать возможности ему проявлять своего произвола, гр. Апраксинъ распорядился иначе и приказалъ провинившихся офицеровъ и маркетантовъ «отсылать подъ судъ, куда надлежитъ» [339]). О томъ, что отправленіе суда производилось, видно изъ донесенія Дугласа (окт. 1718 г.), въ которомъ говорится, что къ нему были присланы 8 криминальныхъ приговоровъ изъ земскаго суда «о уходѣ малыхъ ребятъ» и 2 при-

говора «о учиненномъ убійствѣ». Тоже устанавливается письмомъ Апраксина кн. Голицыну: «Извольте по сентенціямъ надъ презесы и ассесоры смотрѣть сами и надписывать по большимъ голосамъ, а безъ того здѣсь принимать не будутъ».

Болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ новые переѣзжавшіе суды, оказался военный судъ, учрежденный въ Або, подъ наблюденіемъ кн. Голицына. Справедливая дѣятельность князя въ области суда снискала ему особое расположеніе мѣстнаго населенія.

Военный судъ и русское начальство въ Финляндіи дѣйствительно очень усердно работали надъ тѣмъ, чтобы водворить среди населенія правду и порядокъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ немалое число архивныхъ дѣлъ. Они показываютъ, что провинности русскихъ офицеровъ и солдатъ, совершенныя противъ мѣстныхъ жителей, строго наказывались. «Смотрѣть сего прилежно,—предписывалось въ одномъ универсалѣ 1713 г.,—чтобы обывателямъ тамошнимъ, какъ офицеры, такъ драгуны и казаки, команды вашей капрады разоренія и обидъ отнюдь не чинили», а виновники сего... «хотя смерть кто заслужитъ чинить неопасываясь, чтобъ на то смотря другіе чинить тамъ не смѣли» [340]). Инструкціей, данной въ 1713 г. генералу гевальдигеру предписывалось ловить и наказывать тѣхъ чиновъ, которые «ходятъ по деревнямъ и прочимъ мѣстамъ, для всякой здобычи и бездѣльной своей корысти» [341]). «И ежели, — писалъ гр. Апраксинъ кн. Голицыну 4 янв. 1714 г.,—найдутся тѣ, которые пограбили изъ двухъ кирокъ, собранную контрибуцію и провіантъ, учинить смертное наказаніе [342]). Такъ на дѣлѣ и поступали; эти требованія не остались мертвой буквой. Въ 1721 г., напр., адмиралу Апраксину представили фергеръ (разслѣдованіе) по дѣлу о капитанѣ Гукѣ, на котораго возникало обвиненіе въ покражѣ неводовъ у финскихъ обывателей. Испрашивалось, какъ поступить съ этимъ дѣломъ, причемъ въ предупредительной справкѣ указано было: «ежели въ грабительствѣ повелите судомъ слѣдовать, то оштрафуется на смерть». Сбоку резолюція гласила: «Окончить судомъ» [343]).

Разсказываютъ про кн. Голицына, что однажды, возвратясь изъ Петербурга, гдѣ онъ провелъ зиму, приказалъ обезглавить нѣсколькихъ старшихъ офицеровъ, а другихъ прогналъ сквозь строй за то, что они въ его отсутствіе произвели насилія въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ [344]).

У финскаго крестьянина похитили «пожитковъ» рубля на два. Причастныхъ къ дѣлу оказалось трое нижнихъ чиновъ и

всѣхъ ихъ наказали шпицрутенами, а вещи вернули подъ росписку [345]). Офицеръ взялъ у ленсмана корову, а у мужика лошадь. Его лишаютъ капитанскаго чина и сдаютъ въ драгуны до выслуги [346]). Подобныхъ примѣровъ немало въ дѣлахъ гр. Апраксина. Они показываютъ, что своеволіе по отношенію къ населенію Финляндіи русскимъ начальствомъ не допускалось.

Всѣ обязаны были дѣйствовать по «указамъ» и предписаніямъ, исходившимъ отъ Царя, военной Коллегіи, гр. Апраксина и Риксъ-Камеръ-Коллегіи. «Безъ указу Вашего Высокографскаго Сіятельства въ здѣшней землѣ не могу ничего учинить»,—доносилъ генералъ-губернаторъ Дугласъ,—а по данному указу со всеусердіемъ готовъ исполнить» [347]). Безъ «указу» Выборгскій комендантъ Шуваловъ не отпускалъ подводъ даже генералъ-губернатору [348]); «безъ ордера» комендантъ Або не давалъ островныхъ лодокъ Дугласу [349]). Въ свою очередь Дугласъ хлопоталъ передъ гр. Апраксинымъ, дабы никто отнюдь «подводъ безъ указу самовольно не брали» [350]). Чтобы дать отчетъ въ управленіи и представить счета въ израсходованіи денегъ, Дугласъ многократно просился и вызывался въ Петербургъ [351]). «Для счету Вашего извольте въ Санктпетербургъ пріѣзжать, когда оправитесь..... И деньги извольте привезти съ собою»... [352]). «Понеже, — писалъ Густавъ Дугласъ, — ежели я что безъ указу сдѣлаю, то въ томъ могу на себя нанести гнѣвъ Вашего Высокографскаго Сіятельства»... [353]).

ГР. Ѳ. М. АПРАКСИНЪ.

Съ начальническимъ гнѣвомъ гр. Апраксина и кн. Голицына приходилось считаться, такъ какъ они дѣйствительно являлись строгими блюстителями законовъ въ Финляндіи и поблажекъ провинившимся не дѣлали.—Это лучше другихъ зналъ генералъ-губернаторъ, который въ свою очередь старался, чтобы, по мѣрѣ своихъ силъ, поддержать порядокъ и не оставить безъ взысканія самовольничающихъ. «Многіе жалобы есть здѣсь на господъ офицеровъ», — докладывалъ Дугласъ, — и, чтобы эти жалобы не оставались безъ послѣдствій, просилъ ука-

заній гр. Апраксина, какъ съ ними поступать: высылать-ли въ Петербургъ, «или мнѣ здѣсь розыскивать приказать изволите» [354]). Лагманы (губернаторы) могли ѣздить въ отпускъ не иначе, какъ съ разрѣшенія графа Апраксина [355]).

Ни гр. Апраксинъ, ни кн. Голицынъ не желали предоставить мѣста произволу или злоупотребленіямъ въ подвѣдомственныхъ имъ управленіяхъ. Наибольшій соблазнъ для слабохарактерныхъ представлялъ сборъ податей и потому это дѣло поставлено было подъ особый контроль. Офицеры получали приказаніе взять въ разныхъ дистриктахъ отъ пасторовъ копіи съ указовъ, которые были опубликованы ими въ церквахъ, о сборѣ контрибуціи, а затѣмъ у фогтовъ и сборщиковъ податей сказки о томъ, сколько въ разные годы изъ разныхъ манталей собрано было податей, куда и по какимъ указамъ израсходованы. Всѣ эти документы — «описи» и «квиты» представлялись для провѣрки въ Камеръ-Коллегію [356]). Тоже дѣлалось и съ общественными домами и лавками, которые отдавались въ наймы, чтобы прослѣдить полученные съ нихъ доходы «и на что также деньги въ расходъ употребляются и по какимъ указамъ» [357]).

Въ царствованіе великаго преобразователя, когда работа кипѣла во всѣхъ частяхъ его обширной Имперіи и одновременно велись войны на югѣ и сѣверѣ, потребность въ мастеровыхъ была очень велика и ощутительна. Въ поискахъ за ними не забыта была и Финляндія. Во всѣ уѣзды, къ лагманамъ и экзекуціоннымъ офицерамъ, посланы были письма, дабы они «провѣдали» о ружейникахъ кузнецахъ, «которые воденымъ молотомъ работаютъ», объ «угольныхъ мастерахъ» и др.—Характерно здѣсь то, что Дугласъ обѣщалъ ихъ искать «добрыми словами» и хотя такимъ людямъ великое обѣщано жалованье, то изъ земли иначе не пойдутъ, ибо здѣшняя финская нація въ своей землѣ лучше съ голоду помретъ, нежели въ чужія края передадутся, гдѣ хотя-бъ и великія деньги себѣ наживали; однако буду я стараться и добрымъ искуствомъ изъ земли получить» [358])...

Надо полагать, что не безъ вліянія остались «добрыя слова и водворенная законность на тѣхъ бѣглыхъ, которые рѣшились вернуться въ Финляндію. Дугласъ нерѣдко доносилъ гр. Апраксину, что жители, которые увѣдомясь о наступленіи русскихъ войскъ, «отлучились, нынѣ 50 душъ сюда паки прибыли». Или: «мѣщане гор. Улео.... просили здѣсь письменно, чтобъ ихъ принять въ протекціи Его Царскаго Величества, и обѣщали: быть въ протек-

ціи вѣрными, чего ради указъ тамошнему Вазоскому лагману Шмитфельту посланъ, дабы привести ихъ въ томъ къ вѣрѣ и по прежнему обложить ихъ податьми, кто колико тягла сможетъ» [359]), Раньше этого также были случаи добровольнаго поступленія подъ власть русскаго управленія, отчасти вслѣдствіе родившагося къ нему довѣрія, отчасти, вѣроятно, изъ страха за свое нелегальное положеніе. Послѣ разгрома при Наппо (Лаппола) жители Ню-Карлебю и Гамле-Карлебю (въ февр. 1714 г.) «прислали къ Его Царскому Величеству челобитную, чтобъ съ нихъ взяли контрибуцію, а ихъ милостиво пожаловалъ животами и указалъ жить въ домахъ своихъ подъ именемъ Его Царскаго Величества». Просьба ихъ была уважена.

«Кажется, отношенія между завоевателями и населеніемъ края были хороши», пишетъ офицеръ Уддгренъ въ своемъ изслѣдованіи войны 1714 г. въ Финляндіи. Жители въ большинствѣ случаевъ уплачивали налагаемые на нихъ подати, а русскіе сумѣли пріобрѣсти къ себѣ уваженіе и воспользоваться доходами края, чего не удалось сдѣлать собственнымъ властямъ во время шведскаго режима. По возвращенію въ Тавастландію, часть русской кавалеріи по неизвѣстнымъ причинамъ ограбила церковь и 40 геймат овъ въ кирхшпилѣ Лаппьерви, и въ концѣ мая другой русскій отрядъ поступилъ такимъ-же образомъ въ деревнѣ Лаппо, но вообще не говорится о какихъ либо русскихъ насиліяхъ надъ жителями Финляндіи въ теченіе весны и лѣта 1714 г. [360])

Жаловались финны не только на русскія, но и на шведскія войска, начальники которыхъ, въ свою очередь, выражали неудовольствіе на мѣстное населеніе. Со своими собственными войсками финны находились далеко не въ хорошихъ отношеніяхъ, отмѣтилъ изслѣдователь Уддгренъ. Такъ, напр., правительству въ Стокгольмѣ на Армфельта и его солдатовъ за насилія и своеволіе подана была жалоба, которая, вообще говоря, оказалась неправильной, и когда, наконецъ, финская армія покинула край, то увѣряли, что ихъ начальникъ для этого былъ подкупленъ русскими.

Но и Армфельтъ могъ представить тяжкія обвиненія противъ финскаго населенія. Такъ, напримѣръ, онъ доноситъ въ своемъ рапортѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ 1714 г.) населеніе захватывало въ плѣнъ его патрули и уводило ихъ къ непріятелю; поручика Нюландской пѣхоты, командированнаго для рекрутскаго набора, пасторы и крестьяне, кажется, выдали русскимъ. Въ

другомъ случаѣ, пишетъ Армфельтъ, мы съ удивленіемъ слышали, что даже господа и иные изъ жителей края доставляютъ непріятелю свѣдѣнія о состояніи финской арміи и положеніи мѣстности.

Быть можетъ на основаніи этихъ и другихъ подобныхъ обвиненій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи, по поводу событій 1714 г., какъ въ обществѣ, такъ и официально, финновъ обвиняли въ невѣрности шведской коронѣ. Хотя вообще подобное обвиненіе и кажется не основательнымъ, однако остается тотъ неоспоримый фактъ, что населеніе Финляндіи 1713—1714 г. г. въ общемъ не показывало охоты защищать свой очагъ [361]).

Война продолжалась два десятилѣтія; сраженій и боевыхъ схватокъ трудно перечислить; достойные соперники близко и мужественно сходились на поляхъ битвъ и смѣло мѣряясь силами, разсчитывая на свое счастіе. Не разъ «клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона». При такихъ условіяхъ военноплѣнныхъ набралось очень много; послѣ Полтавской «баталіи» ихъ сразу оказалось до 19 тыс. Всѣхъ шведовъ отправили въ Москву, гдѣ они придали большой блескъ торжественному въѣзду Царя въ столицу. Мысль о томъ, чтобы заставить плѣнныхъ участвовать въ подобномъ торжествѣ, дана была шведами. «Въ началѣ войны,—записано въ дневникѣ датчанина Юста Юля—когда шведамъ случалось брать въ плѣнъ русскихъ, отнимать знамена, штандарты, литавры и пр. или одерживать надъ ними верхъ въ какой нибудь маленькой стычкѣ, они всякій разъ спѣшили торжественно внести трофеи и ввести плѣнныхъ въ Стокгольмъ. Этимъ шведы подали его царскому величеству поводъ дѣйствовать также и относительно ихъ самихъ» [362]).

Плѣнныхъ офицеровъ разослали, партіями, въ сто человѣкъ, по городамъ Архангельской, Казанской и Астраханской губ. Плѣнные генералы Реншельдъ, Левенгауптъ и Крейцъ, были первоначально оставлены въ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пиперомъ образовался родъ высшаго управленія надъ всѣми колоніями плѣнныхъ, число которыхъ, благодаря новымъ неудачамъ шведовъ, все увеличивалось. Тамъ-же для духовныхъ потребностей плѣнныхъ была учреждена военная консисторія (Krigskonsistorium), во главѣ которой стоялъ (drabant predikanten) Георгій Нордбергъ (G. Nordberg),

впослѣдствіи извѣстный, но недостаточно безпристрастный, историкъ царствованія Карла XII. Утверждены были ежегодные молитвенные тексты (böndagstext), былъ устроенъ съѣздъ пасторовъ въ Москвѣ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ по возможности слѣдовали шведскому церковному уставу. Само собою разумѣется, что духовно-нравственная забота о плѣнныхъ во многихъ мѣстахъ была недостаточна, хотя нѣкоторые пасторы неустанно трудились на пользу своего разсѣяннаго стада. Особенно отличался своимъ усердіемъ пасторъ Бьернеборгскаго полка, Габріель Лауреусъ, въ Тобольскѣ. Основаны были школы и больницы, и многіе офицеры начали переписываться съ духовными лицами даже заграницей. Такъ, напримѣръ, извѣстный Франке въ Галлѣ (Franke i Halle) посылалъ имъ ободряющія письма, денежную помощь и священныя книги. Съ родины плѣнные получали вспомоществованіе, хотя въ въ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ бѣдность страны и нужда частныхъ лицъ тамъ постоянно увеличивалась.

Генераламъ и офицерамъ по приказанію Царя назначено было такое-же содержаніе, какое получали соотвѣтствующіе русскіе чины; унтеръ-офицерамъ и рядовымъ производилось жалованье, присвоенное тѣмъ-же званіямъ въ нашихъ пѣхотныхъ войскахъ; каждому дозволялось заниматься извѣстнымъ ему ремесломъ; желающихъ вступить въ русскую службу принимали и содержали наравнѣ съ своими; женъ возвращали женатымъ. Треть годоваго жалованья была выдана шведскимъ солдатамъ впередъ.

Плѣнные работали на канатномъ дворѣ прядильщиками, на пильныхъ мельницахъ (67 чел.) адмиралтейства. Иные отдавались частнымъ лицамъ, купцамъ и т. д. Иные приставлены были къ «нитному дѣлу». Въ первое время никого не стѣсняли, нѣкоторыхъ отпускали даже на родину [363]).

Вообще обхожденіе русскихъ съ плѣнными шведами было въ то время гуманное. 16-го сентября 1705 года Крюйсъ доносилъ Царю, что получилъ письмо отъ Анкаршерна, съ благодарностью за хорошее обращеніе съ плѣнными [364]). Въ воспоминаніяхъ ландсгевдинга Г. А. Пипера встрѣчаются указанія на добрыя свойства русскаго человѣка, не дѣлавшаго различія между своимъ и чужимъ; русскій полковникъ далъ телѣгу плѣннику; матросъ прыгнулъ изъ разбитой галеры въ воду и досталъ вещи шведа; приставъ далъ плѣнному половину наличныхъ въ кошелькѣ денегъ [365]). Заботы о соотвѣтственномъ ихъ размѣщеніи и продовольствіи составляютъ содержаніе многихъ современныхъ документовъ [366]).

Характернымъ въ данномъ вопросѣ является также донесеніе въ маѣ 1705 года своему правительству англійскаго чрезвычайнаго посланника въ Москвѣ. Какъ-то Петру доложили,—пишетъ Витвортъ,—что въ кампанію 1704 года шведы захватили въ плѣнъ, вмѣстѣ съ саксонцами, 45 человѣкъ русскихъ, обрѣзали имъ по два пальца на правой рукѣ и отпустили на родину. «Глубоко взволнованный такимъ поступкомъ, царь публично заявилъ, что хотя шведы и стараются выставить его и русскій народъ варварами и плохими христіанами, онъ можетъ призвать весь міръ и, преимущественно тысячи шведовъ, находящихся въ плѣну въ Россіи, свидѣтелями, что никогда, ни съ однимъ изъ непріятелей не обращался такъ недостойно. Онъ прибавилъ, что бѣдныхъ солдатъ ему, конечно жаль, но поступокъ шведовъ выгоденъ для него: онъ намѣренъ зачислить въ каждый полкъ по одному изъ пострадавшихъ, какъ живой образецъ товарищамъ, что можно ожидать отъ безпощаднаго врага въ случаѣ плѣна или пораженія» [367]).

У другаго современника и сторонняго свидѣтеля, датчанина Юста Юля, находимъ слѣдующія поучительныя строки: (1-го марта 1710 г.) «Среди свадебнаго пира Царь послалъ за фельдмаршаломъ Реншельдомъ. Царь спросилъ, по какой причинѣ шведы, въ томъ числѣ и онъ, Реншельдъ, спустя три дня послѣ битвы подъ Фрауенштатомъ, ни съ того ни съ сего умертвили 600 русскихъ плѣнныхъ, когда они были уже посажены въ тюрьму. Въ свое оправданіе Реншельдъ отвѣчалъ, что тотчасъ послѣ битвы онъ долженъ былъ, по приказанію короля шведскаго, отправиться за 12 миль отъ Фрауенштата и лишь по возвращеніи узналъ объ этихъ убійствахъ, которыхъ-де отнюдь не оправдываетъ. Но Царь спросилъ его, отчего же въ такомъ случаѣ, вернувшись, онъ не наказалъ виновныхъ или по крайней мѣрѣ не выразилъ своего негодованія по поводу такого позорнаго и среди христіанъ неслыханнаго дѣла. На это Реншельдъ ничего не съумѣлъ сказать» [368]).

Резидентъ Веберъ разсказываетъ, что шведскіе плѣнные содержались сносно, но многіе, въ противность данному слову, будучи выпущены, не возвращались, а другіе, вступивъ въ русскую службу, тайно убѣгали, почему пришлось учредить за ними болѣе строгій надзоръ. Пропитаніе себѣ они снискивали разными издѣліями, устройствомъ фабрикъ и мануфактуръ, живописью; одни стали золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами, другіе дѣлали карты, третьи превратились въ точильщиковъ, портныхъ, сапожниковъ, парикмахеровъ, музыкантовъ, учителей; одинъ завелъ въ Тобольскѣ

кукольную комедію. Нѣкоторымъ въ Петербургѣ разрѣшено было просить милостыню. Шведскій капитанъ Миллеръ, во время пребыванія въ Сибири, описалъ остяковъ; полковникъ Шенстремъ изучалъ обывателей (язычниковъ) Сибири. Разсказывали, что калмыки и татары, разорявшіе Эстляндію, Ингерманландію и Финляндію, увели не одну тысячу жителей изъ этихъ областей и распродали въ Сибири, Персіи и другихъ мѣстахъ. Посланникъ Бухарскихъ татаръ желалъ купить шведскихъ дѣвицъ, ибо его повелитель слышалъ, что шведы народъ воинственный и онъ очень желалъ бы развести въ своей странѣ хорошую воинственную породу. Въ такой своеобразной просьбѣ ему было отказано [369]).

О личныхъ отношеніяхъ Петра къ плѣннымъ свидѣтельствуютъ общеизвѣстные факты о томъ, что послѣ Полтавы Петръ «пилъ за здоровье своихъ учителей, которые выучили его воевать»; послѣ Гангута онъ указываетъ на шведскаго адмирала Эрншёльда, какъ на храбраго и вѣрнаго слугу своего государя, достойнаго великой награды и т. д. Изъ Москвы Пиперъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ велъ уединенную жизнь. Онъ заболѣлъ и его посѣтили князь Меншиковъ и великій-канцлеръ. Хотя Пиперъ своимъ упрямствомъ навлекъ немилость Царя, тѣмъ не менѣе его положеніе было улучшено. Пиперъ заболѣлъ и Государь послалъ къ нему своего лейбъ-медика и для пользованія графа на нѣсколько недѣль перевели въ Петербургъ [370]). Въ 1717 г. Сенатъ, по указу Великаго Государя, приказалъ: «въ губерніяхъ, гдѣ есть шведскіе арестанты, никого въ неволю не крестить и на русскихъ подъ неволею не женить и замужъ не давать». Въ 1723 и 1724 г. г. послѣдовали указы о томъ, чтобы силою у себя шведскихъ военноплѣнныхъ не держать и не препятствовать имъ возвращаться въ свое отечество. Петръ I разрѣшалъ плѣннымъ офицерамъ посѣщеніе кирки и знакомыхъ, и описывалъ это разрѣшеніе въ письмѣ Прусскому королю.

По вопросу о плѣнныхъ шли постоянныя пререканія и дѣлались взаимные укоры. Дневникъ перваго министра Карла XII—Пипера—обилуетъ жалобами на тяжелое положеніе военно-плѣнныхъ шведовъ, которымъ давали дурную одежду, плохо смотрѣли за ихъ больными и пр. и пр. «Отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, которыхъ привезли изъ Переяславля, мы (шведы) узнали, что съ ними обращались очень жестоко, ихъ били, на нихъ налагали непосильныя работы, мучили голодомъ и холодомъ, вслѣдствіе чего многіе, потерявъ терпѣніе, возставали противъ стражи, что здѣсь (въ Рос-

сіи) называютъ мятежомъ. Они были до того несчастны и измучены голодомъ, что болѣе не походили на людей.

Изъ того же дневника узнаемъ, что шведы жаловались на жестокое обращеніе съ ними, и кн. Меншиковъ, говорятъ, отвѣтилъ, что онъ на слѣдующій день заставитъ произвести слѣдствіе, и дѣйствительно разслѣдованіе было произведено, и выяснилось, что жалоба была подана не безъ основанія.

Однако тотъ-же дневникъ Пипера устанавливаетъ, что его Величество прилагалъ все свое стараніе, чтобъ плѣнные Его Королевскаго Величества не разъединялись и не приводились въ православіе, а также, чтобъ при нихъ оставлены были необходимые офицеры, которые заботились бы о ихъ неприкосновенности.

Шведамъ обѣщана была такая же свобода въ обращеніи, какой наши плѣнные пользовались въ Стокгольмѣ. И если затѣмъ отъ всѣхъ указанныхъ обѣщаній дѣлались отступленія, то виноваты отдѣльныя лица, переступавшія указы Царя. Особенно шведы жаловались на обращеніе ихъ въ православіе. Это изумляло современниковъ и продолжаетъ удивлять насъ. «Возвратясь отъ князя Гагарина,—читаемъ въ дневникѣ Пипера,—Диттмаръ разсказывалъ, что князь относительно жалобъ, касавшихся перекрещиванія плѣнныхъ, отозвался, что не можетъ вѣрить, чтобъ все это происходило, послѣ того, какъ Его Величество строго запретилъ священникамъ насильственно крестить кого-либо или совращать его отъ своей вѣры. Но такъ какъ Диттмаръ возражалъ, говоря, что можетъ привести тому множество доказательствъ, то князь приказалъ полковнику Враницкому разслѣдовать дѣло [371]).

Но имѣются шведскія заявленія и иного характера.

Корнетъ Эннесъ, прожившій тринадцать лѣтъ въ Тобольскѣ и пользовавшійся для своихъ записокъ свѣдѣніями, собранными у своихъ соотечественниковъ, свидѣтельствуетъ, что «съ плѣнными офицерами въ Россіи вообще обращались хорошо; они пользовались большой свободой, если только вели себя тихо и порядочно....; но въ случаѣ неудачной попытки бѣжать, съ ними поступали строго.... Сосланные унтеръ-офицеры и рядовые... должны были исполнять тяжкія работы—особливо въ сибирскихъ рудникахъ и при построеніи Петербурга. Извѣстно еще, что часть шведовъ (около 3 тыс.) посланы были на Воронежскую верфь.

При капитуляціи Выборга былъ взятъ въ плѣнъ Эренмальмъ. Его біографъ (М. Г. Шюбергсонъ) отмѣтилъ, что присмотръ за плѣнными не отличался строгостью, такъ какъ они имѣли воз-

можность обмѣниваться письмами даже съ заграницею и завести знакомства съ русскими представителями.

Строгія мѣры, принятыя противъ плѣнныхъ, обыкновенно вызывались обстоятельствами. Такъ напримѣръ, прапорщикъ Дальбергъ, сынъ коменданта Риги, сдѣлалъ попытку бѣжать черезъ Финляндію и за это провелъ три мѣсяца въ тяжкомъ заключеніи. Офицеры въ Свіяжскѣ пользовались свободой и ходили по городу безъ караула; но (въ апрѣлѣ 1711 г.) они составили планъ бѣгства и собирались даже напасть на русскіе отряды, умертвить коменданта и всѣхъ русскихъ офицеровъ, чтобы захватить оружіе, порохъ и казну. Заговоръ былъ открытъ. Виновныхъ арестовали; зачинщиковъ заключили въ оковы; капитанъ Рюль просидѣлъ въ подземельи 10 лѣтъ, 10 человѣкъ было разстрѣляно, а всѣхъ остальныхъ удалили въ Тобольскъ [372]).

Побѣги и заговоры являлись взаимными, т. е. среди русскихъ плѣнныхъ продѣлывалось то же самое, чѣмъ проявили себя шведы. О своемъ избавленіи кн. Яковъ Ѳед. Долгоруковъ писалъ Меншикову: «...генералъ Клеркъ, по указу, велѣлъ насъ везти черезъ море «Ботницкое» на шведскую сторону въ городъ Уму (Умео)... но всемилосердый Богъ... далъ намъ юнымъ благой случай и безстрашное дерзновеніе, что мы могли капитана и солдатъ пометать въ корабль подъ палубу и ружья ихъ отнять». Такъ освободились изъ неволи болѣе двадцати человѣкъ [373]).

Жизнь шведовъ въ Сибири—въ Тобольскѣ (до 900 офицеровъ), Томскѣ, Соликамскѣ, Тюмени и другихъ мѣстахъ—оказалась полна лишеній, хотя плѣнные и пользовались нѣкоторой свободой. Развлеченія и утѣшенія приходилось искать въ трудѣ и въ словѣ Божіемъ.

По свѣдѣніямъ брауншвейгскаго резидента Ф. Х. Вебера, въ Сибири находилось всего до 9 тыс. плѣнныхъ шведовъ, считая съ оберъ и унтеръ-офицерами. На работы ихъ не посылали. Жили они въ крайней нищетѣ. Для поддержанія своего существованія имъ приходилось усиленно работать. Шведы выстроили себѣ собственными руками кирку. Въ ней служилъ пасторъ, высланный изъ Петербурга. Въ продолженіи трехъ лѣтъ губернаторъ Сибири кн. Гагаринъ роздалъ имъ свыше 15 тыс. руб.

Другая причина, усилившая строгость по отношенію къ плѣннымъ, кроется въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Непосредственно послѣ Полтавскаго боя Карлъ XII написалъ въ правительственный совѣтъ въ Стокгольмъ:.... «Русскіе плѣн-

ные должны быть содержимы въ Швеціи строго и не пользоваться никакою свободою, пока не окажется возможнымъ обмѣнять ихъ. Особенно знатнымъ русскимъ, находящимся въ плѣну, не слѣдуетъ давать ни малѣйшей воли, не допускать къ нимъ ни кого, будь то шведъ или кто-либо другой; не позволять имъ вести какую бы ни было переписку, а напротивъ, содержать ихъ въ строжайшемъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока можно будетъ отсюда войти съ непріятелемъ въ какое-либо соглашеніе о размѣнѣ».

Всѣ эти обстоятельства, вѣроятно, сдѣлались извѣстными въ Россіи и ими объясняются послѣдующія распоряженія нашего правительства. 12-го Декабря 1714 г. Государь послалъ указъ оберъ-коменданту Москвы, Ивану Измайлову, чтобы онъ собралъ всѣхъ шведскихъ генераловъ и объявилъ имъ, что они живутъ всѣ вмѣстѣ въ Москвѣ «по своей волѣ во всякомъ почтеніи», тогда какъ наши содержатся въ Швеціи «зѣло жестоко» и развезены по разнымъ городамъ: ген. Головинъ въ Оребро, резидентъ Хилковъ въ Вестеросѣ и т. д. По этому поводу состоялось офиціальное сношеніе со Стокгольмомъ. Предложено было содержать нашихъ плѣнныхъ столь же «честно и вольно», какъ содержатъ шведовъ въ Россіи. Ни освобожденія нашихъ, ни отвѣта не послѣдовало. Тогда состоялось повелѣніе развести шведскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ по городамъ и монастырямъ и держать ихъ «за крѣпкимъ карауломъ»: Реншельдъ и Левенгауптъ попали въ Ораніенбаумъ, Крейцъ, Стакельбергъ и др.—въ Кирилловъ монастырь [374]).

8 Февраля 1720 г. Царь повелѣлъ «изъ шведскихъ арестантовъ, которые нынѣ бьютъ челомъ и впредь будутъ бить челомъ, чтобы ихъ отъ ареста освободить и принять въ службы или позволить за присягами жить въ ихъ отечествѣ, въ Финляндіи и Эстляндіи и прочихъ провинціяхъ, съ сего времени впредь ихъ въ службы не принимать и въ отечество не отпускать, а держать по прежнему въ тѣхъ городахъ, гдѣ они нынѣ есть»... [375]).

Веберъ писалъ, что, кромѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, у Петра имѣлись черные полки, родъ земской полиціи. Изъ простыхъ солдатъ плѣнныхъ шведовъ многіе взяты были на службу въ эти черные полки. Другіе шведскіе солдаты, видимо, обязывались нести гарнизонную службу [376]).

При учрежденіи коллегій, Петръ В. обратилъ особенное вниманіе на шведскихъ плѣнныхъ, въ виду ихъ образованности, и въ, 1717 г. предложилъ генералу Брюсу, при помощи сенаторовъ

пріискивать «удобныхъ ассесоровъ изъ шведскихъ полоняниковъ». Чтобы не касались при этомъ національнаго чувства плѣнныхъ, Царь приказалъ предупреждать ихъ, что то «служба гражданская, а не военная». Нѣкоторыя учрежденія Россіи въ періодъ петровской реформы создавались, какъ извѣстно, по шведскому образцу и кромѣ того повелѣно было перевести шведское уложеніе. При такихъ условіяхъ, службой шведовъ естественно дорожили. Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ для шведовъ отводились даже спеціальныя вакансіи [377]).

Въ апрѣлѣ 1721 г. Петромъ В. изданъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось всѣмъ и каждому, а особенно шведскимъ и другимъ военно-плѣннымъ, что хотя война и ведется со шведскою короною ради государственнаго интереса, но тѣмъ не менѣе «партикулярной противности къ тому народу никакой не имѣли», а напротивъ Царь разными способами желалъ военное пламя «угасить» и возстановить добрую дружбу. Царь сожалѣлъ объ участи плѣнныхъ и «долгопротяжности» пребыванія ихъ въ Россіи, зная, что они терпятъ нужду. Теперь Государь рѣшился дать имъ свободу на слѣдующихъ условіяхъ: каждый, принесшій вѣрноподданническую присягу, можетъ селиться, гдѣ пожелаетъ. Каждому предоставлялось право жениться «по своей склонности», пріобрѣтать недвижимость, вести торговлю, по своей подготовкѣ и знанію русскаго языка искаться въ разныя коллегіи; кто имѣетъ склонность поступить въ войска, тѣ предупреждались, что «противу отечества своего служить не принуждаются» [378]).

Послѣ заключенія мирнаго трактата (30 авг. 1721 г.), послѣдовалъ (21 сентября) указъ о томъ, чтобы «свейскихъ военноплѣнныхъ, какого бы народа, чина и состоянія ни были», содержавшихся подъ арестомъ «на пароляхъ» «или кому отданы были», выслали «наискорѣе» изъ всѣхъ губерній и провинцій въ Петербургъ, давъ имъ подводы или прогонныя деньги. Тѣхъ же, которые поступили или пожелали поступить на царскую службу, «или инако по своей волѣ въ Россіи остаться, или воспріяли благочестивую православную вѣру,—«не отпускать и не высылать, а быть имъ тамъ, гдѣ кто нынѣ обрѣтается» [379]). Въ томъ же смыслѣ послѣдовали и другіе указы (напр. отъ 8 марта 1723 г.) [380]). Дабы эти указы о военноплѣнныхъ дошли по назначенію, велѣно было напечатать ихъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, развѣшивать, а по воскресеньямъ и въ торговые дни читать при народныхъ сборищахъ. Внимательно предписано было отнестись къ

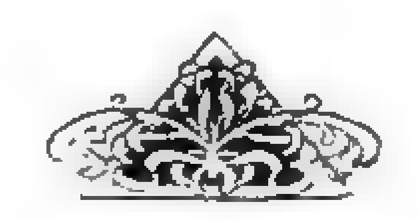
жителямъ Выборгскаго и Карельскаго уѣздовъ. Здѣсь необходима была провѣрка, по какую сторону новой границы жили претендовавшіе на выѣздъ [381]).

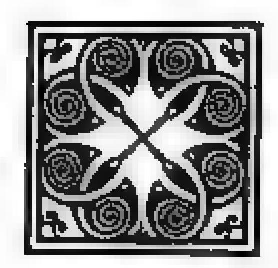
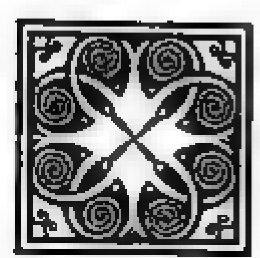
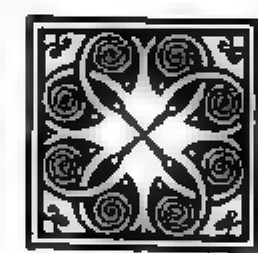
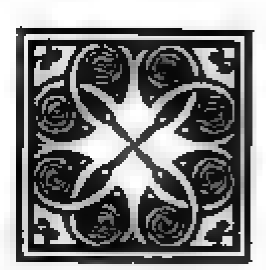
Въ Швецію возвратилась лишь часть плѣнныхъ; едва ли не большинство ихъ осталось въ Россіи: одни приняли подданство, другіе хорошо устроились, третьи женились, четвертые опутались долгами, пятые умерли и т. д.

Въ дневникѣ каммеръ-юнкера Берхгольца (II, 30) имѣется свѣдѣніе о томъ, что въ январѣ 1722 г. Царь угощалъ плѣнныхъ шведовъ и предложилъ тосты за здоровье шведскаго короля, королевы, всѣхъ храбрыхъ шведовъ, твердо выдержавшихъ плѣнъ, за всѣхъ храбрыхъ солдатъ и матросовъ.

Согласно мирному договору, военно-плѣнныхъ надлежало возможно скорѣе отправить на почтовыхъ лошадяхъ до границы. Это требованіе исполнялось только въ началѣ; вскорѣ шведскіе плѣнные принуждены были уходить и переправляться по своему усмотрѣнію до рубежа, поэтому многіе пришли въ Финляндію въ самомъ отчаянномъ положеніи, гдѣ оказались для обѣднѣвшей страны новой тягостью, пока ихъ не переправили въ Швецію. «И не странно-ли, пишетъ Берхгольцъ (II, 44 и 104 стр.), что шведское правительство столько тысячъ соотечественниковъ оставляетъ въ нуждѣ и нищетѣ? До сихъ поръ (1722), оно не прислало еще никого, чтобы позаботиться о честномъ возвращеніи несчастныхъ въ ихъ отечество, даже никому здѣсь не поручено этого, такъ что бѣдные плѣнные бродятъ какъ покинутое стадо, не зная не только какъ возвратиться въ отечество, но и къ кому собственно обращаться». Въ Стокгольмъ прибыли ранѣе конца 1722 г. 4 генерала, 149 офицеровъ, 38 пасторовъ, 512 унтеръ-офицеровъ и 1935 рядовыхъ. Число оставшихся въ Финляндіи—неизвѣстно [382]).

Плѣнный офицеръ Лоренцъ-Шульцъ говорилъ, что нѣкоторые изъ русскаго плѣна вернулись съ приличными средствами, другіе-же въ нищетѣ. А поэтому нѣкоторые страдали немного, другіе—болѣе или менѣе значительно [383]).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

VIII.

Русское управленіе краемъ.

Ландсгевдингомъ [384]) всей Финляндіи и лагманомъ (губернаторомъ) Або былъ графъ Густавъ Отто Дугласъ. Въ иныхъ случаяхъ его называли генералъ-губернаторомъ.

По своимъ нравственнымъ качествамъ онъ совершенно не соотвѣтствовалъ занимаемой имъ должности. Нрава грубаго и необузданнаго, онъ ознаменовалъ свое управленіе жестокостію и лихоимствомъ. Дугласъ принадлежалъ къ знаменитому шотландскому роду. Робертъ Дугласъ (1611—62), изъ боковой линіи Дугласъ Виттингенъ, въ молодости поступилъ на службу къ Густаву Адольфу, участвовалъ въ войнахъ Швеціи съ Польшей. — Онъ родоначальникъ шведской линіи Дугласъ. Его потомокъ, графъ Густавъ Отто Дугласъ, участвовалъ въ Полтавской битвѣ. Онъ состоялъ лейбъ-драбантомъ Карла XII и тогда-же попалъ въ русскій плѣнъ. Въ 1717 г. добровольно поступилъ на русскую службу и понравился Петру. Сперва онъ состоялъ ландратомъ въ Эстляндіи, а затѣмъ назначенъ въ Финляндію, гдѣ онъ надѣялся,—какъ онъ самъ писалъ (въ апр. 1718 г.),—получить рангъ генералъ-маіора и соотвѣтственно сему денежный окладъ. «А нынѣ, Государь, живу здѣсь и рангу себѣ не знаю» [385]). Надо признать, что положеніе его въ Або было очень труднымъ. «Прежде сего управляли сію провинцію четыре ландсгевдинга, а нынѣ управляется мною однимъ»,—жаловался Дугласъ [386]).

Въ 1717 г. кн. Голицынъ донесъ гр. Ѳ. М. Апраксину: «ландсгевдингъ съ своими товарищи сюда прибылъ (къ маѣ м-цѣ); по указу вашему здѣшнія провинціи ему поручилъ и вѣдомости о сборахъ и съ универсаловъ копіи отданы и экзекутныхъ офицеровъ ему поручилъ» [387]). Вотъ все, чѣмъ въ состояніи былъ снабдить его кн. Голицынъ.—Дугласъ не могъ, конечно, ограничиться этимъ и подалъ обширный меморіалъ [388]), состоявшій исключительно изъ вопросныхъ пунктовъ.—Кн. Голицынъ далъ по нимъ пространные отвѣты, которые проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на первоначальное положеніе дѣлъ въ Финляндіи; вообще за нужными справками князь рекомендовалъ Дугласу обращаться къ обывателямъ и экзекутнымъ офицерамъ. О вступленіи Дугласа въ должность приказано было публиковать въ киркахъ. То обстоятельство, что обыватели Абоскаго «губернамента» присяги вѣрности Его Царскому Величеству «не учинили» кн. Голицына не безпокоило, такъ какъ, по его мнѣнію, они достаточно связывались универсалами, которыми предупреждались, что если пренебрегутъ ихъ требованіями, то «причтены будутъ къ непріятелю». Свѣдѣнія о числѣ «манталей», кирокъ, дворовъ и пр. Дугласъ долженъ былъ получить отъ двухъ маіоровъ (Маршакова и Аничкова) и такъ какъ новый генералъ-губернаторъ отзывался незнаніемъ обширности «здѣшняго (т. е. своего) губернамента», то кн. Голицынъ въ своемъ отвѣтѣ даетъ перечень городовъ и уѣздовъ, прибавляя, что «въ Эстерботніи состоитъ неровно: когда кавалерія наша тамъ обрѣтается, тогда не многіе обыватели въ домахъ своихъ живутъ, но больше въ лѣса сбѣгаютъ, чтобы не платить контрибуціи». Далѣе Дугласъ просилъ указа о томъ, чтобы коменданты и офицеры впредь «въ здѣшнія земскія дѣла не вступали, ниже какихъ контрибуцій и прочихъ податей требовали», и чтобы никто «безъ письменнаго пасу» (паспорта) изъ губерніи не выѣзжалъ. На все это послѣдовало согласіе, а «пасы» выдавались уже изъ канцеляріи кн. Голицына. Тѣхъ, которые рѣшались ѣздить въ Швецію безъ паспорта «признавали за непріятеля» и ссылали «въ Россію и Эстляндію». Въ виду того, что многіе обыватели тайно держали бѣглыхъ, за что «воспріяли наказаніе и сосланы въ Россію», кн. Голицынъ призналъ необходимымъ подтвердить, чтобы грабителей и «бездѣльниковъ» «брали въ арестъ». Пустыя мызы и деревни князь разрѣшилъ отдавать въ аренду тѣмъ, которые обѣщаются платить контрибуцію; тѣ, которые возвращались съ шведской стороны, по-

лучали право занимать свои дома. Раздавать вотчины наслѣдникамъ Голицынъ не позволилъ потому, что Финляндія содержалась «подъ военною рукою». Наконецъ, по просьбѣ Дугласа, ему «для управленія всякихъ дѣлъ» данъ былъ отрядъ, состоявшій изъ 11 офицеровъ и болѣе чѣмъ 500 нижнихъ чиновъ [389]).

Гр. Дугласъ, конечно, зналъ страсть Государя пополнять свои новыя кунсткамеры разными рѣдкостями и, очевидно, желая угодить Петру, придумалъ нелѣпость, на которую и послѣдовалъ достойный отвѣтъ. Среди многочисленныхъ запросовъ гр. Дугласа обращаетъ вниманіе своею оригинальностію одинъ, (отъ 1 ноября 1720 г.), въ которомъ онъ, оставаясь, «всѣмъ должнымъ респектамъ», проситъ разрѣшенія гр. Апраксина прислать въ Петербургъ кости святого епископа Генриха, находившіяся въ городской абоской думкирхѣ, «понеже оныя можно-бы положить въ Его Царскаго Величества антиквитезную камору». Вопросъ былъ внесенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (№ 119) и, по указу Царя (отъ 19 ноября 1720 г.), кн. М. М. Голицыну повелѣно было хранить «тѣло» епископа въ приличномъ мѣстѣ за собственною печатью, чтобъ никто не могъ взять оное и перемѣнить» [390]).

Прошло три года со дня запроса, сдѣланнаго генералъ-губернаторомъ кн. Голицыну. Дугласъ въ новомъ мемуарѣ заявляетъ, что «и по нынѣ» ему не дано инструкціи, какъ управлять и какъ поступать. На дѣлѣ же, за неимѣніемъ иной, онъ руководствовался инструкціей, которая въ шведскія времена была обязательной для ландсгевдинговъ [391]).

Въ томъ же мемуарѣ генералъ-губернаторъ просилъ о высылкѣ къ нему изъ Эстляндскаго дворянства лагмана Тизенгаузена, капитановъ Эссена и Бруммера. Оказывается, что ихъ давно назначили, но они «указу ослушны были и по нынѣ не явились». Пришлось въ Вазу опредѣлить на службу финляндскаго уроженца Шмитфельта; но такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ бродили шведскіе партизанскіе отряды, то кн. Голицынъ настаивалъ на смѣнѣ его. Дугласъ ходатайствовалъ, чтобы назначенныхъ къ нему эстляндцевъ понудили къ пріѣзду въ Финляндію «воинскою рукою». Новыя мѣры были приняты къ ихъ высылкѣ; гр. Апраксинъ написалъ эстляндскому ландсгевдингу ландрату фонъ-Левену, чтобы «оныхъ сыскать» и предупредить, что если не выѣдутъ въ Финляндію, съ ними будетъ поступлено, какъ съ преступниками [392]).

Нужно было организовать управленіе, а людей не было: финляндскіе чиновники, духовенство и состоятельныя лица, какъ

сказано, бѣжали; а эстляндцы не ѣхали. Военное положеніе продолжалось; на сѣверѣ происходили стычки; партизаны—(пѣшіе драгуны)—бродили по краю. Особенно критическими были первые годы пребыванія русскихъ въ Финляндіи. Гдѣ не было непріятеля, они собирали контрибуцію [393]). Кому было заботиться объ остальномъ и устанавливать порядокъ? Шведы объ этомъ не думали: они хотя и продолжали считать Финляндію своей, но покинули ее. Русскіе же находились во враждебной имъ странѣ и не знали, долго-ли имъ придется оставаться въ ней. Финляндія, помимо того, досталась имъ разоренной и обнищавшей. Какъ было устраиваться при подобныхъ обстоятельствахъ?

Особенно своеобразно было положеніе на сѣверѣ:

Въ 1716 г. приходъ Куусамо былъ единственнымъ въ Финляндіи подчиненнымъ управленію шведскаго правительства. Но уже на слѣдующій годъ, послѣ того, какъ ген. Чекинъ разорилъ Каянскій уѣздъ, Пальдамо и Соткамо вновь подпали власти Россіи. Въ такомъ положеніи оставался Каянскій округъ во все время войны. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ весной 1719 года отряду Армфельта удалось продвинуться до Улеоборга. Одинъ казацкій маіоръ былъ имъ разбитъ при Келлобію. Онъ спасся черезъ ледъ въ Карлъ-э, гдѣ крестьяне возвратили его русскимъ соотечественникамъ. Разсказываютъ, что въ благодарность за это онъ упросилъ Царя не губить Улеоборга, который яко-бы былъ назначенъ къ сожженію. Въ слѣдующую осень Улеоборгъ еще подчинялся Швеціи и платилъ повинность для поддержанія пѣшихъ драгунъ. Но въ послѣдующіе годы эти мѣста подпали власти русскихъ (приходъ Іо платилъ подать русскимъ въ размѣрѣ 20 руб., а Улеоборгъ—6 руб.)

Эти примѣры показываютъ, въ какомъ хаотическомъ положеніи находился сѣверъ Финляндіи во время Великой Сѣверной войны.

Но тѣмъ не менѣе, едва русскіе увидѣли, что имъ придется жить въ Финляндіи, они не только перестали вредить ей, какъ непріятельскому театру войны, но принялись водворять въ ней гражданское и церковное управленіе.

Согласно Царскаго указа, исходившаго изъ камеръ-коллегіи, генералъ-губернаторъ Дугласъ представилъ въ 1718 г. обзоръ Великаго Княжества Финляндскаго въ административномъ и экономическомъ отношеніи [394]). Возстановляя картину Финляндіи того времени, частію по этому офиціальному обзору, частію по

другимъ даннымъ, оказывается, что она дѣлилась тогда на пять частей, которыя соотвѣтствовали нѣкоторымъ нынѣшнимъ губерніямъ, но назывались различно, то округами—дистриктами, то «уѣздами». Каждая часть вѣдалась особымъ лагманомъ. При Дугласѣ въ краѣ находились слѣдующіе четыре лагмана: Берендтъ Іоганъ фонъ Тизенгаузенъ въ Абоскомъ и Таваступсскомъ «уѣздѣ», Карлъ Густавъ фонъ Лиліенфельтъ въ Гельсингфорсскомъ,—Георгій Фромгольдъ фонъ-Эссенъ въ Бьернеборгскомъ, и Христіанъ Іоганнъ фонъ-Шмитфельтъ въ Вазѣ.—Изъ лагмановъ того времени извѣстны кромѣ того Мартынъ Бруммеръ, правившій до Лиліенфельта и Эссена объединенными округами Гельсингфорсскимъ и Бьернеборгскимъ, и Отто Іоганнъ фонъ-Тизенгаузенъ, занимавшій (до Шмитфельта) лагманскую должность въ Эстерботніи. Бруммеръ и Шмитфельтъ запятнали себя корыстолюбіемъ; Отто фонъ-Тизенгаузенъ и Вольмаръ Адольфъ Стаккельбергъ пріобрѣли извѣстность особой заботой о населеніи. Стаккельбергъ настолько пользовался общимъ довѣріемъ въ Эстерботніи, что его за «отеческое и правосудное» исполненіе своихъ обязанностей просили впослѣдствіи остаться на шведской службѣ.—Абоское лагманство было затѣмъ объединено съ должностью генералъ-губернатора въ рукахъ Густава Дугласа, который получалъ раціоны генералъ-маіора (т. е. по 40 р.), а содержаніе ему давалось «погодно» по 1.000 рублей «изъ окладныхъ губерній», т. е. ему давали то, что получали прежніе шведскіе ландсгевдинги, но безъ «столовой мызы». Лагманы имѣли маіорскій окладъ (по 25 р. въ мѣсяцъ) и 11 раціоновъ.

Губернская канцелярія Дугласа состояла изъ двухъ секретарей (каждому по 18 р. въ мѣсяцъ), камерира (13 р.), расходчика (7 р. въ мѣсяцъ), переводчики (8 р.) и канцеляриста (4 р.). Канцелярія лагмановъ состояла, кажется, только изъ одного чиновника.

Приходо-расходная касса содержалась въ Абоскомъ замкѣ подъ карауломъ.

«Академія» была «въ конецъ разорена»; ни учителей, ни учениковъ въ ней не было. Въ Або осталась только одна «малая» школа. Ученики ея питались «міромъ и подаяніемъ милостыни», учителя жалованія не получали. Надо полагать, что это замѣчаніе относится къ Абоской кафедральной школѣ, которая возобновила свою дѣятельность въ 1716 г. На слѣдующій годъ открылись занятія въ тривіальной школѣ въ Раумо. Имѣются

еще свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ въ Вазѣ, Нодендалѣ, Нюстадтѣ, Экенесѣ и Выборгской губ.

Всѣ эти школы были крайне незначительны, какъ по составу преподавателей, такъ и по числу учениковъ. Взамѣнъ Тавастгусской школы, пришедшей въ полный упадокъ, старшій пасторъ Аксель Пакаленіусъ открылъ маленькую школу въ Янакальскомъ церковномъ домѣ. Всѣ они получили возможность продолжать свою дѣятельность, благодаря просвѣщеннымъ заботамъ кн. Голицына, и тѣмъ поддержана была преемственность высшаго образованія.—Многіе будущіе полезные дѣятели получили въ нихъ основу своихъ познаній. Съ разрѣшенія кн. Голицына нѣсколько юношей отправились въ Швецію, чтобы тамъ, въ Упсальскомъ университетѣ, заняться высшими науками.

Само собою разумѣется, что общая религіозная и научная подготовка такого исключительнаго и своеобразнаго времени, когда русскіе должны были устраивать ихъ среди своихъ враговъ въ чужой землѣ—не могла быть высока. Учебниковъ не было; типографіи закрылись. Приходилось учить на память. Чтобы помочь дѣлу, по распоряженію духовенства, издана была азбука графомъ Даніиломъ Медельпланомъ. Ее напечатали первобытнымъ способомъ при посредствѣ деревянныхъ досокъ.

Болѣе трудностей представило возобновленіе церковнаго управленія. Епископъ, члены консисторіи и болѣе сотни пасторовъ побросали епархію и церкви. Иные приходы пострадали отъ войны; кирка въ Пальдамо была, напр., сожжена; многихъ духовныхъ лицъ похитила смерть. Бывали случаи, когда богослуженіе происходило въ пустынныхъ мѣстахъ, среди разбредшагося народа. Они назывались «богослуженіями со звуками пастушескаго рожка». Все было уже въ запущеніи, когда наши войска расквартировывались по Финляндіи. Такъ протекло четыре года. Сперва епископъ Іоганнъ Гецеліусъ пытался направлять духовныя дѣла изъ Швеціи, но по мѣрѣ того, какъ русскія войска распространялись по краю, становилось затруднительнѣе поддерживать сношенія съ паствой.

Въ 1717 г. кн. Голицынъ далъ болѣе правильное устройство церковному управленію.—Въ Або учреждена была временная консисторія. Во главѣ ея онъ поставилъ пастора изъ прихода Сомеро Якова Ритца (Iakob Ritz), съ титуломъ «настоятеля» (domprost). Ранѣе Ритцъ состоялъ пасторомъ въ Ингерманландіи. Ритцъ обязанъ былъ устраивать приходы, согласно существовавшихъ шведскихъ законовъ, и посвящать въ пасторы.—Имѣлись приходы безъ духовенства, почему ихъ приходилось объединять съ сосѣд-

ними приходами и спѣшить назначеніемъ настоятелей. Ритцомъ поставлено было до 49 пасторовъ, изъ коихъ большинство не проходило академическаго курса. Частыми напоминаніями духовенству о его призваніи и наказаніемъ за дурное поведеніе, Ритцъ подымалъ его достоинство. Почти одновременно съ учрежденіемъ консисторіи, въ Вазу былъ назначенъ (1718) Бартольдъ Ваэль. Ему вмѣнили въ обязанность наблюдать и провѣрять приходы Эстерботніи; надо полагать, что ему также дано было право посвящать въ пасторы.

Для приходовъ въ Тавастландіи и Нюландіи учредили временную консисторію въ г. Борго, во главѣ которой сталъ пасторъ Перно—Петръ Серлякіусъ. Она просуществовала только до 1720 г.: ее закрылъ Дугласъ. Этотъ консисторіальный судъ не могъ впрочемъ назначать пасторовъ. Закрытіе консисторіи въ Борго вызвало ходатайство финляндскихъ пасторовъ о ея возстановленіи, въ виду того, что поѣздки въ Або изъ Нюландіи и Тавастгуса, иногда за 60 миль, были очень разорительны [395]). Вообще русская власть пользовалась случаями и сама замѣщала пасторскія должности, съ которыми всегда соединялись извѣстныя административныя обязанности, почему имъ придавали тогда, какъ и впослѣдствіи, нѣкоторое политическое значеніе.

По настоянію кн. Голицына устроено было въ Або два съѣзда (1720 и 1721 гг.) духовенства.

Въ восточной части Финляндіи, начиная съ 1714 г., право посвященія въ пасторы предоставлено было настоятелю Магнусу Алопеусу. Послѣ его смерти церковныя дѣла вновь пришли въ разстройство, пока 1720 г. Христіана Мелартопеуса не назначили предсѣдателемъ только-что открытой въ Выборгѣ консисторіи [396]).

На долю тѣхъ немногочисленныхъ пасторовъ, которые остались въ своихъ приходахъ, выпали большія трудныя и отвѣтственныя обязанности. Сила обстоятельствъ побуждала ихъ успокоить свои приходы и водворить въ нихъ какой-либо сносный порядокъ. Они явились посредниками между мѣстнымъ населеніемъ и русской властью. Въ первое время, за неимѣніемъ другихъ лицъ, на нихъ возлагался нерѣдко сборъ контрибуціи.

Имъ приходилось оглашать русскіе универсалы въ киркахъ. Многіе поняли свое положеніе и сразу очень охотно содѣйствовали русской власти. Такъ, напримѣръ, пасторъ Густавъ Бернеръ усмотрѣлъ въ универсалахъ гр. Апраксина истинное благодѣяніе для всего края и особенно для бѣднаго населенія, кото-

рому давалась возможность жить въ своихъ домахъ, подъ охраною русскихъ войскъ, почему поспѣшилъ выразить (5 окт. 1713 г.) графу чувство благодарности и признательности [397]). Пасторъ Густавъ Аленіусъ (изъ кирки Ноусисъ, Абоскаго уѣзда) отправился (въ сент. 1713 г.) въ главную квартиру нашихъ войскъ, прося выдать ему для своего прихода охранные листы [398]).

Другіе пасторы, напротивъ, отказались слѣдовать справедливымъ требованіямъ универсаловъ главнокомандующаго и нѣкоторые поплатились даже своими головами. Гр. Апраксинъ предупреждалъ, чтобы обыватели Финляндіи, въ своихъ корреспонденціяхъ въ Швецію, не сообщали свѣдѣній, касающихся хода войны, численности и расположенія нашей арміи и т. п. Кромѣ того, особенно строго воспрещалось укрывать у себя партизановъ «кивиковъ», или «сиссаровъ». Ослушаніе привело нѣкоторыхъ (въ 1716 г.) въ тюрьмы городовъ Або и Тавастгуса; а въ 1718 г. были казнены комминистры (помощники пастора) Андрей Афренъ изъ Сторкюро и Рутъ изъ Максма за описанія положенія въ Финляндіи, попавшіяся въ руки русскихъ, въ моментъ ихъ отправки [399]).

Въ 1700 году, Петръ, начиная войну съ Швеціею, былъ озабоченъ благоустройствомъ заграничной почты, почему, по предложенію Андрея Виніуса, былъ учрежденъ новый почтовый трактъ отъ Смоленска къ Пскову и далѣе черезъ Литву, такъ какъ предстоявшая война препятствовала сообщеніямъ черезъ Ригу. Въ 1701 году, заграничная почта изъ вѣдѣнія стольника Виніуса перешла въ вѣдѣніе приказа Петра Шафирова; тѣмъ не менѣе почта осталась на прежнемъ коммерческомъ основаніи, и какъ Виніусу было предоставлено право «взимать со всѣхъ писемъ золотниками въ оба пути должный сборъ противъ прежняго», такъ точно могъ поступать и Шафировъ, уплачивая прогонныя деньги изъ взимаемаго имъ почтоваго сбора. Государевы приказы и «всякія государственныя дѣла» пересылались безплатно.

Шведская война вызвала устройство еще и новоторжскаго тракта «для свейской службы». Война эта тяжело отозвалась на ямщикахъ сѣверной полосы Россіи, такъ какъ они должны были безостановочно возить полковую казну, пушечные припасы и ратныхъ людей. Они дошли до того, что имъ не стало чѣмъ кормить лошадей. Жалобы эти были уважены Петромъ, и онъ приказалъ увеличить число ямщиковъ и выдавать по 20 рублей жалованья на выть. Но ни помѣщики, ни монастыри не хотѣли отпускать своихъ крестьянъ на ямскія выти [400]).

Ординарная почта по Выборгской дорогѣ до Кюмени поддерживалась десятью лошадьми, а въ сторонѣ отъ Або до Гельсингфорса — 6-тью. Подставныя лошади отпускались по предписаніямъ кн. Голицына, отданнымъ Дугласу. Лошади ставились отъ крестьянъ безплатно. Правильныя почтовыя сообщенія (съ 1713 по 1721) въ Финляндіи вообще прекратились. Почта отъ Выборга до Гельсингфорса доставлялась моремъ. Почта содержалась еще между г. Або и «Алантомъ» [401]).

Изъ письма Шафирова къ Апраксину отъ 21 іюня 1719 г. видно, что первый предлагалъ устроить почту отъ Гельсингфорса черезъ Выборгъ въ Петербургъ сухимъ путемъ, причемъ, однако, главное вниманіе обращено было на путь отъ Выборга до Петербурга [402]).

Порядокъ на почтовыхъ трактахъ поддерживался плохой, лошадей брали произвольно, что разоряло крестьянъ. Это заставило Дугласа (въ 1721 г.) хлопотать о томъ, чтобы ему разрѣшено было поставить почту такъ, какъ она устроена въ Выборгскомъ уѣздѣ, и тѣмъ облегчить населеніе [403]).

Кромѣ почтовой повинности крестьяне исполняли нѣкоторыя другія, напримѣръ, они возили лѣсъ, потребный для строенія галеръ. Эта повинность требовала «великое число» лошадей; въ теченіи зимы 1717 г. ихъ было въ нарядѣ «нѣсколько тысячь» [404]).

Прежде «въ каждомъ уѣздѣ и ландсгевдингствѣ»,—отмѣтилъ Дугласъ въ своемъ обзорѣ,—было по одному госпиталю, на содержаніе которыхъ опредѣлялись особыя «пашни». Доходы съ нихъ собирались надсмотрщиками госпиталей. «Нынѣ только во всей странѣ одна госпиталь», находящаяся въ 3-хъ миляхъ отъ Або, въ деревнѣ Наго. Въ ней содержались больные, страдавшіе тяжкими и прилипчивыми болѣзнями. На содержаніе этого госпиталя ничего не отпускалось, почему приходилось поддерживать его «отъ подаянія кто что пожалуетъ».

Послѣ продолжительной войны, тянувшейся до водворенія русскихъ въ краѣ уже тринадцать—четырнадцать лѣтъ, экономическое состояніе Финляндіи не могло быть инымъ, какъ крайне печальнымъ. Фактическое владѣніе русскихъ Великимъ Княжествомъ продолжалось около 8-ми лѣтъ. За это послѣднее время въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности края замѣчается улучшеніе и развитіе, а не упадокъ и разложеніе. По единогласному заявленію финскихъ историковъ [405]) земледѣліе замѣтно оживилось, хотя доходность съ полей, за недостаткомъ рабочихъ рукъ,

лошадей и домашняго скота, не поднялась до цифры прежнихъ временъ. Торговля, почти совершенно остановившаяся, вслѣдствіе эмиграціи купцовъ, стала оправляться, и у финскихъ береговъ показались даже суда голландцевъ, которыя прежде сюда не плавали. Въ области промышленности можно отмѣтить возникновеніе въ Борго льняного производства.

Если судить по обзору Великаго Княжества Финляндскаго, представленному Дугласомъ въ камеръ-коллегію, то оказывается, что въ началѣ его управленія «желѣзнаго промысла» въ краѣ совершенно не было.—«Рудокопныхъ заводовъ здѣсь никогда не бывало»,—писалъ онъ; «заводы желѣзные здѣсь есть», но работа на нихъ не производилась и доходовъ они не давали. Изъ существовашихъ тогда заводовъ, имъ перечислены: Фагервикъ—въ селѣ Инго; Сварто—у Карисъ-кирки; заводъ у Пало-кирки; Коскисъ; Тюкö (Тукö); Бойо—заводъ; Киргакала; Эура-кирка въ Бьернеборгскомъ уѣздѣ (по правописанію Дугласа Бьернбургскимъ); Каутта—въ Боргоскомъ уѣздѣ; у Перно кирки—Перно заводъ, въ Эстерботнійскомъ уѣздѣ, и 10-й заводъ—Горсбергъ. Но далѣе слѣдуетъ заявленіе, что «хозяева тѣхъ заводовъ всѣ выѣхали въ Швецію». Такъ было въ 1717 и 1718 г.г. Затѣмъ извѣстно, что къ концу пребыванія русскихъ въ Финляндіи, работали три желѣзныхъ завода—Коскисъ, Тюкö и Каутта, хотя производительность ихъ была незначительна [406]).

Рыбныя ловли существовали; ими кормились и платили свои подати прибрежные крестьяне. Въ откупъ этихъ ловель не давали. Ловля жемчуга производилась (въ Эураминне киркѣ), но она была столь ничтожной, что шведскій инспекторъ ее «въ дѣло не ставилъ». Пчелъ въ здѣшней странѣ нѣтъ. «Селитрою, порохомъ, стекломъ, поташемъ, золою и пр. здѣсь не промышляютъ». «Известь здѣсь жгутъ, но походу на оную нѣтъ». «О живьѣ доношу,—продолжаетъ Дугласъ,—онаго отсюда подъ смертною казнью вывозить заказано для того, что живье про здѣшнюю армію надобно» [407]).

Торговля Финляндіи была немногосложная. Наиболѣе простой обмѣнъ товаровъ производился путемъ ярмарокъ. Онѣ устраивались три раза въ годъ въ Або, Подендалѣ, Борго и въ другихъ мѣстахъ и селахъ, «но оные торгу невеликаго». Съѣзжались на нихъ мужики изъ деревень съ хлѣбными товарами, соленою рыбою, живьемъ и пр., а на сентябрскихъ ярмаркахъ торговали также и лошадьми. Купцы ихъ не посѣщали и доходу ярмарки вообще не приносили, только «малая пошлина» собиралась на нихъ [408]).

Лавки и избы въ наемъ не отдавались. «Особливаго порядка» для продажи хлѣба не существовало, а каждый, заплативъ пошлину, могъ свободно продавать его. Ни водяныхъ, ни вѣтряныхъ мельницъ на откупъ не сдавали, а крестьяне настроили ихъ по деревнямъ для своихъ нуждъ. Прежде смоляной промыселъ, особенно въ Вазаскомъ уѣздѣ, давалъ казнѣ значительный доходъ; «нынѣ никто тѣмъ промышлять не имѣетъ для того, что я имѣю указъ всю смолу, что здѣсь явится, взять на Его Царское Величество по 26—4 ден. за бочку»,—доносилъ Дугласъ [409]). Обстоятельства военнаго времени побуждали русскихъ пользоваться также и лѣсными богатствами. Лѣсъ требовался прежде всего для галеръ. Бревна заготовлялись солдатами, но кромѣ того и ленсмана получали приказанія рубить лѣсъ извѣстнаго размѣра и возить его на берегъ. Лѣсъ брали около Гельсингфорса, въ приходѣ Сиббо, вокругъ Борго и въ другихъ мѣстахъ; но кажется, что наибольшее количество было сосредоточено у Гангеудда.—Есть указанія и на то, что лѣсъ отправляли въ Ревель [410]).

Отдѣльныхъ винокуренъ въ Финляндіи не было. Каждый курилъ для своего обихода. Пивомъ и виномъ «здѣшніе мѣщане малое число» промышляютъ, продавая солдатамъ въ своихъ домахъ. «Въ томъ ихъ весь промыселъ обстоитъ и съ того платятъ свою контрибуцію» [411]).

Соляной промыселъ и табакъ съ 18-го апрѣля 1716 г. были сданы Гр. Апраксинымъ на откупъ англійскому купцу Коленсу, которому платили пошлины по 23—2 ден. съ каждой бочки соли, и по 10 ден. съ фунта табаку; но какъ только Коленса «урочные годы прошли», то 11-го августа 1718 г. постановлено было, дабы каждый свободно солью и табакомъ торговалъ.—Соль и табакъ стали возить изъ Ревеля, Риги и другихъ мѣстъ, причемъ эти товары оплачивались тою-же пошлиной. Пошлина съ соли была опредѣлена по 2 гривны, по полугривнѣ и по алтыну съ пуда. Коленсъ за свое право доставилъ по 20.000 пуд. соли на россійское войско [412]). Соляныхъ варницъ Финляндія не имѣла [413]).

Вообще финляндцы могли торговать свободно по паспортамъ не только съ Россіей, но и Швеціей; торговыя поѣздки въ Швецію были ограничены лишь запрещеніемъ возить туда съѣстные припасы, «понеже здѣсь покупаютъ полною цѣною», да кромѣ того провизія нужна была, разумѣется, для войска [414]). Заботой объ арміи, видимо, былъ вызванъ также указъ Царя ландсгевдингу, изданный гр. Апраксинымъ, о томъ, чтобъ съ россійскихъ

маркитантовъ за харчевые товары, которые будутъ привозить изъ Петербуга, пошлинъ въ Финляндіи не брать, «дабы не привезть дороговизны, а войску убытку» [415]). Пошлину съ соли они платили. За маркитантами велѣно было смотрѣть, чтобы они болѣе 5-ти алтынъ на рубль прибыли не брали и «товарамъ великой цѣны не подымали» [416]). Обстоятельства, конечно, побуждали русскихъ дѣлать весьма существенныя закупки въ краѣ и онѣ всегда производились согласно предписанія гр. Апраксина «настоящею цѣною», разумѣется безъ передачи [417]). Пошлину съ земли и кораблей брали обыкновенную, какъ было при владѣніи шведскомъ» [418]).

Сдѣлавшись обладателемъ части шхеръ Финскаго залива, послѣ взятія Выборга, Петръ обратилъ вниманіе на опасность плаванія среди нихъ, почему въ 1718 г. учредилъ должность «капитана отъ пилотовъ», названнаго въ морскомъ регламентѣ «капитаномъ надъ штюрманами». На него Царь возложилъ производство примѣровъ между Сескаромъ и Дагерортомъ, исправленіе морскихъ картъ и попеченіе о томъ, чтобы имѣлось довольное число лоцмановъ во всѣхъ россійскихъ пристаняхъ въ Синусъ Финикусъ (Финскомъ заливѣ), гдѣ сколько пристаней для провожденія кораблей и ставленія бакановъ». Должность «капитановъ отъ пилотовъ» занималъ Экговъ и Ганцъ Агазенъ. Ихъ можно считать первыми нашими гидрографами Финскаго залива.

Въ 1719 г. состоялся «за собственною Его Величества рукою» указъ Сената, чтобы на Березовыхъ островахъ (Бьерк-э) имѣть караулъ и осмотрѣть, дабы суда, идущія изъ Петербурга къ Выборгу, «не приставили къ приходящимъ чужестраннымъ судамъ и товарамъ тайно не провозили, также и въ иныхъ мѣстахъ тому-жъ подобный провозъ преостеречь» [419]). Въ 1722 г. (11 апрѣля) указъ былъ повторенъ. Въ виду этого адмиралтейская коллегія распорядилась приготовить «шняву, именуемую первый капоръ», и отправить туда команду въ двадцать человѣкъ (подъ начальствомъ поручика Наннига) и четыре пушки [420]).

Петръ Великій, возвративъ Неву, немедленно создалъ и корпусъ лоцмановъ на островкѣ Подзорномъ въ самомъ Петербургѣ. Историческій слѣдъ этого учрежденія остался въ прошеніи лоцманскаго старосты Матвѣя Никитина. Въ 1738 году онъ писалъ въ своемъ прошеніи, между прочимъ: «Во время владѣнія свейской короны городомъ Канцэ (т. е. Ніеншанцемъ), имѣлись мы лоцманами и жили на Васильевскомъ островѣ, въ деревнѣ Герви-Сари, на данной намъ пашенной землѣ съ сѣнными поко-

сами, а за проводку приходящихъ и отходящихъ судовъ фарватерами взимали и т. д.». Изъ рапортовъ адмирала Крюйса между 1706 и 1723 гг. видно, что финскіе лоцмана были всегда опредѣляемы на мѣстахъ лишь съ его разрѣшенія, какъ главы русской лоцмейстерской части въ Петербургѣ [421]).

Лоцманская-же часть отъ Выборга до Березоваго зунда и далѣе по Финскому берегу «по границу Его Императорскаго Величества» была организована въ 1722 г. Тутъ ставились вехи, измѣрялся фарватеръ и оказывалась помощь въ проводкѣ русскихъ и иностранныхъ купеческихъ судовъ. Крестьянамъ Березовой кирки, желавшимъ «охотою» учиться лоцманскому дѣлу, приказано было «всячески помогать» [422]). Въ 1722 г. была издана особая инструкція на имя выборгскаго лоцмана Адама Бертельсона съ семьей.—Ему отданъ былъ лоцманскій промыселъ на побережьѣ Выборгской губ. Его сыновья и племянники пріучались лоцманскому дѣлу съ десятилѣтняго возраста. Лоцманамъ этимъ предписывалось проводить суда, держать въ исправности фарватеръ, оказывать помощь погибающимъ судамъ. Все дѣлалось по установленной таксѣ, одни только военныя суда проводились и спасались безплатно.

Въ странѣ одинаково ходила, какъ русская, такъ и шведская монеты. Въ извѣстные періоды гр. Апраксинъ проявлялъ заботу о томъ, чтобы «россійской монеты не оставить» въ Финляндіи [423]). «Чтобы россійскую монету какъ можно безъ остатку изъ земли паки въ Россію вытянуть, а мѣдною россійскою монетою не взыскивать» (контрибуціи) [424]).

«Въ шведской землѣ указъ королевской объявленъ, чтобъ серебряныхъ монетъ не дѣлать и онымъ впредь не ходить, а дѣлать бы мѣдную монету, подобною при семъ положенной прошлаго 1717 г., которая противо россійской 32 копѣйки числится и такую монету обновлять по вся годы съ нѣкоторою перемѣною, а когда годъ выдетъ, то старой монетѣ не ходить, но въ казну оную отдавать, вмѣсто которой новая выдается и положено на сей пріемъ и отдачу три мѣсяца сроку, и ежели кто въ тѣ три мѣсяца старой монеты въ казну не принесетъ, то оная ему не вымѣнится, и тако лишится оныхъ цѣны, кромѣ мѣди, которая въ нихъ есть».

Ясно, что по вопросу о монетѣ возникали разныя неудобства и недоразумѣнія, а отсюда—запросы начальству. Брать-ли,—спрашивалъ Дугласъ—за ефимокъ по 21—2-де или 26 и 4-де, и въ прежніе годы за ефимокъ болѣе 21—2-де не плачивали. Въ 1720 г. Дугласъ вновь спрашивалъ: при сборѣ контрибуціи, принимать-ли

ему шведскую монету по прежней (какъ и нынѣ городы плачивали), т. е. «по 64 штивера шведскимъ за рубль дикатонами, одинакими или двойными каралинами» [425]). Послѣдовалъ отвѣтъ: какъ выгоднѣе для русской казны.

Мы подошли къ большому вопросу о контрибуціи. Въ зависимости отъ нея находилось почти все внутреннее управленіе края въ періодъ войны.

Шведское правительство требовало, чтобы населеніе Финляндіи снабжало защитниковъ края провіантомъ и обмундированіемъ. Но во взыманіи этой «дани арміи» (gärden till armen) не существовало никакого порядка. То «дань арміи» вычиталась изъ остальныхъ податей и повинностей, какъ напр. въ 1713 г. въ Або-Бьернеборгской губ., то она бралась независимо отъ нихъ, какъ это сдѣлали въ томъ же году въ Эстерботніи. Съ крестьянъ брали на обмундированіе вербованныхъ полковъ фуражъ, требовали отбываніе постойной повинности и пр. Разныхъ такихъ податей и поборовъ деньгами и натурой падало на одну Нюландію и Тавастландію до 81.000 далеровъ серебряной монетой (daler silfver mynt). Крестьяне отказывались платить. И вслѣдствіе общаго разстройства въ администраціи, требуемыя большія суммы превращались въ малыя фактическія выдачи финскому войску. За 1712 г. губернскія казначейства въ Финляндіи выдали своей арміи не болѣе 4—5.000 d. s. m. Съ другой стороны, пользуясь общей неурядицей, населеніе выплачивало только то, что требовалось для войска, не внося остальныхъ повинностей [426]).

Въ 1713 г. въ Финляндіи былъ хорошій урожай, что имѣло особенно важное значеніе въ томъ отношеніи, что дало краю возможность въ собственныхъ предѣлахъ прокормить армію. Правда, что въ этомъ году война причинила Финляндіи большіе убытки, но они повидимому коснулись лишь тѣхъ мѣстъ, гдѣ русская армія оставалась нѣсколько дольше, т. е. побережья Финскаго залива, особенно окрестностей Гельсингфорса и мѣстности между Бьернеборгомъ и Кристинестадомъ. Финская армія въ 1713 г. воспользовалась незначительно доходами края.

Но гораздо больше чѣмъ въ 1713 г. тягости войны обрушились на финское населеніе въ 1714 г. Объясняется это тѣмъ, что руководители финскихъ войскъ оказались болѣе энергичными

и рѣшительнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году, и старались использовать доходы края; кромѣ того населенію пришлось болѣе продолжительное время кормить русскія войска, наконецъ, эти войска разоряли нѣкоторыя мѣстности.

Главнымъ поставщикомъ для финскихъ войскъ попрежнему оставался Фрисіусъ. Благодаря довѣрію, которымъ пользовался этотъ купецъ, ему удавалось въ долгъ доставать все, что требовалось для первыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ Эстерботніи. Не имѣя возможности болѣе увеличить своихъ обязательствъ, онъ, въ концѣ февраля 1714 г., послѣ сраженія при Стуркюро, уѣхалъ въ Швецію.

Послѣ Фрисіуса закупками для арміи распоряжался ландсгевдингъ Клеркъ, но онъ выполнялъ это дѣло менѣе удачно, чѣмъ его предшественникъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что населеніе отказалось принимать долговыя обязательства, которыя онъ выдавалъ за счетъ казны. Вслѣдствіе этого затрудненія финской арміи увеличились въ 1714 г.

Вообще замѣчается нежеланіе мѣстныхъ властей какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, прибѣгать къ реквизиціямъ (rekvisitioner) въ предѣлахъ собственной страны. Чаще къ реквизиціямъ прибѣгали для добычи сѣна и скота. Военный писатель Швеціи (Уддгренъ) находитъ, что въ теченіе 1713 г. финская армія, картинно выражаясь, голодала среди полныхъ амбаровъ населенія, между прочимъ потому, что не имѣла наличныхъ денегъ въ военномъ казначействѣ. Не использовавъ въ этомъ году для своихъ нуждъ доходовъ края, финскія войска тѣмъ самымъ лишили себя надежды на успѣхъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе удивительно, что Карлъ XII 30 мая 1711 г. приказалъ предъявлять подобныя требованія къ населенію и указывалъ на глупость избѣгать ихъ.

События 1713 г. показали, что Финляндія въ этотъ періодъ имѣла возможность прокормить свою армію собственными средствами. Слѣдующій 1714 годъ еще болѣе увеличиваетъ такое впечатлѣніе, такъ какъ Армфельтъ въ рапортѣ отъ 29 ноября н. ст. 1714 г. Карлу XII называетъ Финляндію и Эстерботнію «благословенными и значительными (importante) краями» и одновременно выражаетъ удивленіе, что они могутъ доставлять содержаніе не только собственнымъ войскамъ, но и войскамъ непріятеля. Въ другомъ случаѣ онъ особенно указываетъ на мѣстность къ сѣверу отъ Брагестада, какъ необыкновенно счастливую и бывшую въ состояніи въ теченіе зимы 1714—1715 г. г. содержать финскія войска.

Означенные годы и указанныя мѣстности составили во всякомъ случаѣ исключеніе въ общей безотрадной картинѣ бѣдности и раззоренія края [427]).

Вопросъ о контрибуціи несомнѣнно является центральнымъ при разсмотрѣніи экономическаго положенія и внутренняго строя Финляндіи, въ періодъ владычества въ ней русскихъ. Главнѣйшія заботы нашей мѣстной власти были направлены къ тому, чтобы возможно лучше организовать дѣло сбора хлѣбной и денежной повинности, необходимой для содержанія войска. Однако, слѣдуетъ сразу указать, что реквизиція въ Финляндіи служила только вспомогательнымъ средствомъ продовольствія нашихъ войскъ, которымъ провіантъ высылался изъ Россіи на судахъ.—Въ Выборгѣ, Гельсингфорсѣ (съ 1713 г.) и въ Або (съ 1714 г.) устроены были большіе склады, и кромѣ того непосредственно за отрядами слѣдовали подвижные магазины. 23 Мая 1714 г. Царь писалъ: «Господа Сенатъ. Понеже Финляндскій корпусъ состоитъ въ немаломъ числѣ войскъ, а провіанту съ тамошней земли взять нечего... паки напоминаемъ вамъ, дабы вы потщились, какъ наискорѣе къ Гельсингфорсу провіантъ водою отпускать, ибо въ томъ немалая есть нужда» [428]). О скорѣйшей высылкѣ провіанта Петръ писалъ 4-го авг. 1714 г., 16 янв. 1716 г., 10-го марта 1719 г. Царскій указъ «Господамъ Сенату» отъ 16 янв. 1716 г. кратко и опредѣленно предписывалъ, чтобы требованія генералъ-адмирала Апраксина о высылкѣ въ Финляндскій корпусъ «рекрутъ, провіанта и денегъ» исполнялись «безъ умедленія». Тѣмъ не менѣе временами русское войско въ Финляндіи, видимо, терпѣло недостатокъ въ хлѣбѣ, и гр. Апраксинъ даже грозилъ, что возвратится назадъ, если не получитъ немедленно запасовъ. Сенатъ «проволакивалъ время». Тогда Меншиковъ собственной властью захватилъ хлѣбъ изъ купеческихъ магазиновъ на 200 тыс. рублей и отправилъ въ Або. «Еслибъ не было здѣсь свѣтлѣйшаго князя Меншикова,—писалъ Апраксинъ,—то бы въ дѣлахъ могли быть великія помѣшательства» [429]). Донесенія кн. Голицына удостовѣряютъ, что наши магазины дѣйствительно пополнялись и притомъ также продуктами, кои въ росписи Финляндской контрибуціи вовсе не входили (сухари, солодъ, соль и пр).

Шведскій историкъ Финляндской войны 1713 г., Уддгренъ, также указываетъ на существованіе у русскихъ большихъ запасовъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Выборгѣ, откуда затѣмъ продовольствіе моремъ доставлялось въ Гельсингфорсъ и Тервикъ—

въ новыя укрѣпленныя базы русской арміи. Осенью 1713 года для русской арміи былъ устроенъ большой магазинъ въ Гельсингфорсѣ, откуда снабжали провіантомъ армію, которая въ сентябрѣ приближалась къ Таммерфорсу.

Для содержанія русскихъ войскъ во время главныхъ операцій 1714 г. въ Россіи были приняты обширныя мѣры. Въ Петербургѣ, въ Ревелѣ и другихъ мѣстахъ устроены большіе запасы провіанта и фуража. Самый значительный запасъ имѣлся въ Петербургѣ. Уже въ концѣ года тамъ находилось 106.000 четвер. муки. Количество это было увеличено, и всего въ Петербургѣ сосредоточилось до 300.000 четвериковъ муки, 12.500 четвер. крупы и 1.400.000 пуд. сѣна. Изъ Петербурга перевезено было моремъ на финскій театръ войны съ мая по августъ 1714 г. четырьмя транспортами, приблизительно, четвертая часть запаса.

Чтобы нѣсколько точнѣе судить о величинѣ транспортовъ, которые отправлялись въ Финляндію изъ Петербурга, достаточно указать на «приговоръ» Правительствующаго Сената отъ 29 февраля 1716 г., которымъ повелѣвалось отпустить для финляндскаго корпуса: муки 60.000, крупы 5.000 четвертей, соли 20.000 пудовъ. Въ краѣ расположено было тогда 20 пѣхотныхъ полковъ и 4 драгунскихъ, полный комплектъ коихъ долженъ былъ доходить до 34.236 чел. На это число людей полагалось въ годъ муки 102.708 чет., крупъ. 6.419 чет. Кромѣ того въ Финляндію высылались уксусъ, вино, лѣкарства и пр. Въ 1714 г. въ Финляндіи находилось 33 полка или 46.677 человѣкъ [430]).

Отсюда видно, что русскія войска отнюдь не предполагали довольствоваться одной только контрибуціей, а большую часть продовольствія привозили изъ Россіи.

Когда рѣшено было оставить нашу армію на зиму въ Финляндіи, Гр. Ѳ. М. Апраксинъ, въ октябрѣ 1713 г., разослалъ по краю универсалъ, въ которомъ о контрибуціи говорилось: «И понеже Его Царскаго Величества армія будетъ имѣть въ Финляндіи винтеръ-квартиры, того ради повелѣваемъ симъ универсаломъ, какъ шляхетству, такъ и духовнымъ чинамъ, амтъ-манамъ и прочимъ повелителемъ, дабы всякъ съ двороваго числа и съ земли своей со всякаго мантала собрали немедленно по 2 бочки ржи или муки, да по 2 бочки ячменю или овса, да по 24 талера битыхъ, какъ напредъ сего-жъ плачивали въ королевскую казну. И вышеупомянутый провіантъ свозить всякому къ своей киркѣ и складывать въ удобное мѣсто конечно сего октября къ 15 числу.

Тако-жъ и деньги къ вышеупомянутому числу привесть въ главную нашу армію и объявить оберъ-кригсъ-комисаріусу. Тако-жъ устроить у всякой кирки фуражные магазейны, чтобъ, когда спросятъ, былъ фуражъ въ готовности. А ежели кто сему нашему универсалу въ чемъ себя противно покажетъ и въ домы свои не возвратится, и по вышеписанному нашему универсалу не исполнитъ, такіе, како непріятели, наказаны будутъ огнемъ и мечемъ безъ всякаго задержанія и пощады. Въ вѣрное жъ свидѣтельство сей универсалъ нашею рукою и печатью утвержденъ. Дано въ нашей главной квартирѣ при Таваституcѣ» [431]).

Изъ этого документа видно, что русская власть при раскладкѣ контрибуціи прежде всего желала примѣниться къ мѣстнымъ поземельнымъ и сословнымъ условіямъ и держаться той натуральной и денежной повинности, которая существовала въ краѣ, чтобы тѣмъ по возможности облегчить себя и населеніе. Надо полагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже размѣры повинности были соображены съ прежними шведскими. Въ первомъ универсалѣ говорится о взносѣ 24 талеровъ, «какъ напредъ сего плачивали въ королевскую казну». И это не единственный разъ, когда употреблено было такое выраженіе. «Съ рустгалтеровъ лошади и мундиръ и конскіе обряды велѣно собрать противъ обыкновенія, какъ сбирано при королѣ шведскомъ».

Дѣло оброченія вообще въ то время въ Финляндіи до прихода русскихъ было особенно запутаннымъ и трудно управляемымъ аппаратомъ, отчасти налоговъ было много, отчасти примѣнялись совершенно различные принципы для сбора ихъ въ разныхъ губерніяхъ: то они вносились деньгами, то натурою [432]). Всѣ канцеляріи были вывезены въ Швецію, и потому Дугласу, стремившемуся въ дѣлѣ обложенія, какъ и въ другихъ случаяхъ, придержаться «прежняго обычая», не удалось точно установить, сколько податей и повинностей платили города и деревни до завоеванія [433]). Чтобы выработать какія-либо нормы, пришлось обратиться за справками преимущественно къ пасторамъ. Первыя оброчныя книги были составлены духовенствомъ. И по мѣрѣ того, какъ крѣпла и расширялась русская власть въ краѣ, исподволь принята была система оброченія, которая впослѣдствіи распространена была на весь край, исключая самыхъ сѣверныхъ приходовъ. Деревни и дворы были раздѣлены на податные округа, тягла (тягольные участки), кои назвались манталями. При этомъ дѣленіи принималось во вниманіе число дворовъ, состоятельность жителей, но главнымъ обра-

зомъ количество воздѣлываемой ими земли (вспахиваемой и засѣваемой). При эмиграціи сельскому населенію, конечно, труднѣе всего было подняться со своихъ мѣстъ, почему контрибуція главнымъ образомъ легла на его плечи. Первое дѣленіе на мантали оказалось неудачнымъ, такъ какъ не получилось достаточно равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія тягости. Вслѣдствіе жалобъ, гр. Апраксинъ приказалъ лагманамъ и «экзекуціи офицерамъ» вновь переписать мантали, при чемъ, для облегченія населенія, эти податные участки были увеличены, отчего на каждаго обывателя падала уменьшенная доля повинности. «Каждый мужикъ за себя отчетъ не дастъ, но платятся по манталямъ и складчики мантальные сдѣлку между собою въ контрибуціи чинятъ» [434]). При первомъ подсчетѣ манталей оказалось 2.499, а при вторичномъ 2.242 [435]). Первоначально (1717 г.) мантали распредѣлялись такъ [436]):

Въ	Абоскомъ лагманствѣ	$721\frac{53}{60}$
»	Тавастгускомъ »	$580\frac{3}{4}$
»	Гельсингфорскомъ лагманствѣ	$1.042\frac{3}{4}$
»	Эстерботнійскомъ »	150

По первоначальному октябрьскому универсалу 1713 г. съ каждаго манталя надлежало взять: 2 бочки шведской мѣры ржи [437]). 2 бочки овса и 24 талера (ефимка). Но уже вскорѣ требованія эти были повышены до 4 бочекъ ржи и 60 купоръ-талеровъ; мѣру овса и ячменя уменьшили до 14 капъ крупъ и гороху—до 8 капъ. По росписи на 1718 г. требовалось съ манталя по 8 руб., 6 бочекъ ржи и 8 бочекъ ячменя [438]). Кромѣ того, по другимъ универсаламъ брались «раціоны», сѣно, солома, лошади [439]) (для артиллеріи) и пр. Слѣдовательно нельзя считать размѣръ мантальной контрибуціи одной опредѣленной величиной. Съ городовъ взыскивался исключительно денежный сборъ, «понеже люди не пашенные». Сколько извѣстно для нихъ норма, кажется, не мѣнялась. Городской контрибуціи ежегодно платили: Або—1.000 р., Борго и Бьернеборгъ 360 р., Ништадтъ—300 р., Раумо—220 р., Нодендаль—100 р., Ваза—28 р. 26 д., Гамлекарлебю—16 р., Нюкарлебю—6 р. 13 алт. 2 ден. [440]).

Одновременно съ поставкою продовольствія и денегъ, населеніе обязывалось сдать все имѣвшееся у него оружіе.

Мѣнялось не только количество продукта, взыскиваемаго съ манталей, но и самые предметы оброка. Все было поставлено въ

зависимость отъ обстоятельствъ. По декабрьскому универсалу 1714 г. предложено было «за оскудѣніемъ» представить съ мантала 2 бочки ржи, овса только 7 капъ, 2 лисфунта мяса и 30 купоръ талеровъ. Въ 1719 г. въ киркахъ объявили, чтобы, вмѣсто контрибуціи, приготовили масла, сыру и прочную морскую провизію, такъ какъ нужно было къ походу готовиться, ибо непріятель намѣренъ войну далѣе продолжать» [441]). Гр. Апраксинъ предоставилъ кн. Голицыну при надобности дѣлать измѣненія въ раскладкахъ, указанныхъ универсалами [442]). Иногда въ предписаніяхъ русской власти дѣлались прямо оговорки, въ родѣ того, что «буде-же обыватель по вышеписанномъ опредѣленіи контрибуціи привозить не будетъ, то имѣть для пропитанія людей и лошадей, провіанту и фуражу, что потребно» [443]).

При раскладкѣ контрибуціи, хлѣбомъ собирали преимущественно съ мѣстностей, ближайшихъ къ гарнизонамъ, а отъ дальныхъ округовъ брали деньгами [444]).

Разнаго рода оговорки и отступленія отъ общей нормы вызывались, какъ самими условіями, для которыхъ предназначалась контрибуція, такъ и указаніями и ходатайствами Дугласа, который часто писалъ гр. Апраксину и кн. Голицыну: «Приходили сюда нищенскимъ образомъ и просятъ слезно» [445]); «и мужики поистинѣ нынѣ фуражу платить полнаго числа нечѣмъ» [446]); «здѣшняя страна разомъ въ конецъ разориться можетъ отъ полнаго сбору» [447]). «А здѣшніе люди въ превеликой скудости денегъ, какъ пуще того быть не можно, о чемъ всѣмъ здѣсь извѣстно. И многое число здѣсь мужиковъ, которые хлѣбъ не видятъ, а питаются корою и крестьяне и ежели у нихъ взять скотину, то они всѣ въ конецъ разорятся, что напредъ съ нихъ и брать нечего будетъ [448]).

Начальство не оставляло ходатайства Дугласа безъ послѣдствій. Такъ гр. Апраксинъ предписалъ ему въ 1719 г. «когда вновь всѣ переписаны мантали, тогда съ пустоши самихъ сборовъ не брать, а брать съ тѣхъ, у которыхъ земля засѣяна и сѣно косили» [449]). На слѣдующій годъ послѣдовало приказаніе: «контрибуцію собирать смотря по пожиткамъ ихъ, а не по пропорціи земли» [450]).

Въ 1718 г. Дугласъ, донося о нищенскомъ состояніи крестьянъ, просилъ гр. Апраксина «показать бѣднымъ милосердіе» и считать два мантала за одинъ, или три за два, дабы «мужикамъ можно контрибуціи снесть» [451]).

Въ 1720 г. былъ хорошій урожай. Благодатію Божіею,—писалъ Дугласъ,—хлѣбъ весьма дороденъ и удался», а потому онъ предлагалъ, чтобы, вмѣсто денежнаго контрибуціоннаго сбора, повелѣно было брать хлѣбомъ, также рожью и ячменемъ [452]).

«Съ тѣхъ взять, былъ отвѣтъ, кто хлѣбъ возьметъ и сѣно коситъ» [453]).

Нѣкоторые мантали, не имѣя лошадей, обязаны были вносить ихъ стоимость. Цѣну за лошадь назначили 19 р. 20 к., каковая цѣна еще до прибытія нашего такъ стояла» [454]). Произвола и грабительства не допускали.

Въ 1720 г., когда шелъ сборъ контрибуціонныхъ денегъ, Дугласъ отъ себя предписалъ фогтамъ, «чтобъ наибольше отъ могущихъ сіе брали, чтобы неимущихъ въ конецъ не разорить» [455]).

Ясно, что мѣстная русская власть, насколько возможно, входила въ нужды населенія и облегчала его, стараясь руководствоваться совѣстью, указаніями жизни, мѣстными шведскими законами.

Вопросъ о контрибуціи съ пасторовъ представляется нѣсколько запутаннымъ: то они платили ее, то освобождались отъ всякихъ взносовъ. Въ 1719 г. послѣдовало указаніе Дугласу, «положить (по своему разсмотрѣнію) контрибуцію на пасторовъ, капплановъ и клокарей» [456]). Этимъ распоряженіемъ имѣлось въ виду облегченіе участи бѣднѣйшаго населенія [457]). Въ Январѣ 1720 г. шесть пасторовъ изъ Гамлекарлебю, обратились со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, прося «Великомогущаго Царя и Цезаря», въ виду ихъ полнаго оскудѣнія, освободить ихъ, «убогихъ пасторовъ», отъ контрибуціи. «Наши пожитки,—писали они,—есть нищета, нашъ хлѣбъ есть печаль, наше питье есть вода и слезы» [458]). Въ томъ же году «всѣ пасторы» обратились къ Царю, указывая, что разорены «до основанія», что отъ «мужиковъ ничего не получаютъ» и т. п. «Платили мы противъ своей мочи во время шведскаго королевства, по самой крайней нуждѣ», а затѣмъ,—прибавляли они,—по выданнымъ «универсаламъ Вашего Царскаго Величества», были «уволены» отъ отдачи контрибуціи, а нынѣ ландсгевдингъ гр. Дугласъ наложилъ на нихъ «несносную контрибуцію», поэтому они просили, дабы повелѣно было имъ контрибуціи не платить [459]).

Съ другой стороны въ томъ-же 1720 г. графу Апраксину было донесено кн. Голицынымъ, что контрибуція, наложенная «на поповъ, каплановъ и на лукарей зѣло тяжка», что его сіятель-

ству извѣстно, какую «пасторы имѣютъ между подлыми людьми силу», и чтобы чрезъ нихъ «оттого какой пакости не было» [460]).

Къ гр. Апраксину въ Петербургъ являлись пасторы изъ Финляндіи съ личными просьбами объ избавленіи ихъ отъ побора [461]). Дугласъ въ своихъ меморіалахъ многократно подтверждалъ тяжелое положеніе духовенства.

Въ Февралѣ 1720 г. кн. М. М. Голицыну было сообщено, что Его Царское Величество освободилъ финскихъ пасторовъ отъ контрибуціи [462]). Повелѣніе дошло по своему назначенію и Дугласъ отвѣчалъ, что «по оному ордеру будетъ чинить», дабы священникамъ отъ всякой контрибуціи «свободнымъ быть» [463]).

Лоцмановъ (въ 1720 г.), въ которыхъ была большая потребность, велѣно было отъ контрибуціи «уволить» [464]).

Послѣ ухода финской арміи въ Эстерботнію, русскіе перенесли свой операціонный базисъ въ Тавастгусъ, гдѣ устроили обширные склады запасовъ. Чѣмъ дальше русскіе двигались на сѣверъ и отходили отъ берега Финскаго залива, тѣмъ труднѣе было имъ пополнять свои запасы изъ Россіи и тѣмъ чаще приходилось прибѣгать къ достаткамъ края. Брали не только контрибуцію, но и закупали очень многое; за провіантомъ посылались кавалерійскіе отряды, которымъ иногда самимъ приходилось жать и молотить.—Разсказываютъ, что обиліе скота позволяло русскимъ отсылать часть его въ Россію, и что русскіе запаслись въ Финляндіи огромнымъ количествомъ лошадей [465]).

Изъ дѣлъ гр. Апраксина видно, что наши войска перемѣщались вслѣдствіе неимѣнія въ раіонѣ расквартированія достаточныхъ средствъ для ихъ содержанія. До прихода русскихъ, какъ мы видѣли, Финляндія пострадала отъ шведскихъ войскъ и, кромѣ того, ее посѣтили неурожаи.—О неисправныхъ платежахъ контрибуціи, вслѣдствіе разоренія края войною, велась обширная ежегодная переписка [466]). Р. Брюсъ доносилъ, напр., гр. Апраксину, что прокормились около мѣсяца сысканнымъ около здѣшнихъ мѣстъ провіантомъ и «за оскудѣніемъ онаго понужденъ вскорѣ маршировать къ Бьернеборгу» [467]).

Прежніе сборщики податей—фогты—скрылись, бѣжавъ большею частію въ Швецію, почему создалась необходимость поручить ихъ дѣло другимъ лицамъ. Лагманскія губерніи были раздѣлены, для сбора податей, на фогтскіе уѣзды (округа) такимъ образомъ, что три, четыре и даже шесть приходовъ подчинялись одному фогту. Сбору оброковъ помогали разные мѣстные полицейскіе ограны,

ленсманы, комисары, оставшіеся въ краѣ прежніе сборщики податей, экзекуціонные офицеры и другіе грамотные люди. Въ первое время къ присмотру за уплатой контрибуціи привлекались также и пасторы; но какъ только дѣло организовалось, они были освобождены отъ этой обязанности. Фогтамъ подчинены были такъ называемые старосты, выбранные изъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, по одному на каждый манталь.—Положеніе сборщиковъ контрибуціи, или русскихъ фогтовъ, было очень затруднительнымъ, такъ какъ имъ пришлось стоять между русской властью, не желавшей, конечно, допущенія недоимокъ, и въ большинствѣ случаевъ обнищавшимъ населеніемъ, лишеннымъ средствъ къ уплатѣ поборовъ.—Къ тому-же фогты и ленсманы жалованія не получали [468]), ихъ обязаны были вознаграждать обыватели у кирокъ [469]). Войска привлекались къ сбору контрибуціи исключительно при явномъ уклоненіи населенія отъ требованій универсаловъ. При упорномъ неисполненіи—«брали, что сыщется», а при побѣгахъ крестьянъ въ лѣса, «брали безъ остатку».

Практиковалась еще одна мѣра: не уплачивавшихъ контрибуціи, при извѣстныхъ условіяхъ, велѣно было высылать «съ провожатыми въ Эстляндію въ публичныя мызы, при этомъ у нихъ отнимали домашній скотъ и скарбъ и продавали по «настоящей цѣнѣ» [470]).

Въ городахъ сборомъ податей завѣдывали магистраты, которые, подобно сборщикамъ податей въ деревняхъ, отвѣчали за исправность денежныхъ взносовъ.

Сборъ всякаго оброка Дугласъ старался произвести непосредственно за уборкой полей. Если въ это время не поспѣшить съ требованіями о взносахъ, то крестьяне или пропивали урожай или зарывали его.

Все контрибуціонное продовольствіе населеніе обязано было доставлять къ киркамъ своего кирхшпиля, а деньги—въ кригсъ—комисаріатство. При киркахъ устраивались «фуражные магазейны». Кромѣ того, для удобства расходованія и учета продовольствія, приказано было устроить общіе магазины болѣе значительныхъ размѣровъ въ Бьернеборгѣ, Або, Тавастгусѣ и Гельсингфорсѣ. Окончательнымъ срокомъ поставокъ назначалось 15 октября.

Въ 1716 г. въ Финляндіи насчитывалось тяглаго мужскаго населенія (не считая городовъ)—около 40 или 50 тыс., а всего сельскаго населенія до 150 тыс. [471]). Намъ представляется болѣе обоснованнымъ указаніе на то, что все населеніе простиралось до

250 тыс. Въ періодъ Великой Сѣверной войны населеніе уменьшилось. Кромѣ войны вліялъ моръ, посѣтившій Финляндію и Швецію въ 1710 году. Язва эта обошла города Або, Ништадтъ, Раумо, Бьернеборгъ и др. Въ г. Або погибло тогда болѣе 2.000 человѣкъ [472]).

Что касается спеціально Нюландской губ., то извѣстно, что тамъ въ 1711 году находилось 10.432 работоспособныхъ людей для воздѣлыванія гейматовъ. Рабочая сила, которая осталась для поддержанія производительности края, была лишь самая необходимая. А въ иныхъ мѣстностяхъ — особенно въ Бьернеборгской губ. и въ нѣкоторыхъ частяхъ Нюландской и Тавастгузской чувствовался недостатокъ въ населеніи [473]).

Не имѣя вполнѣ точныхъ данныхъ о численности населенія Финляндіи за время съ 1713 по 1721 г., трудно опредѣлить, какой тягостью ложилось на каждаго обывателя та контрибуція, которою были обложены мантали. Размѣръ же контрибуціи устанавливается весьма точно, такъ какъ въ дѣлахъ гр. Апраксина сохранились цѣлые томы отчетовъ и переписки по ней [474]). Первый сборъ, состоявшійся въ теченіе зимы 1713—1714 г. и произведенный по двумъ универсаламъ (за октябрь и декабрь) далъ съ манталей: 27.441 талера 3 алтына и 3 деньги; 2.794 тал. 8 алт. и 6 ден. за мундиры, т. е. 30.195 тал. 12 алт. Съ городовъ собрали 4.163 талера. Провіанту по двумъ этимъ универсаламъ получили: ржи—19.137 бочекъ и 5 капъ; овса и ячменя—1.624 бочки 22 капы; крупъ и гороху—469 бочекъ и 7 капъ; мяса—2.782 пуда 28 фунтовъ; 1.146 головъ рогатаго скота и 334 барана. Сѣна—20.717 пуд. Лошадей—979 штукъ.

Въ числѣ отобраннаго у населенія оружія было: 2.344—фузей, 13—винтовокъ, 610—шпагъ, 56—знаменъ, 37—дротиковъ и 2—штандарта.

За населеніемъ въ видѣ недоимки осталось: деньгами—4.775 тал. 19 алт., ржи—3.249 боч. и 25 кап., сѣна 7.982 пуда и пр. [475]).

Съ населенія брали еще мундиры, шляпы, перчатки, башмаки и пр. снаряженіе, вмѣсто воинской повинности, которую отправляли руты и рустгалты. Для нихъ существовали сроки; кафтанъ, шляпа, штаны кожаные должны были служить два года, камзолъ лосинный 3 года, сѣдло —5 лѣтъ и т. д.

Обложенія другихъ годовъ не отличались большой тягостью. Напротивъ, имѣется указанія Дугласа что «въ прошедшихъ годахъ зѣло болѣе, нежели въ нынѣшнемъ году заплачено» [476]).

На послѣдній 1721 г., напр., было опредѣлено съ каждаго манталя по 6 бочекъ $23^1/_2$ капъ ржи и по 8 рублей денегъ, что,—по донесенію гр. Дугласа,—должно было «на сей годъ» «во всей землѣ» дать 15.298 бочекъ $12^5/_6$ капы ржи и 7.949 рублей; да городской контрибуціи причиталось 2.440 рублей [477]).

Контрибуція предназначалась на содержаніе арміи и на жалованье высшимъ гражданскимъ чинамъ. Для послѣдней надобности, т. е. «на дачу жалованья губернаментскому штабу» [478]), съ каждаго манталя собиралось по 1 рублю. Этотъ рублевый сборъ не былъ кажется установленъ первыми универсалами.

Во время мирныхъ переговоровъ, предшествовавшихъ Ништадскому договору, «шведскіе господа министры» сдѣлали заявленіе нашимъ уполномоченнымъ о томъ, что Дугласъ, по прибытіи въ Финляндію, выписывалъ съ населенія двойную контрибуцію. Дугласу былъ сдѣланъ запросъ, «дабы дѣламъ Его Царскаго Величества не послѣдовало досады» и не чинилась помѣха. Дугласъ представилъ «фундаментальное извѣстіе» о всей взысканной контрибуціи. Объясненіе его было признано удовлетворительнымъ и «отъ шведской стороны» усмотрѣли, что «многократно учиненіе доношеніе въ выписаніи двойной контрибуціи отъ него въ дѣйствіи не нашлося». Шведскіе министры продолжали затѣмъ настаивать на томъ, что контрибуція собиралась въ очень короткій (трехмѣсячный) срокъ. На это было возражено, что «здѣсь всегда тако было обычайно и вездѣ водится, что такъ скоро время жатное приближается и начинается», необходимо собирать контрибуцію, иначе крестьяне ее не заплатятъ, но либо «такую рожь закопаютъ въ землю, или распродадутъ» [479]).

Послѣ этого чрезъ генералъ-маіора Егузинскаго (Ягужинскаго) было сообщено Дугласу Царское повелѣніе, чтобы относительно контрибуціи онъ совѣтовался съ нашими полномочными министрами.—Отъ нихъ дана была «резолюція», чтобы съ Великаго Княжества «не имать болѣе денежную контрибуцію токмо надлежащей для войска Его Величества провіантъ и фуражъ»... «а сей націи никого за неволю изъ земли не вывозить и имъ не учинить жадной обиды» [480]).

Въ 1720 г. въ Финляндіи произведенъ былъ наборъ солдатъ изъ мѣстныхъ жителей. Когда обсуждался этотъ вопросъ, то Дугласъ, зная насколько трудно осуществить подобное дѣло, предлагалъ опубликовать, что финскіе солдаты не будутъ высылаться изъ края, и что служба ихъ ограничится Абоскимъ замкомъ и

потребностями земскаго дѣла, а впослѣдствіи, когда люди будутъ въ сборѣ, ихъ, по его мнѣнію, легко будетъ съ командами отправить, куда угодно «и никто того не дознается». На это гр. Апраксинъ не согласился и его резолюція указывала только, что надо набрать двѣ тысячи человѣкъ, мундиры для ихъ потребовать отъ кн. Голицына, а жалованье отъ главнаго комисаріатства [481]). Гр. Апраксинъ находилъ еще, что было бы правильнѣе произвести наборъ «шведскимъ манеромъ», предполагая вѣроятно, обязать руты, какъ это было раньше, выставить по человѣку, въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ. Но на этомъ онъ не настаивалъ. Въ дѣйствительности все обязательство поставки людей было возложено на мантали. Всѣ лагманства обязаны были выслать людей въ теченіе марта и апрѣля 1720 г. Партіи новобранцевъ сосредоточивались сперва въ Або и Гельсингфорсѣ, причемъ были приняты мѣры къ тому, чтобы они не могли бѣжать и произвести безпорядковъ. Въ Або ихъ сосредоточивали къ замкѣ, а въ Гельсингфорсѣ—на одномъ изъ ближайшихъ острововъ.

Когда людей затѣмъ отправляли на галерахъ въ Петербургъ и въ Ревель подъ конвоемъ, то оружіе приказано было у нихъ отнять. Всего было собрано болѣе двухъ тысячъ человѣкъ [482]). Если-бы русское правительство желало укомплектовать Финляндскій корпусъ, то по нормѣ 1718 г., для этого потребовалось-бы 7.730 чел. (на жалованье коимъ тогда-же было отпущено 146.000 рублей.

Финскіе рекруты были отправлены въ Казанскую и Астраханскую губерніи. Изъ адмиралтейства къ нимъ опредѣлили пастора [383]) Симона Сольніуса.

Обыкновенно указываютъ, что виновникомъ набора финскихъ солдатъ явился гр. Дугласъ. Онъ въ чемъ то провинился и былъ приговоренъ къ смертной казни. Царь сперва замѣнилъ казнь земляною работою, а затѣмъ совершенно простилъ Дугласа, по съ условіемъ, чтобы онъ набралъ полкъ пѣхоты изъ Финляндіи [484]).

Не основана ли вся эта исторія на какомъ-то недоразумѣніи. Дѣло гр. Дугласа заключалось въ слѣдующемъ. Въ день Пасхи (въ апр. 1720 г.) онъ, въ своемъ домѣ, поссорился съ генералъ-гевальдигеромъ Епифановымъ.—Размолвка началась изъ-за отзыва Дугласа о гвардіи. Епифановъ въ свою очередь укорилъ Дугласа въ томъ, что онъ, явившись «гольемъ, какъ срамъ», нажился въ Финляндіи, а затѣмъ обозвалъ его «гунсватомъ». Дугласъ схватилъ трость и сталъ бить гевальдигера; трость была

выхвачена. Тогда Дугласъ бросился за шпагой и нанесъ Епифанову смертельную рану.

Кн. Голицынъ сейчасъ-же заключилъ Дугласа подъ караулъ, «но здѣшней земли правленіе отъ него не отнялъ», чтобы не оставить край безъ правителя [485]).

Подъ арестомъ Дугласъ оставался почти годъ, несмотря на его личныя и жены его (рожденной Шлиппенбахъ) просьбы объ освобожденіи. Онъ справедливо писалъ, что арестъ стѣснялъ отправленіе возложенныхъ на него указами и ордерами обязанностей и «многія остановки учинились». Только въ іюнѣ гр. Апраксинъ разрѣшилъ кн. Голицыну ослабить надзоръ, дабы «не гораздо былъ жестокій караулъ и чтобъ могъ порученныя свои дѣла управлять».—Въ ноябрѣ Дугласа потребовали въ Петербургъ въ государственную военную коллегію, гдѣ его судили и признали виновнымъ. По «сентенціи», которую ему объявили только въ апрѣлѣ 1721 г., его лишили чина и приговорили на годъ въ крѣпостныя работы, съ уплатой денежнаго штрафа, въ размѣрѣ 1.500 руб. [486]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обязанъ былъ три воскресенія сряду приносить явное церковное покаяніе.

Дугласа отвели «на галерный дворъ, гдѣ прочіе преступники сидятъ». Онъ усердно просилъ заступничества гр. Апраксина передъ Государемъ.—Въ іюлѣ 1721 г. именнымъ указомъ Дугласъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста и отправленъ въ Финляндію, по прежнему, ландсгевдингомъ «для управленія тамошнихъ земскихъ дѣлъ» [487]).

Факты на лицо и выводъ изъ нихъ ясенъ: по ходу событій совершенно невозможно ставить набора финскихъ солдатъ въ связь съ наказаніемъ Дугласа. Въ томъ же самомъ донесеніи (отъ 20 апрѣля 1720 г.) кн. Голицына, которымъ онъ сообщалъ гр. Ѳ. М. Апраксину объ убійствѣ Дугласомъ генерала Епифанова, говорится, что отъ ландсгевдинга принято «финляндскихъ новонабранныхъ солдатъ» въ Або 1.201 человѣкъ. Слѣдовательно, наборъ былъ въ полномъ ходу до преступленія, совершеннаго Дугласомъ. Если-бы наборъ явился наказаніемъ Дугласа, то надо думать, что его въ это время не держали бы подъ арестомъ, такъ какъ не было смысла лишать его свободы въ тотъ именно моментъ, когда ему надлежало исполнить свое обязательство.

Было еще два дѣла о Дугласѣ, одно съ лагманомъ Тизенгаузеномъ, а другое съ камериромъ Шмитомъ. Они тянулись въ теченія 1718 и 1719 гг.—Въ многочисленныхъ своихъ писаніяхъ

Дугласъ обвинялъ Тизенгаузена (боргоскаго) въ ослушаніи, «понеже всѣмъ моимъ ордерамъ противится и чинитъ мнѣ всякія обиды». Въ виду этого ландсгевдингъ просилъ гр. Апраксина «учинить сатисфакцію», чтобы въ государственныхъ дѣлахъ «остановки не было». Дѣло кончилось присужденіемъ Тизенгаузена «за его продерзости» къ денежному штрафу [488]).

Въ допросныхъ пунктахъ, предложенныхъ (въ іюнѣ 1718 г.) камериру Шмиту, онъ возводилъ на Дугласа самыя разнообразныя обвиненія: въ непочтительномъ отношеніи къ царскимъ указамъ, въ неправильныхъ поборахъ контрибуціи, въ полученіи мзды отъ гор. Абова, въ неправильномъ выписываніи себѣ рацiоновъ (40 вмѣсто слѣдуемыхъ 17-ти по чину полковника) и пр. Дугласъ, въ свою очередь, доказывалъ, что Шмитъ не соблюдалъ «высокій интересъ Его Царскаго Величества», освободилъ изъ подъ ареста мужика, наказаннаго имъ, ландсгевдингомъ, не уплачивалъ пошлинъ [489]) и т. п. Въ виду нанесенной Дугласу обиды, онъ просилъ гр. Апраксина учинить «сатисфакцію, понеже онъ (Шмитъ) былъ въ моей командѣ и меня обносилъ напрасно» [490]).

Чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно, но для обрисовки Дугласа, какъ правителя оно характерно.

Изъ тѣхъ-же дѣлъ видно, что шла переписка о переборѣ Дугласомъ, въ первый-же годъ управленія краемъ, 533 р. изъ назначеннаго ему жалованья.—Въ другой разъ ему приказано было выдать двѣ тысячи рублей на «морскихъ служителей» и не могли добиться исполненія имъ этого распоряженія. Наложенный на него по суду штрафъ выбирался съ большими усиліями.

О гр. Дугласѣ извѣстно затѣмъ, что въ 1725 г. онъ находился въ Низовомъ (Персидскомъ) корпусѣ и принималъ участіе въ другихъ походахъ.—Минихъ отзывался о немъ, какъ о дѣльномъ генералѣ и хорошемъ администраторѣ. 13 мая 1729 г. произведенъ въ генералъ-поручики, а 30 іюня 1730 г. въ генералъ-аншефы [491]) и назначенъ Ревельскимъ губернаторомъ, но за жестокіе проступки отставленъ, и при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ былъ наконецъ исключенъ изъ русской службы. Въ запискахъ князя В. П. Долгорукова говорится, что Дугласъ сѣкъ людей въ своемъ присутствіи и изодранныя спины посыпалъ порохомъ и зажигалъ. Стоны и крики заставляли его хохотать отъ удовольствія. Онъ называлъ это «жечь фейеверкъ на спинахъ». По другой версіи, онъ былъ уличенъ при Аннѣ Іоанновнѣ въ измѣннической перепискѣ со Швеціей и потому удаленъ изъ Россіи.

IX.

Мирные переговоры и набѣги на Швецію.

Петръ Великій при Лахтѣ спасаетъ погибающихъ.

Въ періодъ войны рѣчь о мирѣ многократно заводилась съ разныхъ сторонъ, но къ желаемому результату она не приводила. Прежде всего совершенно глухимъ къ мирнымъ переговорамъ оставался Карлъ. Всякая мысль о нихъ была для него несносна и онъ, вѣроятно, не далъ бы мира своимъ противникамъ.

Въ 1703 г. посланникъ Людовика XIV хлопоталъ о прекращеніи войны. Но Петръ успѣлъ уже нѣсколько оправиться послѣ Нарвы, а потому отвѣтилъ, что о мирѣ не желаетъ говорить безъ уступки Швеціей тѣхъ областей, которыми владѣли раньше русскіе Цари, но были отняты шведами. Паткулю, который тоже напоминалъ о мирѣ, Петръ сказалъ: «Господь Богъ посредствомъ оружія возвратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, несправедливо похищеннаго. Умноженіе флота имѣетъ единственною цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіею, во-первыхъ, потому, что онѣ сначала ей принадлежали, во-вторыхъ, потому, что пристани необходимы для государства, ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и правильнѣе сердце государственное быть» [492]). Паткуль, устраивавшій союзъ Даніи, Польши, Бранденбурга и Россіи противъ Швеціи, принималъ уже мѣры къ тому, чтобы ихъ могущественный союзникъ (Россія) не выхватилъ изъ подъ носа то жаркое, которое они воткнутъ на вертель. Паткуль имѣлъ въ виду доказать, ссылками на исторію и географію, что Россія должна ограничиться одною Ингерманландіею и Кареліею. «Надобно договориться съ Царемъ, чтобы онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ

Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею. Надобно также уговориться съ Царемъ, чтобъ, при завоеваніи Ингерманландіи и Кареліи, москвитяне не предавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у Царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами».

Петръ, очевидно, зналъ географію и исторію не хуже Паткуля и крѣпко помнилъ, во что обошлась Россіи борьба съ Карломъ. Петръ, видимо, давно обдумалъ условія мира и въ своихъ требованіяхъ проявилъ большую послѣдовательность и настойчивость.

Съ 1705 по 1707 годъ Петръ все время старался, при посредствѣ голландцевъ или англичанъ, заключить миръ съ Карломъ. Въ данное время Царь главнымъ образомъ заботился о сохраненіи за собой участковъ, завоеванныхъ на Балтійскомъ побережьѣ, и вновь основанныхъ имъ городовъ. Въ 1706 г. въ Англію отправился Матвѣевъ искать посредничества королевы Анны. Англіи заявили, что ей должно быть особенно пріятно, если устье Невы останется въ русскихъ рукахъ, такъ какъ торговля съ внутренними губерніями Россіи черезъ Петербургъ значительно удобнѣе, чѣмъ черезъ Архангельскъ. Въ то же время Петръ предлагалъ войска Людовику XIV, а Даніи, въ случаѣ если она выступитъ активно противъ Швеціи, обѣщалъ уступить Дерптъ (Юрьевъ) и Нарву. Петръ ставилъ условіемъ, чтобы за Россіей осталось возвращенное ей оружіемъ «отеческое достояніе»; при этомъ онъ готовъ былъ обѣщать Англіи не держать въ Балтійскомъ морѣ великихъ флотовъ.

Неодолимымъ препятствіемъ къ миру явился Петербургъ. «По самой нуждѣ и Нарву шведу уступить,—читаемъ въ одной инструкціи Петра Великаго,—а о Петербургѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть». Карлъ съ такой-же настойчивостью отвѣтилъ, что скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ Царскихъ рукахъ [493]).

Отношенія Англіи къ сѣверной войнѣ могли быть только враждебными. Великобританія—«добрый и надежный пріятель шведу», какъ сообщалъ Матвѣевъ изъ Гааги еще въ іюлѣ 1701 г. Только «поразительная» для англичанъ Полтавская побѣда заставила ихъ измѣнить свои воззрѣнія на русскихъ, которые въ донесеніяхъ Витворта аттестовывались какъ варвары, съ коими

не стоитъ церемониться. Полтавская «баталія» побудила англичанъ домогаться участія въ посредничествѣ между Россіей и Швеціей.

Надо полагать, что тяжесть войны сильно чувствовалась Петромъ, если онъ послѣ Полтавской побѣды вновь дѣлаетъ попытку повести дѣло къ миру. 13 іюля 1709 г. министръ Царя,—отмѣчено въ дневникѣ Карла Пипера,—«призвалъ меня къ себѣ и далъ знать (тогда еще вѣрныхъ извѣстій о мѣстѣ нахожденія шведскаго короля Карла не имѣлось), что Его Императорское Величество рѣшился послать въ Швецію секретаря Седеріельма (Cedelielm) съ тѣмъ, чтобы черезъ 3—4 мѣсяца онъ явился съ условіями мира, а также многими другими пунктами, касающимися благороднаго обхожденія съ плѣнными, и пр. Когда-же станетъ извѣстнымъ мѣсто нахожденія короля, то имѣется въ виду сообщить ему условія мира. Пока же сенатъ могъ въ Стокгольмѣ совѣщаться по дѣлу и выработать свое мнѣніе, «о чемъ я могу написать ему письмо, чтобъ условія ко мнѣ были письменно доставлены». Съ своей стороны К. Пиперъ нашелъ русскія условія невозможными для представленія Его Королевскому Величеству и «покорнѣйше просилъ ихъ изложить въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ», иначе—увѣрялъ онъ Царя,—вмѣсто мира, если только его серьезно желали, скорѣе сдѣлаютъ соглашеніе невозможнымъ и больше еще возбудятъ стороны другъ противъ друга. Но русскіе упорно отстаивали свой меморіалъ. «А такъ какъ, кромѣ того, въ немъ говорилось о жестокомъ обращеніи съ ихъ плѣнными, то они меня упрашивали въ письмѣ хвалить гуманное обращеніе, какое испытываютъ здѣсь (въ Россіи) наши (шведскіе) плѣнные, но я отказался сдѣлать это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я не былъ согласенъ съ тѣмъ, что съ ихъ плѣнными обращались жестоко въ Швеціи, и въ нашу армію всегда приходили извѣстія, что русскимъ плѣннымъ дана большая свобода: ихъ обучали фортификаціи и, кромѣ того, когда желали повеселиться за городомъ, могли всю ночь проводить внѣ дома, и горожане, которые стерегли ихъ, обязаны были услуживать имъ до разсвѣта... [424]).

«Секретарь Седеріельмъ простился со мной и уѣхалъ въ Швецію»,—записалъ К. Пиперъ въ дневникѣ за 16 іюля.—Такъ какъ теперь (17 іюля) получено было извѣстіе, что Его Королевское Величество прибылъ въ Очаковъ, то министръ призвалъ меня и сказалъ, что (русскіе) намѣрены послать королю

тѣ-же условія, которыя были отправлены съ Седеріельмомъ въ Королевскій Сенатъ».

Чрезвычайному посланнику Цезаря въ Россіи, графу де-Вильчеку, также были сообщены условія мира: Петръ желалъ сохранить за собой Ингрію, Карелію и Финляндію до Выборга. Помимо того, въ вознагражденіе за проторы и убытки, понесенные во время войны, Царь получаетъ область до Гельсингфорса [495]).

Эти-же пункты были сообщены затѣмъ и кн. Б. М. Куракину, который въ концѣ 1709 г. отправился въ Англію. Между прочимъ было приказано сказать министрамъ,—если они станутъ спрашивать о Финляндіи,—что Царь не имѣетъ намѣренія завоевать ее.

Всѣ эти попытки заключенія мира вновь остались безрезультатными.

Мира Петръ желалъ искренно и давно. «Я къ миру всегда былъ склоненъ, но того непріятель слышать не хотѣлъ. Что Карлъ XII запуталъ упрямствомъ, то распутывать будемъ умомъ; а буде и сіе нынѣ не поможетъ, распутывать будемъ силою и оружіемъ, доколѣ миръ рѣшитъ самъ Богъ».

Иного исхода не было и войну приходилось продолжать.

Да не подумаютъ, что только русскіе желали мира, а Швеція бодро готова была продолжать борьбу. Нѣтъ, Швеція также давно страдала отъ разорительной для нея войны и многократно заводила рѣчь о мирѣ. Общимъ крикомъ въ ней былъ миръ и къ нему присоединялся тихій вздохъ о свободѣ. Одинъ только упрямый ея король не желалъ ничего слышать о переговорахъ. Поэтому, государственный совѣтъ Швеціи рѣшилъ, не испрашивая согласія короля, созвать на 1710 г. риксдагъ и предложить ему, въ числѣ трехъ главнѣйшихъ очередныхъ пропозицій, рѣшить также вопросъ о заключеніи мира на возможно льготныхъ условіяхъ.

Швеціи приходилось желать мира, хотя отдѣльные ея подданные,—какъ напримѣръ финляндецъ Эренмальмъ,—понимали, въ какого могущественнаго сосѣда выраститъ Россія, «если за Царемъ останутся тѣ преимущества, которыми онъ обладаетъ», и если ему уступятъ Выборгъ и Петербургъ [496]).

Сословія ближайшихъ риксдаговъ пытались воздѣйствовать на короля, но безуспѣшно. Риксдагъ 1713 г. отправилъ посольство къ королю, съ выраженіемъ почтенія и вѣрности, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказался о необходимости его возвращенія домой, послѣ скораго мира. Въ своемъ посланіи сословія риксдага чистосердечно объяснили, что они,—послѣ испытанной въ теченіе 14 лѣтъ военной

тягости, и послѣ того, какъ оплотъ государства попалъ въ руки русскихъ и часть лучшихъ провинцій королевства доставляетъ непріятелю средства для завоеванія Швеціи,—не въ состояніи болѣе собрать денегъ и военной силы, для защиты отечества, и что ихъ долгъ требуетъ искать мира на какихъ угодно условіяхъ.

Риксдагъ 1714 г., также вопреки королю, желалъ мира, но боялся власти Карла. Стали раздаваться голоса, что при отсутствіи короля должны дѣйствовать другія власти. Вообще о мирѣ было много толковъ въ Швеціи, гдѣ искали разныхъ поводовъ для переговоровъ о немъ.

Рѣшено было начать сношенія съ Петромъ безъ короля. Узнавъ объ этомъ, Карлъ въ письмѣ къ ландсгевдингу Крейцу заявилъ, что никто, безъ его уполномочія, не имѣетъ права вмѣшиваться въ переговоры съ непріятелемъ, и за это вмѣшательство ни подъ какимъ предлогомъ нельзя будетъ простить [497]).

Обходъ нашими галерами шведскаго флота при Генгеуддѣ (въ 1714 г.) произвелъ сильное впечатлѣніе въ Стокгольмѣ. Тамъ находили, что столица недостаточно обезпечена своими укрѣпленіями и потому подумывали вывезти изъ нея дворъ, архивъ и разныя драгоцѣнности. Наконецъ изъ Гааги получилось свѣдѣніе, что король рѣшилъ приступить къ переговорамъ и выдалъ для этого даже довѣренность. Переговоры дѣйствительно завязались (въ 1717 г.) въ Гаагѣ между кн. Куракинымъ и генераломъ Понятовскимъ, приверженцемъ Карла XII. Понятовскаго замѣнилъ Герцъ. Условлено было уполномоченнымъ съѣхаться въ Финляндіи, гдѣ можно было лучше сохранить переговоры въ «высшемъ секретѣ». На этотъ шагъ Карлъ былъ склоненъ лестью Герца, который рисовалъ ему картины будущаго его величія, когда король еще разъ выступитъ съ достоинствомъ на всемірной аренѣ.

Петръ выдвинулъ тѣ условія, которыя вырабатывались имъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Такъ въ февралѣ 1713 г. Петръ далъ, напримѣръ, инструкцію князю Меншикову, на случай переговоровъ со шведскими уполномоченными. Генералъ-фельдмаршалу предоставлялось «въ трактаты вступить» съ шведскимъ уполномоченнымъ о томъ, «чтобы Его Царское Величество содержать въ полномъ самодержавствѣ провинціи возвращенныя, которыя принадлежали всегда коронѣ великороссійской и которыя корона шведская присвоила къ себѣ неправедно въ прошедшемъ вѣкѣ, противъ трактату, а именно: провинцію Ингерманландію и Карелію»....

«и чтобъ къ безопасности онаго отъ впаденія шведскаго, остался Его Царскому Величеству во власти городъ Выборгъ равенственно завоеванный и который по положенію своего мѣста есть провинціи Карельской»..... Такъ значилось въ первомъ пунктѣ инструкціи. А во второмъ говорилось: «Чтобъ въ заплату великихъ потерей и иждивеній, которыя Его Царское Величество учинилъ во время сей войны Его Величеству уступить со стороны короны шведской часть Финляндіи даже до города Гельсингфорса всемѣрно въ полное самодержавство и область. Чтобъ дано было 5 мил. ефимковъ и дабы учинить по той странѣ отъ помянутаго города границы и раздѣленіе съ Финляндіею шведскою.....; а ежели то весьма одержано быть не можетъ, то отъ той претензіи отстать», но сохранить условія, указанныя въ первомъ пунктѣ..... [498]).

ЯКОВЪ ВИЛИМОВИЧЪ БРЮСЪ (1670—1735).

Въ другой разъ, а именно 10 января 1715 г., Царь, въ присутствіи князя А. Д. Меншикова, адмирала графа Ѳ. М. Апраксина и гр. И. А. Мусинъ-Пушкина, выслушалъ въ конторѣ адмиралтейской письмо гр. Головкина къ князю Куракину, и проектъ плана къ заключенію мира со Швеціей. Изъ выработаннаго тогда плана сѣвернаго мира видно, что Его Царское Величество соизволялъ «уступить коронѣ шведской городъ Абовъ съ прочими мѣстами великаго дукатства финляндскаго, оставя нѣкоторую барьеру къ Выборгу.... Соотвѣтственно сему проектировалось, что «Ингрія и Карелія со всѣми принадлежностями, также и городы Нарва и Выборгъ съ ихъ принадлежностями останутся во владѣніи Его Царскаго Величества» [499]).

Такимъ-же барьеромъ должна была служить съ другой стороны Лифляндія, дабы не подать «способъ при всякой малѣйшей

полезной оказіи шведу ко вступленію войною въ Его Царскаго Величества земли».

Вотъ тѣ главные пункты будущаго мира, которые выработаны были заранѣе и одобрены Царемъ.

Петръ, конечно, пошелъ навстрѣчу желанію Карла и предложенію Герца. Въ началѣ января 1718 г. генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ и канцелярскій совѣтникъ Остерманъ внезапно выѣхали изъ Петербурга, что возбудило общее вниманіе въ тамошнихъ политическихъ кругахъ. Куда они отправились? Голландскій резидентъ van Bie замѣтилъ, что Брюсъ уложилъ въ чемоданы «новыя великолѣпныя одежды и серебряный столовый приборъ». Такъ какъ его бережливость была извѣстна, то эта роскошь казалась подозрительной.

ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ.

Петръ едва-ли могъ сдѣлать лучшій выборъ, назначивъ Якова Брюса и Андрея Ивановича Остермана представителями Россіи. Яковъ Вилимовичъ Брюсъ по происхожденію шотландецъ; его отецъ поселился въ Россіи.—Яковъ Брюсъ сопровождалъ Петра Великаго въ 1698 г. въ Англію и Голландію, находился при Нарвскомъ пораженіи и руководилъ артиллеріей при осадѣ Нотебурга, Ніеншанца, а также въ славной полтавской баталіи. Въ то время, когда Якова Брюса назначили для веденія переговоровъ на Аландскомъ конгрессѣ, онъ состоялъ президентомъ Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи.

Андрей Ивановичъ Остерманъ—одинъ изъ умнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Отечествомъ Остермана была «нѣмецкая земля», какъ выразился его біографъ А. Терещенко. Бѣдные родители Остермана дали ему прекрасное образованіе и онъ кончилъ курсъ въ лучшемъ тогда Іенскомъ университетѣ. Пронзивъ шпагой на дуэли своего противника, онъ бѣжалъ въ Голландію, гдѣ вице-адмиралъ Корнилій Крюйсъ принялъ его въ русскую

службу подшкиперомъ. Оригиналъ «студентъ» обратилъ на себя вниманіе проницательнаго Петра, который скоро сталъ давать ему дипломатическія порученія. Тридцати двухъ лѣтъ отъ роду канцеляріи совѣтникъ Андрей Остерманъ, вмѣстѣ съ Яковомъ Брюсомъ, повелъ теперь переговоры со Швеціей и кончилъ ихъ блестящимъ Ништадскимъ миромъ. Если «великодушный Петръ, метавшій одной рукой побѣдные перуны, предлагалъ другой, трепещущей Швеціи, масличную вѣтвь», то дѣлалъ онъ это не безъ извѣстнаго вліянія совѣтовъ А. И. Остермана. «Мира, настоящаго мира желаю я! Ни плѣнныхъ, ни перемирія мнѣ не нужно!»— сказалъ Царь на одномъ совѣщаніи.

Въ собственноручной запискѣ, которую Царь далъ своимъ уполномоченнымъ, поѣхавшимъ на Аландъ, указывалось, въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что было выработано въ послѣдніе годы, «чтобъ еще говорить объ уступленіи Кексгольма, объявляя, что въ такой близости намъ нужнѣе нежели имъ, а буде на то весьма не склонятся, то чтобы разорить оную. Ежели-же и на то не склонятся, то уступить, но чтобъ рубежу быть тою рѣкою, которая подъ Кексгольмомъ, и отъ нея кругомъ Выборга до моря.... но смотрѣть накрѣпко, дабы пролива Выборгскаго оный берегъ, который въ Финляндіи, весьма на нѣсколько миль былъ въ нашей границѣ» [500]).

На Аландѣ, на маленькомъ островѣ Лёфъ-э, съѣхались Брюсъ и Остерманъ, Герцъ и Карлъ Гюлленборгъ.

Царь спѣшилъ съ переговорами, «ибо уже время къ воинскому походу приближается». Переговоры начались 12 мая 1718 г.

Шведы желали, конечно, получить обратно всѣ завоеванія Петра. Сперва много пререкались о Ревелѣ. Шведы говорили: что въ такомъ случаѣ Финляндія недолго останется за ними, такъ какъ изъ Ревеля русскіе всегда въ состояніи перейти черезъ заливъ и завоевать ее. Выборгъ также явился предметомъ особыхъ обсужденій. Наши уполномоченные объявили, что этотъ городъ отъ Петербурга въ близкомъ разстояніи, и что Царь въ сей резиденціи никогда безопасенъ быть не можетъ», если Выборгъ останется за Швеціею [501]).

Переговоры подвигались плохо. Трудно было сговориться потому, что Герцъ требовалъ quo ante государства и чтобы всѣ завоеванія были возвращены Швеціи, Петръ-же соглашался лишь на очищеніе Финляндіи. Въ Швеціи Герца не любили, какъ иноземца, вкравшагося въ довѣріе Карла и разорявшаго королевство. О Герцѣ распустили слухъ, что онъ продалъ королевскіе интересы

и указалъ дорогу къ Стокгольму. Переговоры нѣсколько разъ прерывались: Герцъ ѣздилъ совѣщаться съ Карломъ, Остерманъ—съ Царемъ. Шведы разсчитывали, что волненія въ Россіи ослабятъ ее. Желая доказать, что волненій не было, русскіе отпустили изъ плѣна фельдмаршала Реншельда.

Когда при переговорахъ очередь дошла до Кексгольма, Остерманъ, указывая на карту, заявилъ, что Царь не можетъ оставить шведовъ у себя въ тылу. Для Швеціи же этотъ городъ лишился всякаго значенія.

Пока шли переговоры, князю М. Голицыну приказано было крейсировать. Въ августѣ и сентябрѣ (1718) онъ ходилъ между Рогервикомъ и финскими шхерами, «для устрашенія» несговорчиваго сосѣда и «склоненія его къ мирнымъ негоціаціямъ».

Пользуясь перерывомъ переговоровъ, Остерманъ представилъ Царю свое «партикулярное и малоумное» мнѣніе: «Разсужденіе о состояніи Аландской негоціаціи». Эта записка показываетъ, что Остерманъ очень внимательно слѣдилъ за шведскими дѣлами и прекрасно усвоилъ себѣ положеніе дѣла въ королевствѣ. Онъ вполнѣ вѣрно угадалъ, что вся эта «мирная негоціація» дѣло одного барона Герца. Король войнолюбивъ, попеченія о своихъ интересахъ не имѣетъ, и, повидимому, не въ совершенномъ разумѣ; ему лишь бы съ кѣмъ-нибудь драться.... Ничто такъ не принудитъ Швецію къ миру, какъ разореніе, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. «Король шведскій, судя по его отвагѣ, долженъ быть скоро убитъ»... Герцъ человѣкъ умный, но и чрезвычайно гордый. Король хочетъ напасть на Норвегію; дѣйствовать тамъ трудно и «безъ большаго урона достичь своихъ намѣреній нельзя». Предсказаніе Остермана, какъ извѣстно, исполнилось почти дословно.

Остерманъ предлагалъ «разореніе всѣхъ мѣстъ до Стокгольма», и мѣра эта была приведена въ исполненіе Царемъ. Нападеніе русскихъ войскъ на шведскіе берега не осталось безъ послѣдствій на ходъ переговоровъ.

Съ гордостью послѣдняго викинга Карлъ не хотѣлъ заключить постыднаго мира. Карлъ не далъ прельстить себя условіями, которыя могли поставить его въ зависимость отъ Петра. Въ письмѣ къ Герцу отъ 4—16 августа 1718 г. онъ отвергъ составленный проектъ, и не желалъ даже слышать о какой-либо помощи со стороны Петра: онъ требовалъ, чтобъ Царь возвратилъ Финляндію, Эстляндію и Лифляндію, а за остальныя завоеванія вознаградилъ

Швецію уступкой собственныхъ земель. Когда Герцъ получилъ это письмо, онъ понялъ, что по дѣлу мира онъ ничего не въ состояніи сдѣлать... [502]).

Для нѣкоторыхъ современниковъ титанической борьбы стало ясно, что «война между царемъ и шведомъ не кончится, пока не погибнетъ тотъ или другой» [503]).

Шведскіе государственные люди, въ родѣ Арвида Горна, Эрика Спарре и др., выказали болѣе благоразумія, чѣмъ ихъ король, и проявляли склонность къ дружбѣ съ сосѣдомъ, опасаясь, что упустятъ случай къ заключенію мира, о которомъ потомъ будетъ уже поздно и думать.

Численность шведскаго войска въ это время достигла 60.666 чел. Главная ея сила въ 40.000 чел., сосредоточенная подъ начальствомъ короля, готовилась напасть на южную часть Норвегіи. Восточное побережье королевства оставалось безъ войска, почему многіе, негодуя на Герца, находили, что онъ нарочно устроилъ такъ, чтобъ предоставить осиротѣлую Швецію въ руки Петра.

Въ концѣ 1718 г. распространилась вѣсть о смерти Карла XII. Дѣйствительно 30 ноября (11 дек.) онъ былъ сраженъ пулею при Фридрихсгаллѣ. Долго въ шведской исторіи вѣрили, что Карлъ палъ отъ руки убійцы. Графу Croissy, состоявшему въ 1715 г. французскимъ посланникомъ при Карлѣ XII въ Стральзундѣ, и видѣвшему его тамъ, казалось, что король искалъ смерти, почему графъ предупредилъ свое правительство о необходимости быть готовымъ принять мѣры на случай кончины Карла. Въ то время. когда король ежедневно подвергалъ свою жизнь опасности, онъ не заботился установить, кто долженъ послѣ него принять скипетръ государства.

Наслѣдный принцъ Гессенскій былъ назначенъ генералиссимусомъ шведской военной силы, а его ближайшій приверженецъ, генералъ баронъ Г. А. Таубе,—намѣстникомъ въ Стокгольмѣ [504]).

Со смерти Карла XII многое измѣнилось. Новое правительство казнило Герца. Когда узнали о смерти Карла XII, резидентъ Ганноверскій спросилъ Царя на ассамблеѣ, долженъ ли поздравить его, или изъявить ему сожалѣніе объ этомъ важномъ событіи. Петръ, пожавъ плечами, отвѣтилъ: «Я самъ не знаю; желаю только, чтобъ все обратилось къ общему благу» [505]).

Въ Стокгольмъ послали нашего бригадира Лефорта поздравить королеву Ульрику-Элеонору съ восшествіемъ на престолъ. Съ обѣихъ сторонъ было выражено желаніе прекратить борьбу.

Въ маѣ 1719 г. переговоры на Аландѣ возобновились. Мѣсто Герца заступилъ баронъ Лиліенстедтъ.

Остерманъ вновь настаивалъ на какомъ-нибудь «сильномъ дѣйствѣ».

Но и безъ его настаиванія, послѣ смерти Карла XII и разрыва Аландскаго трактата, дѣлались необычайныя приготовленія къ новой кампаніи. Царь видѣлъ, что нѣтъ иного средства, какъ принудить Швецію къ миру. А потому въ маѣ-же 1719 г. генералъ-адмиралъ Апраксинъ получилъ указы и наставленія, какимъ образомъ Государь желалъ перевести цѣлую армію въ 20.000 пѣхоты и 6 тыс. драгунъ въ Финляндію. Для этого требовалось 28 кораблей, 180 галеръ и 300 плоскодонныхъ судовъ. Апраксину предписывалось быть начальникомъ флота и сухопутнаго войска [506]). Нашъ корабельный и галерный флотъ сосредоточился у Гангеудда.

Когда затѣмъ на конференціи Лильенстедтъ, вѣрный своимъ инструкціямъ, сдѣлалъ предложенія, не согласовавшіяся съ русскими требованіями, нашему флоту приказано было переплыть Аландское море. Цѣль задуманныхъ высадокъ и разореній оставалась прежняя: приблизиться къ Стокгольму и страхомъ побудить шведское правительство къ подписанію трактата.

Когда обдумывался планъ кампаніи 1719 г., Царь потребовалъ отзывовъ о ней разныхъ лицъ. Адмиралъ Апраксинъ писалъ: «Понеже непріятель, какъ видимо на конгрессѣ Аланскомъ, чинитъ предложеніе, какъ можно къ миру не склоняется», то онъ, адмиралъ, находитъ необходимымъ «достать языковъ», приступить «всѣмъ корабельнымъ флотомъ къ Алантъ-гафу», послать партію на галерахъ и между «Гефля и Стеколни (Стокгольмомъ) чинить чувственное раззореніе, дабы тѣмъ непріятеля раздѣлить и отволочь отъ Стеколни», «непріятельскія жилища и, гдѣ есть, всякія заводы жечь» и, наконецъ, адмиралъ желалъ идти «генерально къ самому столичному мѣсту».—Гр. Апраксинъ исходилъ изъ того мнѣнія, что «старая каприція немного мѣшаетъ» шведамъ склониться къ миру. Контръ-адмиралъ Гордонъ совѣтовалъ перевести войска на шведскій берегъ.—Контръ-адмиралъ Сиверсъ усматривалъ полезнымъ «дѣйствовать около Стокгольма по языкамъ». Кн. М. М. Голицынъ стоялъ за возможное «утѣсненіе» непріятеля. Генералъ Ласси рекомендовалъ «дессантъ учинить въ Швецію».—Вице-адмиралъ Змаевичъ хотѣлъ «запереть устье къ Стокгольму». Всѣ сходились во мнѣніяхъ объ утѣсненіи шведовъ рѣшительнымъ наступленіемъ [507]).

11 Іюля н. ст. 1719 г. русскій флотъ показался въ Рослагсшеренъ. 1-го Августа шведская королева отвѣтила манифестомъ о продолженіи войны съ Россіей и о храбромъ противодѣйствіи приближавшимся русскимъ войскамъ [508]). Зажглись русскіе сигнальные огни и тревога распространилась по всему берегу. Военные наши корабли крейсировали вдали, тогда какъ галеры пристали къ берегамъ Родмансъ-э (Rådmansö), къ востоку отъ Норртелье. Находившаяся тамъ слабая стража въ 40 чел. отступила безъ боя; крестьяне разсѣялись. Но на слѣдующій день прибыла незначительная шведская сила и остановилась у кирки Фрётуна (Frötuna kyrka). Русскіе хотѣли начать бой, но ограничились тѣмъ, что жгли и разоряли на Родмансъ-э и близъ лежащихъ островахъ. Послѣ этого нашъ флотъ раздѣлился на три части: одна часть повернула на сѣверъ, другая осталась на высотѣ Стокгольма, а третья посѣтила Зюдерманландію и Эстергётландъ.

Та часть, которая на 21 галерѣ и 12 островныхъ лодкахъ направилась къ сѣверу отъ Стокгольма, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси, въ тотъ-же день опустошила побережье въ кирхшпиляхъ Ветё, Веддё и Геверё, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Войска тамъ не оказалось и крестьяне были столь увѣрены въ помощи англичанъ, что спокойно ушли на сѣнокосъ. Въ слѣдующіе дни продолжались высадки русскихъ отрядовъ, которые предавали огню заводы и побережныя селенія. Крестьяне безъ начальства разбѣгались, не проявляя единодушія.

Въ то время, когда самая слабая часть русскаго флота разоряла сѣверную часть, главныя силы его, подъ начальствомъ князя Голицына и Апраксина, дѣлали свое дѣло на берегахъ Зюдерманланда и Эстергетланда [509]).

Апраксину дано было нѣсколько сотъ печатныхъ манифестовъ—универсаловъ на нѣмецкомъ, шведскомъ и русскомъ языкахъ, съ цѣлью объявленія шведскому народу отъ имени Петра I, что русскіе «къ замиренію склонность предъ цѣлымъ свѣтомъ» обнаружили. Эти универсалы являлись «всѣмъ жителямъ королевства шведскаго» послѣднимъ увѣщаніемъ и выраженіемъ нашего «великаго доброжелательства» къ нимъ. Съ нашей стороны заключеніе мира со Швеціей «не отрекалось». Военнаго перемирія не было заключено со шведскимъ королемъ, почему русскіе «всегда имѣли ко всѣмъ воинскимъ предпріятіямъ свободныя руки». Царь указывалъ, что многими обстоятельствами не желалъ воспользоваться, чтобы не проливать крови и не причинить обидъ народу;

такъ, напримѣръ, онъ находилъ возможнымъ по крѣпкому льду переправить въ Швецію цѣлую армію. Требованія, выставлявшіяся королемъ о возвратѣ всѣхъ завоеваній, признавались непомѣрными. Многое были «согласны уступить». Король не заключалъ мира «по партикулярной своей страсти и корыстолюбію». Далѣе въ универсалахъ свейской землѣ указывалось на русскую «правду и ихъ короля непреклонность къ миру» [510]). Настоящее-же вторженіе въ Швецію дѣлалось «единственно для того, чтобы желаемаго замиренія достигнуть можно было» [511]).

Въ инструкціи, данной Государемъ Апраксину, велѣно было: «разорять и жечь какъ можно; а людей не токмо не брать, но не грабить съ нихъ и ничѣмъ не досаждать, но внушать, что мы воюемъ для того, что (шведскій) сенатъ не склоненъ къ миру. Подъ опасеніемъ смертной казни, запрещалось касаться церквей [512]).

Чтобы не встрѣтить враждебныхъ дѣйствій со стороны Англіи, Царь публиковалъ декларацію о свободной морской торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ.

Часть крестьянъ въ Викболандетъ, соблазненные русскими манифестами-универсалами, опасаясь истребленія своихъ домовъ, а быть можетъ и раздразненные насиліями шведскихъ войскъ, рѣшились подчиниться русской власти. Шведское правительство было сильно обезпокоено этимъ обстоятельствомъ, почему, подъ предсѣдательствомъ двухъ сановниковъ (Де-ла-Гарди и Экеблада), оно немедленно созвало чрезвычайный судъ, для разслѣдованія дѣла. Восемнадцать крестьянъ были приговорены къ смертной казни, но лишился жизни лишь руководитель-зачинщикъ [513]).

Главныя наши силы, дѣйствовавшія около Стокгольма, не въ состояніи были подойти къ столицѣ Швеціи. Укрѣпленія, возведенныя вокругъ Ваксгольма, для закрытія воднаго пути къ Стокгольму, оказались на столько солидными, что русскіе не отважились сдѣлать нападеніе на нихъ. Но въ то же время наши начальники не желали покинуть шведскіе берега, не сдѣлавъ еще попытку пробраться къ столицѣ черезъ южный Стекетъ (Stäket). По приказанію наслѣднаго принца этотъ проходъ былъ загражденъ значительнымъ отрядомъ, имѣвшимъ при себѣ 4 орудія и галеры. Тѣмъ не менѣе князь Голицынъ и Апраксинъ рѣшили произвести здѣсь высадку какъ на сѣверной, такъ и на южной сторонѣ, и въ то же время наши галеры сдѣлали попытки проникнуть въ заливъ. Шведы стойко отбивались, подъ начальствомъ полковника Дальгейма, отражая одно нападеніе за другимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было послать партію казаковъ, чтобы «сдѣлать алармъ» Стокгольму и, если можно, зажечь городъ. Однако, признано было «въ азартъ себя не давать». Казаки встрѣтили сильное сопротивленіе и успѣли привести только 9 плѣнныхъ.

Схватка при Стекетъ (Stäket) была единственнымъ удачнымъ дѣйствіемъ шведовъ въ теченіе кампаніи 1719 года.

Въ то время, когда происходили опустошенія въ шхерахъ, шведскій флотъ стоялъ спокойно, не думая о боѣ. Стокгольмская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Таубе, находилась у Ваксгольма для защиты входа къ столицѣ [514]).

7—20 августа 1719 года русскіе ушли изъ шведскихъ шхеръ и направились въ Аланду. Все прибрежье отъ Гефле до Нордчепинга было разорено. Зарево пожаровъ видно было въ самомъ Стокгольмѣ, отъ котораго русскіе находились не далѣе 10 верстъ. Было выжжено два города, 135 селеній, 40 мельницъ, нѣсколько желѣзныхъ заводовъ. Добыча русскихъ цѣнилась въ 1 мил.; а ущербъ, причиненный шведамъ, въ 12 мил. [515]). По свѣдѣніямъ шведскихъ историковъ, русскіе опустошили города Эркгрундъ, Эстхаммаръ, Норртелье, Седертелье, Труса, Нюкепингъ и Норркепингъ, заводы Харнесъ, Вессландъ, Оскербю, Лёвота, Форсмаркъ, Харгъ, Ортала, Ставшё и рудники Невекварнъ и Утё, а также множество усадебъ и крестьянскихъ дворовъ вдоль берега; лѣса были выжжены, растительность уничтожена, домашній скотъ уведенъ, или убитъ. Картеро говоритъ, что 20.000 семействъ остались безъ крова [516]). Народъ, который теперь подвергался опустошеніямъ, ранѣе, въ теченіи 20 лѣтъ, несъ тягости войны, всякія вымогательства собственныхъ властей, герцогскія финансовыя эксперименты и паденіе денежныхъ знаковъ. Неудивительно, если отчаяніе здѣсь и тамъ проявлялось возстаніями, и что Петръ надѣялся достичь кое-какихъ результатовъ своими универсалами, изложенными на плохомъ шведскомъ языкѣ. «Сколь жестокими ни кажутся поиски, учиненные руссіянами,—писалъ военный историкъ Д. Бутурлинъ,—но должно уважить, что было единственное средство принудить Швецію къ миру». Сильной артиллеріи русскіе перевезти не могли на шведскій берегъ и кромѣ того имъ приходилось опасаться, дабы не быть отрѣзанными соединенными англо-шведскими флотами.

Изъ разныхъ мѣръ воздѣйствій на Аландскій конгрессъ, къ которымъ прибѣгъ Царь, отмѣтимъ слѣдующую. Въ Іюнѣ 1719 г. онъ повелѣлъ, чтобы шестерю дворянъ и столько-же искусныхъ

секретарей изъ Эстляндіи немедленно отправились въ Финляндію къ ландсгевдингу графу Дугласу. Согласно ходившимъ слухамъ подобнымъ распоряженіемъ имѣлось въ виду внушить шведамъ, что Царь можетъ отказаться отъ своего намѣренія вернуть Финляндію и, напротивъ, возстановить это герцогство съ цѣлью удержанія его за собой [317]).

Наконецъ, Царь, желая показать, что союзъ съ англичанами не спасетъ Швецію отъ бѣдствій войны, задумалъ послать зимой черезъ Кваркенъ партію казаковъ изъ Вазы къ Умео; но проливъ замерзъ поздно и планъ Петра не былъ приведенъ въ исполненіе. Замѣчательно однако, что геній Петра и здѣсь предвосхитилъ тотъ планъ, который былъ осуществленъ въ 1809 г. Барклаемъ-де-Толли.

Въ то время, когда русскіе отряды разоряли шведскіе берега и зарево пожаровъ указывало на ихъ приближеніе, Остерманъ появился въ Стокгольмѣ, продолжая предлагать отъ имени Петра миръ Швеціи. Остерманъ не послѣдовалъ существовавшему обычаю: онъ заранѣе не оповѣстилъ о своемъ прибытіи и не испросилъ для себя паспорта. Онъ былъ принятъ, хотя не особенно радушно, и находился какъ бы подъ надзоромъ. Разоренія озлобили шведовъ и потому ихъ разговоры съ нимъ не отличались сдержанностію. Королева «въ жестокихъ терминахъ» выразила свое неудовольствіе поведеніемъ русскихъ; однако пожелала, чтобъ Остерманъ остановилъ гибельныя вліянія русскаго оружія. 1—13 іюля наслѣдный принцъ принялъ Остермана, а вернувшійся съ Аланда Карлъ Гюлленборгъ и Хепкинъ назначены были вести съ нимъ переговоры. Онъ представилъ какъ ультиматумъ Царя, что Швеція должна уступить Эстляндію, Ингерманландію, Выборгъ и Кексгольмъ, и что Петръ либо уплатитъ извѣстную денежную сумму за Лифляндію, либо удержитъ эту землю за собою въ теченіи 40 лѣтъ; Финляндію-же обѣщалъ возвратить въ теченіи мѣсяца. Кромѣ того Остерманъ намекнулъ на союзъ съ Царемъ, причемъ Швеція въ Польшѣ или другомъ мѣстѣ могла бы получить вознагражденіе за свои уступки [318]).

Чтобы на будущую кампанію избѣжать содѣйствіе англійскаго флота Швеціи, Петръ въ концѣ 1719 г. послалъ въ Лондонъ Веселовскаго, который тамъ представилъ жалобу на дѣйствія этого флота въ Балтійскомъ морѣ, причемъ сдѣланъ былъ намекъ на возможные убытки въ торговлѣ, если послѣдуетъ война. Заявленіе кончалось увѣреніемъ, что Царь не начнетъ непріятель-

скихъ дѣйствій, если Англія открыто не выступитъ на защиту Швеціи.

Такъ какъ переговоры 1719 года ни къ какому результату не привели, то въ апрѣлѣ 1720 г. Голицынъ опять пришелъ съ галернымъ флотомъ изъ Або къ Ламеланду. Въ маѣ Англія вновь прислала свой флотъ подъ начальствомъ Норриса въ Балтійское море, желая устрашить Россію. Русскія войска еще разъ, въ виду англійской эскадры, начали опустошать шведскіе берега. Отрядъ бригадира фонъ-Менгдена углубился внутрь Швеціи на 5 миль, имѣя 6.282 чел. пѣхоты и кавалеріи. Пострадали новое и старое Умео, 41 деревня и болѣе 1000 жилыхъ дворовъ и разныхъ строеній. Это происходило на сѣверѣ. На югѣ шведскій флотъ подъ начальствомъ вице-адмирала Шёблада имѣлъ стоянку въ Аландскомъ морѣ.

«Нынѣшнія конъюнктуры—писалъ Государь гр. Апраксину—двухъ дѣлъ требуютъ: чтобъ какой возможно убытокъ непріятелю учинить, дабы тѣмъ обнадеживаніе англійское отвергнуть; другой, азардовать не допускать, дабы ежели проиграемъ (отъ чего Боже сохрани), болѣе непріятелей самимъ на себя не подвигнуть».—Война велась согласно этимъ указаніямъ и особенно осмотрительно дѣйствовали на югѣ. Ни съ той, ни съ другой стороны ничего рѣшительнаго не предпринимали. «Сія кампанія кажется, что безъ дѣйствія пройдетъ», увѣдомлялъ уже Царь своего главнокомандующаго, какъ совершенно неожиданно русскіе выиграли побѣду, которая ничего не измѣнила въ ходѣ кампаніи 1720 года, но имѣла большое нравственное значеніе и доставила искреннее удовольствіе Царю. 12—27 іюля одна часть русскихъ развѣдочныхъ галеръ достигла Ледсунда. Замѣтивъ ихъ, адмиралъ Шебладъ приготовился къ нападенію. Русскіе отступили, потерявъ изъ семи—одну лодку, сѣвшую на мель. По увѣренію шведскихъ историковъ русскіе потеряли два корабля. Изъ людей никто въ плѣнъ не попался, тѣмъ не менѣе Государь написалъ кн. М. М. Голицыну: «Зѣло удивительно въ отдаленіи галернаго флота такой азартный разъѣздъ имѣть». Кн. Голицынъ, узнавъ о появленіи непріятеля въ значительномъ составѣ (одинъ карабль, 4 фрегата, 3 галеры и другія суда, всего 14), двинулся къ нему съ главными своими силами (61 галера и 29 лодокъ). Шведскій флотъ стоялъ у острова Фрисберга. Свѣжій вѣтеръ не позволилъ его атаковать. Кн. Голицынъ оттянулся къ острову Гренгаму. Желаніе сразиться овладѣло также шведами и адмиралъ Шебладъ на

Б А Т
ПРИ ГРЕЇН

всѣхъ парусахъ вышелъ изъ пролива, въ которомъ ранѣе находился. Кн. Голицынъ отступилъ въ виду того, что погода не благопріятствовала галерной битвѣ. Сгоряча шведы зашли въ глубь шхеръ и очутились среди камней и мелей. Тутъ русскіе атаковали ихъ. Вѣтеръ стихъ и наши гребныя суда получили преимущество надъ шведскимъ парусньмъ флотомъ. У двухъ непріятельскихъ фрегатовъ выстрѣлами были сбиты снасти. Они стали на мель и были взяты на абордажъ нашими галерами. Другіе два фрегата,—а по шведскимъ источникамъ два вооруженныхъ торговыхъ судна,—обратились въ бѣгство, но были настигнуты. Съ нашей стороны въ сраженіи участвовало болѣе 10 тыс. человѣкъ. Шведы защищались съ отчаянной храбростью и своей мѣткой

МОРСКАЯ ПОБѢДА У АЛАНДА.

СРАЖЕНІЕ ПРИ ГРЕНГАМѢ.

стрѣльбой повредили изъ нашей 61 галеры—43 и при томъ въ такой степени, что ихъ пришлось сжечь. Взятые фрегаты были съ торжествомъ введены въ столицу 8 сент., кн. Голицынъ получилъ «въ знакъ воинскаго труда» шпагу, а за добрую команду—трость; офицеры были награждены золотыми медалями, нижніе чины—серебряными; а за взятыя 104 орудія было выдано 7960 руб. награды [319]).

Кампанія 1720 года была закончена.

Въ январѣ 1721 г. Кампредонъ отправился въ Петербургъ, въ надеждѣ теплымъ добрымъ словомъ заставить побѣдителя вернуть свои завоеванія значительно обезсилѣвшему врагу. Если Кампредонъ дѣйствительно думалъ, что ему удастся что-либо сдѣлать, то онъ скоро въ этомъ разочаровался.

Швеція опять согласилась выслать своихъ уполномоченныхъ. Они хотѣли пріѣхать въ Або, но это было отклонено вслѣдствіе того, что тамъ находились наши войска, склады и начальники. Мѣстомъ переговоровъ избрали Ништадъ.

Объ Аландскихъ условіяхъ представители Швеціи—Лиліенстетъ и Стремфельтъ—сперва и слышать не хотѣли. Если Лифляндія и Выборгъ останутся за Россіей,—говорили они,—то мы всѣ должны будемъ въ отчаяніи и безо всякаго довольства померетъ, и скорѣе согласимся дать отрубить себѣ руки, чѣмъ подписать такой мирный договоръ. За Выборгъ они стояли особенно долго и упорно. «Этотъ городъ ключъ Финляндіи,—заявили они,—если онъ останется за Россіей, то вся Финляндія всегда будетъ въ волѣ Царскаго Величества. Шведскимъ представителямъ, письмомъ отъ 10—22 апрѣля, отданъ былъ приказъ, лучше сохранить Выборгъ, чѣмъ требовать какое-либо денежное вознагражденіе за Лифляндію, при этомъ однако прибавлялось, что если и этого нельзя будетъ добиться, то можно сдѣлать уступку для того, чтобъ немедленно привести переговоры къ концу [520]).

Дѣло тянулось, споры продолжались.

Въ началѣ мая англійскій флотъ, подъ начальствомъ Норриса, еще разъ прибылъ въ Балтійское море и присоединился къ шведскому. Однако Норрисъ, какъ и въ предшествовавшемъ году, отказался идти въ Ганге и не хотѣлъ начинать военныхъ дѣйствій.

Петръ рѣшился напомнить шведамъ о бѣдствіяхъ войны новымъ нападеніемъ на ихъ берега. Генералъ-лейтенантъ Ласси, имѣя на 30 галерахъ и на 30 островскихъ лодкахъ 5.000 чел. пѣхоты и 450 кавалеріи, 17 мая 1721 г. перешелъ изъ Аланда къ крѣпости Гефле, въ которой находилось 8.000 чел. Обойдя крѣпость, русскіе отряды принялись за обычное разореніе. Въ теченіе мѣсяца разорено было два города—старый и новый Питео, 4 мѣстечка и около 4.500 жилыхъ дворовъ, забрано много мѣди, провіанта и скота, 44 плѣнныхъ, 499 фузей, 4 знамени [521]).

«Шведскіе министры,—писалъ въ это время Брюсъ,—начали прилежнѣе о мирѣ договариваться».

Въ концѣ Августа уполномоченные донесли, что затрудняются въ установленіи будущей границы между русскими и шведскими владѣніями Финляндіи.

Вмѣстѣ съ Я. В. Брюсомъ и Остерманомъ на Аландскій конгрессъ долженъ былъ отправиться талантливый и ловкій П. И. Ягужинскій, но предварительно ему надлежало исполнить дипломатическую миссію въ Вѣнѣ. По возвращеніи въ Россію, Ягужинскій собирался въ Ништадъ. Петръ горѣлъ желаніемъ мира и готовъ былъ уступить шведамъ даже Выборгъ. Съ этимъ полномочіемъ и былъ посланъ 24 августа Ягужинскій. Но Остер-

манъ, опасаясь нетерпѣливости Ягужинскаго и его склонности играть важную персону, а прежде всего, не желая уступать чести заключенія мира другому, прибѣгъ къ хитрости. По его просьбѣ, комендантъ Выборга И. И. Шуваловъ на два дня задержалъ склоннаго къ веселью Ягужинскаго. Когда Ягужинскій прибылъ въ Ништадъ, миръ былъ уже заключенъ и безъ уступки Выборга. Улучивъ подходящій моментъ, Остерманъ заявляетъ: или заключеніе мира въ теченіе 24 часовъ, или перерывъ сношеній! И миръ былъ подписанъ [522]).

Ягужинскій.

Шведское правительство имѣло серьезныя причины всячески спѣшить съ заключеніемъ мира. Всѣ средства по содержанію войска были истощены, а англійскій флотъ угрожалъ отправиться домой. Англія избѣгала открытаго разрыва съ Петромъ, но напряженіе между ними было велико и грозило войной. Въ то время какъ шведское побережье подвергалось опасности разоренія, на конгрессѣ произошелъ новый перерывъ: русскіе представители въ теченіе семи дней не являлись на совѣщаніе, подъ предлогомъ болѣзни Остермана. По другой версіи имѣлось въ виду дать возможность плохо зарекомендованному отщепенцу графу Дугласу, русскому лансгевдингу въ Або, взыскать налоги съ оккупированнаго края, прежде чѣмъ онъ будетъ очищенъ. 14—26 августа шведскихъ уполномоченныхъ оповѣстили, что соединенные флоты покинули Капелльшеръ, а князь Голицынъ съ флотомъ, какъ говорили, въ 300 галеръ стоялъ у Ледсунда на Аландѣ, готовый воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы подойти къ Гефле, спасеніе котораго теперь зависѣло исключительно отъ представителей на конгрессѣ. 16—28 августа состоялось, наконецъ, послѣднее засѣданіе. Брюсъ и Остерманъ послали курьеровъ къ князю Голицыну съ приказаніемъ отказаться отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и генералу Ласси въ Питео — прекратить разоренія. Грамоту мира подписали 30 августа.

3 сентября 1721 г. Петръ отправлялся въ Выборгъ для личнаго осмотра границъ. Онъ былъ у Лисьяго носа, когда

пріѣхалъ курьеръ изъ Ништада съ подписаннымъ мирнымъ трактатомъ.

Въ заключенномъ договорѣ значилось: «Его Королевское Величество Свѣйское уступаетъ симъ за Себя и Своихъ потомковъ... Его Царскому Величеству и Его Потомкамъ и Наслѣдникамъ Россійскаго Государства въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность въ сей войнѣ, чрезъ Его Царскаго Величества оружіе отъ короны Свѣйской завоеванной провинціи: Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кareліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, и крѣпостями: Выборгомъ, Кексгольмомъ и всѣми прочими къ упомянутымъ провинціямъ надлежащими городами, крѣпостями, гаванями, мѣстами, дистриктами...»

Въ теченіе четырехъ недѣль надлежало очистить Финляндію отъ русскихъ войскъ.

Изъ остальныхъ условій мира обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: «Его Царское Величество обѣщаетъ таковжде наисильнѣйшимъ образомъ, что Онъ въ домашнія дѣла Королевства Свѣйскаго... мѣшатися, никому, кто-бъ ни былъ, въ томъ ни прямымъ, ни постороннимъ и никакимъ образомъ вспомогать не будетъ».

Главное направленіе новой границы указано было такъ: «Между обѣими высокими договаривающимися странами соизволено и договореносъ что отъ сего числа и въ вѣчныя времена между обоими Государствами границы слѣдующія быть и остаться имѣютъ, а именно: начинается оная у Сѣвернаго берега Синуса Финскаго у Вирелакся, откуда идетъ оная съ полмиля отъ морского берега въ землю... даже до дороги, которая отъ Выборга въ Лапстрандъ есть, разстояніемъ въ трехъ миляхъ отъ Выборга и тако далѣе, въ такомъ же разстояніи трехъ миль Сѣверною стороною за Выборгомъ прямою линіею, даже до старинной между Россіею и Швеціею бывшей границы, прежде нежели Кексгольмскій ленъ Швеціи достался... Понеже Его Царское Величество такимъ образомъ нѣкоторую часть Кексгольмскаго лена, которая въ старыя времена Россійскому Государству принадлежала, Его Королевскому Величеству и Королевству Свѣйскому вѣчно уступаетъ... А въ Лапмаркахъ остается граница такъ, какъ оная до начала сея войны между обоими государствами была».

Такимъ образомъ не всѣ древнія новгородскія владѣнія возвращены были Россіи. Но тѣмъ не менѣе она пріобрѣла тогда въ общей сложности $3^1/_2$ тыс. кв. миль.

О сохраненныхъ (за присоединенными къ Россіи мѣстами) правахъ въ Ништадскомъ мирномъ трактатѣ говорится мало и неопредѣленно. «Также въ такихъ уступленныхъ земляхъ не имѣеть никакое принужденіе въ совѣсти введено быть: но паче Евангелическая вѣра, кирха и школы и что къ тому принадлежитъ, на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ, были оставлены и содержаны, однакожъ во оныхъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь тако жъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ». Помимо сего Петръ не только въ провинціяхъ Лифляндской и Эстляндской, «обѣщалъ что постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ привилегіи, обыкновенія права и справедливости всѣхъ жителей, равно городовъ, магистратовъ, цеховъ».

Сепаратный артикулъ указывалъ, что Царь обязался въ четыре срока, въ видѣ великодушнаго пособія бывшему врагу, уплатить 2 милліона ефимковъ.—Кромѣ этого сепаратнаго артикула, между россійскими и шведскими уполномоченными было учинено два «обнадеживанія». Первое о томъ, что шведскій король никогда не будетъ писаться именами уступленныхъ провинцій, и второе, что «король самъ своею особою безъ созыва сейма ратификовать сей договоръ можетъ и оный будетъ столько-же силенъ и важенъ, какъ бы и сеймомъ утвержденъ» [523]).

Граница по Ништадскому миру шла ломаной линіей, имѣя прямые углы. Произошло это вслѣдствіе того, что столбы ставились одновременно съ двухъ концовъ, и комиссары, взявъ невѣрное направленіе, не встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ, почему пришлось соединить два направленія поперечной линіей, идущей съ сѣвера на югъ. Линія эта отдѣляетъ въ настоящее время Выборгскую губернію отъ Куопіоской [524]). Согласно VIII ст. Ништадскаго договора, для разграниченія земель обоихъ государствъ, посланы были съ русской стороны Выборгскій комендантъ Иванъ Шуваловъ и полк. Иванъ Стрекаловъ.

«Господамъ полномоченнымъ» въ Ништадѣ признательный Царь отвѣтилъ: Трактатъ, вами заключенный, столь искусно составленъ, что и Мнѣ самому нельзя-бы лучше его написать для подписи господъ шведовъ. «Славное сіе дѣло ваше никогда забытію предаться не можетъ, а особливо, что николи наша Россія такого полезнаго мира не получала».

Вернувшись въ Петербургъ, Петръ поднялся вверхъ по Невѣ подъ несмолкаемые фонфары и салюты трехъ пушекъ на его бри-

гантинѣ «Троица». Народная толпа устремилась къ пристани. Издали она увидѣла Царя, стоящаго въ носу корабля; онъ помахивалъ носовымъ платкомъ и восклицалъ: Миръ, миръ! Трубачъ трубилъ, извѣщая о радостномъ событіи. Выскочивъ на берегъ, Петръ поспѣшилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Въ это время наскоро устроена была деревянная эстрада на площади противъ церкви. Выкатили бочки съ виномъ и пивомъ.

Выйдя изъ церкви, Петръ поднялся на возвышенное мѣсто и сказалъ народу: «Здравстуйте и благодарите Бога, православные, что толико долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый вѣчный миръ». По городу разъѣзжали драгуны съ перевязями черезъ плечо, возвѣщая о мирѣ.—10 сентября состоялся большой маскарадъ на улицахъ. Второе церковное торжество произошло 22 октября. Прощены были преступники, сложены недоимки. Великій канцлеръ Головкинъ привѣтствовалъ Петра длинной рѣчью, послѣ которой сенатъ просилъ Его Величество принять титулъ Петра Великаго, отца отечества и императора Всероссійскаго. Раздались восклицанія, пушечная стрѣльба, звуки трубъ и литавръ; открыли бѣглый огонь 27 полковъ, возвратившихся изъ Финляндіи (въ составѣ 27 тыс. чел.). Его Величество отвѣтилъ извѣстными достопамятными словами: «Зѣло желаю, чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить: однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ ними не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ передъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

18 декабря Петръ Великій совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ благодарилъ Всевышняго за дарованный Россіи миръ. Затѣмъ опять послѣдовали маскарадъ, фейерверки и другія увеселенія для народа.

Для празднованія особенно замѣчательныхъ «викторій» во время Сѣверной войны, Петръ предписалъ духовенству сочинять специальные тропари, кондаки и другія пѣснопѣнія. «Разсужденія о причинахъ сѣверной войны» поручено было гибкому перу Шафирова. Большая часть главныхъ документовъ Сѣверной войны въ черновикахъ—собственноручной работы Петра.

Во время народнаго ликованія, по случаю заключенія Ништадскаго мира, Петръ прыгалъ и плясалъ среди толпы, онъ вскакивалъ на столы и громко пѣлъ. День Ништадскаго мира одинъ изъ счастливѣйшихъ въ жизни Петра. Но вообще Сѣверная война лично для Петра явилась тяжелымъ воспоминаніемъ. Въ 1723 г. онъ приказалъ сжечь свой деревянный домъ въ Преображенскомъ, гдѣ,—по его признанію, сдѣланному герцогу Голштинскому,—онъ составилъ свой проектъ борьбы со шведами. Пожаръ былъ замаскированъ фейерверкомъ и барабаннымъ боемъ. Сѣверная война вырисовала окончательно историческій обликъ Петра:—онъ терпитъ сперва пораженіе, но оканчиваетъ дѣло побѣдой.

Закончивъ трудную войну, Петръ ликовалъ... «Сія радость, сказалъ онъ, превышаетъ всякую радость для меня на землѣ». И было чему радоваться. Московское царство превратилось въ Россійскую Имперію. Россія вошла въ составъ великихъ европейскихъ державъ; она получила мѣсто у сѣвернаго Средиземнаго моря; окончился степной восточный періодъ Русской исторіи и начался морской западный,—какъ выразился С. Соловьевъ.

Петръ заставилъ Западъ удивляться Россіи, тотъ Западъ, который ранѣе относился съ брезгливымъ и высокомѣрнымъ любопытствомъ. Де-Верлсонъ уже въ 1722 г. гордился званіемъ резидента при Дворѣ одного изъ величайшихъ государей въ мірѣ. «Царь, которому Польша нѣкогда предписывала законы, теперь повелѣваетъ въ Польшѣ». «Прежде,—читаемъ у Шафирова,—о россійскомъ народѣ въ другихъ европейскихъ государствахъ разсуждали и писали какъ объ индійскомъ, персидскомъ и другихъ народахъ, и не токмо ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принадлежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія не имѣли, но и въ число европейскихъ народовъ мало причитали; нынѣ же никакое дѣло даже въ отдаленныхъ краяхъ европейскихъ не чинится, къ которому бы или о пріязни и союзѣ его царскаго величества не старались, или осторожности и опасности отъ него себѣ не имѣли».

Великая Сѣверная война—первая общеевропейская война, въ которой Россія приняла активное участіе—является одною изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ русскаго прошлаго. Головкинъ сказалъ, что Петромъ Россія «изъ небытія въ бытіе произведена». Неплюевъ впослѣдствіи отмѣтилъ о Петрѣ въ своихъ запискахъ: «Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди».

Историческая власть Швеціи была сокрушена, народилась власть Россіи. Культура пріобрѣла новую арену и получила новый импульсъ. Пути усвоенія европейскаго образованія умножились и улучшились. Россія выступила на путь европейской политики. Съ этого времени все восточно-азіатское обрекалось въ Россіи, если не на уничтоженіе, то на борьбу съ европейскимъ.

Завѣтная дума московскихъ царей—пріобрѣтеніе Балтійскаго моря—исполнилась. «Вся русская исторія, по мнѣнію проф. Петрова, не представляетъ вопроса болѣе важнаго, какъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ». Одновременно съ Россіей поднялась полноправность славянскихъ племенъ.

Пріобрѣтенная Россіей по Ништадскому миру Выборгская губернія особаго экономическаго значенія не имѣла, но точки соприкосновенія съ Финляндіей увеличились. Ясно, что преемникамъ Петра указывалось дальнѣйшее направленіе. Петръ пока лишь нейтрализовалъ вредное для насъ значеніе Финляндіи.

Послѣ Ништадскаго мира Петръ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы сосредоточить русскую внѣшнюю торговлю во вновь завоеванныхъ гаваняхъ, главнымъ образомъ, конечно, въ Петербургѣ. Въ 1721 г. (5 дек.) послѣдовалъ указъ, распредѣлившій вывозъ товаровъ между Архангельскомъ и гаванями Балтійскаго моря. Въ 1722 г. состоялось закрытіе Архангельскаго порта. Въ это же время начинаются переговоры торговаго характера съ иностранными державами.

Великая Сѣверная война вызвала на Руси большой культурный подъемъ, какъ вызываетъ его всякое соревнованіе съ цивилизованнымъ врагомъ. Московская славяно-латинская Духовная Академія выступила въ роли политическаго трибунала, для распространенія въ народѣ предначертаній Петра.

Затронуто было народное самолюбіе и на пушку отвѣчали пушкой, а на памфлетъ—памфлетомъ. Столкновеніе въ Великой Сѣверной войнѣ двухъ молодыхъ народовъ, подъ предводительствомъ такихъ титаническихъ характеровъ, какъ Петръ Великій и Карлъ XII, заключало въ себѣ много «эпическаго», почему поэты искали ему сравненій въ искусствѣ и миѳологіи [525]).

Поражаютъ насъ слова Императора, сказанныя гр. Миниху о томъ, что «онъ окончилъ войну, которая продолжалась слишкомъ 20 лѣтъ, не сдѣлавъ долговъ». Резидентъ Веберъ подтверждаетъ это заявленіе. «Изъ двадцатилѣтняго опыта извѣстно, читаемъ въ его запискахъ,—что Царь, несмотря на всѣ расходы по

VREEDE tekening tusschen de Plenipotentiarissen van den Keyser van Groot Rusland en de Koning van Sweeden, tot Nieustadt naar een Oorlog van 21 jaaren, op den 20 Aug 1721

PAX inter Magnum Russorum Impor et Regem Sueciae composita inter Oratores utriusque cum summa potestate Nistadii 20 Augusti die 1721 post bellum 21 annorum

Pet. Schenk Exc. Amst. C.P.

устройству арміи и флота и всевозможныя сооруженія и постройки, никогда не былъ въ необходимости прибѣгать къ займамъ, но всякій разъ находилъ для исполненія своихъ предпріятій новыя вспомогательныя средства въ своемъ государствѣ [526]).

О дальнѣйшей судьбѣ главныхъ дѣятелей Ништадскаго договора извѣстно слѣдующее. Яковъ Вилимовичъ Брюсъ былъ возведенъ въ графское достоинство. При преемникахъ Петра Великаго, Яковъ Брюсъ удалился отъ дѣлъ и отдался научнымъ занятіямъ. Скончался въ 1735 году на 65 году отъ рожденія. «Лукавый» Остерманъ занялъ прочное мѣсто въ средѣ русскаго правительства. Послѣ смерти Петра Великаго онъ управлялъ всѣми важнѣйшими государственными дѣлами. Всегда грязно одѣтый, онъ жилъ въ неопрятномъ худо меблированномъ домѣ, въ которомъ серебряная посуда отъ неухода за нею походила на оловянную, а прислуга—на нищихъ. Хитрый и тонкій, онъ умѣлъ ко всѣмъ принаравливаться. Онъ основательно зналъ интересы всѣхъ европейскихъ дворовъ, отличался трудолюбіемъ и неподкупной честностью. Онъ говорилъ и писалъ двумысленно. Часто иностранные послы, пробесѣдовавъ съ нимъ около двухъ часовъ, ничего не могли отъ него вывѣдать. Онъ былъ скрытенъ и никогда не смотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику. Всѣ свои замыслы окутывалъ глубокой тайной. Свой обширный умъ онъ обогащалъ и изощрялъ прилежнымъ чтеніемъ. Ни къ одному европейскому двору пристрастія не питалъ. Въ критическіе моменты притворялся больнымъ, выжидалъ указанія обстоятельствъ и отмалчивался. «Не мнѣ, иностранцу, а вамъ, русскимъ, предстоитъ рѣшить здѣсь судьбу», говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. «Странно,—отвѣтилъ ему однажды графъ Бестужевъ-Рюминъ,—считать себя иностранцемъ, а занимать первое мѣсто въ государствѣ. Тотъ, кто служитъ столько лѣтъ съ пользою отечеству, не есть чуждъ его блага, слѣдовательно, тотъ не иностранецъ»... Въ другой разъ, когда Остерманъ извинился за ошибку въ русской рѣчи, ссылаясь на то, что онъ нѣмецъ, тотъ-же Бестужевъ отвѣтилъ ему: «Вы не только русскій, но русскій, который стоитъ двадцати другихъ» [527]). Справедливость требуетъ признать, что Остерманъ отдалъ всѣ свои недюжинныя силы на служеніе Россіи.

Швеція была побѣждена. Сперва король допустилъ русскихъ завоевывать одну крѣпость за другой, одну провинцію за другой; въ это время, онъ самъ, вдали отъ Швеціи, гонялся за чужой короной или углублялся въ интриги чужого двора. Явленіе

безпримѣрное! Затѣмъ онъ безразсуднымъ упрямствомъ разорялъ королевство. Швеція дошла до полнѣйшей невозможности выставить необходимыя войска и пріобрѣтать новыя средства для борьбы: она оказалась совершенно истощенной. Англія нужной помощи ей не оказала.

Карлъ XII оставилъ королевство въ страшной нуждѣ, окруженное побѣдоносными непріятелями, съ ослабленной гражданственной связью, съ упавшимъ государственнымъ хозяйствомъ, дезорганизованнымъ правительствомъ. Въ 1718 г. въ Швеціи осталось въ живыхъ 350,000 взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ работѣ; казна была пуста, народное хозяйство въ полномъ упадкѣ, государственный долгъ достигъ громадной, для того времени, цифры 60 милл. серебряныхъ далеровъ [528]). Отъ прежняго флота осталась едва четвертая его часть. Таковы были результаты 21-лѣтняго царствованія Карла XII. Естественно, что недовольство накапливалось и число враговъ абсолютизма росло. «Періодъ величія», благодаря войнамъ Карла XII, окончился для королевства весьма печально: Швеція должна была встать въ ряды второстепенныхъ государствъ.

Швеція господствовала на Балтійскомъ морѣ, но не использовала въ достаточной мѣрѣ своего благопріятнаго положенія. Сгубило Швецію не только упрямство Карла, но и общее непониманіе въ ней значенія морскихъ силъ въ той борьбѣ, которую она вела тогда съ Россіей. Шведскій флотъ даже не перехваталъ тѣхъ десятковъ новыхъ судовъ, которые приводились для Россіи изъ-за границы на усиленіе ея новыхъ морскихъ силъ.

Въ Ништадѣ Швеція получила миръ—но какой миръ. Плоды пролитой крови и многочисленныхъ побѣдъ за 150 лѣтъ были потеряны: Швеція утратила шесть провинцій: Ингерманландію, Эстляндію, Лифляндію, часть Помераніи, Бременъ и Верденъ. Однѣ изъ нихъ оказались въ рукахъ Петра Великаго, другія—Пруссіи, третьи—Даніи. Богатыя провинціи, безъ которыхъ государство едва могло прокормиться, перешли въ чужія руки; вмѣсто прежняго владычества надъ Балтійскимъ моремъ, настало такое безсиліе, что Швеція не въ состояніи была оградить свое собственное побережье отъ флота Петра, который изъ бывшихъ шведскихъ портовъ угрожалъ древней шведской столицѣ. Съ досадою спрашиваешь себя, восклицаетъ шведскій историкъ, какъ могъ конецъ геройской сказки сдѣлаться такимъ ничтожнымъ... [529]).

Веберъ присутствовалъ при торжествѣ спуска корабля «Илья Пророкъ» и записалъ замѣчательную рѣчь, произнесенную при этомъ Петромъ: «Кому изъ васъ, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось, лѣтъ 30 тому назадъ, что мы съ вами здѣсь, у Балтійскаго моря, будемъ плотничать, и въ одеждахъ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ-же нашими трудами и мужествомъ странѣ, воздвигнемъ городъ, въ которомъ вы живете; что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышленными; что увидимъ у насъ таковое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные государи? Покамѣсть совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку ora et labora и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени».

Въ этихъ словахъ отражены не только послѣдствія Великой Сѣверной войны, законченной Ништадскимъ миромъ, но также подведены итоги главнымъ преобразованіямъ Царя. Великая Сѣверная война и реформы неотдѣлимы другъ отъ друга.

20 лѣтъ войны, 20 лѣтъ напряженныхъ усилій и чрезвычайнаго подъема духа дали русскому народу военный закалъ, заставили его пройти отличную школу разнообразныхъ походовъ. 20 лѣтъ Россія простояла на форпостахъ. Въ періодъ Великой Сѣверной войны сложилась русская военная культура. Петръ Великій положилъ начало тому военному искусству, которое развилъ затѣмъ Минихъ и усовершенствовалъ Суворовъ.

Это одна большая сторона законченной войны.

Другая — не менѣе важная: подъ громъ Великой Сѣверной войны совершалось преобразованіе Россіи.

Въ значительной своей части преобразованія развивались естественно, въ зависимости отъ хода войны. Преобразованія разматывались изъ войны, какъ изъ клубка.

Война съ турками и шведами показала необходимость европейской организаціи войска и морской силы — и войска преобразовываются, а флотъ создается.

«Получивъ въ наслѣдство только ветхій ботикъ въ амбарѣ села Измайлова, Петръ оставилъ своимъ преемникамъ,— писалъ Ал. Соколовъ,— огромный военный флотъ — съ управленіемъ, окончательно организованнымъ, и съ богатыми средствами». Это

стоило великому русскому моряку большого труда: самъ онъ чертилъ планы кораблей, работалъ въ гаваняхъ и на верфи, занимался промѣрами фарватеровъ и просиживалъ по четырнадцати часовъ за Регламентомъ. Эхо его побѣдъ пронеслось далеко по Балтійскому морю. Россія наслѣдовала отъ него около 400 судовъ разныхъ наименованій. Въ морскихъ командахъ находилось до 26.000 чел. По спискамъ считалось 243 морскихъ офицера, начиная съ генералъ-адмирала и кончая унтеръ-лейтенантомъ. Изъ общихъ государственныхъ доходовъ (10.186.707 р.) на флотъ расходовалось въ 1724 г. 1.400.000 р. Для образованія морскихъ офицеровъ имѣлось два учебныхъ заведенія: Московская Навигацкая школа (съ 1701 г.) и морская академія въ Петербургѣ (съ 1715 г.). Въ 23 городахъ находились адмиралтейскія школы. Рукою самого Царя были написаны: Морской уставъ (1720 г.), Регламентъ объ управленіи адмиралтейства и верфи (1722 г.), морской Регламентъ (1722 г.), Регламентъ шкиперамъ (1723 г.), Морской Торговый Регламентъ (1724 г.).

«По смѣтѣ 1680 г. стоимость войска доходила почти до 10 мил. руб. на наши деньги». А въ 1725 г. армія, вмѣстѣ съ флотомъ, обходились Россіи отъ 52 до 58 мил. руб. на наши деньги, что составляло не менѣ ²/₃ всего тогдашняго бюджета доходовъ (Ключевскій).

«Всего за 21 годъ войны Россіею для борьбы со Швеціею разновременно было выставлено,—какъ пишетъ А. Н. Куропаткинъ,—1.700.000 бойцовъ, и выходъ къ Балтійскому морю стоилъ русскому племени 120.000 убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ и до 500.000 выбывшихъ изъ строя больными».

«Развитіе военныхъ учрежденій идетъ всегда параллельно съ развитіемъ націи... Каждый народъ въ своемъ военномъ дѣлѣ выступаетъ какъ нѣчто цѣлое; войско является величайшимъ народнымъ представителемъ; нѣтъ болѣе вѣрнаго зеркала соціальной жизни, какъ жизнь войска... Нація можетъ долгое время существовать съ негодными общегосударственными и юридическими установленіями, такъ какъ законы и права постоянно унаслѣдываются... но военныя учрежденія, если они гнилы, неумолимо тянутъ весь народъ въ пропасть, такъ какъ ихъ пригодность или негодность рѣшаетъ вопросъ: «быть или не быть».

До-петровскія военныя учрежденія подгнили. Преобразованіемъ ихъ Петръ оказалъ, слѣдовательно, своей родинѣ первостепенную государственную услугу.

Создавъ войско, онъ дѣйствовалъ по простому плану: захватилъ Неву, какъ выходъ къ Финскому заливу, взялъ Нарву, какъ опорный пунктъ для дѣйствій на Балтійскомъ побережьѣ. Полтава обезпечила остальное, Ништадъ закрѣпилъ плоды побѣдъ новой арміи.

Но мало было набрать рекрутъ и обучить ихъ для боя.

Регулярная армія требуетъ обмундированія, и вслѣдствіе этого вызываются къ жизни фабрики и заводы, а съ ними неразлучно техническое усовершенствованіе; война требовала денегъ—и для ихъ пріобрѣтенія подымаются торговля и промышленность, растутъ налоги. Въ великой борьбѣ народовъ шагу нельзя было сдѣлать безъ знаній, почему обращено вниманіе на водвореніе наукъ и образованія.

Передъ Петромъ стояла такимъ образомъ задача колоссальной трудности: нужно было вести борьбу и въ то же время приготовлять для нея силы, создавать средства, учить народъ.

Чтобы достичь этихъ результатовъ, требовалось огромное напряженіе народныхъ силъ. Населеніе, простиравшееся отъ 6 до $7^1/_2$ мил., въ концѣ царствованія содержало 210 тыс. регулярнаго войска и 110 тыс. иррегулярнаго. Все это нужно было,—какъ говорилъ Петръ,—для «пользы государства», для «славы народа».

Программа Петра заключалась не въ завѣтахъ, не въ преданіяхъ, а въ неотложныхъ государственныхъ нуждахъ [530]). Движущимъ рычагомъ реформъ явилась прежде всего война. «Война-же сообщила реформамъ чрезвычайно ускоренный ходъ». Преобразованія прошли по Россіи вихремъ, закружившемъ все. Война требовала многаго. Изучать не было досуга, почему неизбѣжно хваталось подходящее, готовое, чужое. Все насаждалось наскоро, насильственно, повелительно. Плана реформъ никто не зналъ. Царь не успѣвалъ пояснять своихъ намѣреній. «Истинно,—писалъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ,—во всѣхъ дѣлахъ точно слѣпые ходимъ и не знаемъ, что дѣлать; во всемъ пошли великіе растрои и куда прибѣгнуть и что впредь дѣлать—не знаемъ».

Въ результатѣ послѣ войны Россія имѣла армію, флотъ, рядъ больницъ, фабрикъ, лучшій порядокъ въ управленіи и менѣе подкупное правосудіе.

Петръ Первый,—говоритъ Фокеродтъ,—еще при жизни довелъ разныя фабрики до того, что онѣ въ изобиліи доставляли, сколько нужно было для Россіи, такихъ товаровъ, какъ напримѣръ, иглы, оружіе, разныя льняныя ткани и въ особенности парусину.—«Въ желѣзномъ производствѣ Россія дошла до того, что

стала сама отправлять желѣзо, вмѣсто того, чтобы получать его, какъ раньше, изъ Швеціи»; и въ техническомъ отношеніи заводы были поставлены прекрасно; напримѣръ, былъ построенъ большой желѣзный заводъ въ Систербекѣ, и «всѣ путешественники принуждены сознаться, что нигдѣ не встрѣчали такого совершеннаго завода». Другой иностранецъ, также современникъ реформъ, Отто Плейеръ, въ своемъ сочиненіи «О нынѣшнемъ состояніи государственнаго управленія въ Москвѣ», говоритъ: «Все воинское платье у царя теперь изъ своей земли, потому что заведена большая прекрасная фабрика для выдѣлки суконъ и идетъ хорошо... Чулочниковъ много пришло изъ Пруссіи, которые и работаютъ все, сколько нужно». Финляндецъ Эренмальмъ съ большой похвалой отзывается о рвеніи Петра по развитію мануфактуры [531]). Изъ книги Кириллова «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства» видно, что къ концу царствованія насчитывалось въ Россіи 233 разнообразныхъ казенныхъ и частныхъ завода [532]).

И въ области мануфактурныхъ дѣлъ, какъ и въ другихъ областяхъ, «не предложеніемъ однимъ все дѣлалось, но и принужденіемъ и вспомогалось наставленіемъ», какъ видно изъ разныхъ указовъ (1712, 1723 г. и др.). Строить заводы,—гласили приказы, а если добровольно не пойдутъ, то «строить силою, собравъ компанію». Въ 1712 г. Царь повелѣлъ принять мѣры, чтобы черезъ 5 лѣтъ не покупать ни одного солдатскаго мундира за границей. И подобныя требованія вліяли. Но та область, въ которой трудно было дѣйствовать указами, какъ напр. область торговли, по свидѣтельству Эренмальма, была захвачена иностранцами; они какъ комары сосали кровь изъ русскаго народа.

Помимо реформъ, создавшихся въ видѣ послѣдствія гигантской борьбы, Петръ далъ Россіи больницы, вывелъ женщину изъ затворничества, сталъ печатать русскую книгу, ввелъ новый календарь, соединилъ бассейны двухъ морей, учредилъ коллегіальное управленіе, ввелъ выборное начало, далъ городамъ самоуправленіе, ограничилъ власть губернаторовъ ландратами, составленными изъ выборныхъ дворянъ, и т. д.

Насколько однѣ реформы вызывались непосредственно войной, настолько корни другихъ уходили въ предшествовавшія Петру царствованія. До Петра Великаго Русь не отворачивалась отъ Европы, отъ общечеловѣческаго, и плодовъ науки. «Китайской стѣны между Россіей и Европой никогда не существовало». Общеніе съ Западомъ не прерывалось. Оттуда дѣлались самыя разно-

образныя заимствованія. Русское правительство особенно охотно перенимало матеріальныя удобства и техническія усовершенствованія; оно выписывало архитекторовъ и мастеровъ, заводило европейское вооруженіе, регулярные полки, приглашало офицеровъ и инструкторовъ. По частному почину появилась западная обстановка комнатъ, экипажи, костюмы, вкусы. Все это дѣлалось до Петра. Но духовными заимствованіями старая Русь пренебрегала, однако и эти «новшества» просачивались въ области идейной и религіозной.

Западное вліяніе уже въ XVI в. стало довольно широкой струей врываться въ русской жизни (А. Покровскій). Въ сферѣ литературы оно выразилось цѣлымъ рядомъ переводовъ. Въ области художествъ псковскіе живописцы снимали копіи съ гравюръ извѣстныхъ италіанскихъ мастеровъ. Сближеніе съ Западомъ создало новое учрежденіе—Посольскій приказъ. Въ сферѣ религіи митрополитъ Макарій обличаетъ латынянъ, а Геннадій Новгородскій знаетъ объ инквизиціи Фердинанда Католика. Съ 1621 г. существовала рукописная газета и кромѣ того иногда заграницу посылали людей «провѣдывать», что происходитъ въ чужихъ государствахъ. Въ 1668 г. (25 мая) положено было основаніе регулярной почтѣ и т. п.

Такимъ образомъ, къ извѣстнаго рода реформамъ Петра русское общество было подготовлено царствованіемъ Алексѣя и правленіемъ Софьи, когда по словамъ Куракина, «политесъ возстановлена была въ великомъ шляхетствѣ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и столахъ». Русское общество сознало, что его жизнь нуждается въ чемъ-то новомъ, что насущныя государственныя потребности не удовлетворяются прежними средствами. Необходимость движенія была сознана. «Народъ поднялся и собрался въ дорогу, но кого-то ждали: ждали вождя,—вождь явился».

«Петръ Великій былъ только завершеніемъ давнихъ стремленій; по существу поставленныя имъ задачи и самые пути ихъ исполненія не были новы; новой была только та энергія, которую онъ вложилъ въ свое дѣло». Стремленіе къ новшествамъ въ его лицѣ соединилось съ царской властью, съ его личными качествами, т. е. съ яснымъ сознаніемъ, желѣзною волею, съ административными и военными талантами и съ порывистымъ характеромъ Преобразователя, безпощаднаго къ старинѣ и не робѣющаго передъ будущимъ... (Бороздинъ).

Въ области преобразованій Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на мастера и руководителя. Нашъ народъ,—по его словамъ,—«яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневоленъ бываетъ». Крижаничъ, знавшій русскихъ, также писалъ, что сами себѣ они не захотятъ добра, если не будутъ къ тому принуждены силою, и Петръ принуждалъ и приневоливалъ. Какъ орудіе государственнаго попеченія о подданныхъ, онъ считалъ себя въ правѣ это дѣлать. Преобразованіе производилось имъ круто, деспотически, «ибо сами знаете—писалъ царь президенту каморъ-коллегіи кн. Д. М. Голенищеву,—хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ».

По мнѣнію Костомарова, Петръ Великій—типъ человѣка съ неудержимою и неутомимою волею, у котораго всякая мысль тотчасъ обращалась въ дѣло. «Я такъ хочу, потому что такъ считаю хорошимъ, а чего я хочу, то непремѣнно должно быть»—таковъ былъ девизъ всей дѣятельности этого человѣка.

Замѣтивъ, что въ Курляндіи, вмѣсто серпа употребляютъ маленькія косы съ граблями, онъ сейчасъ же указомъ предписываетъ производить жатву косами. Усмотрѣлъ онъ необходимость пріучить своихъ подданныхъ плавать подъ парусами и немедленно воспрещаетъ производить пассажирское рѣчное сообщеніе по Невѣ гребными судами, допуская только суда парусныя. Обнаруживъ, что въ Петербургѣ медленно производится постройка домовъ, онъ воспретилъ какую бы то ни было каменную постройку въ государствѣ (Указъ 9 окт. 1714 г.).

Петръ всему учитъ свой народъ и все регламентируетъ: понятіе верховной власти, церковные порядки (стоять въ безмолвіи и слушать службу со всякимъ благоговѣніемъ), гражданскіе обряды, платье, обувь, строенія, обработка пеньки, постройка рѣчного судна, устройство ассамблей, игры—все отражено въ его указахъ, все преподано; опека охватила всю жизнь отъ колыбели до могилы. Въ 1717—1718 г. г. отпечатанъ былъ кодексъ правилъ приличія въ книгѣ «Юности честное зерцало». Петръ училъ, какъ веселиться, лечиться, какъ хоронить. «А сколько кульковъ, лопатъ и мотыкъ надобно, про то мнѣ, государь, невѣдомо», спрашиваютъ его. И царь указываетъ. Онъ даетъ приказанія о доскахъ, бревнахъ, мѣдныхъ котлахъ, пожарныхъ трубахъ, учитъ какія деревья рубить, какія пилить. Строгими законами и обильнымъ дождемъ регламентовъ, указовъ и распоряженій Петръ надѣялся

достичь своихъ цѣлей. Такъ смотрѣли на дѣло умные люди его времени. Ѳед. Степ. Салтыкову тоже казалось, что стоитъ только велѣть и во всѣхъ губерніяхъ учредятся колоніи или компаніи торговыхъ людей.

Молодежь сгоняется на ученье. Русское юношество посылалось въ Англію, Голландію, Францію «учить кумпозъ, дѣлать мачты, строить лодки, учиться навигаціонной наукѣ, артикулу солдатскому, биться на шпагахъ, на лошадяхъ ѣздить, танцовать»... и пр. «Вся Россія яко-бы со сна» пробуждалась (Посошковъ).

Среди общей картины Россіи, всюду вы видите этого царственнаго труженика, уже однимъ своимъ ростомъ превышающаго всѣхъ. А вокругъ него, подъ наблюденіемъ остраго взгляда и грознаго оклика, кипитъ работа: здѣсь разводятъ выписанныхъ овецъ, молочный скотъ и конскія породы, тамъ заняты устройствомъ фруктовыхъ садовъ; въ одномъ мѣстѣ срываются бугры, въ другомъ прорываются грандіозные каналы; вотъ иноземцы обучаютъ ратному строю рекрутъ, которыхъ прямо съ ученія отправляютъ въ огонь генеральной баталіи; въ удобныхъ гаваняхъ создаются верфи, для которыхъ корабельный лѣсъ привозится съ Урала, а мастера—изъ-заграницы. На сѣверѣ изъ болотъ выростаетъ любимый «парадизъ», «полнощныхъ странъ краса и диво»; на западѣ вытягивается линія укрѣпленій, на востокѣ изъ нѣдра горъ добывается руда; на югѣ идетъ упорная борьба съ сильными турками. Какой поражающій розмахъ! Какое исключительное явленіе всемірной исторіи, какое сокровище исторіи русской! Петръ—величайшій историческій дѣятель....

Все имъ перестроивалось по требованіямъ личной воли и указаніямъ разума.

«Въ абсолютизмѣ и раціонализмѣ петровскаго государства,—утверждаетъ М. Богословскій,—не было ничего исключительнаго—это были общеевропейскія явленія XVIII в. То было время Людовика XIV, Стюартовъ, Карла XI въ Швеціи, бранденбургскихъ курфюрстовъ—неограниченныхъ хозяевъ и устроителей своей земли, «Духъ семнадцатаго вѣка» — говоритъ Блюнчли,—«былъ рѣшительно благопріятенъ образованію абсолютной монархіи, а въ республиканскихъ государствахъ—абсолютной власти существующаго правительства». «Тотъ, кто далъ людямъ королей»,—говоритъ Людовикъ XIV,—«соблаговолилъ, чтобы ихъ почитали, какъ его намѣстниковъ. Его воля, чтобы тотъ, кто родился подданнымъ, повиновался безъ разсужденія». Въ томъ-же духѣ говорилъ Боссюэ.

«Величество»,—разсуждалъ онъ, —«образъ Божій въ государствѣ... Королевскій тронъ не человѣческій—но тронъ самого Бога... Все государство въ государѣ, воля цѣлаго народа заключена въ его волѣ».

Эти понятія въ Россіи насаждалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ своей «Правдой Воли Монаршей». Верховная власть,—училъ онъ,—не подлежитъ ни чьему контролю... Подданные не болѣе, какъ рабы. Его величество есть самодержавный монархъ, который никому отвѣта за свои дѣла не даетъ, а всѣмъ управляетъ «по своей волѣ и благомнѣнію» (М. Богословскій). «Въ Россіи полное самодержавіе,—читаемъ у Крижанича; повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное.

Государство XVII в. получило полицейскій характеръ. Оно печется о безопасности жизни, имущества, нравственности. Государство вмѣшивается во все, проникаетъ даже въ замкнутый кругъ семьи и очага. Петровская Русь знала только «государево» дѣло.

«Власть»—писалъ Токвиль,—«дѣлается для подданныхъ единственною пружиною соціальнаго механизма, единственнымъ и необходимымъ двигателемъ общественной жизни. Правительство занимаетъ мѣсто Провидѣнія».

Въ манифестѣ 1702 г. Петръ говорилъ о намѣреніи или стремленіи своемъ «государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе».

Исходя изъ этого, Петръ раціоналистически разрѣшилъ самые разнообразные вопросы и произвелъ многоразличныя реформы. Онъ учредилъ сенатъ, пересоздалъ церковное управленіе, коллегіи, областное управленіе, одежду, финансы и пр. Дѣлалось это—однимъ повелѣніемъ, однимъ краткимъ указомъ. Такъ поступали и его предки.

Однако законодательныя нормы Петра сопровождались не одними угрозами и наказаніями, но и мотивами. Онъ имѣлъ въ виду показать разумность и выгоду вводимаго, онъ старался убѣдить. На улицу воспрещалось выпускать коровъ, свиней и др. безъ пастуха... «понеже оная скотина, ходя по улицамъ, портитъ дороги и деревья». Петръ рекомендуетъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, «понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранишь или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти»...

Но голосъ народа до него не доходитъ; съ желаніями его онъ не считается. Для народосовѣтія власть не «снижалась».

Петръ Великій былъ по преимуществу геній практическій. Не задолго до смерти, онъ велѣлъ «вписать въ гисторію» свои мѣропріятія «о войнѣ, строеніи фортецъ, гавановъ, флотовъ, мануфактуръ всякихъ» и пр., какъ-бы усматривая въ этомъ главную задачу своей жизни.—Русь страдала отъ слабости организаціи и техники и потому реформы Петра въ этихъ областяхъ, несомнѣнно, были благодѣтельны.—Созданіе флота, переустройство арміи, поддержка промышленности и пр. являются положительной и самой плодотворной стороной Петровскихъ преобразованій.

Могущество и богатство государства, политическое значеніе Россіи—вотъ что прежде всего заботило Петра. Все остальное въ его глазахъ имѣло значеніе средствъ, играло роль служебную. Истинною сферою дѣятельности Петра было государство и эту сферу онъ постигалъ во всемъ ея объемѣ, былъ въ ней полнымъ властелиномъ.

«Регулярное государство», созданное Западомъ, являлось идеаломъ для Петра. Въ вѣкъ Петра Европа жила вѣрой въ силу учрежденій. По понятіямъ людей того времени, стоило измѣнить учрежденія, чтобы перемѣнился порядокъ. Петръ также надѣялся посредствомъ учрежденія разныхъ совѣтовъ и коллегій придать новый видъ старому міру.

Петромъ впервые заимствованъ былъ механизмъ государственныхъ учрежденій. Въ этомъ—оригинальность реформы Петра. Примѣры заимствованій по переустройству арміи, по развитіи промышленности и т. п. имѣются въ до-петровской Руси. Но введеніе иностранныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій—являлось новостью. Только Петръ сталъ пересаживать чужеземный правительственный механизмъ и удачи въ этой области не встрѣтилъ.

Заимствованіе учрежденій началось въ послѣднее десятилѣтіе царствованія. Общаго плана для пересадки учрежденій не существовало, а потому въ этомъ дѣлѣ сквозитъ полная случайность.

Во главѣ созданныхъ Петромъ учрежденій стоитъ сенатъ, которому присягали, и указы котораго считались равносильными царскимъ. Сенату, учрежденному 22 февраля 1711 г., надлежало трудиться о распорядкѣ государства и о правомъ судѣ. Губернаторы и воеводы доносили ему о чрезвычайныхъ происшествіяхъ. Петровскій сенатъ въ полномъ смыслѣ былъ правительствующимъ. Въ тѣсной органической связи съ нимъ находились всѣ государственныя учрежденія. Во время частыхъ отлучекъ Петра «госпо-

да» сенатъ олицетворялъ высшую государственную власть. Сенату опредѣлено быть «для отлучекъ нашихъ для управленія» и «смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ—и ненужные, а особливо напрасные, оставить. Денегъ какъ можно собирать, понеже деньги суть артеріею войны», и для обезпеченія казны учинить фискаловъ во всѣхъ дѣлахъ. Во время царскихъ «отлучекъ» Россія впервые управлялась коллегіальными учрежденіями. Уѣзжая въ Прутскій походъ въ 1711 г., Петръ передалъ управленіе государства сенату и въ этомъ нельзя не видѣть отраженія шведскаго порядка. Тоже сдѣлалъ Карлъ XII, покидая Стокгольмъ.

Идея коллегій—сплошное подражаніе иностранному. Лейбницъ писалъ Петру, что хорошее управленіе можетъ быть организовано только на принципѣ коллегіальности, и сравнивалъ коллегіи съ часами, гдѣ колеса взаимно приводятъ въ движеніе одно другое.

Коллегіальной системой увлекалась тогда вся Европа, всѣ правительства ввели ее у себя, какъ вѣрный залогъ порядка.

Когда Царь рѣшилъ ввести коллегіи, то въ Швецію былъ посланъ голштинецъ Генрихъ Фикъ—спеціалистъ государственнаго права. Въ то время существовали бродячіе знатоки государственныхъ учрежденій, которые нанимались въ любую страну, подобно кондотьерамъ или наемнымъ полководцамъ. Къ нимъ принадлежали Фикъ и А. Х. Люберасъ. Русскимъ резидентамъ въ Копенгагенѣ и Вѣнѣ повелѣно было составлять описанія иностранныхъ учрежденій. Не обходили также иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ. Черезъ всѣхъ собирались нужныя свѣдѣнія. Обходилась кажется одна Франція, къ которой Петръ относился болѣе критически, чѣмъ къ другимъ. «Хорошо перенимать у французовъ науки и художества, и я бы хотѣлъ видѣть это у себя; а въ прочемъ Парижъ воняетъ», говорилъ Петръ.

Въ 1717 году взяли шведскихъ плѣнниковъ для службы въ коллегіяхъ, что повторялось и въ послѣдующіе годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе подъячіе посылались за границу, для обученія этому дѣлу.

Выборъ остановился на шведскихъ коллегіяхъ не случайно. По мнѣнію Петра, высказанному Бестужеву, природныя и бытовыя условія Швеціи болѣе подходили къ русскимъ. Шведскія учрежденія по стойкости считались тогда лучшими въ Европѣ. Этимъ учрежденіямъ приписывался разцвѣтъ шведскаго могущества, который давалъ себя такъ сильно чувствовать въ началѣ Сѣверной войны и возбуждалъ большой интересъ. Шведскія учрежденія были ближе извѣстны русскимъ, вслѣд-

ствіе болѣе частаго соприкосновенія и благодаря шведскимъ и русскимъ плѣннымъ. «Генералъ Вейде и нѣкоторые русскіе офицеры, находившіеся въ плѣну въ Швеціи со времени нарвской операціи и познакомившіеся съ устройствомъ шведскаго государства, руководятъ (какъ сообщалъ гановерскій резидентъ Веберъ извѣстному Лейбницу) его величество въ учрежденіи коллегій».

Фикъ въ 1717 г. привезъ обширныя описанія шведскаго управленія. А. Х. фонъ-Люберасъ также представилъ Петру подробныя описанія шведскихъ государственныхъ учрежденій и при этомъ совѣтовалъ соблюденіе осторожности и послѣдовательности въ ихъ примѣненіи къ условіямъ Россіи, «ибо никакой въ дѣлѣ планъ не можетъ быть изобрѣтенъ, который бы во всемъ положеніи другого государства могъ быть соразмѣренъ». Далѣе Люберасъ указывалъ на разность мѣстоположенія, климатовъ, народныхъ нравовъ и склонностей, на политическія условія. «Не слѣдуетъ разрывать всякой связи съ прошедшимъ и слѣдуетъ замѣнять старыя учрежденія новыми не сразу, а постепенно». Слѣпо и безъ разбора ничто не примѣнялось и не переносилось. Царь многократно выразилъ желаніе все сообразить съ русскимъ бытомъ и русскими условіями. «А которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны или съ ситуаціей съ сего государства несходны и оные оставить по своему разсужденію»,—читаемъ въ требованіи Царя отъ 28 апрѣля 1718 г.—Другой разъ Петръ указывалъ, что «надлежитъ шведскій регламентъ съ русскимъ сводить»..., что необходимо организацію шведскаго областнаго управленія «спускать съ русскими обычаями», «дабы ничего супротивъ пользы натуры обстоятельства сей земли не учинить». 7-го января 1720 г. повелѣно было начать слушать уложеніе. «Слушая оное которые пункты покажутся не сходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты сдѣлать». Такъ въ дѣйствительности иногда и дѣлалось: въ Россіи учредили напримѣръ особую юстицъ-коллегію, которой Швеція не имѣла. Регламенты коллегій были составлены значительно самостоятельно. Наиболѣе сходно съ оригиналомъ оказалось русское финансовое управленіе.

Но рабски Петръ не копировалъ. Условій страны онъ не забывалъ, хотя прилаживаніе иностраннаго къ русскому быту плохо удавалось. И кромѣ того, вѣчно онъ не имѣлъ въ виду состоять въ ученикахъ у Европы. «Европа нужна намъ еще нѣсколько де-

сятковъ лѣтъ, а потомъ мы можемъ повернуться къ ней задомъ», говоритъ Петръ.

Коллегіями надѣялись водворить должный порядокъ. Учрежденіемъ добрыхъ коллегій Петръ разсчитывалъ привести государство «въ лучшее состояніе». Коллегіями,—наставлялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—можно скорѣе и легче постигнуть истину, коллегіи внушаютъ бо̀льшую охоту повиноваться, въ коллегіи «чего не увидитъ сей», то увидитъ другой, теченіе дѣлъ въ коллегіи равномѣрнѣе; не будетъ въ нихъ ни пристрастія, ни лихоимства, такъ какъ водворится взаимный контроль, коллегіи послужатъ хорошей правительственной школой. «Все лучшее устроеніе черезъ совѣты бываетъ».

Намѣренія Петра были хороши, взгляды его въ данномъ случаѣ правильны, но бѣда въ томъ, что ихъ нельзя было и не сумѣли выполнить.

Ошибка Петра заключалась въ томъ, что коллегіальную систему примѣнилъ также къ административнымъ учрежденіямъ.

Произведенная административная реформа очень близко подходила къ шведскому устройству. Отступленія касались подробностей и мелочей, «но основныя начала, — утверждаетъ М. Богословскій,—всецѣло совпали съ тѣми, на которыхъ была построена шведская администрація. Въ особенности это справедливо относительно областныхъ учрежденій 1719 г., структура которыхъ болѣе напоминала шведскій образецъ, чѣмъ структура центральныхъ, и которыя безъ особой натяжки можно поэтому называть шведскими» [343]).

Областныя учрежденія не трогали непосредственно самой жизни, а старались облегчить ее. Но общество, тѣмъ не менѣе, явилось врагомъ Петра. Раздѣливъ Россію на губерніи и постепенно регулируя областный административный институтъ, Петръ болѣе всего заботился объ ограниченіи произвола. Петръ не хотѣлъ, чтобы губернаторы были «яко властители»; онъ желалъ, чтобы они были только «яко президенты» въ тѣхъ совѣщательныхъ учрежденіяхъ, которыя онъ далъ русской провинціи. Губернаторъ долженъ былъ не единовластно управлять губерніей, а посредствомъ совѣта ландратовъ, въ которыхъ онъ былъ только президентомъ; ландраты выбирались дворянами въ каждомъ городѣ или провинціи. Изъ подъ вѣдомства воеводъ и губернаторовъ были изъяты судьи (ландрихтеры и оберъ-ландрихтеры) и суды (надворный, провинціальный и городовой).

Хорошими сторонами реформы являлись: нѣкоторое стремленіе (поверхностное) пробудить самодѣятельность общества, введеніе выборнаго начала, приданіе надлежащаго значенія государству, извѣстное огражденіе личности и т. п. Но вообще удовлетвориться реформами нельзя было и не къ лицу Россіи явились всѣ эти бургомистры, ратманы, ландраты, коллегіи, колежскіе совѣтники. Въ стремленіи все пересоздать на иностранный ладъ сквозитъ полнѣйшее презрѣніе къ своему родному. Нашъ общинный бытъ представлялъ данныя для самоуправленія, но имъ Петръ отказался воспользоваться. Въ созданномъ имъ механизмѣ возобладали чиновники и въ новомъ бюрократическомъ государствѣ оказалось менѣе свободы, чѣмъ въ московской Руси.

«Петръ въ своей преобразовательной дѣятельности,—какъ весьма основательно подмѣтилъ профессоръ Алексѣевъ,—отправлялся отъ безусловно отрицательнаго отношенія къ московской системѣ управленія. Онъ не видитъ въ ней никакихъ свѣтлыхъ сторонъ и не находитъ въ ней указаній, которыя бы предначертали ему путь реформъ. Онъ не хочетъ улучшить московское управленіе, воспользовавшись тѣмъ, что въ немъ было хорошаго, а совершенно упразднить его и на расчищенной отъ стараго почвѣ воздвигнуть новое. Онъ принялъ близко къ сердцу совѣтъ Лейбница, который предлагалъ ему не медлить преобразованіями, не производить ихъ по частямъ, а сразу и по единообразному плану. Такой планъ, говоритъ Лейбницъ, долженъ быть выполненъ быстро и прямолинейно, творческимъ умомъ одного человѣка; точно также, какъ городъ всегда бываетъ красивѣе, когда онъ выстроенъ сразу, чѣмъ когда онъ возникалъ постепенно, въ нѣсколько пріемовъ». «Такой совѣтъ Лейбница, который своей вѣрой во всесиліе учрежденій и своими воззрѣніями на политическій строй, какъ на механизмъ, имѣлъ несомнѣнно большое вліяніе на направленіе реформы Петра, былъ прямымъ отрицаніемъ историческихъ и національныхъ основъ государственной жизни» [534]).

Петръ считалъ себя полновластнымъ хозяиномъ и крайнимъ судіею не только въ государствѣ, но и въ церкви.

Самовольная деспотическая рука его дала себя особенно знать при реформѣ въ этой послѣдней области. Здѣсь не о порядкѣ заботился Петръ, а единственно о подчиненіи церкви государству, на что у него не имѣлось никакого права.

Въ религіи Петръ Великій видѣлъ необходимое условіе могущества и благоденствія государства... Онъ говорилъ: «Хулители

вѣры наносятъ стыдъ государству». Раскольниковъ онъ казнилъ за государственное преступленіе, но не за вѣру. Во всемъ сквозили его сильныя протестантскія наклонности. Въ Амстердамѣ, присутствуя на богослуженіи квакеровъ, онъ любовался «порядкомъ и благоустройствомъ». Къ доктринѣ Петръ Великій былъ равнодушенъ, надъ обрядомъ готовъ былъ смѣяться, въ духовенствѣ видѣлъ особый классъ государственныхъ чиновниковъ. Нашъ извѣстный канонистъ А. С. Павловъ, говоритъ: «Взглядъ Петра Великаго на церковь, какъ на служебную силу государства, образовался подъ вліяніемъ протестантской канонической системы, такъ называемой территоріальной».

Петръ вѣрилъ въ Христа Спасителя. «Глубокое религіозное чувство,—говоритъ Соловьевъ (XVIII, 261),—постоянно высказывалось у Петра, поднимало духъ его въ бѣдахъ и не давало заноситься въ счастьи». Но его религіозность была довольно своеобразной и истиннаго пониманія Церкви у него не было. Преслѣдованіе раскольниковъ было самое ожесточенное. Къ монастырямъ онъ относился также очень строго. Монашества онъ не понималъ, пользы въ немъ не видѣлъ и охотно превратилъ бы монастыри въ фабрики или лазареты. Монахи не должны были имѣть въ кельяхъ ни чернилъ, ни бумаги. Безъ царскаго указа нельзя было постричь въ монахи. Владѣть имъ вотчинами и угодьями воспрещалось, ибо они «не только нищихъ не питаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ». Бѣлое духовенство ограничено было въ числѣ при церквахъ; строить новыя церкви безъ указа не дозволялось. Духовенству запрещено ходить изъ церкви съ образами на домъ...

Преобразованіями Петра духовенство было замкнуто въ своей исключительной средѣ и, при наслѣдственности своего званія, не освѣжалось притокомъ извнѣ свѣжихъ силъ. Это повело къ тому, что оно постепенно должно было терять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и само оскудѣвать. Общество охладѣло къ духовенству. Церковь потеряла часть своего вліянія. Организація прихода ухудшалась.

Внѣшняя реформа кончилась тѣмъ, что во главѣ церкви, по законодательству Петра, стала та же самодержавная власть, что и во главѣ государства (А. С. Павловъ). Синодъ въ духовныхъ дѣлахъ имѣлъ такое же значеніе, какъ Сенатъ въ мірскихъ. Престолъ Русскаго папы и «второго государя»—патріарха былъ упраздненъ. Оберъ-прокуроръ Синода сталъ болѣе служить гражданскимъ интересамъ государства, чѣмъ духовнымъ.

То главнѣйшее, что творилъ Петръ въ области государства и церкви, неизбѣжно отрывало Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни. Онъ заставлялъ своихъ подданныхъ одѣваться по иноземному, пренебрегать своими дѣдовскими обычаями, учиться чужому строю. Все собственное осуждалось, осмѣивалось, изгонялось. То, что было выработано вѣками, освящено долгимъ прошлымъ и имѣло ореолъ святости—отстранялось и принижалось. «Только внутреннее убѣжденіе и чувство могутъ охранить обычай, который истекаетъ изъ внутренней жизни». Этого убѣжденія и чувства у Петра Великаго, очевидно, не было.—Обычаи, конечно, не вѣчны. Но о законности и необходимости ихъ постепеннаго измѣненія должно высказаться внутреннее чувство народа. Одежда народа является однимъ изъ свободныхъ обычаевъ его, почему въ измѣненіи надлежало соблюсти крайнюю осторожность.

На Русь снизошла туча чужихъ пестрыхъ идей. «Честью и достояніемъ» русскихъ сдѣлалось подражаніе, заимствованіе. Родилась склонность къ умственному бродяжеству. Въ русскій языкъ ворвался шумный потокъ варваризмовъ. Это—новая ошибка Петра. «Человѣкъ думаетъ словомъ», почему наплывъ иноземныхъ словъ—вреденъ. Надо обогащать умъ знаніемъ языковъ, но у себя не допускать чужеязычія.

Тутъ напрашиваются слова Аввакума, сказанныя Царю Алексѣю Михайловичу: «Ты, вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не унижай его ни въ церкви, ни въ дому, ни въ простой рѣчи». Все это примѣнимо къ пристрастію Петра къ иностраннымъ словамъ.

Что долженъ былъ чувствовать народъ, видя профанацію религіозныхъ обычаевъ и церковныхъ обрядовъ, видя, какъ его царь одѣлся нѣмцемъ, работалъ съ трубкой въ зубахъ, снималъ колокола съ церквей, передѣлалъ православный календарь, рѣзалъ рукава отцовскихъ кафтановъ? Національное чувство оскорблялось, національная нравственность извращалась, народная жизнь насильственно толкалась на чуждую ей дорогу и отрывалась отъ прежнихъ своихъ корней. Петръ стоялъ за исключительную національность, но не русскую, а западную. Онъ истреблялъ всякое выраженіе русской жизни, всякое русское явленіе. Онъ «денаціонализировалъ московскую Русь». «Изъ государства русскаго онъ дѣлалъ государство европейское» (Герценъ).

Что-же такое представляла изъ себя русская жизнь? Неужели русскій народъ даромъ прожилъ тысячу лѣтъ и весь укладъ его

жизни, весь опытъ прошлыхъ вѣковъ оказались пустоцвѣтомъ? Неужели «все русское—дымъ»?

Каждый народъ обязанъ развивать свой духовный обликъ, складъ своего собственнаго быта, идти своей особой дорогой. «Петръ же,—по словамъ К. Аксакова,—сталъ все принимать отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но и частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями; онъ перемѣнялъ свою систему управленія государственнаго и весь образъ жизни, онъ измѣнялъ на иностранный ладъ русскій языкъ, онъ принудилъ перемѣнить самую русскую одежду на одежду иностранную; переломленъ былъ весь строй русской жизни, перемѣнена была самая система. Такимъ образомъ, даже самое полезное, что принимали въ Россіи до Петра, непремѣнно стало не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ». Одинъ изъ позднѣйшихъ славянофиловъ, Н. Я. Данилевскій, указалъ на то, что Петръ, страстно любя Западъ, къ своей Россіи питалъ двоякое чувство—любви и ненависти: видя плоды, которые приносило европейское дерево, онъ заключилъ о превосходствѣ самаго растенія, ихъ приносившаго, надъ русскимъ еще безплоднымъ дичкомъ,—не принявъ во вниманіе разности въ возрастѣ, не подумавъ, что для дичка, можетъ быть, еще не пришло время плодоношенія,—и потому захотѣлъ срубить его подъ самый корень и замѣнить другимъ».

Петръ полагалъ, что все дѣло въ пріобрѣтеніи знаній. Но самому цѣнному въ европейской культурѣ нельзя научиться; его надо было нажить, воспитать въ себѣ. Воспитывать другихъ Петръ не могъ, такъ какъ самъ былъ не воспитанъ. Онъ въ состояніи былъ лишь насадить внѣшнюю культуру. Подъ европейскимъ платьемъ оставался прежній невоспитанный человѣкъ.

Петръ думалъ о школѣ, бесѣдовалъ съ Лейбницемъ объ «ученой» академіи, о будущемъ русскомъ просвѣщеніи. Изъ Германіи были выписаны и профессора и слушатели. 17 нѣмецкихъ профессоровъ читали лекціи 8 студентамъ. Академія, видимо, болѣе учреждалась «для славы среди иностранцевъ», чѣмъ для русскихъ. (Профессоръ М. М. Ковалевскій). Впереди думъ о просвѣщеніи красовалась непосредственная практическая польза, потребность минуты. Даже на искусство Петръ смотрѣлъ съ точки зрѣнія матеріальной пользы.

«При Петрѣ и послѣ него, въ первую половину XVIII в., образованіе,—замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ,—вовсе не

считалось цѣлью законодательной и административной дѣятельности государства: государство заботилось о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшимъ образомъ, оно заботилось объ обученіи, а не объ образованіи» [335]). Петръ желалъ, чтобы русскіе научились у иностранцевъ разнымъ познаніямъ, «а познанія должны были сдѣлать» русскихъ болѣе искусными «во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ».

Рекруты, провіантъ и мундиры для арміи, суда для флота, лѣсъ для кораблей—вотъ чѣмъ прежде всего въ теченіе 20 лѣтъ было поглощено вниманіе Царя. Главная забота была удѣлена войнѣ, внѣшнимъ дѣламъ и политикѣ, и естественно, что внутреннія дѣла и благосостояніе народа остались на заднемъ планѣ. Онъ думалъ о народѣ, жалѣлъ его, хотѣлъ дать ему правосудіе, оградить отъ крѣпостной розничной продажи, но на осуществленіе этихъ великихъ вопросовъ не нашлось достаточно времени среди нескончаемой войны, постоянныхъ переѣздовъ по Россіи, частыхъ отлучекъ за границу. Петръ былъ великій хозяинъ, всего лучше понимавшій экономическіе интересы, всего болѣе чуткій къ источникамъ государственнаго богатства.

Петръ слишкомъ стремительно шелъ къ намѣченной цѣли и, не понимая значенія историческихъ и національныхъ основъ жизни, пренебрегалъ ими. Измѣнять обычаевъ и искажать быта не было надобности, ибо все это губитъ самобытность въ области творчества и дѣлаетъ искусство подражательнымъ. Исторической нашей оригинальности нанесенъ былъ ущербъ.

«Разрывъ въ нашей жизни вовсе не былъ слѣдствіемъ всей исторической жизни, какъ распаденіе горожанъ съ крестьянами, простолюдиновъ съ феодалами въ Европѣ. Разрывъ былъ сдѣланъ у насъ по указу, насильственно, съ педагогической цѣлью». Въ предупрежденіе новаго сближенія ставилось какъ-бы тавро: борода сбривалась, одежда обрѣзывалась. «Мужикъ!» говорила съ высокомѣріемъ обритая и одѣтая въ ливрею Русь о народѣ. «Нѣмецъ!» бормоталъ себѣ въ бороду съ затаенной злобой народъ, глядя на дворянъ [336]).

Русскіе увлеклись «европейничаньемъ», увлеклись чужимъ, забросивъ свое. «Московскій періодъ разсѣялся, какъ тѣнь» и у ученыхъ перешелъ въ книжное воспоминаніе. Создалось двѣ Россіи, изъ которыхъ одна не народъ, а правительство [337]). Для народной Россіи одинаково сдѣлались чуждыми какъ русскіе нѣмцы, такъ и нѣмецкіе русскіе.

Такимъ образомъ Петровской реформой нарушена была правильность теченія русской жизни. Старый аскетически-монашескій идеалъ древней Руси былъ подмѣненъ европейскимъ принципомъ «удовлетворенія естественныхъ потребностей». Русскіе отведены были въ духовный плѣнъ запада. Прежніе холопы были обращены не въ гражданъ, а въ школьниковъ и подмастерьевъ. Чувства этихъ подмастерьевъ легко себѣ представить. Презрѣніе же къ самому себѣ таитъ пагубныя зерна, такъ какъ оно не можетъ располагать человѣка къ великимъ дѣламъ. Русскій народъ принижался до степени маломысленнаго ребенка. Для того же, чтобы создать великое, нужно самомнѣніе и даже гордыня... Русскіе же, «были подавлены мыслію о безобразіи собственной жизни и мыслію о величіи Европы». Въ выводѣ получилось: кто самого себя не уважаетъ, того и другіе уважать не будутъ.

Самостоятельной сферы дѣятельности Петръ никому не оставилъ. Всѣ служили и всѣ обязаны были преклоняться передъ формой и буквой. «Онъ (Петръ) работалъ надъ своимъ народомъ, какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ». Насильственность—вотъ Ахиллесова пята реформъ Петра. Весь его переворотъ залитъ кровью (Ор. Миллеръ). Даже сѣмена науки были политы кровью. «Гоня пороки русской жизни, ты жизнь безжалостно давилъ». Много, много было «напрасной крови» пролито. «Понеже ни единой народъ въ свѣтѣ такъ послушливъ, какъ Россійскій»—писалъ самъ Петръ. И тѣмъ не менѣе Петръ дѣйствовалъ болѣе страхомъ, насильственно. Все принудительно превращалось въ покорное орудіе его переворота. «Какъ всѣ реформаторы XVIII вѣка, Петръ требовалъ кровавыхъ жертвъ натурой, деньгами, духомъ и плотію своему идолу—общей пользѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы «на тягости великія».

Петербургъ образчикъ того, какъ дѣйствовалъ Петръ. Петербургъ испыталъ на себѣ всѣ его порывистые и своевольные пріемы. Первоначально городъ предположено было построить на Петербургской сторонѣ. Но скоро распланировывается мѣсто между Адмиралтейской частью и Лѣтнимъ садомъ. Въ концѣ царствованія Петръ мечталъ уже о превращеніи Петербурга въ Амстердамъ, съ каналами вмѣсто улицъ, почему пытливый взоръ чаще обращался къ Васильевскому острову. Было время, когда Кронштадтъ приковывалъ къ себѣ вниманіе Царя, озабоченнаго болѣе всего развитіемъ торговли. Также перебрасывался Петръ съ

мѣста на мѣсто въ поискахъ за удобными верфями. Изъ Олонца верфь переносится въ Петербургъ, а затѣмъ въ Кронштадтъ, и для будущей постройки намѣчался уже Рогервикъ около Ревеля. Петербургъ создался и расцвѣлъ, но какой цѣной! Преобразованія осуществлены, но какими жертвами и съ какими послѣдствіями...

«Грустно думать,—писалъ Хомяковъ,—что тотъ, кто такъ живо и сильно понялъ смыслъ государства, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, не вспомнилъ въ то же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ личная свобода».

Если Петръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ правъ въ своихъ насильственныхъ мѣрахъ, то во всякомъ случаѣ возведеніе насилія въ систему—коренная и непростительная его ошибка. Ошибкой является также закрѣпощеніе всего государству. «Когда система закабаленія народа государству возводится въ принципъ, она становится убійственной для націи, уничтожаетъ всѣ родники самостоятельной жизни народа. Петръ же не обозначилъ никакихъ предѣловъ установленному имъ всеобщему закрѣпощенію государству» [538]).

Общій характеръ реформъ Петра оказалъ тяжелое вліяніе на духъ народа. То, что «неволею» насаждалось, не могло прививаться органически, не могло быть прочнымъ и жизненнымъ.

Сопротивлялись реформамъ всѣ сословія: всѣ были ими больно задѣты, всѣ оставались ими недовольны, ибо всѣ убѣжденія, чувства и навыки насиловались, все дѣлалось торопливо, принудительно и польза многаго осталась непонятой для народа. Роста Россіи и новаго положенія ея въ средѣ европейскихъ державъ онъ не уразумѣлъ и не оцѣнилъ. Но всѣ почти одинаково чувствовали тягость налоговъ, рекрутскихъ наборовъ, многолѣтнихъ войнъ. Потери бороды и стараго русскаго кафтана Петру не простили, не забыли также быстраго наплыва иностранцевъ и чужеземныхъ обычаевъ. Когда Петръ преобразовывалъ Россію, онъ желалъ, чтобы всѣ вокругъ молчали и повиновались. Но на новшества въ разныхъ краяхъ государства не разъ отвѣтили явными бунтами и возстаніями. Надо «нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить», кричали сторонники Циклера. Астрахань возстала на защиту старины и вѣры Христовой; она боролась противъ нѣмецкаго платья, брадобритія и табаку. Булавинцы на Дону хотѣли отстоять прежнія казацкія вольности, а въ разосланныхъ грамотахъ также говорили о попираніи вѣры христіанской и о злыхъ дѣлахъ нѣмцевъ. Приходится признать, что преобразованія часто

производились вопреки народному сознанію и съ обидой для національнаго чувства.

Реформы явились личнымъ дѣломъ Петра. Главные дѣятели его времени имъ не сочувствовали и не были одушевлены вѣрой въ ихъ успѣхъ. Источникъ воодушевленія реформами лежалъ въ Петрѣ Великомъ.—Ближайшіе его сотрудники адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, предсѣдатель коммерцъ-коллегіи П. Толстой, кн. Меншиковъ относились къ реформамъ отрицательно. Они исходили изъ того, что народъ былъ разоренъ реформами, что преобразованія были куплены дорогой цѣной, цѣною опустошенія страны.—Поэтому они послѣ кончины Преобразователя высказались за необходимость вывести полки изъ уѣздовъ и поселить ихъ дальше отъ крестьянъ въ особыхъ слободахъ, а офицеровъ устранить отъ сбора податей; сотрудники Петра стояли за сбавку подушныхъ денегъ, за отдѣленіе отъ администраціи суда и финансоваго управленія и даже за уничтоженіе всей петровской провинціальной администраціи и за возвращеніе къ порядкамъ XVII в.; вотъ почему указами (24 февр. и 15 марта) 1727 г. областная реформа была отмѣнена. Враждебно отнеслись къ преобразованіямъ Петра также верховники, которые уничтожили институтъ прокуратуры и институтъ фискаловъ.

Кто были эти помощники Петра? «Истинныя дѣти воспитавшаго ихъ фискально-полицейскаго государства съ его произволомъ, его презрѣніемъ къ законности и человѣческой личности, съ притупленіемъ нравственнаго чувства» [339]). Созидать они не могли. Они дѣйствовали такъ, какъ ихъ учили.

Въ концѣ 1723 г. разныя недомоганія Петра усилились. Но кипучая дѣятельность не прерывалась. Онъ задумалъ коронованіе своей супруги, въ день заключенія Ништадскаго мира перевезъ мощи Св. Александра Невскаго въ новую столицу, присутствовалъ на спускѣ корабля, ѣздилъ водою въ Шлиссельбургъ къ празднику «взятія». Въ роковой день 1 ноября, возвращаясь изъ Дубковъ въ Петербургъ въ сильную непогоду, замѣтилъ бѣдствующихъ матросовъ. Чтобы снять ихъ ботъ съ мели, Петръ вошелъ въ воду по поясъ и окончательно простудился. Исторія камергера Монса и Екатерины ускорила жизненную развязку. Царь еще выходилъ, бывалъ въ церкви, посѣщалъ ассамблеи. Но смертельный недугъ росъ и 17 января онъ свалилъ богатыря, заставивъ его исповѣдаться, не покидая постели. Царь лишился языка. Ему подали аспидную доску, но когда-то сильная рука не могла уже

начертать нѣсколькихъ буквъ имени того, кому предназначался престолъ Имперіи. Послѣдней воли Петра Россія не узнала. 28 января 1725 г. скончался Великій ея Преобразователь.

Замѣчательно, что при всемъ своемъ деспотизмѣ, Петръ въ народной памяти живетъ въ свѣтломъ ореолѣ. «Петръ, какъ историческій государственный дѣятель, сохранилъ для насъ въ своей личности такую высоко-нравственную черту, которая невольно привлекаетъ къ нему сердце; эта черта—преданность той идеи, которой онъ всецѣло посвятилъ свою душу въ теченіе своей жизни». И эта преданность составляетъ въ немъ то высокое качество, которое побуждаетъ насъ, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя въ сторонѣ и его кровавыя расправы, и весь его деморализующій деспотизмъ, вредно отразившійся на потомствѣ [540]).

Конечно, дальняя дорога на «царскую службу» «въ незнаемую» страну шведскую, «ко славному городу Петербургу», вызывала у народа иногда грустныя чувства. Но все простилъ народъ, все забылъ. Сборникъ П. В. Кирѣевскаго [541]) заключаетъ въ себѣ болѣе 200 пѣсенъ, относящихся къ Петру Великому. Одно уже это количество пѣсенъ, сложенныхъ въ его память, свидѣтельствуетъ о расположеніи къ великому монарху.

Свобода свѣтской жизни была встрѣчена радостно молодежью, особенно женскою, и это обстоятельство, вѣроятно, въ извѣстной мѣрѣ также содѣйствовало сохраненію хорошей памяти о Преобразователѣ.

Замѣчательно, что первое осужденіе Петра раздалось не въ Россіи. О. Ѳ. Миллеръ въ своей рѣчи «объ отношеніи русской литературы къ Петру Великому» выдаетъ за положительное, что протестъ Петровымъ реформамъ начался на западѣ, во французской литературѣ. Ж. Ж. Руссо въ своемъ «общественномъ договорѣ» первый разгласилъ, что у Петра былъ «только подражательный геній», что онъ «помѣшалъ своимъ подданнымъ когда-либо сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ бы они могли сдѣлаться, увѣрилъ ихъ, будто бы они тó, чѣмъ они не могутъ быть».

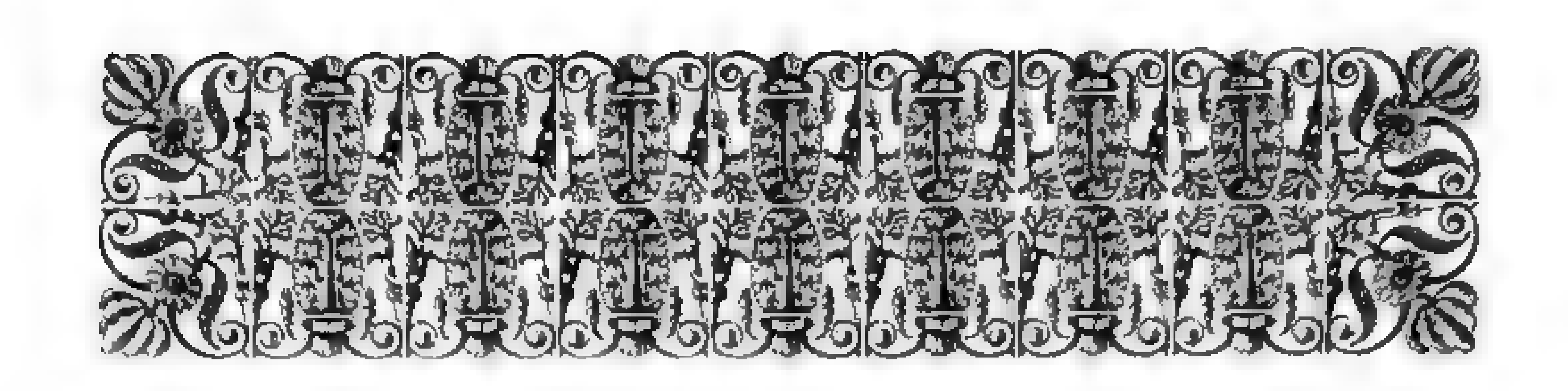
При жизни Петра его реформы отстаивались цѣлымъ рядомъ панегиристовъ. Послѣ же смерти на защиту его дѣлъ выступили Ломоносовъ, Голиковъ и многіе другіе, которые до небесъ возносили его дѣянія, самого его величали посланникомъ неба, село Коломенское называли вторымъ Виѳлеемомъ и т. п. «Безсмертный стихотворцевъ гласъ» воскрешаетъ «дѣла давно минув-

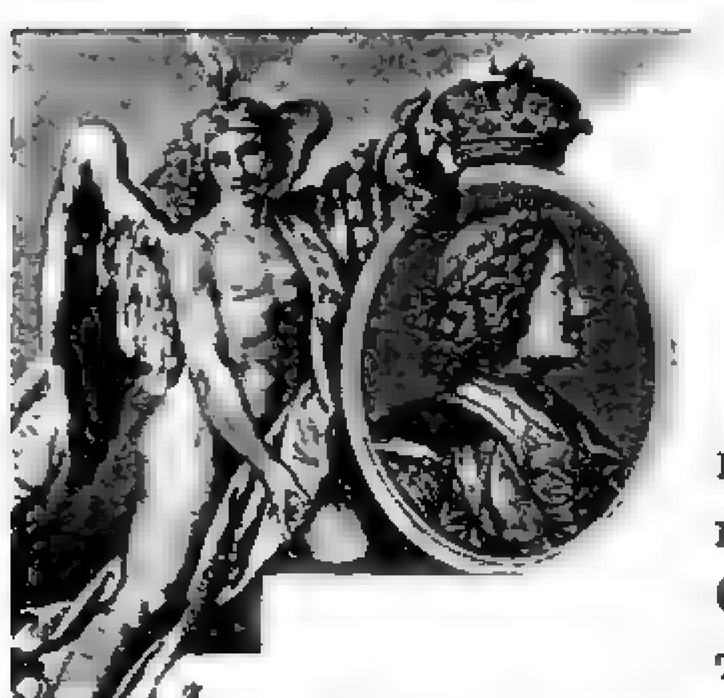
шихъ дней» и свидѣтельствуетъ о «сердечныхъ движеніяхъ», сопровождающихъ воспоминанія объ историческихъ событіяхъ и лицахъ. Поэтовъ, восторженно настраивавшихъ свои лиры при имени Петра, много, и неудивительно. Указанная преданность Петра своей идеѣ, совершенно исключительное его трудолюбіе и разносторонность—должны подкупать. «Едва ли во всемірной исторіи есть другой примѣръ такого рѣшительнаго, неуклоннаго преобладанія одного нравственнаго интереса—общаго блага своей родины».

Вѣчная память великому Труженику! Пусть русскій народъ, по принятому обычаю,

«Своихъ Царей великихъ поминаетъ
За ихъ труды, за славу и добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляетъ».

X.

Шведская Финляндія съ 1721 по 1741 г.[562]).

Миръ былъ заключенъ. Русскимъ надлежало очистить Финляндію. По ихъ слѣдамъ вошли прежнія власти. Остается бросить взглядъ на дѣятельность этихъ властей и шведскаго правительства, ибо не прошло и четверти вѣка, какъ русскимъ вновь пришлось воевать въ Финляндіи и временно править ею.

При извѣстіи о смерти Карла XII, сторонники свободнаго государственнаго устройства поспѣшили воспользоваться обстоятельствами для упраздненія абсолютнаго управленія, развивавшагося въ Швеціи съ 1680 г. Они предложили корону младшей сестрѣ Карла XII Ульрикѣ Элеонорѣ, которая незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за наслѣднаго принца Гессенскаго Фридриха.— Отъ Ульрики Элеоноры потребовали, чтобы она объявила наслѣдственность шведскаго престола прекратившеюся и затѣмъ подписала Форму Правленія. Иначе говоря, она должна была отвергнуть единодержавіе и, по полученіи короны по выбору отъ сословій, значительно ограничить свою власть. Она, хотя и противъ своей воли, согласилась на эти условія и избраніе ея состоялось 23 января 1719 г. Такъ началась для Швеціи «эпоха свободы». Черезъ годъ Ульрика Элеонора отказалась отъ власти въ пользу своего супруга, торжественное признаніе котораго королемъ состоялось 20 марта 1720 г. При немъ королевскую власть Швеціи совершенно урѣзали. Произведено это было частію введеніемъ новой Формы Правленія 1723 г., частію благодаря его личной слабости и нерѣшительности. Король лишенъ былъ права

безъ государственнаго совѣта назначать на военныя и гражданскія должности, онъ не могъ расквартировывать полковъ по своему усмотрѣнію, онъ былъ стѣсненъ въ управленіи финансами и т. п. Король во всемъ вынужденъ былъ слѣдовать мнѣнію большинства государственнаго совѣта, въ которомъ онъ пользовался только двумя голосами; исполнительныя дѣйствія короля состояли подъ наблюденіемъ риксдага. Король не подписалъ нѣкоторыхъ постановленій совѣта; сословія рѣшили, что при повтореніи такихъ случаевъ постановленія совѣта получатъ силу безъ королевской подписи. Словомъ, король сдѣлался носителемъ почетнаго титула, безъ какихъ-либо существенныхъ полномочій. Члены государственнаго совѣта въ свою очередь превратились въ уполномоченныхъ, или делегатовъ, риксдага. Свободныя мѣста въ государственномъ совѣтѣ занимались по предложенію комиссіи риксдага. Рѣшенія государственнаго совѣта контролировались и измѣнялись риксдагомъ.—Дѣла государства направляли, слѣдовательно, «управлявшія сословія». Среди комиссій риксдага наиболѣе вліятельной явилась секретная (или тайная) комиссія, которая стала вѣдать внѣшней политикой и денежными дѣлами.—Такимъ образомъ, въ Швеціи въ теченіе двухъ лѣтъ перешли отъ абсолютной королевской власти къ всемогуществу народнаго представительства. Воплощеніемъ полноты государственной власти явилась секретная комиссія.—Во время-же засѣданій риксдага, истиннымъ главою государства былъ не король, а ландмаршалъ.

Финляндія отъ этого измѣненія образа государственнаго правленія ничего не выиграла. Умаленіе королевской власти пользы ей не принесло. Принципъ королевской власти пустилъ глубокіе корни среди финскаго народа, который въ монархѣ привыкъ видѣть защитника слабыхъ и угнетенныхъ. Финляндія всегда была страной слабой и обдѣленной, почему ея населеніе съ особымъ упованіемъ взирало на тронъ, замѣститель котораго неизмѣнно пользовался общими симпатіями. Отъ финскаго народа почти скрывали безсиліе короля противъ большинства совѣта. Полнаго представленія о ничтожествѣ королевской власти финскій народъ не получилъ.

Секретная комиссія состояла изъ 100 членовъ, причемъ 50 изъ нихъ избирались изъ дворянъ, а остальные поровну изъ духовенства и горожанъ. Предсѣдательствовалъ въ ней ландмаршалъ. Таковъ-же былъ составъ другихъ комиссій и депутацій. Крестьяне всюду въ нихъ отсутствовали. Это показываетъ, что въ народномъ

представительствѣ того времени крылся большой и существенный изъянъ.

По новому риксдагскому уставу (riksdags ordningen), принятому въ 1723 году, сословія государства должны были собираться каждые три года или чаще, если того требовали государственные интересы.—При нежеланіи короля созвать сословія, это могло быть сдѣлано государственнымъ совѣтомъ. Риксдагъ обсуждалъ и рѣшалъ все, что нужно было для пользы и безопасности государства; онъ провѣрялъ дѣйствія короля, совѣта, коллегій, финансы, судебныя учрежденія. При отказѣ короля исполнить рѣшеніе риксдага, оно приводилось въ исполненіе государственнымъ совѣтомъ.

Среди сословій преобладающее значеніе пріобрѣло дворянство. При новомъ режимѣ оно въ сущности распоряжалось всѣмъ. Въ 1719 г. дворянству даны были новыя привилегіи и оно твердо обосновалось въ государственномъ управленіи. Земли дворянъ были освобождены отъ податей и налоговъ; крестьянъ своихъ они имѣли право облагать денежными штрафами; сами дворяне судились только въ надворныхъ судахъ; дворянское войско нельзя было выводить за предѣлы Швеціи и Финляндіи. Что-же касается риксдаговъ, то несомнѣнно, что на ихъ засѣданіяхъ дворяне преобладали безраздѣльно. До 800 старшихъ представителей дворянскихъ родовъ занимали на риксдагахъ свои кресла, тогда какъ число представителей остальныхъ трехъ сословій въ среднемъ не превышало 275 чел. (53 изъ духовенства, 87 горожанъ и 135 крестьянъ).

Всѣ эти порядки также никакихъ преимуществъ финляндцамъ не предоставляли; напротивъ, они привели къ тому, что ихъ голоса на риксдагахъ заглушались и не побуждали другихъ считаться съ ихъ заявленіями.—Вся сила была въ дворянствѣ, а оно пропорціонально было значительно слабѣе и бѣднѣе шведскаго.—Къ тому-же часть финляндскаго дворянства поселилась въ Швеціи и съ теченіемъ времени сдѣлалось совершенно чуждою своему краю. Другихъ дворянъ удерживали дома дороговизна и затруднительность поѣздокъ на риксдаги. Чтобы поднять значеніе этого сословія проектировались разныя мѣропріятія. Сперва добивались права высылать представителей дворянства по областямъ, и особенно изъ Финляндіи и Сконэ (Шоніи); затѣмъ желали, чтобы риксдаги поочередно собирались въ Свеаландѣ, Геталандѣ и Финляндіи. Но проекты эти не встрѣтили

сочувствія большинства и представители собственно Швеціи продолжали господствовать въ сословныхъ учрежденіяхъ.— Одинъ Стокгольмъ высылалъ на риксдаги болѣе представителей, чѣмъ всѣ города Финляндіи.—Сама система выборовъ депутатовъ являлась неблагопріятной для Финляндіи, въ виду бѣдности и малочисленности ея городовъ, пространственной обширности избирательныхъ округовъ (епархій, губерній, герадскихъ округовъ, городовъ) и ихъ малой населенности. Дороговизна содержанія депутатовъ побуждала иногда посылать одного представителя отъ двухъ округовъ. Въ общемъ результатѣ выходило, что Финляндія высылала только одну восьмую часть всѣхъ представителей шведскаго государства на риксдагахъ. Среди духовенства число финскихъ представителей достигало 4—8, среди горожанъ 9—18 и въ сословіи крестьянъ 15—20. О дворянствѣ данныхъ не имѣется. Списки членовъ риксдага не даютъ возможности отличить представителей финскаго дворянства отъ шведскаго.

По состоявшемуся въ Ништадѣ договору, Финляндія была возвращена шведской коронѣ и русскіе очистили край въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Эта обязанность возложена была на генералъ-маіора Чекина. Кн. Голицыну велѣно было торопиться отправленіемъ въ Ревель и Петербургъ всего, что не должно было передаваться шведамъ. Провіантъ и иной казенный грузъ изъ нашихъ складовъ и магазиновъ на ластовыхъ судахъ и нѣсколькихъ корабляхъ вывезли обратно въ Ревель. За войсками, какъ это всегда бываетъ, послѣдовало немало мѣстныхъ жителей: нѣкоторыя финляндки вышли замужъ за русскихъ, другіе мѣстные жители состояли на русской службѣ, третьи выразили желаніе принять русское подданство.

По мѣрѣ ухода русскихъ, возвращались шведы. Уже въ октябрѣ 1721 г. на должность Кюменегородской и Нейшлотской губерній былъ назначенъ бывшій военный комиссаръ и военный совѣтникъ Іоганъ Генрихъ Фрисенгеймъ, возведенный уже въ дворянское достоинство. Эта губернія образована была изъ частей Выборгской и Кексгольмской губерній (или сѣверной Кареліи), которыя остались послѣ мира за Швеціей, и такъ какъ Фрисенгеймъ вообще хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ восточной Финляндіи, ему поручено было управленіе этими землями и, кромѣ того, на него возложено было упорядоченіе общаго положенія дѣлъ всего этого края. Онъ поселился въ Вильманстрандѣ и энергично принялся за водвореніе порядка. Въ теченіе 1721 и 1722 гг. были

замѣщены и остальныя губернаторскія должности. Въ Нюландскую и Тавастгусскую губерніи назначили Петра Шернкранца, въ Эстерботнію — Рейнгольда Вильгельма фонъ-Эссена и, наконецъ, въ Абоскую и Бьернеборгскую губерніи—Іоганна Теслева, въ дворянствѣ—Щерпстедтъ, но черезъ годъ онъ умеръ и былъ замѣщенъ Отто Рейнгольдомъ Икскулемъ.

Естественно, что въ первое время въ администраціи оставались еще тѣ чиновники, которые были назначены на должности русскою властію, такъ какъ они лучше были знакомы съ ходомъ дѣлъ. Но по мѣрѣ того, какъ прежнія должностныя лица возвращались изъ Швеціи, они получали мѣста въ новомъ управленіи. Хотя Финляндія до трактата и была занята русскими, но тѣмъ не менѣе случалось, что шведское правительство нерѣдко опредѣляло чиновниковъ на разныя должности. Въ Швецію, особенно въ первые годы русскаго владычества, обращались нѣкоторые пасторы съ просьбами о перемѣщеніи ихъ въ болѣе прибыльные приходы. Все это дѣлалось въ ожиданіи скораго мира. Далеко, конечно, не всѣ вернулись къ прежнимъ мѣстамъ и должностямъ: одни успѣли пристроиться въ Швеціи, другіе предпочли перейти на русскую службу.—Иныхъ обстоятельства побудили перемѣнить подданство, такъ напр. тѣхъ, имѣнія которыхъ находились въ Выборгской губ.—Нѣкоторые изъ возвратившихся застали должности свои занятыми, поля запущенными, имущество—въ чужихъ рукахъ. Сборщиковъ податей, поставленныхъ русскими, исподволь отставили; на ихъ притѣсненія подавались жалобы, но шведами рѣшено было отпустить всѣхъ безъ преслѣдованія, въ томъ вниманіи, что они служили русской власти и являлись передъ ней отвѣтственными за свои поступки.

Постепенно были возстановлены суды, учебныя заведенія и церковное управленіе. Абоскій гофгерихтъ водворился на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Его президентомъ назначили Іоганна Крейца, возведеннаго въ графское достоинство (1726 г.).—26 Ноября 1722 г. состоялось торжественное возобновленіе занятій въ Абоской академіи. Приглашеніе на торжество составлено было вице-канцлеромъ, епископомъ Германомъ Витте. Черезъ годъ канцлеромъ этого высшаго учебнаго заведенія король назначилъ извѣстнаго Арвида Горна. Послѣ выдѣленія Выборга изъ состава Финляндіи, консисторія первоначально собиралась въ имѣніи Серкилаксъ, въ приходѣ Перно. Съ 1723 г. мѣстомъ пребыванія епископа избрали Борго, куда затѣмъ навсегда переведена была и консисторія. Въ

1726 г. въ этомъ городѣ открыли также гимназію. Епископомъ бывшей Выборгской епархіи назначили Іоганна Гецеліуса (1721—1733)—третьяго изъ этой семьи, которая занимала столь славное мѣсто въ церковной исторіи Финляндіи. Возвращавшимся пасторамъ по возможности давали ихъ прежніе приходы. Такимъ образомъ понемногу установилось церковное управленіе. Чтобы поднять церковно-строительное дѣло, разрѣшенъ былъ общій кружечный сборъ по краю. За долгій періодъ Великой Сѣверной войны, многіе приходы почти опустѣли и кирки оставались заброшенными. Разсказываютъ, что на Аландѣ, въ приходѣ Сальтвикъ, когда въ 1722 г. возобновилось богослуженіе въ киркѣ, то на глазахъ прихожанъ изъ гнѣзда, свитаго въ пустомъ храмѣ, вылетѣла тетерка съ высиженными птенцами.

Дѣло обороны Финляндіи, конечно, должно было обратить на себя вниманіе шведскаго правительства, во-первыхъ, потому, что, съ присоединеніемъ Выборгской губ. къ Россіи, восточная граница сдѣлалась болѣе открытою, да кромѣ того, изъ тѣхъ многочисленныхъ отрядовъ, которые были выставлены краемъ во время Великой Сѣверной войны, къ 1721 г. сохранилось только 1.200 чел. пѣхоты и отъ 6 до 700 чел. кавалеріи.—Но въ дѣйствительности защитѣ края не было удѣлено той заботы, которая вызывалась этими обстоятельствами. Начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, правительство назначило Де-ла-Барра, извѣстнаго по своему участію въ закончившейся только что войнѣ. Изъ уцѣлѣвшихъ финскихъ войскъ удалось сформировать два кавалерійскихъ и семь пѣхотныхъ полковъ. Эти полки, въ концѣ 1721 г. и въ началѣ 1722 г. частію моремъ, частію сухимъ путемъ были присланы въ Финляндію. Составъ ихъ оказался неполнымъ, а вооруженіе и обмундированіе плохимъ. Артиллеріи вовсе не было. Чтобы нѣсколько докомплектовать части, въ финскія войска принимались нѣмцы, шведы, а также дезертиры, покинувшіе строй послѣ Наппо и Пелькинэ. Имъ разрѣшили вернуться, лишь бы они вновь встали въ ряды войска. Нѣмцы и шведы едва удерживались на службѣ, въ виду плохой пищи, которую въ тяжелыя времена составлялъ хлѣбъ, смѣшанный съ древесною корою.

Въ такомъ положеніи финскія войска оставались до 1727 г., когда рѣшено было ихъ преобразовать. Полки пополнялись новыми людьми, но до полнаго комплекта ихъ почти не удавалось довести. Въ вооруженіи чувствовался большой недостатокъ. Такимъ обра-

зомъ мобилизаціонная ихъ готовность страдала существенными недостатками, которые могли сказаться особенно печально, въ случаѣ внезапнаго нападенія. Главнымъ образомъ реформа коснулась кавалеріи: ее всю превратили въ драгунъ, съ болѣе легкимъ вооруженіемъ и большею подвижностью, пригодными преимущественно для несенія пограничной сторожевой службы. Кавалерія Абоской и Бьернеборгской губерній получила наименованіе лейбъ-драгунъ; изъ остатковъ кавалеріи Выборгской губ. создали Карельскихъ драгунъ. Составъ финскихъ войскъ былъ слѣдующій:

Лейбъ-драгунъ	1.000	чел.
Въ Нюландскомъ полку	1.000	»
» Карельскомъ	730	»
Итого кавалеріи имѣлось .	2.730	чел.

Въ Абоскомъ пѣхотномъ полку			1.025	чел.
» Бьернеборгскомъ пѣхотномъ полку . . .			1.025	»
» Эстерботнійскомъ	»	»	1.200	»
» Нюландскомъ	»	»	1.025	»
» Тавастгусскомъ	»	»	1.025	»
» Саволакскомъ	»	»	1.033	»
» Кюмменегородскомъ	»	»	569	»
Всего пѣхоты было . . .			6.902	чел.
А во всей Финляндіи			9.632	чел.

По проекту директора фортификаціи Акселя Левена, одобренному риксдагомъ 1723 г., надлежало укрѣпить Нейшлотъ, Вильманстрандъ и Веккелаксъ (Фридрихсгамъ). Но такъ какъ возникло сомнѣніе относительно пригодности этой оборонительной системы, то работы на веркахъ названныхъ городовъ велись вяло и, по отзыву того-же Левена, данному въ 1731 г., Фридрихсгамъ нельзя было признать еще крѣпостью, а Вильманстрандъ представлялъ не болѣе, какъ ретраншементъ (окопъ), пригодный для охраны торговли на Сайменскомъ озерѣ. Необходимость въ усиленіи оборонительныхъ средствъ Финляндіи оставалась по прежнему весьма настоятельной и новый начальникъ финскихъ войскъ Берндтъ Отто Стаккельбергъ, вмѣстѣ съ финскими членами риксдага, напрасно боролись (въ 1734 г.) съ равнодушіемъ народнаго представительства къ этому вопросу.

Наибольшаго попеченія требовало, конечно, само населеніе. Война продолжалась слишкомъ долго, сражавшіяся арміи прошли по странѣ въ разныхъ направленіяхъ и по много лѣтъ квартировали въ ней. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ край, который вообще не былъ извѣстенъ своей зажиточностью, оказался разореннымъ, а населеніе совершенно обнищавшимъ. Наиболѣе пострадала сѣверная Эстерботнія, гдѣ почти не прекращались враждебныя отношенія. Земледѣліе повсюду пришло въ совершенный упадокъ. Населеніе во многихъ мѣстахъ бѣжало отъ войскъ, покинувъ свои дома на произволъ судьбы. Все, что не было при этомъ спрятано, расхищалось. Не оставлялись въ покоѣ и тѣ, которые скрывались въ лѣса: ихъ старались розыскать и, не безъ крутыхъ мѣръ, побудить вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ.—Страхъ обнялъ населеніе... Крестьяне въ Пюхемаа жаловались, «что каждая деревня и каждый гейматъ въ приходѣ разорены, такъ что изъ 30 манталей едва сохранились четыре». Въ Эстерботніи запустѣвшихъ гейматовъ въ 1722 г. насчитывали до 1978. Въ Бьернеборгской губерніи нѣсколько приходовъ были почти безлюдны; изъ общаго числа ея гейматовъ, не считая Аланда (въ 1722 г.), сохранилось 854, менѣе сохранившихся было 2.981, совершенно обѣднѣвшихъ—4.074 и почти разоренныхъ 1.157. Что касается Аланда, то онъ въ теченіи восьми послѣднихъ лѣтъ былъ почти сплошь покинутъ населеніемъ, почему его луга и лѣса заросли, дома обветшали, печи въ нихъ совершенно развалились.—Въ Нюландской и Тавастгусской губерніяхъ было заявлено, что земледѣліе находилось въ хорошемъ состояніи только въ каждомъ шестомъ гейматѣ. Вообще же здѣсь пострадали болѣе тѣ приходы, гдѣ впервые высадился непріятель, и по которымъ прослѣдовали войска враждовавшихъ сторонъ. Въ Кюмменегородской и Нейшлотской областяхъ находилось около 1.500 опустошенныхъ гейматовъ.

Финляндецъ XVII в. по голландскому рисунку.

Нѣкоторые дворы были столь запущены, что безъ прощенія имъ налоговъ они не могли подняться. Особенно трудной представлялась борьба съ нуждой въ первые два года послѣ Ниш-

тадскаго мира, вслѣдствіе того, что они были неурожайными. Въ краѣ не оказалось достаточнаго количества ни сѣмянъ, для засѣва полей, ни лошадей, для ихъ обработки. То и другое пришлось выписать изъ Сконіи (Сконэ), а въ первое время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю воздѣлывали лопатой.

По примѣрному, весьма впрочемъ гадательному, подсчету, нѣсколько лѣтъ послѣ мира, населеніе Финляндіи по поголовнымъ спискамъ доходило отъ 275 до 300.000 чел. За время войны населеніе въ краѣ очень уменьшилось. Одни предполагаютъ, что въ теченіи двадцатипятилѣтняго періода оно сократилось на половину, другіе утверждаютъ, что убыль его надо опредѣлить даже болѣе, а именно 84-мя процентами. Съ достовѣрностію устанавливается только, что наиболѣе пострадала Эстерботнія, гдѣ число убитыхъ и плѣнныхъ опредѣляютъ въ 8 тыс. чел., а наименѣе—Кюмменегородская и Нейшлотская губ. Повсемѣстно въ Финляндіи раздавались жалобы на малочисленность населенія и недостатокъ рабочихъ рукъ.

Шведское правительство, желая помочь населенію въ его борьбѣ съ послѣдствіями войны, пыталось сдѣлать все, что можно было для поднятія земледѣлія. Чтобы вознаградить крестьянъ-землевладѣльцевъ за убытки, понесенные отъ войны, оно освободило тѣхъ изъ нихъ отъ налоговъ, угодья которыхъ наиболѣе пострадали. Путемъ земельныхъ изслѣдованій, было установлено, что для особенно пострадавшихъ гейматовъ необходимо продлить освобожденіе отъ налоговъ отъ 6 до 8-ми лѣтъ, а остальныхъ, менѣе потерпѣвшихъ, пропорціонально этой нормѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прощены были всѣ невнесенныя вплоть до 1722 г. подати. Такъ какъ состояніе городовъ находилось въ зависимости отъ деревни, то и они были освобождены отъ налоговъ, нѣкоторые на время отъ 8 до 9 лѣтъ. Одна изъ существенныхъ нуждъ простонародья была этой мѣрой облегчена; но недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ продолжалъ быть столь ощутительнымъ, что крестьяне въ большомъ числѣ выселялись въ Эстляндію и другія мѣста Россіи. По отчетамъ губернаторовъ (за 1722—1727 гг.), обильные дожди, неурожаи, морозы, скотскіе падежи и болѣзни

АМБАРЪ.

мѣшали населенію оправиться. Эмигрировать, особенно классъ безземельныхъ, побуждала еще слишкомъ низкая заработная плата. Такъ какъ шведской монеты въ краѣ оказалось мало, то, въ видахъ облегченія населенія, послѣдовало разрѣшеніе уплачивать подати русской серебряной монетой, причемъ 1 копѣйка серебромъ приравнена была 1-му серебряному эре (öre).

Немало посодѣйствовало земледѣлію постановленіе 1723 г., въ силу котораго такъ-называемые казенные поселяне получили право пріобрѣтать казенные гейматы въ шкатъ, т. е. имъ дано было право покупать въ собственность казенные гейматы, платя затѣмъ положенный оброкъ и повинности. Законъ указывалъ еще, чтобы стоимость гейматовъ устанавливалась при этомъ по достоинству оцѣнщиками, а не аукціономъ, и что можно передавать шкатовое право за шестилѣтніе проценты. Такимъ образомъ законъ 1723 г. давалъ возможность казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать себѣ независимое положеніе. Въ 1741 г., по ходатайству финляндскихъ представителей риксдага, обывателямъ казенныхъ гейматовъ Финляндіи предоставлено было, кромѣ того, еще то преимущество, что они могли покупать свои гейматы въ шкатъ, съ уплатою лишь трехлѣтнихъ процентовъ.—Эти льготы побудили, между прочимъ, многихъ брать опустѣвшіе гейматы, такъ что въ началѣ 1738 г. въ пустыхъ гейматахъ, считая въ манталяхъ, оставалось: въ Эстерботніи—$61^1/_8$, въ Нейшлотской и Кюмменегородской губ.—$215^1/_2$, въ Нюландской и Тавастгусской—63, въ Або-Бьернеборгской—$83^3/_8$. Мѣстные губернаторы продолжали однако жаловаться на то, что обыватели, получившіе право владѣнія гейматомъ на льготныхъ условіяхъ, покидали ихъ, какъ скоро истекали льготные годы, т. е. оканчивался срокъ освобожденія ихъ отъ взноса оброковъ, и послѣ того гейматы вновь обращались въ опустѣлые.

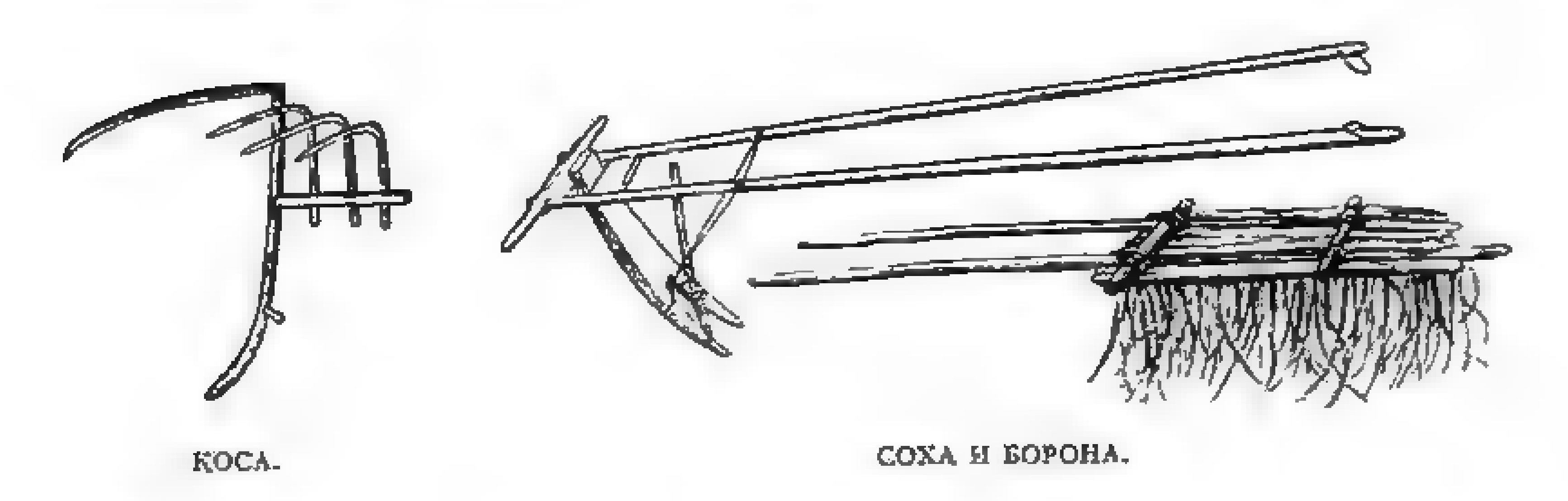
Чтобы разслѣдовать положеніе Финляндіи и разобраться въ разныхъ неурядицахъ, накопившихся за время войны, шведское правительство учредило двѣ чрезвычайныя королевскія комиссіи. Мысль о нихъ родилась среди представителей риксдага (1723 г.), вслѣдствіе большого количества жалобъ, поданныхъ на чиновниковъ, допускавшихъ всякаго рода беззаконія. Комиссіямъ надлежало не только изслѣдовать на мѣстѣ злоупотребленія, но и представить свои соображенія о мѣрахъ, коими возможно было бы поднять благосостояніе края. Предсѣдателемъ такъ-называемой западной комиссіи,

печь.

которой надлежало работать въ Або-Бьернеборгской и Тавастгусской губерніяхъ со включеніемъ Аланда, состоялъ президентъ гофгерихта въ Гета баронъ Гермундъ Седеріельмъ. Въ числѣ ея членовъ находился извѣстный ассесоръ Ларсъ Іоганъ Эренмальмъ.

Такъ называемая восточная комиссія, которая дѣйствовала въ Нюландской, Кюмменегородской и Нейшлотской губерніяхъ, имѣла предсѣдателемъ президента горной коллегіи Густава Бунде, который извѣстенъ былъ какъ ученый своего времени.

Съ (іюня) 1725 по 1727 гг. эти комиссіи разъѣзжали по своимъ округамъ, производя разслѣдованіе, частію по приходамъ, частію по уѣздамъ каждой губерніи. При комиссіяхъ состояли представители отъ каждаго изъ четырехъ сословій королевства. На

КОСА. СОХА И БОРОНА.

мѣстахъ своихъ остановокъ комиссіи принимали заявленія и жалобы. На засѣданіяхъ ихъ присутствовали мѣстные крестьяне.

По разслѣдованію западной комиссіи, злоупотребленія въ Або-Бьернеборгской губерніи носили болѣе случайный характеръ. Пользуясь преимущественно военнымъ временемъ, нѣкоторые фогты, ленсманы и другіе чины низшей администраціи брали незаконные поборы, отягощали крестьянъ безплатной почтовой гоньбой и т. п. Комиссія карала виновныхъ тюремнымъ заключеніемъ, лишеніемъ должности и т. д. Злоупотребленія, открытыя въ Тавастгусской губ., показывали, что здѣсь разные обходы законовъ установились изстари и производились болѣе систематически. При взносахъ десятины жита въ губерніи, взыскивалась одна каппа на крысоѣдъ, другая въ пользу объѣздчика. Во время сбора налоговъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, фогты и уѣздные бухгалтеры жили безплатно у крестьянъ и, кромѣ того, брали съ нихъ деньги и другіе подарки. При мантальной переписи мантальнымъ комиссаромъ выплачивались столовыя деньги и производился особый взносъ за льготную грамоту, которая выдавалась престарѣлымъ лицамъ, исключавшимся изъ податныхъ списковъ. Кромѣ того, дѣлались неза-

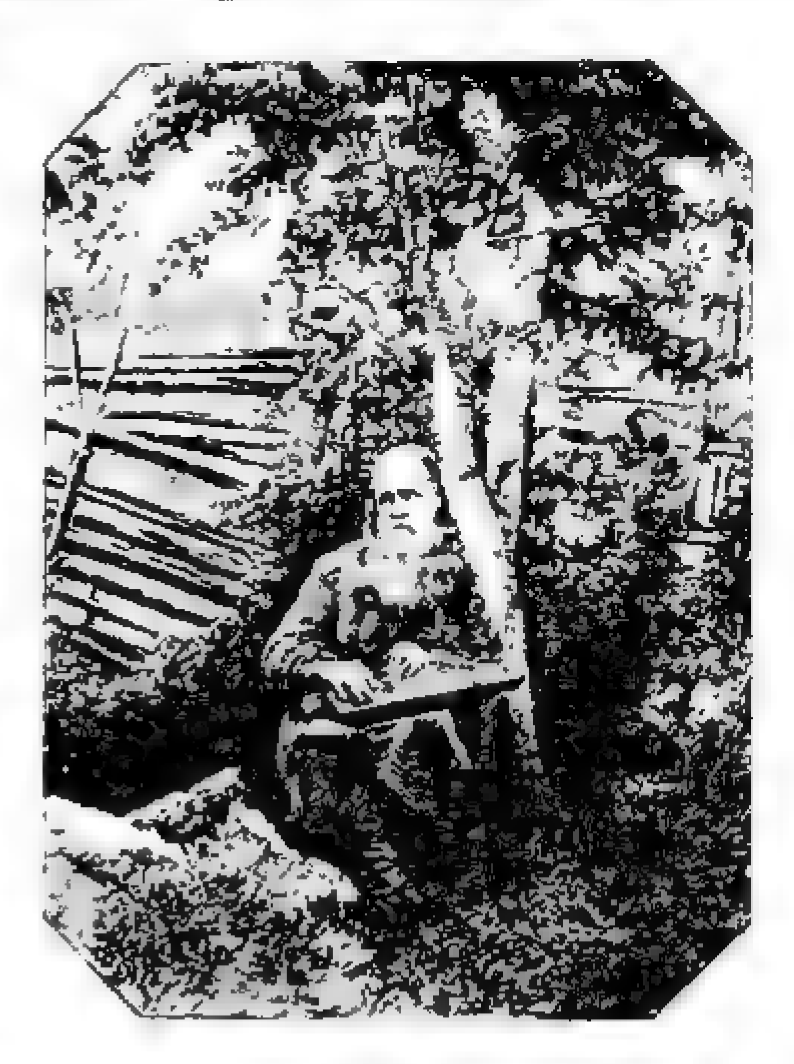
конные взносы за свидѣтельства, по отводу мѣста для казенныхъ гейматовъ, и за льготный годъ, освобождавшій отъ платежа оброка. Комиссіей было еще обнаружено, что старшіе или оберъ-пасторы позволяли себѣ, кромѣ разныхъ беззаконій, ежегодно трижды объѣзжать свои приходы, съ цѣлью полученія—въ первый разъ—своего жалованья, во второй—«рождественскаго жаркого», состоявшаго изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, — и въ третій объѣздъ для сбора пасхальныхъ денегъ. Во время подобныхъ поѣздокъ пасторы, сопровождаемые значительной свитой, подолгу гостили еще у населенія.—Такъ какъ ни населеніе, ни чиновники часто не знали соотвѣтствующихъ положеній закона, то комиссія распорядилась оглашеніемъ съ церковныхъ кафедръ объявленій, въ которыхъ перечислялись незаконные поборы.—Вслѣдъ затѣмъ появилось печатное королевское объявленіе по тому-же предмету. Большое число сборщиковъ податей было наказано комиссіей тюрьмой и штрафами. По отношенію къ пасторамъ, комиссія не признала себя въ правѣ прибѣгнуть къ фискальнымъ наказаніямъ и ограничилась только объясненіемъ, какъ имъ, такъ и прихожанамъ, какіе пасторскіе поборы являлись установленными закономъ.

Наиболѣе ретивыми членами западной комиссіи зарекомендовали себя прокуроръ Нурдбергъ и Эренмальмъ. Нурдбергъ кончилъ тѣмъ, что предъявилъ два рѣзкихъ обвинительныхъ акта противъ Нюландскаго и Тавастгусскаго губернатора, барона П. Шернкранца, усмотрѣвъ, что онъ провинился въ бездѣйствіи власти, своеволіи и иныхъ проступкахъ. Истинной причиной, возбудившей преслѣдованіе прокурора, явилась, кажется, недостаточная предупредительность барона Шернкранца къ членамъ комиссіи. Губернатору предложили явиться въ комиссію для дачи объясненія, но онъ отказался, представивъ все дѣло королю. Возникла продолжительная и запальчивая переписка, привлекшая тогда вниманіе финляндскаго общества. Процессъ кончился королевскимъ приговоромъ,

[illegible]

оправдавшимъ Шерикранца, которому однако рекомендовалось «удѣлять болѣе вниманія и обдуманности» при исполненіи своихъ обязанностей. Комиссія получила предостереженіе, а прокурору предложено было извиниться и отсидѣть двѣ недѣли въ тюрьмѣ.

КАНТЕЛЕ.

Восточная комиссія графа Бунде усмотрѣла въ губерніяхъ своего раіона тѣ-же злоупотребленія, какія производились въ другихъ мѣстахъ Финляндіи. Незаконно взималась здѣсь «крысиная каппа» и каппы на уѣздныхъ бухгалтеровъ и объѣздчиковъ.— Въ Кюмменегородской и Нейшлотской губерніяхъ производились подобные-же поборы, но тутъ они извѣстны были подъ другими названіями, напримѣръ, «апракка». Комиссія наказала сборщиковъ податей и другихъ должностныхъ лицъ, жестоко обращавшихся съ крестьянами или обременявшихъ ихъ безаконной почтовой гоньбой, и освободила населеніе отъ обжалованныхъ поборовъ. Вообще восточная комиссія дѣйствовала снисходительнѣе и склонна была передавать нѣкоторыя дѣла на усмотрѣніе губернаторовъ, чѣмъ избѣжала многихъ нареканій, вызванныхъ членами западной комиссіи.

Въ Эстерботніи королевская комиссія стала дѣйствовать только въ 1729 г., вслѣдствіе чего тамъ продолжались многія злоупотребленія, искорененныя уже въ остальной Финляндіи. Разслѣдованія этой комиссіи были вообще незначительны.

Такова одна сторона дѣятельности королевскихъ комиссій. Но при отправленіи въ край имъ предписано было также представить соображенія и проекты, могущіе способствовать къ уничтоженію замѣченныхъ недостатковъ и къ поднятію общаго благосостоянія. Какъ было выполнено это порученіе? Восточная комиссія въ особой запискѣ, поданной правительству, указала на общую бѣдность жителей Саволакса и на невозможность ихъ выйти изъ этого положенія, вслѣдствіе высокихъ и неравномѣрно распредѣленныхъ налоговъ. Въ 1664 г., когда эта область впервые облагалась налогами, были допущены неумѣстная строгость и произволъ. Насе-

леніе ожидало снисходительнаго и справедливаго обложенія; но прошло очень много времени, прежде чѣмъ ошибка прошлаго была исправлена. Изъ остальныхъ вопросовъ, впервые поднятыхъ комиссіями, заслужили въ свое время вниманія проекты каналовъ между внутренними озерами Финляндіи и Ботническимъ заливомъ и предложеніе объ учрежденіи въ приходахъ запасныхъ магазиновъ. Предложенія о нихъ вносились въ риксдагъ, но защита ихъ прозвучала почти безслѣдно въ шумѣ партійныхъ споровъ.

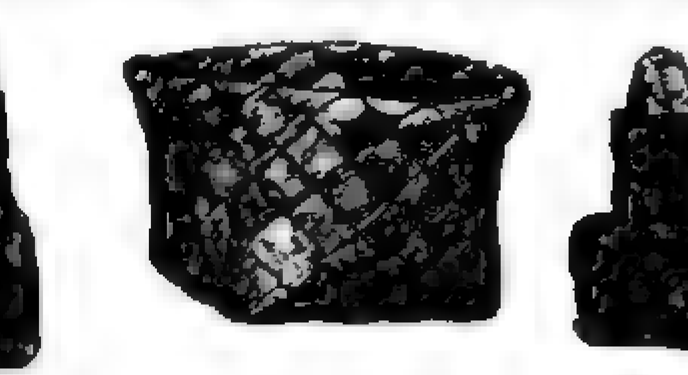
Населеніе Або-Бьернеборгской губерніи письменно просило устроить такія житницы, въ которыя-бы каждый геймать въ годы урожая всыпалъ извѣстное число капнъ ржи и ячменя. При посредствѣ магазиновъ создалась бы возможность борьбы съ неурожаемъ и уравновѣшенія цѣнъ на хлѣбъ. Собраннымъ запасомъ надлежало вѣдать надежному избранному лицу; въ голодные годы изъ магазиновъ нуждающіеся могли получать для пропитанія и посѣвовъ. На риксдагахъ (1734, 1740 и 1741 г.г.) начинали разсматривать проектъ о запасныхъ магазинахъ, но до конца дѣла не доводили.

Проектъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, внесенный на разсмотрѣніе риксдага, сопровождался особымъ меморіаломъ Эренмальма, направленнымъ къ поднятію земледѣлія въ Финляндіи. «Финляндія,—писалъ Эренмальмъ,—значительная составная часть шведскаго государства. Она по своему мѣстоположенію необходима и полезна. Она обладаетъ многими внутренними достоинствами и преимуществами. Она имѣетъ значительную лѣсоплодородную почву для полей и луговъ, многочисленныя озера и рѣки, пригодныя для полезной работы». Но этими естественными богатствами мало пользуются. Главное препятствіе—упадокъ земледѣлія, происходящій отъ малочисленности населенія. Чтобы помочь малолюдству, Эренмальмъ предлагалъ переселеніе изъ Швеціи людей, съ цѣлью основанія новоселій. Своеобразнымъ, для характеристики практическаго направленія времени, является его предложеніе избѣгать въ школахъ безполезнаго обученія и требовать отъ юношества жизненныхъ знаній: механики, фортификаціи, артиллеріи, штурманскаго дѣла, рисованія и верховой ѣзды, кои могли-бы сдѣлать учениковъ опытными и полезными для службы отечеству, для его безопасности и защиты.

Обувь изъ бересты.

Все это было сочувственно принято членами риксдага, но не исполнено.

Швеція, понимая значеніе для нея Финляндіи, склонна была помочь ей, но, будучи сама истощена, не могла оказать большаго содѣйствія. Въ помощи прежде всего нуждались города, въ которыхъ сосредоточивались торговля и промышленность.

КОРЗИНЫ ИЗЪ БЕРЕСТЫ.

Положеніе финляндскихъ городовъ было печальное. Бѣдствія войны привели ихъ въ полный упадокъ. Гельсингфорсъ лежалъ въ пеплѣ, сожженный войсками К. Армфельта, при отступленіи ихъ изъ города (1714 г.); въ Тавастгусѣ была уничтожена третья часть всѣхъ строеній; въ недавно возникшемъ Веккелаксѣ не оставалось ни домовъ, ни людей; обыватели городовъ Эстерботніи опредѣлили свои убытки въ 560 тыс. мар. по современному счету. Каяна былъ разоренъ. Наиболѣе сохранился Або, въ которомъ при оккупаціи края находилась главная квартира русскихъ; и тѣмъ не мѣнѣе убытки его исчислялись въ 275 тыс. мар.

Города раздѣлялись на стапельные и не стапельные. Стапельное право разрѣшало городу имѣть склады, верфи, производить внутреннюю и внѣшнюю торговлю. Стапельными городами были Або, Гельсингфорсъ и Фридрихсгамъ. Меньшіе города состояли какъ-бы въ извѣстномъ подчиненіи у большихъ. Такъ напр. Вильманстрандъ и Нейшлотъ были ярмарочными городами, подчиненными Фридрихсгаму, т. е. ихъ ярмарки могли посѣщать исключительно обыватели Фридрихсгама. Въ виду этого, между городами существовалъ родъ зависти, проявлявшаяся разнообразно. Гельсингфорсъ требовалъ, напр., чтобы Экенесъ былъ лишенъ городскихъ правъ, а Борго превращенъ въ ярмарочное мѣсто, подчиненное Гельсингфорсу. Обыватели Або хлопотали о томъ, чтобы предписано было жителямъ Нодендаля переселяться въ Або, «для скорѣйшаго улучшенія этого древняго стапельнаго города». Были также возбуждены предложенія объ упраздненіи Тавастгуса и городовъ Эстерботніи. Всѣ подобныя ходатайства и планы оказались отклоненными.

Существовало и другое стѣснительное ограниченіе. Приморскіе города Финляндіи не имѣли права вести по желанію на своихъ судахъ торговли съ любыми мѣстами и городами, а лишь съ

указанными. Жителямъ городовъ Эстерботніи открыты были только гавани Або, Стокгольма и Гефле.—Борьба съ этимъ ограниченіемъ началась на первыхъ-же риксдагахъ періода свободы, но безуспѣшно. Въ 1719 г. жители Эстерботніи просили, чтобы г.г. Вазѣ и Улеоборгу разрѣшено было торговать со всѣми приморскими городами шведскаго государства; но риксдагъ отказалъ. Послѣ того Эстерботническіе города долго и упорно добивались стапельныхъ правъ; но также безрезультатно. Особенно энергично хлопоталъ за нихъ въ 1733 году губернаторъ Карлъ Фрелихъ, старый воинъ, принимавшій участіе въ походахъ царствованія Карла XII.—Губернаторъ указывалъ риксдагу, что безъ свободной торговли города сѣвера не въ состояніи поправиться.

Въ Швеціи въ это время преобладали системы привилегіи и покровительства. Привилегіи господствовали въ политической жизни, гдѣ онѣ, правда, имѣли свои хорошія стороны. Наиболѣе льготно обставлены были дворяне. Горожане извлекли выгоды изъ закона 1617 г. о торговлѣ и «продуктъ-плаката» 1724 г. Крестьянъ старались удовлетворить постановленіемъ 1723 г. о покупкѣ шкатоваго права.

Путемъ-же привилегій надѣялись поднять тогда и промышленность. Сельская торговля была ограничена въ пользу торговли городовъ. Городамъ содѣйствовали стапельнымъ правомъ. Львиная доля доставалась, конечно, самимъ шведамъ: Швеція являлась привилегированной по отношенію Финляндіи, Стокгольмъ—по сравненію съ остальными городами. Послѣ Ништадскаго мира столица государства захватила почти всю торговлю Финляндіи; финляндскому приморскому населенію, въ обходъ своихъ городовъ, дозволялось завозить товары въ Стокгольмъ.

КАТКА.

Изданный въ 1724 г. такъ-называемый продуктъ-плакатъ также имѣлъ въ виду покровительство. Этимъ закономъ правительство желало оградить собственное мореходство отъ иностраннаго соперничества. Подобно Англіи, Швеція воспретила судамъ иностранныхъ націй, начиная съ 1725 г., ввозить въ Швецію что-либо, кромѣ продуктовъ своей собственной страны и ея колоній. На Финляндію это узаконеніе повліяло самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы поощрить финляндское мореходство, законъ поднялъ цѣны на предметы первой необходимости. Произошло это вслѣдствіе того, что Финляндія флота почти не имѣла

и судами своего края собственныхъ нуждъ удовлетворить не могла. Обмѣнъ товаровъ производился преимущественно на голландскихъ судахъ, которыя ввозили въ край разные товары и особенно соль и табакъ, а вывозили финляндскіе лѣсные продукты. «Продуктъ-плакатъ» прервалъ эту торговлю и соль и другіе предметы сильно вздорожали. Только позднѣе купцы большихъ стапельныхъ городовъ, Або, Гельсингфорса и Фридрихсгама, обзавелись большими судами, которые извѣстны были подъ названіемъ «испанскихъ ходоковъ» и сдѣлали возможнымъ удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей.

Чтобы помочь внутренней торговлѣ восточной части Финляндіи, сосредоточившейся до 1721 г. въ Выборгѣ, рѣшено было расширить городъ Веккелаксъ, который въ 1723 г., въ честь короля Фридриха I, получилъ названіе Фридрихсгама (по фински Хамина). Торговлю Кареліи и сѣвернаго Саволакса пытались направить черезъ Вильманстрандъ въ Фридрихсгамъ. Съ этою цѣлью Фридрихсгаму дали стапельныя права Выборга, освободили на 15 лѣтъ отъ налоговъ и начали его укрѣплять. Но этимъ мало удовлетворяли внутреннія потребности края. Да и вообще слѣдуетъ сказать, что положенія того времени о торговлѣ не принесли особыхъ выгодъ Финляндіи.

Послѣ того, какъ Швеція лишилась значенія великой державы, первенствующей на сѣверѣ, она особенно много вниманія стала удѣлять внутреннимъ вопросамъ, въ надеждѣ, развитіемъ народнаго благосостоянія и умѣлымъ пользованіемъ своими естественными богатствами, вознаградить потери послѣдняго договора съ Россіей. Задачей времени поставлена была практическая польза и экономическое развитіе. Экономическое направленіе широко охватило государство и отразилось въ Финляндіи.—Фабричному производству Швеціи положилъ удачное начало Іонасъ Альстремеръ, выписавшій машины изъ Англіи. Увеличеніе матеріальныхъ средствъ сдѣлалось настолько общимъ стремленіемъ, что весь этотъ періодъ шведской исторіи одинаково называется и «временемъ свободы» и временемъ экономическаго интереса. Одна изъ причинъ перехода Швеціи отъ строго монархическаго управленія, развившагося до полнаго единодержавія, къ народному представительству, кроется въ надеждѣ достичь, при его содѣйствіи, блестящаго экономическаго положенія. Но такъ какъ королевская власть была слишкомъ ограничена и обобрана, то равновѣсіе нарушилось и въ результатѣ получалось привилегированное дворянство и покровительствуемая промышленность.

Заботы правительства и общія усилія населенія не пропали даромъ. Промышленность стала развиваться; у устьевъ рѣки Кюмени и въ другихъ мѣстахъ задвигались водяныя мельницы; въ разныхъ частяхъ края появились вѣтряныя мельницы, устроенныя по голландскому образцу. Стокгольмскій купецъ Михаилъ Хисингъ пустилъ въ ходъ желѣзный заводъ на Фагервикѣ. Съ прежняго времени въ Борго существовало льняное производство, въ которомъ принимало участіе 30 ткачей. Въ сѣверномъ Саволаксѣ и Кареліи простонародіе выдѣлывало чугунъ изъ озерной руды. Такимъ образомъ финскій народъ, принявшись за работу, исподволь сталъ покрывать разрушенія Великой Сѣверной войны всходами новой культуры. Успѣхъ давался не легко. Нерѣдко приходилось одолѣвать тяжелыя случайныя препятствія. Такъ, напр., въ 1729 г. цѣна на смолу понизилась заграницей, а осенью кораблекрушеніями причинены были значительныя аваріи. Лѣто 1730 г. выдалось необыкновенно «сухое». Разсказывали, что густой дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ далеко разстилался по морю, мѣшая плаванію.

Общее благосостояніе края начало увеличиваться. Объ этомъ можно судить, между прочимъ, по тому, что стѣснительныя мѣры противъ сельской торговли возобновились. Въ 1735 г. въ Гамлекарлебю состоялся съѣздъ торговцевъ морскихъ городовъ, на которомъ постановлено было преслѣдовать всякую недозволенную торговлю. Для этого посылались въ разъѣзды всадники, съ выданными отъ губернатора полномочіями прекращать противозаконныя дѣянія, подрывающія интересы городскихъ торговцевъ.

Послѣ 1738 и 1739 г.г. обстоятельства стали болѣе благопріятствовать финнамъ: нѣсколько хорошихъ урожаевъ богато вознаградили земледѣльцевъ за ихъ труды. Проекты и заявленія, представлявшіеся на риксдагахъ, свидѣтельствовали о томъ, что въ краѣ не было уже надобности бороться съ нуждою минуты, а можно было взирать съ надеждою на будущее.

Въ «періодъ свободы» разграниченіе интересовъ шведовъ отъ интересовъ финновъ производилось уже довольно замѣтно и дѣло дошло на риксдагскихъ дебатахъ до рѣзкихъ пререканій. Финны начали выступать съ ходатайствами о предоставленіи нѣкоторыхъ необходимыхъ правъ и удобствъ ихъ національнымъ потребностямъ. Правительство очень послѣдовательно старалось обойти все, что указывало на національный сепаратизмъ. Толчекъ задаткамъ національнаго движенія финновъ данъ былъ, вѣроятно, замѣтнымъ

усиліемъ шведскаго элемента послѣ Великой Сѣверной войны. Финны были отодвинуты болѣе, чѣмъ въ предыдущее столѣтіе.

Среди высшихъ классовъ населенія края шведскій языкъ пріобрѣлъ несомнѣнное преобладаніе, вслѣдствіе бѣгства въ Швецію и долгаго пребыванія тамъ многочисленныхъ семействъ. Ростъ шведскаго элемента среди горожанъ сказался на выборахъ депутатовъ въ риксдагъ 1726—1727 г.г. Горожане стараго Або выступили, какъ особая корпорація. На выборахъ возобладали финны. Но заболотированный шведскій кандидатъ Мертенъ не уступилъ и отправился на риксдагъ, гдѣ занялъ мѣсто, имѣя уполномочіе отъ 40 абоскихъ шведскихъ гражданъ. При провѣркѣ на риксдагѣ депутатскихъ правъ, онъ выхлопоталъ себѣ особое разрѣшеніе имѣть мѣсто и голосъ въ совѣщаніяхъ, какъ представитель шведскихъ горожанъ г. Або.—Шведскіе граждане Або состояли изъ штатныхъ чиновниковъ, господъ и выдающихся гражданъ, почему, пользуясь своимъ преобладающимъ положеніемъ, вмѣшивались даже въ выборы каппелана финскаго прихода Або, ссылаясь на то, что ихъ прислуга составляетъ почти половину прихожанъ. Къ финскимъ горожанамъ принадлежали мелкіе купцы, которые вели торговлю внутри края и въ Стокгольмѣ, а потому ихъ вліяніе не могло быть значительнымъ. Послѣ 1734 г. у финновъ г. Або почти не осталось надежды на проведеніе въ риксдагъ своего кандидата, такъ какъ съ этого времени избраніе депутатовъ предоставлено было 24 электорамъ, въ числю которыхъ попало только восемь финновъ.

Поднятію значенія шведскаго языка помогло также развитіе шведской литературы.—Кромѣ того, изъ Швеціи прибывало не малое число лицъ, искавшихъ должностей въ Финляндіи. Въ это время наблюдалось, что лица, рожденныя въ Финляндіи, не имѣли навыка объясняться на финскомъ языкѣ. Можно предположить, что соотвѣтственно тому, какъ шведскій элементъ выдвинулся впередъ въ Або, шведскій языкъ распространился и въ другихъ городахъ края.

На риксдагѣ 1731 г. финскіе крестьяне единогласно просили о назначеніи имъ судей, понимающихъ языкъ народа, или присяжныхъ переводчиковъ. Тогда-же финскіе пасторы ходатайствовали о томъ, чтобы постановленія присылались имъ на томъ языкѣ, на которомъ подлежали оглашенію по большинству состава прихода. Иначе говоря, они высказывали желаніе, чтобы законы публиковались съ церковныхъ кафедръ на родномъ

языкѣ преобладающаго населенія прихода. Правительство согласилось съ основательностію подобныхъ просьбъ и обѣщало, по мѣрѣ возможности, исполнить ихъ. По его распоряженію, часть постановленій, касавшихся правъ и обязанностей финскаго народа, была переведена пасторами финскаго прихода въ Стокгольмѣ. Раньше-же положеніе въ краѣ было таково, что большинство финскаго его населенія никогда не имѣло возможности ознакомиться съ новыми законоположеніями и королевскими постановленіями, такъ какъ ихъ передавали или устно, или изрѣдка въ рукописныхъ тетрадяхъ. На ненормальность такого порядка давно уже обращали вниманіе должностныя лица. За переводы законовъ на финскій языкъ для руководства народу высказались также королевскія комиссіи.—Такая гарантія противъ всякихъ случайностей особенно нужна была населенію, въ виду незнанія финскаго языка, должностными лицами, приходившими съ нимъ въ постоянное соприкосновеніе.

На риксдагѣ 1734 г. финны подняли вопросъ о переводѣ на ихъ языкъ вновь составленнаго и принятаго сеймомъ «общаго уложенія 1734 г.». Вопросъ объ этомъ возбуждался также и абоскимъ гофгерихтомъ. Ландсъ-секретарь Бьернеборгской губерніи Самуель Форсеенъ взялся за эту работу и окончилъ ее къ 1738 г. Переводъ Форсеена провѣрили разныя власти и отдѣльныя лица.—Въ 1759 г. законъ этотъ вышелъ изъ печати и сдѣлался впервые доступенъ финскому народу.

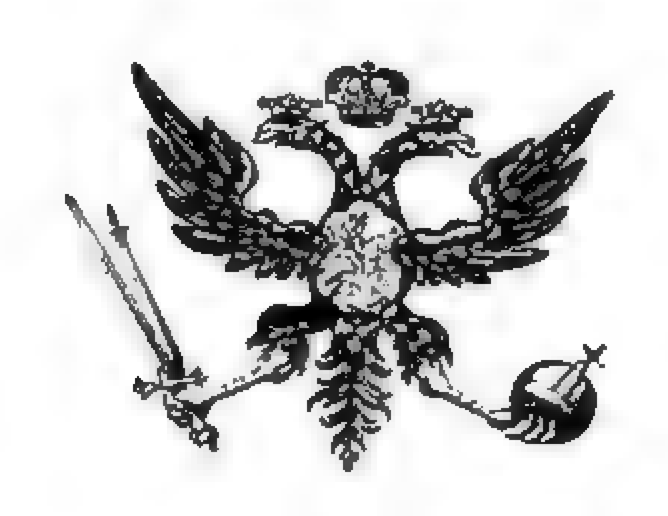
На риксдагѣ 1738—1739 г. съѣхалось особенно много финскихъ представителей: 7 пасторовъ, 15 горожанъ и 20 крестьянъ. Тутъ-же впервые находились депутаты отъ Верхней Кареліи. Такого количества представителей изъ Финляндіи обыкновенно не бывало. Они опять выдвинули на очередь вопросъ о знаніи судьями финскаго языка.—Пожеланіе это высказывалось не разъ на прежнихъ риксдагахъ, но практическое его осуществленіе представляло немало трудностей.—Переводчики являлись менѣе желательными, но и ихъ назначеніе сопряжено было съ значительными расходами. Въ секретной комиссіи риксдага завязались горячія пренія. Защитникомъ финскихъ интересовъ выступилъ абоскій купецъ Вехтеръ, который добивался назначенія служащихъ изъ лицъ, знакомыхъ съ языкомъ народа, находя, что въ противномъ случаѣ населеніе будетъ страдать отъ несправедливостей. Члены секретной комиссіи сошлись во мнѣніяхъ на томъ, что при соисканіи должностей въ Финляндіи, при одинаковыхъ заслу-

гахъ и способностяхъ, справедливо отдавать преимущество лицамъ, лучше владѣющимъ финскимъ языкомъ. Относительно-же практическаго примѣненія этого принципа сильно высказался президентъ абоскаго гофгерихта (1729—1738) Самуэль Окергіельмъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей періода свободы.—Онъ спросилъ, насколько такое постановленіе имѣетъ въ виду воспрепятствовать шведскимъ людямъ полученію должностей въ Финляндіи. Ограниченій для шведовъ ему, конечно, нежелательно было допустить. Затѣмъ Окергіельмъ указалъ на то, что въ Нюландскихъ и Эстерботнійскихъ шхерахъ преобладаетъ шведскій языкъ, что въ Финляндіи не было пастора, короннаго фохта, ленсмана и унтеръ-офицера, которые-бы не знали вмѣстѣ съ шведскимъ языкомъ также и финскій. А потому создавалась надобность въ знаніи народнаго языка только для судей, лагмановъ и низшихъ должностей края. Если не допускать къ должностямъ Финляндіи шведовъ,—говорилъ онъ,—то это вызоветъ «недоразумѣніе между обѣими націями, кои не пройдутъ безъ слишкомъ большаго вреда для всего государства». Далѣе ораторъ напомнилъ, что въ Швеціи всегда имѣли въ виду слить финновъ со шведскимъ элементомъ путемъ колонизаціи, шведскихъ законовъ и учрежденій. Если это не осуществится и если остальныя провинціи, подобно Финляндіи, предъявятъ подобныя-же требованія, то въ скоромъ времени можно ожидать, что возникнетъ столько республикъ, сколько имѣется провинцій. Эліасъ Вехтеръ возразилъ, что его предложеніемъ не имѣлось въ виду отстраненія шведскихъ людей отъ должностей Финляндіи, но Окергіельмъ остался при мнѣніи, что дѣло идетъ о неосновательныхъ домогательствахъ.

На слѣдующемъ засѣданіи еще разъ возникъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ шведской и финской «націй», какъ тогда выражались. Генрихъ Вреде сказалъ, что хотя онъ финнъ и владѣетъ имѣніемъ въ Финляндіи, но тѣмъ не менѣе не рѣшается дѣлать какого-либо различія между интересами Швеціи и Финляндіи; точно также онъ находилъ, что Финляндія не въ правѣ жаловаться на неполученіе помощи отъ Швеціи. «Тѣмъ не менѣе,—прибавилъ онъ, очевидно, намекая на Эліаса Вехтера,—ходятъ слухи, что нѣкоторыя «гнилыя яйца» среди финновъ говорятъ, что если съ нами будутъ такъ обращаться, то они соединятся съ русскими и дадутъ шведамъ почувствовать свою силу». Вехтеръ настаивалъ, чтобы это выраженіе было исключено изъ протокола, но Вреде сохранилъ его.

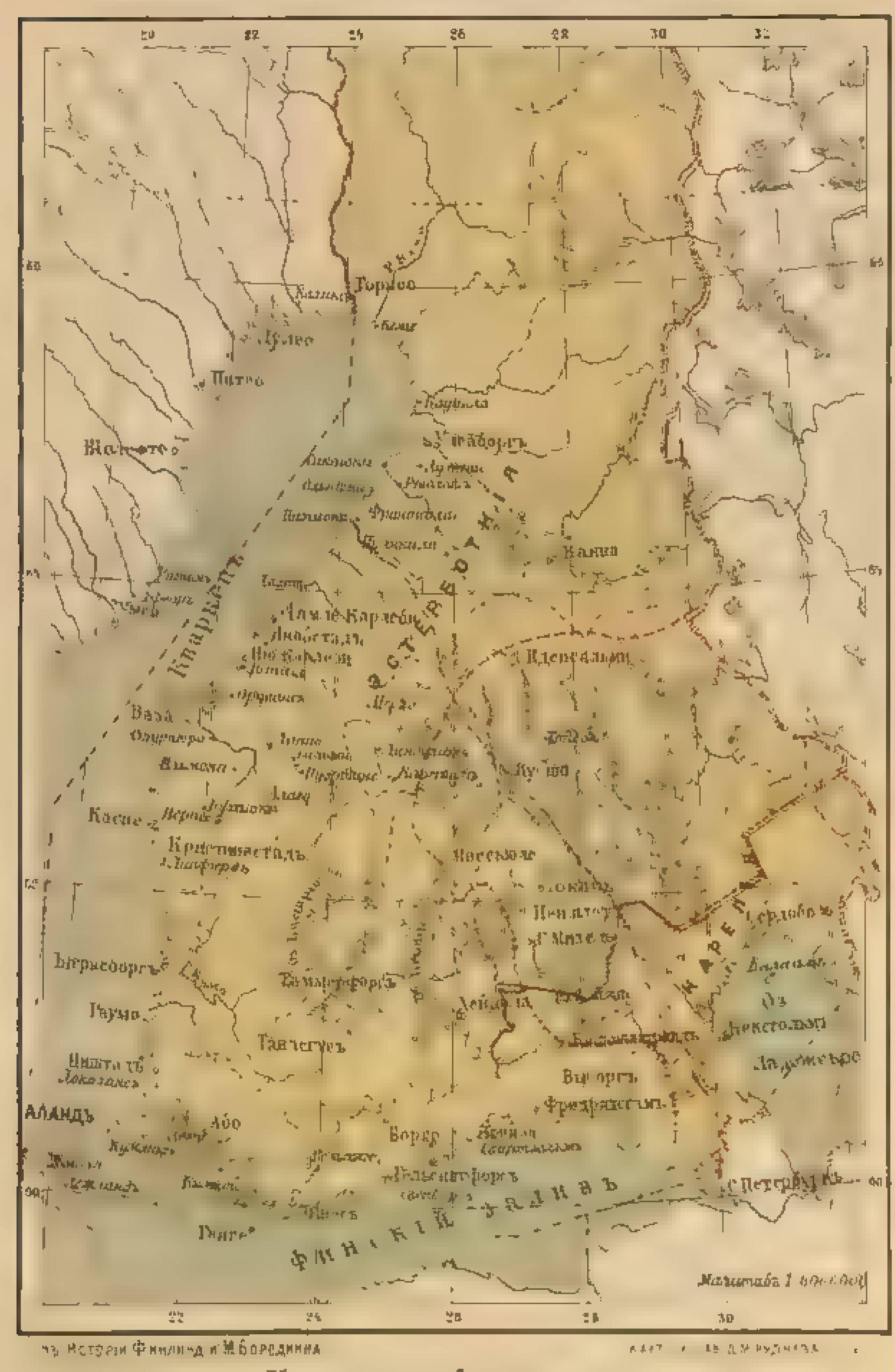
Немало встревожила Окергіельма также петиція герадскаго округа Піикисъ объ учрежденіи для Финляндіи должности особаго генералъ-губернатора и отдѣльной камеръ-коллегіи. Она показывала, что среди финновъ просыпалась критика отношеній ихъ родины къ Швеціи. Всѣ эти пренія замѣчательны тѣмъ, что они впервые перенесли интересы финскаго языка въ политическое собраніе.

Вопросъ, послѣ этихъ дрязгъ среди финляндскихъ депутатовъ, въ сущности провалился, хотя правительство и дало на нихъ спокойный отвѣтъ. Резолюція на прошеніе (отъ 16 марта 1739 г.) народныхъ представителей гласила: «Его Королевское Величество склоненъ замѣщать судейскія и другія должности въ Финляндіи лицами, знающими финскій языкъ, насколько обстоятельства и служебныя способности подлежащихъ лицъ будутъ тому содѣйствовать».—Эта оговорка на практикѣ лишила королевское постановленіе почти всякаго значенія и, по мѣрѣ того, какъ улучшалось и крѣпло положеніе шведскаго правительства оно менѣе всего заботилось о финскомъ языкѣ своихъ административныхъ и судебныхъ членовъ.

КАРТА ФИНЛЯНДІИ

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ГРАНИЦЪ РОССІИ И ШВЕЦІИ ПО РАЗНЫМЪ ДОГОВОРАМЪ

Изъ Исторіи Финлянд. М. Бородкина

Условные знаки границъ:

Границы до 1323 г.
— по Ореховецкому и Тявзинскому договорамъ 1323 по 1595 г.
граница 1323 г. согласно Atlas de Finlande 1899.

Границы по Выборгскому договору 1609 г.
— по Столбовскому миру 1617 г.
— по Ништадтскому миру 1721 г.
— по Абоскому договору 1743 г.
— по Фридрихсгамскому миру 1809 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Вѣчный работникъ на тронѣ.—Причины Великой Сѣверной войны.

1. С. С. Татищевъ. Изъ прошлаго Русской Дипломатіи. СПБ. 1890 г., стр. 9.

2. Разсужденіе какія законныя прічины Его Царское Величество Петръ Первый Царь и Повелітель Всероссійскій и протчая: къ начатію войны противъ Короля Карла 12 Шведскаго 1700 году имѣлъ (Баронъ Шафировъ). Лѣта Господня 1716 г.

3. К. Валишевскій, стр. 89.

4. Записки Вебера. Рус. Арх. 1872.

5. Записки гр. Миниха, стр. 21.

6. Записки Вебера. Рус. Арх. 1872, IX, стр. 1694. Основаніе СПет-га 1710—1711 г., стр. 28.

7. В. Строевъ. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ. I, 55.

8. И. С. Тургеневъ. «Хорь и Калинычъ».

9. L'Empire des Tsars. Леруа Болье. I, 34.

10. Балтійскій вопросъ. Спб. 1907 г., стр. 1.

11. Архимандритъ Сергій: «Черты церковно-приходскаго и монастырскаго быта въ писцовой книгѣ Водской пятины 1500 г.» Спб., 1905 г. и атласъ къ этому изслѣдованію.

12. Новгород. лѣт. 7; 68.

13. О. Далинъ; II, 263. Экземплярскій. Великіе и удѣльные Князья Сѣверной Руси. СПБ. I, 34, 36.

14. Бѣляевъ. О географич. свѣдѣніяхъ въ древн. Россіи, стр. 37.

15. К. Ленстремъ. О мирныхъ договорахъ между Россіей и Швеціей въ XIV ст. СПБ. 1855 г., стр. 7. Ленстремъ ссылается на Гильдебранта-Diplomatorium, III т. 2, часть.

16. Новгородск. лѣтопись, изд. 1781 г., стр. 168.

17. Я. Гротъ. Орѣховецкій договоръ, СПБ. 1877 г., стр. 6.

18. С. Елагинъ. Морской Сборн.

19. С. Соловьевъ. т. III (изд. Общ. Пользы). К. Ординъ. Покореніе Финляндіи. изд. 1. т. I, 55—56.

20. С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Вел., СПБ. 1903, стр. 34.

21. С. Соловьевъ, т. III, 1238 стр. Ключевскій, IV, 24.

22. Альбертъ Сорель—Европа и франц. революція т. I, 399.

23. (K. Waliszewski, 3 del, 1 bok., 318).

24. Ист. Петра Вел.—профес. А. Г. Брикнера, СПБ. 1882, 396 стр.

25. Письма Петра Вел., т. I, 307.

26. Sjögren, Karl XII, стр. 127.

27. Рукопись. Воен. Сборн. 1892, Іюль.

28. Полн. Сбор. Зак., IV, 1811.—Соловьевъ XIV, 347, письма и бумаги Петра В., I, 8, 308.

29. Рукопись библіотеки Главн. Штаба 1720 г., стр. 35. Воен. Сборн. 1892, іюль).

30. Ѳед. Ст. Салтыковъ посовѣтовалъ Петру повелѣть написать, подъ наблюденіемъ сената «исторію властную царскаго величества» и перевесть ее на иностранные языки, для опроверженія «непріятельскихъ сосѣдственныхъ историковъ и на похвалу вѣчную» государю.—Нѣкоторыми мыслями Салтыкова воспользовался Шафировъ, которому повелѣно было царемъ составить «Разсужденіе». Главная мысль первой части, что шведская война начата была Россіей «для отыманія наслѣдственныхъ отеческихъ провинцій», принадлежитъ Салтыкову.

(Н. Павловъ-Сильванскій. Проэкты реформъ стр. 48 и слѣд.).

Салтыковъ стоялъ на томъ, что на Карелію, Ингрію, часть Лифляндіи и Эстляндіи «Корона шведская не имѣла истиннаго и стараго отечественнаго наслѣдства, но похитила (въ древнія времена) безъ всякой претензіи». Салтыковъ доказывалъ, что Карелія издревле принадлежала великимъ князьямъ и царямъ россійскимъ.

31. Хозяйство Швеціи, проф. Берендтсъ, стр. 411—412.

32. Рѣчь Оскара II о Карлѣ XII.

33. Въ 1698 г. былъ заключенъ договоръ въ Стокгольмѣ съ Эренкрейцомъ объ изготовленіи 288 чугунныхъ пушекъ. Елагинъ. Исторія рускаго флота. Прилож. ч. I, 399—401.

34. Рѣчь короля Оскара II о Карлѣ XII.

35. В. Баскаковъ. Сѣверная война 1700—1721 г.г., Кампанія отъ Гродно до Полтавы. СПБ. 1890, вып. I, стр. 68.

36. Рукопись. Объ образованіи шведской арміи. Переводъ съ французскаго.

37. Проф. Берендтсъ. Государств. Хозяйство Швеціи, т. 1, 419.

38. Sjögren. Karl XII, стр. 102 и 187.

39. Онъ не состоялъ въ родствѣ съ финляндскими Горнами.

40. Въ 11 час. 19 ноября шведы показались въ виду русскихъ. Началась перестрѣлка. Король, усмотрѣвъ, что русскіе не выходятъ изъ окоповъ, приготовился къ атакѣ. Въ 2 часа дня начался штурмъ. Правымъ флангомъ шведовъ, гдѣ находилась большая часть финской кавалеріи—командовалъ Веллингъ. Большая часть финской пѣхоты находилась на лѣвомъ флангѣ. Герцогъ де-Круа, командовавшій нашими войсками, принялъ армію шведовъ лишь за авангардъ. Во время атаки внезапно поднялась сильная метель, несшая снѣгъ въ лицо русскихъ, залѣпляя имъ глаза. Центръ и лѣвое крыло русскихъ были смяты. Отступившіе стѣснили кавалерію Шереметева, которая въ началѣ же сраженія обратилась въ бѣгство и бросилась въ рѣку, надѣясь переплыть ее. Изъ 5 тыс. утонуло 1.000 чел. Завязался сильный рукопашный бой. Все пришло у насъ въ полный безпорядокъ и охвачено было паническимъ страхомъ. Только на правомъ флангѣ стойко отражали непріятеля преображенцы и семеновцы. Русскіе, видя столь быстрое свое пораженіе, подозрѣвали, что иноземцы измѣнили, почему пришли въ такую ярость, что де-Круа и другіе офицеры вынуждены были искать защиты у шведовъ. Наступилъ туманный и холодный осенній вечеръ. Бой прекратился за темнотой.

Въ шведскомъ лагерѣ всѣ были изнурены, полки разрознились; часть солдатъ разбрелась за добычей; «бывшіе въ шведскихъ войскахъ финскіе солдаты, разграбивъ русскія землянки, перепились найденнымъ въ нихъ виномъ, перессорились и начали стрѣлять другъ въ друга». (Городъ Нарва, А. В. Петровъ, СПБ. 1901, стр. 233. Записки Аллартъ, 130—131).

Начались переговоры о сдачѣ. Шведы обѣщали русской арміи свободное отступленіе съ ружьями и знаменами, но безъ артиллеріи. Однако, подъ тѣмъ предлогомъ, что русскіе утаили казну, король задержалъ военно-плѣнными кн. Якова Долгорукаго, кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго, Автонома Михайловича Головина, Вейде и 73 офицера. Кромѣ того, у отряда ген. Вейде шведы отняли ружья и часть одежды. Плѣнниковъ отправили въ Стокгольмъ. «Герои знамениты великодушіемъ»—сказалъ Петръ,—«но у шведовъ его не оказалось».

(Разсказы Нартова стр. 43).

Противъ этого вѣроломнаго захвата русскихъ генераловъ и офицеровъ, Петръ впослѣдствіи энергично протестовалъ при иностранныхъ дворахъ, но напрасно.

Результаты погрома при Нарвѣ оказались для русскихъ весьма печальными. Потеря людьми достигла до 6 тыс., вся почти артиллерія, т. е. около 145 орудій и огромное количество нашихъ знаменъ очутились въ рукахъ шведовъ. Шведы лишились 2 тыс. воиновъ.

Въ 1900 г. на Нарвскомъ полѣ поставленъ памятникъ «Героямъ предкамъ», павшимъ въ бою 19 ноября 1700 г.—Поставили л.-гв. Преображенскій, л.-гв. Семеновскій и 1 батарея л.-гв. 1 Артиллерійской бригады.

41. Извѣстный Вольтеръ утверждаетъ въ своей исторіи Карла XII, что большинство русскихъ войскъ состояло изъ дикихъ, извлеченныхъ изъ лѣсовъ, покрытыхъ звѣриными кожами и вооруженныхъ дубинами.

42. Офицеръ бомбардирской роты Преображенскаго полка Янъ Гуммертъ измѣнилъ и перебѣжалъ въ Нарву; все войско было растянуто на 7 верстъ; развѣдочная служба была плачевна; путь отступленія находился только за однимъ правымъ флангомъ. По единогласному свидѣтельству Гуммерта и саксонскаго инженера Галларта, бывшихъ

въ нашихъ войскахъ,—среди осаждавшихъ не наблюдалось порядка, не было знанія, отсутствовали необходимѣйшія средства. «Апроши всѣ готовы, всѣ батареи завтра могутъ открыть огонь, — произнировалъ де-Круа,—недостаетъ только бездѣлицы—ядеръ, бомбъ и тому подобнаго». Въ бою же Герцогъ де-Круа поспѣшилъ сдаться въ плѣнъ,чтобы не быть убитымъ своими солдатами.

43. Журналъ Петра Вел.; стр. 17—18. Петръ послалъ войско къ Нарвѣ учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разсчеты. (С. Соловьевъ. Публичн. лекція о Петрѣ Вел.).

Естественнымъ является также слѣдующее соображеніе: или царь не ожидалъ нападенія втрое слабѣйшаго врага и потому свободно удалился для распоряженій въ тылу арміи, или онъ проявилъ замѣчательную проницательную чуткость. Сраженіе, проигранное самимъ царемъ, нравственно усугубило бы проигрышъ. Царь являлся послѣднимъ резервомъ, а израсходовать его еще не приспѣло время. Работа въ тылу ждала очереди. (М. Марченко, Воен. Сбор. 1903, май, стр. 28). Этими соображеніями, быть можетъ, объясняется спокойное отношеніе Петра къ Нарвскому погрому. Нельзя не отмѣтить еще, что, въ теченія большей части Сѣверной войны, Петръ держится въ тылу арміи, завѣдуя тамъ технической частью войны: набираетъ рекрутъ, готовитъ запасы, строитъ корабли, возводитъ фабрики, озабоченъ отливкой орудій и т. п.—Онъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-провіантмейстеръ, корабельный оберъ-мастеръ. Начиная съ Лѣсной—мы видимъ его выдвигающагося впередъ съ высоко-поднятой шпагой главнокомандующаго. (См. еще В. Ключевскій, IV, 33).

44. Журналъ Петра Вел., стр. 23—24.

45. На медали съ его изображеніемъ было написано: «Истина превосходитъ вѣроятіе», «наконецъ правое дѣло торжествуетъ». Надъ Петромъ смѣялись. На другой медали русскихъ изобразили бѣгущими отъ Нарвы; въ числѣ ихъ видѣлся и Петръ; его шпага брошена, шапка падаетъ съ головы, а платкомъ онъ утираетъ слезы. Надписи гласили: «Бѣ-же Петръ стоя и грѣяся», «Изшедъ вонъ, плакася горько».

46. Журналъ Петра Вел., стр. 24.

47. Рѣчь короля Оскара II о Карлѣ XII.

48. Sveriges historia—utgifven af Emil Hildebrandt, häft 68, стр. 255.

II. Борьба за Неву.

49. С. Соловьевъ. Лекція о Петрѣ Вел.

50. Рус. Арх. 1872, VI, стр. 1067.

51. Н. А. Павловъ-Сильванскій. «Проекты реформъ». Спб. 1897, стр. 14. См. также «Матер. для ист. флота, т. I, №№ 366, 370, 398, 415 и др. Эренмальмъ.

52. Förh. o. Uppв., III, 1888, стр. 135.

53. В. Баскаковъ. Сѣверная война. 1700—1721. Спб. 1890 г., стр. 14—53.

54. Рус. Арх. 1872, VI, стр. 1078 и 1102.

55. Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по рус. исторіи. Спб. 1910, стр. 380—381.

56. В. Ключевскій, проф.—Курсъ рус. исторіи М. 1910, ч. IV, 88.

57. Проф. Масловскій. Сѣверн. война, вып. I, ст. 31, письмо № 4.

58.—П. С. Зак. № 1977.

59. Тимченко-Рубанъ въ своей книгѣ «Первые годы Петербурга» очень обстоятельно разработалъ военно-историческій обзоръ войнъ 1701—1708 г.г., происходившихъ за обладаніе потокомъ Невы. Его изслѣдованіемъ мы преимущественно и пользуемся, описывая эти событія, въ виду того, что Т.-Рубанъ составилъ его по архивнымъ первоисточникамъ. Кромѣ того, говоря о Нотебургѣ, мы имѣли въ виду изслѣдованіе А. П. Кроткова «Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ» въ 1702. Спб. 1896.

Въ 1701 г. шведы проявили непріятельскія дѣйствія въ Бѣломъ морѣ. Объ этомъ разсказалъ Кемскій городской житель Иванъ Тимофѣевъ, находившійся въ плѣну у шведовъ. «Воровская Свѣйская яхты парусомъ подошла въ морѣ къ рыбопромышленникамъ и обманомъ захватила ихъ лодки. Шведы выразили желаніе купить трески. Торговцы довѣрились имъ, подали съ своихъ судовъ веревки на яхту. Съ яхтѣ на судно сошло пять человѣкъ «воровскихъ людей», которымъ потомъ съ яхты передали «сабли да шпаги». Благодаря тому, что шведскіе солдаты оказались вооруженными, они заставили промышленниковъ перейти на яхту, куда затѣмъ безъ труда перенесли парусъ, хлѣбъ, бочки съ квасомъ и уловъ рыбы. Объ этомъ см. «Архангельскій историческо-литературный сборникъ». Изд. Флѣгонта Вальнева, Спб. 1844 г., стр. 229 и слѣд.

Разсказъ составленъ по неизданной рукописи.

60. Тимченко-Рубанъ.—Веселаго—Краткія свѣдѣнія о рус. морскихъ сраженіяхъ.

61. Тимченко-Рубанъ. См. также «Осударева дорога» В. Мегорскаго. Петрозаводскъ 1903.

62.—Тимченко-Рубанъ.

63. Письмо П. Апраксина къ Царю 10 авг. 1702 г.

64. Ирье-Коскиненъ. Истор. Финл. на шведскомъ языкѣ, стр. 316.

65.—Письма и бумаги Импер. Петра Великаго I, 388.—С. Елагинъ Морской Сборн.

66. Тимченко-Рубанъ (Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго; отд. II, кн. 2, л. 48, 51, 58 и Журналъ Шереметева, стр. 118). Веселаго. Очеркъ рус. морской. исторіи, 150—154.

67. Журналъ или Поденныя записки.

68. Бобровскій. Завоеваніе Ингріи. Спб. 1891, стр. 18—М, Шюбергсонъ. Исторія Финл. на швед. яз.

69. Карлъ Шёгренъ. Карлъ XII, стр. 190 (на швед. яз.).

70.—Adlerfeld, I, стр. 331.

71. По шведскимъ источникамъ русскіе дважды были отбиты.

72. За взятіе Нотебурга герой штурма кн. Мих. Мих. Голицынъ—подполковникъ Преображенскаго полка, былъ награжденъ полковникомъ, получилъ 300 дворовъ и 3.000 рублей; маіоръ Карповъ—получилъ чинъ подполковника, 150 дворовъ, 1.500 р.; капитаны—по 300 р., поручики по 200 р., прапорщики по 100 р., сержанты по 70 р., капралы по 30 руб. Сверхъ того всѣхъ начальныхъ велѣно было повысить чиномъ и жалованьемъ.

Феіоверкъ по взятіи Нотебурха въ Москвѣ, въ 1703 г. Генваря 1 дня. Существовала еще «Совершенное описаніе огненной потѣхи, которая послѣ счастливаго похода Державнѣйшаго Государя и Царскаго Величества 1703 г. мудрено и изрядно зажжено и объявлено Генваря въ 1 день 1704 г.».

Такіе фейерверки сожигались послѣ Полтавской баталіи и при др. случаяхъ.

73.—Письма и бумаги Императора Петра Великаго II, 96.

74.—Записки гр. Миниха, стр. 15.

75.—Рус. Арх. 1872, VI и VIII, стр. 1335.

76. Журналъ Петра Великаго, стр. 61. Разсказы Нартова; стр. 25.—П. Бобровскій.

77. По М. Шюбергсову это происходило въ Мартѣ. Отрядъ въ 4 тыс. Шереметева на лыжахъ истребилъ отрядъ въ 600 чел. маіора Карла фонъ-Бургаузена около Кекогольма—дер. Липола.

78. Карлъ фонъ-Бонсдорфъ. Ніенъ и Ніеншанцъ. Гельсингфорсъ, 1891 г. Отчетъ проф. Форстена въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1892 г. V. См. еще Нева и Ніеншанцъ. А. I. Гиппингъ Спб. 1909 г. Двѣ части.

79. Кн. Н. В. Голицынъ. Къ 200 лѣтію основанія Петербурга. Спб. 1903 г., стр. 5—6.

80. Тамъ же, стр. 6.

81. Тамъ же, стр. 6.

82. Ап. Кротковъ, 10 стр.

83. Ап. Кротковъ, 170 стр.

84. Nordmann, Forh. o. upps., 2, стр. 119.

85. Lagus; Viborg under Stora ofreden, 13.

86. Рус. Арх. 1872, VI, 1104.

87. Веселаго, ч. I, 156.

88. Тимченко-Рубанъ. Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. 24, л. 40.

89. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Изд. Л. Н. Майкова. Спб. 1891 г., стр. 21—22.

90. Лейтен. Мордвиновъ.—См. также «Новая Книга К. Скальковскаго. Спб. 1904, стр. 389.

91. Устряловъ—IV, 2.—606.

92. Первыя Рус. Вѣдом. 1703 г.

93. Журналъ Петра Великаго, стр. 69. Описаніе С.-Петербурга въ 1710—1711 г.г. Разсказъ очевидца. Спб. 1882, стр. 5.

94.—Морской сборникъ 1854, т XIII. Б. Мансуровъ.

95. Описаніе С.-Петербурга въ 1710—1711 г., стр. 5.

96. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, т. II, 216. Тимченко-Рубанъ, стр. 162.

97. Lagus, стр. 18.

98. Описаніе С.-Петербурга, стр. 35.

99. Рус. Арх. 1872, VI, 1103 и др. Такъ создался Петербургъ «сколоченный въ одинъ вѣкъ», Петербургъ—любимое дитя сѣвернаго великана, городъ, который впослѣдствіи не пріобрѣлъ ничего оригинальнаго и самобытнаго, а явился воплощеніемъ общаго, похожимъ на всѣ европейскіе города, городъ безъ сердечной связи съ той страной, представителемъ котораго онъ явился. «Въ судьбѣ его есть что-то трагическое, мрачное и величественное». Петръ создалъ его въ то время, когда не считался съ особенностями и умной стариной своей родины, когда проникся убѣжденіемъ, что спасеніе Россіи въ томъ, чтобы перестать быть русской. А. И. Герценъ, т. IV, стр. 52—57. Столица, гдѣ не прижился

патріотизмъ, гдѣ оффиціальныя газеты печатаются по-русски, по-французски и по-нѣмецки. Петербургъ—это воплощеніе всѣхъ пристрастій и антипатій Петра.... его ненависти къ странѣ и его страха передъ глухой враждой старой столицы» (П. Милюковъ).

100. Ирье-Коскиненъ, стр. 318.

101. Кн. Н. В. Голицынъ, стр. 7.

102. Тимченко-Рубанъ.—Масловскій. Документы Сѣверной войны, стр. 327. Adlerfeld, t. I: p. 425—426 опредѣляетъ русскій отрядъ въ 25.000.

103. М. Шюбергсонъ.

104. Тимченко-Рубанъ, 88 и др. Журналъ Петра Великаго, стр. 70—71. Письмо Петра къ кн. Ф. Ю. Ромодановскому отъ 12 іюля 1703 г. (Госуд. Арх.—Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. 24, л. 47).

105. Тимченко-Рубанъ (Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 2, л. 543).

106. Lagus.

107. М. Шюбергсонъ.

108. Тимченко-Рубанъ, 98. Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 2, л. 550.

109. Журналъ Петра Великаго, стр. 78.

110. Тимченко-Рубанъ; 107. М. Шюбергсонъ говоритъ, что Майдель встрѣтилъ два «непріятельскихъ» (т. е. русск.) отряда и оба имъ были разбиты.

111. Тимченко-Рубанъ, стр. 109.

По шведскимъ даннымъ, Майдель дошелъ до Петербурга 13 іюля, но противный вѣтеръ воспрепятствовалъ прибытію флота, а попытка переправы черезъ широкую и быструю Неву не удалась генералу, почему онъ вынужденъ былъ вернуться (М. Шюбергсонъ).

112. Тимченко-Рубанъ.

113. Тимченко Рубанъ, стр. 112.

Устряловъ. Матеріалы, т. IV, ч. 2, стр. 317.

114. М. Шюбергсонъ.

115. Очеркъ рус. морской исторіи, ч. I (Веселаго) Спб. 1875, стр. 159—161.

116. Впослѣдствіи, когда возникли укрѣпленія Кронштадта, Царь сказалъ: «Въ Петербургѣ спать будемъ спокойно» (Разсказы Нартова; стр. 44).

117. С. Елагинъ.

118. Дневникъ Берхгольца, III, 231.

119. Письма и бумаги Петра Великаго т. II, стр. 166.

120. Тамъ-же, т. II, 169.

121. Тамъ-же, т. III, 747. Марченко, Петръ Великій, стр. 43.

122. Журналъ Петра Великаго, стр. 101 и слѣд.

123. Тимченко-Рубанъ — 127—139. — Веселаго—171—175.

124. Журналъ Петра Великаго, стр. 112.

125. Тимченко-Рубанъ, стр. 139.

126. Тамъ-же, стр. 142—143.

127. М. Шюбергсонъ.

128. Журналъ Петра Великаго, стр. 105.

129. Тимченко-Рубанъ; 175 стр.—Госуд. Арх.—Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 4-ая, л. л. 140 и 141.

Отъ Нарвы къ Полтавѣ.

130. Lagus, Några förhållanden i Wiborg under Stora ofred. för. skede. sid. 23.

131. Gabr. Lagus. Några förhållanden i Wiborg under Stora ofredens första skede Wiborg, 1887, s. 12.

132. Lagus, стр. 38.

133. Витвортъ. Сборн. рус. Импер. Истор. Общ. т. XXXIX.

134. Lagus, s. 32.

135. Ирье-Коскиненъ; стр. 321.

136. Военная исторія Д. Бутурлина, Спб. 1820, т. II, стр. 99.

137. По Ирье-Коскинену — 1097 бомбъ (стр. 322).

138. Зах. Топеліусъ.

139. Сборн. рус. Импер. Истор. Общ. т. XXXIX. (Донесенія Витворта). Тимченко-Рубанъ 183 и др. Журналъ Петра Великаго, стр. 135—137. Д. Бутурлинъ. т. II, 96—104.

140. Litteraturbladet 1852, № 2.

141. Lagus, s. 36—37.

142. Бомбардиры и сержанты являлись близкими сотрудниками Царя во время Сѣверной войны и исполнителями самыхъ разнообразныхъ его порученій.

143. Журналъ Петра Великаго, стр. 136. Веселаго—стр. 181. Устряловъ, прилож. къ т. IV, № 20 Голиковъ. XI, № 646, 195.

144. Тимченко-Рубанъ, 191. (Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 7. л. 11 и 172).

145. Письма и бумаги Петра Великаго, т. I, № 382.

146. Д. Масловскій—Матеріалы къ исторіи воен. искусства, Москва, 1889 г., стр. IX и письма и бумаги Петра Великаго, I, 459 и 873.

147. Веселаго, 188. Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. I, кн. 19, л. 163, кн. 20, л. 4, отд. II, кн. 7, л. л. 22, 38, 45, 46 и 164.

148. Historisk Tidskrift. Stockholm 1889 häftet 3, ss. 257—261.

149. Тимченко-Рубанъ, 196. Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 7, л. 62, 65, 59 и 70.

150. Historiallinen arkisto, XI Hels-fors 1891, ss. 349—357, статья S. g. Elmgren.

151. Свв. Арх. 1825, VIII, 320.

152. Тамъже, стр. 319—320. Сборн. Рус. Импер. Истор. Общ. т. XXXIX, 110 Adlerfel'd, III, p. 545.—М. Шюбергсонъ.

153. По условіямъ Альтранштадтскаго договора, Августъ II отдалъ часть саксонскихъ войскъ въ распоряженіе Карла XII.

154. Сборникъ Военно-Истор. матер., вып. V, стр. 31.

155. Тимченко-Рубанъ, 207—208. Журналъ Петра Великаго, стр. 174—177; Госуд. Арх.—Кабинетъ Петра Великаго, отд. II, кн. 7, л. л, 106, 114 и 115.

156. Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота въ 1710—1711 г.г. Разсказъ очевидца. Спб. 1882, стр. 12.

157. Всеобщая исторія. Лависъ и Рамбо, М. 1899, т. VI. стр. 703.

158. Изъ недавно напечатаннаго въ Швеціи дневника Пипера, мы узнаемъ слѣдующее: «Его Императорское Величество Петръ Великій меня спросилъ, не далъ-ли Мазепа намъ (шведамъ) повода повернуть назадъ и отправиться въ Украйну. Я увѣрилъ, что мы никогда раньше не находились въ перепискѣ съ нимъ, пока мы не вошли настолько глубоко въ Украйну, что Его Королевское Величество уже стоялъ со своей арміей у перешейка .. и онъ подчинился Его Королевскому Величеству.—Такъ вы, значитъ, черезъ поляковъ получили отъ него приглашеніе вступить въ Украйну? спросилъ царь.—Тоже нѣтъ,—отвѣтилъ я,—Мазепа намъ былъ совершенно неизвѣстенъ до тѣхъ поръ, пока онъ не прислалъ къ намъ въ указанное мѣсто посла, съ порученіемъ къ королю, что онъ готовъ ему подчиниться. (Дневникъ Пипера, стр. 14).

159. Н. Барсуковъ. (о Погодинѣ), VIII, 147.

160.—Проф. В. Герье.—Древн. и Нов. Россія, 1876 г. № 6.

161. Труды Импер. Рус. Воен.-Историч. Общ.—Спб. 1909 г. т. III, стр. 284.

162. Рѣчь короля Оскара II о Карлѣ XII.

163. Шведы потеряли при Полтавѣ 9.000 убитыми и ранеными, около 3.000 плѣнныхъ, 137 знаменъ и штандартовъ, 4 пушки, обозъ. Русскіе потеряли 1.344 убитыми и 3.300 ранеными, итого 4.644. Отрядъ Меншикова (въ 9 тыс. чел.) у Переволочны взялъ еще 5.000 пѣхоты, 9.000 кавалеріи, 32 орудія и 142 знамени Итого 17 тыс. плѣнныхъ и 289 знаменъ. По другимъ свѣдѣніямъ 19 тыс. плѣнныхъ и 264 знамени.

164. Рѣчь короля Оскара II.

165. Як. Гротъ. Труды, т. IV, 157—159.

166. Воен. Сборн., 1895.

167. Разсказы Нартова, стр. 80.

168. Проф. Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, стр. 93—100.

169. Тамъ-же, ч. II, стр. 97 и 98.

170. Труды Импер. Рус. Воен.-Историч. Общ.—И отчетъ о нихъ М. Соколовскаго.

171. Письмо бар. Гольберга къ пріятелю о сравненіи Александра Вел. съ Карломъ XII, С.-пб. 1788, стр. 23.

172. Проф. В. Герье.—Древ. и Нов. Россія, 1876, № 6.

173. Отзывъ Норденсвана.

174. Рѣчь короля Оскара II о Карлѣ XII.

175. Проф. В. Герье. Древн. и Новая Россія.

176. Шведскій полковникъ Біельке.

177. Слова Петра В.—Разсказы Нартова, стр. 68 и 82.

178. Воен. Сборн. 1895, т. CCXXII.

179. Проф. В. Герье.

Карлъ XII, говоритъ шведскій историкъ, прославился девятилѣтними побѣдами: Петръ I—знаменитыми подвигами, столько же времени продолжавшимися и предпринятыми для образованія воинства, которое желалъ поставить на ряду со шведскимъ. Одинъ распространилъ свои владѣнія; другой—просвѣтилъ подданныхъ. Карлъ любилъ вдаваться въ опасности, и сражался только для славы: Петръ, не страшась никакихъ опасностей, воевалъ для пріобрѣтенія существенныхъ выгодъ своему Государству. Монархъ шведскій безъ разборчивости осыпалъ щедротами своихъ любимцевъ; Россійскій—раздавалъ милости съ какимъ нибудь намѣреніемъ, сообразнымъ съ опытною Его прозорливостью.

Карлъ былъ наименованъ непобѣдимымъ, но одна минута лишила его толь громкаго титла. Европа единогласно приписала Петру имя Великаго, которое и отъ проигранныхъ

имъ сраженій, нимало не утратило своего блеска: не побѣдамъ, но величію души Онъ одолженъ былъ симъ блистательнымъ преимуществомъ. И отважность была не одинакова въ двухъ знаменитыхъ Соперникахъ. Карлъ потерялъ жизнь, которую толь часто подвергалъ опасностямъ,—и Швеція лишилась только героя: истощенная въ силахъ и деньгахъ, хотя не скоро, но умѣла она вознаградить свою утрату; но если бы погибъ Россійскій Царь, то вмѣстѣ съ нимъ погибли бы и безчисленные труды, имъ подъятые для пользы человѣческаго рода, и государство, обширнѣйшее на земномъ шарѣ, снова впало бы въ первобытное неустройство, изъ коего едва успѣло выдти.

Сильнѣе и счастливѣе выдержано сравненіе сихъ двухъ героевъ авторомъ Путешествія въ полуденную Россію. Вотъ оно: «Карлъ XII и Петръ I были оба герои, но герои совсѣмъ различные: одинъ подобно злому генію, быстро протекалъ землю, и оставлялъ за собою слѣды крови, пламени и разрушенія; а другой, какъ благодѣтельный Богъ, какъ предвѣчный хранитель природы, вооружился громами и бурями для того, чтобы вредные пары исчезли, и свѣтлые дни возсіяли въ мірѣ. Первый гонился за суетнымъ блескомъ славы, жертвовалъ для нея благоденствіемъ подданныхъ, и занимался только своею личною пользою. Послѣдній шествовалъ путемъ истиннаго величія, не щадилъ себя для пользы отечества и пламенно хотѣлъ счастія своего народа. Петръ I вознесся выше того круга, въ которомъ судьба его поставила: дѣйствіе воспитанія, вліяніе времени, препоны, положенныя обстоятельствами,—все уступило силѣ творческаго духа, и примѣръ его служитъ, можетъ быть, доказательствомъ, что самъ человѣкъ повелѣваетъ иногда происшествіями міра. Карлъ XII не достигъ того величія, къ которому призывала его природа, и примѣръ сего Государя могъ служить доказательствомъ другаго мнѣнія, что, и родясь великимъ, человѣкъ имѣетъ еще нужду въ счастливыхъ обстоятельствахъ и въ благопріятномъ для него времени. Петръ родился великимъ, Карлъ—неустрашимымъ. Тотъ имѣлъ твердость мужа, а послѣдній пылкость младенца. Строгое вниманіе на вещи приносило Россійскому Государю даръ предвѣдѣнія; Шведскій Король отъ чрезвычайной живости лишался искусства проницанія. Первый соображалъ всѣ шаги свои, размѣрялъ близкое и отдаленное, настоящее и будущее, и являлъ всю обширность человѣческихъ способностей въ исполненіи великихъ намѣреній; послѣдній пользовался только настоящею минутою, забывался въ упоеніи счастья, и представлялъ намъ весь безпорядокъ ума человѣческаго, когда слѣпая страсть имъ обладаетъ». (Новый Пантеонъ, ч. IV, 1819 г.).

При Полтавѣ Карлъ хоронитъ былую заслуженную славу родины, низводитъ Швецію съ прежняго пьедестала. Его упрямство, его эгоизмъ губитъ государство. И тѣмъ не менѣе Карлъ національный герой Швеціи; онъ служитъ у нихъ предметомъ особаго культа.—Шведы его любятъ, гордятся имъ. Они воздвигли ему памятникъ въ Стокгольмѣ.—Объясняется это тѣмъ, что народное воображеніе сильно поражено и захвачено подвигами Карла. Карлъ палъ съ мечемъ въ рукѣ. Заплатилъ кровью за свои ошибки, за отечество. Онъ страдалъ за Свейскую землю. Онъ когда-то создалъ громкую славу шведскаго оружія; его имя гремѣло въ Европѣ. А потому его грѣхи покрыты забвеніемъ. Шведы помнятъ только этого славнаго, храбраго героя, пронесшаго ихъ имя по Европѣ. Они обожаютъ своихъ каролиновъ, т. е. тѣхъ храбрецовъ, которые тогда были связаны воинской клятвой, кровавой дружбой, безграничной отвагой. Народная любовь объединила ихъ и назвала однимъ именемъ. Какъ Франція чтитъ гренадеровъ Наполеона, такъ Швеція восхищается своими драбантами и каролинами.

«Способность идеализировать и обоготворять есть одно изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ свойствъ человѣческой природы, читаемъ у проф. В. Герье, статьей котораго мы преимущественно пользовались. Подобнымъ культомъ живутъ народы, такой идеализаціей подымается духъ націи. Преданіе гласитъ, что Густавъ IV тайно посѣщалъ могилу Карла XII, чтобы тамъ черпать силы для борьбы. Поэты—отголосокъ народа. Изъ нихъ Тегнеръ называетъ Карла «величайшимъ сыномъ Швеціи», извѣстный историкъ Гейеръ въ балладѣ «Викингъ» ставитъ Карла XII рядомъ съ Густавомъ Адольфомъ, Карломъ Великимъ.

«Что само по себѣ честно и благородно, то всегда принесетъ прекрасный плодъ», сказалъ Оскаръ II. Отвага благородна. Твердость духа витязя прекрасна. И вотъ почему шведскій народъ носитъ въ своемъ

сердцѣ образъ Карла, короля-героя, короля-рыцаря. Идеализація прошлаго несомнѣнно имѣетъ великое значеніе.

Итакъ, Европа одного мнѣнія о Карлѣ, но Швеція его обезсмертила, какъ героя. Карлъ съ его достоинствами и недостатками истинный сынъ «матери Свеи». Тамъ идеализація его вполнѣ умѣстна. Шведы хорошо дѣлаютъ, что идеализируютъ хорошія черты своего храбраго короля. Исторія должна поучать. Идеализированные-же примѣры наиболѣе вліяютъ и запоминаются.

IV. Взятіе Выборга.

180. П. Бѣлавенецъ. Сборн. Полтавская битва 1709—1909, стр. 259—266.

181. Записки датскаго посланника при Петрѣ Великомъ Юста Юля. Русскій Архивъ 1892, № 7, стр. 326.

182. Сборн. Военно-Историч. Матеріаловъ, т. V.

183. Тамъ же, V, № 79.

184. У М. Шюбергсона и Руута показано 4 тыс.

185. Lagus. Några förhållanden i Wiborg.

186. Воен. Сборн. 1903, Сент. Б. Адамовичъ.

187. Книга Марсова. Сборн. военноисторич. матеріаловъ, вып. V, Спб. 1893 г., Журналъ Петра В.; стр. 246. Записки Воен.-Топографич. Депо; 1851, часть XIII.

188. Рус. Арх. 1892, № 8.

189. Изъ журнала о походахъ Петра В. Записки Воен. Топографич. депо; 1851, часть XIII, стр. 35. 8 іюня 1704 г. подъ Нарвой Петромъ I была примѣнена подобная же военная хитрость (III т. Пис. и Бум. № 730), доставившая частный успѣхъ. Послѣ этого Петръ I писалъ Кикину 16-го іюня 1704 г. изъ Петербурга: «умныхъ дураки обманули» (III т. № 671)» і сие разсуждая не могу больше двухъ дѣлъ выразумѣть: первое, что Богъ вразумилъ, другое, что предъ іхъ очами гора гордости стояла, чрезъ которую не могли сего подлога видѣть». Хитрость состояла въ томъ, что 4 русскихъ полка (2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ), переодѣтые въ Шведское платье (по разсказамъ другихъ — въ русскихъ мундирахъ, но по цвѣту сукна схожихъ со шведскими), будто бы явившіеся на выручку осажденныхъ, разыграли подъ стѣнами Нарвы примѣрный бой и стали пробиваться къ Нарвѣ. Комендантъ ея— Горнъ выслалъ имъ помощь, которая и попала въ руки русскихъ (Марченко).

Имѣются указанія, что подъ Полтавой продѣлано было нѣчто подобное съ одной частью запасныхъ и мало обученныхъ людей.

190. Ѳ. Веселаго, ч. I, 199.

191. Копія съ писемъ Государя Петра В. 1700 по 1725 г. М. 1882, стр. 11—12.

192. Рукопись подполк. Кульмана 1842 г.

193. Такъ и поступалъ самъ Царь. Наканунѣ штурма онъ объявилъ постъ и въ церквахъ молились, прося благословенія Бога на побѣду. Записки Ю. Юля,—Рус. Арх. 1892, № 8, стр. 514.

194. Сѣв. Арх. 1825, VIII, 323. Голиковъ И. И., ч. XII, № 1163.

195. Письма и бумаги Имп. Петра I, изд. 1873 г., стр. 20.

196. Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота въ 1710—1711 г.

197. «Вѣдомости», вып. II, М. 1906. стр. 62.

198. Рус. Арх. 1875, № 10, стр. 208. Журналъ Петра В. стр. 253. Бумаги Имп. Петра I, изд. 1873 г., стр. 126.

199. Изъ рукописи L. I. Ehrenmalm'а См. у М. Шюбергсона. Указанія на подобную изобрѣтательность въ русскихъ источникахъ не встрѣчается.

200. Исторія рус. флота. Англійская рукопись; переводъ гр. Е. Путятина, Спб. 1897, стр. 13.

201. Ruht. Исторія гор. Выборга. На шведскомъ языкѣ, стр. 475. Записки К. Р. Берга.

202. Рус. Арх. 1892, № 9.

203. «Вѣдомости», вып. II, 67.

204. Ruht, стр. 461.

205. Ѳ. Веселаго, I ч. стр. 200.

206. Рус. Арх. 1892 г., кн. II, 51.

Рѣшалась борьба между «руотси» (шведами) и «вейнеляйсами» (русскими) изъ-за сокровища Сампо (Суоміи). Давно уже и тѣ и другіе провѣдали про сокровище и царь вейнеляйсовъ и король руотцы желали обладать имъ. Оба они были тіетаи (т. е. мудрецами, магами). Но въ концѣ-концовъ счастье склонилось на сторону царя, построившаго сперва городъ около Суоми, и затѣмъ и корабли, которыхъ море приняло «на свои влажныя плечи». Старикъ-финнъ (кудесникъ) видѣлъ, какъ «поднимались съ суомійскихъ береговъ огромныя скалы, переплывали подъ ноги царя вейнеляйсовъ, и онъ все поднимался выше и выше. . . .

Царь въ золотомъ вѣнцѣ; его носятъ облака небесныя, съ вѣнца его на Суомію падаютъ златистыя искры и свѣтятъ какъ тысячи солнцевъ. Чудно! чудно!» . . . Такъ представлялось дѣло въ финской легендѣ.

207. Голиковъ, И. И. Дѣянія Петра В. Изд. 2-ое М. 1843. Часть XV, стр. 73, 78—79, 86—87, 92—98, 107, 108 и др.

208. Kriget i Finland och Ingermanland 1707 och 1708. Fredrik Hjelmqvist. Lund 1909.

209. Журналъ Петра В., стр. 295—297. книга Марсова; стр. 93—95. Д. Бутурлинъ; т. II, стр. 428—430. Сборн. воен.-историческихъ матер. вып. V стр. 123 и др. П. Собр. Зак. т. IV, 1710, № 2293. Ѳ. Веселаго; стр. 201, т. I. Юстъ Юль; Рус. Арх. 1892, № 9.

210. Журналъ Петръ В., стр. 295—297. Записка Вебера; Рус. Арх. 1872, VII и VIII, 1336 стр.

211. Бантышъ-Каменскій. Біографія Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ. Спб. 1840, ч. I, 153—154.

212. Рус. Арх. 1892, № 9. Юстъ Юль.

213. Fr. Hjelmqvist. Kriget i Finland och Ingermanland 1707—1708. Lund 1909; стр. 11, 13, 15, 27—29, 30, 31, 32, 39—40, 59, 64, 72, 73, 74.

214. По свѣдѣніямъ Уддгрена (1713 г. стр. 12)—финская поселенная пѣхота къ концу 1712 г. доходила до 5.689 чел.

Въ началѣ 1702 г., когда война перенесена была на польскую почву, для защиты Финляндіи и Прибалтійскихъ провинцій оставлены были на мѣстѣ всѣ финскія войска. (Uddgren, 26).

Лишь въ 1708 г. большій контингентъ финскихъ войскъ выведенъ былъ за предѣлы Швеціи. Въ арміи, съ которой Левенгауптъ выступилъ въ этомъ году изъ Риги для подкрѣпленія главной арміи, находилось отъ 5 до 6.000 финновъ.

215. Госуд. Хозяйство Швеціи. Проф. Э. Н. Берендтсъ I, 433.

216. Тамъ, стр. 434.

217. Уддгренъ. Война въ Финляндіи. 1713 г. На шведскомъ яз. стр. 14, 19, 27.

218. Уддгренъ (1713 г.) стр. 201.

219. Уддгренъ (1713 г.) стр. 21—22, 24—25.

220. М. Шюбергсонъ.

221. М. Шюбергсонъ.

222. Ирье-Коскиненъ, стр. 336, шведскаго изданія.

223. М. Шюбергсонъ.

224. Ѳ. Веселаго, стр. 208—209 и 211.

V. Русскіе въ Гельсингфорсѣ и Або.

225. А. З. Мышлаевскій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г.г. Спб. 1896 г.

226 С. Соловьева, кн. IV, стр. 311. Изданіе Товарищ. Общ. польза.

227. Уддгренъ (1713 г.) стр. 89—90.

228. Журналъ Петра В., 357.

229. Матер. для исторіи флота; I, № 424. Мышлаевскій; стр. 74.

230. А. З. Мышлаевскій, 116, Матеріалы, V, № 138.

231. А. З. Мышлаевскій, стр. 120 Ѳ. Веселаго. стр. 220; Матеріалы для исторіи рус. флота; Отд. I, № 467.

232. Ѳ. Веселаго; стр. 224. Матер. для ист. рус. флота; Отд. I, № 467. А. Мышлаевскій, 172.

233. Уддгренъ (1713 г.) стр. 81—82.

234. Прамы—плоскодонные фрегаты, носившіе артиллерію большого калибра, ходили они весьма плохо. Невѣжинъ. Мор. Сборн., 1872, февр. 36—37.

235. Журналъ Петра В., стр. 358—360. Бумаги Имп. Петра I, изд. 1873, стр. 23.

236. Журналъ Петра В., стр. 361. Д. Бутурлинъ; II; 601, 607.

237. А. Невѣжинъ. Морск. Сборн. 1872, февр. Журналъ Петра В., стр. 372.

238. Арх. Морск. Министерства. Дѣла гр. Апраксина, № 251.

239. Журналъ Петра В., стр. 373.

240. Мышлаевскій, 224—226. См. еще Ист. рос. флота въ царствованіе Петра В.—Перевелъ съ англійскаго гр. Е. Путята. Спб. 1897, стр. 20.

241. Uddgren, 58. E. D. Taube till Kungl. Maj: t den 22 september år 1713. R. A.

242. Сборн. Воен.-Историч. матеріаловъ, вып. V, № 149.

243. Бумаги Петра В., изд. 1873, стр. 267.

244. Ѳ. Веселаго, стр. 239. А. Невѣжинъ, Морск. Сборн. 1872, II, 60.

245. Уддгренъ, 1773, стр. 53, 86.

246. Уддгренъ, 1713, стр. 55—56, 71, 104. А. З. Мышлаевскій, стр. 229—230.

247. Уддгренъ, 1713 г., стр. 56, 60, 99.

248. Журналъ Петра В., стр. 376—379. Бумаги Имп. Петра I, изд. 1873, стр. 270 и слѣд.

249. Уддгренъ, стр. 64. А. З. Мышлаевскій, стр. 262.

250. А. З. Мышлаевскій, стр. 251—270. 290.

251. Удгренъ, стр. 67—68.

VI. Гангутъ.

252. Рус. Арх. 1903, VII, 377.

253. Уддгренъ, 1714, 6 и 9, 26, 31.

254. Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшн. сношеній, ч. IV, 213. М. 1902.

255. Устряловъ, VI, 346—347.

256. Книга Марсова.—По шведскимъ источникамъ—18 тыс. М. Шюбергсонъ.

257. Уддгренъ, 1714 г., стр. 83.

258. Д. Бутурлинъ; II т.; стр. 640—642. Мышлаевскій; стр. 377. Надо думать, что цифра убитыхъ преувеличена.

259. А. З. Мышлаевскій, стр. 96.

260. Ѳ. Веселаго; стр. 250. . . . . . 111. 141—144, 147. Голиковъ. Дѣянія Петра В. IV, стр. 311.

261. Uddgren, Kriget i Finland, 1714, s. 85.—Stockholm 1909 г.

262. Uddgren, 1714, s. 86.

263. Д. Бутурлинъ; II, 646—648. Журн. Петра В.; 404, 417—418. Уддгренъ,. 1714, стр. 103.

264. Uddgren, 1714, стр. 9. Онъ ссылается на Фалькъ—Фридриху IV. отъ 16/27 апр. 1714 г. D. R. A.

265. Морской Сборн., 1851, т. V, стр. 328. Статья Р. Скальковскаго.

266. (Дѣло гр. Апраксина, № 80; у Мышлаевскаго, приложеніе стр. 100).

267. А. З. Мышлаевскій, Петръ В. Война въ Финляндіи въ 1712 и 1714 г. Спб. 1896, стр. 396.

268. Проф. В. Ключевскій.

269. А. З. Мышлаевскій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г.г., стр. 412—413.

270. А. З. Мышлаевскій, стр. 414.

271. Морск. Сборн. 1851, V, 388. Бумаги Петра I, изд. 1873, стр. 27. Веселаго Ѳ., стр. 268.

272. Матер. для исторіи флота; ч. I, № 886; Мышлаевскій 414 — 415; Ѳ. Веселаго; стр. 263.

273. А. З. Мышлаевскій, стр. 135.

274. Эти обстоятельства оцѣнилъ знаменитый Эренсвердъ лишь въ 1738—39.

275. А. Неклюдовъ; Морск. Сборн. 1872, II, 42. Ѳ. Веселаго; стр. 268 и др. По Д. Бутурлину—(стр. 648)—6.000 чел.

276. Uddgren Kriget i Finland. 1714, s. 106.

277. Д. Бутурлинъ, Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII ст. Спб. 1821. II, 656.

278. Квадри, т. I, стр. 57. Москов. отд. Арх. Главн. Шт.: Опись 3, кн. 384 за 1742 г., стр. 161—162.

279. Рус. Арх. 1872, VI, 1108.

280 Ѳ. Веселаго, Очеркъ рус. морской исторіи. Спб. 1875, I часть, стр. 295,

281. Бумаги Имп. Петра I; изд. 1873 г., стр. 333.

282. Ѳ. Веселаго, стр. 297.

283. Матеріалы для исторіи морского дѣла при Петрѣ В. 1717—1720. Сообщилъ проф. Н. А. Поповъ.

VII. Побѣжденные и побѣдители.

284. Вѣстн. Всемірн. исторіи, № 1.

285. Malmström. Sveriges politiska historia. Stockholm, 1893, I. 6. и Fryxell, т. XXVIII.

286. Проф. Берендтсъ. Государствен. Хозяйство Швеціи. Спб. 1890, I., 418, 423, 435, 437.

287. Тамъ же, стр. 432.

288. Б. Брикнеръ. Денежные знаки въ Швеціи 1716—1719 г.; стр. 107 и др.

289. Проф. В. Герье. Послѣдній варягъ, «Древн. Нов. Рос.» 1876, № 6, 103.

290. Проф. Берендтсъ, Государствен. Хозяйство Швеціи; I, 438.

291. Тамъ же, стр. 438, 443 и 449.

292. Uddren, Kriget i Finland 1713; стр. 88—89.

293. Линдеквистъ. Исторія Финляндіи. На Финскомъ языкѣ.

294. Ирье-Коскиненъ. Исторія Финляндіи, стр. 329. На Шведскомъ языкѣ.

295. Рус. Арх. 1872, VI, 1109.

296. Устряловъ. Исторія царствованія Петра В. IV, ч. 2., прилож. II, № 142. Мышлаевскій; 30 стр.

297. Разсказы Нартова, стр. 42. Журналъ Петра В., I, 114. Устряловъ II, ч. 2, стр. 461.

298. Карлсонъ. Оскаръ II, стр. 340. На Швед. яз.

299. А. З. Мышлаевскій, стр. 95.

300. Письма и бумаги Петра В., т. III, № 713.

301. А. З. Мышлаевскій, стр. 120.

302. Письма и бумаги Петра В., III, № 679, стр. 649, примѣч.

303. Матеріалы для ист. рус. флота, I, № 592. Ѳ. Веселаго, стр. 230.

304. Сборн. Воен.-Историч. Матер, вып. I. 329—330.

305. Дѣло гр. Ѳ. Апраксина, № 252 (Полковнику Савелову 14 февраля 1714 г.) Мышлаевскій; приложеніе стр. 82.

306. Дѣло гр. Ѳ. Апраксина 1719 г., № 256, л. 230.

307. Рус. Арх. 1872, VI, 1162 и 1164 (Вебера).

308. E. W. B. Hildenbrand. Hist. tidskr. 1892, h. 4, стр. 268.

309. E. Hildebrand. Hist. tidskr., 1892, h. 4., стр. 270, E. W. B.

310. Тамъ же, стр. 270 и 271.

311. Uddgren. Kriget i Finland (1714), стр. 157.

312. Реляція генерала Голицына. Въ книгѣ Масловскаго. Сборн. Воен. Истор. матер., вып. I; Сѣверная война; стр. 329.

313. Ирье-Коскиненъ, Исторія Финляндіи, стр. 316. На швед. яз.

314. Дѣло гр. Апраксина 1720 г. № 257, л. 90; № 192, л. 366. Дѣла гр. Апраксина находятся въ Архивѣ морского Министерства въ С.-Петербургѣ.

315. Дѣло гр. Апраксина, 1720 г. № 196 и 200.

316. Дѣло гр. Апраксина 1720 г., № 192, л.л. 58 и 59; 1721 г. № 200, л. 389.

317. Свѣдѣнія изъ Шведской исторіи. Самоилъ Ленбомъ. 1773 г. Въ ней описаніе учиненнымъ россійскими войсками разореніямъ въ Финляндіи въ 1713 г. Таммелина (§ 6).

Рукописи П. Буткова, кн. № 42. Библ. Академіи Наукъ.

318. Сѣв. Арх. 1825, XII, 384—385.

319. Бобровскій. Бесѣды о воен. закон. Петра I-го, 1890 г., стр. 30.

320. Тамъ же, стр. 25.

321. Сборн. Военно-Истор. Матер., вып. 9, «Уставъ прежнихъ лѣтъ, Воинскія статьи»;

322. Марченко, кап. Петръ В., Спб. 1897, стр. 69 и др.

323. Дѣла гр. Апраксина; 1713 г., № 251, л.л. 191 и 192. Мышлаевскій; стр. 63—64 прилож.

324. Апраксинъ финл. народу отъ 18 мая 1713 г. Георгъ Любекеръ его королев. велич. отъ 1 іюня 1713 г. Uddgren (1713) 44.

325. Дѣла гр. Апраксина; 1713 г., № 251, л.л. 185 и 353; дѣло № 68 (1713), л.л. 15, 33, 244 и др.

326. А. З. Мышлаевскій; стр. 286—287.

327. Описаніе С.-Петербурга 1710—1711 г., стр. 35.

328. Воен. Сборн. 1899, № 10, стр. 229.

329. Морск. Сборн. 1909, № 4.

330. Журн. Мин. Народн. Просв. 1844, Извлеченія Тургенева изъ иностранныхъ архивовъ. Указаніе французскаго полк. Балюзъ.

331. Дѣла гр. Апраксина 1720, № 257, л. 95. Апраксинъ скончался и погребенъ въ Москвѣ 1728 г.

332. А. З. Мышлаевскій, стр. 80.

333. Разсказы Нартова, стр. 57.

334. Förhandl. o. Uppe., III, 1888, стр. 134—135.

335. Рус. Арх. 1825, XII, 380. Жизнеописаніе Генералъ-Адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, составленное Н. Бергомъ, находится въ запискахъ, издав. Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ. Спб. 1825 г., ч. 9, стр. 293—445.

Съ 1713 по 1726 г., Апраксинъ былъ «постоянно каждое лѣто въ Финляндіи» (Тамъ же, стр. 331).

336. Дѣло гр. Апраксина 1718, № 180, л. 262.

337. Тамъ же, л. 260.

338. Ирье-Коскиненъ; стр. 359. М. Шюбергсонъ.

339. Дѣло гр. Апраксина 1720 г. № 192, л. 362.

340. Дѣло гр. Апраксина 1713 г., № 251, л. 244.

341. Дѣло гр. Апраксина 1713 г., № 251, л. 244.

342. Дѣло гр. Апраксина 1714 г., № 252

343. Дѣло гр. Апраксина 1721 г., № 208, л. 241.

344. М. Шюбергсонъ.

345. Дѣло гр. Апраксина 1720—1723 г.г., № 245, л. 334 и сл.

346. Тамъ же, л.л. 347, 349 и др.

347. Дѣло гр. Апраксина 1718 г., № 180, л. 229.

348. Дѣло гр. Апраксина 1718 г. (февр.), № 180, л. 196.

349. Дѣло гр. Апраксина 1718, № 180, л. 229.

350. Дѣло гр. Апраксина 1720, № 192, л. 362.

351. Дѣло гр. Апраксина 1718, № 180, л. 232.

352. Дѣло гр. Апраксина 1719 г., № 256, л. 212.

353. Дѣло гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 71.

354. Дѣло гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 78.

355. Дѣло гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 82.

356. Дѣло гр. Апраксина 1720 г., № 192, л. 159 (провѣрка за 1717, 1718 и 1719 г.г.).

357. Дѣло гр. Апраксина 1720 г., № 196, л. 213.

358. Дѣло гр. Апраксина 1721 г., № 200, л. 372 и слѣд.

359. Дѣло гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 160; 1720 г., № 192, л. 398; 1720 г., № 196, л. 181.

360. Uddgren, Kriget i Finland (1714), стр. 157.

361. Uddgren (1714), стр. 157—158.

362. Рус. Арх. 1892, кн. 2, стр. 50.

363. Дѣло Адмиралтействъ-Коллегіи 1720, № 42, л. 2.

364. Устряловъ, Исторія Царствов. Петра В. Матеріалы, стр. 355.

365. Landshöfdingen G. A. Pipers minnen från Karl XII ryska fälttåg och sin ryska fångenskap. Stockholm. 1902.

366. Архивъ Артиллерійскаго музея, связка 4, л. 297 и др.

367. «Сборникъ русск. истор. общ.», т. XXXIX, стр. 80. См. еще: Тимченко Рубанъ, стр. 144.

368. Юстъ Юль; Рус. Арх. 1892, XII, 319.

369. Рус. Арх. 1872, VIII, 1398, 1450. (Веберъ). Подтвержденіе словъ Вебера можно найти въ дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца. М. 1858, во 2-й части стр. 44.

370. Рус. Арх. 1872, VII—VIII, 1336 (Веберъ).

371. Дневникъ Piper'а, стр. 21, 38, 112. На шведскомъ языкѣ.

372. Я. Гротъ. Труды, т. IV, стр. 122, 135 и Журналъ Мин. Народн. Просв. 1853, февр.

373. Библіот. для Чт. 1836 г., т. XIV, стр. 74—75.

374. Журналъ Петра В.; стр. 427—428.

375. Дѣло Адмиралт. Коллегіи 1720, № 39, л. 1.

376. Дневникъ Piper'а, стр. 112. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, кн. IX, № 95.

377. Полн. Собр. Закон. т. V, №№ 3101, 3197, 3202, 3208, 3259, 3778.

378. Арх. Мор. Мин-ства, Дѣла Адмиралт. Коллегіи: 1721, № 1, л.л. 130—131.

379. Дѣло гр. Апраксина 1719, № 4, 821—823.

380. Дѣло Апраксина, 1723, № 220, л. 40.

381. » » 1723, № 220, л. 40.

382. Malmström. Sveriges Polit. historia; I, 340.

383. Hist. Tidskr., 1892, h. I, sid. 72.

VIII. Русское управленіе краемъ.

384. Въ Сенатскомъ архивѣ (кн. 7, л. 352) имѣется списокъ шведскихъ должностныхъ лицъ, составленный рукою Петра В. Слово «Ландсгевдингъ»—переведено—«глава земскій». «Ландсекретарь—»земскій дьякъ» и т. д.

385. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 79.

386. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 168, л. 160.

387. Дѣло Гр. Апраксина 1717 г., № 144, л. 97.

388. Тамъ же, л.л. 97—102.

389. Дѣло Гр. Апраксина 1717 г., № 144, л.л. 97—102.

390. Тамъ же 1720 г., № 192, л. 500; и Сѣв. Арх. 1825 г., XII, 390—392.

391. Дѣло Гр. Апраксина 1720 г., № 192, л. 366.

392. Дѣло Гр. Апраксина 1720 г., № 237, л. 10.

393. Реляція Кн. Голицына. Сборн. воен.-историч. матер.; вып. 1; стр. 329.

394. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 180.

395. Дѣло Гр. Апраксина 1721 г., № 208, л. 380.

396. Ирье-Коскиненъ; стр. 359—361. М. Шюбергсонъ.

397. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 68, л. 15.

398. Тамъ же, л. 32.

399. Ирье-Коскиненъ; стр. 356.

400. Историч. Вѣстн. 1884, мартъ; Е. П. Карповичъ.

401. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 194.

402. Дѣло Гр. Апраксина 1719, № 176.

403. Дѣло Гр. Апраксина 1721, № 208, л. 237.

404. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 267.

405. Ирье-Коскиненъ, стр. 361.

406. Тамъ же, стр. 362. Тоже повторяетъ М. Шюбергсонъ.

407. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180.

408. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 260.

409. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 266. А также: 1718, № 168, л. 199.

410. Дѣла Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 194; 1718, № 168, л.л. 109, 197; 1721, № 208, л. 282.

411. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л.л. 266 и 268.

412. Дѣло Гр. Апраксина 1717, № 144; 1720, № 196, л. 155; 1720, № 192, л. 368.

413. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 267.

414. Дѣло Гр. Апраксина 1717, № 144, л. 97—102.

415. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 161.

416. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 259.

417. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 94.

418. Тамъ же, л. 96.

419. Указы Адмиралт. Коллегіи. Дѣло № 3, отд. 1, л. 367—371. А также: Дѣло Адмиралт. Коллегіи 1719, № 4, л. 1006.

420. Указъ объ этомъ состоялся 10 Февр. 1722 г. См. Дѣло Гр. Апраксина 1723, № 224, л.л. 59 и слѣд.

421. Россія (газета) 1907, № 616, 25 ноября. А. Бѣломоръ.

422. Указы Адмиралт. Кол. Дѣло № 3, отд. 1, л. 368. И. Сабо. Лоцманское дѣло въ Россіи. Спб. 1908 г. стр. 61. См. Регламентъ объ управленіи адмиралтейства и верфи 1772 г., ч. II, глава VII.

423. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 90.

424. Тамъ же, л. 91.

425. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 352.

426. Uddgren (1713), стр. 91—92.

427. Uddgren (1714), стр. 156—159, 160—161.

428. Бумаги Имп. Петра I; изд. 1873, стр. 278, 281, 298, 383.

429. С. Соловьевъ; XVI, 252.

430. Изъ сенатскихъ дѣлъ можно заключить, что контрибуціей съ Финляндіи взято также «нѣсколько тысячъ мѣдныхъ плитъ и колоколовъ». Мѣдь эта предназначалась Царемъ для пушекъ, а колокола раздавались по церквамъ. Часть собранныхъ денегъ («каралинъ и полукаралинъ») была роздана въ награду за «Вазскую баталію».

Доклады и приговоры Правит. Сената въ царств. Петра В. Изд. Н. А. Дубровина, Спб. 1892, т. V, кн. 1, стр. 429.

Изъ доходовъ завоеванныхъ городовъ удовлетворялись жалованьемъ низовые казаки, служившіе въ Финляндіи. Ихъ было (въ февр. 1716 г.) въ Выборгѣ, Кексгольмѣ и Нейшлоттѣ всего 180 чел.

Доклады и приговоры Правит. Сенат. въ царств. Петра В., т. VI, кн. 1, стр. 109, и 243.

Въ другой разъ (въ мартѣ 1716 г.) изъ контрибуціонныхъ денегъ было выдано 6.738 р. на 656 чел.

431. Дѣло Гр. Апраксина (1713), № 251, л.л. 191—192. Мышлаевскій; стр. 64— прилож.

432. Uddgren, стр. 91.

433. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 258.

434. Тамъ же, л. 266.

435. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 168, л. 97.

436. Тамъ же (таблица).

437. Считая въ одной бочкѣ 30 капъ.

438. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 168, л. 160.

439. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 453.

440. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 180, л. 258; № 168 (таблица).

441. Дѣло Гр. Апраксина 1719, № 256, л. 230.

442. Дѣла Гр. Апраксина 1713, № 25, л. 190; № 251, л. 244.

443. Дѣло Гр. Апраксина 1713, № 251, л. 244.

444. Дѣло Гр. Апраксина 1721, № 208, л. 235.

445. Дѣло Гр. Апраксина 1713, № 59, л. 159.

446. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 168, л. 78.

447. Тамъ же.

448. Тамъ же, л. 97.

449. Дѣло Гр. Апраксина 1719, № 256, л. 183.

450. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л.л. 58 и 354.

451. Дѣло Гр. Апраксина 1718, № 168, л. 107.

452. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 464.

453. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 363 обор.

454. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 464.

455. Тамъ же, л. 422.

456. Дѣло Гр. Апраксина 1719, № 256, л. 183; а также л. 302.

*

457. Тамъ же, л. 212.

458. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 23.

459. Тамъ же, л. 24.

460. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 21. Капланъ—помощникъ пастора: лукаръ—псаломщикъ.

461. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 116.

462. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 65. 4 марта того же года это приказаніе при случаѣ было повторено. Тамъ же, л. 116.

463. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 192, л. 377.

464. Тамъ же, л. 57, и № 257, л. 116.

465. Uddgren (1713 г.), стр. 101.

466. Дѣло Гр. Апраксина 1713. № 59.

467. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 56.

468. Дѣло гр. Апраксина 1718, № 180, л. 285.

469. Дѣло гр. Апраксина 1717, № 144, л.л. 97-102.

470. Дѣло Гр. Апраксина 1819, № 256, л. 212; 1720, № 257, л. 90.

471. А. З. Мышлаевскій, стр. 52.

472. Свв. Арх. 1825, XII, 314.

473. Hjelmqvist, Kriget i Finland och Ingermanland, стр. 69 и 71.

474. Архивъ Морскаго Министерства. Дѣла Гр. Апр. 1716, № 146; 1721, № 200 и № 208 и др.

Въ Або . . . въ 1717 г. было всего 184 двора.
» Нюштадѣ . » » » » 55 »
» Бьернеборгѣ » » » 66 »
» Раумо . . . » » » 43 »
» Борго . . . » » » 200 »

475. Дѣло Гр. Апраксина 1716, № 146.

476. Дѣло Гр. Апраксина 1721, № 200, л. 372.

477. Дѣло Гр. Апраксина 1721 г., № 208, л. 235. Имѣется еще свѣдѣніе, которое можетъ дать нѣкоторое представленіе о контрибуціи за серединные годы пребыванія русскихъ въ Финляндіи. Дугласъ донесъ камеръ-коллегіи о всемъ приходѣ сея страны. У него въ губернской казнѣ оказалось прихода отъ земской контрибуціи, городскихъ податей, пошлинныхъ денегъ, выкупной контрибуціи и отъ ассигнаціоннаго фуража за 1717 г.—14.599 р. $52\frac{1}{2}$ и за 1718 г.—22.020 р. $19\frac{1}{4}$ (см. дѣло Гр. Апр. 1718, № 180,—л. 269 и таблицы).

478. Дѣло Гр. Апраксина 1721, № 200, л. 372.

479. Дѣло Гр. Апраксина 1721 г., № 200, л.л. 372—373.

480. Дѣло Гр. Апраксина 1721 г., № 200, л. 379.

481. Дѣло Гр. Апраксина 1720 г., № 192, л.л. 34 и 35.

482. 2.171 чел., да 100 чел. старыхъ шведскихъ солдатъ. Изъ которыхъ нѣкоторые бѣжали.—Дугласъ разсчитывалъ, что число ихъ дойдетъ до 2.242 чел.

483. О наборѣ финскихъ солдатъ. См. дѣла Гр. Апраксина: 1720, № 196, л.л. 162, 182; 1720, № 192, л.л. 455, 422, 91, 60; 1720, № 257, л.л. 92, 93, 166, 254, 257, 344.

Дѣло Адмиралтействъ-Коллегіи 1720 г., № 39, л. 246.

Указъ 1720. Августа 27:

«Финскихъ рекрутъ, которые отправлены изъ С.-Петербурга драгунскаго Псковскаго полка съ Капитаномъ Енгалычевымъ, а по вѣдомости отъ него изъ оныхъ бѣжало семьдесятъ четыре человѣка и затѣмъ оставшіеся сто сорокъ два человѣка возвратить по прежнему въ Петербургъ и велѣть съ ними ему Капитану остановится при С.-Петербургу въ Ямской слободѣ до указу и содержать ихъ за крѣпкимъ карауломъ... И о томъ къ Генералу Лейтенанту Роману Вилимовичу Брюсу послать указъ, а къ полковнику и Астраханскому Коменданту Матрофанову послать указъ же велѣть ему съ финскими рекрутами, которые съ нимъ посланы, идти въ Астрахань немедленно».

(Дѣло Архив. Канцел. Воен. Министерства, кн. 8, № 184, стр. 241.

1720 Августа 15:

По имянному своему великаго Государя Указу. За финскими рекрутами (которые изъ С.-Петербурга въ Астрахань отправлены имѣть доброе смотрѣніе и до зелени и фруктовъ ихъ не допущать также въ пищу ни какой свѣжей рыбы, а особливо бѣлуги недавать понеже они предъ русскими особливой натурой отъ того чинится имъ не малой вредъ, а соли выдавать имъ на каждаго человѣка противъ русскихъ излишне, а имянно въ полтора къ чему они сродны». (Дѣло Арх. Канц. В. Минист. кн. 8, стр. 239. № 182).

484. Этотъ разсказъ П. Бутковъ заимствовалъ у Рюсова, съ оговоркой, что не ручается за его достовѣрность. Свв. Арх. 1825, XII, 389.

485. Дѣло Гр. Апраксина 1720 г., № 192, л.л. 77 и др.

486. Въ дневникѣ каммеръ-юнкера Берхгольца (ч. I стр. 76-77) говорится, что Дугласъ былъ приговоренъ къ смерти. Но

Царь, расположенный къ Дугласу, приказалъ только арестовать его на три недѣли и заставилъ его работать въ саду царицы. Дугласъ сталъ хлопотать, особенно черезъ семейство Балкъ, о полной свободѣ. Государыня вообще чрезвычайно милостивая и сострадательная, особенно къ шведамъ, приняла въ немъ участіе. Съ Дугласа взыскали: 1.000 р. — женѣ ген. Епифанова, а 500 р. въ госпиталь.

1721 Марта 31:

Великій государь указалъ Ландсъ-Гевдинга Графа Дугласа за его вину, которая по держанному надъ нимъ фергеру изобрѣтена, а именно что во время бывшаго на него отъ Генерала Гевальдигера Епифанова нападенія, онъ, Графъ Дугласъ не токмо что не ретировался, но и положенныя въ нужномъ обороненіи по толкованію артикула 157 правила преступилъ и безъ самой крайней нужды вынулъ шпагу и хотя по дѣлу неявилось, что онъ ко умерщвленію Генерала Гевальдигера какое намѣреніе имѣлъ такъ и рана не на корпусѣ, но на ногѣ была однакожъ онъ Генералъ Гевальдигеръ отъ той раны того часу умре, того ради наказать его по приговору кригсъ-герихта по большимъ голосамъ, а именно по лишенія чина работать ему въ крѣпости одинъ годъ и по три воскресенья штрафовать церковною эпитеміею да на немъ же взять для жены покойнаго Генерала Гевальдигера тысячу рублевъ да гошпиталю пять сотъ рублевъ. И для той экзекуціи отослать его графа въ С.-Петербургскую крѣпость.

(Дѣло Архива Канц. Военнаго Министерства кн. 8, № 241 ст. 309).

487. Дѣла Гр. Апраксина: 1720, № 267, л. 564. 1720, № 196, л. 180; 1720, № 192, л. 438 и др. 1721, № 200, л. 355, 334; 1721, № 258, л. 272 и 273.

488. Дѣло Гр. Апраксина 1720, № 257, л. 564; 1721, № 208, л. 202; 1718, № 168, л. 78.

489. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 168, л.л. 99 и слѣд. 205 и слѣд.

490. Дѣло Гр. Апраксина 1718 г., № 180, л. 188.

491. Сѣв. Арх. 1825 г., XII, 389 и Журн. Мин. Народн. Просв. 1853, февр. стр. 141.

IX. Мирные переговоры и набѣги на Швецію.

492. Ап. Кротовъ. Взятіе шведской крѣпости Нотебурга. СПБ. 1896, стр. 175.

493. Проф. Брюкнеръ. Историч. Вѣстн. 1880 г., іюль, 417.

494. Дневникъ гр. К. Пипера, стр. 10—11 и 12; на шведскомъ языкѣ.

495. Рус. Арх. 1906, IV, 573.

496. Förh. och Upps. III, 1888, стр. 137.— А также «Разсказы Нартова», стр. 63.

497. Malmström; I, вв. 19, 31—32 и 34.

498. Остальныхъ условій, касавшихся Нарвы, Ревеля и вообще Эстляндіи и Лифляндіи, здѣсь не выписываемъ.

Матер. для истор. рус. флота. СПБ. 1867, часть IV, стр. 70—71; въ Москов. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Шведскія дѣла 1713 г. № 5.

499. Моск. Арх. Ин. Дѣлъ (Дѣла англійскаго двора 1715 г., № 11). Матер. для истор. рус. флота, ч. IV, стр. 79—82.

500. Матер. для истор. рус. флота; ч. IV, 163—164; Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ. (Письма Петра I, кн. X, 1718, № 8).

501. Malmström, Sveriges Pålitiska historia. Från Konung Karl XII död till statshvälfningen 1772. Stockholm. 1893. I, 139.

502. Malmström, I, 133—134.

503. Письмо Урбиха Лейбницу — см. Отношенія Лейбница къ Россіи. Соч. Влад. Герье. Спб. 1871, стр. 73.

504. Malmström, I, 47—48, 49, 50.

505. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1844. Выписка Тургенева.

506. Записки Вебера. Рус. Арх. 1879, IX, стр. 1660.

507. Матеріалы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—1720 годахъ. Сообщ. профессора Казанскаго университета Н. А. Попова. См. «Чтеніе» 1889, кн. 4. См. еще матеріалы для исторіи флота ч. II, стр. 381 и послѣд.

508. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, Біографія ч. IV, 217.

509. Malmström; I, 158 и 161.

510. Сборн. воен. историч. матеріал. V, 220.

511. (Журналъ Петра Вел. II, стр. 447). Подобныя воззванія къ шведскому и финскому населенію дѣлались не впервые. Вотъ одно изъ болѣе раннихъ воззваній: «Мы надѣялись, что вашъ король въ своемъ, какъ всему свѣту извѣстно, несчастномъ положеніи согласится на миръ, столь горячо желаемый какъ его обѣднѣвшими подданными, такъ и десяткомъ тысячъ христіанъ, которые отъ этой, столь пожирающей, войны страдаютъ и бѣднѣютъ. Но всѣ честные и безпристрастные люди

знають, что онъ благодаря своему безмѣрному честолюбію и желанію мести предпочитаетъ отдать все свое государство, всю страну, всѣхъ своихъ плачущихъ подданныхъ въ жертву ужаснѣйшему бѣдствію и несчастію, что онъ предпочитаетъ отдать свою собственную особу невѣрнымъ туркамъ и варварамъ, чѣмъ заключить миръ. Да! онъ даже не выслушиваетъ предложенія о мирѣ. Но такъ какъ мы испытываемъ отвращеніе къ продолжающемуся кровопролитію, то мы симъ желаемъ свидѣтельствовать передъ всѣми шведами, высокими и низкими, наше миролюбивое настроеніе и мы увѣряемъ васъ, что если война въ томъ же родѣ продолжится, то мы въ томъ не виноваты. (Fryxell, XV, 187). (Госуд. Хоз. Шв. Берендтсъ, 442).

512. Ѳ. Веселаго; стр. 320.

513. Malmström; I, 172—173. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швеціи выражали желаніе въ періодъ Вел. Сѣв. войны—остаться въ подданствѣ Россіи. Такое желаніе было выражено дворянами Лифляндской губ. въ надеждѣ сохранить свое имущество, отобранное шведскимъ правительствомъ въ періодъ редукціи (Записка Вебера. Рус. Арх. 1872, VI, 1062). Въ Швеціи—въ прибрежной части—населеніе, утомленное войной, готово было до Ништадскаго мира и признать власть русскихъ (Malmström, 7).

Явленіе это повторилось въ 1808—1809 г.г. среди дворянъ, пасторовъ и горожанъ. Крестьяне не измѣняли.

514. Тамъ же; I, 171 и 179.

515. Ѳ. Веселаго, стр. 327; С. Соловьевъ, IV, стр. 518—519; Брикнеръ, 545—546.

516. Malmström ссылается Rådsprot 27 januari 1720. (Herrman, IV, 339), и (Carteret till Stanhope d. 8 déc. 1719).

517. Записки Вебера, Рус. Арх. IX, 1872 г., стр. 1671—1672.

518. Malmström; I, 188—189, 279.

519. Ѳ. Веселаго, стр. 335, 338—341, Malmström; I, 290.

520. Malmström; I, 324.

521. Веселаго, Ѳ; стр. 345.

522. Рус. Арх. 1903, VII, 381; Б.-Каменскій, Дѣяніе, II, 115—116.

523. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ч. IV, стр. 220. Сія обнадеживанія въ оригиналахъ хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ №№ 68 и 69.

Ратификація королевскаго Величества Свѣйскаго на трактатъ вѣчнаго мира, учиненной съ его царскимъ Величествомъ въ Нейштатѣ, со внесеніемъ всего онаго трактата въ листъ. Спб. 1721 г., стр. 24.

1721 Сентября 20: Послать изъ Военной Коллегіи въ Выборгъ къ бригадиру и оберъ коменданту Шувалову указъ, въ которомъ написать, ежели въ Выборгъ придутъ нынѣ одинъ или два корабля Шведскіе и ихъ пустить въ портъ. И во всемъ съ ними поступать какъ и съ прочими чужестранными кораблями поступлено и съ людьми на тѣхъ корабляхъ обрѣтающимися обходиться дружески, не чиня никакихъ противностей. (Дѣло Ар. Ком. В. Мин.—за кн. 8, № 269, стр. 328).

524. Atlas de Finlande.

525. Н. И. Вертоградскій, Нарвскій тріумфальный щитъ. СПБ. 1908 г.

526. Рус. Арх. 1872, VI, 1110.

527. Бантышъ-Каменскій, Біографія. Спб. 1840, ч. I, стр. 147. Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ. т. 85, стр. 327.

528. Проф. Берендтсъ. Государствен. Хозяйство Швеціи, I, 475.

529. Malmström; I, 341.

530. Проф. В. Ключевскій, IV, 63. Въ 1710 г. доходы Россіи равнялись 3.051.004 р.; дефицитъ былъ тогда 782.000 руб.; въ 1722 г. доходы выросли до 7.850.000 р.; въ 1725 г. достигли 10.186.000 р. (тогдашнихъ рублей).

Книга уставъ морской. На россійскомъ и голанскомъ языкахъ. О всемъ что касается доброму управленію, въ бытность флота на морѣ, печатанный повелѣніемъ Его Величества Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссійскаго. Въ Спб. 1724, марта въ 31 день. Изд. 2-е—1745 г.

При оцѣнкѣ реформъ Петра Великаго приняты во вниманіе мнѣнія всѣхъ извѣстныхъ русскихъ историковъ и писателей, какъ лагеря западниковъ, такъ и славянофиловъ.

531. Förh och Uppa. III, 1888, стр. 1294

532. В. Т. Судейкинъ, Рус. Вѣстн.

533. М. Богословскій, Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 г.г. М. 1902; стр. 36.

534. Л. Тихомировъ, Монарх. Госуд. ч. III, стр. 157.

535. Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформы, стр. 36. В. Ключевскій, IV, 61.

536. Полное собр. соч. Герцена, VI, 280.

537. Тамъ же, т. VI, 293.

538. Л. Тихомировъ. Монархич. Госуд. III, 106.

539. Н. Павловъ-Сильванскій, Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв., стр. 373—401. Проф. В. Ключевскій, IV; 336.

540. Костомаровъ, стр. 244—249; А. Пыпинъ, Вѣстн. Евр., май, 1880, стр. 327—328.

541. Изданіе общества любителей россійской словесности, редакція П. А. Безсонова.

542. Н. Энгельгардтъ, Сборн. «Недѣля»

X. Шведская Финляндія 1721—1741.

543. Эта глава составлена въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ по сочиненіямъ Ирье-Коскинена и М. Шюбергсона (Исторія Финляндіи).

ХРОНОЛОГІЯ.

1672 г.

Мая 30. Рожденіе Петра Великаго.

1696 г.

Октября 21. Московская Дума, сознавъ необходимость флота, постановила: «морскимъ судамъ быть».

1697—1698 г.

Первое путешествіе Петра I въ Западную Европу въ составѣ великаго посольства.

Находясь въ г. Вѣнѣ, Петръ I опредѣленно задумалъ напасть на Швецію.

Іюль—Августъ. Свиданіе между Петромъ I и Августомъ II въ Равѣ.

Ноября 11. Договоръ Петра I съ королемъ Августомъ II о союзныхъ дѣйствіяхъ противъ Швеціи.

1700 г.

Апрѣля 12 (н. ст.). Карлъ XII выѣхалъ изъ Стокгольма, чтобъ лично начальствовать надъ войсками.

Апрѣля 17. Великое посольство въ Швецію съ грамотою, подтверждающей соблюденіе Кардисскаго договора.

Августа 19. Объявленіе Петромъ I войны Швеціи.

Августъ. Мирный договоръ Швеціи съ Даніей въ Травендалѣ.

Сентября 9. Войска князя Трубецкого обложили Нарву.

Сентября 20. Открытіе бомбардированія Нарвы.

Ноября 18. Отъѣздъ Петра I изъ-подъ Нарвы въ Новгородъ.

Ноября 19. Сраженіе подъ Нарвой. Сдача русской арміи на капитуляцію.

1701 г.

Февраля 17. Свиданіе Петра I съ королемъ польскимъ Августомъ II въ Биржахъ (Ковенской губ.), возобновленіе союза противъ Швеціи.

Іюня 12. Неудачныя дѣйствія шведской эскадры адмирала Шёблада противъ Архангельска. Три шведскихъ судна въ устьѣ р. Сѣверной Двины близъ Новодвинской крѣпости были встрѣчены огнемъ батарей и десантомъ изъ 700 чел., посаженныхъ на корабли подъ командой полковника Животовскаго. Два шведскихъ судна потоплены.

Іюня 27. Карлъ XII во главѣ 25,000 арміи выступилъ въ походъ противъ союзной русско-саксонской арміи.

Декабря 29. Побѣда при Эрестферѣ фельдмаршала Шереметева надъ войсками генерала Шлиппенбаха.

1702 г.

Мая 15. Карлъ XII вступилъ съ войсками въ Варшаву.

Іюля 18. Побѣда русскихъ подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева надъ шведами при Гуммельсгофѣ. Совершенное пораженіе Шлиппенбаха и бѣгство его къ Пернау.

Августа 25. Сдача войскамъ фельдмаршала Шереметева крѣпости Маріенбурга.

Августа 27. Полковникъ Иванъ Тыртовъ атаковалъ на Ладожскомъ озерѣ гребными судами шведскую парусную эскадру вице-адмирала Нумерса, заставивъ Нумерса уйти въ финскій заливъ.

Сентября 2. Прибытіе къ крѣпости Нотебургу (Шлиссельбургу) войскъ фельдмаршала Шереметева.

Октября 11. Штурмъ крѣпости Нотебурга. Сдача его на капитуляцію.

1703 г.

Апрѣля 24. Обложеніе русскими войсками крѣпости Ніеншанца.

Апрѣля 30. Открытіе бомбардированія крѣпости Ніеншанца.

Мая 1. Сдача крѣпости Ніеншанца.

Мая 6. Петръ I съ поручикомъ Меншиковымъ на 30 лодкахъ въ устьѣ рѣки Невы взялъ двѣ шведскія бригантины.

Мая 14. Взятіе русскими крѣпости Ямбурга.

Съ верфи Лодейнаго поля спущены первыя суда Балтійскаго флота (6 фрегатовъ).

Мая 16. Заложеніе Петромъ I на островѣ Луст-Эйландѣ первыхъ основаній крѣпости, названной С.-Петербургомъ.

Мая 27. Сдача русскимъ крѣпости Копорья.

Іюля 9. Дѣло при Сестребскѣ (Сестрорѣцкѣ) между русскими подъ начальствомъ Петра I и шведскими войсками генерала Кроніорта. Отступленіе Кроніорта.

1704 г.

Января 14. Созванный Карломъ XII въ Варшавѣ сеймъ низложилъ Августа II и объявилъ междуцарствіе.

Февраля 27. Наступленіе отряда полковника Рене изъ Петербурга къ Выборгу. Отступленіе шведовъ и опустошеніе русскими шведскихъ селеній.

Мая 30. Обложеніе русскими войсками крѣпости Нарвы и Ивангорода.

Іюня 9. Обложеніе войсками фельдмаршала Шереметева Дерпта.

Іюля 10. Конный развѣдочный отрядъ, высланный изъ Петербурга къ Выборгу, сбивъ шведскіе аванъ-посты на Черной рѣчкѣ, наскочилъ у Бѣлоострова на шведскій корпусъ генерала Майделя и отступилъ съ урономъ.

Іюля 12. Штурмъ и занятіе Дерпта войсками фельдмаршала Шереметева.

Іюля 13. Двухдневное безуспѣшное бомбардированіе шведской эскадрой форта «Кроншлотъ».

Августа 9. Штурмъ крѣпости Нарвы и взятіе ея Петромъ I.

Августа 16. Сдача на капитуляцію Ивангородскаго замка.

1705 г.

Іюня 5, 6 и 10. Шведскій флотъ адмирала Анкерщерна производилъ безуспѣшное нападеніе на островъ Котлинъ.

Іюня 23. Занятіе шведскими войсками генерала Майделя Каменнаго острова у Петербурга, русскія войска генерала Брюса выбили шведовъ съ острова.

Іюля 15. Дѣло при Гемауертгофѣ (въ Курляндіи) между русскими войсками Фельдмаршала Шереметева и шведскими генерала Левенгаупта. Пораженіе фельдмарш. Шереметева.

Августа 15. Обложеніе войсками Петра 1-го Митавскаго замка.

Сентября 4. Капитуляція Митавы.

1706 г.

Сентября 1. Вторженіе Карла XII въ Саксонію и занятіе Шведами Лейпцига.

Сентября 24. Миръ Августа II съ Карломъ XII въ Альтранштадтѣ. Августъ II отрекся отъ Польскаго престола и отказался отъ союза съ Россіей.

Октября 4. Выступленіе Ингерманландской арміи Петра I изъ Петербурга для осады Выборга.

Октября 12. Обложеніе Выборга войсками Петра I. Того же числа пять русскихъ лодокъ сержанта Щепотева въ Выборгскомъ замкѣ завладѣли шведскимъ ботомъ.

Октября 14 и 19. Неудачныя вылазки Шведовъ изъ Выборга.

Октября 22—25. Бомбардированіе русскими Выборга.

Октября съ 26 на 27. Снятіе русскими осады Выборга.

1708 г.

Мая 6. Отправленіе отъ Котлина русскаго галернаго флота гр. Боциса въ финляндскія шхеры для разоренія шведскихъ земель.

Мая 19. Флотилія гр. Боциса прибыла въ Борго. Высаженный десантъ разбилъ шведскій отрядъ; русскіе, опустошивъ окрестности Борго и уничтоживъ 15 торговыхъ судовъ, отплыли безъ урона къ Кроншлоту.

Іюля 9 Сраженіе при Головчинѣ (Могилевск. губ.). Отступленіе русскихъ войскъ за Днѣпръ къ Могилеву.

Іюля 29. Дѣло при устьѣ р. Тосно между русскими войсками адмирала Апраксина и шведскими генерала Любекера. Отступленіе русскихъ.

Сентября 28. Сраженіе при д. Лѣсной (Могилевск. губ.) между русскими подъ начальствомъ Петра I-го и шведскимъ корпусомъ генерала Левенгаупта, шедшимъ изъ Лифляндіи. Разбитый русскими войсками Левенгауптъ отступилъ.

Октября 27. Присоединеніе 5000 казаковъ Гетмана Мазепы къ арміи Карла XII въ м. Горкахъ близъ Новгорода-Сѣверскаго.

1709 г.

Апрѣля 25. Начало упорной по защитѣ осады Полтавы, имѣвшей гарнизономъ 4000 солдатъ и 2500 вооруженныхъ жителей подъ общимъ начальствомъ Полковника Алексѣя Степановича Келена.

Іюня 27. Битва подъ Полтавой.

Іюня 30. Сдача при Переволочнѣ разбитой подъ Полтавой Шведской арміи (Ген. Левенгаупта).

1710 г.

Марта 21. Ингерманландскій осадной корпусъ Адмирала гр. Апраксина выступилъ изъ Кроншлота по льду Финскаго залива къ крѣпости Выборгу.

Марта 22. Прибытіе къ крѣпости Выборгу Адмирала гр. Апраксина, занятіе позиціи у дер. Хіетало и начало осадныхъ работъ.

Апрѣля 1. Открытіе бомбардированія крѣпости Выборга.

Апрѣля 12. Неудачная вылазка Выборгскаго гарнизона.

Апрѣля 30. Отплытіе отъ Котлина Петра I съ гребной эскадрой Боциса къ Выборгу.

Мая 9. Прибытіе подъ Выборгъ Петра I съ корабельнымъ и галернымъ флотами Вице-Адмирала Крейца.

Мая 10—14. Высадка у Выборга русскихъ войскъ, выгрузка артиллеріи, боевыхъ и жизненныхъ запасовъ.

Мая 15. Петръ I съ ластовымъ экипажемъ отплылъ обратно къ Кроншлоту, оставивъ Боциса съ галернымъ флотомъ для блокады Выборга съ моря и для содѣйствія сухопутной атакѣ.

Мая 16. Генералъ Берхгольцъ со своею дивизіей перешелъ на С.-Петербургскую сторону.

Мая 17. Приступлено къ постройкѣ 2-хъ батарей для брешированія Выборгскихъ крѣпостныхъ стѣнъ.

Іюня 1—6. Бомбардированіе Выборгской крѣпости.

Іюня 11. Прибытіе къ Выборгу Петра I.

Іюня 13. Сдача на капитуляцію гарнизона Выборга.

Іюня 14. Петръ I во главѣ своей гвардіи и прочихъ войскъ вошелъ въ крѣпость и занялъ ее.

Іюля 8. Обложеніе крѣпости Кексгольма русскимъ отрядомъ Генералъ-Маіора Бриса.

Іюля 15. Открытіе бомбардированія крѣпости Кексгольма.

Августа 9. Сдача на капитуляцію крѣпости Динамюнда.

Августа 14. Сдача на капитуляцію г. Пернова.

Сентября 8. Сдача на капитуляцію Кексгольма.

Сентября 12. Взятіе штурмомъ крѣпости Аренсбургъ, на остр. Эзель (Маіоромъ Орнгеймомъ).

1712 г.

Января 16. Приказъ Петра I отправить для диверсіи въ Финляндію полки дивизіи Алларта.

Августа 13. Русская эскадра Боциса скрытно отъ шведовъ переправляется черезъ Финскій заливъ.

Августа 15. Выступленіе Ингерманландскаго корпуса Адмирала Апраксина къ Выборгу для дѣйствій въ Финляндіи.

Августа 25. Занятіе Адмираломъ Апраксинымъ Веккелакса, покинутаго шведскимъ генераломъ Любекеромъ.

Августа 28. Занятіе Шведской позиціи на р. Суйдемъ; отступленіе Генерала Любекера къ Ярви-коски.

Августа 31. Адмиралъ Апраксинъ настигъ шведовъ на укрѣпленной позиціи за р. Аборфорсомъ, бомбардированіе непріятельской позиціи оказалось безуспѣшнымъ.

Сентября 3. Военный совѣтъ относительно военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. За недостаткомъ продовольствія рѣшено отступить къ Выборгу.

Сентября 8. Прибытіе Ингерманландскаго корпуса въ Веккелаксъ.

Сентября 14. Приходъ корпуса въ Выборгъ.

Сентября 25. Прибытіе корпуса въ Петербургъ и расположеніе на зимнія квартиры.

1713 г.

Января 31. Отрядъ генер. Глѣбова атаковалъ г. Фридрихштадтъ.

Апрѣля 26. Выходъ флота къ Гельсингфорсу, галернаго изъ Петербурга, корабельнаго (Адмирала Крюйса)—съ корпусомъ

войскъ Адмирала графа Апраксина отъ Котлина.

Мая 8. Присоединеніе эскадры Рейса въ Борго къ флоту Крюйса.

Мая 9. Развѣдка бригадиромъ Чернышевымъ и Полковникомъ Табухинымъ Гельсингфорскихъ укрѣпленій.

Мая 10. Высадка Адмирала гр. Апраксина при Гельсингфорсѣ и занятіе русскими войсками города; отступленіе шведскаго генерала Армфельда къ Борго.

Мая 11. Выступленіе галернаго флота изъ Гельсингфорса къ Борго; сожженіе Гельсингфорса.

Мая 14. Высадка Адмирала гр. Апраксина въ Борго и занятіе его русскими войсками; отступленіе шведовъ.

Мая 27. Прибытіе корпуса Адмирала гр. Апраксина къ острову Форсби (къ Гельсингфорсу).

Іюня съ 6 на 7. Боцисъ съ галерными судами атаковалъ на Гельсингфорскомъ рейдѣ суда эскадры Лиліе въ виду всего корабельнаго флота противника и уничтожилъ 5 судовъ.

Іюня 8. Прибытіе кн. Волконскаго въ Выборгъ для похода къ Гельсингфорсу и смотръ его отряда Петромъ I.

Іюля 6. Выступленіе адмирала гр. Апраксина изъ Форсби къ Гельсингфорсу.

Іюля 11. Русская эскадра вице-адмирала Крюйса, встрѣтивъ у острова Гогланда 3 шведскіе корабля командира Рааба, безуспѣшно гналась за ними.

Іюля 15. Занятіе русскими г. Гельсингфорса; отступленіе Лиліе къ Тверминде.

Августа 5. Прибытіе Петра I къ арміи Адмирала гр. Апраксина въ Гельсингфорсъ.

Августа 15. Выходъ къ Тверминде для движенія къ Або передового отряда Капитана Змаевича.

Августа 17. Выступленіе Петра I съ галернымъ отрядомъ гр. Боциса къ Або.

Августа 28. Вступленіе сухопутнаго отряда гр. Апраксина въ Або.

Сентября 5. Возвращеніе адмирала гр. Апраксина въ г. Гельсингфорсъ.

Сентября 14. Сосредоточіе у Гельсингфорса всей арміи Адмирала гр. Апраксина.

Сентября 20. Выступленіе изъ Гельсингфорса Адмирала гр. Апраксина къ Тавастгусу; отступленіе шведовъ къ р. Пелкина.

Октября 6. Сраженіе при Пелкине между русскимъ корпусомъ Адмирала гр. Апраксина и шведскимъ корпусомъ генерала Армфельта; отступленіе шведовъ.

Ноября 13. Прибытіе корпуса Адмирала гр. Апраксина къ Біернеборгу.

Ноября 29. Занятіе отрядомъ Генерала Брюса г. Крестинестада; отступленіе шведовъ къ Вазѣ.

Декабря 26. Возвращеніе Генерала Брюса къ Біернеборгу.

1714 г.

Января 26. Выступленіе корпуса кн. Голицына въ походъ изъ Біернеборга для наступленія къ Вазѣ.

Февраля 19. Побѣда у Лаппо, близъ Вазы, надъ шведскимъ корпусомъ генерала Армфельта; шведы разбиты на голову.

Февраля 23. Занятіе кн. Голицынымъ г. Вазы.

Февраля 28. Выступленіе изъ Кюро конной партіи бригадира Черцова для разоренія окрестностей г. Вазы.

Марта 4. Корпусъ кн. Голицына выступилъ изъ Вазы къ Біернеборгу.

Марта 19. Занятіе г. Або отрядами Генераловъ Бутурлина и Брюса.

Марта 23. Взятіе кн. Голицынымъ г. Вазы.

Мая 20. Выступленіе изъ Кроншлота флота: корабельнаго подъ предводительствомъ Петра къ Ревелю и галернаго Адмирала гр. Апраксина съ дессантнымъ корпусомъ къ Або для совмѣстнаго дѣйствія съ корпусомъ кн. Голицына у г. Вазы.

Іюня 11. Прибытіе галернаго флота на Гельсингфорскій рейдъ.

Іюня 20. Выступленіе галернаго флота изъ Гельсингфорса къ Гангуту.

Іюля 9. Пѣхота кн. Голицына прибыла къ Гангуту, гдѣ соединилась съ галернымъ флотомъ.

Іюля 20. Прибытіе Петра I къ галерному флоту Адмирала Апраксина къ Гангуту.

Іюля 27. Морской бой при Гангутѣ между флотомъ Петра I и шведскимъ адмирала Эреншельда, шведская эскадра досталась русскимъ.

Іюля 29. Сдача крѣпости Нейшлота на капитуляцію.

Августа 5. Отправленіе галернаго флота подъ предводительствомъ Петра I въ Аландскія шхеры для уничтоженія шведскихъ галерныхъ судовъ.

Августа 11. Занятіе русскими Аландскихъ острововъ.

Августа 14. Занятіе отрядомъ Генерала Брюса г. Таммерфорса.

Сентября 9. Прибытіе гр. Апраксина въ г. Вазу.

Сентября 24. Занятіе отрядомъ гр. Брюса Гамлекарлебю и Нюкарлебю.

Октября 28. Расположеніе войскъ Адмирала гр. Апраксина по квартирамъ въ окрестностяхъ Біернеборга и Або.

Въ Ноябрѣ .... Карлъ XII прибылъ изъ Турціи въ Стральзундъ.

1717 г.

Безплодные дипломатическіе переговоры.

1718 г.

Ноября 30 (Декабря 11). Во время осады шведскими войсками Норвежской крѣпости Фридрихсгама, Карлъ XII убитъ.

1719 г.

Мая 25. Высадка генерала Ласси на шведскій берегъ.

Августа 13. Дѣло при Стокгольмѣ; отрядъ кн. Барятинскаго атакованъ шведами; пораженіе и бѣгство противника.

1720 г.

Іюля 27. Морской бой при островѣ Гренгамѣ. Кн. Голицынъ нанесъ пораженіе эскадрѣ Адмирала Шёблата.

1721 г.

Сентября 10. Заключеніе Ништадтскаго мира со Швеціей.

1725 г.

Января 28. Кончина Петра Великаго.

При составленіи этой хронологіи пособіями служили: Матеріалы для исторіи русскаго флота. Извлеченія изъ журналовъ, СПБ. 1866 г. Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія. СПБ. 1871 г.—Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Т. I, СПБ. 1908 г. И др.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.